

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВЫХОДЕЦ Роман Сергеевич

**ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Научная специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант:

доктор политических наук, доцент
Панцеров Константин Арсеньевич

Санкт-Петербург
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1. Информационно-психологическая безопасность в системе международной безопасности</i>	32
§1.1. Теория информационного противоборства.....	33
§1.2. Предметные границы концепции информационно-психологического противоборства.....	53
§1.3. Политика в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности: международный опыт	73
<i>Глава 2. Теоретико-методологическая модель информационно-психологической безопасности</i>	106
§2.1. Мирозренческий компонент информационно-психологической безопасности	110
§2.2. Медийный компонент информационно-психологической безопасности	121
§2.3. Когнитивный компонент информационно-психологической безопасности	145
§2.4. Модель информационно-психологической безопасности.....	159
<i>Глава 3. Информационно-психологическая безопасность в контексте глобального технологического противоборства</i>	166
§3.1. Глобальное технологическое противоборство в ракурсе четвертой промышленной революции	167
§3.2. Современная мировая политика в области искусственного интеллекта.....	187
§3.3. Роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности	238
<i>Глава 4. Информационные доминанты</i>	255
§4.1. Теоретико-методологическое обоснование концепции информационных доминант.....	255
§4.2. Эмпирическое обоснование «Информационных доминант» как инструмента информационно-психологического противоборства	275
<i>Глава 5. Обеспечение информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ</i>	285

§5.1. Государственная политика стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности	285
5.1.1. Республика Армения	288
5.1.2. Республика Беларусь	297
5.1.3. Кыргызская Республика	309
5.1.4. Республика Казахстан	317
5.1.5. Республика Таджикистан	328
5.1.6. Российская Федерация	338
5.1.7. Сравнительный анализ государственной политики стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности.....	347
§5.2. Информационно-психологическая безопасность на уровне ОДКБ...	355
§5.3. Модель обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ	370
<i>Заключение</i>	388
<i>Литература</i>	401

Введение

Актуальность темы исследования. С момента своего появления информационные технологии, предназначенные для быстрого обмена, обработки и анализа данных оказывают значительное влияние на характер мировых процессов. И сегодня дискуссии о мировой политике и международных отношениях уже немислимы вне контекста становления в масштабах планеты информационного общества и все более набирающих темпы процессов цифровизации.

Вместе с тем современный этап информационной революции наравне с неоспоримыми преимуществами и благами, который он привносит в жизнь целых народов и отдельного человека, порождает и множество общемировых проблем политического, экономического, цивилизационного и геополитического характера. В современном мире продолжает возрастать опасность угрозы враждебного использования информационно-коммуникационных технологий, одной из доминирующих тенденций современных международных отношений становится целенаправленная фабрикация событий, а также использование манипулятивной информации для различного рода провокаций и нагнетания напряженности. Все более отчетливо проявляют себя угрозы, связанные со злонамеренным использованием переводных информационно-коммуникационных технологий, повышается доступность информационных систем и программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, с которым многие специалисты связывают качественные изменения в инструментах и методах информационных атак, мишенью которых теперь выступают мировоззренческие и духовно-нравственные основы жизни, системы формирования общественного мнения, и даже психика отдельного человека.

Это привело к существенному расширению концептуальных границ военных конфликтов, в которых информационная среда теперь признается самостоятельным измерением боевых действий, стиранию границ между

военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, а также возникновению новых форм и методов стратегической конкуренции на мировой арене.

Поэтому сегодня представляется очевидным, что для любого государства, которое стремится к суверенитету и надежному обеспечению своих национальных интересов, безусловным приоритетом выступает построение надежной системы безопасности в информационное среде. Однако для этого необходимо теоретическое осмысление реализация характера, инструментов и методов современного информационного противоборства, а также четкой и своевременной идентификации современных вызовов и угроз, исходящих от постоянно совершенствующихся информационных технологий. Поэтому в современном мире безусловным приоритетом политики любого государства является обеспечение защищенности национальных интересов в информационной сфере.

Сегодня концепции противоборства в информационной сфере занимают одно из центральных мест в стратегических документах многих государств и международных организаций. Информационное противоборство представляет собой особый элемент современного стратегического мышления, в котором информационное воздействие рассматривается в качестве средства расширения господства одного актора и снижения влияния противников.

Несмотря на то, что вопросам информационного противоборства уделяется сегодня повышенное внимание, как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. На сегодняшний день создано большое количество оригинальных авторских концепций, разработана методология научных исследований в данной области, однако все еще сохраняется терминологическая путаница. Нередко термины «информационное противоборство», «информационная война», «кибервойна», «информационно-психологическое противоборство» и т.д. употребляются в

качестве синонимов или же вовсе для придания тексту известной толики художественной метафоричности. Все это приводит к размытию предметных границ складывающихся сегодня самостоятельных направлений исследований, являющихся, как мы покажем далее в нашей работе, результатом дифференциации исходной теоретической концепции информационной войны, а также затрудняет научный анализ прикладных приоритетных вопросов государственной и международной политики и безопасности в информационной среде.

Сегодня на уровне научных исследований и официальных документов все более отчетливо проявляется тенденция, в соответствии с которой информационно-психологическая сфера рассматривается в качестве относительно самостоятельного пространства противоборства на международной арене. Этому во многом способствовали процессы глобальной цифровизации, а также широкое распространение и доступность инструментов эффективного воздействия на сознание миллионов людей. В последнее время Интернет настолько прочно вошел в жизнь, что для значительного количества людей он стал главным, а зачастую единственным источником получения информации. Социальные сети, мессенджеры в значительной мере заменили сегодня для большого количества населения традиционные средства массовой информации, а бурно развивающиеся на основе технологий искусственного интеллекта системы рекомендации контента многими экспертами признаются сегодня наиболее влиятельными технологиями, таящими в себе множество рисков, значительную часть которых человечеству еще только предстоит осознать.

Эти и многие другие факторы, на которые мы укажем в нашей работе, выступают причинами того, что информационно-психологическое противоборство, как предмет теоретических исследований, все отчетливее обретает свою уникальную специфику, обособляющую его в общем

пространстве теоретико-прикладных исследований противоборства в информационной среде.

Поэтому сегодня особую актуальность приобретает исследование специфики концепции информационно-психологического противоборства, определение его теоретических границ и определение перечня вопросов, формирующих его предмет. Этим аспектам посвящена значительная часть нашей работы, поскольку именно этого во многом зависит эффективность выработки научных основ и моделей обеспечения информационно-психологической безопасности.

Постсоветское пространство вот уже более тридцати лет является ареной стратегической конкуренции, на которой сталкиваются национальные интересы государств, финансово-экономических групп, ценностные и идеологические модели развития. Комплекс современных геополитических противоречий, ядром которого выступает борьба за природные ресурсы и лидерство в области высоких технологий, и все отчетливее проявляющийся в процессах декаплинга двух крупнейших экономик мира США и Китая, является объективным источником центробежных тенденций в интеграционных проектах, возникших на пространстве бывшего СССР. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. При этом и внешние силы, прежде всего коллективный Запад во главе с США, рассматривают усиление евразийской интеграции как угрозу своему доминирующему положению в мире. Поэтому зачастую сегодня постсоветские государства становятся объектом попыток установления внешнего влияния, являющегося частью комплексной политики сдерживания Китая и России.

Волна цветных революций, с тем или иным успехом прокатившаяся по постсоветскому пространству, в полной мере дала осознать политическому руководству государств всю важность обеспечения суверенитета в информационном пространстве и нейтрализации вызовов и угроз, связанных с деструктивным идеологическим и психологическим воздействием.

Современные условия глобальной конкуренции, резко обострившиеся после начала Специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 года, в совокупности с возможностями новейших информационных технологий по воздействию на общественное мнение, мировоззрение и поведение отдельного человека формируют целый пласт гибридных вызовов и угроз, значительная часть которых относится к информационно-психологической сфере и нацелена, в том числе, на подрыв многостороннего консенсуса в интеграционных проектах с участием России на евразийском пространстве.

Организация Договора о коллективной безопасности на сегодняшний день является единственным дееспособным инструментом обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве и ключевым элементом «евразийского пояса безопасности», объединяющего усилия действующих на постсоветском пространстве коалиционных структур.

В этой связи для России и ее союзников по ОДКБ особую актуальность приобретает создание единой системы обеспечения информационно-психологической безопасности, способной с одной стороны, надежно противостоять деструктивному идеологическому и психологическому воздействию, а с другой, эффективно формировать и продвигать позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность стран-участниц ОДКБ в современном мире.

Степень разработанности темы.

Тему научного исследования, связанного с разработкой вопросов, касающихся информационно-психологической безопасности, с полной уверенностью можно назвать в подлинном смысле междисциплинарной. Ее разработка требует охвата достаточно большого массива научной литературы, относящейся к сфере политической науки, теории

коммуникации, когнитивистики. В этом смысле дать более или менее полное описание степени разработанности конкретной темы исследования в области проблем информационно-психологической безопасности представляется отнюдь нетривиальной задачей. Поэтому при ее решении необходимо, прежде всего, ориентироваться на предмет и задачи авторского исследования.

В этой связи, раскрывая вопрос о степени разработанности темы обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности, следует выделить несколько блоков научной литературы.

Первый блок включает совокупность научных исследований, с которыми связано теоретическое становление концепции информационного противоборства. Здесь, в первую очередь необходимо отметить работы Э. Тоффлера, Т. Роны, Г. Саммерса, Р. Шафрански, М. Либицки, Дж. Аркиллы, Д. Ронфельдта, А. Цебровски, Дж. Гарстки, Р. Кларка¹. Среди российских исследователей следует выделить работы Л.Н. Кунаковой, А.А. Бартоша,

¹ Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.; Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.; Summers H.G. New World Strategy: A Military Policy for America's Future. Simon & Schuster, 1995. 270 p.; Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995.; Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defence University, 1995. 104 p.; Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.; Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.; Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future // Proceedings. 1998. Vol. 124.; Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. Ecco, 2011. 320 p.

А.С. Капто, Г.Г. Почепцова, И.Н. Панарина, С.П. Расторгуева, Ю.А. Королева².

Второй блок. Современная концепция информационно-психологического противоборства является, с одной стороны, результатом дифференциации теоретических исследований в области информационных войн, а с другой, во многом опирается на результаты научного осмысления использования психологических методов воздействия в военных конфликтах. В этом направлении следует указать на работы Дж. Фуллера, Э. Захариаса, Ф.С. Погью, Л. Фараго, П. Лайнбарджера³.

Кроме того, анализ вопросов современного информационно-психологического противоборства тесно связан с теоретическим осмыслением изменений характера военных конфликтов, стирания граней между военным и невоенными средствами противоборства, появления новых (информационного и когнитивного) измерения боевых действий, возникновением гибридных средств силового воздействия, роли деструктивного информационного воздействия, результатом чего, в конечном итоге, явилось окончательное обособление концепции информационно-психологического противоборства. Здесь следует выделить работы Э. Макк, У. Коэн, А.М. Ильницкого, Ф. дю Клузеля, А. Бернала,

² Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. N 6. С. 93-96.; Бартош А.А. Стратегии информационной войны // Национальная безопасность / Nota Bene. 2016. N 4 (45). С. 485-499; Капто А.С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. N 7. С. 616-625; Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000. 147 с.; Панарин И.Н. Информационная война и третий Рим. М., 2001. 244 с.; Расторгуев С.П. Информационная война. М., 1998. 222 с.; Королев Ю.А. Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2009. Т. 9. Вып. 3. С. 124-127.

³ Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914-1918 гг.. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 264 с.; Zacharias E.M. Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. New York: G.P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.; Погью Ф.С. Верховное командование. М.: Воениздат, 1959. 601 с.; Farago L. German psychological warfare. Committee for National Morale, 1941. 155 p.; Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p.

К. Картера, А.В. Манойло, А.Г. Караяни, Н.А. Цветковой, Дж. Маттиса, Ф. Хоффмана, Б. Блекмана, Ф. Каплана, И.Ф. Кефели, Н.А. Комлевой, Е.В. Соломатина, И.Н. Панарина.⁴

Третий блок включает в себя работы, посвященные исследованию специфики информационно-психологического противоборства в интернет-пространстве, анализу сетевых методов манипуляции и пропаганды, роли новых высоких технологий, прежде всего технологий искусственного интеллекта, в появлении новых методов деструктивного информационного воздействия, а также осмыслению методов и приемов обеспечения информационно-психологической безопасности. Исследованию данных аспектов посвящены работы А.Е. Конькова, К.А. Панцерова, А.А. Малькевича, С.А. Зелинского, А.Я. Касюка, А.В. Манойло, И.Ф. Кефели, К. Лангина, Д.В. Муна, В.В. Попета, М. Хоровитца, Н.А. Цветковой, М.А. Сизьмина, А. Уонлесса, Дж. Паммента, Дж. Гольдштейна,

⁴ Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. N 2. P.175-200; Cohen W.S. Report of the Quadrennial Defense Review; Ильницкий А.М. Ментальная война // Военная мысль. 2021. N 8. С. 19–33; Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. 45 p.; Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive Warfare. John Hopkins University. 2020. 45 p.; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. 496 с.; Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. N 1. С. 3-14.; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к диалоговой пропаганде // Международные процессы. 2015. Т. 13. N 3. С. 121-133; Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132. Issue: November. P. 18-19.; 63; Blechman B., Kaplan S. Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument, Washington, D.C.: Brookings Institution, 1978. 604 p.; Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб., 2017. 300 с.; Комлева Н.А. Война в информационно-идеологическом пространстве: проблемы тылового обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. N 4. С. 70-83; Соломатин Е.В. Социально-психологические основы информационно-психологического противоборства в гибридной войне // Гуманитарные проблемы военного дела. 2021. N1. С. 137-141; Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. N2. С. 60-65.

Я.В. Селянина, А.В. Балашова, К.Е. Вышегородцева, Д.П. Гавра, Е.Н.Пашенцева, Д.Ю. Базаркиной.⁵

Четвертый блок. Еще одна группа работ, имеющих принципиальное значение для заявленной нами темы исследования, посвящены изучению двух, казалось бы, самостоятельных вопросов, но имеющих тесную связь при

⁵ Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68; Панцеров К.А. Ментальные войны с применением технологий искусственного интеллекта: вызовы и угрозы для России // Вестник академии военных наук. 2021. N 3. С. 15-21; Малькевич А.А. Информационная война XXI века: фабрики фейков, центры силы и информационное ополчение // Российская школа связей с общественностью. 2022. N 5. С. 156-171; Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Скифия, 2018. 408 с.; Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С.22-34; Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. N 2. С. 37–45; Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. 228 с.; Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, not bots // Science. 8 March 2018; Мун Д.В., Попета В.В. «From fake to deepfake»: угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве // Культура: теория и практика. 2020. N 1; Horowitz M. C. et al. Artificial Intelligence and International Security // Center for a New American Security (CNAS). 2018. Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. N 2. С. 940-950; Сизьмин М.А. Информационная (информационно-психологическая) безопасность в структуре национальной безопасности (на примере США и России) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. N3. С. 28-32; Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // Journal of Information Warfare. Vol. 18. No. 3. Special Edition (Winter 2019). P. 1-14, Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss. // University of Oxford, 2021; Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект // США и Канада: Экономика, Политика, Культура. 2021. N 6. С. 52-70; Балашов А.В., Вышегородцев К.Е. и др. Обзор технологий выявления модифицированного контента класса DeepFake // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2022. Т. 18. N 3. С. 680-690; Гавра Д.П. Стратегические коммуникации и тексты стратегических коммуникаций: к теоретическому обоснованию категорий // Российская школа связей с общественностью. 2021. N 22. С. 10-30. Bazarkina D. Yu. Advanced Technologies Combating Terrorism in the EU: The Psychological Warfare Aspect // Proceedings of the 14th International Conference on Cyber Warfare and Security ICCWS 2019 Hosted By Stellenbosch University and the CSIR, South Africa, 28 February – 1 March 2019. Noëlle van der Waag-Cowling and Dr. Louise Leenen (eds.). Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. P. 23 – 29; Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security // Russia in Global Affairs. 2019. N1.; Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. ISIS Propaganda on the Internet, and Effective Counteraction // Journal of Political Marketing, 2021. 16 Jan.

осмыслении проблем обеспечения информационной безопасности, поскольку они формируют теоретико-методологический фундамент для анализа прикладных вопросов распространения и потребления информации. Речь идет о классических исследованиях в области массовых коммуникаций и когнитивной науки. К этой группе принадлежат работы М. Маккомбса, Д. Шоу, Д. Уивера, Д. Грабера, С. Айенгара, М. Питерса, Л. Фестингера, Д. Фрайа, С. Альтхауса, Д. Тьюксбери, Дж. Панскеппа, У. Кэннона, Дж. Парвици, А. Дамасио, Дж. Эдельмана, Ж.-П. Шанжэ.⁶

Пятый блок объединяет научные исследования, в фокусе которых находятся вопросы, относящиеся к сфере обеспечения информационно-психологической безопасности на евразийском пространстве, включая проекты с участием России, прежде всего, в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности. Здесь следует выделить работы К.Н. Лобанова, И.Ф. Кефели, Е.В. Петрищева, Д.Л. Цыбакова, М.В. Алекияна, М.Р. Тадевосяна, М.В. Погосьяна, А.А. Левицкой, З.А. Алымбаевой, А.К. Алимахунова, Р.М. Токсоналиевой, Г.Р. Ибрагимовой, Д.М. Салимовой, Ю.Э. Бегмуродова, Е.Л. Вартановой, О.Ю. Вихровой, Э.В. Самородовой,

⁶ McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. Issue 2. P. 58-67; Weaver D., Graber D.A. et al. Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.; Iyengar S., Peters M. et al. Experimental Demonstrations of the «Not-So-Minimal» Consequences of Television News Programs. // *American Political Science Review*. 1982. Vol. 76. P. 848-858; Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. 312 p.; Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986. P. 41-80.; Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the «New» News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of The New York Times // 2002. Vol. 29. P. 180-207; Panksepp J. Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions. New York, 1998. 466 p.; Cannon W.B. The wisdom of the body. W.W. Norton & Company, inc., 1932. 294 p.; Parvizi J., Damasio A. Consciousness and the Brainstem // *Cognition*. 2000. Vol. 79 (2001). P. 135-159.; Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания, М., 2018. 384 с.; Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, 1989. 346 p.; Changeux J-P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.

О.С. Макарова, В.А. Романовского, Р. Эламирян, Р. Болгова, А.В. Возженикова, Н.А. Комлевой, О.В. Заслонкиной, О.С. Киреевой.⁷

⁷ Лобанов К.Н. Информационно-психологическое противоборство в сфере региональной безопасности СНГ: идеологические и доктринальные основы // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Том 15. №2. С. 35-47; Кефели И.Ф. Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2 (20). С. 50-62; Петрищев Е.В. Информационно-психологическое противоборство в контексте региональной безопасности постсоветского пространства: содержание и основные этапы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 99-107; 512. Цыбаков Д.Л. Развитие международных политических коммуникаций в целях укрепления коллективной безопасности ОДКБ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 155-163; Алекаян М.В., Тадевосян М.Р. Информационные потоки Армении как важный фактор стратегии национальной безопасности // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 269-276; Погосян М.В. Роль информационной безопасности в экономической безопасности страны (на примере Республики Армения) // Science Innovations – 2022. Сборник статей Международной научно-практической конференции (31 октября 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 37-41; Левицкая А.А. Направления развития медиаобразования в Республике Беларусь (1992–2018) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 1. С. 98-104; Алымбаева З.А., Алимахунов А. Угрозы и вызовы информационной безопасности Кыргызстана // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. №2. С. 266-270; Токсоналиева Р.М. Нормативно-правовые основы обеспечения информационно-психологической безопасности Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 6. С. 88-91; Ибрагимова Г.Р. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. №1. С. 103-128; Салимов Д.М. Политическая цензура и сетевые СМИ в современном Таджикистане // Вопросы политологии. 2021. Том 11. Вып. 11. С. 3194-3203; Бегмуродов Ю.Э. О становлении когнитивной лингвистики в таджикском языкознании // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 4. С. 242-247; Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации. // Медиаскоп. 2021. Вып. 1.; Макаров О.С., Романовский В.А. Правовое регулирование обеспечения международной информационной безопасности на пространстве ОДКБ // Современные проблемы юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений. Сборник научных статей / под ред. С.Е. Чебурановой. Гродно, 2022. С. 317-320; Elamiryani R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 20.11.2019; Возжеников А.В. Современные приоритеты политики защиты информационного пространства ОДКБ // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 4(54). С. 139-141; Кефели И.Ф., Комлева Н.А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 54-60; Цыбаков Д.Л., Заслонкина О.В. Политика ОДКБ по защите информационно-психологической сферы коллективной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 136-144.; Киреева О.С. Проблема обеспечения информационной безопасности на евразийском пространстве (на примере ОДКБ) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. № 10. С. 158-162.

В целом, следует подчеркнуть, что степень разработанности темы обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности характеризуется наличием достаточного объема научных исследований для обоснования актуальности и теоретико-методологической преемственности заданного предмета научных изысканий, но при этом в последние годы в отечественной науке отсутствуют квалификационные научные работы уровня кандидата и доктора наук, предмет которых прямо связан с теоретико-прикладным анализом и обоснованием политических перспектив построения системы коллективной информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

Объект исследования – современное информационно-психологическое противоборство, понимаемое как сфера международных отношений, характеризующаяся деструктивным воздействием в информационной среде организованной или дискурсивной природы на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

Предмет исследования – специфические особенности политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – выявить специфику политики обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности, а также предложить научно обоснованную модель обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

Задачи исследования:

1. Провести анализ современных концепций информационного противоборства для обнаружения содержащихся в них теоретико-методологических предпосылок исследования целенаправленного воздействия на общественное мнение и индивидуальную психику в политических целях.

2. Определить предметные границы современной концепции информационно-психологического противоборства.

3. Провести анализ концептуальных основ современных подходов к обеспечению национальной и международной безопасности на предмет выявления в них информационно-психологических аспектов.

4. Сформулировать и теоретически обосновать понятие «информационно-психологическая безопасность», включающее мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты.

5. Теоретически обосновать мировоззренческий компонент информационно-психологической безопасности, содержание которого отражено в национальных приоритетах развития, зафиксированных в официальных документах.

6. Теоретически обосновать медийный компонент информационно-психологической безопасности, содержание которого фиксируется в системе «вызов-ответ», реализуемой на практике конкретными методами воздействия и противодействия в сфере производства и распространения информации.

7. Теоретически обосновать когнитивный компонент информационно-психологической безопасности, содержание которого фиксируется в системе «вызов-ответ», реализуемой на практике конкретными методами воздействия и противодействия в сфере потребления информации.

8. Сформулировать и теоретически обосновать авторскую модель информационно-психологической безопасности .

9. Определить технологические приоритеты обеспечения информационно-психологической безопасности в контексте Четвертой промышленной революции.

10. Провести анализ современной мировой политики в области развития технологий искусственного интеллекта.

11. Обосновать роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности.

12. Провести сравнительный анализ государственной политики стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности.

13. Выявить специфику политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

14. Дать теоретико-методологическое обоснование модели обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ.

Научная новизна исследования.

Во-первых, в исследовании сформулированы и теоретически обоснованы критерии выявления обособленного предмета современной концепции информационно-психологического противоборства в общей теории информационного противоборства, заключающиеся в определении специфики объекта и средств воздействия, лежащих в диапазонах информационная инфраструктура – индивидуальная психика и публичная дипломатия – боевые действия соответственно. На этой основе предложены авторские определения понятиям «информационно-психологическое противоборство» и «информационно-психологическая безопасность».

Во-вторых, разработана авторская теоретико-методологическая модель обеспечения информационно-психологической безопасности, включающая мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты.

В-третьих, введено понятие «информационная доминанта» в качестве одного из инструмента современного информационно-психологического

противоборства. Дано его теоретико-методологическое и эмпирическое обоснование.

В-четвертых, обоснована приоритетная роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности на современном этапе.

В-пятых, проведен системный анализ современной мировой политики в области развития технологий искусственного интеллекта, в результате которого выявлены современные «Большие пространства» политики в области искусственного интеллекта.

В-шестых, на основе комплексного сравнительного анализа выявлены специфические особенности политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности.

В-седьмых, предложено теоретико-методологическое обоснование разработанной модели обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость работы определяется обоснованием критериев выявления обособленного предмета современной концепции информационно-психологического противоборства в общей теории информационного противоборства, разработкой авторской теоретико-методологической модели обеспечения информационно-психологической безопасности, включающей мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты, обоснованием приоритетной роли технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности на современном этапе, выявлением специфических особенностей политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности, теоретико-методологическим обоснованием разработанной модели обеспечения

информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки специальных учебных курсов для студентов, обучающихся по всему спектру направлений политической науки и массовых коммуникаций, а также программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для различных социальных групп в странах-участницах ОДКБ.

Кроме того, полученные результаты работы ясно обозначили перспективные направления фундаментальных и прикладных исследований, связанных с изучением роли современных информационно-коммуникационных технологий в мировой политике и международных отношениях, особенностей массовых коммуникаций с применением интернет-технологий, специфики когнитивных аспектов восприятия человеком информации.

Практические результаты работы заключаются в том, что, во-первых, обозначенные в исследовании направления междисциплинарной конвергенции создают основу для синхронизации учебных планов и программ научных дисциплин в высших учебных заведениях. Например, на факультете международных отношений Санкт-Петербургского университета результаты исследования формируют научно-педагогическую платформу для более тесного взаимодействия преподавателей и студентов, обучающихся на магистерских программах «Связи с общественностью в сфере международных отношений» и «Искусственный интеллект и международная безопасность», в направлении профессиональной ориентации получаемых компетенций, синхронизации научно-исследовательской и грантовой деятельности.

Во-вторых, сформулированные выводы и результаты исследования могут быть использованы для выработки единой политики обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ и формирования концептуальной основы для гармонизации

национальных законодательств стран-участниц в этой области. В частности, полученные результаты лягут в основу предложений по формированию повестки дня предстоящих заседаний Экспертно-консультативного совета при Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности и уточнения основных направлений деятельности Секции по информационно-психологической безопасности ЕАЭС Экспертно-консультативного совета Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Методология и методы исследования. При проведении исследования для решения научных задач автор использовал как общенаучные, анализ, синтез, аналогия, индукция, эксперимент, так и специальные методы: системный анализ, контент-анализ, сравнительный анализ, критический дискурс-анализ, информационный подход, неофункциональный и структурно-функциональный подходы, анализ документов, методология критической геополитики.

Общенаучная методология использовалась для научного познания объекта и предмета исследования, построения теоретических обобщений и теоретической верификации выводов и результатов исследования. В группе общенаучных методов следует отдельно выделить применение экспериментального метода, который был положен в основу проведения эмпирического исследования для подтверждения и верификации предложенного понятия «информационная доминанта», как одного из инструментов современного информационно-психологического противоборства и обеспечения безопасности.

Метод системного анализа использован в исследовании для всестороннего изучения объекта исследования, выявления иерархии и внутренней взаимосвязи между компонентами информационно-психологической безопасности в системе вызов-ответ.

Методология критической геополитики была использована для определения места и роли информационно-психологического

противоборства и общей системе современного геополитического противоборства и стратегической конкуренции, в частности, влияния на мировую политику приоритетов научно-технологического развития, обоснования стратегических и инструментальных преимуществ некоторых государств и наднациональных структур, занимающих в настоящее время лидирующие позиции в области развития передовых информационно-коммуникационных технологий, в современном информационно-психологическом противоборстве.

Сравнительный анализ, контент-анализ, критический дискурс-анализа и анализ документов были положены в основу выявления обоснования информационно-психологических аспектов в национальной и международной политической практики обеспечения национальной и коллективной безопасности, выявления общих принципов и специфических особенностей национальной политики по противодействию деструктивному информационному воздействию стран-участниц ОДКБ.

Неофункциональный и структурно-функциональный подходы применены для выявления элементов обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности, их функций и структурной взаимосвязи на уровне ОДКБ, а также научного обоснования необходимости выработки единой политики и выстраивания системы коллективной информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ.

Положения, выносимые на защиту.

1. Концепция информационно-психологического противоборства, является областью междисциплинарных исследований, основанных на достижениях современной теории коммуникации, когнитивной науки и возможностях новейших информационных систем, используемых для достижения превосходства и/или противодействия целенаправленному воздействию в информационном пространстве.

Ее предмет включает в себя изучение систем и инструментов формирования общественного мнения, особенностей восприятия человеком информации, а также всего спектра воздействий на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий.

Обособленный предмет современной концепции информационно-психологического противоборства в общей теории информационного противоборства может быть описан с помощью теоретической схемы, включающей две оси (п.1.2, рисунок 1). Первая ось характеризует объект воздействия, на ее полюсах расположены «индивидуальная психика» и «информационная инфраструктура» с промежуточными делениями: «информационная повестка» (контроль над медийным пространством, доминирование определенного контента) и «программно-аппаратная среда» (программное обеспечение, комплектующие, поддержка, технические стандарты обработки данных). Вторая ось характеризует инструменты и характер воздействия. Полюсами этой оси выступают «публичная дипломатия» (деятельность иностранных СМИ, НКО, распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры т.д.) и «боевые действия» (состояние военного конфликта, с использованием летальных средств или же гибридного). Промежуточными делениями на данной оси выступают «информационные и психологические операции», проводимые под эгидой военного руководства, и «злонамеренное воздействие на социум» (целенаправленная пропаганда, распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, негативное воздействие на общественные ценности, систему образования и пр.).

2. Выявленная в процессе исследования тенденция по обособлению сферы, связанной с противодействием деструктивному информационно-психологическому воздействию, в системе концептуальных взглядов на обеспечение информационной безопасности носит объективный и общемировой характер. Это связано, прежде всего, с осознанием на

экспертном и официальном уровнях роли современных информационно-коммуникационных технологий в формировании вызовов и угроз национальной и коллективной безопасности, связанных с деструктивным идеологическим и психологическим воздействием в информационной среде, и необходимости выработки комплекса мер по их нейтрализации.

3. Информационно-психологическое противоборство – это сфера международных отношений, характеризующаяся деструктивным воздействием в информационной среде организованной или дискурсивной природы на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

Информационно-психологической безопасностью – состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде организованной или дискурсивной природы.

Теоретико-методологическая модель обеспечения информационно-психологической безопасности включает в себя мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты, содержание которых фиксируется в системе «вызов-ответ», реализуемой на практике конкретными методами воздействия и противодействия (п.2.5. таблица 1).

Мировоззренческий – фундаментальные ценности и принципы общественной жизни, общность идеологических устремлений и социокультурный опыт;

медийный – контроль над производством и распространением информации, противодействие деструктивному и злонамеренному информационному влиянию и пропаганде;

когнитивный – противодействие потреблению деструктивной информации путем использования достижений современных информационно-коммуникационных, социальных и когнитивных технологий.

4. Современные генеративные и рекомендательные системы на основе технологий искусственного интеллекта (ИИ) оказывают существенное влияние на характер информационно-психологического противоборства и обеспечения безопасности, а также во многом формируют их технологическую основу на современном этапе. Их доступность и широкое применение в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности имеет следующие проявления:

Мировоззренческий компонент: во-первых, развитие ИИ выступает в качестве необходимого элемента имиджевой политики, включающей ориентацию на инновации, прогресс и глобальные научно-технологические тренды; во-вторых, ИИ является необходимой технологией эффективного обеспечения информационной безопасности в контексте сохранения фундаментальных идеологических, ценностных и духовно-нравственных основ общества.

Медийный компонент: ИИ и машинное обучение обладают широкими возможностями по воздействию на формирование общественного мнения. Рекомендательные системы по подбору индивидуализированного контента в соответствии с предпочтениями пользователей способствуют формированию персонализированной информационной повестки и обеспечивают широкие возможности по манипулированию информацией. Генеративные модели существенно расширяют возможности по созданию убедительного манипулятивного контента.

Когнитивный компонент: ИИ в совокупности с бурным развитием нейротехнологий в последнее время вызвал к жизни комплекс проблем связанных с использованием уязвимостей человеческого мышления.

Воздействие современных информационных технологий на процесс потребления человеком информации, манипулирование ценностными установками и мотивами его поведения порождает целый спектр ранее неизвестных вызовов и угроз в области информационно-психологической безопасности.

5. Национальная политика в области развития технологий ИИ является фактором эффективного обеспечения информационно-психологической безопасности. На международном уровне идет процесс формирования двух больших пространств политики в области развития технологий ИИ:

первое объединяет страны ОЭСР с безусловным финансовым, технологическим и ценностно-нормативным доминированием США и ЕС;

второе пространство формируется вокруг Китая, в орбиту которого попадают страны, для которых сотрудничество с Западом осложняется ввиду широкого спектра международных противоречий, в их числе находится и Россия.

Тяготение многих стран ЕАЭС к китайскому пространству политики в области ИИ, в рамках общего усиления сопряжения ЕАЭС с проектом «Один пояс, один путь», в совокупности с тотальным превосходством Китая в области ИИ увеличивает риски усиления зависимости от импорта китайских высоких технологий, преодолеть которые возможно только с помощью сложения ресурсов и эффективной координации совместных усилий на уровне ЕАЭС. Поэтому для России имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ на уровне ЕАЭС, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала, технологического суверенитета и формированию технологической основы эффективного обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

6. На международном уровне существует неравенство возможностей различных субъектов оказывать влияние на процессы производства,

распространения и потребления информации на глобальном и национальном уровне. В этой связи одним из центральных вопросов в сфере информационно-психологической безопасности является вопрос о возможности эффективного ее обеспечения в условиях информационной открытости и преобладания контента противника в информационном пространстве.

«Информационная доминанта», понимаемая как основанная на эмоциях человека особая информационно-смысловая конструкция, способствующая селективному восприятию внешней информации, подкрепляемому внутренними стимулами организма и/или социокультурной среды, является эффективным средством обеспечения информационно-психологической безопасности.

7. Сравнительный анализ государственной политики стран-участниц ОДКБ (п. 5.1, таблица 6) в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности дал следующие результаты:

во-первых, страны-участницы ОДКБ в настоящее время находятся на разном уровне формирования нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения информационно-психологической безопасности;

во-вторых, в мировоззренческом компоненте общим знаменателем для всех стран являются следующие приоритеты развития: поддержка семьи и семейных ценностей, укрепление основ национальной культуры, рост экономики и доходов населения, инновационное развитие. При этом при выстраивании интегрального подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ следует учитывать, объективные социокультурные различия стран-участниц. Поэтому в мировоззренческом плане на наднациональном уровне наибольший интеграционный потенциал имеют приоритеты, связанные с ростом экономики, доходов граждан и инновационным развитием;

в-третьих, в медийном компоненте также наблюдаются существенные различия. В сфере политики государственного регулирования информационного контента подходы стран-участниц располагаются в диапазоне, на противоположных полюсах которого находятся наиболее мягкие подходы Республики Армения и наиболее многочисленные ограничения, принятые в Российской Федерации. При этом политика остальных стран в данной области тяготеет к российскому полюсу;

в-четвертых, в рамках когнитивного компонента информационно-психологической безопасности нами был обозначен единственный способ ее обеспечения, находящийся в пространстве публичной политики – программы медиаграмотности. Среди стран-участниц ОДКБ подходы к реализации подобных программ находятся в корреляции со степенью признания на официальном уровне приоритетности информационно-психологических вызовов, а также, по всей видимости, с имеющимся национальным научно-методическим потенциалом в данной сфере и финансовыми возможностями.

8. Современные условия глобальной конкуренции, резко обострившиеся после начала Специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 года, в совокупности с возможностями новейших информационных технологий по воздействию на общественное мнение, мировоззрение и поведение отдельного человека формируют целый пласт гибридных вызовов и угроз, значительная часть которых относится к информационно-психологической сфере и нацелена, в том числе, на подрыв многостороннего консенсуса в интеграционных проектах с участием России на евразийском пространстве. В этих условиях возрастает значение коллективных действий по защите общих интересов и приоритетов развития на уровне ОДКБ. Поэтому от России и ее союзников по ОДКБ требуется создание целостной системы коллективных действий, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту от целенаправленного злонамеренного влияния в информационной среде, а с другой, формирующих позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического

пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит максимально эффективно реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность в современном мире.

9. Модель коллективного обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ характеризуется следующими особенностями:

Мировоззренческий компонент. На сегодняшний день данная область, является одной из наиболее трудных с точки зрения практической реализации. Выработка и закрепление на официальном уровне коллективных мировоззренческих основ затрудняется объективными социокультурными различиями стран-участниц ОДКБ. Для выстраивания коллективной системы обеспечения информационно-психологической безопасности необходимо содержательное раскрытие мировоззренческих основ стратегического партнерства, которое в настоящее время отсутствует, что создает благоприятные условия для внешнего деструктивного информационного воздействия, апеллирующего, зачастую, к различным формам национализма. Поэтому для эффективного противодействия внешнему деструктивному информационному воздействию необходима общая мировоззренческая платформа, отражающая национальные интересы и приоритеты развития стран-участниц ОДКБ. Инновационные приоритеты, закрепленные в национальных стратегиях развития стран-участниц должны найти свое интегральное отражение в стратегических документах ОДКБ и в коллективной имиджевой политике, без которой выстроить эффективную систему обеспечения информационно-психологической безопасности будет крайне затруднительно.

Медийный компонент. Несмотря на многолетние усилия на уровне ОДКБ по выработке общих принципов гармонизации законодательств стран-участниц в вопросах формирования нормативно-правовой базы, касающейся обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ сохраняются

серьезные противоречия. Поэтому для построения эффективной системы коллективной информационно-психологической безопасности, требуется выработка единого понимания, какая именно информация способна нанести вред реализации национальных приоритетов развития с учетом современных вызовов глобальной конкуренции. Необходима разработка и принятие на уровне ОДКБ модельных законов, направленных на гармонизацию национальных законодательств стран-участниц в сфере контроля над производством и распространением информации.

Когнитивный компонент. Во всех странах-участницах ОДКБ уделяется внимание перспективным научным исследованиям и создан определенный задел в области развития технологий искусственного интеллекта. Имеющийся опыт необходимо обобщать и развивать в направлении решения задач обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности. С точки зрения ближайших перспектив коллективных действий безусловный приоритет принадлежит созданию и продвижению программ медиаграмотности. Данный вопрос обладает особой актуальностью в связи с тем, что некоторые страны-участницы ОДКБ в данной сфере находятся под существенным влиянием западных структур, которые активно продвигают в рамках масштабных просветительских проектов, прежде всего, в странах Центральной Азии свое видение принципов работы с информацией и анализа контента, что во многом способствует ориентации части населения на западные ценности и нормы, а также росту оппозиционных настроений. Поэтому на уровне ОДКБ в партнерстве с ВУЗами, национальными просветительскими организациями, такими как Российское общество Знание, необходима коллективная поддержка разработок, продвижения и внедрения образовательных программ, специальных образовательных курсов и учебных пособий в области медиаграмотности для различных социальных групп, вовлечения молодежи в процесс взаимного формирования положительного образа государств-членов ОДКБ.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов исследования подтверждается использованием современной научной методологии и экспериментальных данных, а также публикациями в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, в количестве, соответствующем предъявляемым требованиям.

Результаты исследования апробированы выступлениях и докладах автора на многочисленных научных конференциях разного уровня, среди которых Россия и мир в новое и новейшее время - из прошлого в будущее: XXV юбилейная ежегодная международная научная конференция. 02.03.19 – 23.03.19, Санкт-Петербург; VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире». 4.06.19 – 6.06.19, Москва; Четвертый международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность». 1.10.19 – 3.10.19, Санкт-Петербург; Международная конференция по естественным и гуманитарным наукам «Science SPbU – 2020». 22.12.20, Санкт-Петербург; VIII Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция с международным участием «Формирование престижа профессии инженера у современных школьников». 25.03.20, Санкт-Петербург; Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: VI Международный научный конгресс. 18.05.20 – 22.05.20, Москва; IV Международный образовательный форум «Алтай-Азия 2020: Евразийское образовательное пространство - новые вызовы и лучшие практики». 24.09.20 – 26.09.20, Барнаул, Алтайский край; Международная конференция по естественным и гуманитарным наукам «Science SPbU – 2020». 25.12.20 – 25.12.20, Санкт-Петербург; VII Международная научная конференция «Актуальные проблемы глобальных исследований: Глобальное развитие и «пределы роста» в XXI веке». 15.06.21 – 18.06.21, Москва; Пятый международный форум «Россия и Иberoамерика в

глобализирующемся мире: история и современность». 4.10.21 – 6.10.21, Санкт-Петербург; X Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция с международным участием «Формирование престижа профессии инженера у современных школьников». 24.03.22, Санкт-Петербург.

Также основные результаты исследования апробированы в процессе экспертной деятельности автора в рамках Экспертно-консультативного совета при Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности и Секции по информационно-психологической безопасности ЕАЭС Экспертно-консультативного совета Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Диссертационное исследование состоит из пяти глав, логически разделенных на шестнадцать параграфов, введения, заключения и списка литературы, включающего более пятисот источников на русском и иностранных языках.

Глава 1. Информационно-психологическая безопасность в системе международной безопасности

Современный этап информационной революции, связанный с глобальными процессами цифровизации и обретением информационными технологиями сквозного характера порождает множество общемировых проблем политического, экономического, цивилизационного и геополитического характера.⁸ Однако сегодня, к сожалению, можно констатировать, что появление информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), их использование в различных сферах деятельности не сделали мир безопасным и более комфортным для людей. С одной стороны, в современном мире знание, информация и новейшие информационные технологии становятся неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека, приобретают товарный статус и являются важным стратегическим ресурсом, а развитие национальной информационной инфраструктуры признается большей частью мирового сообщества наиболее важной стратегической целью государства. Вместе с тем, с другой стороны, широкое распространение и доступность передовых информационных технологий способствует существенному возрастанию рисков их злонамеренного использования, возникновению ранее неизвестных вызовов и угроз национальной и международной безопасности. При этом эффективность целенаправленного деструктивного информационного воздействия в настоящее время такова, что уже невозможно признать данный фактор несущественным. Современные методы манипуляции и пропаганды, постоянно совершенствующиеся технологии создания и мгновенного распространения фейковых новостей на многомиллионную аудиторию способствуют существенному расширению арсенала методов и средств гибридных конфликтов, вилонизации цифровых технологий, возникновению

⁸ Выходец Р.С. Эволюция парадигм геополитической науки в XX-XXI вв. // Геополитика и безопасность. 2015. N 4 (32). С. 52-58.

новых измерений международных конфликтов. Вот почему является крайне важным не только создавать в стране благоприятные условия для развития информационно-телекоммуникационного сектора, но и надежно обеспечить защищенность национальных интересов государства в информационной сфере.

Все это, как на теоретическом, так и на уровне политической практики, диктует острую необходимость в выработке научно обоснованных моделей и подходов к обеспечению национальной и коллективной безопасности в информационном пространстве.

§1.1. Теория информационного противоборства

В современном мире любому государству, если оно стремится проводить самостоятельную внешнюю политику и не стать жертвой очередной «цветной революции» следует выстроить систему обеспечения суверенитета и национальных интересов в информационной сфере. Однако выработка подобной стратегии не представляется возможным без теоретического осмысления характера современного информационного противоборства и четкого формулирования основных вызовов и угроз, которые исходят от постоянно совершенствующихся информационных технологий.

В этой связи настоящий раздел нашего исследования посвящен всестороннему изучению существующих в современном научном дискурсе подходов, описывающих информационное противоборство, ставшего сегодня доминирующим трендом, определяющим международную повестку дня. Основные результаты этого исследования были ранее опубликованы в специальной статье.⁹

⁹ Выходец Р.С., Панцеров К.А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 4 (42). С. 139-148.

Информационная война

В знаменитой работе Элвина и Хейди Тоффлеров «Война и антивоина» авторы разделили всю историю войн на три периода, соответствующих истории развития человеческой цивилизации: аграрный, промышленный и информационный¹⁰. По их мнению, технологической основой войн информационного периода будут служить совершенные системы связи, космические технологии, средства принятия решений и коммуникации в реальном времени.

Понятие «информационная война» впервые употребил американский ученый Томас Рона. В 1976 г. по заказу Министерства обороны США он подготовил для компании Boeing отчет с говорящим названием «Системы вооружения и информационная война». В этом отчете он высказал предположение, что информационная инфраструктура, которая уже в 1970-е гг. превратилась в один из ключевых элементов американской экономики, может стать легкой мишенью для потенциального противника¹¹.

За последние десятилетия в мире накоплен значительный опыт использования информационных технологий в военных целях, а также разработан и апробирован широкий спектр средств и методов оказания информационно-психологического воздействия. При этом обращает на себя внимание тот факт, что сама по себе концепция информационной войны зародилась не в научном дискурсе, а в отчете, который был подготовлен для крупной американской авиастроительной корпорации по заказу Министерства обороны США. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, убедительно свидетельствует о том значении, которое американское военное руководство придавало новым технологиям в преддверии начала тех грандиозных процессов, которые позднее прочно укрепятся в научном дискурсе под наименованием «цифровая революция».

¹⁰ Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.

¹¹ Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.

В 80-90-х гг. понятием «информационная война» активно оперировали американские военные эксперты, занимавшиеся разработкой и планированием различного рода военных операций, а также в контексте выработки нового видения и подходов к решению задач, стоящих перед Вооруженными силами США в условиях «холодной войны».¹² В дальнейшем термин активно использовался при анализе операции «Буря в пустыне» (Ирак, 1991 г.), где, пожалуй, впервые новые информационно-коммуникационные технологии получили масштабное применение для решения военных задач.

Информационные операции выступают одним из важных направлений в процессе подготовки и проведения информационных войн. Они предполагают проведение различного рода мероприятий, ориентированных на создание условий для принятия на территории объекта информационного воздействия выгодных для противника решений в военной, политической, экономической и иных областях. По мнению бывшего командующего ВМС США Стюарта Грина, «информационные операции включают в себя следующие элементы: радиоэлектронная борьба, операции в компьютерных сетях, психологические операции, военный обман и оперативная безопасность»¹³.

Первое использование термина «информационная война» в официальных государственных документах зафиксировано в директиве TS 3600.1 Министерства обороны США от 21 декабря 1992 года.¹⁴ Окончательное утверждение данного термина в официальном документообороте связано с именем генерала Генри Шелтона. Будучи председателем Объединенного комитета начальников штабов США в октябре

¹² Summers H.G. *New World Strategy: A Military Policy for America's Future*. Simon & Schuster, 1995. 270 p.

¹³ Green S. *Cognitive Warfare. The Augean Stables*. Joint Military Intelligence College. July 2008. P. 80. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (дата обращения: 29.10.2022)

¹⁴ Directive TS 3600.1. (December 21, 1992). Washington D.C.: U.S. Department of Defense. URL: <https://archive.org/details/14F0492Doc01DirectiveTS3600.1/page/n1> (дата обращения: 16.01.2023)

1998 года он представил «Объединенную доктрину информационных операций», в которой четко разграничивались понятия «информационная операция» и «информационная война».

Информационная операция – это действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем.

Информационная война – это комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника¹⁵.

Важно указать, что концепция информационных войн с момента своего зарождения фокусировалась на осмыслении возможностей и роли новых информационно-коммуникационных технологий в контексте традиционных военных конфликтов, описываемых в терминах силы. При этом сегодня уже вполне очевидно, что информационное противоборство отнюдь не ограничивается рамками военного конфликта и может осуществляться отдельно от военных действий. На первый план выдвинулись гуманитарные, экономические, нормативно-правовые аспекты информационного противоборства, что существенным образом расширяет границы не только практики информационного противостояния, но и теоретико-методологических подходов, направленных на осмысление данного феномена. По этому поводу Р. Шафрански указал, что информационную войну некорректно сводить к практике использования информационных

¹⁵ Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. United States Department of Defense, 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения: 16.01.2023)

технологий в ходе боевых действий, он отмечает следующее: «Информационную войну иногда ошибочно называют войной командования и контроля, или C2W. Целью C2W является использование физических и радиоэлектронных боевых атак против вражеских информационных систем, чтобы отделить вражеские силы от вражеского руководства. Теоретически информационная война на самом деле представляет собой гораздо больший набор действий, направленных на разум и волю противника.»¹⁶

На комплексный характер феномена информационной войны указывал и М. Либицки, выделив в своей работе¹⁷ ее основные формы:

1. война средств управления и контроля, связанная с использованием технических информационных средств в военном конфликте;
2. война на основе знаний, которая заключается в создании систем, обеспечивающих контроль над знаниями, а также средств противодействия им;
3. радиоэлектронная война;
4. психологическая война, где информация используется для оказания целенаправленного воздействия на сознание союзников, противников и нейтральных сторон;
5. «хакерская война», в которой объектом нападения выступают компьютерные системы противника;
6. экономико-информационная война, направленная на манипулирование движением информации в целях оказания воздействия на экономические процессы;
7. кибервойна – комбинация предыдущих шести форм.

Такой достаточно широкий взгляд на предметное поле концепции информационных войн явился причиной серьезных теоретико-

¹⁶ Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995. URL: <https://arielsheen.com/wp-content/uploads/2019/11/A-Theory-of-Information-Warfare.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

¹⁷ Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defence University, 1995. 104 p.

методологических трудностей для определения границ и четкой специфики информационных войн, а также научного использования данного понятия. На подобные трудности указывал и сам Либицки, он пишет: «Те, кто дают слишком широкое определение, не могут выделить существенные особенности этого понятия («информационная война» - *примеч. автора*), а те, кто выводят на первый план какой-то отдельный аспект информационной войны, слишком завышают его значение»¹⁸. Отечественный исследователь Л.Н. Кунакова проанализировала целый ряд концепций отечественных авторов в период, когда феномен информационной войны являлся объектом пристального внимания со стороны научного сообщества, и выделила ряд подходов к его трактовке, акцентирующих внимание на различных аспектах: психологический подход (способы воздействия на внутренний мир человека, вызывающие изменения на ментальном уровне, что позволяет манипулировать его поведением), социально-коммуникативный подход (механизмы взаимодействий между субъектами информационного противоборства), геополитический подход (достижения политических и экономических целей в мирный период с использованием информационного воздействия), конфликтологический подход (значение и роль информации в достижении доминирующих позиций на международной арене), системный подход (исследование информационной войны с учетом тесной взаимосвязи ее отдельных элементов и тактик в рамках наступательных стратегий)¹⁹.

Комплексный и многоаспектный характер термина «информационная война», сложившийся в результате научного осмысления данного феномена во многом определяет сложности с его применением. Сегодня корректность термина «информационная война» достаточно спорна и в большей степени его использование характерно для публицистического дискурса. Многие

¹⁸ Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defence University, 1995. P. 14.

¹⁹ Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. N 6. С. 93-96.

исследователи предпочитают данному понятию термин «информационное противоборство», акцентирующий внимание не на объектах и средствах воздействия, а скорее на соответствующем физическом измерении конфликта.

Факт того, что в современных условиях информационная война возможна без непосредственных военных действий, при этом современные военные действия уже невозможны без противоборства в информационной сфере, в теоретическом смысле потребовал уточнения предметных границ концепции информационной войны, что послужило толчком к ее дифференциации и уточнения в рамках ряда авторских концепций противоборства в информационной сфере.

Сетевая война

Разработка концепции сетевых войн связана с именами Джона Аркилла и Дэвида Ронфельдта. В своей совместной работе “The Advent of Netwar”²⁰, опубликованной в 1996 г., американские военные аналитики сосредоточились на разработке нового подхода к организации военной сферы и ведения боевых действий, учитывающего изменения, вызванные информационной революцией. Предложенный авторами термин «сетевая война» фокусировал внимание на роли новых информационных технологий на организацию и управление в современных военных конфликтах, в которых на первый план выдвигаются малочисленные группы, объединенные на основе сетевого, а не иерархического принципа. В отличие от традиционных военных конфликтов, нацеленных на физическое уничтожение противника и его критической инфраструктуры, сетевые войны, прежде всего, направлены на разрыв коммуникаций и связи в войсках противника и его гражданской сфере²¹. Сетевой подход предполагает, что все элементы сети, обладая определенной автономностью, оказываются

²⁰ Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.

²¹ Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena’s Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.

связанными системой взаимодействий, построенной на основе новейших информационных технологий, что позволяет им действовать слажено и скоординировано, находясь даже на значительном расстоянии друг от друга.

В качестве элементов такой сети выступают не только отдельные подразделения регулярных войск, но также различного рода повстанческие, партизанские, террористические подразделения и группировки, ведущие подрывную деятельность в отношении противника. Поэтому в современных конфликтах на первый план выходят управление и контроль над сетью, позволяющие добиться доминирования и превосходства в сетевой войне.

Дальнейшее развитие идеи Дж. Аркилла и Д. Ронфельдта получили в работах многих исследователей проблем влияния информационной революции на военно-политические конфликты и военных теоретиков. В частности адмирал вооруженных сил США Уильям Оуэнс обосновал необходимость использования новейших информационных технологий в реорганизации военной стратегии на новом уровне, который объединяет данные разного рода информационных датчиков, включая космическое слежение, а также осуществление силовых операций, направленных на достижение превосходства над противником, основанного на полном господстве в информационной области²².

Следует подчеркнуть, что концепцию сетевой войны, выдвинувшую на первый план сетевую форму организации, военная эффективность которой достигается благодаря использованию современных информационных технологий и средств связи, стали активно использовать не только регулярные вооруженные силы государства, но и негосударственные акторы.

Сами Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт указывали на то, что именно негосударственные акторы способны создавать сложные многоуровневые сети, включающие большое количество подсетей. Поэтому сетевой принцип организации характерен для различного рода партизанских, повстанческих

²² Owens W., Offley E. *Lifting the Fog of War*. 2001. Johns Hopkins University Press. 296 p.

организаций, а также для управления и координации действий при гражданских мятежах.

В 60-х гг. XX века К. Шмитт на основе глубокого анализа феномена партизанского движения, выявил его основные черты, среди которых нерегулярность, повышенная мобильность, высокая политическая ангажированность²³. При этом указанные признаки одинаково соответствуют как партизанским вооруженным формированиям, действующим на поле боя, так и гражданским мятежным движениям. С точки зрения концепции сетевых войн, обозначенный Шмиттом стохастический характер социальной организации партизанский движений преодолевается многоуровневой сетевой структурой управления, функционирующей на основе современных информационно-коммуникационных технологий. В этом смысле весьма показательны выводы многих специалистов из анализа технологической основы координации усилий граждан в ходе, так называемых, «цветных революций», получивших в последствии весьма красноречивое наименование «твиттер-революций». Как указывает А.Е. Коньков, для массовых протестных движений периода 2000-2010-х годов была характерна мобилизация против власти через неподконтрольные государству социальные сети, что способствовало расширению такого рода явлений на прежде весьма равнодушные к прямой демократии регионы: Северную Африку и Ближний Восток²⁴.

В целом концепция сетевых войн поместила в фокус своего внимания, прежде всего, принципы организации акторов сети на основе информационных технологий и оказала существенное влияние на осмысление характера и методов ведения военно-политических конфликтов в информационную эпоху и послужила основой для дальнейших исследований

²³ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007. 301 с.

²⁴ Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 50.

в этой области, а также разработки национальных и международных доктрин и стратегий.

Сетецентрическая война

Разработка концепции сетецентрических войн приходится на конец 90-х начало 2000-х гг. и осуществлялась в основном усилиями военных экспертов США. В этот период в уставе сухопутных войск американской армии принцип управления войсками “Command and Control” (C2) связывался с применением набора средств и процессов, использующих человеческие, физические и информационные ресурсы, объединенных в единую систему. Это предполагало интеграцию стратегического и оперативного командования войсками, боевых и разведывательных средств в единую систему. При этом существенно возрастает значение горизонтальных коммуникаций на основе новых информационных технологий между армейскими подразделениями, объединяющими различные рода войск, разведку, силы психологических операций, радиоэлектронной борьбы и связи. В соответствии с новым видением военные подразделения не рассматривались как совокупность техники, личного состава и структур управления, а представлялись в качестве единой сети, в которой повышалась самостоятельность боевых единиц, а принятие ряда решений делегировалось на низовой уровень. Это обеспечивало существенное снижение потерь времени на передачу информации и, следовательно, повышение скорости принятия решений в быстро меняющейся обстановке. В Вооруженных силах США данный подход начал развиваться с 1993 года, основой которого стала программа The Enhanced Integrated Soldier System (TEISS), предусматривающая создание индивидуального вооружения и экипировки бойца для действий на поле боя. Предполагалось, что внедрение таких систем индивидуального вооружения и экипировки приведет к стиранию

границ между родами войск и позволит интегрировать живую силу с оружием, боевым управлением и позиционированием на сетевом принципе²⁵.

Ведущую роль в теоретическом обосновании нового сетевого принципа организации и управления войсками сыграли работы Артура Цебровски и Джона Гарстки, за которыми закрепилось авторство концепции сетецентрических войн. В своем совместном исследовании²⁶ они указали на две ключевые особенности новых войн: быстрота управления и самосинхронизация. Первая создает основу для достижения информационного превосходства над противником и направлена на лишение его возможности осуществлять системные и скоординированные действия. Вторая обеспечивает способность военной структуры к самоорганизации снизу, что кардинально отличает сетецентрическую организацию, от классической модели, основанной на принципе иерархичности и централизации. Эти нововведения призваны были обеспечить каждому подразделению доступ к информации о текущей обстановке на поле боя, местоположении других подразделений и маневрах противника, что в существенной мере повышало скорость и внезапность действий.

Автор концепции сетецентрических войн выделили три основные подсистемы новой модели организации войсковых действий: информационную, боевую и сенсорную. Боевая включает в себя силы и средства поражения, сенсорная – средства разведки, а информационная подсистема обеспечивает взаимодействие в целом внутри системы на основе повышения скорости передачи приказов, синхронизации действий на поле боя, оперативного получения данных о местоположении целей и повышения тактической стабильности. Важную роль в концепции сетецентрических войн играют специальные информационные операции: радиоэлектронная борьба,

²⁵ DTIC ADA361418: The Enhanced, Integrated Soldier System on Janus (Army). 1993. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA361418 (дата обращения: 15.01.2023).

²⁶ Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future. // Proceedings. 1998. Vol. 124. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 23.10.2022)

подавление средств связи и управления противника, кибератаки на информационные системы, пропаганда и контрпропаганда.²⁷

Концепция сетецентрических войн, прежде всего, акцентирует внимание на прикладных вопросах организации и управления войсками в новых условиях, придавая существенное значение информационной среде, как основе для эффективной коммуникации между подразделениями.

Кибервойна

Концепция кибервойны концентрируется на теоретическом осмыслении использования компьютеров и сети Интернет для нанесения ущерба противнику, а также выработке механизмов защиты от угроз в киберпространстве и противодействию кибератакам, которые включают в себя финансовые преступления и шпионаж против человека, организаций и государства (киберпреступность), действия негосударственных акторов направленные на взлом компьютерных систем критически важных объектов, государственных органов, транспорта и т. д. (кибертерроризм), использование киберпространства против вооруженных сил противника, инфраструктуры и гражданского населения (кибервойна).

Один из видных теоретиков в области безопасности Ричард Кларк определил кибервойну как действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения.²⁸ По мнению А. С. Капто, кибервойну следует рассматривать в качестве одного из новых видов войны, основанного на современных технологиях. Это не самостоятельный вид противоборства, кибервойна всегда является составной частью информационной войны, и в целом выступает элементом

²⁷ Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания «холодной войны». СПб.: Наука, 2009. С.97-98

²⁸ Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. Ecco, 2011. 320 p.

полномасштабной военной кампании, включающей как недавно возникшие, так и более привычные способы борьбы.²⁹

Следует подчеркнуть, что многие западные эксперты рассматривают кибервойну, как современную форму асимметричного конфликта. Сам термин «асимметричный конфликт» в 1975 г. ввел в научный оборот и обосновал Э. Макк на основе анализа результатов Вьетнамской войны. По его мнению, что военное и политическое руководство США в те годы ошибочно рассматривали силу исключительно с точки зрения доминирования в военной сфере. Концентрация усилий на достижении военных побед, оставляя без внимания обеспечение поддержки местного населения привело к тому, что «местные националистические силы достигли целей борьбы в вооруженном столкновении с индустриальной державой, обладающей тотальным превосходством в военной силе.»³⁰ На этой основе впоследствии сложилось понимание того, что в условиях полного военного превосходства одной стороны конфликта над другой, более слабая в военном отношении сторона может прибегнуть к использованию неконвенциональных сил и средств для нанесения ощутимого ущерба противнику. Бывший министр обороны США У. Коэн по этому поводу заметил: «Превосходство США в конвенциональной военной силе может подталкивать к применению асимметричных средств ... Стратегически противник может стремиться избегать прямой военной конфронтации с США и вместо этого использовать такие средства, как терроризм.»³¹

Современные информационные условия дополняют специфическим содержанием асимметрию в конфликтах. Сторона, серьезно уступающая в военной силе, может успешно достигать политических целей, проводя

²⁹ Капто А.С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. N 7. С. 616.

³⁰ Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. N 2. P.175.

³¹ Cohen W.S. Report of the Quadrennial Defense Review. URL: https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2009/QDR1997_051997.pdf (дата обращения: 16.01.2023)

специальные операции в информационной среде, обеспечивающие мобилизацию союзников, эффективную пропаганду и контрпропаганду среди населения и войск, нанося ущерб информационной инфраструктуре на поле боя и в тылу противника.

В настоящее время обеспечение безопасности в киберпространстве включено в систему национальных интересов практически любого государства, а выработка эффективных средств противодействия киберугрозам выступает предметом многочисленных доктрин, стратегий и международных соглашений.

Ментальная война

Концепцию ментальных войн в последние годы активно разрабатывает российский исследователь и военный эксперт А. М. Ильницкий. Автор отталкивается от признания того, что в настоящее время происходит совмещение инструментов войны и соперничества мирного времени, что определяет радикальные изменения в системе вызовов и угроз, определяющих характер и формы межгосударственного противоборства. Это приводит к возникновению войны нового типа, главной целью которой выступает уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника. Сам термин «ментальная война» в научный и общественно-политический дискурс введен Ильницким в марте 2021 г. По мнению автора, ментальная война относится к новому типу войн и направлена на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника. В отличие от кибервойн и прямых информационных операций, ментальная война направлена и реализуется с учетом фактически

формирующегося «мира постправды», когда людей отучают от критического мышления, от стремления к познанию истины.³²

В структуре ментальной войны выделяются специфические цели, этапы и технологии.

Стратегические цели (реализация в течение 10-15 лет): Перегрузка исторического самосознания, системы образования и воспитания, а значит, базовых смыслов и целей общества, т. е. идеологии, в том числе переписывание (обнуление) истории, разрушение традиций, укладов, веры (религии) и базовых ценностей.

Оперативные цели (реализация в течение 3-5 лет): атаки на сложившийся стиль жизни, вытеснение существующих норм поведения, делигитимация власти, раскол общества.

Этапы: первый – информационно-идеологическое воздействие, второй – социальные технологии манипулирования обществом.

Технология реализации включает информационную и психоэмоциональную составляющие, в которых активную роль играют технологии искусственного интеллекта. В рамках первой противник осуществляет переформатирование информационного поля: знаний, фактов и сведений, что, безусловно, является серьезной угрозой национальной безопасности. Психоэмоциональная составляющая, прежде всего, заключается в навязывании своей воли противнику и представляет не меньшую угрозу, поскольку направлена на захват и манипуляцию сознанием, управление настроениями и эмоциями, когда объекту воздействия настойчиво и непрерывно внушаются нужные настроения, оценки, мнения о, и это принимается людьми неосознанно, как данность без понимания сути.³³

³² Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. N 1 (51). URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (дата обращения: 16.01.2023)

³³ Ильницкий А.М. Ментальная война // Военная мысль. 2021. N 8. С. 26.

В своей сути концепция ментальной войны апеллирует к классическим концепциям межцивилизационного противоборства, отталкивающихся от фундаментальных модернистских представлений об универсальном, однонаправленном векторе общественного прогресса, лежащего в основе давления Запада на остальные цивилизации, которое проявляется в «навязывании» западных моделей развития остальному человечеству. При этом ключевой идеей концепции ментальной войны выступает умысел и целенаправленные действия по негативному влиянию и изменению сознания населения противника. По этому поводу Ильницкий пишет: «ментальная война — это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на «оккупацию» сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, «стирания» национальной идентичности народа».³⁴ Именно этот аспект концепции определяет некоторые теоретические трудности в четком очерчивании феномена ментальной войны и выделении его из предметного поля современного информационного противоборства. Идентификация наличия принятого политического решения по «оккупации» сознания противника осложняется либо секретностью документов, в которых подобное решение могло бы быть закреплено, либо же оценочными суждениями и трактовкой исследователя фактов естественной конкуренции между государствами, продвижения национальных интересов, реализации инструментов мягкой силы в информационном пространстве и межкультурной коммуникации.

Когнитивная война

Формирование концепции когнитивной войны связано с исследованиями новых форм ведения войны, проводимых экспертами и

³⁴ Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. N 4. С. 28.

аналитиками НАТО. Наиболее известной аналитической работой в этой области является исследование “Cognitive Warfare”, проведенное в 2020 г. Франсуа дю Клузелем, экспертом Innovation Hub, при финансовой поддержке Allied Command Transformation, организации входящий в структуру командования НАТО. Осмысление феномена когнитивной войны опирается на признание человеческой психики и разума в качестве новой шестой сферы ведения войны наряду с воздушной, наземной, морской, космической и кибернетической.

Ключевым принципом когнитивной войны выступает, так называемый, «взлом личности», суть которого состоит в использовании современных информационных и когнитивных технологий для глубокого понимания человеческой психики, особенностей восприятия информации и достаточно точного прогнозирования поведения человека, что открывает широкие возможности для манипуляции сознанием и действиями людей в беспрецедентных и сложных масштабах.³⁵ В этом смысле с точки зрения целей и инструментов когнитивная война имеет много общего с пропагандой. Жак Элюль в своей классической работе определил пропаганду как «набор методов, используемых организованной группой, которая хочет добиться активного или пассивного участия в своих действиях массы индивидов, объединенных и организованных посредством психологических манипуляций.»³⁶ Элюль понимает пропаганду достаточно широко, выводя ее за рамки психологических операций направленных на население и войска противника в период военных действий. Данная трактовка предполагает относительную автономность информационно-психологической сферы как пространства для достижения политических целей, в которой могут использоваться как специальные информационно-психологические операции, подготовленные специальными службами, так и инструменты мягкой силы.

³⁵ Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. P. 7.

³⁶ Elull J. Propaganda. The Formation of Men`s Attitudes. New York: Vintage Books, 1965. P. 61.

Когнитивная война так же имеет целью влияние на отношение и поведение, заставляя людей занять нужную позицию, заключающуюся в выполнении или же в прекращении определенных действий.

Развивая эту мысль, но уже применительно к современному уровню развития науки и техники, Ф. Ключель ставит вопрос об использовании в целях когнитивной войны (либо в дополнение к боевым действиям, либо самостоятельно) новых областей знаний, таких как поведенческая экономика, наука о мозге и нейротехнологии (NeuroS/T), наука о больших данных, киберпсихология. Сегодня крупные компании разработали новые методы сбора данных, позволяющие делать выводы о личной информации, которые стали основой для прогнозирования потребительского поведения. Например, цифровая модель, созданная специалистами Cambridge Analytica, показала, как объединить личные данные с машинным обучением в политических целях путем профилирования отдельных избирателей, чтобы нацелить их на персонализированную политическую рекламу. Начиная с 2013 г. некоторые страны реализуют крупномасштабные проекты по исследованию человеческого мозга,³⁷ использование результатов которых в военных и разведывательных целях вполне реально, что ставит новые проблемы в области обеспечения национальной безопасности, форм и средств военных конфликтов. Кроме того Ключель подчеркивает, что помимо военных целей основным объектом когнитивной войны выступает общественное доверие (доверие к общественным и политическим институтам, доверие к избирательному процессу, конкретным политикам, социальным ценностям и нормам). В этом важную роль играют способы манипулирования информацией и сознанием, а человек выступает одновременно и объектом, и оружием когнитивной войны. Ключель подчеркивает, что «демократизация автоматизированных инструментов и методов с использованием ИИ, которые

³⁷ Vykhodets R. S., Shlyapnikov V. V. The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies // Archivos Venezolanos De Farmacología Y Terapéutica. 2022. Vol. 41. No. 2. P. 79–84.

больше не требуют технологического образования, позволяет любому искажать информацию и еще больше подрывать доверие к открытым обществам. Использование фейковых новостей, дипфейков, троянских коней и цифровых аватаров создаст новые подозрения, которыми может воспользоваться каждый³⁸.

Таким образом, концепция когнитивной войны привносит на поле боя современных конфликтов дополнительное измерение: к физическим и информационным измерениям теперь добавляется когнитивное измерение. В мире, пронизанном технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых возможностей, чем это могут сделать физические и информационные измерения. По мнению экспертов из университета Джона Хопкинса, когнитивная война преследует две отдельные, но дополняющие друг друга цели: дестабилизацию и влияние, а ее объектами могут выступать как целые общества, так и отдельные лидеры в политике, экономике, религии и науке.³⁹

Основная цель концентрируется на установлении контроля над людьми (гражданскими и военными), организациями, а также над идеями, психологией и поведением людей. Применение современных технологий и достижений когнитивной науки в военных целях позволяет значительно расширить границы традиционных конфликтов и добиться результатов с меньшими затратами.

В заключение аналитического обзора современных концепций информационного противоборства сделаем два предварительных вывода, имеющих принципиальное значение для нашего исследования и дальнейших рассуждений.

Во-первых, исходная концепция информационной войны, сформулированная в 70-80-х гг. XX века, изначально включавшая в себя

³⁸ Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. P. 8.

³⁹ Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive Warfare. John Hopkins University. 2020. P. 11.

наиболее общие представления о противоборстве и конфликтах в информационной среде со временем дифференцировалась, а отдельные аспекты ее предметной области развивались и уточнялись в рамках рассмотренных выше концепций. Поэтому в нашем исследовании мы не будем использовать термин «информационная война», поскольку на сегодняшний день его эпистемологический потенциал практически иссяк и его применение характерно, по большей мере, для публицистического дискурса.

Во-вторых, практически во всех рассмотренных концепциях за исключением, пожалуй, только концепции сетецентрической войны, информационно-психологическая сфера рассматривается в качестве относительно самостоятельного пространства противоборства. Идет ли речь о сопровождающих военные действия специальных информационно-психологических операциях или же о спланированных атаках и планомерном негативном воздействии на общественное мнение и психику отдельного человека, использовании современных информационных технологий для манипуляции сознанием человека его эмоциями и поведением, формировании необходимой информационной повестки дня, информационно-психологическое воздействие сегодня выступает автономным и достаточно эффективным инструментом для достижения политических целей и является неотъемлемым элементом современных военных конфликтов. При этом масштабное и эффективное воздействие на сознание людей стало возможным благодаря глубокой глобальной цифровизации, поэтому психологическое воздействие уже не мыслимо без использования новейших информационных технологий, что в теоретическом аспекте требует рассмотрения информационно-психологического противоборства в качестве самостоятельного вида информационного противоборства.

§1.2. Предметные границы концепции информационно-психологического противоборства

Исследованию вопроса становления современной концепции информационно-психологического противоборства и определения ее предметных границ посвящена отдельная работа.⁴⁰ Во время Первой мировой войны 10 мая 1915 года в британской газете *The Times* вышла статья под заголовком «Пытка канадского офицера» (*Torture of a Canadian Officer*). В тексте сообщалось, что во время битвы при Ипре 24 апреля 1915 года немецкие военные захватили в плен и распяли на дереве канадского солдата. Достоверные свидетельства о том, случилось ли это на самом деле или нет, отсутствуют. Однако сама статья имела достаточно сильный эффект ее быстро подхватила пресса самой Британии и других стран, и история о распятом офицере стала широко известна в войсках и среди населения, что способствовало демонизации немцев в глазах широкого общественного мнения. Это был первый в истории пример по использованию информационного пространства в целях дискредитации военного противника и целенаправленного психологического воздействия.

В 1920 году вышла в свет книга «Танки в великой войне 1914–1918 годов» британского историка и военного теоретика Джона Фуллера, который, по мнению, некоторых исследователей, является автором понятия «психологическая война» (*Psychological Warfare*).⁴¹ В своей работе он пишет: «Механическая война будет заменена другой войной, беспроводной природы и не только вещи, но и человеческое тело будет управляться «флюидом», которого мы даже еще не понимаем. Внушение воли одного

⁴⁰ Выходец Р.С., Кефели И.Ф. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2023. N 2. С. 11-24.

⁴¹ Daugherty W.E. *Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One.* US Department of the Army, 1976. 18 p.

человека другому может в свою очередь привести к чисто психологической войне, при которой даже не будет употребляться оружие.»⁴²

Как указывают некоторые исследователи, в полной мере термины «психологическая война» и «психологическая операция» утверждаются в документах специальных военных и разведывательных служб США и Великобритании в период Второй мировой войны⁴³. В январе 1940 года в американском журнале «Current History and Forum» вышла в свет статья без определенного авторства под названием «Психологическая война и как ее вести», в названии которой фигурирует наиболее раннее использование этого термина.⁴⁴ Сам факт данной публикации в одном из ведущих на тот момент журналов, посвященных вопросам мировой политики и международных отношений, свидетельствовал о начале выработки военным руководством США мер по психологическому противоборству с гитлеровской Германией.

Что касается окончательного закрепления термина «психологический» применительно к стратегическим и оперативным планам военных структур 14 февраля 1944 при штабе главнокомандующего объединенными силами союзников в Европе генерала Д. Эйзенхауэра было создано Управление по вопросам печати и психологической войны,⁴⁵ с которым связывают окончательное закрепление термина «психологический» применительно к стратегическим и оперативным планам западных военных структур.

В научный обиход термин «психологические операции», по всей видимости, ввел капитан ВМС США Эллис Захариас. В своей книге «История офицера разведки», опубликованной в 1946 году, он пишет: «Все

⁴² Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914-1918 гг. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. С. 262.

⁴³ Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. N3. С. 84.

⁴⁴ Psychological Warfare and How To Wage It // Current History and Forum. 1940. January. P. 52–53.

⁴⁵ Погью Ф.С. Верховное командование. М.: Воениздат, 1959. С. 89.

психологические операции будут координироваться как во времени, так и в направлениях, чтобы повысить эффективность основной операции».⁴⁶

Спустя два года после публикации книги Захариаса, в 1948 вышла в свет работа Пола Лайнбарджера «Психологическая война», в которой впервые, в отличие от вышеупомянутой работы Фуллера, термин «психологическая война» употребляется как самостоятельная теоретическая конструкция и предмет научного анализа в контексте межгосударственных конфликтов. Лайнбарджер теоретически обобщил практический опыт американцев и армий других стран применения психологического воздействия на противника в военных целях. В своей работе он пишет следующее: «Я обсуждал психологическую войну с самыми разными людьми – от Мао Цзэдуна в Яньане и посла Джозефа Дэвиса в Вашингтоне до ефрейтора инженерных войск в Новой Зеландии и уборщика в американском штабе в Чунцине. Я учился у всех этих людей и попытался сделать эту книгу отражением коллективного опыта ... Я многим также обязан офицерам Генерального штаба министерства обороны, которые посвятили меня в подробности психологической войны. Обстоятельства для США сложились очень удачно – этой работой в штабе руководили умные, сознательные и одаренные люди, и мне очень повезло, что я служил под их начальством с 1942 по 1947 год.»⁴⁷

Центральным тезисом концепции Лайнбарджера является то, что психологическая война направлена на достижение военных успехов без военной силы. При этом следует подчеркнуть именно боевой характер использования психологических средств, которое не выходит за рамки противостояния с военным противником. Именно этот аспект, по мнению американского исследователя, позволяет провести четкую границу между понятиями «пропаганда» и «психологическая война».

⁴⁶ Zacharias E.M. Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. New York: G.P. Putnam's Sons, 1946. P. 345.

⁴⁷ Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. P. 9.

Как известно, социально-политическое значение латинское слово «Propaganda», которое дословно можно перевести как «подлежащее распространению» обрело в связи с деятельностью созданного в 1622 году специального подразделения Католической церкви по распространению веры (Congregatio de Propaganda Fide). Научная теория пропаганды сложилась в первой половине XX века и связана, прежде всего, с именами Уолтера Липпманна, Гарольда Лассуэлла и Леонарда Дуба. В соответствии с наиболее общими представлениями, пропаганда состоит из запланированного использования любой формы публичной или массовой коммуникации, предназначенной для воздействия на умы и эмоции данной группы для достижения конкретной общественной цели, будь то военная, экономическая или политическая.⁴⁸ Данная трактовка применительно к военной сфере фокусировала внимание на соответствующих целях и задачах, поэтому под военной пропагандой подразумевалось запланированное использование любой формы коммуникации, предназначенной для воздействия на умы и эмоции врага, нейтральной или дружественной иностранной группы для достижения конкретной стратегической или тактической цели. К примеру, Лассуэлл в своей работе, первое издание которой вышло в 1938 году, указывал, что пропаганда (прямое использование внушения) является одним из трех главных инструментов ведения операций против военного противника наряду с военным давлением (принуждающая мощь сухопутных, морских и военно-воздушных сил) и экономическим давлением (вмешательство в доступ к источникам сырья и материалов, рынкам, капиталу и рабочей силе).⁴⁹ При этом для того, чтобы рассматривать ту или иную коммуникацию в качестве пропаганды, она должна иметь известную цель, быть запланированной и облеченной в определенную семантическую и смысловую форму.

⁴⁸ Doob L.W. Propaganda; Its Psychology and Technique. New York, 1935. P. 413-417.

⁴⁹ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 55.

Поэтому термин «пропаганда» изначально содержал в себе наиболее общие коннотации, подчеркивающие спланированные коммуникативные действия, имеющие целью оказание необходимо воздействия на психику той или иной целевой группы, имеющие, в том числе, и военные приложения.

Указывая на это обстоятельство, Лайнбарджер подчеркивает, что психологическая война может быть определена в узком смысле, как использование пропаганды против врага вместе с другими оперативными мерами военного, экономического или политического характера, которые могут потребоваться для дополнения пропаганды. В более широком смысле психологическая война – этой иной способ ведения войны, в котором первостепенное значение имеет задействование информационного ресурса СМИ, использование достижений психологии в военных целях, а также синхронизация политических, пропагандистских, подрывных и военных усилий.⁵⁰

Следует подчеркнуть, что работа Лайнбарджера заложила прочный теоретико-прикладной фундамент для осмысления роли коммуникативной среды, достижений психологии для воздействия на психику человека в военно-политических целях. При этом Лайнбарджер первым отделил собственно боевые действия от специальных психологических операций, которые более не рассматривались исключительно в качестве вспомогательного инструмента достижения целей в рамках военного конфликта. Более того, предложенная им концепция психологической войны впервые обозначила связь между медиапространством и воздействием на человеческую психику в военных целях, поэтому с уверенностью можно сказать, что теория информационно-психологического противоборства берет начало в 1948 году.

В процессе развития идей информационно-психологического противоборства человеческое сознание было провозглашено в дополнение к

⁵⁰ Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. P. 46.

суше, морю, воздуху, космосу и киберпространству шестым пространством современных конфликтов. Как указывает И.Ф. Кефели, «если первые пять «измерений» определяют объектную сторону военной деятельности в различных физических средах окружающего мира, то «шестое измерение» (информационное психологическое – *примеч. автора*) охватывает внутренний мир человека, его чувства, эмоции, мысли, мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание.»⁵¹ Использование организационных методов и технологий информационно-психологического воздействия в современных конфликтах позволяет наносить противнику урон на различных уровнях. С одной стороны, оно является достаточно эффективным инструментом тактического и оперативного воздействия на личный состав и гражданское население противника, а с другой, в ходе информационно-психологического противоборства достигается стратегическая цель обосновать превосходство определенных идеалов, ценностей и институтов. При этом целенаправленное воздействие на человеческую психику в целях манипулирования и контроля над его убеждениями, ценностями и поведением выходит далеко за рамки военной сферы и становится неотъемлемой частью не только военно-политических конфликтов, но и естественной конкуренции на мировой арене.

Революция в информационных технологиях сделала возможными когнитивные манипуляции нового типа в беспрецедентных и очень сложных масштабах. Все это происходит при гораздо меньших затратах, чем в прошлом, когда было необходимо создавать эффекты и воздействие посредством неvirtуальных действий в физическом мире. Все это происходит при гораздо меньших затратах, чем в прошлом, когда необходимо было создавать манипулятивные эффекты посредством неvirtуальных действий в физическом мире, например подпольная агитационная работа, громкоговорители, разбрасывание с воздуха листовок и

⁵¹ Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. С. 78.

т.д. Все это способствует тому, что классические военные возможности все более отдаляются от информационно-психологической сферы, происходит снижение актуальности кинетических и ресурсоемких средств ведения войны.

Сегодня в военных структурах многих государств мира существуют обособленные специализированные подразделения, занимающиеся организацией и проведением информационно-психологических операций. Например, в США основными структурами в этой области выступают Объединенный центр информационных операций (JIOWC), Киберкомандование США (USCYBERCOM), 4-я и 8-я армейские группы психологических операций; в Великобритании это 15-я группа психологических операций; в России – подразделения психологических операций в составе Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил. В задачи таких подразделений, как правило, входит оказание воздействия на войска и гражданское население стороны конфликта, военная пропаганда, информационные диверсии, организация специальных информационно-психологических акций, направленных на различные целевые группы. При этом зачастую информационно-психологические операции выходят за рамки военного конфликта или же осуществляются в мирное время. В конфликте информационно-психологические операции способствуют снижению относительной боевой мощи противника, невмешательству широких слоев гражданского населения, повышают или понижают легитимность тех или иных действий в глазах местного населения.

В мирное время информационно-психологические операции органично интегрируются в систему стратегических коммуникаций⁵² служат средством стратегической конкуренции, развития международного сотрудничества, укрепления интеграционного потенциала и формирования среды

⁵² Гавра Д.П. Стратегические коммуникации и тексты стратегических коммуникаций: к теоретическому обоснованию категорий // Российская школа связей с общественностью. 2021. N 22. С. 10-30.

обеспечения безопасности в информационном пространстве. Они используются для поддержки усилий публичной дипломатии, укрепления отношений с другими странами, обеспечения сотрудничества и решения проблем безопасности. Информационно-психологические операции выступают важным инструментом обеспечения национальной безопасности, в особенности, так называемых, нерегулярных конфликтов. В совместной доктрине психологических операций, подготовленной под руководством Председателя Объединенного комитета начальников штабов США в этой области выделяются следующие основные направления:

противодействие фактическому или угрожаемому мятежу в иностранном государстве (Foreign internal defense) – психологические операции используются для повышения внутренней способности государства путем укрепления надежных вооруженных сил и поощрения сочувствия между вооруженными силами и гражданским населением. Также они применяются для изменения поведения выбранных целевых аудиторий по отношению к самим США. Основными целями психологических операций во время мятежа в иностранном государстве является формирование и поддержание лояльности правительства при одновременном снижении поддержки повстанцев;

контртеррористическая деятельность – психологические операции применяются в качестве инструмента стабилизации и влияния на среду, в которой действуют насильственные экстремистские организации. Они ориентированы на население, и в некоторых областях деятельности представленная информация способствует определению стороны, которая получит благосклонность общественного мнения. Психологические операции обеспечивают влияние на поведение целевых аудиторий, которые оказывают поддержку экстремистским группам, поддавшись их пропаганде, а также создают негативную информационную среду по отношению к таким группам среди нейтрального населения;

операции по обеспечению стабильности – психологические операции оказывают значительное влияние на иностранные целевые аудитории. Обеспечивают информирование, формируют доверие и поддержку местного населения.

операции против повстанцев – психологические операции оказывают воздействие на иностранное население с помощью информации, чтобы влиять на отношение и поведение, а также добиться поддержки или невмешательства во внешние операции. Психологические операции могут предоставлять общественную информацию для поддержки гуманитарной деятельности, восстановления и поддержания гражданского порядка;

неконвенциональные конфликты – психологические операции фокусируются на идеологических, религиозных, политических, экономических и социальных факторах, которые способствуют формированию эмоциональной вовлеченности целевых аудиторий конфликт, способствуя тем самым достижению необходимых целей.⁵³

Сегодня психологические операции являются жизненно важным компонентом широкого спектра дипломатической, информационной, военной и экономической деятельности. Использование любого элемента государственной власти, особенно военного элемента, всегда имело психологическое измерение. Поэтому психологические операции рассматриваются в качестве неотъемлемой частью внешней политики государства и международной конкуренции. К примеру, в Полевом руководстве США по психологическим операциям обозначены несколько уровней их реализации в целях обеспечения национальных интересов Соединенных Штатов на международной арене:

стратегический уровень - осуществляется распространение необходимой информации среди иностранных целевых аудиторий в поддержку целей и задач США. Хотя многие проводимые мероприятия находятся за пределами военной сферы, ресурсы Министерства обороны

⁵³ Joint Publication 3-13.2. Psychological Operations. 07 January 2010. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf> (дата обращения: 04.02.2023)

часто используются при разработке, проектировании, производстве, распределении и распространении продуктов стратегического уровня. В мирное время силы психологических операций часто принимают участие в акциях, которые носят межведомственный характер, например, поддержка дипломатических усилий или продвижение экономических интересов;

оперативный уровень включает в себя проведение специальных операций для поддержки различных военных миссий. Психологические операции могут проводиться независимо или же в дополнение к ним по всему театру военных действий;

тактический уровень используется для повышения способности командования одержать победу в конкретном эпизоде военных действий.⁵⁴

Следует еще раз подчеркнуть, что психологические операции выходят далеко за рамки военной сферы и являются инструментами для решения многих задач государственной внешней политики. Поэтому следует четко осознавать, что информационно-психологическое противоборство – это не один из аспектов военно-политической деятельности, центры принятия решений которого располагаются в главных военных штабах, а отдельное, относительно обособленное измерение мировой политики, включающее широкий арсенал инструментов и ресурсов по осуществлению достаточно эффективных мероприятий по продвижению национальных интересов, обеспечения безопасности, решения прикладных политических, экономических и военных задач.

Как предмет теоретических исследований информационно-психологическое противоборство имеет свою специфику, которая обособляет его от других концепций информационного противоборства, рассмотренных в предыдущем разделе нашего исследования.

⁵⁴ Field Manual N 3-05.30. Psychological Operations. Headquarters, Department of the Army. 15 April 2005. URL: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-05-30.pdf> (дата обращения: 04.02.2023)

Информационно-психологическое противоборство в XXI веке разворачивается на фоне возникновения глобального информационного пространства и глубоких процессов цифровизации. Широкую доступность обрели возможности бесконтрольного размещения информации анонимного содержания, которая в состоянии моментально распространиться в сети на многомиллионную аудиторию, а также стать источником для цитирования авторитетными СМИ. В последнее время Интернет настолько прочно вошел в жизнь, что для значительного количества граждан он стал главным, а зачастую единственным источником получения информации. Социальные сети, мессенджеры в значительной мере заменили сегодня для большого количества населения традиционные средства массовой информации. Так по последним данным, 64,4% всего населения планеты являются пользователями Интернета, при этом во многих европейских странах, США, России, Малайзии, Сингапуре, Марокко, Аргентине этот показатель находится на уровне 90% и выше. Активных пользователей социальных сетей среди мирового населения 59,4%. Среди тех, у кого есть смартфоны, а таких 91% от общего населения планеты, в среднем использование устройства занимает 30% всего времени бодрствования.⁵⁵

При этом, как указывают некоторые авторы, необходимо иметь в виду, что неформальное общение в Интернете, особенно в социальных сетях, в отличие от распространяемой официальной информации, зачастую воспринимается человеком со значительно большей степенью доверия.⁵⁶ Опираясь на технические возможности все более совершенствуются манипулятивные технологии. С широким распространением «новых медиа» (социальные сети, блоги, онлайн-энциклопедии, подкасты) и внедрением технологий Web 2.0 пользователям сети Интернет перестали быть пассивными потребителями информации. Широкие возможности по

⁵⁵ Digital 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 04.02.2023)

⁵⁶ Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Скифия, 2018. 408 с.

реализации обратной связи в виде комментариев к информационным сообщениям в сети, гиперссылок, использования механизмов контекстного поиска, лайков, ретвитов и т.д. позволили, как отдельному человеку формировать индивидуальную информационную повестку для миллионов людей по всему миру, так и «утопить» абсолютно любую информацию в потоке массовых негативных реакций. Что-либо подобное являлось ранее практически недоступным в условиях использования традиционных СМИ.

Еще один важный аспект, который привнесли с собой социальные сети, связан со значительными сложностями в верификации источника и достоверности информации, что открыло широкие возможности для распространения заведомо ложной или же намеренно искаженной информации. Как указывают некоторые исследователи, возможности, которые открываются для оказания информационно-психологического воздействия при помощи использования сетевых информационных технологий, связаны с тем, что при таких объемах ежедневно получаемой информации объекты воздействия практически не имеют возможности убедиться в достоверности распространяемой информации.⁵⁷ При этом аргументированное опровержение заведомой лжи может либо раствориться в количестве публикаций и ссылок на недостоверный источник, либо быть опубликованным с временной паузой, когда общественное мнение уже сформировано информационным вбросом. Сегодня в области массовых коммуникаций формируется отдельное направление по исследованию, так называемых, «фейков».

Одним из основных трендов современной международной политики является использование заведомо ложных (фейковых) событий или сфабрикованных адресных конфликтогенных новостей в качестве повода для

⁵⁷ Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С. 28.

нагнетания международной напряженности.⁵⁸ В глобальное информационное пространство вбрасываются огромные объемы непроверенной, тенденциозно подобранной, вырванной из контекста или откровенно ложной информации. При этом, средства массовой информации перестают быть основными источниками информации. Они подменяются социальными сетями, пользователи которых способны распространить любую новость за считанные минуты по всему миру. Специалистами Массачусетского технологического института было проведено исследование, в рамках которого они исследовали более 126 000 фейковых новостей, опубликованных в период с 2006 по 2017 гг. В результате было установлено, что фейковые новости распространяются в среднем в шесть раз быстрее правдивой информации из достоверных источников. Кроме того, для фейковой новости вероятность перепоста на 70% выше. В результате было обнаружено, что несоответствующая действительности информация распространяется среди аудитории от 1000 до 100 тыс. человек, тогда как правдивая информация чаще всего не набирает более 1000 человек, которые были бы готовы содействовать её дальнейшему продвижению. При этом, что немаловажно, максимальной скоростью распространения обладают фейки на темы, связанные с политическими деятелями, «медийными» персонами, катастрофами и стихийными бедствиями.⁵⁹ Наиболее сильное воздействие на мировые события фейковые новости производят во многом благодаря широкому распространению мессенджеров и социальных сетей, которые обладают возможностью не только моментально и адресно распространять контент, но и оперативно получать обратную связь, что открывает широкие возможности практически мгновенно манипулировать общественным

⁵⁸ Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. N 2. С. 37–45.

⁵⁹ Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, not bots // Science. 8 March 2018. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (дата обращения: 06.02.2023)

мнением. Поэтому неудивительно, что сегодня правительства многих стран относят фейки к числу угроз национальной безопасности и разрабатывают способы борьбы с ними. Однако, как указывают некоторые авторы, существует несколько причин, затрудняющих борьбу с созданием и распространением фейков:

первая – глубокое распространение информационных технологий и гаджетов среди населения планеты;

вторая – сложность установления источник первичного информационного «вброса» деструктивного фейка в случае использования для передачи информации зашифрованных «мессенджеров». Если «вбросы» и распространение опасных фейков отчасти можно отследить через социальные сети, то в случае с мессенджерами, использующих алгоритмы шифрования, это сделать еще сложнее;

третья причина заключается в значимости и востребованности фейков со стороны производителей и распространителей. Фейк является одним из наиболее эффективных инструментов моментального привлечения внимания аудитории к тому или иному событию или объекту.⁶⁰

Современные цифровые технологии предоставляют мощные и эффективные инструменты для злонамеренного использования фейков, влияние на финансово-экономические и социально-политические процессы. Так, например, специальные компьютерные программы сегодня способны автоматически создавать и распространять контент требуемого злоумышленнику содержания с целью достижения требуемого эффекта путем введения в заблуждение простого обывателя, создания благоприятного

⁶⁰ Мун Д.В., Попета В.В. "From fake to deepfake": угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве // Культура: теория и практика. 2020. N 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42560121> (дата обращения: 06.02.2023)

общественного мнения и манипулирования повесткой дня.⁶¹ Подобные программы могут найти широкое применение в кампаниях, направленных на дискредитацию отдельных людей, социальных групп, политических элит или государств. Кроме того, как подчеркивают некоторые исследователи, наибольшую опасность сегодня представляют созданные при помощи технологии искусственного интеллекта фейковые видеоролики, которые способны своей реалистичностью окончательно запутать широкую общественность относительно происходящих в современном мире событий. Данная технология представляет собой метод синтеза человеческого изображения при помощи соответствующих программных алгоритмов, которые сегодня доступны абсолютно любому человеку. Одной из таких программ является приложение FakeApp, которое может заменять лица в видео. Для ее работы достаточно лишь несколько изображений прототипа, на основе которых приложение способно создать достаточно реалистичный видеоролик.⁶²

Данные технологии существенным образом размывает границы между безобидным юмором и целенаправленными информационно-политическими атаками, способными нанести серьезный ущерб национальным интересам государства. Более того, открытость и доступность подобных технологий делает отдельного человека одновременно и объектом, и субъектом информационно-психологического противоборства, а значительный эффект, который способны вызвать такого рода манипуляции общественным мнением еще более стирают грани между публичной дипломатией и специальными информационно-психологическими операциями.

⁶¹ Horowitz M. C., Scharre P., Allen G. C., Frederick K., Cho A., Saravalle E. Artificial Intelligence and International Security // Center for a New American Security (CNAS). 2018. URL: <http://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (дата обращения: 06.02.2023)

⁶² Панцеров К.А. Ментальные войны с применением технологий искусственного интеллекта: вызовы и угрозы для России // Вестник Академии военных наук. 2021. №3. С. 16.

Сегодня существует достаточно оснований, чтобы рассматривать информационное пространство в качестве одного из основных измерений конкуренции, борьбы и конфликтов на мировой арене. Практика информационно-психологического противоборства может выступать как вспомогательный инструмент в военных конфликтах, так и в качестве отдельного домена гибридного конфликта в условиях серьезных ограничений на применение военной силы. По мнению А. В. Манойло, характерной чертой современных конфликтов выступает расширенное использование технологий информационно-психологической войны, нацеленных на создание условий для манипуляций сознанием населения страны.⁶³

Информационно-психологическое противоборство возникло как составная часть вооруженной борьбы. Причинами его возникновения явилось стремление нападающей стороны поднять дух своих войск и ослабить способность противника к активным и организованным действиям. На смену кинетическим видам военных действий пришли психологические операции, проводимые с помощью специальных средств воздействия на человеческую психику. Расширение и все более глубокое проникновение глобального информационного пространства в совокупности с конвергенцией традиционных средств массовой информации с интернетом существенно упростили и удешевили технологии доведения необходимого контента до практически любых целевых аудиторий вне зависимости от взаимного расположения субъектов и объектов информационно-психологического воздействия. По мнению некоторых исследователей, «мягкое» и безболезненное воздействие на целевой объект психологических операций имеет куда большую эффективность (низкую стоимость затрат и наименьший вред для инфраструктуры, окружающей среды и населения),

⁶³ Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. 496 с.

чем, несколько десятков крылатых ракет с ядерными боеприпасами, выпущенных по крупному мегаполису.⁶⁴

В 1941 году венгерский историк и журналист Ладислас Фараго выпустил книгу под названием «Немецкая психологическая война», в которой были переработаны сотни немецких работ по темам, относящимся к психологии и войне, большая часть этого материала касалась кадровой практики, психосоматической медицины и других непропагандистских аспектов психологии, но в целом книга представляла собой впечатляющую демонстрацию того, сколько усилий приложили немцы, чтобы сделать свою войну научной. К основным новшествам, обнаруженным Фараго относятся, прежде всего, следующие два:

во-первых, совершенная или кажущаяся идеальной синхронизация политических, пропагандистских, подрывных и военных усилий, которые в наши дни многими авторами будут ассоциироваться с «гибридной войной»

во-вторых, использование достижений современной психологии в военных целях.⁶⁵

Как уже отмечалось выше, эти два обстоятельства легли в основу концепции психологической войны Лайнбарджера, которая является, пусть и новой, но все же формой военного конфликта. Спустя 80 лет, в наши дни, со всей очевидностью деятельность, находящаяся на стыке массовых коммуникаций и психологии, представляет собой обособленное измерение современных международных отношений. Несмотря на кажущуюся очевидность подобного вывода в теоретико-методологическом плане выделение специфического предмета концепции информационно-психологического противоборства задача отнюдь нетривиальная. Сегодня научный дискурс наполнен тысячами работ, посвященных вопросам

⁶⁴ Соломатин Е.В. Социально-психологические основы информационно-психологического противоборства в гибридной войне // Гуманитарные проблемы военного дела. 2021. N1. С. 139.

⁶⁵ Farago L. German psychological warfare. Committe for National Morale, 1941. 155 p.

противоборства в информационной среде, в которых термины, содержащие прилагательные «информационный» и «психологический» применительно к международному противоборству зачастую употребляются в качестве синонимов, либо содержание их в известной мере смешивается, либо же их использование носит ярко выраженный метафоричный характер.

Для наших дальнейших рассуждений важное значение имеет четкое обозначение предмета концепции информационно-психологического противоборства и формулировка рабочего определения данного термина в качестве инструмента международного взаимодействия.

При всех различиях в авторских трактовках и разнице в расстановке исследовательских акцентов понятие «информационный» (информационное противоборство/война/операция), в первую очередь, на первый план выводит воздействие на информационную инфраструктуру, базы данных, каналы коммуникации, программное обеспечение, контроль над информационными потоками и информационной повесткой; понятие «психологический» (психологическая война/операция) фокусирует внимание, прежде всего, на воздействии на человеческую психику, сознание, эмоции для оказания влияния на поведение человека.

Также существенное значение при определении предмета концепции информационно-психологического противоборства имеют его конкретные инструменты и способы реализации: от специальных психологических операций, проводимых в военными в условиях боевых действий до стратегических коммуникаций и публичной дипломатии.

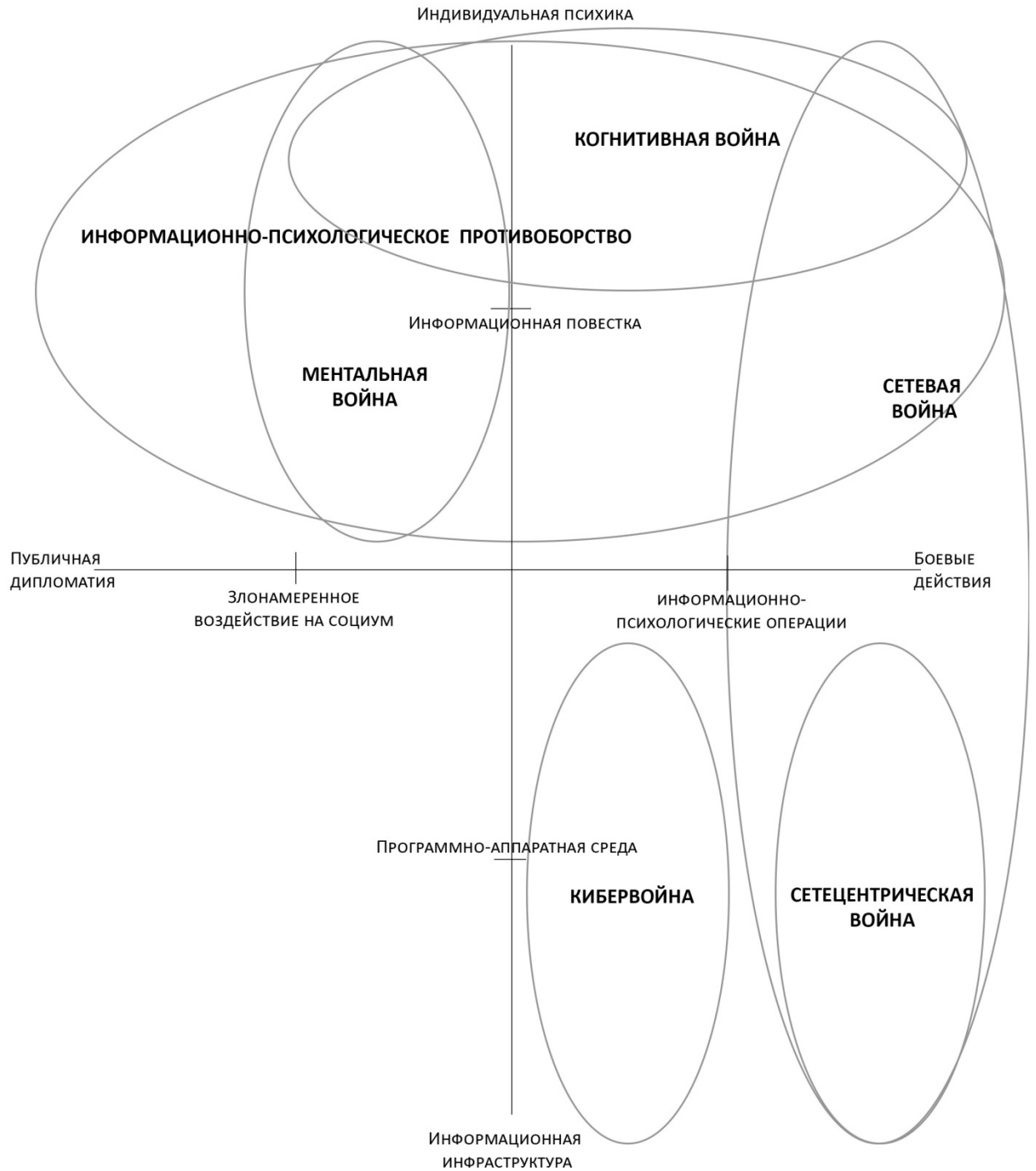
Исходя из этого для определения предмета концепции информационно-психологического противоборства нами предложена теоретическая схема, включающая две оси. Первая ось характеризует объект воздействия, на ее полюсах расположены «индивидуальная психика» и «информационная инфраструктура» с промежуточными делениями: «информационная повестка» (контроль над медийным пространством, доминирование

определенного контента) и «программно-аппаратная среда» (программное обеспечение, комплектующие, поддержка, технические стандарты обработки данных). Данная дихотомия с нашей точки зрения вполне обоснована и вытекает из аналитического обзора дифференциации концепции информационного противоборства (войн), приведенного в предыдущей части нашего исследования. Так, например, концепция кибервойн основное внимание обращает на нанесении ущерба информационной инфраструктуре, средствам коммуникации, центрам обработки информации (военным и гражданским), концепции когнитивной и ментальной войны основной упор делают на «взломе», «перепрограммировании» личности отдельного человека для достижения стратегических военно-политических целей.

Вторая ось характеризует инструменты и характер воздействия. Полюсами этой оси выступают «публичная дипломатия» (деятельность иностранных СМИ, НКО, распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры т.д.) и «боевые действия» (состояние военного конфликта, с использованием летальных средств или же гибридного). Промежуточными делениями на данной оси выступают «информационные и психологические операции», проводимые под эгидой военного руководства, и «злонамеренное воздействие на социум» (целенаправленная пропаганда, распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, негативное воздействие на общественные ценности, систему образования и пр.).

На Рис.1 представлено распределение предметных полей рассмотренных концепций информационного противоборства и определен предмет концепции информационно-психологического противоборства, который лежит в основе наших последующих рассуждений.

Рисунок 1. Предметные поля современных концепций информационного противоборства

Таким образом, концепция информационно-психологического противоборства, является областью междисциплинарных исследований, основанных на достижениях современной теории коммуникации, когнитивной науки и возможностях новейших информационных систем,

используемых для достижения превосходства и/или противодействия целенаправленному воздействию в информационном пространстве.

Основной предмет концепции информационно-психологического противоборства, прежде всего, концентрируется на изучении систем и инструментов формирования общественного мнения, особенностей восприятия человеком информации, а также включает в себя изучение всего спектра воздействий на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий, средствами специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня и с использованием инструментов мягкой силы.

На этой основе формулируем определение информационно-психологического противоборства.

Информационно-психологическое противоборство – это сфера международных отношений, характеризующаяся деструктивным воздействием в информационной среде организованной или дискурсивной природы на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

§1.3. Политика в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности: международный опыт

Информационно-психологическое противоборство как практика современных международных отношений, связанная с опосредованным медиасредой воздействием на общественное мнение и психику отдельного человека является правопреемником специальных психологических операций, теорию и методы которых активно разрабатывают военные эксперты еще со времен Второй мировой войны. При этом современный этап научно-технической революции, связанный с глобальными процессами

информатизации, в результате которых информационные технологии приобретают сквозной характер и определяют прогресс практически во всех высокотехнологичных отраслях. Как подчеркивают некоторые исследователи, в современном научном дискурсе прочно укоренились теоретические представления о цифровизации как об одном из важнейших глобализационных процессов, который во много определяет вектор экономического и социально-политического развития.⁶⁶ Данная тенденция вызвала к жизни целый комплекс ранее неизвестных вызовов и угроз, что привело к формированию в структуре национальной и международной безопасности обособленной сферы, информационной безопасности, в рамках которой все отчетливее проявляется информационно-психологический компонент. По мнению К.Н. Лобанова, «состояние международных отношений в современном мире все в большей степени определяется последствиями информационно-психологической борьбы, в которую оказались втянуты ведущие субъекты мировой политики – как государства и их союзы, так и негосударственные акторы, включая транснациональные корпорации, сетевые экстремистские сообщества, террористические группировки».⁶⁷

Осмысление угроз в информационной среде в совокупности с появлением новых средств коммуникации, позволяющих с невиданной ранее эффективностью оказывать воздействие на индивидуальную психику человека способствует дифференциации теории и практики информационной безопасности и формированию в ее концептуальных границах отдельной сферы информационно-психологической безопасности, главными объектами которой выступают системы формирования общественного мнения и психика человека.

⁶⁶ Хотулев А.С. Цифровизация как глобальный процесс: Социально-экономические и политические проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2021. N 3. С. 50–66

⁶⁷ Лобанов К.Н. Информационно-психологическое противоборство в сфере региональной безопасности СНГ: идеологические и доктринальные основы // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Том 15. N2. С. 36.

Перед тем как дать наше рабочее определение информационно-психологической безопасности и представить ее теоретико-практическую модель, рассмотрим, какое место информационно-психологический компонент занимает сегодня в структуре национальной и международной безопасности.

В октябре 2022 года в США была принята новая Стратегия национальной безопасности, в которой значительное внимание уделено угрозам, связанным с информацией. В частности, в качестве основных угроз американской демократии наряду с коррупцией, политическим вмешательством названы операции по манипулированию информацией.⁶⁸ При этом действия, связанные с негативным информационным воздействием включены в более широкий комплекс враждебных действий в киберпространстве.

Целостный взгляд на противодействие угрозам национальной безопасности в информационной сфере представлен в Национальной киберстратегии, утвержденной Президентом США в сентябре 2018 года.⁶⁹ В документе подчеркивается, что киберпространство не должно рассматриваться как особая сфера политики, отделенная от других элементов национальной власти. Поэтому главной целью США в информационной сфере является интеграция кибервозможностей во все элементы национальной власти.

В области обеспечения безопасности в киберпространстве безусловный приоритет Стратегия отдает безопасности критической инфраструктуры (кибербезопасность, стимулирование инвестиций, приоритет национальных исследований и разработок), борьбе с киберпреступностью, развитию

⁶⁸ National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 06.03.2023)

⁶⁹ National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 06.02.2023)

устойчивой цифровой экономики, (поддержка рынка технологий, инноваций и инвестиций в инфраструктуру), развитие системы защиты интеллектуальной собственности, поддержка кадрового потенциала, развитие талантов в области информационно-коммуникационных технологий, продвижение собственных регуляторных принципов на международной арене.

Особое место в документе занимает сдерживание «недопустимого поведения» в киберпространстве. Критерием «недопустимости» является противоречие того или иного действия национальным интересам и ценностям США. В рамках мероприятий по сдерживанию такого рода поведения в киберпространстве акцент сделан на противодействии и разоблачении злонамеренного влияния в информационной среде, включающего информационные кампании, пропаганду и дезинформацию. Для этого США ставят перед собой задачи по объединению усилий с международными партнерами, частным сектором, академическими кругами и гражданским обществом.

Концептуальной основой обеспечения безопасности США в киберпространстве выступает продвижение собственных ценностей и видения в глобальном масштабе, а также противодействие любым несовпадающим с ними действиям. Поэтому одним из столпов кибербезопасности США провозглашено продвижение американского влияния под лозунгом «Старые битвы за права человека и основные свободы теперь разыгрываются в Интернете». И в этом смысле неслучайно, что США концентрируют усилия на продвижение «открытого Интернета» и противодействии тем государствам, которые рассматривают его как политическую угрозу и превращают в сферу «авторитарного контроля под видом безопасности и борьбы с терроризмом». Например, подконтрольное Правительству Агентство по глобальным медиа (USAGM) предоставляет по

всему миру широкий спектр услуг и технологий для преодоления различных блокировок и ограничений доступа в сети Интернет.

По мнению некоторых исследователей, для США характерна концентрация полномочий в области кибербезопасности в руках силовых структур, таких как Министерство обороны и Агентство по национальной безопасности.⁷⁰ При этом общий политический вектор, направленный на продвижение собственного лидерства в глобальном масштабе и значительные экономические и технологические возможности обеспечивают широкий спектр инструментов продвижения собственного влияния, начиная от публичной дипломатии, являющейся прерогативой Государственного департамента и специальных психологических операций (PSYOP), руководство которыми осуществляется различными силовыми структурами.⁷¹

Американская стратегия в информационной сфере характеризуется нацеленностью на активные действия по продвижению собственного видения, ценностей и стандартов на международной арене, а также устранение неудобных точек зрения. Значительную роль в этом играет координация усилий с союзниками.

Так, 29 июня 2022 году на встрече в верхах НАТО в Мадриде главами государств и правительств была принята новая Стратегическая концепция Северо-Атлантического альянса.⁷² В документе обозначены пять сфер для реализации оборонительного потенциала НАТО: ядерные вооружения,

⁷⁰ Сизьмин М.А. Информационная (информационно-психологическая) безопасность в структуре национальной безопасности (на примере США и России) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. №3. С. 29.

⁷¹ Goldstein F., Findley B. Psychological Operation: Principles and Case Studies. Air University Press, 1996. 378 p.

⁷² Стратегическая концепция НАТО 2022 года. 29 июня 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 09.03.2023)

обычные силы и средства, противоракетная оборона, космические и кибернетические средства.

Киберпространство наряду с космосом провозглашено ключом к эффективным действиям по предотвращению, обнаружению, противодействию и реагированию на весь спектр современных угроз. Важность киберпространства в совместных усилиях членов НАТО подчеркивается возможностью задействования пресловутой пятой статьи Североатлантического договора при использовании противниками информационных методов воздействия.

В качестве основных противников в Стратегии НАТО названы Россия, Китай, Иран, Сирия и Северная Корея, которые обобщенно названы авторитарными субъектами, бросающими вызов интересам, ценностям и демократическому образу жизни государств-членов НАТО. При этом указано, что противники используют, прежде всего, гибридные методы, включающие злонамеренные гибридные и кибероперации, а также дезинформацию, наносящие ущерб безопасности Североатлантического альянса.

Следует подчеркнуть, что на официальном уровне США и НАТО отсутствует понятие «информационно-психологическая безопасность». Данная сфера находится на стыке понятий «кибербезопасность» (Cybersecurity) и «психологические операции» (PSYOP), включающая широкий спектр действий, как технического, так и пропагандистского характера по противодействию противникам в информационном пространстве.

Наглядной иллюстрацией этому служит один из последних отчетов американской аналитической корпорации RAND. В нем приведены данные масштабного исследования, основывающегося на интервью с большим количеством сотрудников военных ведомств и экспертов, одним из результатов которого является классификация действий, связанных с

информацией или операциями в информационной среде.⁷³ К таковым относятся следующие:

- контроль над средствами коммуникации – покупка телевизионных каналов, радиостанций, киностудий, дистрибьюторских сетей для контроля над контентом и его распространением; использование влияния на рынке для обеспечения присутствия необходимого контента в СМИ; цензура, включая контроль или ограничение доступа в Интернет;

- кибер или электронная война – распределенные атаки типа «отказ в обслуживании»; вандализм на веб-сайтах (например, взлом законного новостного сайта для публикации ложной истории); внедрение или распространение деструктивного вредоносного программного обеспечения; создание сетевых и системных уязвимостей; взлом учетных записей пользователей и их злонамеренное использование; киберзапугивание (например, публичное раскрытие личной информации; кибершпионаж; постановка помех и средства радиоэлектронной борьбы; иные наступательные кибероперации;

- дезинформация и пропаганда – распространение и продвижение сфабрикованных или вводящих в заблуждение новостных сюжетов; выдвижение ложных обвинений против правительств, вооруженных сил, фирм или отдельных лиц; частичная или полная подделка контента; распространение слухов и теорий заговора; пропаганда ревизионистской истории или вызывающих разногласия, или спорных исторических повествований; «затопление» информационного пространства контентом, отвлекающим внимание от фактов связанных с конкретным событием;

- позитивные сообщения и основанная на правде пропаганда – распространение тем, повествований, мнений, взглядов или объяснения событий; высказывание законных и обоснованных альтернатив, ущемленным

⁷³ Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in U.S. Concepts for Strategic Competition. RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (дата обращения: 06.02.2023) DOI: <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>

по тем или иным признакам социальным группам; распространение видеороликов или изображений успешных операций; рекламирование военных успехов и трофеев; распространение культурной информации и влияния, включая языковую подготовку, финансирование языковых школ или культурных центров или организацию культурных или образовательных обменов;

- средства защитные и ответные меры в информационной среде – продвижение медиаграмотности, гражданского образования; наращивание партнерского потенциала для журналистики и местных СМИ; содействие организациям по проверке фактов; проведение оборонительных киберопераций, включая активную оборону против кибератак; подтверждение причастности агрессора к определенным действиям; предание гласности и приписывание конкурентам злонамеренных действий; распространение опровержений.

В приведенных американскими аналитиками данных четко прослеживаются две сферы действий в киберпространстве: первая, активные и защитные действия в области информационной инфраструктуры и технологий и, вторая, действия в области оказания влияния на медиасреду, общественное мнение и индивидуальную психику человека. При этом последние предполагают широкий спектр влияния, начиная от фундаментальных мировоззренческих оснований, связанных с историей и социокультурными ценностями, до манипулирования поведением с помощью влияния на эмоции человека (например, страх по поводу личной безопасности и частной жизни).

Таким образом, в западном экспертном дискурсе четко фиксируется тенденция по обособлению в исходной концепции кибербезопасности сферы, связанной с информационно-психологическим воздействием, которая в последнее время получила широкую известность и распространение в концепции когнитивной войны.

В предыдущей части нашей работы мы подробно анализировали одноименный аналитический отчет дю Клузеля, в котором, по сути, идет речь о формировании нового домена войны, связанного со «взломом» человеческого сознания и изменением фундаментальных мировоззренческих установок с помощью современных информационных и нейротехнологий. Данная работа вышла в свет в 2020 году и положила начало широкой дискуссии в среде западных военно-политических экспертов по осмыслению новых методов ведения войны и обеспечения национальной безопасности.

Спустя год после публикации вызвавшей широкий резонанс работы дю Клузеля, 21 июня 2021 года в Бордо состоялась Первая научная конференция НАТО по Когнитивной войне (First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare). В резюме материалов конференции указано, что наиболее значительные современные вызовы для НАТО связаны со все возрастающими возможностями цифровых технологий, применяемых как на индивидуальном так и на сетевом уровне в целях манипулирования психологической, социальной и информационной средой. Для обозначения совокупности целенаправленных атак в этой новой области используется понятие «когнитивная война». Она ведется на основе интеграции возможностей кибернетики, информации, психологической и социальной инженерии.⁷⁴

Когнитивная война стремится создать путаницу, ложные представления и неопределенность с помощью потока избыточной информации или дезинформации. Это достигается путем фокусирования внимания на ложных целях, вызывая отвлечение внимания, вводя ложные нарративы, радикализируя людей и усиливая социальную поляризацию,

⁷⁴ Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. 118 p. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)

чтобы добиться когнитивных эффектов, необходимых для достижения краткосрочных и долгосрочных целей.

Примечательно, что вызовы и угрозы, формируемые когнитивной войной, рассматриваются западными аналитиками в качестве инструментов, способных нивелировать превосходство НАТО в традиционных средствах вооружения, что обуславливает необходимость выработки новых подходов к обеспечению безопасности в достаточно широком диапазоне. В этом контексте подчеркивается, запущенная изоциренным противником, когнитивная война манипулирует индивидуальными и групповыми представлениями с целью мотивировать целенаправленное поведение, которое наиболее благоприятствует замыслам противника. Применяемая в полной мере когнитивная война обладает потенциалом дестабилизации обществ, военных организаций и разрушения союзов.⁷⁵

По словам заместителя директора Управления поддержки сотрудничества НАТО, генерала Ф. Монтокио, «в развивающемся мире информационная война и когнитивная война, вероятно, станут постоянными самодостаточными способами действий для достижения в долгосрочной перспективе желаемого конечного результата... Когнитивная война – это наиболее продвинутая на сегодняшний день форма манипулирования человеческим разумом, позволяющая влиять на индивидуальное или коллективное поведение с целью получения тактического или стратегического преимущества.»⁷⁶

В этом смысле достаточно показательны итоги саммита НАТО, который состоялся в Брюсселе 14 июня 2021 года, и стал настоящим поворотным моментом для стран коллективного Запада в осознании роли информационно-психологического компонента безопасности. В итоговом

⁷⁵ Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 21. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)

⁷⁶ Ibid. P. 13

коммунике впервые Китай и Россия были отдельно упомянуты в контексте их дезинформационной деятельности, что демонстрирует растущую озабоченность государств-членов Северо-Атлантического альянса этими новыми вызовами.⁷⁷

Эффективность защиты в условиях когнитивной войны напрямую зависит от уровня развития передовых информационных и когнитивных технологий. Так, например. Организация науки и техники НАТО (STO) проводит исследования, которые должны позволить НАТО сохранить технологическое преимущество перед своими потенциальными противниками. STO – это сеть, объединяющая около 6000 ученых из стран-членов и некоторых стран-партнеров, в частности Австралии, Финляндии, Японии и Швеции. STO охватывает весь спектр наук и технологий, связанных с безопасностью и обороной, которые разбиты на семь основных областей исследований. Эти семь научных областей исследуются различными группами, профиль четырех из которых непосредственно связан с когнитивной войной: группа по человеческим факторам и медицине (HFM), группа по технологиям информационных систем (IST), группа по системному анализу и исследованиям (SAS) и группа по моделированию (NMSG).⁷⁸

Аналитики НАТО рассматривают когнитивную войну в качестве нетрадиционной формы ведения войны, которая задействует киберинструменты для изменения когнитивных процессов противника, ментальных предубеждений или рефлексивного мышления, а также провоцирует искажения мышления, влияет на принятие решений и препятствует действиям с негативными последствиями, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Ее главная цель состоит не

⁷⁷ NATO Summit – Brussels. 14.06.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm (дата обращения: 09.03.2023)

⁷⁸ Science and Technology Organization. 27.10.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_88745.htm (дата обращения: 09.03.2023)

в том, чтобы служить дополнением к стратегии или победить без боя, а в том, чтобы вести войну с тем, что думает, любит или во что верит вражеское сообщество, изменяя его представление о реальности. Это война с тем, как думает враг, как работает его разум, как он видит мир и развивает свое концептуальное мышление. Ее эффекты заключаются в изменении мировоззрения и тем самым влияют на их душевное спокойствие, уверенность, конкурентоспособность и процветание.⁷⁹

Концептуально когнитивная война находится на пересечении двух областей: психологические операции (PSYOPS) и операции влияния (с использованием инструментов мягкой силы), с одной стороны, и кибероперации, предназначенные для ухудшения или уничтожения физических информационных активов, с другой. При этом важно, что когнитивная война выходит за рамки технических аспектов киберопераций, связанных с использованием цифровых инструментов для получения контроля, изменения или уничтожения информационной инфраструктуры, и, прежде всего, концентрируется на вопросах восприятия информации индивидуальной психикой и его влиянием на поведение человека.⁸⁰

Очевидно, что основным пространством для осуществления когнитивной войны является медиасреда. Потому сегодня западные аналитики уделяют повышенное внимание вопросам контроля именно за этой областью. Так, например, корпорация RAND недавно опубликовала результаты своего исследования, проведенного по заказу Европейского командования Соединенных Штатов, под названием «Понимание и защита от злонамеренных и подрывных информационных усилий России в Европе». В

⁷⁹ Claverie B., Du Cluzel F. «Cognitive Warfare»: the advent of the concept of «Cognitics» in the field of warfare // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 25-32. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)

⁸⁰ Ibid. P. 27.

отчете подчеркивается, что увеличение частоты и интенсивности информационной агрессии, направленной против США и их европейских союзников, требует более тщательного рассмотрения концепций и практик защиты от психологических манипуляций и воздействий, противодействия и смягчения их последствий. При этом в основу предлагаем модели защитных практик положен контроль за производством, распространением и потреблением информации в медиасреде.⁸¹

Подчеркнем, что концепцию когнитивной войны, которая в настоящее время активно продвигается на уровне экспертного сообщества НАТО, мы будем рассматривать как составную часть рассматриваемой нами концепции информационно-психологического противоборства. Это обусловлено тем, что термин «Cognitive Warfare» имеет ярко выраженную военную коннотацию и связан, прежде всего, с осмыслением новых сфер современной войны. И даже упоминаемые авторами данной концепции инструменты мягкой силы изначально рассматриваются в качестве средств нанесения ущерба противнику, в то время как используемое нами понятие «информационно-психологическое противоборство» включает дискурсивный (отсутствие изначальных злонамеренных целей и усилий) элемент мягкой силы в контексте международной стратегической конкуренции.

Вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности также значительное внимание уделяется в стратегических документах Европейского Союза. В одном из основополагающих документов в области безопасности «Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности» вопросы информационно-психологического противоборства, включены в широкий контекст обеспечения кибербезопасности и концептуально связаны со стратегическими коммуникациями. В документе указано: «ЕС активизирует

⁸¹ Matthews M., Demus A., Treyger E. et al. Understanding and Defending Against Russia's Malign and Subversive Information Efforts in Europe. RAND Corporation, 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3160.html (дата обращения: 09.03.2023)

усилия в области стратегических коммуникаций, осуществляя инвестиции в общественную дипломатию и участвуя в ней в самых различных сферах, чтобы наладить контакты между внешней политикой ЕС и гражданами и лучше информировать наших партнёров о проводимой политике. Мы будем повышать согласованность и скорость обмена информацией о наших принципах и действиях. Мы также будем оперативно представлять основанные на фактах опровержения дезинформации. Мы будем и далее поощрять открытость и требовательность медиасреды внутри и за пределами ЕС, работая как с местными игроками, так и через социальные медиа.»⁸²

Примечательно, что в более поздних стратегических документах ЕС в области безопасности информационно-психологические вызовы и угрозы, а также способы противодействия им все отчетливее обособлялись от технических, технологических и инфраструктурных аспектов кибербезопасности. Так, например, в представленной Европейской Комиссией 24 июля 2020 г. Стратегии Союза безопасности, документе, пришедшему на смену Европейской повестке дня по безопасности от 2015 г., предусматриваются совместные действия в четырех основных направлениях. Среди них противодействие новым угрозам безопасности, включающее кибербезопасность и защиту критической инфраструктуры, и борьба с формирующимися угрозами, в которую входит противодействие гибридным атакам, распространению дезинформации и запрещенного контента.⁸³ Что касается последнего пункта, необходимо обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Некоторые исследователи указывают на ценностно-ориентированный подход во внешней политике ЕС и тесную связь

⁸² A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 09.03.2023)

⁸³ Communication from the Commission on the EU Security Union Strategy. Brussels, 24.7.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596452256370&uri=CELEX%3A52020DC0605> (дата обращения: 09.03.2023)

безопасности и фундаментальных европейских ценностей.⁸⁴ С учетом все возрастающего значения информационной среды в обеспечении безопасности, следует ожидать, что ценностно-ориентированный подход также будет основой для квалификации той или иной информации в качестве незаконного контента и дезинформации.

Еще одним документом, в котором прослеживается четкая тенденция по выделению вопросов информационно-психологической безопасности из кибербезопасности, является утвержденная в ходе заседания Европейского совета, проходившего в марте 2022 года, Белая книга Европейского Союза по вопросам безопасности и обороны под названием «Стратегический компас».

В документе одна из ведущих ролей в опросах обеспечения общей безопасности закреплена за киберпространством. В частности, из шести обязательств, которые берет на себя ЕС при обеспечении общей безопасности, три имеют отношение к действиям в киберпространстве и одно прямо связано с информационно-психологическим противоборством:

- усовершенствовать кибердипломатический инструментарий и реализовать политику ЕС в области киберзащиты, чтобы обеспечить более высокую степень готовности к кибератакам и лучше реагировать на них;
- разработать инструментарий для борьбы с гибридными угрозами и создать группы реагирования, которые будут располагать всевозможными средствами, позволяющими выявить широкий спектр гибридных угроз и должным образом реагировать на них; со временем такой инструментарий будет, в частности, включать средства противодействия искажению информации и вмешательству из-за рубежа; могут быть развернуты группы быстрого реагирования ЕС, которые окажут содействие государствам-членам, а также миссиям и операциям Евросоюза, осуществляемым по линии

⁸⁴ Потемкина О.Ю. Новая стратегия Союза Безопасности ЕС. Аналитическая записка N32, 2020. Институт Европы Российской академии наук. С. 7.

общей политики в сфере безопасности и обороны, и помогут странам-партнерам в их борьбе с гибридными угрозами;

- укрепить потенциал по анализу разведывательных данных и по защите конфиденциальной информации.⁸⁵

Следует отметить, что информационно-психологический аспект безопасности Европейского союза в отличие от натовской модели когнитивной войны концептуально тяготеет к сфере стратегической конкуренции, нежели к военному противоборству.

Стратегию национальной безопасности Китая формирует комплекс документов Коммунистической партии Китая: решения съездов и совета Политбюро, постановления Пленумов, Центрального военного совета, Госсовета КНР, а также ряд специальных законов: «О национальной безопасности», «О борьбе с терроризмом», «О защите государственной тайны», «О кибербезопасности» и др.

Среди этого перечня основополагающее значение для определения фундаментальных принципов обеспечения национальной безопасности имеет закон Китайской народной республики «О национальной безопасности»⁸⁶. В соответствии с документом обеспечения национальной безопасности имеет ярко выраженный социокультурный акцент, выражающийся в отождествлении национальной безопасности с безопасностью народа. Исходя из этого, в соответствии со статьей 3 национальная безопасность Китая имеет четыре равнозначных измерения: политическое, военное, культурная и социальная.

⁸⁵ A Strategic Compass to strengthen the security and defence of the European Union by 2030. March 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/european-defence-63008/article/a-strategic-compass-to-strengthen-the-security-and-defence-of-the-european> (дата обращения: 09.03.2023)

⁸⁶ Закон Китайской Народной Республики «О национальной безопасности». 01.07.2015. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/fgkd/xfq/fl/201507/20150700399835> (дата обращения: 10.03.2023)

Закон КНР «О национальной безопасности» был принят в 2015 году, когда воздействие информационной среды на общественное мнение и индивидуальную психику человека стало вполне очевидным. Следовательно, его можно было со всеми основаниями рассматривать в качестве политического инструмента внешнего влияния, несущего в себе достаточное число вызовов и потенциальных угроз мировоззренческим основаниям китайского общества и официальной государственной идеологии, чтобы принять действенные меры для его ограничения. Именно поэтому в законе делается особый акцент на необходимости, собственно, *национальной безопасности*, т.е. безопасности, основывающейся на фундаментальных принципах культурной идентичности и своеобразия китайского народа.

Поэтому неслучайно комплекс задач национальной безопасности наряду с обеспечением технологического суверенитета, а также технических и инфраструктурных аспектов информационной безопасности, включает в себя компоненты политической (защита политического строя и борьба с иностранной подрывной деятельностью) и культурной (защита национальной культуры, сочетающей социалистические и традиционные ценности) безопасности.

Таким образом, в законодательстве Китая изначально была заложена прямая связь между относительно обособленными компонентами национальной безопасности: защитой фундаментальных мировоззренческих оснований китайского общества и обеспечением безопасности в информационной среде. В развитие этого принципа и детализации положений закона «о национальной безопасности», касающихся обеспечения безопасности в информационной сфере, в 2016 году Всекитайское собрание народных представителей одобрило закон КНР «О кибербезопасности», который вступил в силу 1 июня 2017 г.⁸⁷ Первая статья документа достаточно

⁸⁷ Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» 01.06.2017. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3%95/16843044?fr=aladdin>. (дата обращения: 10.03.2023)

четко фиксирует главную цель кибербезопасности – развитие информатизации экономики и общества на основе обеспечения сетевой безопасности и суверенитета в национальном киберпространстве, защите законных прав и интересов граждан, юридических лиц и других организаций.

Всего документ содержит 79 статей, ключевые положения которых включают следующие:

жесткие ограничения на сбор и использование персональных данных – для осуществления данных действий необходимо получить прямое разрешение от лица, чья личная информация подвергается обработке. Человек имеет право потребовать от оператора удалить его персональные данные, полученные без его ведома;

возложение на операторов обязанности по верификации личности пользователей при предоставлении доступа к сети Интернет, регистрации доменного имени, доступа к стационарной и мобильной телефонной связи, обмену мгновенными сообщениями;

проверка регулирующим органом сделок в отношении критической информационной инфраструктуры;

требование к операторам хранить персональные данные и данные, касающиеся критически важной инфраструктур исключительно на территории Китая. В случае передачи такой информации за границу необходимо получить разрешение уполномоченного органа;

обязанность операторов немедленно приостановить предоставление услуг и сообщить об этом в соответствующие органы при обнаружении сбора, распространения или передачи информации в нарушение требований законодательства.

Следует подчеркнуть, что данный закон нередко становился объектом критики со стороны западных правозащитных организаций в контексте введения цензуры, нарушений неприкосновенности частной жизни из-за

обязанности провайдеров предоставлять государству персональные данные пользователей по их первому требованию, ограничений прав человека и свободы слова.⁸⁸ Однако, по мнению некоторых специалистов, «закон носит ярко выраженную патриотическую направленность. В нем закрепляется политика Поднебесной, традиционно ориентированная на защиту своих собственных интересов без особой оглядки на соседей и партнеров.»⁸⁹

Следует также подчеркнуть, что в Китае информационно-психологический компонент (защита от внешнего политического и социокультурного влияния, будь то элементы мягкой силы или злонамеренная дезинформация) изначально являлся неотъемлемой частью стратегии национальной и информационной безопасности. Как указывает Н.П. Ромашкина, одним из основополагающих приоритетов Китая в области информационной безопасности выступает «защита Коммунистической партии через информационный контроль и пропаганду, надзор над внутренними источниками потенциальных беспорядков.»⁹⁰ Важно обратить внимание, что данный приоритет присутствовал в политике Китая за долго до принятия рассмотренных законов, которые лишь подытожили нацеленность КНР на формирование национального информационного пространства и обеспечение в нем суверенитета и государственного контроля. Например, с 2009 года Китай планомерно блокировал на территории страны доступ к западным интернет-платформам, таким как YouTube, сервисам Google и некоторым другим иностранным технологическим компаниям. С 2003 года в стране развернут знаменитый «Великий китайский файрволл», который к 2006 году полностью охватил

⁸⁸ В Китае вступает в силу резонансный закон о кибербезопасности. // Риа Новости. 01.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170601/1495523455.html> (дата обращения: 10.03.2023)

⁸⁹ Кондрат Е.Н., Петров П.А., Сальников М.В. Концепция национальной безопасности Поднебесной: традиционная и всеобъемлющая // Юридическая наука: история и современность. 2017. N 12. С. 157.

⁹⁰ Ромашкина Н.П., Задремайлова В.Г. Эволюция политики КНР в области информационной безопасности // Пути к миру и безопасности. 2020. N 1. С. 131.

(или же сформировал) все Интернет-пространство Китая, блокируя в автоматическом режиме внешний нежелательный контент.⁹¹

В целом, Китай уделяет самое пристальное внимание вопросам защиты мировоззренческих и духовно-нравственных основ общества, государственной идеологии путем обеспечения информационного суверенитета и контроля за распространением и потреблением информации в медиапространстве.

Весьма показателен опыт Объединенных Арабских Эмиратов в сфере обеспечения кибербезопасности. ОАЭ, позиционирующие себя на мировой арене как открытая либеральная страна, в которой около 85% населения являются активными пользователями Интернета⁹², и при этом, соотнося общественные духовно-нравственные начала с мусульманским мировоззрением, в вопросах кибербезопасности ориентировались исключительно на инфраструктурные и технологические аспекты. Однако после разрыва дипломатических отношений с Катаром в 2017 году, публичное выражение поддержки или симпатий к этому государству в Интернет пространстве рассматривается в качестве киберпреступления, за которое предусмотрено до 15 лет лишения свободы или крупный денежный штраф.⁹³ Подобные факты свидетельствуют об активном использовании вопросов обеспечения кибербезопасности в политических целях, проявляющееся в установлении ограничений на распространение нежелательной информации.

Примечательно, что политические аспекты обеспечения кибербезопасности, связанные с ограничением определенного контента в

⁹¹ Чекменёва Т.Г., Ершов Б.А., Трубицын С.Д., Остапенко А.А. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2020. N 7. С. 78-97.

⁹² Digital 2022. Global Overview Report. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (дата обращения: 11.10.2022)

⁹³ За симпатии Катару гражданам ОАЭ грозит до 15 лет тюрьмы и штраф \$ 136 тыс. 07.06.2017. // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/07/za-simpatii-kataru-grazhdanam-oae-grozit-do-15-let-tyurmy-i-shtraf-136-tys> (дата обращения: 10.03.2023)

медиапространстве, нередко выступают камнем преткновения на международном уровне. Так, например, разработанный в 2018 году модельный закон о противодействии угрозам в киберпространстве, не был утвержден совместным решением государств-членов Лиги арабских государств и был направлен на доработку на неопределенный срок. Данное решение, прежде всего, было обусловлено разницей концептуальных подходов: часть государств Лиги, прежде всего, страны Персидского залива стремились ограничить понятие «кибербезопасности» техническими вопросами, в то время как другая часть, например, Египет, настаивали на включении в это понятие еще и прикладной проблематики, связанной с противодействием распространению запрещенных материалов.⁹⁴

Основополагающим документом в области национальной безопасности России является Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, новая редакция которой утверждена Указом Президента РФ N 400 от 02.07.2021.⁹⁵ С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в стране и в мире на современном этапе в документе обозначены восемь национальных интересов, среди которых развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. Подчеркивается, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны внешних сил, которые оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих

⁹⁴ Hakmeh J. Cybercrime Legislation in the GCC Countries Fit for Purpose? July 2018. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-07-04-cybercrime-legislation-gcc-hakmeh.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

⁹⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)

традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации, что усиливает угрозу утраты Россией своего культурного суверенитета.

Информационно-психологическое воздействие связано с насаждением чуждых идеалов и ценностей, осуществлением без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка. Иными словами, Стратегия устанавливает четкую связь между информационно-психологическим воздействием и мировоззренческими основами общественной жизни, которые выступают его главным объектом.

Обеспечение национальной безопасности основывается на достижении целей и решении задач, предусмотренных в рамках девяти стратегических национальных приоритетов, одним из которых выступает информационная безопасность. При этом подчеркивается, что быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз в сфере информационной безопасности.

Помимо расширения использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, увеличения количества компьютерных атак на информационные ресурсы, активизации деятельности специальных служб иностранных государств по проведению разведывательных и иных операций в российском информационном пространстве, в документе указывается на целенаправленные попытки дестабилизации внутренней общественно-политической ситуации путем распространения недостоверной информации, материалов террористических и экстремистских организаций, призывов к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, что является инструментами деструктивного информационно-психологического воздействия.

В качестве первой задачи, от решения которой зависит достижение цели информационной безопасности – укрепление суверенитета страны в информационном пространстве – обозначено формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры.

Таким образом, в Стратегии национальной безопасности РФ информационно-психологическое воздействие имеет два измерения. Первое – мировоззренческое, связанное с защитой традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Второе – медийное, связанное с противодействием производству и распространению деструктивной информации.

При этом концептуально информационно-психологическая безопасность, хотя в документе данное словосочетание не используется, является частью системы обеспечения информационной безопасности, включающей также инфраструктурный и технологический аспекты.

Специальным документом, содержащим систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере, является Доктрина информационной безопасности, принятая 5 декабря 2016 года.⁹⁶ В ней обозначены национальные интересы страны в информационной сфере, к которым относятся обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий; применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа России; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры; развитие

⁹⁶ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения: 06.02.2023)

национальной отрасли информационных технологий и электронной промышленности; защита суверенитета страны в информационном пространстве.

Также в документе перечислены пять основных направлений обеспечения информационной безопасности, среди которых указана нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

Таким образом, Доктрина вслед за Стратегией национальной безопасности четко обозначает объект информационно-психологического воздействия – мировоззренческие основы общественной жизни. При этом следует подчеркнуть, что словосочетание «информационно-психологический» в документе встречается лишь два раза, в контексте обозначения соответствующих угроз информационной безопасности и противодействия им.

Конкретные механизмы противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию раскрываются в ряде федеральных законов. Например, Федеральным законом от 05.12.2022 N 479-ФЗ внесены поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за действия, связанные с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, в том числе с использованием средств массовой информации.⁹⁷ Закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает ответственность за публичное распространение экстремистских материалов, в том числе публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской

⁹⁷ Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 06.03.2023)

Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации.⁹⁸

Закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» содержит ряд норм, направленных на противодействие производству и распространению манипулятивной информации. В частности, предусмотрено, что материалы, производимые и (или) распространяемые иностранным агентом, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети «Интернет», должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены иностранным агентом, либо касаются деятельности такого агента.⁹⁹

В 2019 году приняты поправки к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам страны, или органам государственной власти.¹⁰⁰ В этом же году приняты изменения к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», направленные на борьбу с распространением дезинформации. В частности, предусматривается введение ограничения доступа к информации и блокировка информационных ресурсов, на которых размещается недостоверная общественно значимая

⁹⁸ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями)». URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)

⁹⁹ Федеральный закон от 14 июля 2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)

¹⁰⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 N 28-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (дата обращения: 06.03.2023)

информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности.¹⁰¹

После начала Специальной военной операции на территории Украины в феврале 2022 года Россия столкнулась с масштабными информационно-психологическими атаками, связанными, в том числе с массовым распространением информационных материалов, направленных на дискредитацию действий российских вооруженных сил. В качестве превентивной меры в декабре 2022 года были приняты поправки в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил России в целях защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил в указанных целях.¹⁰² В дополнение к этому в марте 2023 года в Государственную Думу были внесены поправки об уголовной ответственности за дискредитацию всех участников специальной военной операции, в том числе добровольческих формирований. По словам Вячеслава Володина, «любое публичное распространение заведомо ложной информации, а также публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных сил Российской Федерации, добровольческих формирований,

¹⁰¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 06.03.2023)

¹⁰² Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" от 25.03.2022 N 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412674/ (дата обращения: 06.03.2023)

организаций и лиц, которые содействуют в выполнении возложенных на ВС РФ задач, недопустимы».¹⁰³

Несмотря на то, что в России в федеральных официальных документах отсутствует понятие «информационно-психологическая безопасность» защите от злонамеренного информационно-психологического воздействия в российском законодательстве уделено значительное внимание. Кроме того, вопросы обеспечения безопасности в информационной сфере являются предметом государственной политики на уровне субъектов РФ.

Так, например, в феврале 2023 была утверждена Концепция информационной безопасности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга.¹⁰⁴ В документе впервые в России на официальном уровне использовано понятие «информационно-психологическая и когнитивная безопасность» (ИПКБ), которая рассматривается в качестве компонента системы информационной безопасности. Обеспечение ИПКБ выполняется при прогнозировании, обнаружении и оценке информационно-психологических угроз; противодействию использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации и разрушении традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В перечне угроз информационной безопасности, перечисленных в Концепции, привлекают к себе внимание угрозы безопасности информации, связанные с применением методов социальной инженерии, под которой

¹⁰³ Красильников С. В Госдуму внесли поправки об ответственности за дискредитацию участников СВО // Тасс. 01.03.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17166039> (дата обращения: 06.03.2023)

¹⁰⁴ Концепция информационной безопасности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга. Администрация Губернатора Санкт-Петербурга N 07-139-1984/23-0-0 от 07.02.2023 г.

понимается метод манипулирования мыслями и поступками людей, базирующийся на психологических особенностях. Таким образом, Концепция информационной безопасности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в дополнение к мировоззренческой и медийной сфере информационно-психологического противоборства добавляет третью сферу, связанную с использованием когнитивных особенностей потребления информации.

Если обратиться к вопросу о принципах обеспечения информационной безопасности в интеграционных объединениях с участием России, необходимо подчеркнуть неразрывную связь между техническими и информационно-психологическими аспектами кибербезопасности. Шанхайская организация сотрудничества в июне 2006 года одной из первых среди региональных организаций на официальном уровне закрепила приоритет сотрудничества в области международной информационной безопасности. На саммите ШОС в Шанхае главы государств-членов в совместном заявлении зафиксировали высокую роль и значение информационно-коммуникационных технологий в человеческой деятельности, их влияние на формирование глобальной информационной среды, а также значение для политической, оборонной, социокультурной и других составляющих национальной безопасности, а также общей системы международной безопасности и стабильности.¹⁰⁵ В документе подчеркиваются возрастающие угрозы для гражданской и военной сфер международной безопасности, связанные с использованием ИКТ в преступных, террористических и военно-политических целях, которые сопряжены с тяжелыми политическими и социально-экономическими последствиями для отдельных стран, регионов и мира в целом, вплоть до дестабилизации общественной жизни государств.

¹⁰⁵ Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. 15.06.2006. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/20060615/44820.html> (дата обращения: 10.03.2023)

В Соглашении между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, последняя рассматривается как важный фактор обеспечения государственного суверенитета, национальной безопасности и социально-экономической стабильности. При этом в перечне угроз информационной безопасности отмечены разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны; распространение информации, наносящей вред общественно-политической и социально-экономической системам, духовной, нравственной и культурной среде других государств.¹⁰⁶

В Ташкентской декларации 15-летия Шанхайской организации сотрудничества подчеркивается необходимость дополнения национальных усилий по обеспечению информационной безопасности совместными действиями государств-членов ШОС на двустороннем, региональном и международном уровнях.¹⁰⁷ При этом единство данной позиции, очевидно, основывается на ориентации национального законодательства в данной области на обеспечение суверенитета в информационной сфере. Так, в марте 2017 года Министерство иностранных дел Китая и Государственная канцелярия интернет-информации страны опубликовали Стратегию международного сотрудничества в киберпространстве, в которой в качестве основополагающих принципов провозглашались интернет-суверенитет, отказ от гегемонии в интернете и недопущения вмешательства во внутренние дела других государств с использованием информационно-коммуникационных технологий.¹⁰⁸

¹⁰⁶ Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 16.06.2009. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 10.03.2023)

¹⁰⁷ Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества. 24.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5094> (дата обращения: 10.03.2023)

¹⁰⁸ International Strategy of Cooperation on Cyberspace. 01.03.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm (дата обращения: 10.03.2023)

В рамках ШОС создается политическая платформа для совместных действий для защиты от информационных угроз. В Циндаоской декларации Совета глав государств-членов ШОС подчеркивается необходимость создания системы мониторинга возможных угроз в глобальном информационном пространстве и противодействия им.¹⁰⁹

Существенную роль в обеспечении информационной безопасности играет развитие современных информационно-коммуникационных технологий. В этом смысле формат БРИКС стал одной из наиболее заметных международных площадок сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. В Концепции участия России в объединении БРИКС в числе основных целей в сфере международной безопасности указано сотрудничество с государствами-участниками БРИКС по противодействию использованию ИКТ в военно-политических, террористических и криминальных целях, а также в целях, противоречащих обеспечению международного мира, стабильности и безопасности.¹¹⁰ В августе 2019 г. в целях развития международного сотрудничества в области построения новой безопасной сетевой платформы, следующего поколения мобильной связи, промышленного интернета и искусственного интеллекта в Китае состоялось открытие филиала Института БРИКС по изучению сетей будущего «BRICS Future», являющегося частью Сетевого университета БРИКС, объединяющего высшие учебные заведения стран-членов БРИКС.¹¹¹

В Сямэньской декларации руководителей стран БРИКС от 4 сентября 2017 года зафиксировано первостепенное значение принципов

¹⁰⁹ Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹⁰ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. 09.02.2013. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹¹ Филиал Института БРИКС по изучению сетей будущего открылся в Южном Китае. 07.08.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23406> (дата обращения: 10.03.2023)

государственного суверенитета, политической независимости, территориальной целостности и суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела других государств и соблюдения прав человека и основных свобод.¹¹²

По итогам встречи министров иностранных дел стран-участниц БРИКС в июне 2018 г. в ЮАР была принята Йоханнесбургская декларация, в которой подчеркивается опасность новых вызовов и угроз, связанных с растущим использованием ИКТ в преступных целях государственными и негосударственными субъектами, а также важность разработки под эгидой ООН правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве.¹¹³

В целом исследователи указывают на общность подходов государств ШОС и БРИКС к обеспечению информационной безопасности, что отчетливо проявилось в принятых на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН российских проектов резолюций «Достижения в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», а также «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». Эти проекты аккумулировали идеи, ранее отраженные в итоговых документах саммитов этих объединений, и открыли качественно новый этап обсуждения вопросов международной информационной безопасности на уровне ООН.¹¹⁴

Для совместных заявлений и документов, принятых на уровне ШОС и БРИКС при рассмотрении вопросов информационной безопасности характерна апелляция к национальным принципам безопасности в этой

¹¹² Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. 04.09.2017. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹³ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. 26.07.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹⁴ Бойко С.М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС // Международная жизнь. 23.01.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21480> (дата обращения: 10.03.2023)

сфере, поэтому совместные усилия по противодействию злонамеренному информационно-политическому влиянию опираются на единство целей в области соблюдения национальных интересов и суверенитета в информационной среде. Так, например, по итогам заседания Группы экспертов ШОС по международной информационной безопасности, состоявшейся 13 июля 2022 года в Ташкенте была отмечена необходимость деполитизированного практического сотрудничества в целях дальнейшего укрепления потенциала государств-членов ШОС по эффективному предупреждению и нейтрализации возникающих в информационной сфере угроз коллективной безопасности.¹¹⁵

В июле 2021 года опубликован Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности.¹¹⁶ Эксперты ООН указывают на злонамеренную информационно-коммуникационную деятельность со стороны представляющих постоянную угрозу субъектов, таких как государства или другие субъекты, которая может создавать значительный риск для международной безопасности и стабильности, экономического и социального развития, а также для безопасности и благополучия отдельных лиц. Кроме того, в тексте доклада подчеркивается, что государства и другие субъекты активно используют более сложные и многогранные возможности ИКТ в политических и других целях. Более того, отмечается рост злонамеренного использования государствами тайных информационных кампаний с применением ИКТ для влияния на процессы, системы и общую стабильность другого государства. Такие действия

¹¹⁵ Сообщение для СМИ об итогах заседания Группы экспертов ШОС по международной информационной безопасности. Ташкент, 13 июля 2022 г. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20220719/855125.html> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹⁶ Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. Генеральная Ассамблея ООН. 14.06.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1423809/ (дата обращения: 10.03.2023)

подрывают доверие, могут привести к эскалации ситуации и угрожать международному миру и безопасности.

Из приведенных данных четко следует, что на национальном и международном уровне идет процесс концептуализации вопросов, связанных с обеспечением информационно-психологической безопасности, которая является неотъемлемой частью кибербезопасности. Информационно-психологическая сфера, прежде всего, фокусирует внимание, на защите мировоззренческих, идеологических и духовно-нравственных основ общественной жизни и неразрывно связана с контролем над медиaprостранством, распространением и потреблением информации. При этом современное развитие технологий позволяет оказывать эффективное влияние на общественное мнение и психику отдельного человека, формируя тем самым комплекс вызовов и угроз национальной и общественной безопасности государств и союзов.

Вне зависимости от того, каких ценностно-ориентированных установок придерживаются те или иные субъекты международных отношений, основные принципы обеспечения информационно-психологической безопасности имеют сегодня вполне универсальный характер и включают следующие основные компоненты:

Мировоззренческий – фундаментальные ценности и принципы общественной жизни, общность идеологических устремлений и социокультурный опыт;

медийный – контроль над производством и распространением информации, противодействие деструктивному и злонамеренному информационному влиянию и пропаганде;

когнитивный – противодействие потреблению деструктивной информации путем использования достижений современных информационно-коммуникационных, социальных и когнитивных технологий.

Именно эта триада лежит в основе нашей теоретико-методологической модели обеспечения информационно-психологической безопасности, которую мы представим в следующей части нашей работы.

Глава 2. Теоретико-методологическая модель информационно-психологической безопасности

Безопасность в наиболее общем смысле выступает неотъемлемой частью всех сторон человеческой жизнедеятельности: от охраны труда до космической безопасности, от обеспечения технологического суверенитета и контроля за национальным информационным пространством до разработки стратегических систем общественной и национальной безопасности. В этом смысле, исходя из понимания опасности как совокупности реальных или потенциальных вызовов, при которых внешние и внутренние факторы способны нарушить функционирование социально-политической системы и жизненного мира человека, на фоне разворачивающейся четвертой в индустриальной истории человечества, промышленной революции, процессов глубокой цифровизации существенно возрастает значение информационно-психологического компонента безопасности.

В современном мире одной из ключевых характеристик феномена безопасности выступает сжимающаяся хронологическая дистанция между постоянно совершенствующимися техническими средствами и технологиями, которые порождают различного рода вызовы и угрозы и средствами, обеспечивающими возможность их нейтрализации.

В основе решения проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности лежат теоретические представления о глобальном информационном пространстве, которое предстает ареной международного противоборства и конфликтов с использованием информационно-психологических операций, процедур, способов влияния и угроз. Информация и информационные технологии пронизывают все сферы современного общества – и в мирное время, и в периоды стратегической конкуренции, и в военное время. С начала 2000-х гг. передовые информационные технологии, предназначенные для быстрого обмена, обработки и анализа данных оказали значительное влияние на характер

международных отношений. Сегодня концепции противоборства в информационной сфере занимают одно из центральных мест в стратегических документах многих государств и международных организаций. Информационное противоборство представляет собой особый элемент современного стратегического мышления, в котором информационное воздействие рассматривается в качестве средства расширения господства одного актора и снижения влияния противников.

Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» является одним из восьми ключевых национальных интересов, кроме того в документе отмечается, что «Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства. Расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности. Увеличивается количество компьютерных атак на российские информационные ресурсы.»¹¹⁷

В Киберстратегии США подчеркивается: «Защита национальной безопасности Америки и содействие процветанию американского народа являются главными приоритетами. Обеспечение безопасности киберпространства имеет основополагающее значение для обоих начинаний. Киберпространство является неотъемлемым компонентом всех аспектов американской жизни, включая нашу экономику и оборону ... Соединенные

¹¹⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)

Штаты будут использовать все соответствующие инструменты национальной власти для разоблачения и противодействия потоку злонамеренного влияния

в Интернете и информационных кампаний, а также негосударственной пропаганды и дезинформации.»¹¹⁸

В Киберстратегии ЕС отмечается: «Кибербезопасность является неотъемлемой частью безопасности европейцев. Будь то подключенные устройства, электросети или банки, самолеты, государственные администрации или больницы, которыми они пользуются или которые часто посещают, люди заслуживают того, чтобы делать это с гарантией того, что они будут защищены от киберугроз. Экономика, демократия и общество ЕС больше, чем когда-либо, зависят от безопасных цифровых инструментов и возможностей подключения. Таким образом, кибербезопасность имеет важное значение для построения устойчивой, зеленой и цифровой Европы.»¹¹⁹

Информационная эпоха изменила общество, позволив людям взаимодействовать в цифровом формате, но при этом те или иные мотивированные акторы могут использовать целенаправленное массовое влияние для достижения своих политических целей. Кроме того, речь идет не только о злонамеренных действиях в информационном пространстве, проведении специальных информационно-психологических операций в период военных конфликтов и в мирное время, но и о формировании соответствующего дискурса в публичном информационном пространстве, который способен оказать влияние на мировоззренческие основания

¹¹⁸ National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 06.02.2023)

¹¹⁹ Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 06.02.2023)

жизнедеятельности общества и расстановку сил в стратегической конкуренции.

В VI веке до н.э. знаменитый китайский философ и военный теоретик достаточно точно сформулировал фундаментальные принципы информационно-психологического противоборства:

- Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника.
- Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор общественности.
- Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны.
- Подстрекайте молодежь против стариков.
- Мешайте всеми средствами работе правительства.
- Сковывайте волю воинов противника песнями и музыкой.
- Делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов.¹²⁰

Как указывают некоторые современные исследователи, «информационно-психологическое противоборство происходит абсолютно во всех сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической, духовно-культурной, дипломатической и собственно в военной сфере. Поэтому в современных условиях чрезвычайно важно, чтобы Россия не осталась в стороне от современных информационных технологий и в тоже время сохранила свою уникальную самобытность, свои традиции, свое мировоззрение, свое эмоционально-психологическое своеобразие и оказалась бы психологически невосприимчивой к чуждым ей взглядам и идеям.»¹²¹

¹²⁰ Сунь Цзы. Искусство войны. Основы китайской военной стратегии. СПб.: 2016. С. 23.

¹²¹ Ососков Г.В. Информационно-психологическое противоборство как важнейшая функция военно-политических органов по организации военно-политической пропаганды и агитации // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2020. №3. С. 16.

Исходя из данного в предыдущей части нашей работы определения «информационно-психологического противоборства», под *информационно-психологической безопасностью* мы будем понимать состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия организованной или дискурсивной природы.

Модель обеспечения информационно-психологической безопасности включает в себя следующие компоненты: мировоззренческий, медийный, когнитивный.

§2.1. Мировоззренческий компонент информационно-психологической безопасности

Следует четко представлять, что практика информационно-психологического противоборства отнюдь не ограничивается пропагандой и специальными информационно-психологическими операциями, хотя зачастую именно они выступают ее основным инструментом. Главным объектом информационно-психологического противоборства, в предельно широком его понимании, выступает не просто человек, коллектив, общество как таковые, а их духовная деятельность, которая воплощается в мировоззрении, идеологии, системе ценностей и норм, а также определяемом ими групповом и индивидуальном поведении. По мнению некоторых исследователей, мировоззрение является не простым набором знаний, оценок и убеждения, в его формировании наряду с рациональной умственной деятельностью заметную роль играют человеческие эмоции в сочетании с мироощущением и миропониманием. Поэтому «мировоззрение – это своего рода синтез различных черт духовной деятельности человека, эмоционально-психологической стороной которой (на уровне настроений, переживаний, чувств) является мироощущение, а миропонимание составляет когнитивно-

интеллектуальную сторону мировоззрения, определяющую способ и характер мыслительной деятельности человека.»¹²²

В мировоззрении органично переплетены его рациональный и эмоциональный компоненты органично связаны, а также тесно связаны с социальными ценностями и нормами, что, в совокупности определяет индивидуальное и групповое поведение. Существенную роль в этом процессе играют механизмы социального подкрепления, экономического, нормативно-правового и социального характера. В середине XX века американский социолог Роберт Мертон, исследуя социальные факторы девиантного поведения, в качестве главной причины его возникновения указал несоответствие между провозглашенными общественными ценностями и целями развития и институционализированными нормами и средствами их достижения.¹²³ В результате такого несоответствия члены общества утрачивают механизмы социального подкрепления определенного типа поведения, что вынуждает человека либо отказаться от предлагаемых обществом целей и ценностей на уровне индивидуального сознания, либо достигать их иными, нежели предлагает общество средствами. Поэтому неслучайно, что организаторы «цветных революций» на постсоветском пространстве в медийном пространстве использовали тему вопиющей коррупции в противовес официально провозглашенному верховенству права и равенства всех граждан, вне зависимости от социального статуса перед законом.

Такого рода мировоззренческие противоречия открывают широкие возможности для внешней манипуляции с использованием пропаганды, и дезинформации, что диктует необходимость выработку превентивных

¹²² Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб., 2017. С. 197.

¹²³ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299-313

механизмов и методов обеспечения информационно-психологической безопасности.

Будучи вплетенными в современные процессы глобализации ценностно-мировоззренческие установки способны оказывать существенное влияние на международные отношения.¹²⁴ По мнению В.П. Бранского, мировоззренческий социальный идеал, как образ желаемого асимптотического состояния общества во многом определяет поведение государства на международной арене, подкрепляя внутреннее единство и обеспечивая основу для целенаправленных коллективных действий за счет соответствующих социальных институтов, поддерживающих систему социальных ценностей и норм.¹²⁵

В этом смысле мировоззренческий компонент информационно-психологической безопасности в пространстве международных отношений играет роль фактора стратегической конкуренции.

Стратегическая конкуренция представляет собой долгосрочную борьбу между государствами за свои национальные интересы, лежащую в диапазоне между двумя дихотомическими полюсами: сотрудничеством и конфликтом. Острота стратегической конкуренции особенно проявляется в контексте стремления одних государств сохранить существующий мировой порядок и других – его изменить. Акторы стратегической конкуренции получают преимущества, когда они способны задействовать все элементы национальной мощи: дипломатический, информационный, военный и экономический.¹²⁶ Однако успех во многом зависит от эффективного использования информационной среды, позволяющего проецировать

¹²⁴ Выходец Р.С. Глобализм и регионализация как выбор эпохи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Том 13, N36. С. 13-18.

¹²⁵ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. СПб., 2004. 395 с.

¹²⁶ Cordesman A., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, September 28, 2020. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200702_Burke_Chair_Chinese_Chronology.pdf (дата обращения: 06.02.2023)

национальную мощь в глобальном масштабе, решая задачи сдерживания, принуждения, укрепления уверенности и побуждения к действиям.¹²⁷

Сложность современной конкурентной среды определяется бурным развитием и широким распространением Интернет-технологий и социальных сетей. То как конкуренция осуществляется в информационной среде существенно отличается от действий в других областях. Она включает в себя достаточно широкий арсенал средств, от мягкосилового воздействия до инструментов гибридной войны, а главными целями чаще всего выступают человеческое мировоззрение, психика и поведение, инструментами являются идеи, а средствами защиты – ценности, нормы, убеждения и традиции.

Теоретические основы концепции «гибридной войны» были сформулированы Дж. Маттисом и Ф. Хоффманом.¹²⁸ Гибридная война подразумевает одновременное использование совокупности методов воздействия на противника: военного, дипломатического, экономического, информационно-психологического и информационно-технического характера.

На состоявшейся 1 декабря 2015 г. встрече Совета министров иностранных дел НАТО, была принята Стратегия Североатлантического альянса по противодействию гибридной войне, в которой под «гибридной войной» понимается тактика, не предполагающая открытое применение обычных военных средств. Она включает в себя пропаганду и дезинформацию, методы экономического давления, а также тайное использование сил специального назначения.¹²⁹ Другие околонатовские эксперты определяют гибридную войну как «взаимодействие или слияние

¹²⁷ Blechman B., Kaplan S. Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument, Washington, D.C.: Brookings Institution, 1978. P. 27.

¹²⁸ Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132. Issue: November. P. 18-19.

¹²⁹ Rühle M., Roberts C. Expanding NATO's tools to counter hybrid threats // NATO Review. March 19, 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/03/19/rasshirenie-instrumentariya-nato-dlya-protivodejstviya-gibridnym-ugrozam/index.html> (дата обращения: 07.02.2023)

обычных и нетрадиционных инструментов силы и инструментов подрывной деятельности, синхронно смешанных для использования уязвимостей противника и достижения синергетического эффекта».¹³⁰

Как указывает И.Н. Панарин, наряду с кибератаками, информационными операциями, направленными на нарушение государственной системы коммуникации, обмена данными и принятия решений, экономическим давлением, важным инструментом гибридной войны являются «психологические операции, направленные на подавление морально-психологического состояния населения и боевого духа личного состава ВС противника, создание в обществе атмосферы недоверия и формирование мотивации к деструктивным действиям.»¹³¹ Несмотря на то, что отечественный эксперт на это прямо не указывает, очевидно, что реализация указанных им задач, напрямую зависит от действий в медиапространстве. В этом смысле пропаганда и дезинформация, а также методы борьбы с ними являются краеугольным камнем концепции гибридных войн.

В условиях гибридной войны одним из инструментов информационно-психологического противоборства на мировоззренческом уровне является политика «управляемого хаоса». Один из ее теоретиков С. Манн утверждает, что мир обречен быть хаотичным, поскольку многообразие акторов в быстро изменяющейся политической и социальной системе обладают разными целями и ценностями. Если систему целенаправленно перевести в состояние «политической критичности», далее она сама неизбежно ввергнет себя в катаклизмы хаоса и переустройства.¹³²

¹³⁰ Bilal A. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and ‘Trust’ as the Antidote. November 30, 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (дата обращения: 07.02.2023)

¹³¹ Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. N2. С. 64.

¹³² Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought. 1992. URL: <https://archive.org/details/1992Mann/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 15.02.2023)

Со времени публикации в 1990 году знаменитой работы Дж. Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power», в которой он официально представил широкой общественности свою концепцию «мягкой силы» по данной теме написаны тонны литературы. И сегодня мягкая сила рассматривается в качестве важнейшего элемента внешней политики и конкуренции на международной арене. В теоретическом плане мягкая сила включает в себя весь комплекс гуманитарного сотрудничества, образование, науки, ценности, образ жизни и т.д. Например, международная консалтинговая компания Brand Finance по результатам своего масштабного исследования, в котором принимают участие порядка 100 тыс. респондентов по всему миру, ежегодно публикует отчет под названием «Global Soft Power Index». В нем «мягкая сила» включает себя семь основных компонентов, каждый из которых содержит индикаторы, раскрывающие ее инструментальный характер:

бизнес и торговля – простота и удобство ведения бизнеса, сильная и стабильная экономика, продукты и бренды, пользующиеся успехом в мире, потенциал экономического роста);

политическое управление – лидеры, пользующиеся международным уважением, политическая стабильность и качественное управление, высокие этические стандарты и низкая коррупция, защита и безопасность, уважение к закону и правам человека;

международные отношения – дипломатическое влияние, оказание помощи другим странам, действия по защите окружающей среды, хорошие отношения с другими странами;

культура и наследие – влияние в области искусства и развлечений, мировое признание элементов национальной кухни, привлекательность для туристов, богатое историко-культурное наследие, привлекательность образа жизни, лидерство в спорте;

медиа и коммуникации – простота коммуникации с проживающими в стране людьми, внешний интерес к событиям, связанными со страной, влияние и доверие к национальным медиа;

образование и наука – лидерство в науке, сила и авторитет системы образования, инновационные технологии и высокотехнологичные компании;

люди и ценности – щедрость, дружелюбие, доверие, толерантность и инклюзивность.¹³³

Эффективность реализации мягкой силы зависит от привлекательности страны, ее политических, экономических и социокультурных моделей, ее вклада в мировое развитие и решение глобальных проблем, ориентация на будущее, прогресс и инновации. Позитивное восприятие имиджа страны внешними аудиториями позволяет добиваться политических целей. Один из крупнейших мировых специалистов в области национального брендинга С. Анхольт разработал рейтинговую систему «Good Country Index», целью которой является измерить, какой вклад вносит каждая страна в общее благо человечества и что она забирает, по отношению к ее размеру. Индекс хорошей страны не измеряет, что страны делают у себя внутри, он рассматривает только внешнее влияние каждой страны на мир. Его ключевыми компонентами являются: наука и технологии, культура, поддержание мира и международная безопасность, мировой порядок и решение гуманитарных проблем, климат и окружающая среда, процветание и равенство, здоровье и благополучие.¹³⁴ Применительно к теме нашего исследования идея оценки вклада стран в общемировое благо представляет интерес, прежде всего тем, что С. Анхольт при разработке Good Country Index указывал, что общественное мнение относительно восприятия имиджа той или иной страны очень часто носит манипулятивный характер и может быть искажено информационной повесткой СМИ. Дж. Най в своей работе

¹³³ Global Soft Power Index. 2022. Электронный ресурс]. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 15.02.2023)

¹³⁴ Good Country Index. URL: <https://index.goodcountry.org/> (дата обращения: 15.02.2023)

«Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике» указал на то, что политика мягкой силы при достижении политических целей в международной конкурентной борьбе может служить средством тонкой перенастройки общества, когда людей, живущих в данном обществе, заставляют поверить в рекомендуемое «благо», которое, в действительности, благом для них не является, а, напротив, им вредит.¹³⁵

Развивая эту мысль, некоторые авторы указывают, что в процессе практического воплощения концепции «мягкой силы» в реальную практику международных отношений, она превращается в инструмент информационно-психологического воздействия и чаще всего реализуется посредством тактики «салями», то есть последовательного парциального нанесения противнику ущерба в одной или нескольких сферах (экономические санкции и блокады, инициирование допинговых скандалов в спорте, образовательная экспансия, насаждение неприемлемого образа жизни, культуры и искусства).¹³⁶

По мнению Де Мартино, одной из тенденций, «актуализирующей «мягкую силу», является возрастающая роль общественного мнения. Распространение демократии и информационно-технологическая революция – два ключевых фактора, которые постоянно способствуют укреплению роли общественного мнения, как на национальном, так и международном уровнях.»¹³⁷ Современная международная политическая практика изобилует примерами, когда под видом гуманитарного сотрудничества, распространения демократии, защиты прав и свобод человека целенаправленно продвигаются деструктивные концепции, наносящие вред национальному самосознанию, идентичности, основам конституционного

¹³⁵ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004. 208 p.

¹³⁶ Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. N 1. С. 10.

¹³⁷ Де Мартино М., Барнашов О.В. Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Ная // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. N 4. С. 43.

стройка и социально-политической стабильности. Зачастую агентами такого влияния становятся СМИ, некоммерческие организации, академические грантовые программы. Так, например, в феврале 2023 года Жозеп Боррель заявил об активной поддержке российских СМИ-иноагентов. Глава дипломатии ЕС подчеркнул: «Мы на стороне российских независимых СМИ, защитников прав человека и гражданского общества. Я не могу раскрывать детали, но поверьте мне, мы поддерживаем их не только на словах, но и на практике»¹³⁸

Поэтому на национальном уровне требуются соответствующие защитные механизмы, позволяющие противодействовать возможному злонамеренному воздействию. Однако это сопряжено со значительными сложностями. Во-первых, попытки оградиться от любого внешнего влияния грозят автаркией и риском оказаться на обочине мирового развития. Кроме того эффект от такого негативного влияния заметен ни сразу. Например, после начала Специальной военной операции на территории Украины и массового введения коллективным Западом санкций, в России зафиксирован значительных отток населения. По данным Росстата, в первом полугодии 2022 года страну покинули около 420 тыс. человек, что почти в два раза больше чем в аналогичный период 2021 года.¹³⁹

Во-вторых, оценка степени добра и зла, которое привносит с собой то или иное внешнее воздействие в условиях демократии и свободы слова всегда носит субъективный и дискуссионный характер и требует определенного времени для более и или менее взвешенных оценок. Так, например, в России до сих пор распад СССР для одних представляет собой трагедию и крупнейшую геополитическую катастрофу, а другие

¹³⁸ ЕС активно помогает российским СМИ-иноагентам, признал Боррель. 07.02.2023. URL: https://ria.ru/20230207/es-1850317196.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 15.02.2023)

¹³⁹ Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь-июль 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 15.02.2023)

рассматривают это событие как, несомненно, положительный и неизбежный шаг на пути русского народа к свободе и демократии.

Во избежание этих трудностей в нашей работе при рассмотрении мировоззренческого компонента информационно-психологической безопасности мы встанем на классические реалистические позиции политической науки, которые предполагают, что ключевые национальные приоритеты, в том числе и в мировоззренческой сфере, определяются политической элитой, артикулируются в публичных заявлениях политиков и фиксируются в соответствующих стратегических документах. Негативное влияние тех или иных внешних воздействий оценивается исходя из того, в какой мере оно направлено против сформулированных приоритетов и дестабилизирует внутреннюю социально-политическую обстановку.

В качестве основных методов деструктивного информационно-психологического воздействия в мировоззренческой сфере можно выделить следующие:

формирование негативного восприятия объекта воздействия в самом широком смысле;

подрыв основных социальных институтов;

подрыв национальной идентичности и системы ценностей;

подрыв веры в существование правды и факта.

Основными инструментами являются: дискредитация политических лидеров, публичных персон, спортсменов, ценностей и уклада жизни, подрыв социального доверия и культивация мировоззрения «постправды».

Для обеспечения информационно-психологической безопасности на мировоззренческом уровне следует указать на несколько важных аспектов:

Фиксация ценностных приоритетов развития в стратегических документах. Их четкая артикуляция создает систему ценностных ориентиров для широкого спектра политических и социокультурных процессов в

обществе. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одного из 9 компонентов обеспечения национальной безопасности выступает защита традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. К духовно-нравственным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.¹⁴⁰

Национальная стратегия безопасности США содержит мировоззренческую ориентацию на американское глобальное лидерство, продвижение демократии, открытие рынков, противостояние автократиям.¹⁴¹

Создание системы социального подкрепления, содержащие стимулы при выборе необходимых мировоззренческих позиций и поддержки нужного типа поведения. Примерами позитивного социального подкрепления выступают различного рода гранты для научно-образовательных проектов и некоммерческих организаций, введение специальных образовательных программ и научных дисциплин в учебный процесс, повышение общественного престижа определенных действий, региональные и общенациональные конкурсы, ориентированные на ценностные приоритеты развития и т.д.

¹⁴⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee f6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)

¹⁴¹ National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 06.03.2023)

Имиджевая политика, включающая широкий спектр приоритетов национального развития, ключевое видение общественного прогресса, предлагаемого внутри страны и остальному миру, систему пропаганды общественных и государственных достижений среди внутренних и внешних аудиторий. Сегодня в систему оценок эффективности имиджевой политики многие специалисты включают такие критерии как способность страны участвовать в решении глобальных проблем, основные ценности, транслируемые остальному миру, ориентацию на будущее прогресс и инновации.¹⁴²

Ярким примером, является гонка за первенство в разработке вакцины от COVID 19 и широко развернувшаяся кампания по дискредитации достижения российских медиков, которым первыми в мире удалось создать вакцину «Спутник».

§2.2. Медийный компонент информационно-психологической безопасности

В условиях все возрастающего значения информационной среды целевые аудитории живут в перенасыщенном информацией мире. Это требует по-настоящему когнитивного, психологически ориентированного подхода к убеждению, влиянию и мотивации. Необходимость понимания ментальных движущих сил, которые приводят к выработке наиболее эффективных методов предоставления информации, пользующейся доверием целевой аудитории, становится все более важной.

Главным ресурсом информации являются ее носители. Сегодня любой человек может передать информацию по всему миру, используя множество платформ и каналов, что предоставляет противникам и конкурентам легкий доступ к гражданам других стран, открывая широкие возможности для

¹⁴² Василенко И.А. Имиджевая стратеги России в контексте мирового опыта. М., 2013. С. 50-63.

влияния. Поэтому для обеспечения информационно-психологической безопасности в современных условиях особое значение приобретает контроль над медиапространством. Эксперты американской аналитической корпорация RAND в одном из своих последних отчетов на основе исследования большого количества литературы и интервью с военными экспертами представила классификацию действий и мотивов, связанных с информацией и операциями в информационной среде. Все действия в этой области, по их мнению, можно разделить на два крупных блока: контроль над средствами коммуникации (покупка телевизионных каналов, радиостанций, киностудий, дистрибьюторских сетей, использование политического и экономического влияния на рынке СМИ, цензура) и использование методов пропаганды (как основанной на правде так и манипулятивного характера) и дезинформации.¹⁴³

В своих дальнейших рассуждениях мы будем отталкиваться от признания открытости современного медиапространства, поскольку на сегодняшний день существует достаточное количество ресурсов и инструментов для получения доступа к любым источникам информации и преодоления ограничений доступа и цензурных барьеров. Поэтому для конструктивного и содержательного анализа обеспечения информационно-психологической безопасности в медиапространстве недостаточно простой констатации необходимости контроля над информационными носителями и контентом. Для конкретных и эффективных действий купирования вызовов и угроз требуется четкое понимание форм и методов информационно-психологического воздействия. Современные конфликты на территории Сирии и Украины, которые, по мнению ряда исследователей, являются,

¹⁴³ Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in U.S. Concepts for Strategic Competition. RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (дата обращения: 06.02.2023)

частью масштабной гибридной войны,¹⁴⁴ предоставляют достаточно объемный материал для анализа и выявления специфики современного информационно-психологического в медиaprостранстве.

Информационно-психологическое противоборство в медийной сфере включает в себя два взаимосвязанных компонента: производство и распространение информации. Следует подчеркнуть, что в современном научном и экспертном дискурсе в контексте рассуждений об информационно-психологическом противоборстве в медиaprостранстве, прежде всего, речь идет о создании контента, изначально преследующего манипулятивные цели. Как уже подчеркивалось выше, пропаганда может заключаться и в продвижении достоверной информации, но возможности в данной области ограничены политическим контролем над тем или иным локальным информационным пространством и влиянием на интернет-ресурсы и, более того, разные государства сегодня имеют совершенно различные возможности в этой области. Так, например, широкую известность интервью Аманды Кокоевой на американском телеканале Fox News, которое после ее слов об обстреле мирных жителей Цхинвала грузинскими войсками было незамедлительно прервано ведущим.¹⁴⁵ Или же массовая блокировка пророссийских каналов на YouTube. Так по некоторым данным за несколько месяцев после 24 февраля 2022 года данный видеохостинг удалил более 70 000 видеороликов и 9000 каналов, связанных с ситуацией на Украине, за нарушение правил в отношении контента, при этом в одном из интервью директор по продуктам Youtube Нил Мохан признал, что большая часть удалённых роликов представляла пророссийскую версию о происходящих событиях.¹⁴⁶ Поэтому существующее неравенство в

¹⁴⁴ Kong W., Marler T. Ukraine's Lessons for the Future of Hybrid Warfare // The National Interest. November 25, 2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/ukraine%E2%80%99s-lessons-future-hybrid-warfare-205922> (дата обращения: 07.02.2023)

¹⁴⁵ 10 лет спустя: RT вспоминает, как Fox News не дал высказаться бежавшим от войны в Южной Осетии. 08.08.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/video/543441-fox-news-amanda-kokoeva-osetiya> (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁴⁶ YouTube удалил более 9000 каналов, связанных с ситуацией на Украине. 22.05.2022. URL: <https://news.rambler.ru/tech/48694121-youtube-udalil-bolee-9000-kanalov-svyazannyh-s-situatsiey-na-ukraine/> (дата обращения: 15.02.2023)

возможностях политического контроля над информационными ресурсами сегодня является объективными условиями информационно-психологического противоборства. В связи с этим, мы в первую очередь сосредоточимся на рассмотрении производства и распространения дезинформирующего и манипулятивного контента, который изначально нацелен на преодоления объективного политического неравенства в информационной среде.

Производство. Сегодня специалисты выделяют несколько приемов производства манипулятивного контента.¹⁴⁷

Изготовление ложной информации – намеренное создание заведомо ложного, вводящего в заблуждение контент. Примерами служит публикация подделок (фальсифицированных документов и электронных сообщений, аудиозаписей вымышленных разговоров, а также сфабрикованного фото и видео материала.

Неправомерные заимствования – вводящий в заблуждение контент, который использует существующие события, людей или документальные свидетельства для искажения фактов. Например, заимствование изображений из различных источников и попытки передать содержание изображений как изображающих других людей или события, чем на оригиналах. В данном случае содержание изображений, видео или аудиозаписи не подделывалось, как это происходит при фальсификации, а скорее подверглось манипуляциям.

¹⁴⁷ Douglas K., Sutton R. The Hidden Impact of Conspiracy Theories: Perceived and Actual Influence of Theories Surrounding the Death of Princess Diana // Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 148. No. 2. P. 210–222; Lieto A., Vernero F. Unveiling the Link Between Logical Fallacies and Web Persuasion // Proceedings of the 5th Annual ACM Web Science Conference. May 2013. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2464464.2508564> (дата обращения: 07.02.2023); Swedish Civil Contingencies Agency. Countering Information Influence Activities: A Handbook for Communicators. Karlstad, Sweden. July 2018. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28698.pdf> (дата обращения: 07.02.2023); Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С.22-34.

Примечательно, что воздействие сфабрикованной в той или иной степени информации может существенно повлиять на то, что люди запоминают и как они обрабатывают новую информацию. В частности, исследования показывают, что в процессе обработки информации люди сначала склонны ей доверять, а затем либо соглашаются с этой информацией, либо отвергают ее.¹⁴⁸

Таким образом, воздействие сфабрикованной или неточной информации способно ввести получателя в заблуждение относительно того, что является правдой и может усилить доверие аудитории к сфабрикованной информации. Кроме того, результаты проведенных исследований показывают, что особенности подачи информации в сети Интернет также влияют на ее восприятие. Так, например, пользователи социальных сетей, которые читают вводящие в заблуждение комментарии, прикрепленные к предварительному просмотру новостной статьи, как правило, в значительной степени полагаются на комментарии при восприятии содержания материала, что может способствовать формированию или изменению суждений по определенной теме.¹⁴⁹

Вводящие в заблуждение личности – использование персон в качестве достоверного и/или заслуживающего доверия источника информации. Для этого в целях аутентификации информационного контента используются такие слова, как «эксперт», «свидетель», «специалист», которые искажают восприятие авторитета и полномочия источника информации. Когда заслуживающий доверия источник предоставляет неточную информацию, люди с большей вероятностью в нее поверят, чем когда она предоставлена менее надежным источником. Некоторые исследователи в качестве характеристик источника, который воспринимается как достоверный,

¹⁴⁸ Gilbert D., Tafarodi R., Malone P. You Can't Not Believe Everything You Read // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. No. 2. P. 221-233.

¹⁴⁹ Rapp D. The Consequences of Reading Inaccurate Information // Current Directions in Psychological Science. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 281-285.

указывают следующие: не имеют личной заинтересованности в продвижении определенной позиции, обладают опытом по данному вопросу, гомофилия.¹⁵⁰

Также в целях манипуляции могут использоваться семантические ссылки на несуществующую информацию, якобы опубликованную заслуживающими доверия источниками, например, «по словам представителя, пожелавшим остаться неизвестным», «по словам достоверного источника» и т.д., без предоставления прямой ссылки на первоисточник информации.

Запутывание или обфускация – перенасыщение медиадискурса путем распространения множества противоречивых объяснений одного и того же события, что серьезно затрудняет верификацию фактов и создает впечатление о наличии множества конкурирующих версий случившегося. Одним из распространенных примеров обфускации является использование коммуникатором нескольких учетных записей или аккаунтов в социальных сетях для увеличения объема отвлекающей информации, что снижает способность представителей целевой группы к ее когнитивной обработке.¹⁵¹ Данный метод является альтернативой использования доказательств и дезинформации при необходимости скрыть причастность к тому или иному событию, или же отвлечь от него внимание аудитории.

Конспирологические теории – использование метафоричных названий социальных групп, обладающих значительным влиянием, с ярко выраженной негативной коннотацией в восприятии определенной целевой группы для обозначения инициатора того или иного события. Например, «мировой сионизм», «глобальный финансовый капитал», «гомосексуальное лобби»,

¹⁵⁰ Ismagilova E., Slade E., Rana N. et al. The effect of characteristics of source credibility on consumer behaviour: A meta-analysis // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. Vol. 53. URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0969698918307926?via%3Dihub> (дата обращения: 07.02.2023)

¹⁵¹ Petty R., Brinol P. Psychological Processes Underlying Persuasion: A Social Psychological Approach // Diogenes. 2008. Vol. 55. No. 1. P. 52-67.

«реакционные режимы». По мнению некоторых исследователей, конспирологические теории – это интеллектуальные конструкции, которые стремятся объяснить отдельные события посредством наведения порядка в широком спектре явлений.¹⁵² Их отличительной особенностью является представление «правды» как конфиденциальной информации, доступной лишь небольшой группе осведомленных лиц. Некоторые исследователи указывают на «закрытый» характер конспирологического мышления, когда доказательства и аргументы, выдвигаемые для опровержения теории заговора, трактуются в качестве обоснования ее правдивости.¹⁵³ В этом смысле, конспирологические теории обладают уникальным манипулятивным эффектом. При наличии аудитории, склонной в них верить, они, практически, не поддаются, фактологическому опровержению, поскольку «заговор» настолько силен, что контролирует практически все каналы распространения информации, и, таким образом, сама попытка опровержения отвергается по умолчанию.

Выборочное использование фактов – манипулятивное использование фактологической информации, формирование последовательности фактов для доказательства определенной точки зрения. Технологической основой данного приема выступает приоритетная публикация (время и продолжительность эфира, позиционирование публикации, объем знаков, привлекающие внимание иллюстрации и пр.) информации, освещающей только одну интерпретацию события.

Риторические заблуждения – сообщения, содержащие ошибочные либо логически некорректные рассуждения, но обладающих манипулятивным эффектом. Например, использование эмоционально окрашенных выражений и гипербол («что за бред?», «он постоянно лжет»,

¹⁵² Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // Diogenes. 2015. Vol. 62. Issue 3-4. P. 114.

¹⁵³ Lewandowsky S., Cook J., Lloyd E., The «Alice in Wonderland» Mechanics of the Rejection of (Climate) Science: Simulating Coherence by Conspiracism // Synthese. 2018. Vol. 195. P. 175-196.

«он виновен и в гибели Помпеи»). Также используются нападки на источник информации, высказывающий нежелательную точку зрения, различного рода отвлекающие внимание приемы.

Апелляции к эмоциям или авторитету – контент, вызывающий эмоциональный отклик аудитории, часто в ущерб логике или доказательствам. Например, использование образов женщин и детей в качестве жертв, сцен насилия и жестокости. По мнению А.Я. Касюка, информационно-психологическое воздействие основывается на некритическом восприятии информации объектами воздействия, оно направлено на эмоциональную сферу сознания. Условием эффективности данного способа информационного противоборства является низкая степень осознанности объектов воздействия.¹⁵⁴ Этот метод включает в себя апелляции к страху, гневу, печали, раздражению, счастью, отвлечение внимания от фактов с помощью языка, провоцирующего эмоции, или использование авторитетных фигур для придания правдоподобия.¹⁵⁵

Нарративная манипуляция – включение того или иного события в тенденциозную семантическую и смысловую последовательность, влияющую на восприятия целевой аудиторией определенной информации. Например, 6 октября 2015 года представители МИД РФ и Госдепартамента США провели брифинги, посвященные одной и той же теме, Сирийскому кризису. Автор провел контент-анализ преобладающих в выступлении спикера слов и словосочетаний. Нарратив для описания события российской стороной: операция, информация, официальный, международный, государство, вопрос, мнение, действие, борьба, коалиция, реальность, контакт, ООН, терроризм. Американский нарратив выглядел следующим

¹⁵⁴ Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С.23.

¹⁵⁵ DeSteno D., Petty R., Rucker D. et al. Discrete Emotions and Persuasion: The Role of Emotion-Induced Expectancies // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. Vol. 86. No. 1. P. 43-56.

образом: оппозиция, нападение/налет, ИГИЛ, призывать, военные силы, авиаудар, далеко, услышать, ударять, катастрофа, осведомлен, политический, поддержка, оборона.

Распространение. В процессе информационно-психологического противоборства существенное значение имеет распространение нужной информации. И в данном случае, эффективность воздействия на целевую аудиторию прямо пропорционально возможностям контроля и влияния на каналы коммуникации. Методы распространения определяются сочетанием субъектов и моделей коммуникации. В качестве субъектов могут выступать физические или юридические лица, которые направляют, планируют и осуществляют распространение необходимого информационного контента, используя способы каналы коммуникации, соответствующие той или иной целевой аудитории. Субъекты могут быть напрямую аффилированы с тем или иным государством, либо же вовлечены в информационно-психологическое противоборство, сохраняя формальную независимость, однако отрабатывающие преимущественно одну информационную повестку.

Сегодня можно выделить следующие типы акторов информационно-психологического противоборства в медиа-пространстве:

государственные акторы – выступления государственных чиновников в традиционных медиа, официальные интернет-сайты и аккаунты в социальных сетях государственных органов и официальных лиц, специальные события, инициированные государственными органами (пресс-конференции, брифинги и пр.);

открыто аффилированные с государством акторы – теле- и радиоканалы, контролируемые государством, их официальные сайты в сети Интернет и аккаунты в социальных сетях (например, Russia Today, Sputnik), а также их иностранные подразделения;

неявно аффилированные с государством акторы – отнесение традиционных СМИ, интернет-ресурсов, социальных медиа к данной категории акторов является наиболее затруднительной, поскольку с одной стороны они могут обладать формально-юридическим независимым статусом, но с другой, содержание распространяемого ими информационного контента о наличии скрытой политической ангажированности. Например, широкую известность получил знаменитый диалог между Владимиром Путиным, тогда занимающего пост Председателя Правительства, и Главным редактором одной из известных радиостанций на встрече 8 января 2012 года, на которой В. Путин недвусмысленно упрекнул радиостанцию в лице ее представителя в отработке национальных интересов иностранных государств в российском информационном пространстве. В общественно-политическом дискурсе Германии существует неологизм «Putinverstehер» (понимающий Путина), которым обозначают персон, организации, информационные ресурсы, которые с известной долей вдумчивости, здравомыслия и в той или иной степени принятия относятся к высказываниям В. Путина. Также в качестве примера можно привести интернет-ресурс WikiLeaks;

«прокси-медиа» – чаще всего, интернет-ресурсы, страницы и аккаунты в социальных сетях с неустановленной аффилиацией, которые содержат ссылки на соответствующую информацию, выполняют посреднические функции по размещению и продвижению того или иного контента, размещают рекламу, участвуют в купле-продаже лайкой и комментариев, организовывают массовые публичные акции и пр. Примерами прокси-медиа служат, так называемые «фабрики троллей»¹⁵⁶, тематические каналы и чаты в мессенджерах.

Анализ современной практики информационно-психологического противоборства позволяет выделить несколько методов, направленных на

¹⁵⁶ Мартыянов Д.С. Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Том 12. N1. С. 74-89.

сокращение объема нежелательной информации в медиaprостранстве. К методам противодействия **производству** относятся государственное регулирование информационного контента, законодательство по защите персональных данных, верификация личности в информационном пространстве.

Государственное регулирование информационного контента. Сегодня методы государственного регулирования варьируются от использования нормативно-правовых ограничений деятельности субъектов в медиасреде (например, наложение штрафов, отзыв лицензии на вещание) до открытой цензуры контента со стороны государства. В целом, нормативно-правовые методы регулирования контента представляются более предпочтительными по сравнению с прямой государственной цензурой. И дело не только в том, что они в большей степени соответствуют демократическим принципам в области прав и свобод человека, но, прежде всего, они позволяют сохранить необходимый ресурс для продвижения собственной информационной повестки. Сегодня во многих странах мира существуют специализированные институты, так или иначе аффилированные с государством, в задачи которых входит регулирование деятельности субъектов медиасреде, производство и распространение информационного контента. Например, в Великобритании существует государственный Офис по коммуникациям (Ofcom), регулирующий деятельность вещательных компаний в стране. Организация уполномочена сообщать о нарушениях в эфире и предавать их огласке, налагать финансовые штрафы на вещательные компании или вообще отзываться их лицензии на деятельность в Великобритании.¹⁵⁷

В Украине существует государственный коллегиальный орган Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания, обладающий достаточно широкими полномочиями в области государственного регулирования деятельности вещательных компаний. В

¹⁵⁷ Ofcom. URL: <https://www.ofcom.org.uk/> (дата обращения: 12.02.2023)

частности, орган следит за тем, чтобы 75% информационного контента выходила на государственном языке, дает политическую оценку тому или иному контенту с точки зрения его деструктивного влияние на государство и общество, что может привести к отзыву лицензии, наложению штрафов на вещательные компании.¹⁵⁸

В России функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), в полномочия которой входит осуществление проверки информационных сообщений на предмет его соответствия национальному законодательству, а также наложение ограничений на вещание и блокировка ресурсов в сети Интернет.¹⁵⁹ В частности, организация ведет Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать ресурсы, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В последнее время стали активно развиваться автоматизированные системы мониторинга и блокировки деструктивного контента в сети Интернет. Так в начале 2023 года появились сообщение о запуске в России системы автоматического поиска запрещенного контента «Окулус». Система распознает изображения и символы, противоправные сцены и действия, анализирует текст в фото- и видеоматериалах. «Окулус» автоматически обнаруживает такие правонарушения, как экстремистская тематика, призывы к массовым незаконным мероприятиям, суициду, пронаркотический контент, пропаганда ЛГБТ. За внедрение и обеспечение работоспособности «Окулуса» подведомственный Роскомнадзору Главный радиочастотный центр (ФГУП ГРЧЦ). До внедрения системы в ГРЧЦ анализировали запрещенный контент преимущественно вручную. В среднем операторы обрабатывали 106

¹⁵⁸ Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания. URL: <https://www.nrada.gov.ua/> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁵⁹ Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2023)

изображений и 101 видео в день. «Окулус» способен анализировать более 200 тыс. изображений в сутки, что существенным образом повысит эффективность выявления признаков нарушений.¹⁶⁰

Примечательно, что в большинстве случаев деятельность национальных органов, осуществляющую государственную политику в области СМИ и массовых коммуникаций носит охранительный характер. Однако существуют примеры, когда государственные органы напротив осуществляют целенаправленную политику по преодолению национальных барьеров. Так, в США существует подконтрольное Правительству Агентство по глобальным медиа (USAGM), которая управляет одной из самых широких платформ доставки контента в мире – от коротковолнового радио до высокотехнологичного зашифрованного прямого мобильного вещания. Агентство предоставляет антицензурные технологии и услуги журналистам и гражданам по всему миру, расширяя их возможности доступа к заблокированным Интернет ресурсам и обмена информацией.¹⁶¹

Государственное регулирование информационного пространства призвано обеспечить сбалансированность медиасреды в соответствии с политическими приоритетами и действующими нормативно-правовыми нормами.

Законодательство по защите персональных данных. Данная защитная практика направлена на сокращение объема деструктивной информации путем разработки и внедрения законодательства о защите данных, регулирующего сбор, передачу и раскрытие персональных данных. В контексте обеспечения информационно-психологической безопасности преимущество законов о защите персональных данных состоит в том, что оно позволяет снизить степень детализации сегментов рынка. Это в

¹⁶⁰ Кеффер К. Роскомнадзор запустил систему поиска запрещенного контента «Окулус». 13 февраля 2023 г. 2018. URL: <https://kommersant.ru/turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5825124> (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁶¹ USAGM. URL: <https://www.usagm.gov/> (дата обращения: 12.02.2023)

существенной мере затрудняет микротаргетинг, доставку персонализированного контента в соответствии с предпочтениями целевой аудитории. Пожалуй, наиболее известным и резонансным примером использования персональных данных для микротаргетинга является скандал с Cambridge Analytica в ходе президентской избирательной кампании США 2016 года. Используя самые передовые методы опросов и психометрии, Cambridge Analytica смогла собрать огромное количество данных о людях, которые с помощью экономической, демографической, социальной и поведенческой информации помогли понять, что каждый из них думает. Разработанная цифровая модель позволила осуществить профилирование отдельных избирателей для высокой персонификации политической рекламы, что наглядно продемонстрировало высокую эффективность использования личных данных в совокупности с машинным обучением в политических целях.

Сегодня во многих странах на законодательном уровне внедрены специальные меры по защите персональных данных. К примеру, в мае 2018 года в Европейской Союзе вступил в силу Общий регламент по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR).¹⁶² Согласно ему персональные данные означают любую информацию, относящуюся к идентифицированному или идентифицируемому человеку. Документ призван обеспечить гражданам ЕС гарантии прав в области сбора, обработки и использования их персональных данных, включая имена, контактную информацию, финансовую информацию, биометрические данные, и данные социальных сетей. Закон содержит основные принципы и процедуры по сбору, хранению и передаче персональных данных, а также предусматривает ответственность за его нарушение.

¹⁶² GDPR. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. 27.04.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN> (дата обращения: 12.02.2023)

В Швейцарии в 1992 году принят закон в области защиты персональных данных (Federal Act on Data Protection, FADP), который за время своего существования претерпел многочисленные изменения, последние из которых должны вступить в силу в сентябре 2023 года.¹⁶³

В Великобритании в целях реализации GDPR в 2018 году принят национальный закон о защите персональных данных The Data Protection Act 2018, регламентирующий использование личной информации организациями, предприятиями и правительством.^{164]}

В России основополагающим документом, регламентирующим порядок работы с персональными данными, является Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», который регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных органами государственной власти, юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях.»¹⁶⁵

В Китае 01 ноября 2021 года вступил в силу Закон о защите личной информации, принятый на 30-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 20-го созыва, в котором указывается прямая связь между безопасностью персональных данных и купированием угроз государственным и общественным интересам.

Сегодня многие страны мира уделяют повышенное внимание защите персональных данных вне зависимости от того, в какие нормативно-правовые формы это обличено. К примеру, в США не существует отдельного закона о защите личной информации. Регулирование данной сферы

¹⁶³ FADP. The Federal Assembly of the Swiss Confederation. 19.06.1992. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁶⁴ The Data Protection Act 2018. 23.05.2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁶⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (дата обращения: 16.04.2023)

осуществляется системой нормативно-правовых актов разного уровня, включающую Конституцию; ряд федеральных законов, таких как Privacy Act of 1974 и Privacy Protection Act of 1980; отраслевые подзаконных актов и рекомендаций по защите информации (Принципы защиты информации Министерства торговли США, Передача данных таможене и пограничной службе США); законодательство штатов. В апреле 2010 года Национальный институт стандартов и технологий совместно с Департаментом США по торговле для универсализации подходов к регулированию отношений, касающихся обработки персональных данных выпустили Руководство по защите конфиденциальности личной идентифицируемой информации (Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information),¹⁶⁶ в котором содержатся общие рекомендации по защите персональных данных, а также многочисленные организационные, технические и юридические аспекты.

Одним из наиболее авторитетных международных документов в области защиты персональных данных является Конвенция Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных.¹⁶⁷ Ее принципы применяются к любой обработке данных, осуществляемой как частным, так и государственным секторами, включая обработку данных судебными и правоохранительными органами. Конвенция призвана защитить людей от злоупотреблений, которые могут сопровождать обработку персональных данных, и в то же время регулирует трансграничные потоки персональных данных. В 2018 и 2001 годах к Конвенции были приняты дополнительные протоколы, касающиеся использования новых информационно-коммуникационных технологий при обработке персональных данных, трансграничных потоков данных в страны,

¹⁶⁶ Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information. April 2010. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-122.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁶⁷ Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Страсбург, 28 января 1981 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 17.04.2023)

не являющиеся сторонами Конвенции, и обязательного создания национальных надзорных органов по защите данных. Сегодня многие страны мира при формировании национальной системы защиты персональных данных ориентируются именно на этот документ.

Еще раз подчеркнем, законодательство по защите персональных данных является одним из краеугольных камней по обеспечению информационно-психологической безопасности, поскольку является действенным инструментом по сокращению объема злонамеренной информации в медиасреде.

Верификация личности в информационном пространстве. С точки зрения обеспечения информационно-психологической безопасности верификация личности в медиапространстве, прежде всего, в сети Интернет позволяет существенно снизить объем новой и повторно воспроизводимой деструктивной информации в независимости делает ли это человек преднамеренно или же нет. Возможность коммуникатора зарегистрировать несколько аккаунтов позволяет ему увеличить количество генерируемого контента, а также манипулировать мнением других пользователей посредством комментариев и оценок. Сегодня существуют различные методы верификации личности в интернет среде. Некоторые аналитики предлагают, чтобы социальные сети обеспечивали регистрацию своих пользователей с указанием и подтверждением реальных имен, адресов или других идентифицирующих личность данных.¹⁶⁸ Однако подобные жесткие требования имеют ряд существенных ограничений, от противоречия национальному законодательству некоторых стран в области защиты персональных данных (например, GDPR), до простого нежелания людей раскрывать свои личные данные, что неминуемо приведет к снижению числа

¹⁶⁸ Burns W. Is It Time to Require Identity Verification for Everyone Using Social Media? // Forbes. February 22, 2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/willburns/2018/02/22/is-it-time-to-require-identity-verification-for-everyone-using-social-media/?sh=127f2fe08683> (дата обращения: 12.02.2023)

пользователей такого интернет ресурса. Поэтому в настоящее время более распространены пассивные защиты от злонамеренное использования аккаунтов. Примерами таких методов являются, верификация адресов интернет-протоколов (IP), специально разработанные модели поведения на платформе, позволяющие выявлять злонамеренные действия и автоматически блокировать учетные записи, с которых они осуществляются.¹⁶⁹

Эксперты выделяют следующие наиболее распространенные способы подтверждения того, что люди являются теми, за кого они себя выдают в сети Интернет:

- специальные инструменты проверки – реестры, которые курируются государственными органами или коммерческими организациями (например, банки, операторы сотовой связи), содержащие данные пользователей с проблемной историей (например, персональные идентификационные номера, IP-адреса);
- верификация доступа – реестры уникальных идентификаторов устройств, используемых для доступа в Интернет, платежные данные оператора, идентификаторы операционной системы;
- поведенческие модели – анализ данных о поведении пользователей для выявления проблемных шаблонов поведения (например, данные о геолокации, количество кликов, характеристики профиля в социальных сетях, многократная публикация одного и того же контента);
- биометрия – идентификаторы отпечатков пальцев, распознавания лиц или голоса для регистрации на различных Интернет-ресурсах (например, мобильны приложения банков)¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Leiba B., Borenstein N. A Multifaceted Approach to Spam Reduction // CEAS 2004 - First Conference on Email and Anti-Spam, July 30-31, 2004, Mountain View, California, USA. URL: <https://www.ceas.cc/papers-2004/127.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁷⁰ Clark S. Fighting Fraud with Digital Verification Tools // Risk Management, March 1, 2018. URL: <https://www.rmmagazine.com/articles/article/2018/03/01/-Fighting-Fraud-with-Digital-Verification-Tools-> (дата обращения: 12.02.2023)

Еще одна из перспективных методик верификации личности в сети Интернет сегодня активно развивается на основе технологии блокчейна. Например, несколько лет назад такие транснациональные гиганты как Microsoft и Mastercard запустили совместный проект по разработке на основе блокчейна «общепризнанной цифровой идентификации».¹⁷¹ На политическое значение данной технологии указывает и то, что Американское Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны (DARPA) активно финансирует исследования систем верификации на основе блокчейна¹⁷².

Важную роль при обеспечении информационно-психологической безопасности играют защитные практики, препятствующие распространению существующего ложного или вводящего в заблуждение контента в медиасреде. При рассмотрении конкретных методов противодействия распространению злонамеренной информации необходимо учитывать, что это может происходить как в рамках целенаправленной и запланированной кампании, так и дискурсивно, т.е. люди могут делиться различного рода сообщениями, не подозревая об их негативном воздействии. Некоторые исследователи указывают, что поведение людей в интернет-пространстве можно назвать «рационально невежественным», что означает, что они склонны действовать в своих, по их мнению, интересах, но при этом неосведомлены и немотивированы в вопросах, которые напрямую не влияют на их повседневную жизнь¹⁷³. Кроме того, многочисленные **исследования** показывают, что процесс ознакомления большинства людей с интернет-контентом характеризуется низкой концентрацией внимания, ограниченным

¹⁷¹ Mastercard, Microsoft Join Forces to Advance Digital Identity Innovations. December 3, 2018. URL: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/mastercard-microsoft-join-forces-to-advance-digital-identity-innovations/> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁷² Galois and Guardtime Federal Awarded \$1.8M DARPA Contract to Formally Verify Blockchain-Based Integrity Monitoring System. September 13, 2016. URL: <https://www.prweb.com/releases/2016/09/prweb13661801.htm> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁷³ Rahayu R. A Critical Analysis On Margaret E. Roberts (2018), Censored: Distraction And Diversion Inside China's Great Firewall // Journal of Politica. 2020. Vol. 1. No. 2. P. 92-102.

временем и узким спектром интересующих тем¹⁷⁴, что дает возможность специальными методами снизить распространение ложного и вводящего в заблуждение контента.

К наиболее распространенным сегодня методам противодействия **распространению** существующего контента относятся следующие: внутренний мониторинг контента, маркировка контента, барьеры для публикации и доступа к контенту, флудинг.

Внутренний мониторинг контента. Данный подход предполагает контроль размещаемого на интернет-ресурсах контента, включающий в себя специальные программы-боты, использующие технологии искусственного интеллекта для мониторинга контента, интеллектуальные пользовательские интерфейсы, позволяющие модераторам быстро выявлять проблемный контент, пользователей-добровольцев, которые пересматривают публикуемый контент и проверяют его на соблюдение определенных требований и стандартов¹⁷⁵. Одним из ярких примеров использования данного метода является система проверки контента на Википедии. Так из-за нарушения внутренних правил данного ресурса было запрещено публиковать информацию со всех IP-адресов, относящихся к Церкви Саентологии¹⁷⁶.

Подобные практики позволяют повысить вовлеченность и доверие аудитории за счет развития системы самоуправления на платформе, а также самостоятельного определения норм, правил и процедур в отношении того как себя ведут пользователи. Однако у данного подхода есть существенные ограничения, например, для развития эффективной системы внутренней децентрализованной модерации контента требуется значительное количество

¹⁷⁴ Galletta D., Henry R., McCoy S. et al. Web Site Delays: How Tolerant are Users? // Journal of the Association for Information Systems. 2004. Vol. 5. Issue 1.

¹⁷⁵ Halfaker A., Riedl J. Bots and Cyborgs: Wikipedia's Immune System // Computer. 2012. Vol. 45. Issue 3. P. 79-82.

¹⁷⁶ Wikipedia:Requests for arbitration/Scientology. 27 January 2022. URL: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?oldid=1069369576#Scientology> (дата обращения: 12.02.2023)

времени и ресурсов. Поэтому внутренняя модерация контента может дать положительные результаты в условиях продолжительного информационно-психологического противоборства и вряд ли окажет немедленное воздействие в случае применения спланированных массовых атак. Кроме того, со стороны интернет-ресурса требуются значительные финансовые затраты на создание адекватных программных алгоритмов внутреннего мониторинга контента или же поддержания эффективной системы коммуникации между модераторами в условиях быстрого роста количества пользователей. Интернет-платформы могут неохотно подвергать себя этим затратам, особенно когда они пытаются увеличить свой доход за счет расширения аудитории.

Маркировка контента. Методика предполагает обозначение вводящего в заблуждение или потенциально ложного контента. Ее преимущество заключается в том, что она позволяет немедленно уведомляет пользователей о возможном манипулятивном и злонамеренном содержании определенных информационных сообщений. Так, например, российский Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» предусматривает, что распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов (в том числе с использованием сети Интернет), и/или участие в создании указанных сообщений и материалов, должно сопровождаться соответствующим информационным сообщением о создании/распространении контента при участии иностранного агента. Аналогичным образом, одна известная соцсеть пыталась пометать ложный, по ее мнению контент, но позже отказался от этой практики в пользу флуда, который будет рассмотрен далее.

Стоит отметить, что маркировка ложного контента не всегда дает желаемый эффект. Пометка ложного контента, ориентированного на целевые группы, придерживающихся радикальных позиций, может привести к

негативным последствиям для коммуникатора. Результаты некоторых исследований показывают, что информирование таких людей о том, что контент, соответствующий этим убеждениям, является ложным, может заставить их полностью игнорировать подобные пометки и еще больше укрепит их в собственных убеждениях¹⁷⁷.

Как уже отмечалось, социальные сети сегодня являются одним из основных каналов распространения дезинформации. В научной литературе существуют данные о том, что предоставление пользователям общих предупреждений относительно достоверности сообщений в социальных сетях или дополнение превью информационного материала маркировкой о его ложности способствует не только снижению точности восприятия такого контента, но и искажает восприятие достоверной информации¹⁷⁸.

Еще один аспект негативных последствий маркировки контента связан со «сладостью запретного плода», когда пометка о том, что информационное сообщение подверглось цензуре, привлекает к нему дополнительное внимание аудитории. В специальной литературе по массовым коммуникациям данный эффект известен под названием «эффект Стрейзанд», выражающийся в том, что попытки ограничить публичный доступ к определённой информации приводит лишь к её более широкому распространению¹⁷⁹.

Разновидностью данной методики, которая обретает особую популярность в условиях острого информационно-психологического противоборства, является публичное разоблачение вводящих в заблуждение и сфабрикованных информационных сообщений. Как правило, это

¹⁷⁷ Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // *Political Behavior*. 2010. Vol. 32. P. 303-330

¹⁷⁸ Clayton K., Blair S., Busam J. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact-Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media // *Political Behavior*. 2020. Vol. 42. P. 1073-1095

¹⁷⁹ Jansen S., Martin B. The Streisand Effect and Censorship Backfire // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 656-671.

осуществляется в рамках специальных программ, которые можно объединить общим названием «Стоп фейк». Как показывают исследования, данный метод является более эффективным в сравнении с простым обозначением о ложности информационного сообщения. Развернутое разоблачающее сообщение с предоставлением альтернативной причинно-следственной аргументации мотивирует аудиторию опровергать первоначально полученную дезинформацию и уменьшает ее влияние¹⁸⁰.

Барьеры для публикации и доступа к контенту. Данный метод основан на увеличении времени и усилий, которые требуются пользователям для доступа к контенту с ложным или вводящим в заблуждение содержанием. Его практическая реализация включает увеличение времени, необходимого для загрузки определенных веб-сайтов, понижение рейтинга сообщений на онлайн-форумах, предпочтение экспозиции одних сообщений другим в социальных сетях, использование технологий искусственного интеллекта для снижения приоритета определенного контента при ранжировании.¹⁸¹ Например, одна соцсеть настроила свои алгоритмы так, чтобы пометить контент в новостной ленте и снижать рейтинг определенного контента, который видят пользователи. Это привело к некоторой критике платформы, так в СМИ появились сообщения о том, что платформа использует искусственный интеллект для необоснованного присвоения пользователям оценок их репутации надежности.¹⁸² Несколько лет назад DAPRA запустила программу медиаэкспертизы, которая финансирует исследования в области

¹⁸⁰ Chan M., Jones C., Jamieson K. et al. Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation // Psychological Science. 2017. Vol. 28. N 1. P. 1531-1546.

¹⁸¹ Mosseri A. How Facebook Wants to Improve the Quality of Your News Feed. May 23, 2018. URL: <https://www.wired.com/story/how-facebook-wants-to-improve-the-quality-of-your-news-feed/> (дата обращения: 14.02.2023)

¹⁸² Dwoskin E. Facebook is rating the trustworthiness of its users on a scale from zero to 1. August 21, 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2018/08/21/facebook-is-rating-trustworthiness-its-users-scale-zero-one/> (дата обращения: 14.02.2023)

искусственного интеллекта для изучения новой области глубоко поддельного контента.¹⁸³

Метод установления барьеров для публикации и доступа к контенту, несмотря на свою эффективность, тем не менее, имеет достаточно серьезные ограничения. Прежде всего, его публичное разоблачение может способствовать укреплению мнения аудитории о том, что элиты цензурируют информацию и ограничивают к ней доступ людей. Это в свою очередь может привести к сокращению аудитории интернет-ресурсов и стимулировать поиск альтернативных источников информации.

Флудинг. Цель данного метода состоит в отвлечении внимания аудитории от определенного контента. Флудинг может принимать различные формы, в зависимости от того, какой тип информации и в каком объеме введен в информационную среду. Например, одна соцсеть добавила функцию связанных статей в ленту новостей, которая водит новый контент (т.е. связанные статьи) из надежных, по мнению компании, источников для представления альтернативных мнений, которые отвлекают пользователей от контента, содержащего нежелательную информацию.¹⁸⁴ Существуют данные об использовании флудинга китайским правительством. По некоторым оценкам, оно способствует генерации около 448 миллионов комментариев в социальных сетях в год, чтобы отвлечь и перенаправить общественное внимание от дискуссий или событий с потенциалом коллективных действий, которые могут подрвать социально-политическую стабильность.¹⁸⁵

Несомненным преимуществом флудинга является увеличение доступа пользователей к новой информации, отвлекая их от нежелательного

¹⁸³ DARPA. Media Forensics. December 5, 2018. URL: <https://www.darpa.mil/program/media-forensics> (дата обращения: 14.02.2023)

¹⁸⁴ Su S. New Test with Related Articles. April 15, 2017. URL:

https://archive.org/details/perma_cc_S2A4-PVCR (дата обращения: 14.02.2023)

¹⁸⁵ King G., Pan J., Roberts M. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument // American Political Science Review. 2017. Vol. 11. Issue 3. P. 484-501.

контента, одновременно не прибегая к жесткой цензуре и закрытию медиапространства. Данный метод наиболее эффективен, когда он применяется незаметно, с привлечением различных организаций, чтобы побудить пользователей просматривать различные типы контента.

Решение задачи **потребления** информации целевыми аудиториями зависит, во-первых, от наличия социально-политических уязвимостей объекта информационно-психологического воздействия (социально-экономическое неравенство, этнические и религиозные конфликты, коррупция, легитимность политической элиты и т.д.), во-вторых, правильного выбора и использования форм и методов коммуникации, в-третьих, знания и эффективного использования психических особенностей восприятия информации людьми. Последние два аспекта, в отличие от первого, характеризующего исходные условия информационно-психологического воздействия и во многом определяющего содержание информационного контента, составляют методологическое ядро когнитивного компонента информационно-психологической безопасности.

§2.3. Когнитивный компонент информационно-психологической безопасности

Сущность современного информационно-психологического противоборства раскрывается в использовании информационных технологий и психологических приемов воздействия. Причем роль информации приобретает глобальный характер, она выступает одновременно целью, ресурсом и инструментом конкуренции на международной арене. Психологический компонент является с одной стороны способом, определяющим эффективность создания, передачи, приема, восприятия, усвоения, хранения и использования информации, а с другой, акцентирует внимание на значении когнитивных аспектов в обеспечении безопасности.

Важную роль в повышении эффективности информационно-психологических усилий играет адаптация распространяемого контента к конкретным целевым аудиториям, которая позволяет решать задачи потребления информации требуемыми аудиториями. Сами по себе формы и методы распространения информации могут оказывать влияние на восприятие контента людьми.

Социальные медиа. Социальные сети представляют собой один из новейших и наиболее часто используемых каналов распространения информации. Современные исследования, посвященные особенностям распространения информации посредством социальных сетей убедительно показывают, что данный канал коммуникации способствует увеличению объема неточной и фальсифицированной информации. Так, например, существуют данные о том, что посетители сайтов фальсифицированных новостей чаще всего переходят на них по ссылкам из социальных сетей¹⁸⁶. Как указывают некоторые исследователи, способность заинтересованных сил использовать поддельные аккаунты в социальных сетях, затрудняющих процесс верификации достоверности и легитимности источника информации, стимулирует распространение вредоносной информации и, как следствие, увеличивает число людей, подверженных воздействию подобного рода сообщений¹⁸⁷. Сегодня социальные сети любому пользователю предоставляют мощные инструменты по использованию социальной инженерии, встроенной рекламы, скрытого маркетинга, включая рекламные объявления, которые выглядят как обычные посты других пользователей социальных сетей. Это способствует распространению сообщений, поскольку

¹⁸⁶ Nelson J., Taneja H. The Small, Disloyal Fake News Audience: The Role of Audience Availability in Fake News Consumption // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. No. 1. P. 3720–3737.

¹⁸⁷ Kim Y., Hsu J., Neiman D. et al. The Stealth Media? Groups and Targets behind Divisive Issue Campaigns on Facebook // *Political Communication*. 2018. Vol. 35. N 4. P. 515–541.

пользователи с большей вероятностью делятся информацией, которая, по их мнению, исходит от похожих пользователей¹⁸⁸.

Некоторые пользователи социальных сетей склонны делиться недостоверной информацией с друзьями и подписчиками, даже когда они осознают возможные неточности информации, которой они делятся. Несмотря на это, обмен подобного рода контентом, который может использоваться в качестве тем для разговора, помогает наладить процесс общения с другими людьми¹⁸⁹. Кроме того, специальными исследованиями установлено, что желание достичь общего понимания реальности во многом определяет причины, почему люди делятся той или иной информацией в социальных сетях¹⁹⁰. Поэтому достижение части целевой аудитории в социальных сетях дает мультипликативный эффект.

Персонализация. Процесс коммуникации в социальных сетях характеризуется возможностью относительно легкой адаптации информации к определенным целевым группам. Адаптация контента к интересам и потребностям групп пользователей социальных сетей повышает эффективность коммуникаций¹⁹¹. Одним из наиболее действенных инструментов персонализации является микротаргетинг, суть которого заключается в том, чтобы показывать определенный контент только определенным людям. Система микротаргетинга работает на основе больших данных и рекомендации контента на основе технологий искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять глубокую сегментацию аудитории и

¹⁸⁸ Algarni A., Yue Xe, Taizan Chan. An Empirical Study on the Susceptibility to Social Engineering on Social Networking Sites: The Case of Facebook // European Journal of Information Systems. 2017. Vol. 26. N 6. P. 661–687.

¹⁸⁹ Chen Xinran, Sei-Chung Joanna Sin, Yin-Leng Theng, Chei San Lee. Why Students Share Misinformation on Social Media: Motivation, Gender, and Study-Level Differences // Journal of Academic Librarianship. 2015. Vol. 41. P. 583–592.

¹⁹⁰ Jost J., Napier J., Thorisdottir H. et al. Are Needs to Manage Uncertainty and Threat Associated with Political Conservatism or Ideological Extremity? // Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. Vol. 33. N 7. P. 989–1007.

¹⁹¹ Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. Psychological Targeting as an Effective Approach to Digital Mass Persuasion // PNAS. 2017. Vol. 114. P. 12714–12719.

предлагать контент, адаптированный к интересам конкретного человека¹⁹². Персонализация общения в социальных сетях сегодня является одной из основных тактик информационно-психологического противоборства.

Мультимодальная коммуникация. Мультимодальность в современной теории коммуникации подразумевает своего рода совмещение в одном информационном сообщении нескольких семиотических конструкций и нескольких каналов коммуникации¹⁹³. В контексте информационно-психологического противоборства речь идет, прежде всего, о задействовании различных каналов коммуникации для продвижения одного и того же контента в целях достижения разных целевых групп. Эффекты мультимодальности достаточно хорошо изучены. Еще в работах 80-х гг. XX века по этой тематике подчеркивалось, что распространение сообщения с помощью множества источников увеличивает степень его влияния на отношение и поведение аудитории, а также может увеличить эффект повторного воздействия на аудиторию¹⁹⁴.

Использование разных каналов коммуникации, включая телевидение, печатные СМИ, радио, прямые трансляции мероприятий, интернет-медиа, существенно повышает вероятность того, что аудитория вообще получит доступ к определенным сообщениям, а ознакомление с сообщением или осведомленность о нем может увеличить его потенциальное влияние.

Повторяющееся воздействие. Прикладные исследования эффекта воздействия показали, что симпатия людей к стимулу возрастает после его

¹⁹² Ghosh D., Scott B. Digital Deceit: The Technologies Behind Precision Propaganda on the Internet. New America, Policy Paper, January 23, 2018. URL: <https://d1y8sb8igg2f8e.cloudfront.net/documents/digital-deceit-final-v3.pdf> (дата обращения: 07.02.2023)

¹⁹³ Kiklewicz A., Sladkiewicz Zh. Multimodality – multimediality – multicanality etc. Alternative forms of the transmission of information as a problem of linguistic theory and terminology // Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique. 2021. FASC. LXXVII. P. 153-173.

¹⁹⁴ Harkins S., Petty R. The Multiple Source Effect in Persuasion: The Effects of Distraction // Personality and Social Psychology Bulletin. 1981. Vol. 7. No. 4. P.627-635.

повторного воздействия¹⁹⁵. Поэтому многократное представление присутствие одного и того же стимула в информационных сообщениях, распространяемых через различные каналы коммуникации, может повысить симпатию аудитории к этому стимулу. Кроме того повторное ознакомление с сообщением может также повысить его эффект убеждения, что повышает вероятность его принятия аудиторией¹⁹⁶. При этом следует иметь в виду, что существуют пределы эффективности повторного воздействия. В частности, чрезмерное воздействие может привести к усталости от сообщения, которая характеризуется избеганием, раздражением, и контраргументацией получаемой информации¹⁹⁷.

Как уже отмечалось выше, помимо технических приемов распространения информации, эффективность информационно-психологического воздействия определяется умением использовать психические особенности восприятия информации в процессе коммуникации. Многочисленные исследования в этой области позволяют сформировать некоторое представление о влиянии содержания контента на его восприятие и вовлеченность аудитории.

Апелляция к страху. В настоящее время, пожалуй, наиболее разработан вопрос об особенностях восприятия информации, апеллирующей к страху и угрозам. Некоторые исследователи подчеркивают, что информационные сообщения, содержащие угрозы и вызывающие страх, обладают высоким потенциалом убеждения, поскольку вызывают у аудитории реакцию самозащиты¹⁹⁸. Вызывающая страх информация побуждает аудиторию задуматься об угрозах для себя лично (например, угрозой ценностям,

¹⁹⁵ Fang Xiang, Singh S., Ahluwalia R. An Examination of Different Explanations for the Mere Exposure Effect // *Journal of Consumer Research*. 2007. Vol. 34. P. 97-103.

¹⁹⁶ Cacioppo J., Petty R. Effects of Message Repetition on Argument Processing, Recall and Persuasion // *Basic and Applied Social Psychology*. 1989. Vol. 10. No. 1. P. 3-12.

¹⁹⁷ So J., Kim S., Cohen H. Message Fatigue: Conceptual Definition, Operationalization, and Correlates // *Communication Monographs*. 2017. Vol. 84. No. 1. P. 5-29.

¹⁹⁸ Rogers R. Cognitive and Physiological Processes in Fear Appeals and Attitude Change: A Revised Theory of Protective Motivation / *Social Psychophysiology: A Sourcebook*. J. T. Cacioppo and R. E. Petty eds. New York: Guilford Press, 1983. P. 153-176.

экономическому благополучию, безопасности жизни и здоровья), включая в процесс коммуникации собственные индивидуальные убеждения и оценки. Предполагается, что содержащая угрозу информация сначала вызывает эмоцию страха, а затем этот страх мотивирует поведенческие реакции аудитории в соответствии со смысловым содержанием сообщения. Однако следует подчеркнуть, несмотря на то, что такие сообщения могут оказывать влияние на некоторых людей, их эффект отнюдь не носит универсальный характер¹⁹⁹. Информация, содержащая угрозы действительно способна оказать влияние на мотивы и поведение, однако только той части аудитории, которая верит в свою способность эту угрозу устранить.

Важный аспект влияния информации, содержащий угрозы, лежит в плоскости социальной идентификации. Исследования показывают, что люди проявляют большую солидарность или усиливают собственную идентификацию с социальными группами в ответ на коллективные угрозы. Например, сообщения об усилении контроля над личностью со стороны государства способны оказывать влияния на сплочение оппозиционно настроенной части общества²⁰⁰. Кроме того, для разных людей и социальных угроз восприятие той или иной информации в качестве угрозы носит вариативный характер. Поэтому нацеливание информации на определенные целевые аудитории позволяет повысить ее убеждающий эффект. На Западе достаточно популярны исследования в области политической психологии, посвященные особенностям восприятия угроз консервативно и либерально настроенными группами населения. Например, одно из таких исследований показало, что люди с более консервативными взглядами, как правило, демонстрируют более сильные поведенческие реакции и тратят больше когнитивных ресурсов на устранение негативных стимулов, включая угрозы,

¹⁹⁹ Peters G.-J., Ruiter R., Kok G. Threatening Communication: A Critical Re-Analysis and Revised Meta-Analytic Test of Fear Appeal Theory // *Health Psychology Review*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 8-31.

²⁰⁰ Fritsche I., Moya M., Bukowski M. et al. The Great Recession and Group-Based Control: Converting Personal Helplessness into Social Class In-Group Trust and Collective Action // *Journal of Social Issues*. 2017. Vol. 73. Issue 1. P. 117-137.

по сравнению со своими более либеральными согражданами²⁰¹. Поэтому следует учитывать, что мировоззренческая ориентация на традиционные консервативные ценности повышает степень влияния сообщений, содержащих угрозы, на ту часть населения, которая придерживается таких взглядов.

Личная вовлеченность. Турецкий психолог и экспериментатор в области социальной психологии Мазафер Шериф в 50-60 гг. XX века разработал свою концепцию социальных суждений, в которой он детально изучил вопросы восприятия и оценки информации посредством сравнения ее с имеющимися на данный момент индивидуальными установками. Шериф рассматривал установку как сочетание трех диапазонов: принятие (набор идей, которые человек считает разумными или наводящими на размышления); отрицание (идеи, которые человек считает неразумными или спорными); неопределенность (набор идей, которые человек не считает ни приемлемыми, ни спорными). Особую роль в формировании установок и границ диапазонов оценок той или иной информации играет личная вовлеченность, которая характеризует насколько тот или иной вопрос важен для человека, является ли он основным для его благополучия, много ли он думает о нем и т.д. Люди, имеющие ярко выраженную личную вовлеченность, всегда придерживаются крайних точек зрения с широким диапазоном отрицания²⁰².

Кроме того, личная вовлеченность приводит к ошибкам в восприятии информации, которые Шериф назвал: контрастом и ассимиляцией. Эффект контраста – ошибка восприятия, при которой люди оценивают сообщения, попадающие в их диапазон отрицания так, как будто они находятся дальше от их установки, чем они есть на самом деле. Эффект ассимиляции – ошибка восприятия, при которой люди оценивают сообщения, попадающие в их

²⁰¹ Hibbing J., Smith K., Alford J. Differences in Negativity Bias Underlie Variations in Political Ideology // Behavioral and Brain Sciences. 2014. Vol. 37. No. 3. P. 297-307.

²⁰² Sherif M. Experiments in Group Conflict // Scientific American. 1956. Vol. 1956. P. 54-58.

диапазон принятия, таким образом, как будто они меньше отличаются от их установки, чем это есть на самом деле.

Современные исследования показывают, что личная вовлеченность является одним из основных факторов, влияющих на селекцию информации в сети Интернет. Люди предпочитают выбор контента, который подкрепляет их собственные точки зрения, поиски или рассмотрению более сбалансированных сообщений. Таким образом, воздействие информации, соответствующей личной вовлеченности значительной части населения может снизить готовность людей рассматривать различные точки зрения, способствуя формированию односторонней информационной повестки и радикализации настроений²⁰³.

Также в контексте обеспечения информационно-психологической безопасности представляют интерес исследования, посвященные выявлению связи между личной вовлеченностью и эмоциями в процессе коммуникации. Так, например, в результате одного из таких исследований было установлено, что присутствие в информационных сообщениях эмоционально окрашенных слов, таких как «ненависть», «стыд», «мир», «война», «любовь» способствовало их большему распространению в социальных сетях по сравнению с эмоционально нейтральными сообщениями. При этом распространение сообщений ограничивалось рамками группы²⁰⁴. Важно, что эффект повышенного внутригруппового распространения информации, апеллирующей к эмоциям, зафиксирован среди людей, придерживающихся различных точек зрения на одни и те же события, что способствует дифференциации и поляризации общественного мнения, способствуя тем самым росту социальной напряженности.

²⁰³ Wojcieszak M. «Don't Talk to Me»: Effects of Ideologically Homogenous Online Groups and Politically Dissimilar Offline Ties on Extremism // *New Media & Society* 2010. Vol. 12. No. 4. P. 637–655.

²⁰⁴ Brady W., Wills J., Jost J. et al. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks // *PNAS*. 2018. Vol. 114. No. 28. P. 7313-7318.

Групповые угрозы и политический радикализм. В основе любого интеграционного проекта или системы коллективной безопасности лежит принцип согласования интересов и поиска консенсуса, что подразумевает отсечение радикальных точек зрения. В результате многочисленных исследований, проведенных в странах Западной Европы, была обнаружена прямая связь между восприятием информации, содержащей угрозы определенной социальной группе и усилением радикальных политических настроений. Например, исследование, проведенное в Швейцарии, показало, что помимо восприятия на индивидуальном уровне групповой угрозы, присутствие убежденности в групповой угрозе в общественном мнении позволяло предсказывать поддержку праворадикальных популистских партий²⁰⁵. Авторы другого исследования, зафиксировали связь между потреблением информации, возбуждающей негативное отношение к мигрантам и голосованием за правые популистские партии²⁰⁶.

Примечательно, что особое влияние на рост политического радикализма оказывают информационные сообщения, содержащие мировоззренческие угрозы (угрозы культурным традициям, общепринятым социальным ценностям и нормам, религии, языку)²⁰⁷.

Поэтому распространение информации, содержащей групповые угрозы, оказывает влияние на рост радикальных политических настроений в обществе и способно оказать деструктивное влияние на интеграционные процессы и форматы обеспечения коллективной безопасности.

Когнитивный компонент информационно-психологической безопасности включает в себя защитные практики, направленные на

²⁰⁵ Berning C. Contextual Perceived Group Threat and Radical Right-Wing Populist Party Preferences: Evidence from Switzerland // *Research and Politics*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 1-7.

²⁰⁶ Schmuck D., Matthes J. Voting «Against Islamization»? How Anti-Islamic Right-Wing, Populist Political Campaign Ads Influence Explicit and Implicit Attitudes Toward Muslims as Well as Voting Preferences // *Political Psychology*. 2018. Vol. 40. Issue 4. P. 739-757.

²⁰⁷ Schmuck D., Matthes J. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // *Political Psychology*. 2017. Vol. 34. Issue 4. P. 607-626.

усиление внутренних когнитивных возможностей человека, препятствующих потреблению злонамеренной и вводящей в заблуждение информации.

Информационная «прививка». Название данного метода содержит биологическую метафору, описывающую теоретический перенос эффекта прививки иммунной системы человека ослабленными формами вируса для повышения ее защитных функций на психические процессы. Родоначальником теории прививки является американский социальный психолог У. Макгуайр. В 1961 году в Журнале психопатологии и клинической науки, вышла в свет его статья, в которой Макгуайр изложил результаты проведенного им эмпирического исследования по проверке гипотез относительно уязвимости аргументов перед контраргументами, а именно, как сохранить существующие установки и убеждения неизменными при наличии активных попыток их изменить²⁰⁸. Изучение эффектов, которые впервые описал Макгуайр, продолжается по сей день. Теория прививки предполагает, что воздействие ослабленных аргументов или размытых оппозиционных заявлений, направленных против чьих-либо установок и убеждений, может помочь повысить устойчивость к будущим, потенциально более сильным убеждающим аргументам²⁰⁹.

Результаты специальных исследований показывают, что люди, подвергшиеся «прививочному» информационному воздействию более устойчивы к будущим убеждениям²¹⁰. Кроме того, устойчивость к целенаправленному убеждающему воздействию распространяется не только на основные тематические аргументы, входящие в прививку. Ее эффекты относительно одинаковы как у минимально вовлеченных, так и у сильно вовлеченных индивидуумов. Поэтому прививочное информационное

²⁰⁸ McGuire W. J. Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of the same and alternative counterarguments. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. Vol. 63. P. 326-332.

²⁰⁹ Compton J., Jackson B., Dimmock J. Persuading Others to Avoid Persuasion: Inoculation Theory and Resistant Health Attitudes // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7.

²¹⁰ Banas J., Rains S. A Meta-Analysis of Research on Inoculation Theory // *Communication Monographs*. 2010. Vol. 77. Issue 3. P. 281-311.

воздействие способствует выработке устойчивости к негативным последствиям убеждения, включающего представление аргументов обеих сторон в качестве обоснованных и пользующихся равной поддержкой²¹¹.

В целом можно с уверенностью утверждать, что информационная прививка аудитории к злонамеренному информационно-психологическому воздействию способна существенно снизить его эффект.

Медиаграмотность. Данный метод предполагает обучение людей дополнительным навыкам получения и критического анализа различных типов информации. «Медийно-информационная грамотность» (МИГ) представляет собой комплексное понятие, впервые предложенное ЮНЕСКО в 2007 г. МИГ охватывает все компетенции, связанные с информационной грамотностью и медиаграмотностью, включая также цифровую или технологическую грамотность. В контексте МИГ наибольшее значение имеют разнообразные взаимосвязанные компетенции, необходимые для того, чтобы улучшить взаимодействие людей с информацией и медиа. МИГ представляет собой совокупность знаний, навыков, установок, компетенций и практик, которые позволяют обеспечить эффективный доступ, анализ, критическую оценку, интерпретацию, использование, создание и распространение информации и медийных продуктов с использованием всех необходимых средств и инструментов на творческой, законной и этической основе²¹².

На Всемирном форуме по развитию партнерства в области медийной и информационной грамотности, состоявшемся в Абудже (Нигерия) 26-28 июня 2013 года была провозглашена инициатива по созданию Глобального альянса партнерства в области медийной и информационной грамотности

²¹¹ Cook J., Stephan Lewandowsky S., Ecker U. Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. No. 5.

²¹² Медийно-информационная грамотность // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)

(ГАПМИГ), позднее переименованного в Альянс медийной и информационной ЮНЕСКО. Данная глобальная инициатива преследует три основные цели:

- становление реального партнерского взаимодействия, которое стимулировало бы развитие и долгосрочное воздействие МИГ на глобальном уровне;
- создание возможностей для выступления сообщества в поддержку МИГ с единых позиций по наиболее актуальным вопросам, в частности касающимся принципов деятельности в этой области;
- дальнейшая проработка практических подходов в отношении медийно-информационной грамотности как комплексной концепции, обеспечивающей общую платформу для взаимодействия связанных с МИГ сетевых структур и ассоциаций по всему миру.

В настоящее время инициатива объединяет более 700 организаций по всему миру²¹³.

Некоторые исследователи выделяют следующие компоненты медийно-информационной грамотности: умение эффективно искать и находить необходимую информацию; умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента; умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации; способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать; умение эффективно и корректно распространять информацию с учётом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав, противодействие экстремизму и пр.); специфические навыки, способность человека взаимодействовать с новыми

²¹³ ГАПМИГ // Media and Information Literacy. UNESCO. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)

медиа, пользоваться различными Интернет-сервисами и отдельными техническими приборами²¹⁴.

К настоящему времени существует огромное количество проектов, приложений, образовательных программ разного уровня и географической локализации, направленных на повышение медиаграмотности. Например, программа «Учись различать» Совета международных научных исследований (IREX)²¹⁵; проект «Bad News» от команды европейский разработчиков DROG²¹⁶; совместный проект Министерства просвещения РФ, Российского общества «Знание» и Мегафона «Платформа цифрового доверия»²¹⁷ и множество других.

В целом, исследования, посвященные таким программам, показывают, что они могут оказывать положительное влияние на навыки людей, например, путем расширения знаний о средствах массовой информации и поощрения критического мышления о медиаконтенте, однако их влияние на установки и поведение может быть относительно слабым²¹⁸. Несмотря на то, что образовательные усилия вполне способны дать положительный эффект, в краткосрочной перспективе участники могут вернуться к своим старым привычкам при обработке и восприятии информации. Кроме того, всегда существует возможность ошибки при отборе кандидатов на программы медиаграмотности. Участие в них людей требует времени, усилий и энергии, и, таким образом, положительный эффект от этих программ может свидетельствовать только о том, что люди, желающие пройти это обучение улучшили свою медиаграмотность, а наличие мультипликативного эффекта является гипотетическим предположением.

²¹⁴ Войнилов Ю.В., Мальцева Д.В., Шубина Л.В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. N 1. С. 60.

²¹⁵ IREX's Learn to Discern. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)

²¹⁶ Bad News. URL: <https://www.getbadnews.com/> (дата обращения: 15.02.2023)

²¹⁷ Платформа цифрового доверия. URL: <https://youthsafety.megafon.ru/> (дата обращения: 15.02.2023)

²¹⁸ Jeong S., Cho H., Hwang Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. P. 454-472.

Тем не менее, развитие медиаграмотности представляется важным инструментом при обеспечении информационно-психологической безопасности. Как указывает Дивина Фрау-Майгс, «от простого просматривания сайтов и болтовни в чатах мы незаметно перешли к извлечению данных с целью манипуляции и дестабилизации общества. Такое преобразование медиаландшафта лишний раз свидетельствует о растущей необходимости обеспечения образования, направленного на развитие критического восприятия средств массовой коммуникации и информационного пространства в целом. Оно должно помочь нам заново осмыслить не только само понятие медиа, но и их политические и этические основы.»²¹⁹ Поэтому совершенствование принципов отбора кандидатов на обучение, в совокупности с более глубоким пониманием психических процессов, лежащих в основе восприятия людьми информации способны превратить проекты по медиаграмотности в достаточно эффективный инструмент обеспечения информационно-психологической безопасности.

«Информационные доминанты». Современное информационно-психологическое противоборство разворачиваются в условиях глубокого неравенства в контроле над глобальным информационным пространством, информационной повесткой, технологиями производства и распространения контента. Поэтому в контексте теории и практики обеспечения информационно-психологической безопасности одно из центральных мест занимает вопрос: «Возможно ли эффективное информационное противоборство в условиях преимущества противника в контроле над информационным пространством?» Теоретическое и эмпирическое обоснование концепции информационных доминант является авторской разработкой, осуществляемой в процессе реализации нескольких научно-исследовательских проектов, имеющиеся результаты которых позволяют

²¹⁹ Фрау-Майгс Д. Медиаграмотность – средство от манипуляции // Курьер ЮНЕСКО. Июль - сентябрь 2017 г. URL: <https://ru.unesco.org/courier/iyul-sentyabr-2017-g/mediagramotnost-sredstvo-ot-manipulyacii> (дата обращения: 15.02.2023)

утвердительно ответить на сформулированный вопрос. Данному аспекту обеспечения информационно-психологической безопасности посвящен отдельный раздел данной работы.

§2.4. Модель информационно-психологической безопасности

На основе проведенного анализа теоретических контуров и практики современного информационно-психологического противоборства представим в обобщенном виде нашу авторскую модель обеспечения информационно-психологической безопасности, Таблица 1.

Подведем некоторые итоги, имеющие принципиальное значение для нашего дальнейшего исследования.

Во-первых, концепция информационно-психологического противоборства является частью современной теории информационного противоборства. Ее предметом является деструктивное воздействие на общественное мнение и индивидуальную психику, которое может осуществляться в широком диапазоне средств, от публичной дипломатии до специальных операций в период боевых действий.

Во-вторых, теоретико-методологической основой концепции информационно-психологического противоборства выступает концепции мягкой силы, стратегической конкуренции и гибридной войны.

Таблица 1 – Модель обеспечения информационно психологической безопасности

Компоненты		Методы воздействия	Защитные практики
Мировоззренческий		формирование негативного восприятие объекта воздействия в самом широком смысле; подрыв основных социальных институтов; подрыв национальной идентичности и системы ценностей; подрыв веры в существование правды и факта.	фиксация ценностных приоритетов развития в стратегических документах; создание системы социального подкрепления; имиджевая политика.
Медийный	производство информации	изготовление ложной информации; неправомерные заимствования; вводящие в заблуждение личности; запутывание (обфускация); конспирологические теории; выборочное использование фактов; риторические заблуждения; апелляции к эмоциям или авторитету; нарративная манипуляция	государственное регулирование информационного контента; законодательство по защите персональных данных; верификация личности в информационном пространстве;

Компоненты		Методы воздействия	Защитные практики
Медийный	распространение информации	<p>государственные акторы: выступления официальных лиц в традиционных медиа, интернет-ресурсы государственных органов и их представителей, специальные события, инициированные государственными органами;</p> <p>открыто аффилированные с государством акторы: теле- и радиоканалы, контролируемые государством, их официальные интернет-ресурсы (Russia Today, Sputnik), а также их иностранные подразделения;</p> <p>неявно аффилированные с государством акторы, например, WikiLeaks;</p> <p>«прокси-медиа», например, тематические каналы и чаты в мессенджерах, «фабрики троллей».</p>	<p>внутренний мониторинг контента;</p> <p>маркировка контента;</p> <p>барьеры для публикации и доступа к контенту;</p> <p>флудинг (отвлечение внимания аудитории путем публикации альтернативного контента)</p>
Когнитивный	потребление информации	<p>социальные медиа: инструменты по использованию социальной инженерии, встроенной рекламы, скрытого маркетинга, включая рекламные объявления;</p> <p>персонализация (микротаргетинг): показывать определенный контент только определенным пользователям;</p> <p>мультимодальная коммуникация: совмещение в одном информационном сообщении нескольких семиотических конструкций и нескольких каналов коммуникации;</p> <p>повторяющееся воздействие;</p> <p>апелляция к страху;</p> <p>личная вовлеченность;</p> <p>групповые угрозы и политический радикализм;</p>	<p>информационная «прививка»:</p> <p>воздействие ослабленных аргументов, направленных против чьих-либо установок и убеждений, повышает устойчивость к будущим, потенциально более сильным убеждающим аргументам;</p> <p>медиаграмотность;</p> <p>«информационные доминанты»:</p> <p>основанная на эмоциях человека особая информационно-смысловая конструкция, способствующая селективному восприятию внешней информации, подкрепляемому внутренними стимулами организма и/или социокультурной среды.</p>

Существенным моментом является то, что информационно-психологическое противоборство, следует четко отличать от специальных военных психологических операций, поскольку последние призваны оказывать непосредственное воздействие на психику противника. Поэтому разбрасывание листовок, громкоговорители, различные свето-шумовые эффекты не являются элементом информационно-психологического противоборства. Для этого необходимо, чтобы осуществление того или иного действия, имеющего целью оказать влияние на индивидуальную психику и/или общественное мнение, было опосредовано информационной средой. И в этом смысле не имеет существенного значения непосредственная организационная форма субъекта воздействия, будь то военное подразделение или же некоммерческая организация.

В-третьих, информационно-психологическая безопасность – это состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного информационно-психологического воздействия организованной или дискурсивной природы. Объектом информационно-психологической безопасности не являются технические аспекты безопасности (информационная-коммуникационная инфраструктура, базы данных, серверы, программное обеспечение и т.д.), которые в настоящее время являются объектом информационной безопасности или кибербезопасности

В-четвертых, информационно-психологическая безопасность включает в себя три основных компонента: мировоззренческий (безопасность социокультурных основы общественной жизни, идеалов, ценностей, норм), медийный (контроль над производством и распространением контента), когнитивный (контроль над потреблением информации, связанный с коммуникационными и когнитивными особенностями восприятия человеком информации).

В-пятых, центральное место в обеспечении информационно-психологической безопасности занимают технологии искусственного интеллекта. Как справедливо в одной из своих работ отметил М.В. Ковальчук, «Сегодня очевидно, что ни в одной из известных отраслей нет прогресса без использования информационных технологий – это и телемедицина, и дистанционное обучение, и числовые управляемые станки, автоматическая система пилотирования автомобилей, самолетов, кораблей и т.п. Таким образом, информационные технологии стали неким «обручем», который объединил все науки и технологии.»²²⁰ Будучи одной из основных тенденций современного этапа научно-технической революции, связанной с информатизацией и цифровизацией все сторон общественной, жизни, развитие технологии искусственного интеллекта в мировоззренческом плане выступают одним из критериев прогресса и развитости. По этой причине в пространстве современной мировой политики особое место занимает политика в области развития технологий искусственного интеллекта, во многом определяющая повестку для двухсторонних и многосторонних форматов сотрудничества.

Как уже упоминалось нами ранее технологии искусственного интеллекта сегодня лежат в основе наиболее передовых методов информационно-психологического противоборства и выступают ключевым технологическим средством обеспечения безопасности в этой сфере. Одним из важнейших инструментов информационно-психологического противоборства является дезинформация. Поэтому обнаружение дезинформации и противодействие ей становится сегодня все более важным, поскольку социальные сети все увереннее занимают место ведущего источника новостей для большинства людей. Эффективные кампании дезинформации приводят к негативным реальным последствиям в глобальном масштабе, как в политике, так и в обществе. Как указывают

²²⁰ Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Том 6. N 1-2. С. 14.

эксперты Глобального партнерства в области искусственного интеллекта (GPAI), «Рекомендательные системы контента в социальных сетях, являются одними из самых распространенных и влиятельных инструментов искусственного интеллекта в мире. Прозрачность в отношении воздействия систем необходима для решения вопроса о том, подталкивают ли рекомендательные системы пользователей в сторону вредоносного контента.»²²¹

Методы, основанные на технологиях искусственного интеллекта и машинного обучения, демонстрируют свой высокий потенциал для, по крайней мере, частичной автоматизации обнаружения и анализа дезинформации. Мы уже упоминали о системах контроля и управления контентом, основанных на технологиях искусственного интеллекта, таких как Окулус, системы рекомендации контента социальных сетей, системы микротаргетинга Cambridge Analytica.

В современном мире мысли и поведение людей все больше зависят от информационных технологий, включающих интерфейсы, которые облегчают интеграцию человека с информационной средой, новые возможности для мотивации принятия решений человеком, повышение автоматизации с помощью искусственного интеллекта, автономность цифровых алгоритмов. Поэтому главные сложности в обеспечении безопасности от информационно-психологических вызовов и угроз связаны с обнаружением злонамеренных действий, точной идентификации их источника и оценке возможных последствий. В этой связи развитие передовых технологий, таких как информационные технологии, нейронаука, когнитивная психология, социальная инженерия, искусственный интеллект является сегодня основой для эффективного обеспечения безопасности.

Информационные системы на основе искусственного интеллекта лежат в основе наиболее эффективных систем по противодействию

²²¹ Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-november-2022.pdf> (дата обращения: 17.02.2023)

распространению лжи и дезинформации. В Стратегии национальной безопасности РФ указывается, что совершенствование средств и методов на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, является одной из важнейших задач при обеспечении информационной безопасности²²². Не так давно группа исследователей корпорации RAND обнаружила, что модели машинного обучения могут выявлять признаки обмана лингвистических особенностей текста²²³. Некоторые исследователи указывают на ведущую роль технологий искусственного интеллекта и умных медиа, в процессе трансформации системы медиаобразования в современную цифровую эпоху²²⁴.

Поэтому следующий раздел нашей работы будет посвящен современной мировой политике в области развития технологий искусственного интеллекта.

²²² Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee f6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)

²²³ Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection. 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA873-1.html (дата обращения: 17.02.2023)

²²⁴ Панцеров К.А. Медиаобразование в эпоху искусственного интеллекта: некоторые практические аспекты // Медиаобразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. / Под ред. А.А. Морозовой. Челябинск, 2022. С. 585-588.

Глава 3. Информационно-психологическая безопасность в контексте глобального технологического противоборства

Со времен начала индустриальной революции в качестве универсального приоритета общественного развития утвердился научно-технический прогресс, который в разные исторические периоды проявляется в виде технологических укладов, определяющих содержание социально-экономического и политического развития на международном и национальном уровнях. Ядром технологического уклада выступает доминирующая технология или группа технологий, за счет которых происходит основной экономический рост. Так, по мнению С.Ю. Глазьева, к настоящему времени сформировалось пять технологических укладов и завершается переход к шестому:

I. 1770-1830 гг. Ядро – текстильные машины.

II. 1830-1880 гг. Ядро – паровой двигатель.

III. 1880-1930 гг. Ядро – электродвигатель.

IV. 1930-1970 гг. Ядро – двигатель внутреннего сгорания.

V. 1970-2010 гг. Ядро – микроэлектронные компоненты.

VI. 2010-2040 гг. Ядро – нанотехнологии, гелио- и ядерная энергетика.²²⁵

Отличительной особенностью пятого и шестого укладов является то, что они разворачиваются на фоне набирающей темпы информационной революции, при которой информационные технологии приобретают сквозной характер и определяют прогресс практически во всех высокотехнологичных отраслях. Подчеркивая надотраслевой характер информационных технологий, а также их особую роль в современных процессах научно-технологической конвергенции М.В. Ковальчук отмечает:

²²⁵ Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. С. 12.

«Информационные технологии стали принципиально новыми с методологической точки зрения – они не добавились еще одним звеном к существующему ряду дисциплин, а объединили их, став их общей методологической базой.»²²⁶

Глобальная технологическая конкуренция за передовые позиции в рамках нового технологического уклада является сегодня одним из основных трендов мирового развития.²²⁷

§3.1. Глобальное технологическое противоборство в ракурсе четвертой промышленной революции

С конца XIX века благодаря знаменитым работам А. Тойнби в научных исследованиях истории индустриальной цивилизации прочно укрепился термин «промышленная революция», подчеркивающий фундаментальные сдвиги в сфере производства, которые определяют кардинальные изменения в экономической и социально-политической сферах.

В настоящее время принято выделять четыре промышленные революции:

первая (XVIII в.) – связана с внедрением и использованием в производстве тепловой энергии;

вторая (XIX в.) – механизация производства на основе электроэнергетики;

третья (XX в.) – автоматизация производственных процессов на основе достижений информатики и кибернетики, а также широкого использования цифровых технологий и робототехники;

²²⁶ Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Том 6. N 1-2. С. 14.

²²⁷ Выходец Р.С., Шляпников В.В. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США) // Геополитика и безопасность. 2013. N 2 (22). С. 25-33.

четвертая (XXI в.) – информационные технологии приобретают сквозной характер, обеспечивающий интенсификацию технологической конвергенции, что приводит к стиранию границ между материальным, цифровым и биологическим мирами.²²⁸

Как указывает основатель Всемирного экономического форума в Давосе, основными чертами четвертой промышленной революции являются «мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины... Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций.»²²⁹

Многие исследователи отмечают, что современные процессы технологической конвергенции задают новейшую стратегию формирования культуры на основе принципиально новых методологических подходов. По мнению Н.В. Волоховой и А.И. Колпакова, что современный мировой тренд научного развития, заключающийся в формировании новой конвергентной науки технологии, обозначаемой аббревиатурой НБИКС: нано-, био-, инфо-, когно-, социо-, что отражает глубокие тенденции слияния различных отраслей научного знания и его практического применения.²³⁰ Возможности НБИКС-технологий по воздействию на онтологические основы жизни человека и общества достаточно красноречиво выразил президент

²²⁸ Кефели И.Ф. Четвертая промышленная революция и глобальная геополитика – вызовы глобальной безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017. С. 84–104.

²²⁹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 12.

²³⁰ Волохова Н.В., Колпаков А.И. О судьбоносном значении НБИКС-технологий в развитии будущего человечества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. N2. С. 21-26.

Курчатовского института М.В. Ковальчук. В своем выступлении в Совете Федерации 30 сентября 2015 г. он отметил следующее: «Мы, с одной стороны, переходим к технологическому воспроизведению живой природы... возникает возможность целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность человека, даже в процесс эволюции... Существует обратная связь мозго-машинных интерфейсов или мозго-мозговых, когда вы можете создавать ложную картину действительности внутри человека... Сегодня возникла реальная технологическая возможность в процессе эволюции человека. И цель – создать принципиально новый подвид Homo sapiens – «служебного» человека... Свойство популяции «служебных» людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит.»²³¹ В контексте нашего исследования нельзя не обратить внимание на то высокое значение, которое придает Президент Курчатовского института нейротехнологиям, открывающим сегодня, по сути дела, беспрецедентные возможности по манипулированию психикой и поведением отдельного человека, и созданию на их основе соответствующих технологий по осуществлению этого манипулирования в автоматическом режиме.

Нейротехнологии в сочетании с нанотехнологиями, а также созданные на их основе технические устройства и приложения способствуют стиранию границ между материальным и виртуальным миром, что актуализирует комплекс информационно-психологических вызовов и угроз для национальной безопасности. Как указывают специалисты Института философии РАН, «нейросистемы на основе нанотехнологии открывают возможности соединения мозга с компьютером, создания новых форм виртуальной реальности и искусственного интеллекта нового поколения».

²³¹ Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhailakovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 12.03.2023)

Главным социальным последствием этого выступает глобальная виртуализация физической и социальной реальности.²³²

Следует особо подчеркнуть, что сегодня на теоретико-методологическом, концептуальном и технологическом уровне существует неразрывная связь между фундаментальными исследованиями мозга человека, нейротехнологиями и технологиями искусственного интеллекта. В настоящее время многие страны мира уделяют приоритетное внимание развитию нейроморфных технологий.

Следует подчеркнуть, что с момента своего зарождения технологии ИИ в своей фундаментальной основе вдохновлялись достижениями нейронауки, а также исследованиями человеческого мозга. Так, например, один из пионеров в области искусственного интеллекта Марвин Ли Мински обозначил главную цель одной из своих знаменитых работ следующим образом: «Выработать теории о том, как работает человеческий мозг, и разработать механизм способный чувствовать и думать. Затем полученные идеи можно попытаться использовать как для изучения нас самих, так и для разработки искусственного интеллекта.»²³³ По мере своего развития модели ИИ становятся все более требовательными с точки зрения вычислительной мощности и потребляемой энергии. Многие специалисты связывают прорывы в области создания высокопроизводительных и энергоэффективных микропроцессоров для ИИ с открытиями фундаментальных принципов работы мозга и созданием на их основе технологий «нейроморфных вычислений».

Сегодня в мире лишь семь стран реализуют собственные крупномасштабные проекты исследований мозга: ЕС (Human Brain Project, 2013 г.), США (BRAIN Initiative, 2013 г.), Япония (Brain/MINDS, 2013 г.),

²³² Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016. С. 136.

²³³ Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New Work, 2006. P. 9.

Австралия (Australian Brain Alliance, 2016 г.), Китай (China Brain Project, 2016 г.), Южная Корея (Korea Brain Initiative, 2016 г.), Канада (Canadian Brain Research Strategy, 2017 г.)²³⁴ Рассмотрим их основные особенности с точки зрения прикладных технологических ориентиров четвертой промышленной революции.

Human Brain Project (Европейский союз)

В январе 2013 году Европейская комиссия инициировала Human Brain Project (HBP) в рамках масштабной инициативы ЕС Future and Emerging Technology (FET). Главной целью FET является превращение научной базы объединенной Европы в конкурентное преимущество на международной арене.²³⁵ На сегодняшний день HBP объединяет около 500 ученых и инженеров из более чем 140 университетов, учебных и исследовательских центров по всей Европе. Также к программе присоединились четыре организации из Израиля и одна из Турции. Главными тематическими блоками проекта являются: моделирование мозга, нейроморфные технологии, изучение сознания, медицина мозга, робототехника, вычислительная техника для исследований мозга.²³⁶

Непосредственное значение для развития технологий ИИ имеет направление, связанное с разработкой нейроморфных технологий. В рамках него ведутся работы по воспроизводству основных принципов работы биологических нейронных сетей на электронных схемах. Для этого созданы две крупномасштабные нейроморфные вычислительные машины: SpiNNaker, расположенная в Манчестере (Великобритания) и BrainScaleS, которая находится в Гейдельберге (Германия). Их главная особенность заключается в скорости вычислений, которая при моделировании биологических процессов

²³⁴ Выходец Р.С., Рушин Д.А. Роль Большой науки о мозге в технологическом лидерстве в области искусственного интеллекта // Общество. Среда. Развитие. 2021. N 3. С. 11-16.

²³⁵ Future and Emerging Technologies Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 02.03.2023)

²³⁶ Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 02.03.2023)

во много раз превосходит возможности современных суперкомпьютеров. Ожидается, что нейроморфные технологии в ближайшее время существенно превзойдут современные компьютеры при решении таких задач как распознавание речи и изображений, дадут возможность выявлять причинно-следственные связи в сфере науки, финансов и управления, а также на этой основе строить высокоточные прогнозы на различных временных масштабах.

Еще одним направлением НВР, тесно связанным с ИИ, являются разработки в области робототехники. Именно с этим направлением некоторые ученые связывают главный вектор научно-технического прогресса в XXI веке, называя его «эпохой роботов».²³⁷ Специально разработанная платформа Neurorobotics позволяет дать любой модели мозга собственное «тело» для изучения обратных связей с внешней средой, что позволяет виртуально создавать и тестировать роботов, а также предоставляет широкие возможности в области машинного обучения еще до момента физической реализации изделия.

Некоторые исследователи подчеркивают характерную черту Большой науки ЕС, которая заключается в появлении политически мотивированных крупномасштабных исследовательских проектов, тесно вплетенных в широкий интеграционный контекст.²³⁸ И в этом смысле Human Brain Project не только обеспечивает основу для совместной работы исследователей из разных стран, масштабирования и практической реализации идей и научных разработок, но и вносит свой вклад в развитие имиджевой политики ЕС на международной арене.

BRAIN Initiative (США)

2 апреля 2013 г. Президент США Барак Обама на мероприятии в Белом доме представил исследовательскую инициативу, направленную на

²³⁷ Brooks R. *Flesh and machines: How robots will change us*. New York: Pantheon Books. 2002. 272 p.

²³⁸ Ulnicane I. *Ever-changing Big Science and Research Infrastructures: Evolving European Union policy // Big Science and Research Infrastructures in Europe / K.C. Cramer & O. Hallonsten (Eds.). 2020. P. 79.*

революцию в понимании человеческого мозга, под названием BRAIN (Brain Research through Advancing Innovative Neurotechnologies). В своем выступлении он повторил слова, произнесенные им несколькими месяцами ранее в Послании к Конгрессу США: «Если мы хотим делать лучшие продукты, мы также должны инвестировать в лучшие идеи. Каждый доллар, вложенный нами в картографирование генома человека, приносил нашей экономике 140 долларов... Сегодня наши ученые составляют карту человеческого мозга, чтобы дать ответы на болезнь Альцгеймера... Сейчас не время отказываться от этих инвестиций в науку и инновации, создающие рабочие места. Пришло время достичь уровня исследований и разработок, невиданного со времен разгара космической гонки.»²³⁹

После этого Национальные институты здравоохранения США (NIH) сформировали рабочую группу для детальной проработки этой инициативы. В июне 2014 года Рабочая группа подготовила отчет «BRAIN 2025: A Scientific Vision», в котором были обозначены научные цели инициативы и разработан многолетний план для их достижения.

В качестве всеобъемлющей цели BRAIN Initiative выступает объединение современных исследований и концептуальных схем в интегрированную науку о клетках, цепях, мозге и поведении, которая должна послужить фундаментом для дальнейшего научно-технического прогресса и создания новых технологий. В качестве приоритетных сфер, в которых более всего необходим прогресс, авторы отчета называют технологические достижения в области машинного обучения и искусственного интеллекта: «Инициатива BRAIN, вероятно, принесет практические экономические выгоды в области искусственного интеллекта и «умных» машин. Наш мозг может быстро решать проблемы со зрением, речью и координацией движений, с которыми не могут справиться самые мощные

²³⁹ Fact Sheet: BRAIN Initiative, Office of the Press Secretary, The White House. 02.04.2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative> (дата обращения 09.03.2023 г.)

суперкомпьютеры. По мере того, как мы узнаем больше о принципах, используемых мозгом для решения этих проблем, могут быть разработаны новые вычислительные устройства на основе когнитивных архитектур, обнаруженных в мозге».²⁴⁰

Для развития широкого междисциплинарного сотрудничества создан BRAIN Initiative Alliance, миссия которого состоит в координации усилий между участниками инициативы BRAIN и вовлечении в проект как можно более широкого круга заинтересованных сторон. При этом главным приоритетом BRAIN Initiative выступает развитие соответствующей научной области и связей между исследовательскими коллективами внутри США, и, как подчеркивает К. Брозе: «На этой основе налаживание координации и сотрудничества с другими странами, имеющими аналогичные проекты: ЕС, Китай Япония, Южная Корея».²⁴¹

В целом BRAIN Initiative продвигает установки открытой науки внутри США, которая должна послужить основой для создания серьезного задела в наиболее перспективных и технологичных сферах, в том числе в области ИИ.

Brain/MINDS (Япония)

В мае 2013 года крупнейшая научно-исследовательская организация Японии RIKEN на собрании в Институте наук о мозге сделала доклад о программах по изучению мозга в ЕС и США, который положил начало японскому проекту под названием Brain Mapping by Integrated Neurotechnologies for Disease Studies (Brain/MINDS). К сентябрю 2014 года определился состав участников проекта, куда вошли 22 ведущие профильные научно-исследовательские, клинические и технологические организации Японии. Головной организацией для реализации проекта была определена

²⁴⁰ BRAIN 2025. A scientific vision. Working Group Report to the Advisory Committee to the Director NIH. 2014. June 5. P. 19. URL: https://braininitiative.nih.gov/sites/default/files/pdfs/brain2025_508c.pdf (дата обращения: 17.03.2023)

²⁴¹ Brose K. Global Neuroscience // Neuron. 2016. N 92(3). P. 557.

RIKEN. Главной целью Brain/MINDS было провозглашено «изучение нейронных сетей, контролирующих высшие функции мозга мартышек для получения нового понимания обработки информации и заболеваний человеческого мозга».²⁴²

Японская программа изначально ориентировалась на вхождение в международный консорциум исследований, и на то, чтобы дать стране возможность в будущем равноправно сотрудничать и конкурировать в этой области Большой науки на международной арене. Для достижения этой цели в июне 2018 года запущена Стратегическая международная программа продвижения исследований мозга (Brain/MINDS Beyond). Эта инициатива направлена на то, чтобы способствовать глобальному распространению исследований мозга за счет расширения сотрудничества с внутренними проектами других стран по всему миру.

Australian Brain Alliance (Австралия)

В феврале 2016 года Австралийская академия наук создала Australian Brain Alliance (ABA), основные усилия которого сконцентрировались на координации исследований в области мозга по всей стране. С момента своего основания АВА объединил более 28 организаций, в том числе большинство крупных австралийских университетов и исследовательских институтов, проводящих исследования в области нейробиологии и поведенческой науки. АВА предлагает новое видение исследований мозга и разработки интеллектуальных технологий, включающее несколько основных направлений, среди которых непосредственно касаются разработок в области ИИ: нейроморфные вычисления – исследования по разработке способов создания компьютерных микросхем, имитирующих структуры и процессы мозга, чтобы добиться беспрецедентных скачков, как в хранении памяти, так и в вычислительной мощности; алгоритмы глубокого обучения,

²⁴² Brain/MINDS. URL: <https://brainminds.jp/en/> (дата обращения: 10.03.2023)

вдохновленные мозгом – разработка вычислительных алгоритмов, основанных на понимании функционирования мозга.²⁴³

Существенное внимание АВА уделяет вопросам перевода фундаментальных научных исследований в практические результаты. Для этого, предлагается новый подход, который стимулирует и обеспечивает совместный процесс открытий между промышленностью, университетами и другими исследовательскими институтами.

Korea Brain Initiative (Южная Корея)

В русле глобальной тенденции по запуску рядом стран крупных долгосрочных исследовательских проектов с целью революционным образом повысить знания о человеческом мозге 30 мая 2016 г. Правительство Кореи объявило о запуске «Korea Brain Initiative». В основе проекта лежат ожидания о доминирующей роли науки о мозге в четвертой промышленной революции.

Korea Brain Initiative включает ряд стратегических целей, вписанных в более широкий контекст современных представлений о научно-техническом прогрессе. В частности, инициатива призвана стимулировать развитие технологий, которые объединяют физический, цифровой и биологический миры и играют важную роль в развитии конвергентных проектов. Кроме того, наука о мозге рассматривается как ключ к развитию компьютерных технологий следующего поколения. Ожидается, что благодаря продвижению связанных исследований и разработок между естественным и искусственным интеллектом будут разработаны передовые алгоритмы и модели искусственного интеллекта, что создаст научно-технологическую платформу для осуществления четвертой промышленной революции.²⁴⁴

Вопросам создания нейроиндустрии и коммерциализации разработок уделяется повышенное внимание. На этот аспект проекта указывают и

²⁴³ Australian Brain Alliance. URL: <https://www.brainalliance.org.au/about/> (дата обращения: 12.03.2023)

²⁴⁴ Brief summary of Korea Brain Initiative. URL: https://kbri.re.kr/new/pages_eng/sub/page.html?mc=3186 (дата обращения: 13.03.2023)

корейские авторы: «Корейская мозговая инициатива создает основу для индустриализации открытий нейронауки. С этой целью необходимо разработать программы перехода от лаборатории к испытательному стенду и создать кластеры нейроиндустрии, где научно-исследовательский и деловой секторы могут работать вместе.»²⁴⁵

Как и программы по изучению мозга других стран с момента своего создания Korea Brain Initiative ориентируется на развитие широкого международного сотрудничества с целью прочно закрепиться в числе стран, развивающих передовые научные исследования и технологии.

Canadian Brain Research Strategy (Канада)

В 2015-2016 годах в Канаде состоялась серия семинаров с участием ведущих ученых страны, на которых широко обсуждалась концепция канадской инициативы в области изучения мозга. По их итогам была сформирована рабочая группа, которая приступила к разработке ключевых компонентов, научных целей и руководящих принципов канадской стратегии по изучению мозга. И в феврале 2017 года был представлен проект Canadian Brain Research Strategy (CBRS), который впоследствии широко обсуждался с научным сообществом Канады. По замыслу создателей CBRS покоится на четырех столпах:

1. Понимание того, как нормальный мозг развивается и функционирует, а также как он развивается на протяжении всей жизни.
2. Преобразование фундаментальных новых знаний о мозге в новые стратегии профилактики и лечения расстройств мозга.
3. Использование новых знаний для совершения новых открытий в других областях, особенно в информационных и коммуникационных технологиях, экономике, сложных системах, социальном поведении людей и образовании.

²⁴⁵ Sung-Jin Jeong et al. Korea Brain Initiative: Integration and Control of Brain Functions. // Neuron 92. 2016. November 2. P. 609.

4. Стимулирование разработки новых инструментов для визуализации и измерения мозга, вычислительных методов для понимания его сложности, а также технологий, вдохновленных мозгом, включая усовершенствованный искусственный интеллект, который найдет широкое применение в здравоохранении, образовании и других областях.²⁴⁶

Несмотря на то, что дискуссия о создании канадской стратегии по изучению мозга началась в 2015 г. лишь в июне 2020 г. группа исследователей получила грант от Canadian Institutes of Health Research на разработку стратегии, которая позиционирует изучение мозга в качестве национального исследовательского приоритета и поддерживает создание Канадской сети стратегии исследований мозга. Последняя должна взять на себя поддержку участия Канады в Международной инициативе по изучению мозга и на этой основе объединить вокруг себя интеллектуальные и финансовые ресурсы в области изучения мозга внутри страны.

China Brain Project (Китай)

В марте 2016 года Национальное собрание народных представителей КНР утвердило рассчитанную на 15 лет инициативу China Brain Project (СВР), включив ее в план XIII пятилетки и обширную программу развития науки и технологий до 2030 года. Целью СВР является продвижение фундаментальных знаний о работе мозга и, одновременно с этим, удовлетворение некоторых насущных социальных потребностей путем применения знаний нейронауки в области медицины и разработки новых технологий.

Основную идеологию проекта его организаторы описали формулой «One body two wings», где в качестве тела выступают понимание фундаментальных основ когнитивных функций и развитие технологических платформ для исследования мозга, а крыльями являются развитие

²⁴⁶ Illes J., Weiss S. A Neuroethics Backbone for the Evolving Canadian Brain Research Strategy // Neuron 101. 2019. February 6. P. 371-372.

технологий искусственного интеллекта и развитие методов ранней диагностики и лечения заболеваний мозга.²⁴⁷ В этой формуле заключается одна из главных особенностей китайского проекта, который выдвигает на первый план применение основных достижений нейронауки к созданию технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. По этому поводу директор Института неврологии и руководитель Центра передового опыта в области науки о мозге и интеллектуальных технологиях Китайской академии наук Му-мин По отмечает следующее: «СВР ставит исследования нарушений мозга и искусственного интеллекта в качестве непосредственных высокоприоритетных областей, а не в качестве отдаленных целей после того, как мы лучше поймем работу мозга. Фактически, нейронаука уже сегодня может внести полезный вклад в эти две области.»²⁴⁸

Создав свой проект по изучению мозга спустя три года после появления крупных национальных проектов ЕС и США, Китай имел возможность оценить собственные научные возможности в этой области и определить приоритетные направления исследований для достижения наилучших результатов и формирования основы для международного сотрудничества. В этом смысле выбор развития технологий искусственного интеллекта в качестве основных приоритетов СВР полностью соответствует тенденции «*jìgōngjīnlì*» (стремление как можно быстрее достигнуть успеха и получить выгоду) научной культуры страны. Китайские исследователи пристально следят за тем, что происходит на Западе, и когда появляется перспективное направление, на его развитии концентрируются все ресурсы. Поэтому СВР выступает хорошим инструментом для развития сотрудничества с иностранными исследователями и постепенного улучшения собственных технологий.

²⁴⁷ Mu-ming Poo et al. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // *Neuron* 92. 2016. November 2. P. 592.

²⁴⁸ Wang L. Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // *National Science Review*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 258.

Китай на протяжении долгого времени оказывал широкую поддержку развитию технологий искусственного интеллекта, и проект СВР призван обеспечить качественно новый уровень конвергенции между учеными и промышленностью внутри страны и позволить Китаю войти в число мировых лидеров в области ИИ.

Итак, к настоящему моменту в мире существует семь крупномасштабных национальных программ по изучению мозга, ключевые исследовательские приоритеты которых недвусмысленно фиксируют фундаментальные открытия нейронауки в качестве основного источника развития технологий ИИ. В декабре 2017 года в Канберре на встрече крупнейших мировых проектов по изучению мозга представители Японии, Южной Кореи, ЕС, США и Австралии подписали Декларацию о создании Международной инициативы в области мозга (International Brain Initiative), позднее к ней присоединились Китай и Канада.²⁴⁹ Это событие позволяет с уверенностью говорить о том, что на международном уровне складывается Большая наука о мозге, ориентированная на объединение усилий ведущих мировых исследователей и разработчиков, а также вовлечение политических деятелей, деловых кругов, широкой общественности в процессы формирования фундамента нового технологического уклада.²⁵⁰

Следует упомянуть о том, что многие российские специалисты на протяжении многих лет подчеркивают высокое значение науки о мозге для развития технологий ИИ. Так, например, К.В. Анохин в одной из своих прямо указал на то, что создание новых систем искусственного интеллекта в значительной мере обусловлено фундаментальными исследованиями в

²⁴⁹ International Brain Initiative. URL: <https://www.internationalbraininitiative.org/about-us> (дата обращения: 14.03.2023)

²⁵⁰ Выходец Р.С. Международное сотрудничество в области исследований мозга как фактор развития технологий искусственного интеллекта в России // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. N 1. С. 84-96.

нейрофизиологии.²⁵¹ В 2019 году в России Указом Президента РФ № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, которая закрепила данный тезис на политическом уровне.²⁵² В документе развитие искусственного интеллекта проведение фундаментальных научных исследований, направленных на разработку перспективных архитектур вычислительных систем (в том числе нейроморфных вычислительных систем, построенных на принципе подобию биологическим нейронным системам) рассматриваются в качестве одного из основных направлений повышения доступности аппаратного обеспечения, необходимого для решения задач в области ИИ.

В 2019 г. президентом РАН А.М. Сергеевым и ректором МГУ В.А. Садовничим была инициирована крупная российская федеральная научно-техническая программа исследования мозга «Мозг: здоровье, интеллект, инновации», которая была поддержана Президентом РФ В.В. Путиным. Программа рассчитана на период 2021–2029 гг. с плановым объемом финансирования 54 млрд руб. Одним из главных ее приоритетов является разработка научной платформы ИИ следующего поколения на основе нейроморфных технологий.²⁵³ Тем не менее, по сей день, данная программа не утверждена Правительством.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта находятся в авангарде глобальных приоритетов технологического развития. В уже упомянутой российской стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года подчеркивается, что в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные отрасли экономики и сферы общественных

²⁵¹ Анохин К.В. Последний великий рубеж наук о жизни // Экономические стратегии. 2010. N11. С. 56.

²⁵² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.03.2023)

²⁵³ РАН и Минобрнауки инициировали программу фундаментальных исследований мозга. 29.09.2020. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/9578705> (дата обращения: 14.03.2023)

отношений, благодаря которым рост мировой экономики в 2024 году составит не менее 1 трлн. \$.

В этом смысле овладение технологиями ИИ, внедрение их в производство сулит государствам существенные экономические выгоды и лидирующие позиции в мировой системе разделения труда. Как указывается в итоговых материалах состоявшейся 1 декабря 2020 г. Европейской конференции по политике в области искусственного интеллекта: «Эта технология важна в геополитическом отношении. Многие страны стремятся достичь глобального инновационного преимущества в области ИИ, потому что они понимают, что это фундаментальная технология, которая может повысить конкурентоспособность и помочь решить социальные проблемы.»²⁵⁴

Многие эксперты связывают экономический рост в XXI в. с внедрением ИИ в различные сектора промышленности. В официальных документах Европейской комиссии подчеркивается, что ИИ в XXI в. будет основным двигателем экономического роста и повышения производительности труда, а также будет способствовать устойчивости и жизнеспособности промышленного производства.²⁵⁵ Эксперты ИМЭМО РАН и Атлантического Совета рассматривают новые технологии, в том числе ИИ в качестве мощного драйвера роста местного, индивидуализированного и узкоспециализированного производства.²⁵⁶

Все это способствуют тому, что технологии четвертной промышленной революции обретают волне очевидное политическое значение в современных международных отношениях. По этому поводу один из главных ее идеологов

²⁵⁴ Castro D. European AI Policy Conference Report – 2020 // Center for Data Innovation. April 9, 2021. URL: <https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/> (дата обращения: 14.03.2023)

²⁵⁵ Re-finding Industry: Defining Innovation // Publications Office of the European Union. April 24, 2018. P. 5. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/28e1c485-476a-11e8-be1d-01aa75ed71a1> (дата обращения: 16.02.2023)

²⁵⁶ Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal / Dynkin, A., Burrows, M. (eds.) Moscow, Primakov IMEMO, 2016. P. 21.

четвертой промышленной революции К. Шваб в своем докладе на открытии 49-го Давосского экономического форума 22 января 2019 г. подчеркнул: «Искусственный интеллект, большие данные и возможность создания технологических платформ массового использования начинают определять национальную мощь государств.»²⁵⁷

В настоящее время, по признанию многих специалистов, в технологической гонке за искусственным интеллектом пальму первенства удерживают ЕС, Китай и США, по одним позициям вырываясь вперед, а по каким-то аспектам догоняя друг друга. Так, например, эксперты из американского Center for Data Innovation в своем последнем отчете указывают, что США удерживают лидирующие позиции в четырех из шести исследуемых ими категориях: таланты (количество высококлассных исследователей, участие в научных конференциях и др.), исследования (количество публикаций, цитирований, расходы на НИОКР и др.), разработки (количество компаний, стартапов, патентов и др.) и оборудование (производство и исследования полупроводников, производство компьютерных чипов и т.д.), а Китай является мировым лидером в категориях внедрение (число сотрудников в компаниях, связанных с ИИ) и данные (количество пользователей мобильных платежей, уровень внедрения цифровых медицинских карт, Интернет вещей и др.). При этом и Китаю, и ЕС за последнее время удалось сократить отставание от США по значительному числу параметров.²⁵⁸

Развитие ИИ-технологий тесно связано с необходимостью быстрой обработки больших массивов данных. Поэтому многие страны уделяют особое внимание созданию доступной инфраструктуры для

²⁵⁷ Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. N1. С. 82.

²⁵⁸ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (дата обращения: 16.02.2023)

высокопроизводительных вычислений. Например, китайский технологический гигант Tencent активно развивает платформу Angel для предприятий с потребностями в обработке больших объемов данных.²⁵⁹ Для развития высокопроизводительных вычислений и разработки инновационных суперкомпьютерных технологий в 2018 г. в ЕС создано Европейское совместное предприятие по высокопроизводительным вычислениям (EuroHPC JU), объединяющее ресурсы 32 стран и частных партнеров.²⁶⁰

По последним данным аналитиков из TOP500, мировыми лидерами по числу суперкомпьютеров и выдаваемой ими совокупной производительности являются Китай – 214 систем (42 % от общемирового количества), США – 113 систем (22,6 %), Япония – 34 системы (6,8 %). При этом по показателю совокупной производительности первое место занимают системы США — 668,7 петафлопс (27,5 % от общемирового уровня), Япония обладает наиболее производительными суперкомпьютерами в мире, выдающими в совокупности 593,7 петафлопс (24,4 %) на существенно меньшем количестве систем, чем у конкурентов, Китай занимает третье место – 566,6 петафлопс (23,3 %). Совокупные показатели стран Европейского союза – 79 систем (15,5 %) с производительностью 374,4 петафлопс (15,4 %). Россия на сегодняшний день располагает семью суперкомпьютерами, входящими в 500 наиболее производительных мировых систем, выдающими в совокупности 61,8 петафлопс (2,5 %).²⁶¹

Качественный скачок в области высокопроизводительных вычислений многие эксперты и аналитики связывают с развитием квантовых

²⁵⁹ The AI Ecosystem in China 2020 // daxueconsulting. March, 2020. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> / (дата обращения: 10.03.2023)

²⁶⁰ The European High Performance Computing Joint Undertaking // European Commission. 16.03.2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/high-performance-computing-joint-undertaking> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁶¹ List statistics // TOP500: The List. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (дата обращения: 18.03.2023)

компьютеров.²⁶² В этой области пальму первенства оспаривают Китай и США. В ведущих мировых научных журналах одна за другой появляются публикации о том, что ученым из разных стран удалось добиться «квантового превосходства» на большем, чем у остальных, количестве кубитов. В 2019 г. в журнале *Nature* была опубликована статья о квантовом компьютере *Sycamore* компании Google, работающем на 54 кубитах.²⁶³ В конце 2020 г. появилась информация о китайском квантовом компьютере *Jiuzhang* на 76 кубитах, который, по словам создателей, во много раз по своим возможностям превосходит *Sycamore*.²⁶⁴

Важным драйвером развития технологий ИИ выступает электронно-компонентная база. В этой сфере лидерами являются ЕС, Китай и США. Так, например, среди компаний-производителей микрочипов для ИИ 14 расположены в странах ЕС, 29 – в Китае, и 62 – в США.²⁶⁵ Следует подчеркнуть, что полупроводники является фундаментальной технологией информационной эпохи. Тот, кто разрабатывает и производит самые передовые чипы в мире, также будет иметь самое умное высокоточное оружие, самые умные фабрики и самые умные инструменты квантовых вычислений, чтобы взломать практически любую форму шифрования. Именно поэтому борьба за контроль над полупроводниковой промышленностью наряду с энергетикой нередко лежит в основе международных конфликтов. Недавно посольство Китая в Вашингтоне в связи с введенными Соединенными Штатами жестких правил, ограничивающих доступ Китая к высокотехнологичным чипам прямо

²⁶² Гиглавый А. В., Соколов А. В., Абдрахманова Г. И. и др. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий // Форсайт. 2013. Т.7. №3. С. 6-24.

²⁶³ Arute F., Arya K., Babbush R., Bacon D. et al. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // *Nature*. 2019. No. 574. P. 505-510.

²⁶⁴ Zhong H., Wang H., Deng Y. et al. Quantum computational advantage using photons // *Science*. 2020. No. 370. P. 1460-1463.

²⁶⁵ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (дата обращения: 16.02.2023)

обвинило США в стремлении сохранить «научно-техническую гегемонию.»²⁶⁶ В октябре 2022 года в Нью Йорк Таймс вышла статья Томаса Фридмена, в которой автор прямо указывает, что в основе напряженности между США и Китаем вокруг Тайваня лежит набирающая обороты «война» за полупроводники. Это объясняется тем, что сегодня американское производство микрочипов для искусственного интеллекта, вооружений, спутников и космической промышленности на 90% процентов зависит от микросхем тайваньской TSMC.²⁶⁷

Политика ведущих игроков предусматривает значительные инвестиции в собственные научные исследования и разработки. Например, Европейская комиссия на уровне ЕС запланировала на эти цели не менее 1 млрд евро в год на период до 2027 г. В США на исследования и разработки в области ИИ в 2021 г. федеральное финансирование составило 1,5 млрд долл. США.²⁶⁸

Мировую повестку исследований и разработок в сфере ИИ определяют Китай и США, которые являются абсолютными лидерами по количеству публикаций и патентных заявок. По последним данным в рейтинге стран по числу патентов первенство принадлежит Китаю (103,9 тыс. заявок), далее следуют США (23,5 тыс.) и Япония (12,2 тыс.). Россия находится на 15-м месте (387 заявок).²⁶⁹ Если обратиться к списку 500 лучших организаций по количеству патентов в области ИИ, то Китай представлен в нем более чем 100 организациями. Для сравнения в этот перечень входят 20 организаций из США и по 4 из Европы и Японии. Россия в этом списке занимает седьмое

²⁶⁶ Nakashima E., Whalen J., Cadell C. U.S. imposes tough rules to limit China's access to high-tech chips // The Washington Post. 07.10.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/10/07/china-high-tech-chips-restrictions/> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁶⁷ Friedman T. We Are Suddenly Taking On China and Russia at the Same Time // The New York Times. 12.10.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/12/opinion/china-semiconductors-exports.html> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁶⁸ The Final Report // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents/> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁶⁹ Развитие отдельных высоко технологичных направлений: Белая книга. Москва: НИУ «Высшая школа экономики». 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

место между Японией и Саудовской Аравией.²⁷⁰ Однако следует отметить, что многие исследователи подчеркивают нацеленность Китая на патентную деятельность, что во многом объясняет его количественное превосходство в этой сфере. Некоторые китайские авторы указывают: ««китайские ученые опасаются, что их хорошие идеи будут восприняты западными исследователями, которые работают быстрее и обладают языковым преимуществом, чтобы быстрее описывать результаты... Мы должны научиться защищать свои собственные интересы с точки зрения прав интеллектуальной собственности, коммерциализации разработок и военных приложений.»²⁷¹

Исходя из всего вышесказанного, значение целостной политики в области развития прорывных технологий сложно переоценить не только с точки зрения решения насущных задач по сохранению технологического суверенитета в наиболее перспективных сферах, но и в контексте более общих вопросов стратегической конкуренции в современном мире. Именно поэтому многие страны уделяют повышенное внимание выработке и реализации национальной политики в области искусственного интеллекта.

§3.2. Современная мировая политика в области искусственного интеллекта

В 2017 г., когда в Канаде была принята первая в мире Национальная стратегия в области ИИ, начался процесс по официальному закреплению технологий ИИ в качестве приоритетного направления политики многих государств мира. По последним данным уже 43 страны приняли

²⁷⁰ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

²⁷¹ Qiu J. Research and development of artificial intelligence in China // National Science Review. 2016. Vol. 3. N 4. P. 541.

национальные стратегии в области искусственного интеллекта и 14 ведут работу в этом направлении, Таблица 2.²⁷²

Таблица 2 – Хронология публикации национальных ИИ-стратегий

Год	Государства
2017	Канада, Китай, ОАЭ, Финляндия, Япония
2018	Великобритания, Германия, Индия, Мексика, Франция, Швеция
2019	Дания, Катар, Колумбия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Республика Корея, Россия, Сингапур, Словакия, США, Чехия, Эстония
2020	Болгария, Венгрия, Индонезия, Испания, Кипр, Латвия, Норвегия, Польша, Саудовская Аравия, Сербия
2021	Бразилия, Вьетнам, Ирландия, Италия, Словения, Турция, Чили
в разработке	Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Греция, Израиль, Кения, Малайзия, Новая Зеландия, Румыния, Тунис, Украина, Уругвай, Шри-Ланка

Национальные стратегии различаются с точки зрения стратегического подхода, уровня детализации предлагаемых действий и отраслевой направленности. В стратегиях применяются различные концептуальные формы: от зонтичной стратегии высокого политического уровня, охватывающей множество различных политических инициатив, до операционных стратегий с конкретными действиями и выделенным бюджетным финансированием. Внутренняя политика государства также различается по приоритетным направлениям. Некоторые страны (например, Мальта и Словакия) использовали горизонтальный подход и не определили конкретных приоритетных секторов для внедрения технологий ИИ. Другие (например, Франция) сосредоточились на секторах экономики, которые имеют высокий потенциал роста или обеспечивают конкурентное преимущество. Чаще всего в национальных стратегиях ИИ рассматриваются такие секторы экономики, как производство, здравоохранение, сельское хозяйство, государственное управление, транспорт, логистика, образование и

²⁷² A European approach to Artificial Intelligence 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-fostering-european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 21.02.2023); The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 21.02.2023); Government AI Readiness Index 2021. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (дата обращения: 21.02.2023)

энергетика. Помимо основных секторов применения ИИ, ряд стран запланировали действия в специфических направлениях, например, в морском секторе (Кипр), прогнозировании погоды (Германия), биоразнообразии (Португалия), правосудии (Латвия), мода (Испания). Некоторые государства в качестве приоритетного направления для внедрения ИИ в своих стратегиях указывают определенный сектор экономики, например, энергетика (Литва) или водные ресурсы (Нидерланды).

Следует отметить, что лишь некоторые страны обозначили конкретные размеры финансирования из всех источников принятых стратегий. Например, Китай (около 32 млрд. \$ до 2030 г.), ЕС (20 млрд. евро в год, значительная часть которых приходится на Германию и Францию), США (около 30 млрд. \$ в год из них около 24 млрд. \$ в 2020 году пришлось на частные инвестиции), Великобритания (1,3 млрд. \$), Индия (около 950 млн. \$), российский федеральный проект «Искусственный интеллект» предусматривает около 420 млн. \$ финансирования до 2024 года.²⁷³ В большинстве случаев данные о размерах и источниках средств на реализацию национальных стратегий в области ИИ отсутствуют, что подчеркивает декларативный характер принятых документов, которые не подразумевают фиксированной дорожной карты их реализации, а лишь иллюстрирует амбиции государства следовать в русле глобального технологического тренда.

Как уже отмечалось в предыдущей части нашей работы, в настоящее время, США, Китай и ЕС занимают лидирующие позиции в развитии технологий ИИ. Поэтому рассмотрим более подробно политику в области ИИ этих ведущих игроков.

США. Политика Соединенных Штатов в области развития технологий ИИ подробно исследована в специальной статье автора.²⁷⁴ США сегодня

²⁷³ The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 21.02.2023)

²⁷⁴ Выходец Р.С. Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. N 7. С. 110-122.

занимают лидирующие позиции в формировании политики в сфере стратегического развития, стандартизации и выработки подходов к обеспечению безопасности технологий ИИ на международном уровне, а также в значительной степени определяют мировую повестку научных исследований и разработок в этой области. В рейтинге Government AI Readiness Index, включающем политические, инфраструктурные и технологические компоненты, США занимают первую строчку.²⁷⁵

Идейным источником формирования целостной национальной политики США в области ИИ является встреча специалистов по компьютерным наукам со всей страны в Дартмутском колледже в Нью-Гэмпшире в 1956 г. На встрече обсуждались основополагающие теоретические контуры новой области вычислений под названием «искусственный интеллект».²⁷⁶ Это, как впоследствии оказалось, историческое событие на долгие годы вперед заложило основу для многочисленных правительственных и отраслевых исследований в области ИИ, масштабных инвестиций и стратегического планирования, политическим итогом которых явилась Национальная инициатива США по ИИ (National Artificial Intelligence Initiative, NAIИ), учрежденная Законом, вступившим в силу 1 января 2021 г.²⁷⁷ Документ предполагает оказание последовательной поддержки исследованиям и разработкам, поддержку программ обучения и подготовки кадров, содействие междисциплинарным исследованиям в области и профильным образовательным программам, координацию на федеральном уровне межведомственной деятельности, вовлечение в работу различных заинтересованных сторон, инвестиционную деятельность,

²⁷⁵ Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (дата обращения: 11.03.2023)

²⁷⁶ McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27 N 4. P. 12-14.

²⁷⁷ National Artificial Intelligence Initiative Act. 01.01.2021. URL: <https://www.congress.gov/116/crpt/hrpt617/CRPT-116hrpt617.pdf#page=1210> (дата обращения: 11.03.2023)

создание и поддержку сети междисциплинарных исследовательских институтов по ИИ, развитие международного сотрудничества со стратегическими союзниками в области исследований и разработок.

Работы в рамках Национальной инициативы организованы в рамках шести основных направлений: инновации, продвижение надежного ИИ, образование и обучение, инфраструктура, приложения, международное сотрудничество.²⁷⁸

Инновации. США в настоящее время занимают ведущие мировые позиции в сфере инноваций в области ИИ. Многолетние усилия в этом направлении привели к созданию уникальной и динамичной экосистемы НИОКР, объединяющей сильные стороны правительства, научных кругов и промышленности. Особое внимание уделяется инновационному государственно-частному партнерству, которое способствует эффективному развитию и внедрению технологий ИИ.

Сегодня Соединенные Штаты входят в число стран, которые определяют мировую повестку исследований и разработок в сфере ИИ, по некоторым позициям уступая лишь Китаю. Например, США занимают 2 место в рейтинге стран по числу патентов, связанных с ИИ: США (23,5 тыс.), Китаю (103,9 тыс.).²⁷⁹ В списке 500 лучших организаций по количеству патентов в области ИИ США представлены 20 организациями (Китай – 100 организаций), при этом крупнейшие портфели патентов в области ИИ принадлежат двум американским компаниям (IBM и Microsoft).²⁸⁰

²⁷⁸ National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 11.03.2023)

²⁷⁹ Развитие отдельных высоко технологичных направлений: Белая книга. Москва: НИУ «Высшая школа экономики». 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aeee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

²⁸⁰ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019. P. 61-63. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что количественное превосходство в сумме патентов не всегда означает качественное превосходство. Одним из подтверждений этому служит то, что Соединенные Штаты занимают первое место по количеству глобальных компаний ИИ с наибольшими темпами роста, в мировом ТОП 50 США представлены 30 компаниями, тогда как Китай – 14.²⁸¹

В США оказывается серьезная поддержка развитию сети Национальных исследовательских институтов. Так с 2020 года Национальный научный фонд (NSF) объявил о пятилетней грантовой программе в размере 360 млн \$ для исследовательских и образовательных институтов в сфере ИИ. К настоящему моменту по всей стране создано 18 таких организаций, получивших от NSF финансовую поддержку.²⁸²

Национальные инвестиции США в технологии ИИ определяются Национальным стратегическим планом исследований и разработок в области ИИ, в котором определены критические области, требующие федеральных инвестиций. Действующая редакция документа к таковым относит: постоянные долгосрочные инвестиции в ИИ; эффективные методы сотрудничества человека и ИИ; понимание и устранение этических, правовых и социальных последствий технологий ИИ; обеспечение безопасности и защищенности ИИ; разработка общедоступных наборов данных и сред для обучения и тестирования ИИ; измерение и оценка технологий ИИ с помощью стандартов и контрольных показателей; лучшее понимание национальных потребностей в рабочей силе для исследований и

²⁸¹ Global Artificial Intelligence Industry Whitepaper. URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/global-ai-development-white-paper.html> (дата обращения: 11.03.2023)

²⁸² NSF Artificial Intelligence Research Institutes. 30.07.2021. URL: <https://nsf.gov/cise/ai.jsp> (дата обращения: 11.03.2023)

разработок в области ИИ; расширение государственно-частного партнерства для ускорения развития ИИ.²⁸³

В целом в 2022 году на исследования и разработки в области ИИ, не связанные с обороной, в федеральном бюджете США запланировано финансирование в размере 1,7 млрд \$,²⁸⁴ при этом объем запрошенного Министерством обороны США финансирования на те же цели экспертами оценивается на уровне 10 млрд \$, если добавить к этой сумме около 53 млрд \$ инвестиций частного сектора (по данным на 2021 г.),²⁸⁵ то станет ясен примерный объем ежегодного финансирования технологий ИИ в Соединенных Штатах.

Продвижение надежного ИИ. Одной из ключевых целей Национальной инициативы по ИИ является обеспечение лидерства Соединенных Штатов в области разработок и использования надежных (заслуживающих доверия) систем ИИ в государственном и частном секторах. Как указывает член Национального консультативного комитета по ИИ (NAIAC) Дэвид Дэнкс, в основе доверия людей к технологиям ИИ лежит «наличие у пользователя обоснованной уверенности в том, что система будет вести себя примерно так, как задумано.»²⁸⁶ Надежность, помимо таких инструментальных характеристик как точность, объяснимость и интерпретируемость, конфиденциальность, безопасность и защищенность, устойчивость к атакам, включает ценностный компонент, который отражает более широкое влияние технологий ИИ на общество.

В этой связи Федеральное правительство США уделяет приоритетное внимание исследованиям и разработкам в области ИИ, которые касаются

²⁸³ National AI R&D Strategic Plan: 2019 Update. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (дата обращения: 11.03.2023)

²⁸⁴ Supplement to the President's FY2022 Budget. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/FY2022-NITRD-NAIO-Supplement.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)

²⁸⁵ Artificial Intelligence Index Report 2022. P. 154, 189. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (дата обращения: 12.03.2023)

²⁸⁶ Danks D. The Value of Trustworthy AI // Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. January, 2019. P. 521.

этических, правовых и социальных последствий, а также безопасности систем ИИ. Для решения многочисленных задач в этой области в США реализуется ряд федеральных исследовательских программ.²⁸⁷ Например, реализуемая NSF в сотрудничестве с Amazon Программа по справедливости в области искусственного интеллекта.²⁸⁸

Существенное значение при создании надежных систем ИИ имеют вопросы по обеспечению кибербезопасности. В США финансируется ряд НИОКР, нацеленных на предотвращение угроз в этой сфере, например, DARPA AI Next Campaign направлена на противодействие преднамеренному искажению обучающих данных и изменению алгоритмов ИИ.²⁸⁹

Образование и обучение. Профессиональная подготовка к новым экономическим условиям, связанным с глубоким проникновением информационных технологий и автоматизации производственных процессов, опирается в США, прежде всего, на развитие системы STEM-образования (S-science, T-technology, E-engineering, M-mathematic). В декабре 2018 года комитет по STEM-образованию Национального совета по науке и технологиям (CoSTEM) опубликовал Федеральный 5-летний стратегический план STEM-образования, в котором изложены цели американского STEM-образования, включающие создание прочной основы грамотности, увеличение разнообразия карьеры и подготовку рабочей силы будущего.²⁹⁰ В 2017 году было принято решение о выделении Министерством образования США не менее 200 млн \$ в год в виде грантов на продвижение системы

²⁸⁷ 2016-2019 Progress Report: Advancing Artificial Intelligence R&D. November 2019. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/AI-Research-and-Development-Progress-Report-2016-2019.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)

²⁸⁸ NSF's Program on Fairness in Artificial Intelligence. URL: <https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence-collaboration-amazon> (дата обращения: 14.04.2023)

²⁸⁹ DARPA AI Next Campaign. September, 2018. URL: <https://www.darpa.mil/work-with-us/ai-next-campaign> (дата обращения: 12.03.2023)

²⁹⁰ Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. December, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/12/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)

STEM-образования.²⁹¹ Кроме того федеральные агентства по исследованиям и разработкам поддерживают множество программ стипендий в области ИИ.

Для решения задач по кадровой трансформации в соответствии с потребностями современной экономики NSF реализует программу конвергентных исследований «Будущее работы на границе человека и технологий», которая помогает лучше понять формирующийся социотехнологический ландшафт, создавать новые технологии для повышения производительности человека и способствовать всестороннему обучению на протяжении всей жизни.²⁹²

Инфраструктура. Развитие и внедрение технологий ИИ зависит от широкого доступа к высококачественным данным, алгоритмам и вычислительной инфраструктуре.

В настоящее время США занимает лидирующие позиции в области электронно-компонентной базы для технологий ИИ. Среди 15 крупнейших в мире компаний-производителей полупроводников продукции 8 являются американскими, США занимают первое место по количеству производителей микрочипов для ИИ – 62 компании, для сравнения, Китай – 29, ЕС – 14.²⁹³

Соединенные Штаты находятся в числе мировых лидеров в области высокопроизводительных вычислений. В ТОП 500 наиболее мощных суперкомпьютеров США представлены 149 системами и занимают первое место в мире по совокупной максимальной производительности. Второе

²⁹¹ Presidential Memorandum for the Secretary of Education. September 25, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/> (дата обращения: 12.03.2023)

²⁹² Future of Work at the Human-Technology Frontier. February 16, 2023. URL: <https://beta.nsf.gov/events/future-work-human-technology-frontier-office-hours-2/2023-02-16> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁹³ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (дата обращения: 16.02.2023)

место по этому показателю принадлежит Японии (32 системы), Китай на третьем месте (173 системы).²⁹⁴

Национальная инициатива США по ИИ предусматривает комплекс мер, направленных на дальнейшее развитие инфраструктуры. В частности, предполагается создание Национального исследовательского ресурса в области ИИ (NAIRR), который предоставит исследователям доступ к вычислительным ресурсам и высококачественным данным, а также к соответствующим образовательным инструментам и поддержке пользователей. В ноябре 2020 года Национальный совет по науке и технологиям утвердил стратегический план по развитию экосистем передовых вычислений будущего, который описывает общенациональный подход к созданию будущей национальной передовой вычислительной экосистемы и устанавливает оперативную и координационную структуру, опирающуюся на широкое партнерство между федеральными агентствами, промышленностью, некоммерческими организациями и научными кругами.²⁹⁵

В Таблице 3 представлены приоритетные отрасли для внедрения, которые определены Национальной инициативой США по ИИ.²⁹⁶

Таблица 3 – Приоритетные отрасли для внедрения технологий ИИ в США

Отрасль	Основные направления	Основные документы
Сельское хозяйство	разработка датчиков, управление экосистемами, поддержка сельских сообществ, развитие рабочей силы посредством образования и обучения на всех уровнях, биоинформатика.	Data Science for Food and Agricultural Systems (USDA)
Финансовые услуги	мониторинг транзакций и анализ связей, системы принятия финансовых решений, выявление неправомерных действий на инвестиционном рынке	A Financial System That Creates Economic Opportunities (U.S. Department of the Treasury);

²⁹⁴ List statistics // TOP500: The List. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁹⁵ Pioneering the Future Advanced Computing Ecosystem: A Strategic Plan. November, 2020. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/Future-Advanced-Computing-Ecosystem-Strategic-Plan-Nov-2020.pdf> (дата обращения: 18.03.2023)

²⁹⁶ National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy. URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 13.03.2023)

Отрасль	Основные направления	Основные документы
Здравоохранение	интеллектуальное программирование медицинских устройств, инструменты для улучшения сбора клинических данных, диагностика и лечение заболеваний	Artificial Intelligence/Machine Learning – Based Software as a Medical Device Action Plan (FDA); Bridge2AI (NIH)
Оборона и безопасность	профилактическое обслуживание, гуманитарная помощь, борьба со стихийными бедствиями, новые виды вооружений, беспилотный транспорт, кибербезопасность, видеопойск, разведка.	AI Next Campaign (DAPRA); Department of Homeland Security’s AI Strategy (DHS); The AIM Initiative (IC)
Наука	«ИИ для науки» – следующее поколение методов и научных возможностей в области вычислительной техники (например, машинное обучение, глубокое обучение, статистические методы, анализ данных, автоматизированное управление и смежные области) для построения моделей на основе данных и их использования в широком спектре фундаментальных и прикладных научных исследований.	AI for Science (ANL, ORNL)
Транспорт	беспилотные авиационные системы, беспилотный транспорт, системы управления транспортными потоками, безопасность, «городская воздушная мобильность» (новые виды летательных аппаратов, аэротакси, доставка товаров, мобильность для людей с ограниченными возможностями).	Ensuring American Leadership in Automated Vehicle Technologies: Automated Vehicles 4.0 (DOT)
Гидрометеорология	прогнозирование погоды и стихийных бедствий, картографирование и мониторинг состояния мирового океана, обследование рыбных запасов.	NOAA Artificial Intelligence Strategy

Международное сотрудничество. Стратегия США в области ИИ, прежде всего, нацелена на продвижение американских исследований и разработок на международных рынках, одновременно с этим, собственные национальные интересы и ценности выдвигаются Соединенными Штатами в качестве условий для сотрудничества с другими странами. Международная деятельность США в области ИИ включает в себя комплекс многосторонних и двусторонних форматов. Так, например, в сентябре 2020 года США и

Великобритания подписали Декларацию о сотрудничестве в области ИИ, в которой сформулированы приоритеты для совместной деятельности в сфере исследований и разработок, раскрытия коммерческих возможностей для технологий ИИ, содействия сотрудничеству между исследователями и студентами, развития государственно-частного партнерства.²⁹⁷

В сентябре 2021 года в рамках встречи Совет по торговле и технологиям США-ЕС было опубликовано Совместное заявление, содержащее специальный раздел, посвященный сотрудничеству в области ИИ. В документе подчеркивается готовность работать вместе, чтобы ИИ использовался в соответствии с общими демократическими ценностями и правами человека. Кроме того, в будущем США и ЕС намерены обсудить инструменты измерения и оценки, а также мероприятия по выработке единых технических требований к надежному ИИ и меры по защите конфиденциальности данных.²⁹⁸

На встрече министров науки и технологий G7 в июне 2020 года под председательством США было принято решение о создании Глобального партнерства по ИИ (GRAI), участниками которой на сегодняшний день являются Австралия, Бельгия, Бразилия, Канада, Чехия, Дания, Франция, Германия, Индия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Польша, Республика Корея, Сингапур, Словения, Испания, Швеция, Великобритания, США и ЕС. При этом Секретариат GRAI размещается в ОЭСР, а представители последней являются постоянными наблюдателями в руководящих органах GRAI, а

²⁹⁷ Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development> (дата обращения: 13.03.2023)

²⁹⁸ U.S.-EU Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement. September 29, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/29/u-s-eu-trade-and-technology-council-inaugural-joint-statement/> (дата обращения: 18.03.2023)

экспертами в рабочих группах, осуществляя тем самым международное политическое руководство его деятельностью.

В мае 2019 года США совместно другими странами-участницами ОЭСР заложили основы широкого международного сотрудничества в области ИИ, приняв Рекомендации ОЭСР по ИИ, которые закрепляют общие принципы и подходы к исследованиям, разработкам, внедрению, обеспечению надежности и безопасности систем на основе ИИ, которые во многом отражают приоритеты Национальной инициативы по ИИ США.²⁹⁹ В этом же году на саммите G20 сформулированы и одобрены Принципы ИИ G20, в основу которых легли Рекомендации ОЭСР, что еще больше укрепило американское видение и подходы в области ИИ на мировой арене.³⁰⁰

В целом политике США в области ИИ присущи следующие общие характеристики:

- нацеленность на мировое лидерство в области использования технологий ИИ в государственном и частном секторах;
- развитие междисциплинарного сотрудничества и кооперации внутри исследовательского сообщества путем создания национальной исследовательской инфраструктуры, обеспечивающей исследователей и разработчиков доступом к современным вычислительным ресурсам, высококачественным базам данных, алгоритмам и образовательным инструментам;
- опора на государственно-частное партнерство, сочетающее государственную поддержку в виде инвестиций в фундаментальные и прикладные исследования и разработки в определенных на государственном уровне критических областях с вовлечением частного сектора в

²⁹⁹ OECD Principles on Artificial Intelligence. May 2019. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 12.03.2023)

³⁰⁰ G20 AI Principles. June 9, 2019. URL: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/g20-ai-principles> (дата обращения: 12.03.2023)

инновационную деятельность и процесс внедрения конкретных технологий и разработок;

- секторальная направленность продвижения технологий ИИ: сельское хозяйство, финансовые услуги, здравоохранение, оборона и безопасность, наука, транспорт, гидрометеорология;

- формирование многоуровневой системы управления и координации развитием и внедрением технологий ИИ: координирующий общенациональный орган, сеть специализированных отраслевых организаций, опорные национальные исследовательские институты;

- зависимость развития и внедрения технологий ИИ от закрепленных в стратегических документах принципов надежности и безопасности, учитывающих широкий спектр влияния технологий на общество (обеспечение равенства, неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность данных, этические принципы и пр.);

- использование технологического развития в области ИИ для укрепления интеграционного потенциала на международном уровне путем расширения интеграционной повестки в многосторонних форматах сотрудничества (ОЭСР, НАТО) и продвижения собственного видения, подходов и стандартов.

Китай. Исследованию политики Китая в области развития технологий ИИ посвящена специальная статья автора.³⁰¹ Кратко изложим здесь некоторые ключевые моменты. В настоящее время Китай является одним из признанных мировых лидеров, наряду с США и ЕС, в области развития и внедрения технологий ИИ. Правительство КНР сосредоточило значительные финансовые ресурсы на развитии технологий ИИ: около \$ 32 млрд до 2030 г.³⁰² Рынок продуктов, связанных с ИИ, в Китае демонстрирует темпы роста,

³⁰¹ Выходец Р.С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 2. С. 140-147.

³⁰² Artificial Intelligence Index Report 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/> (дата обращения: 12.03.2023)

значительно превышающее среднемировые показатели. Согласно экспертным оценкам, рынок технологий ИИ в Китае растет на 44% в год, тогда как для мирового рынка средний показатель роста этой сферы находится на уровне 26% в год. По оценкам международных экспертов, из 50 глобальных компаний ИИ с наибольшими темпами роста в мире 30 являются резидентами США и 14 – Китая.³⁰³

Как уже отмечалось выше. Китай занимает лидирующие позиции в мире в области создания суперкомпьютерной инфраструктуры, имеющей критическое значение для глубокого машинного обучения, лежащего в основе современного поколения технологий ИИ.

Создание ИИ следующего поколения, способного думать и принимать решение в реальном времени, связано с миниатюризацией компьютерных систем, уменьшением потребляемой ими энергии, повышением скорости вычислений, увеличением способности к глубокому контекстному обучению. В этом аспекте для содействия крупным технологическим прорывам в области ИИ в китайском «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» подчеркивается важность ускорить исследования в области квантовых вычислений и науки о мозге. Следует подчеркнуть, что развитию квантовых вычислений уделяется повышенное внимание во многих национальных стратегиях развития ИИ. К примеру, в одном из ключевых документов ИИ-стратегии Европейского союза («Цифровой компас — 2030») указывается, что квантовая революция в следующем десятилетии коренным образом расширит спектр использования цифровых технологий, прежде всего, в здравоохранении, повышении безопасности связи и передачи данных, улучшении эффективности мониторинговых ресурсов, бизнесе и

³⁰³ The AI Ecosystem in China 2020. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> (дата обращения: 18.03.2023)

экологичности производства.³⁰⁴ В области создания квантового компьютера в настоящее время пальму первенства Китай оспаривает с США. Что касается фундаментальных исследований мозга, имеющих важное значение для создания технологий ИИ следующего поколения, то в Китае развернут собственный крупномасштабный проект в этой области.

В целом следует подчеркнуть, что в настоящее время Китай достиг того уровня технологического, финансового и компетентностного могущества для того, чтобы конвертировать свои научно-технологические достижения в международное политическое влияние, одновременно сохранив свой суверенитет в области высоких технологий от Запада. Например, по последним данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), из 20 ведущих университетов и государственных исследовательских организаций в области ИИ подавляющее большинство (17) находятся в Китае, кроме того, два крупнейших портфеля патентов в области ИИ принадлежат китайской Академии наук. Доминирование Китая становится еще более очевидным, если обратиться к списку 500 лучших организаций по количеству патентов в области ИИ: Китай представлен более чем 100 организациями, для сравнения в этот перечень входят 20 организаций из США и по 4 из Европы и Японии. В топ-20 университетов и государственных исследовательских организаций по наибольшему количеству публикаций по теме ИИ Китай вновь занимает доминирующие позиции, в списке десяти из двадцати крупнейших по этому показателю государственных исследовательских институтов являются китайскими, а Китайская Академия наук занимает первое место.³⁰⁵

Формирование целостной государственной политики Китая в области ИИ приходится на период 2015–2018 гг., когда на разных уровнях был

³⁰⁴ 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final, 21 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (дата обращения: 18.03.2023)

³⁰⁵ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

принят ряд стратегических документов, определяющих основные направления и приоритеты развития в этой сфере.³⁰⁶

Таблица 4 – Ключевые стратегические документы Китая в области ИИ

Название	Дата принятия	Основной фокус
«Сделано в Китае 2025»	Май 2015 г.	Развитие интеллектуального производства, робототехники, полупроводников. ИИ должен стать драйвером экономического роста и автоматизации производства
«Интернет +»	Июль 2015 г.	Развитие доступа в Интернет для промышленности, использование ИИ для создания новых сервисов и приложений, развития базовых предприятий в сфере ИИ
Трехлетний план действий в области ИИ	Май 2016 г.	Развитие экосистемы технологий ИИ, создание предприятий и продукции мирового класса
План развития искусственного интеллекта нового поколения	Июль 2017 г.	Дорожная карта по обеспечению мирового лидерства Китая в области ИИ до 2030 г.
Имплементация видения провинции Шанхай развития искусственного интеллекта нового поколения	Ноябрь 2017 г.	Развитие в Шанхае умных автомобилей, роботов, программных платформ, производства полупроводников для ИИ, умных датчиков
Некоторые меры содействия развитию индустрии ИИ	Ноябрь 2017 г.	Создание специального фонда 200 млн юаней в год для привлечения талантов и инноваций в Уханьскую зону развития высоких технологий
Создание китайского альянса по развитию индустрии ИИ	Ноябрь 2017 г.	Национальная комиссия по развитию и реформам КНР создает специальную группу, в которую вошли представители китайских компаний-лидеров в области ИИ, включая Baidu, Unicom, ZTE, iFlytek, AI speech, Sysware, Haier, Huawei
Новые руководящие принципы для развития индустрии ИИ	Декабрь 2018 г.	Соответствие руководящих принципов основным положениям национальной стратегии в области ИИ
Белая книга по стандартизации ИИ	Январь 2018 г.	Представлен китайский взгляд на стандарты в области ИИ. Рекомендации и предложения по международной стандартизации ИИ для ISO

³⁰⁶ China embraces AI: A Close Look and A Long View. December, 2017. URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/China_Embraces_AI.pdf (дата обращения: 18.03.2023)

В целом указанные документы представляют целостный официальный взгляд китайского правительства на национальную стратегию развития технологий ИИ, обозначают приоритетные направления и цели, формируют систему организационных и финансовых механизмов для их достижения. По мнению некоторых исследователей, то, что «в Китае на всех уровнях были официально утверждены масштабные планы, конкретизированы проекты и сформулированы задачи развития ИИ, что позволило обеспечить системный подход, контроль и распределение нагрузки на отрасль в целом».³⁰⁷

Планы Китая в области технологий ИИ выглядят действительно амбициозными, так, в уже упомянутом Плане развития ИИ нового поколения от 2017 г. обозначены плановые финансовые показатели в рамках трех контрольных дат:

- 2020 г. (приоритетные направления: большие данные, автономные интеллектуальные системы, роевой интеллект, гибридный расширенный интеллект, основополагающие теории ИИ) — доход отрасли ИИ должен составить 150 млрд юаней, с учетом смежных отраслей — 1 трлн юаней;
- 2025 г. (приоритетные направления: интеллектуальное производство, интеллектуальная медицина, интеллектуальный город, интеллектуальное сельское хозяйство, национальная оборона, нормативное регулирование сферы ИИ, системы оценки и контроля безопасности ИИ) — основная отрасль ИИ — 400 млрд юаней, с учетом смежных отраслей — 5 трлн юаней;
- 2030 г. (социальное управление, национальная оборона, производственно-сбытовая цепочка) — основная отрасль ИИ — 1 трлн юаней, с учетом смежных отраслей — 10 трлн юаней .

³⁰⁷ Струкова П.Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 601.

Анализируя существенные достижения Китая в области ИИ, некоторые эксперты подчеркивают: «Китай планирует расширить источники инноваций в сфере ИИ, создать платформу, которая позволит укрепить развертывание и станет мотивацией для использования открытого исходного кода. Система должна стать основой для непрерывных инноваций, которые помогут Китаю забраться на вершину мировых технологий и развить эту сферу до невероятного уровня.»³⁰⁸

Анализируя успехи Китая в области развития высоких технологий за последние 20 лет, некоторые авторы указывают, что «технологическое возвышение Китая заставляет говорить о формировании новой двухполюсной конфигурации глобального технологического пространства, нарушить которую будет не по силам в среднесрочной перспективе ни одному из государств.»³⁰⁹

Несмотря на то, что все еще в отдельных высокотехнологичных сферах сохраняется зависимость от США, например, в сфере производства полупроводниковой продукции, Китай формирует альтернативное западному пространство в сфере наиболее передовых технологий, включая ИИ, опираясь на которое, все увереннее проецирует свои геополитические амбиции.

Европейский Союз. Подробное исследование политики ЕС в области развития технологий ИИ приведено в специальной статье автора.³¹⁰ Здесь же мы остановимся на некоторых принципиальных моментах.

Объединенная Европа сегодня прочно занимает ведущие позиции в глобальной технологической гонке и одним из первых приступил к разработке консолидированной политики в области ИИ для государств-

³⁰⁸ Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. С. 116.

³⁰⁹ Хейфец Б.А. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2020. С. 33.

³¹⁰ Выходец Р.С. Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2021. N 3 (37). С. 108-117.

членов ЕС. ИИ прочно укрепился в повестке дня ЕС с момента проведения Саммита по цифровым технологиям в сентябре 2017 г. в Таллине, главной целью которого являлось обсуждение на высшем уровне цифрового будущего Европы до 2025 г.

Отправной точкой для определения контуров единой европейской политики в области ИИ стало подписание 10 апреля 2018 г. в рамках Digital Day-2018 в Брюсселе всеми странами ЕС и Норвегией Декларации о сотрудничестве в области ИИ, которая провозгласила намерения объединить усилия в разработке и внедрении технологий ИИ, а также совместно решать, возникающие на этом пути экономические, социальные, этические и правовые проблемы.³¹¹ И уже 25 апреля Еврокомиссия в своем сообщении «Искусственный интеллект для Европы»³¹² представила европейскую стратегию ИИ, в котором обозначены основные принципы единого европейского подхода в этой сфере.

В Сообщении также предусматривалось принятие до конца 2018 г. скоординированного плана развития ИИ в Европе. В период с июня по ноябрь 2018 г. Европейская комиссия провела серию обсуждений с государствами-членами ЕС возможных направлений сотрудничества для совместной адаптации экономики и общества к быстрым изменениям, вызванным ИИ. Результатом этой работы явилось решение государств-членов ЕС, к которому присоединились Норвегия и Швейцария, ввести в действие скользящий скоординированный план, предусматривающий его ежегодную актуализацию. Первая редакция Плана была утверждена 7 декабря 2018 г.³¹³ Документ представляет собой совместные обязательства ЕС и государств-членов содействовать развитию и использованию ИИ в

³¹¹ Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. Brussels. 10.04.2018. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.03.2023)

³¹² Artificial Intelligence for Europe. COM(2018) 237. Brussels. 25.04.2018. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-artificial-intelligence-europe> (дата обращения: 12.03.2023)

³¹³ Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Brussels, 7.12.2018 COM(2018) 795 final. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/56017> (дата обращения: 12.03.2023)

Европе, координировать общеевропейские и национальные усилия в области ИИ, а также служить ориентиром для формирования соответствующей нормативно-правовой базы на национальном уровне.

По последним официальным данным, 21 государство-член ЕС и Норвегия приняли национальные стратегии в области искусственного интеллекта.³¹⁴ Несмотря на различия в выбранных европейскими государствами подходов к политике ИИ, все национальные стратегии четко коррелируют с базовыми документами, принятыми на уровне ЕС. В качестве интегральной основы политики в области ИИ на всем европейском пространстве в феврале 2020 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу по искусственному интеллекту.³¹⁵ Документ содержит стратегическое видение развития двух укрупненных сфер создания и внедрения ИИ в Европе:

«Экосистема передового опыта» – развитие государственно-частного партнерства с целью мобилизации ресурсов для формирования системы стимулов во всей цепочке создания стоимости, начиная с научных исследований и инноваций и заканчивая внедрением решений на основе ИИ малыми и средними предприятиями.

«Экосистема доверия» – формирование европейской нормативно-правовой базы, этических принципов, определения основных рисков и критических сфер, а также определения базовых принципов для обеспечения безопасности в сфере ИИ.

Формирование указанных экосистем включает в себя несколько направлений, которые нашли отражение в двух ключевых документах Европейской комиссии, утвержденных в апреле 2021 года: обновленная

³¹⁴ A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (дата обращения: 12.03.2023)

³¹⁵ White Paper on Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust. COM(2020) 65. Brussels. 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 12.03.2023)

редакция Скоординированный план по искусственному интеллекту,³¹⁶ который подтвердил и уточнил основные положения аналогичного документа от 2018 г. и Предложение о Положении,³¹⁷ устанавливает гармонизированные правила в отношении ИИ на всей территории ЕС.

Инвестиции в технологии. В рамках данного направления предполагается ускорить частные и государственные инвестиции в технологии ИИ с привлечением финансирования ЕС через ряд программ, прежде всего, Цифровая Европа (Digital Europe, DEP), Горизонт Европа (Horizon Europe, HE), программы Фонда восстановления и устойчивости (Recovery and Resilience Facility, RRF). В частности, запланировано выделение не менее 1 млрд евро в год из программ DEP и HE на период 2021-2027 гг. Предполагается, что финансирование на уровне ЕС должно способствовать развитию сотрудничества между государствами-членами и привлекать инвестиции из частного сектора. Главным целевым финансовым показателем на предстоящее десятилетие является постепенное увеличение государственных и частных инвестиций до 20 млрд евро в год.

Кроме того, в рамках RRF зарезервировано около 134 млрд евро (20% от общего объема финансирования) на «цифровую цель». По мнению экспертов Еврокомиссии, эти средства выделяемые государствам-членам в виде займов и грантов, могут стать решающим фактором для увеличения инвестиций и создания необходимой инфраструктуры для работы с большими данными, облачными вычислениями, тестирования и экспериментов, а также для ускорения внедрения технологий ИИ государственными органами и предприятиями.

³¹⁶ Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.03.2023)

³¹⁷ Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 12.03.2023)

В основе выбранного ЕС подхода к инвестициям в технологии ИИ лежит нацеленность на достижение мультипликативного эффекта, а также ориентация на развитие и внедрение наиболее динамично развивающихся технологий. Во всем мире наблюдается взрывной рост числа компаний, использующих технологии ИИ. Например, по данным Gartner, в период 2015-2019 гг. количество таких компаний увеличилось почти в четыре раза.³¹⁸ Разработки в смежных областях, например, таких как робототехника, Интернет вещей, существенно расширяют технологические границы и создают дополнительный потенциал для внедрения технологий ИИ. По последним оценкам европейских экспертов, мультипликативный эффект от внедрения технологий ИИ может дать около 290 млрд евро прироста ВВП и 4,6 млн дополнительных рабочих мест к 2030 г.³¹⁹ Ориентируясь на эти данные, европейская политика в сфере ИИ нацелена на объединение инвестиционных инструментов на уровне ЕС, государств-членов и частного сектора для достижения максимальной отдачи от развития и внедрения ИИ в европейскую экономику.

Создание условий для технологического развития. Данное направление включает в себя три блока:

1. Создание структур управления и координации совместных действий. Организационное ядро на уровне ЕС в рамках данного блока составляют созданные Еврокомиссией три горизонтальные рабочие группы:

- группа экспертов высокого уровня по ИИ (занимается анализом этических последствий внедрения ИИ, разработкой рекомендаций для реализации единой политики в этой области);

³¹⁸ Gartner Survey Shows 37 Percent of Organizations Have Implemented AI in Some Form. January 21, 2019. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-01-21-gartner-survey-shows-37-percent-of-organizations-have> (дата обращения: 12.03.2023)

³¹⁹ Europe's two trillion euro dividend: Mapping the Cost of Non-Europe. 18.04.2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU\(2019\)631745](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU(2019)631745) (дата обращения: 12.03.2023)

- группа экспертов высокого уровня по влиянию цифровой трансформации на рынки труда ЕС (вырабатывает рекомендации по цифровой трансформации в сфере труда и занятости);
- экспертная группа по ответственности и новым технологиям (занимается анализом рисков и последствий для человека и общества, связанных с внедрением технологий ИИ).

Существенную роль в координации усилий, оценке и обмене наиболее успешным опытом играют профильные интернет-платформы и экспертные площадки. Для отслеживания событий, связанных с технологиями ИИ, в 2018 г. Еврокомиссия по согласованию с государствами-членами запустила специализированную статистико-аналитическую платформу AI Watch,³²⁰ которая аккумулирует и предоставляет всем заинтересованным сторонам данные о промышленном, технологическом и исследовательском потенциале, инициативах в области ИИ в государствах-членах, инвестициях, разработках и внедрении, а также их влиянии на экономику и общество.

Для мониторинга внедрения и использования в Европе новых технологий, включая ИИ, в сфере предоставления государственных услуг в 2018 г. была создана Платформа инновационных государственных услуг (IPSO).³²¹ Для анализа аналогичных событий в промышленном секторе в 2020 г. создана платформа Передовые технологии для промышленности (АТИ).³²²

Для взаимодействия с более широким кругом заинтересованных сторон по вопросам, связанным с ИИ, создан онлайн-форум AI Alliance,³²³ который объединяет более 4 000 членов, представляющих академические круги,

³²⁰ AI Watch. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/ai-watch/about_en (дата обращения: 12.03.2023)

³²¹ Innovative Public Services. URL: <https://joinup.ec.europa.eu/collection/innovative-public-services> (дата обращения: 12.03.2023)

³²² Advanced Technologies for Industry. URL: <https://ati.ec.europa.eu/> (дата обращения: 12.03.2023)

³²³ The European AI Alliance. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-ai-alliance> (дата обращения: 12.03.2023)

бизнес, гражданское общество и политиков со всего мира. К настоящему моменту форум собирался два раза: в июне 2019 и октябре 2020 гг.

Организационные усилия на уровне ЕС находят свое отражение и на уровне государств-членов. Во многих странах создаются национальные сети по ИИ, например, German Digital Hub Initiative, Netherlands AI Coalition.

2. Обмен данными на основе единых этических и правовых принципов. Политика ЕС в области ИИ нацелена на создание единого европейского пространства для беспрепятственного трансграничного обмена данными. Знаковым событием на этом пути стало принятие 19 февраля 2020 г. Европейской стратегии данных,³²⁴ которая нацелена на создание единого рынка данных для обеспечения глобальной конкурентоспособности ЕС. В развитие основных положений Стратегии 25 ноября 2020 г. Еврокомиссия предложила новый Закон об управлении данными.³²⁵ Документ включает ряд мер по повышению доверия к обмену данными, облегчению повторного использования определенных данных, находящихся в государственном секторе, создает условия для участия новых посредников в процессе обмена данными и, в целом, призван упростить и обезопасить предоставление организациями и частными лицами своих данных для широкого использования.

3. Развитие критически важной вычислительной инфраструктуры.

Вычислительная инфраструктура представляет собой необходимую технологическую основу для создания добавленной стоимости в сфере ИИ. По последним экспертным оценкам страны ЕС занимают третье место в мире после Китая и США по количеству наиболее производительных суперкомпьютеров. Для развития высокопроизводительных вычислений и разработки инновационных суперкомпьютерных технологий в 2018 г.

³²⁴ A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (дата обращения: 12.03.2023)

³²⁵ Data Governance Act. Brussels, 25.11.2020 COM(2020) 767 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0767&from=EN> (дата обращения: 12.03.2023)

создано Европейское совместное предприятие по высокопроизводительным вычислениям (EuroHPC), объединяющее ресурсы 32 участвующих стран и частных партнеров.

Многие специалисты связывают прорывы в области создания высокопроизводительных и энергоэффективных микропроцессоров для ИИ с открытиями фундаментальных принципов работы мозга и созданием на их основе технологий «нейроморфных вычислений». В ЕС реализуется масштабный проект по изучению мозга Human Brain Project, который объединяет около 500 ученых и инженеров из более чем 140 университетов, учебных и исследовательских центров по всей Европе. Одним из флагманских направлений проекта являются «нейроморфные технологии», в рамках которого ведутся исследования и разработки новых архитектур микросхем для ИИ. Кроме того, в 2019-2020 гг. в рамках совместного предприятия «Электронные компоненты и системы для европейского лидерства» (ECSEL) инициировали несколько крупномасштабных проектов по развитию платформ для нейроморфных вычислений.³²⁶

Содействие разработкам и внедрению.

Основу европейской системы поддержки всей цепочки от научных исследований и разработок технологий ИИ до их внедрения составляет стимулирование государственно-частного партнерства через ряд специализированных структур. Особое место в этом процессе занимает Европейское партнерство по ИИ, данным и робототехнике.³²⁷ Его главная цель состоит в обеспечении к 2030 г. европейского суверенитета в области создания и внедрения надежных и безопасных технологий ИИ. Также ряд других государственно-частных партнерств имеет прямое отношение к технологиям ИИ: Ассоциация ценности Больших данных (BDVA, объединяет ведущие европейские научно-исследовательские организации и компании,

³²⁶ Key Digital Technologies Joint Undertaking. URL: <https://www.kdt-ju.europa.eu/ecsel-ju-useful-information> (дата обращения: 12.03.2023)

³²⁷ ADRA. URL: <https://ai-data-robotics-partnership.eu/> (дата обращения: 12.03.2023)

включая поставщиков данных, пользователей и аналитиков), ГЧП Робототехники (SPARC, объединяет европейскую робототехническую промышленность и научные круги, обеспечивая полный инновационный цикл, от исследований до отраслевых НИОКР и заканчивая тестированием инновационных роботизированных технологий в реальных условиях), EuroHPC JU (объединяет усилия и ресурсы для развертывания в Европе суперкомпьютеров мирового класса), Электронные компоненты и системы для европейского лидерства (ECSEL, обеспечивает кооперацию в области оборудования и встроенного программного обеспечения, необходимого для разработки и развертывания цифровых систем на основе ИИ).

Существенное внимание на уровне ЕС уделяется развитию исследований и инноваций в области ИИ и обмену успешным опытом. С 2021 г. началось построение общеевропейской сети центров передового опыта в области ИИ, получившей в стратегических документах ЕС название «AI маяк для Европы».³²⁸ Главная его цель заключается в создании альянса сильных европейских исследовательских организаций, которые будут иметь общую дорожную карту для поддержки передового опыта в фундаментальных и прикладных исследованиях, для согласования национальных усилий в области ИИ.

Для стимулирования внедрения технологий ИИ Еврокомиссия реализует меры в двух направлениях:

- Создание технологической инфраструктура для испытаний и экспериментов (TEF),³²⁹ предназначенной для тестирования технологий ИИ перед их выпуском на рынок.

³²⁸ Towards a «European Lighthouse for AI». URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/european-ai-alliance/blog/towards-european-lighthouse-ai-0> (дата обращения: 12.03.2023)

³²⁹ Workshop on Artificial Intelligence Testing and Experimentation Facilities for Smart Manufacturing. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/workshop-artificial-intelligence-testing-and-experimentation-facilities-smart-manufacturing> (дата обращения: 12.03.2023)

– Создание сети Европейских центров цифровых инноваций (EDIH)³³⁰
 – предоставляют компаниям готовые решения на основе ИИ, а также дают возможность протестировать технологии ИИ перед инвестированием. Предусмотрено финансирование в размере 1,5 млрд. евро на создание сети из 210 центров, которые будут покрывать все регионы Европы.

Формирование образовательной и регуляторной среды.

Как указывают многие эксперты, существенным препятствием на пути развития технологий ИИ является отсутствие у значительной части трудоспособного населения необходимых знаний и навыков. По последним данным, 45% европейских компаний отмечают в качестве основного препятствия в ходе внедрения ИИ отсутствие навыков у существующего персонала и 57% указывают на трудности найма нового персонала с необходимыми навыками в области ИИ.³³¹ При этом некоторые европейские аналитики указывают на то, что для извлечения выгоды из технологии в полном объеме необходимо широкое повышение квалификации сотрудников в области ИИ.³³²

В этой связи Еврокомиссия разработала комплекс мер для поддержки развития цифровых навыков, в том числе в области ИИ, на всех уровнях формального и неформального образования. В сентябре 2020 г. был принят План действий в области цифрового образования на период 2021-2027 гг.³³³ Документ включает конкретные действия по совершенствованию навыков ИИ в более широком контексте продвижения цифровых навыков.

Важной вехой в становлении общеевропейской регуляторной среды развития технологий ИИ стала разработка в 2019-2020 гг. Группой экспертов

³³⁰ European Digital Innovation Hubs. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/edihs> (дата обращения: 12.03.2023)

³³¹ Gosse J. et al. European enterprise survey on the use of technologies based on artificial intelligence. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. P. 11.

³³² Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. AI. 2020. Vol.1. P. 186.

³³³ Digital Education action Plan 2021-2027. Brussels, 30.9.2020 SWD(2020) 209 final. URL: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf (дата обращения: 12.03.2023)

высокого уровня по ИИ «Принципов этики для надежного ИИ»³³⁴ «Списка оценок для надежного ИИ» (ALTAI).³³⁵ Первый документ определил ключевые принципы и требования к надежному ИИ, а второй – предложил критерии для самооценки, которые сформировали оперативную основу для поддержки применения этических принципов разработчиками и пользователями ИИ.

Продвижению европейского видения на международном уровне.

Важным аспектом европейской стратегии по ИИ является выдвижение собственных принципов и видения того как должен развиваться ИИ в качестве условий сотрудничества с другими странами в этой области. Поэтому приоритетным направлением для ЕС выступает активное продвижение своих регуляторных правил на международном уровне и сотрудничество, прежде всего, с развитыми странами, имеющими сильные позиции в области НИОКР и инвестиций в ИИ. Например, в ноябре 2020 г. состоялось первое заседание Совместного комитета ЕС и Японии по ИИ, ведется работа по созданию совместной группы по ИИ с Индией, аналогичные двусторонние проекты прорабатываются с Австралией и Сингапуром. Ведутся активные переговоры с США по сотрудничеству в области кибербезопасности и формированию трансатлантической повестки в области ИИ. Однако нацеленность ЕС на первоочередное сотрудничество с наиболее развитыми странами создает почву для выстраивания искусственных барьеров, препятствующих развитию международного сотрудничества и способствующих усилению технологической изоляции развивающихся стран. В первую очередь это справедливо в отношении африканских стран, как указывает К.А. Панцеров: «На пути поступательного развития технологий ИИ в странах Африки стоят немало препятствий. Одной

³³⁴ Ethics Guidelines for Trustworthy AI. B-1049 Brussels. 8 April 2019. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 12.03.2023)

³³⁵ The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI). B-1049 Brussels. 17 July 2020. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/68342> (дата обращения: 12.03.2023)

из наиболее насущных задач для африканских государств является серьезная качественная модернизация системы образования с целью повышения фундаментальной цифровой грамотности».³³⁶ В этом смысле более многовекторный подход ЕС к международному сотрудничеству во многом способствовал бы преодолению существующего разрыва в технологическом развитии.

ЕС является одним из основателей Глобального партнерства по ИИ (GPAI), запущенного в июле 2020 г., и активно участвует в продвижении данного направления в рамках ОЭСР, прежде всего, через участие в группе экспертов ONE-AI, которая предоставляет консультации по вопросам политики в области ИИ Комитету ОЭСР по политике цифровой экономики. Важное значение в ЕС уделяется продвижению европейских стандартов ИИ в международных организациях по стандартизации, таких как ISO, Институт инженеров по электротехнике и радиоэлектронике (IEEE), Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO).

Большие ИИ пространства. Сегодня определился круг стран, вышедших на мировые лидирующие позиции в области ИИ. Несмотря на то, что сегодня многие разработки с использованием ИИ получают глобальное распространение, существует непропорциональное распределение преимуществ в пользу государств, способных поддерживать весь комплекс научных и технологических инноваций в области ИИ, что укрепляет неравенство на международном уровне.

Научно-технологическое лидерство дает государству существенные преимущества в глобальной системе разделения труда и на мировой политической арене. При этом не менее существенное значение, чем занимаемая высокая ступень на технологической лестнице в пространстве мировой политики имеет связанный с разработками в области ИИ интеграционный потенциал, который проявляется в инвестициях,

³³⁶ Панцерев К.А. Страны Африки южнее Сахары на пути к созданию искусственного разума: миф или реальность? // Азия и Африка сегодня. 2020. N 10. С. 32.

образовании, транзите технологий, многосторонних инфраструктурных проектах, выработке и распространении норм, стандартов, этических принципов, подходов к обеспечению безопасности и пр. при создании и внедрении технологий ИИ. Поэтому неслучайно некоторые исследователи указывают, что в комплексной политике США по сдерживанию Китая одно из центральных мест занимает сфера высоких технологий.³³⁷

Глобальный технологический тренд развития ИИ сегодня во многом определяет контекст двусторонних и многосторонних отношений между странами, формирует новую повестку дня в рамках интеграционных проектов, а также способствуют активному развитию международного сотрудничества.

На уровне международных организаций создаются экспертные группы по ИИ. Например, в феврале 2020 г. состоялось первое заседание Сети экспертов ОЭСР по искусственному интеллекту.³³⁸ В рамках Европейской комиссии создана Экспертная группа высокого уровня по искусственному интеллекту.³³⁹ В ЮНЕСКО действует Специальная группа экспертов по рекомендациям по этике искусственного интеллекта.³⁴⁰

Активно развиваются международные площадки и крупные международные форумы. К ним относятся AI for Good Global Summit (под эгидой ООН),³⁴¹ AI Partnership for Defense (организаторы: Объединенный центр искусственного интеллекта и Министерство обороны США),³⁴² China-

³³⁷ Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая. США & Канада: экономик, политика, культура. 2022. Выпуск 3. С. 41-60.

³³⁸ List of participants in the OECD Expert Group on AI (AIGO). URL: <https://oecd.ai/en/list-of-participants-oecd-expert-group-on-ai> (дата обращения: 13.03.2023)

³³⁹ High-level expert group on artificial intelligence. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴⁰ Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴¹ 2020 AI for Good Global Summit to scale AI-powered problem solving for global impact. URL: <https://aiforgood.itu.int/2020-ai-for-good-global-summit-to-scale-ai-powered-problem-solving-for-global-impact/> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴² National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy. URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 13.03.2023)

ASEAN AI Summit (организаторы: Китайская Ассоциация науки и техники, Гуанси-Чжуанский автономный район).³⁴³

При этом борьба за технологическое лидерство в современных условиях вписывается в более широкий контекст геополитических противоречий и нередко выходит за рамки обычной конкуренции, проявляясь в качестве одного из главных компонентов санкционной политики. Вместо всестороннего международного сотрудничества, создания открытых платформ для обмена знаниями, опытом и талантами все отчетливее проявляется тенденция к технологическому декаплингу (разделению) — концентрации технологий и технологической изоляции.³⁴⁴

Можно с уверенностью утверждать, что на международной арене идет процесс формирования двух больших пространств в области ИИ.³⁴⁵

Первое пространство формируется по линии ОЭСР с безусловным лидерством США и ЕС в области научных исследований, разработок, инфраструктуры, ресурсов, международных стандартов. В мае 2019 г. странами-членами ОЭСР были приняты Принципы в отношении ИИ, разработанные на основе Рекомендаций Совета ОЭСР по искусственному интеллекту, которые закрепили стандарты национальной политики и международного сотрудничества в области развития ИИ в таких областях, как конфиденциальность, управление рисками цифровой безопасности и ответственное ведение бизнеса. Помимо членов ОЭСР к Принципам также присоединились Аргентина, Бразилия, Коста-Рика, Мальта, Перу, Румыния и Украина.³⁴⁶

³⁴³ 17th China-ASEAN EXPO. December 1, 2020. URL: <https://asean.org/17th-china-asean-expo-china-asean-business-investment-summit-conclude/> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴⁴ Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. N 6. С. 85-93

³⁴⁵ Выходец Р.С. Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. N 2. С. 256-270.

³⁴⁶ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Legal 0449. Adopted on: 22.05.2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 13.03.2023)

В июне 2020 г. создано Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (Global Partnership on Artificial Intelligence, GPAI) — многосторонняя инициатива, разработанная в рамках G7, участниками которой на сегодняшний день являются Австралия, Бельгия, Бразилия, Канада, Чехия, Дания, Франция, Германия, Индия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Польша, Республика Корея, Сингапур, Словения, Испания, Швеция, Великобритания, США и ЕС. При этом Секретариат ОЭСР является постоянным наблюдателем в руководящих органах GPAI и направляет экспертов для участия в рабочих группах и ежегодном пленарном заседании многосторонней группы экспертов.³⁴⁷

Две эти инициативы объединяют крупнейших мировых лидеров в области ИИ, формируя большое пространство для сотрудничества на основе общих принципов и подходов к стандартам, безопасности, ведению бизнеса и внедрению. В рамках него активно развиваются двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества в сфере ИИ. К примеру, в июле 2018 г. Индия и ОАЭ подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в развитии инновационных экосистем ИИ,³⁴⁸ в октябре 2019 г. Франция и Германия подписали дорожную карту для Франко-Немецкой научно-инновационной сети по ИИ,³⁴⁹ в октябре 2020 г. Индия и Япония завершили работу над соглашением, которое фокусируется на

³⁴⁷ GPAI. URL: <https://gpai.ai/about/> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴⁸ Invest India and UAE Ministry sign MoU for technological cooperation // Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Commerce & Industry. July 27, 2018. URL: <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1540480> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁴⁹ French-German Declaration of Toulouse. 16 October 2019 // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/french-german-declaration-of-toulouse-16-oct-19> (дата обращения: 13.03.2023)

сотрудничестве в области цифровых технологий, включая 5G и ИИ,³⁵⁰ в сентябре 2020 г. США и Великобритания подписали декларацию о сотрудничестве в области ИИ.³⁵¹

Следует подчеркнуть, что нацеленность наиболее развитых стран на первоочередное сотрудничество, прежде всего, между собой, а также выдвижение собственных принципов и видения того, как должен развиваться ИИ в качестве условий сотрудничества с другими странами в этой области, создает почву для выстраивания искусственных барьеров, препятствующих развитию международного сотрудничества и способствующих усилению технологической изоляции развивающихся стран.

Подобная политика во многом способствует формированию альтернативного конкурирующего пространства, в которое начинают втягиваться страны, для которых спектр возможностей для сотрудничества с коллективным Западом в последнее время резко сузился.

Второе пространство опирается на технологическое и финансовое могущество Китая. В период 2015-2018 гг. в Китае на разных уровнях были приняты стратегические программы по развитию ИИ, которые обеспечили системный подход, контроль и распределение нагрузки на отрасль в целом, что в совокупности с масштабным государственным финансированием позволило Китаю занять ведущие мировые позиции в области ИИ.³⁵²

³⁵⁰ India, Japan finalise pact for cooperation in 5G, AI, critical information infrastructure // The Economic Times. October 7, 2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-japan-finalise-pact-for-cooperation-in-5g-ai-critical-information-infrastructure/articleshow/78534833.cms> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁵¹ Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development> (дата обращения: 13.03.2023)

³⁵² Решетникова М.С., Пугачева И.А., Лукина Ю.Д. Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в КНР // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. N 1. С. 333-350; Струкова П.Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 588–606.

На международном уровне сотрудничество Китая с другими странами в области ИИ зачастую включается в более широкий контекст, связанный с высокими технологиями четвертой промышленной революции, прежде всего через инициативу «Цифровой шелковый путь», являющуюся технологическим измерением интеграционного мегапроекта «Один пояс, один путь» (ОПОП). Содержание и структура «Цифрового шелкового пути» раскрываются в ряде стратегических документов, принятых в период 2015-2019 гг.: «Сделано в Китае 2025», «Производственная супердержава», «Стратегия больших данных», «Стратегия развития облачных технологий» «Интернет плюс», «Кибер-суверенитет» и др.³⁵³

По мнению некоторых авторов, «Цифровой шелковый путь» стал одним из приоритетов Китая, направленным на снижение издержек производства, повышение глобальной конкурентоспособности китайской продукции и рост торговли со странами, участвующими в инициативе.³⁵⁴ При этом при реализации «Цифрового шелкового пути» Китай ориентируется не только на технологии следующего поколения, но также делает ставку на рынки следующего поколения. Например, более половины прироста мирового населения до 2050 г. ожидается в Африке, где Huawei построила 70% сетей 4G. Китайский подводный кабель, соединяющий Пакистан и Джибути, станет кратчайшим Интернет-соединением между Азией и Африкой – двумя регионами, где международная пропускная способность в последние годы растет наиболее быстрыми темпами. Китай даже позиционирует себя как центральное связующее звено между Нигерией и Беларусью, которые при содействии Пекина подписали контракт на

³⁵³ Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ «цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. N 13. С. 62-71.

³⁵⁴ Balakin D.A., Alikberova A.R. Digital Silk Road in the context of the People's Republic of China // Opción. 2019. Vol. 35. No. 22. P. 313.

предоставление услуг резервного копирования информации друг для друга.³⁵⁵

Такой подход самым серьезным образом усиливает международное политическое влияние Китая, поскольку позволяет претендовать на самое активное участие в установлении норм и стандартов в сфере высоких технологий и кибербезопасности.

Поэтому видение и подходы в данной сфере с опорой на финансовую и технологическую мощь, позволят Китаю играть одну из ведущих ролей в определении принципов международных соглашений, например, в процессе разработки общих принципов международной кибербезопасности на уровне ООН. В соответствии с уже упоминавшемся «Планом развития искусственного интеллекта нового поколения» Китай активно приступает к созданию стандартов в области технологий ИИ и интеллектуальной собственности, разработке систем контроля и оценки безопасности и продвижению их в международных организациях

Именно из-за успехов Китая в сфере передовых технологий президент Д. Трамп начал тотальную торговую и экономическую войну с Пекином, которая включает пошлины, меры экспортного контроля, репрессии против китайских ученых, а также санкции в отношении китайских высокотехнологичных компаний.³⁵⁶

Таким образом, в настоящее время на международном уровне в области развития технологий ИИ наблюдаются процесс «замыкания» научно-технологического развития в данной сфере в рамках двух Больших технологических пространств в контексте более общей тенденции декаплинга экономик США и Китая.³⁵⁷ По мнению некоторых

³⁵⁵ Hillman J. E. The Digital Silk Road: China's quest to wire the world and win the future. London: Harper Business, 2021. 368 p.

³⁵⁶ Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. N 2. С. 213-235.

³⁵⁷ Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Америко-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. N 1. С. 35-46.

исследователей, в центре идеологии декаплинга двух крупнейших мировых экономик находятся передовые цифровые технологии (стандарт связи 5G, Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект и пр.), имеющие принципиальное значение для экономики будущего и, шире, для укрепления геополитического влияния Китая и США.³⁵⁸ Несмотря на то, что в отдельных высокотехнологичных сферах сохраняется зависимость от США, прежде всего, в производстве полупроводников и микрочипов, Китай формирует альтернативное западному пространство в сфере наиболее передовых технологий, опираясь на которое, все увереннее проецирует свои геополитические амбиции.

Принимая во внимание приоритетное положение ИИ в формирующемся новом технологическом укладе, борьбы за лидерство в этой сфере нередко выходит за рамки обычной конкуренции, проявляясь в качестве одного из главных компонентов санкционной политики. Это приводит к ускоренному складыванию альтернативного большого ИИ-пространства с доминирующим положением Китая, под влияние которого попадают страны, для которых спектр возможностей для сотрудничества с Западом в последнее время резко сузился, в их числе находится и Россия.

Среди стран-участниц ЕАЭС только Россия утвердила национальную Стратегию развития ИИ (2019 г.) и разработала Федеральный проект «Искусственный интеллект» (2020 г.), включающий в качестве основных приоритетов технологическое развитие и этические аспекты применения ИИ. При этом на уровне ЕАЭС вопрос о необходимости выработки единой союзной политики в области ИИ выступает скорее предметом экспертных дискуссий и темой политических заявлений, включенных в более широкий контекст Цифровой повестки, чем областью политического управления. Так, например, в феврале 2018 года Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) запустила работу экспертной площадки по экономике данных и

³⁵⁸ Данилин И.В. Американско-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. N 4. С. 161.

регулированию оборота данных, в качестве одного из направлений работы которой по итогам НИР, проведенного по Распоряжению Совета ЕЭК, предлагается разработка стратегии ЕАЭС для развития технологий ИИ.³⁵⁹ Данная ситуация создает почву для «втягивания» государств-членов ЕАЭС в орбиту политики более сильных игроков, что в свою очередь негативно отразится на внутреннем интеграционном потенциале. Поэтому на фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для ЕАЭС имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и скорейшая выработка единой союзной политики в области ИИ в качестве концептуальной основы для развития двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества как внутри самого ЕАЭС, так и с другими странами.

Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта.

Приведем некоторые сведения из ранее опубликованной нами работы по данной теме.³⁶⁰ На фоне глобальной тенденции перед государствами-членами остро встает вопрос активизации научно-технического сотрудничества в целях укрепления внутреннего интеграционного потенциала и формирования общего технологического суверенитета в наиболее перспективных отраслях современной инновационной экономики, что позволит Союзу занять место одного из наиболее значимых центров развития современного мира. Развитие технологий ИИ является приоритетным направлением национальной политики государств-членов ЕАЭС.

Армения. В 2019 году в Ереване состоялось одно из крупнейших мероприятий мировой IT-индустрии, World Congress on Information Technology,³⁶¹ который во многом способствовал повышению интереса к развитию сферы высоких технологий в Армении. На государственном уровне

³⁵⁹ Сборник «Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025». М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. С. 137.

³⁶⁰ Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 3 (41). С. 106-117.

³⁶¹ Впервые WCIT прошёл в Армении. Октябрь 2019. URL: <https://armeniangc.com/2019/10/wcit2019-yerevan/> (дата обращения: 10.03.2023)

данную сферу курирует Министерство высокотехнологичной промышленности, при этом следует подчеркнуть, что в настоящее время технологии ИИ не выделены в отдельное направление с государственным финансированием. Основные усилия концентрируются на развитии сотрудничества с лидерами мировой высокотехнологичной отрасли. К примеру, в 2019 г. свое представительство в Армении открыла крупный производитель микропроцессоров – Xilinx, в апреле 2022 г. появилась информация о создании в Армении исследовательского центра компании NVIDIA.

Существенное значение для развития сферы высоких технологий имеет социальный капитал армянской диаспоры. Так, несколько венчурных фондов специализируются на привлечении инвестиций в армянские высокотехнологичные стартапы, например, SmartGate VC (Кремниевая долина) помогает компаниям из Армении выйти на американский рынок; Hive Ventures (Кремниевая долина) инвестирует в стартапы, возглавляемые армянскими предпринимателями по всему миру; Granatus (Ереван) предоставляет ресурсы стартапам, использующим высокотехнологичный потенциал Армении.

Несмотря на отсутствие единой государственной политики в области ИИ некоторые международные эксперты отмечают успехи Армении в развитии ИИ. Так, в международном рейтинге Government AI Readiness Index, включающем политические, инфраструктурные и технологические компоненты страна занимает 84 место в мире и 7 среди государства Южной и Центральной Азии.³⁶²

В июне 2021 г. вице-премьер Армении Тигран Авинян выступил с программной статьей «Важность искусственного интеллекта в 21-м веке»,³⁶³ в которой подчеркнул значение технологий ИИ для экономического и

³⁶² Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (дата обращения: 10.03.2023)

³⁶³ Тигран Авинян: Стратегия искусственного интеллекта для Армении. 02.06.2021. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9890/> (дата обращения: 11.03.2023)

технологического прогресса страны, а также указал на необходимость разработки в Армении национальной стратегии в области ИИ, главными приоритетами которой является расширение роли ИИ в университетах; использование потенциала армянской диаспоры для налаживания сотрудничества с ведущими в этой области международными организациями; развитие государственно-частного партнерства и привлечение инвестиций; привлечение в страну высококвалифицированных специалистов; создание необходимой инфраструктуры и выработка единой государственной политики в области ИИ.

Беларусь. Как и в большинстве стран постсоветского пространства развитие технологий ИИ в Беларуси не выделено в отдельное направление государственной научно-технической политики, а включено в более широкий спектр приоритетов высокотехнологичного развития. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. внедрение разработок в области ИИ рассматриваются как основа формирования новых отраслей промышленности и одна из среднесрочных задач развития ИТ-сектора.³⁶⁴

Крупнейшими в стране центрами компетенций в области ИИ являются Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. В 2015 г. на базе Объединённого института проблем информатики и Института физиологии НАН Беларуси организован Межведомственный исследовательский центр ИИ, который объединяет усилия специалистов из разных областей для создания передовых и конкурентоспособных технологий ИИ, а также выполнения научно-исследовательских проектов в области ИИ, реализуемых как в рамках государственных программ, так и с привлечением негосударственных

³⁶⁴ Национальная стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. N10. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 11.03.2023)

инвестиций.³⁶⁵ По имеющимся на сегодняшний день данным, по количеству научных публикаций Беларусь занимает 84 место в мире, среди стран ЕАЭС уступая лишь России и Казахстану.³⁶⁶

Важным драйвером развития технологий ИИ в Беларуси выступают индустриальные парки, предлагающие особые экономические условия для высокотехнологичных компаний. Так, например, Парк высоких технологий, один из ведущих IT-кластеров Центральной и Восточной Европы,³⁶⁷ а также белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень»³⁶⁸ в числе своих резидентов имеют мощное представительство компаний, ведущих разработки в области ИИ, а также реализуют ряд программ в сфере образования, что, по мнению исследователей, создает основу для сопряжения белорусского сектора высоких технологий с интеграционными проектами Большой Евразии.³⁶⁹

Создание особых экономических условий для ведения бизнеса в совокупности с развитием национального кадрового потенциала дают серьезный импульс развитию белорусским стартапам в области ИИ, а также привлечению инвестиций в высокотехнологичный сектор. Существенную роль в этом направлении сыграл Декрет Президента «О развитии цифровой экономики», который установил принцип экстерриториальности и специальный правовой режим для IT-компаний.³⁷⁰ В 2018 г. в Беларуси был основан фонд Vulba Ventures, специализирующийся на ИИ и машинном обучении, крупные зарубежные компании, Profitero, IHS Markit, Work Fusion,

³⁶⁵ Межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта. 31.08.2015. URL: <http://uiip.bas-net.by/intellekt/> (дата обращения: 11.03.2023)

³⁶⁶ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

³⁶⁷ Парк высоких технологий. URL: <https://park.by/> (дата обращения: 10.03.2023)

³⁶⁸ Индустриальный парк «Великий камень». URL: <https://industrialpark.by/> (дата обращения: 10.03.2023)

³⁶⁹ Енин Ю.И., Кохно П.А. Китайско-белорусский «Индустриальный парк «Великий камень» как специальная зона экономического роста страны и ее региона // Общество и экономика. 2018. N 12. С. 77-87

³⁷⁰ Декрет Президента «О развитии цифровой экономики» N 8 от 21 декабря 2017 г. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 10.03.2023)

«Яндекс», Teqniksoft, открыли в Беларуси свои представительства, ряд белорусских разработок на основе ИИ нашли применение на международной уровне в области здравоохранения, автомобильной промышленности, сельского хозяйства. Например, стартап OneSoil помогает дистанционно следить за посевами, повышать урожайность, снижать затраты на семена и удобрения.

В целом политику Беларуси в области развития технологий ИИ характеризует нацеленность на развитие национальных компетенций в этой сфере, привлечение иностранных инвестиций путем создания особых экономических условий, что в совокупности способствует экспортоориентированности белорусского ИИ-сектора и укреплению его позиций в пространстве международного аутсорсинга.

Кыргызская Республика. Развитие технологий ИИ в Кыргызстане носит точечный характер, благодаря усилиям, прежде всего, отдельных коммерческих компаний. Так, в 2021 г. компания УлутСофт разработала и запустила мобильное приложение с элементами ИИ, предназначенное для поиска работы.³⁷¹ Годом ранее государственная организация Кыргызтест совместно с компанией УлутСофт объявили о начале работ над проектом на основе ИИ по распознаванию текстов на кыргызском языке и преобразованию их в речь, который планируется завершить в 2023 г.³⁷²

Следует при этом указать, что в Кыргызстане отсутствует целостная государственная политика в области ИИ. Например, в Национальной

³⁷¹ В Кыргызстане запустили мобильное приложение для поиска работы с элементами искусственного интеллекта. 11.05.2021. URL: <https://economist.kg/novosti/2021/05/11/v-kyrgyzstane-mobilnoe-prilozhenie-dlya-poiska-raboty-c-elementami-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.03.2023)

³⁷² К 2023 году в КР появится искусственный интеллект, обрабатывающий информацию на госязыке. 23.09.2020. URL: <https://kabar.kg/news/k-2023-godu-v-kr-poiavitsia-iskusstvennyi-intellekt-obrabatyvaiushchii-informatciiu-na-gosiazzyke/> (дата обращения: 14.03.2023)

стратегии развития Кыргызской Республики³⁷³ технологии ИИ не упоминаются ни разу. Тем не менее, в августе 2022 г. Был принят закона Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий»,³⁷⁴ который определяет порядок функционирования Парка креативных индустрий, его органов управления, резидентов, основные принципы формирования режима Парка креативных индустрий, включая основные принципы налогообложения резидентов. К одной из креативных индустрий документ относит программирование, разработку IT-продуктов, робототехнику и ИИ.

Республика Казахстан. Развитие технологий ИИ в Казахстане является частью комплексной государственной стратегии по цифровизации промышленности, впервые озвученной Н.А. Назарбаевым в 2017 г. в Послании народу. В декабре этого же года Правительством страны была утверждена рассчитанная на период 2018-2022 гг. программа «Цифровой Казахстан», которая определила основы государственной политики в области развития индустрии 4.0.³⁷⁵ Главной целью Программы является переход экономики Казахстана на принципиально новую траекторию развития, обеспечивающую создание цифровой экономики будущего в долгосрочной перспективе. Существенная роль в этом процессе отводится технологиям ИИ. В частности, ожидается, что внедрение систем на основе ИИ в значительной степени ускорят модернизацию добывающего и обрабатывающего секторов, здравоохранения, оказания государственных услуг, будет способствовать развитию «умной» городской инфраструктуры.

Совокупный объем государственных и частных инвестиций в рамках Программы равнялся 278 млрд тенге (около 44 млрд руб.), прямой

³⁷³ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. Ноябрь 2018. URL:

<http://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)

³⁷⁴ Закон Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий» от 8 августа 2022 года N 88. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112419> (дата обращения: 14.03.2023)

³⁷⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 г. N 827. URL: <https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

экономический эффект от ее реализации к 2025 г. оценивается на уровне 1,7-2,2 трлн тенге (270-350 млрд руб.) при этом Big Data и технологии ИИ являются одним из 12 направлений, с которыми связывается наибольший прирост добавочной стоимости.³⁷⁶

Главным центром научных исследований и разработок в области ИИ Казахстана является Назарбаев Университет, в котором в сентябре 2019 г. создан Институт умных систем и искусственного интеллекта (ISSAI), который координирует усилия казахских исследователей и разработчиков, содействует внедрению технологий ИИ в промышленности, реализует ряд образовательных программ и стажировок.³⁷⁷ По последним данным, по числу публикаций, связанных с ИИ Казахстан занимает 76 место в мире, среди стран ЕАЭС уступая только России (20 место).³⁷⁸

Как и во многих других странах, в Казахстане роль локомотивов в развитии технологий ИИ играют крупные коммерческие организации, которые обладают достаточным количеством ресурсов, необходимых для реализации проектов по цифровой трансформации. При этом на уровне политического управления и официальной статистики внедрение в производственные процессы систем на основе ИИ рассматривается в общем комплексе процессов цифровизации производств. По официальным данным, сегодня горно-металлургический комплекс является в стране безусловным лидером цифровой трансформации. Так, к настоящему моменту 13 крупных предприятий горнодобывающей промышленности завершили 20 проектов по внедрению Индустрии 4.0 на общую сумму 88,7 млрд тенге. Кроме того Министерство индустрии и инфраструктурного развития РК реализует проект по созданию семи модельных цифровых фабрик на базе АО «АК Алтыналмас», АО «Евразиян Фудс», АО «Кентауский трансформаторный

³⁷⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 г. N 827. URL: <https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

³⁷⁷ ISSAI. URL: <https://issai.nu.edu.kz/> (дата обращения: 11.03.2023)

³⁷⁸ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

завод», АО «Химфарм», ТОО «Карлскрона», ТОО «Балтекстиль», ТОО «Алматинский вентиляторный завод» с целью демонстрации эффектов от внедрения новых цифровых технологий. Указанные компании уже реализовали 14 проектов в этой сфере на 7,5 млрд тенге, которые позволили не только увеличить собственную прибыль за счет снижения себестоимости и роста производительности труда, но и выйти на новый технологический уровень развития, а также встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости.³⁷⁹

В целом, за последние пять лет Казахстан сумел серьезно продвинуться в сфере развития и внедрения наиболее передовых технологий, которые находятся в центре государственной научно-технической политики и объектов повышенного внимания высшего руководства страны. В 2020 г. Президент К.-Ж. Токаев в своем выступлении на международной конференции «Artificial Intelligence Journey» определил развитие технологий ИИ и анализа больших данных в качестве одного из основных приоритетов развития.³⁸⁰ Международные эксперты также достаточно высоко оценивают успехи Казахстана в области ИИ, в 2022 году в уже упоминавшемся Government AI Readiness Index он занимает третье место среди государств Южной и Центральной Азии, уступая лишь Индии и Турции.³⁸¹

Российская Федерация. Единственная среди стран-участниц ЕАЭС в 2019 г. утвердила национальную стратегию в области ИИ, которая заложила основы национальной политики в данной сфере и обозначила приоритетные направления развития технологий ИИ в экономике и социальной сфере.

³⁷⁹ Искусственный интеллект и цифровые фабрики: как внедряются элементы Индустрии 4.0 на казахстанских предприятиях. 16.10.2019. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvenny-intellekt-i-cifrovy-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskih-predpriyatiyah> (дата обращения: 10.03.2023)

³⁸⁰ Токаев оценил возможности искусственного интеллекта. 04.12.2020. URL: <https://www.zakon.kz/5050000-tokaev-otsenil-vozmozhnosti.html> (дата обращения: 10.03.2023)

³⁸¹ Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (дата обращения: 11.03.2023)

Основными задачами развития ИИ являются поддержка научных исследований, разработка и развитие программного обеспечения, повышение доступности и качества данных, развитие кадрового потенциала, создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в результате внедрения технологий ИИ.³⁸² В дополнение к ней в 2020 г. разработан и принят Федеральный проект «Искусственный интеллект», содержащий дорожную карту конкретных мероприятий и плановые ключевые показатели до 2024 г. Согласно документам, Россия должна занять одну из ведущих позиций в мире в этой сфере. Предполагается, что к 2024 г. Россия значительно улучшит позиции в развитии технологий ИИ, а к 2030 г. ликвидирует отставание от развитых стран и добьется мирового лидерства в отдельных направлениях, связанных с ИИ. В соответствии с плановыми экономическими показателями, зафиксированными в Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» к 2030 г. доля ИИ в российском ВВП должна составить 3,6%, что на 1% больше прогнозного общемирового значения.³⁸³

К настоящему времени в России сформировался круг учебных заведений и крупных компаний, которые являются драйверами роста технологий ИИ. Так, Правительством РФ определены 6 исследовательских центров в сфере ИИ: Сколковский институт науки и технологий, МФТИ, Высшая школа экономики, ИТМО, Университет Иннополис, Институт системного программирования РАН. Данные организации получают 900 млн руб. бюджетного финансирования до 2024 г. для проведения НИОКР и создания прикладных решений в области ИИ. Основные компетенции сосредоточены в компаниях Сбербанк, Яндекс, InfoWatch, Лаборатория

³⁸² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.03.2023)

³⁸³ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». 10.10.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (дата обращения: 14.03.2023)

Касперского, МТС, Газпром нефть и ряде других. Российскими разработчиками созданы отдельные продукты на основе ИИ мирового уровня: голосовой помощник Яндекса «Алиса», виртуальный ассистент Салют и решение по распознаванию речи SmartSpeech от Сбера, «Цифровая нефть» и «Когнитивный геолог» от ПАО «Газпром нефть».³⁸⁴

На сегодняшний день по оценкам международных экспертов Россия демонстрирует средние показатели в развитии технологий ИИ. Например, в AI Index Стэнфордского университета в 2021 г. Россия занимает 13 место среди 29 стран, имеющих наиболее высокие показатели в мире в данной области.³⁸⁵ Вклад российских исследователей в общемировой объем научных публикаций по технологиям ИИ находится на уровне 1,3 %, доля патентных заявок — 0,2 %, ³⁸⁶ доля России в общемировом рынке технологий ИИ составляет примерно 0,2 %.³⁸⁷

Таким образом, На фоне мировых лидеров позиции ЕАЭС в области ИИ выглядят достаточно скромно. На союзном уровне политика в данной сфере находится на зачаточном уровне, а также практически отсутствуют совместные инвестиции и многосторонние проекты в области исследований и разработок. Если обратиться к данным по количеству научных публикаций в области ИИ за 2021 г., совокупные показатели стран ЕАЭС равняются 740 публикациям, почти 90% которых приходится на Россию. Для сравнения лидеры по данному показателю: Китай – около 20000 публикаций, США – 8400, Индия – 4286. Примечательно, что доля публикаций в области ИИ исследователей из стран ЕАЭС в общемировом объеме, более чем в два раза ниже аналогичного значения по всем научным областям: 1,08% и 2,7%

³⁸⁴ Развитие отдельных высоко технологичных направлений: Белая книга. Москва: НИУ «Высшая школа экономики». 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 21.02.2023)

³⁸⁵ Artificial Intelligence Index Report 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/> (дата обращения: 12.03.2023)

³⁸⁶ Ibid.

³⁸⁷ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». 10.10.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (дата обращения: 14.03.2023)

соответственно.³⁸⁸ Статистически значимое в мировом масштабе количество патентных заявок по ИИ среди стран ЕАЭС демонстрирует только Россия. Целевые объемы инвестиций в ИИ также обозначила только Россия, в федеральном бюджете на 2022-2024 гг. на госфинансирование федерального проекта «Искусственный интеллект» запланировано 18 млрд руб. на три года,³⁸⁹ что составляет примерно 0,7% в годовом объеме мировых инвестиций в этой сфере.

В целом для политики стран ЕАЭС в области ИИ характерна ориентация на внешние технологии и инвестиции, создание очагов технологического роста, во многом благодаря усилиям крупных коммерческих организаций, вокруг которых происходит выстраивание экосистемы ИИ, включающей инфраструктуру, образование и НИОКР. В условиях сравнительно небольших внутренних инвестиций внедрение результатов исследований и разработок в значительной степени связано с участием в международных аутсорсинговых проектах.

На фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для ЕАЭС имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и скорейшая выработка единой союзной политики в сфере наиболее передовых технологий, в том числе в области ИИ, в качестве концептуальной основы для развития двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества как внутри самого ЕАЭС, так и с другими странами. Мировые лидеры активно используют политику в области ИИ в качестве инструмента для расширения интеграционной повестки и, как следствие, интенсификации интеграции в наиболее перспективных высокотехнологичных сферах, усиливая вовлеченность в них все большего количества заинтересованных сторон. Например, в ЕС с 2021 г. идет процесс

³⁸⁸ Scimago Journal & Country Rank. URL:

<https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

³⁸⁹ Федеральный закон от 06.12.2021 N 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (дата обращения: 06.03.2023)

построения общеевропейской сети центров передового опыта в области ИИ, с целью объединения ресурсов европейских исследовательских организаций и согласования усилий государств-членов в области ИИ.³⁹⁰

Следует отметить, что в последние годы наблюдаются позитивные сдвиги по включению в интеграционную повестку ЕАЭС коллективных действий в сфере инновационного развития. 11 декабря 2020 г. в Минске главы государств ЕАЭС утвердили Стратегию развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.,³⁹¹ которая призвана содействовать переходу на инновационный путь развития, предполагающий повышение инвестиционной активности и модернизацию экономик государств-членов на основе нового технологического уклада. Главные приоритеты такого перехода связаны с развитием цифровых экосистем и наращиванием научно-технического потенциала ЕАЭС, включающего совместные инновационные программы и инвестиционные проекты.

Отдельное стратегическое направление посвящено объединению усилий в области научно-исследовательского сотрудничества для стимулирования совместного научно-технологического и инновационного развития. По мнению С.Ю. Глазьева, расширение интеграционной повестки инновационными приоритетами Стратегии обеспечивает принципиально иное качество единого экономического пространства, выражает его внутреннюю состоятельность и конкурентоспособность, способствует упрочению связей с третьими странами в процессе формирования Большого евразийского партнерства.³⁹² Некоторые авторы в контексте решения задач инновационного развития ЕАЭС подчеркивают особое значение новых

³⁹⁰ Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.03.2023)

³⁹¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. N12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 14.03.2023)

³⁹² Глазьев С.Ю. ЕАЭС: от политики Status quo к сценарию «Собственный центр силы» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. N1. С. 11-14

направлений кооперации в отраслях, отличающихся и высокой производительностью труда, и высокой долей интеллектуальной составляющей, включая привлекательные для инвесторов, прежде всего речь идет о роботизации, биотехнологиях, ИИ.³⁹³ Наиболее перспективные проекты активно прорабатываются на уровне ЕЭК. Например, в апреле 2022 г. анонсировано создание совместимых национальных телемедицинских систем с ИИ.³⁹⁴

Итак, следует подчеркнуть, искусственный интеллект является приоритетным направлением научно-технической политики многих государств мира. Овладение ИИ-технологиями, внедрение их в производство сулит государствам существенные экономические выгоды и лидирующие позиции в мировой системе разделения труда.

Лидерами в глобальной технологической гонке за ИИ являются ЕС, Китай и США, которые обладают технологическим суверенитетом в этой области. Это подтверждается данными об объемах инвестиций, наличием собственных фундаментальных научных исследований и НИОКР, необходимой для развития ИИ инфраструктуры и т.д.

На международной арене идет процесс формирования двух больших пространств в области технологий искусственного интеллекта:

- первое объединяет страны ОЭСР с безусловным финансовым, технологическим и ценностно-нормативным доминированием США и ЕС;
- второе пространство формируется вокруг Китая, в орбиту которого попадают страны, для которых сотрудничество с Западом осложняется ввиду широкого спектра международных противоречий, в их числе находится и Россия.

³⁹³ Мясников М.В., Ковалев В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции // Международная жизнь. 2021. N11. С. 1-15.

³⁹⁴ Заседание Президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК. 07.04.2022. URL: https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-prezidiuma-nauchno-tehnicheskogo-soveta-pri-predsdatele-kollegii-eek/?sphrase_id=98717 (дата обращения: 14.03.2023)

Взаимодействие между двумя ИИ-пространствами следует общей тенденции декаплинга экономик США и Китая, что в свою очередь способствует развитию на глобальном уровне тенденций технологической изоляции и складыванию биполярной «мир-системы».

В складывающихся после 24 февраля 2022 г. условиях перед Россией встает нетривиальная задача – не остаться на обочине глобального технологического прогресса и одновременно с этим не утратить свой суверенитет в сфере высоких технологии, сохранив, пусть и в ограниченном виде, возможности многостороннего сотрудничества с ведущими игроками.

В этом смысле для России имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ на уровне ЕАЭС, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала и технологического суверенитета. Последнее крайне важно в условиях обострения на глобальном уровне санкционной политики, поскольку включение в международные высокотехнологичные цепочки создания добавочной стоимости предполагает наличие национальной кадровой и научно-исследовательской базы.

Кроме того, тяготение многих стран ЕАЭС к китайскому пространству политики в области ИИ, в рамках общего усиления сопряжения ЕАЭС с проектом «Один пояс, один путь», в совокупности с тотальным превосходством Китая в области ИИ увеличивает риски усиления зависимости от импорта китайский высоких технологий, преодолеть которые возможно только с помощью сложения ресурсов и эффективной координации совместных усилий на уровне ЕАЭС.

Для России выработка единой политики ЕАЭС в высокотехнологичной сфере в условиях санкций приобретает также инструментально-тактическое значение. После начала Специальной военной операции на территории Украины Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее ограничений. Российский высокотехнологичный сектор также оказался

под ударом, что отягощает и без того существующее отставание в передовых технологиях и зависимость в электронно-компонентной базе. В частности, Intel и AMD приостановили импорт в Россию микропроцессоров, также о присоединении к западным санкциям объявил крупнейший в мире производитель полупроводников и микросхем тайваньская TSMC. В ответ на эти и другие ограничения в мае 2022 г. Правительство РФ приняло Постановление о так называемом «параллельном импорте» отдельных видов продукции, которое распространяется также на импорт полупроводников и микросхем.³⁹⁵

В сложившихся условиях объективно усиливается зависимость России от воли и политических решений третьих стран, в том числе партнеров по ЕАЭС. Поэтому укрепление политического единства Союза приобретает крайне важное значение. И в этом смысле выработка единой политики в области ИИ является достаточно эффективным инструментом, поскольку позволяет увязать интеграционные процессы с глобальными трендами технологического развития, закрепить национальные интересы государств с помощью совместных инвестиций в передовые технологии, расширить возможности совместного участия в международных цепочках создания добавленной стоимости, прежде всего, в рамках Большого евразийского партнерства.

§3.3. Роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности

Данному вопросу посвящено специальное исследование автора.³⁹⁶

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) оказывают существенное влияние на социально-экономический и технологический прогресс. С

³⁹⁵ Постановление от 29 марта 2022 г. N 506. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 14.03.2023)

³⁹⁶ Выходец Р.С. Роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 5. С. 1993-2004

внедрением ИИ связано повышение производительности труда, создание конкурентоспособных на мировом уровне высокотехнологичных отраслей, ускоренное развитие цифровой экономики, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры по работе с большими объемами данных, повышения качества медицинских услуг и точности диагностики различных заболеваний и т.д.

В последние годы системы ИИ значительно усовершенствовались, а их возможности расширились. В частности, системы ИИ, называемые «генеративными моделями», добились больших успехов в автоматизированном создании контента, такого как изображения, сгенерированные из текстовых подсказок. Одной из областей особенно быстрого развития были генеративные модели, которые способны создавать исходный язык, что может быть использовано в различных областях. Однако возможны и негативные применения генеративных языковых моделей, связанные с распространением пропаганды, что затрагивает более широкие вопросы цифровой этики и свободы воли человека в цифровом мире.³⁹⁷ Новые технологии на основе ИИ уже сегодня способны создавать убедительные манипулятивные тексты без участия человека для использования в операциях влияния, что открывает широкие возможности по оказанию целенаправленного воздействия на общественное мнение.

Эксперты OpenAI в одном из своих отчетов систематизировали возможные изменения в области информационно-психологического противоборства, обусловленных бурным развитием технологий ИИ, Таблица 5.³⁹⁸

³⁹⁷ Выходец Р.С., Шляпников. В.В. Краткий исторический обзор исследований в области цифровой этики // Общество. Среда. Развитие. 2021. N 4 (61). С. 43-47.

³⁹⁸ Goldstein J., Sastry G., Musser M. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations. January 2023. URL: DOI:10.48550/arXiv.2301.04246

Таблица 5 – Изменения в сфере информационно-психологического противоборства под воздействием технологий ИИ

Элементы	Потенциальные изменения	Содержание изменений
Акторы	Появляется более многочисленная и разнообразная группа пропагандистов	По мере того, как генеративные модели снижают стоимость создания пропаганды, все больше акторов склонны рассматривать операции влияния в качестве эффективных и привлекательных инструментов достижения целей
	Аутсорсинговые фирмы становятся все более важными	Наемные пропагандисты, специализирующиеся на автоматизации производства текста, получают новые конкурентные преимущества
Действия	Автоматизация производства контента увеличивает масштаб кампаний	Пропагандистские кампании станут легче масштабировать на основе автоматизированной генерация текстов
	Снижение стоимости существующих тактик	Дорогостоящая тактика, такая как кросс-платформенное тестирование, может стать дешевле с языковыми моделями.
	Появление новых тактик	Языковые модели могут обеспечивать динамическую, персонализированную генерацию контента в режиме реального времени, например чат-боты один на один.
Контент	Сообщения становятся более достоверными и убедительными.	Генеративные модели могут улучшить обмен сообщениями по сравнению с текстом, написанным пропагандистами, которым не хватает лингвистических или культурных знаний о своей цели
	Скрытая пропаганда	Существующие кампании легко обнаруживаются из-за использования копируемого текста, языковые модели позволяют создавать лингвистически уникальные сообщения.

Постоянно совершенствующиеся генеративные модели, такие как ChatGPT открывают беспрецедентные возможности по проведению операций влияния в интернет-пространстве. И хотя сегодня в экспертной среде ведутся споры о том, какие именно действия могут рассматриваться в качестве

операций влияния³⁹⁹, один из экспертов OpenAI Дж. Гольдштейн в своей докторской диссертации определяет их как тайные или обманчивые попытки повлиять на мнение целевой аудитории.⁴⁰⁰

Следует учитывать, что операции влияния включают операции, направленные на активизацию людей, придерживающихся определенных убеждений, воздействие на мнение целевой аудитории по поводу того или иного события, отвлечение внимания целевой аудитории.⁴⁰¹ Зачастую для создания и распространения манипулятивного контента используются специально созданные для этих целей аккаунты в социальных сетях, принадлежащие фальшивым личностям, а создание и распространение текстов возложено на компьютерные программы. По некоторым данным с 2016 года отдельные ресурсы удалили более сотни операций по оказанию влияния в социальных сетях, проводимых в десятках разных стран.⁴⁰²

Исходя из серьезных возможностей технологий ИИ в сфере информационно-психологического противоборства, сегодня все большее количество стран рассматривают ИИ в качестве основного приоритета национального научно-технологического развития, связывая его с вопросами глобального технологического лидерства и позиционированием себя на международной арене в качестве современной и прогрессивной страны. Так, например, Президент России Владимир Путин в ходе встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином в марте 2023 года отметил высокое значение развития технологий ИИ в обеспечении технологического

³⁹⁹ Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // *Journal of Information Warfare*. Vol. 18. No. 3. Special Edition (Winter 2019). P. 1-14.

⁴⁰⁰ Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss. // University of Oxford, 2021 URL: <https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.840171> (дата обращения: 04.05.2023)

⁴⁰¹ Seger E., Avin S., Pearson G. et al. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world. The Alan Turing Institute, October 14, 2020. 84 p.

⁴⁰² Gleicher N., Franklin M., Agranovich D. et al. Threat Report The State of Influence Operations 2017-2020. May 2021. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2021/05/26/IO-Threat-Report-May-24-2021-version.pdf> (дата обращения: 04.05.2023)

суверенитета, который является залогом устойчивости развития РФ и КНР. В своем выступлении он подчеркнул: «Сложив наш богатый научный потенциал и производственные возможности Россия и Китай могут стать мировыми лидерами в области информационных технологий, сетевой безопасности, искусственного интеллекта.»⁴⁰³

При этом бурное развитие ИИ сопряжено с формированием новых рисков, связанных с национальной и информационной безопасностью. И речь идет не только о рисках оказаться на обочине глобальных трендов научно-технологического развития или же попасть в зависимость от технологий более развитых в этом отношении игроков, но и о вполне конкретных угрозах для государства, общества и человека. Так, Илон Маск в своем интервью The New York Times высказал серьезные опасения по поводу искусственного интеллекта, который разрабатывает принадлежащая Google компания DeepMind. Суть создаваемой технологии, по его мнению, очень похожа на ту, которая описывается в сюжете американского фильма «Военные игры» 1983 года, где хакер взламывает компьютерную сеть военных США и запускает искусственный интеллект, который чуть не приводит к ядерной войне между СССР и США.⁴⁰⁴

В докладе Давосского экономического форума 2019 г. по поводу рисков, связанных с ИИ, отмечается следующее: «Распознавание лиц, анализ походки, цифровые помощники, аффективные вычисления, микрочипирование, цифровое считывание по губам, датчики отпечатков пальцев – по мере того, как эти и другие технологии распространяются, мы движемся в мир, в котором все, что нас окружает, захватывается, сохраняется и подвергается действию алгоритмов искусственного интеллекта. Это делает возможным все более индивидуализированные государственные и частные

⁴⁰³ Путин: Россия и КНР могут стать лидерами по ИИ, объединив потенциал. 21.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230321/tekhnologii-1859551148.html> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁰⁴ Маск назвал самый опасный для человечества искусственный интеллект. 28.07.2020. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samyu-opasnyu-dlya-chelovechestva-iskusstvennyu-intellekt> (дата обращения: 22.03.2023)

услуги, а также новые формы соответствия и микроцелое убеждение... Геополитически будущее может частично зависеть от того, как общества с разными ценностями относятся к новым источникам данных.»⁴⁰⁵

Спаивание технологий ИИ с открытиями фундаментальных основ функционирования мозга человека дает основание некоторым авторам делать выводы о «випонизации» нейронауки, а также использования ее достижений для «взлома мозга человека» и признания человеческого разума полем военных действий.⁴⁰⁶ По мнению Роберта МакКрейта, бывшего сотрудника Госдепартамента США, который более двух десятилетий специализировался в сфере контроля над вооружениями, помимо других вопросов безопасности, говорит, что в современных условиях можно говорить о, своего рода, неврологической космической гонке, соревновании за контроль и превращение нейронов в товар. Последующий риск заключается в том, что исследования будут направлены на вооружение – на превращение мозга в инструмент для более эффективного ведения войн.⁴⁰⁷

Именно поэтому технологии ИИ сегодня находятся в центре внимания национальных и международных дискуссий в исследуемой нами области информационно-психологической безопасности. При этом следует подчеркнуть, что в мировоззренческом плане развитие технологий ИИ имеет два яркой выраженных аспекта. Во-первых, ИИ рассматривается в имиджевом ракурсе, в качестве необходимого элемента научно-технического развития современного динамичного государства, ориентированного на прогресс и инновации. Во-вторых, в качестве необходимой технологии эффективного обеспечения информационной безопасности. Например, в Стратегии национальной безопасности РФ технологии искусственного

⁴⁰⁵ The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 114 p.

⁴⁰⁶ Guyader H. Weaponization of neurosciences. February 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/docs/WoNS.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁰⁷ Requarth T. This is Your Brain. This is Your Brain as a Weapon. 14.09.2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/09/14/this-is-your-brain-this-is-your-brain-as-a-weapon-darpa-dual-use-neuroscience/> (дата обращения: 22.03.2023)

интеллекта упоминаются в перечне приоритетных задач научно-технологического развития и обеспечения информационной безопасности.⁴⁰⁸

16 декабря 2020 г. была принята Стратегия ЕС по кибербезопасности на «Цифровое десятилетие»,⁴⁰⁹ в которой изложены базовые подходы к защите граждан, бизнеса и учреждений от киберугроз. По мнению специалистов, в контексте обеспечения кибербезопасности ЕС существенное значение уделяется развитию вызывающих доверие и ориентированных на человека технологий ИИ. Например, Е.С. Зиновьева и В.И. Булва подчеркивают: «ЕС укрепляет систему защиты населения от киберугроз (хакерство, кража личных данных, вымогательство), а также добивается развития искусственного интеллекта с учетом соблюдения прав человека и сохранения атмосферы доверия.»⁴¹⁰

Законодательство ЕС придерживается подхода, основанного на оценке рисков, проводя различие между использованием искусственного интеллекта, которое создает неприемлемый риск, высокий риск и низкий или минимальный риск.⁴¹¹

К системам, содержащим неприемлемые риски и подлежащим запрету на территории ЕС, относятся:

- системы ИИ, которые используют подсознательные методы за пределами сознания человека, чтобы существенно исказить поведение

⁴⁰⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)

⁴⁰⁹ Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 06.02.2023)

⁴¹⁰ Зиновьева Е.С., Булва В.И. Цифровой суверенитет Европейского Союза. // Современная Европа. 2021. N 2. С. 45.

⁴¹¹ Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 12.03.2023)

человека таким образом, который причиняет или может причинить этому человеку или другому лицу физический или психологический вред;

- системы ИИ, которые используют любую из уязвимостей определенной группы лиц из-за их возраста, физической или умственной неполноценности, с целью существенного искажения поведения лица, относящегося к этой группе, таким образом, что вызывает или может причинить этому человеку или другому лицу физический или психологический вред;

- системы ИИ, которые используются государственными органами или от их имени для оценки или классификации надежности физических лиц в течение определенного периода времени на основе их социального поведения или известных или прогнозируемых личных характеристик;

- систем удаленной биометрической идентификации «в режиме реального времени» в общедоступных местах в целях обеспечения правопорядка, если такое использование отдельно не предусмотрено законодательством.

Первый и второй тип систем ИИ четко фокусирует внимание на технических возможностях, которые могут быть использованы в качестве информационно-психологического оружия или же содержат неприемлемые риски, связанные со злонамеренным воздействием на поведение, которому человек не в состоянии противостоять.

Для признания системы ИИ высокорисковой необходимо выполнение двух основных условий:

- система искусственного интеллекта предназначена для использования в качестве компонента безопасности продукта или сама является продуктом, на который распространяется соответствующее законодательство ЕС;

- продукт, компонентом безопасности которого является система искусственного интеллекта, или сама система искусственного интеллекта как продукт, должен пройти оценку соответствия третьей стороной с целью

размещения на рынке или ввода в эксплуатацию этого продукта в соответствии с законодательством ЕС.

Следует подчеркнуть, как было показано в одном из предыдущих разделов нашей работы, концепция безопасности ЕС включает в себя информационно-психологический компонент, следовательно, высокие риски технологий ИИ связаны, в том числе, и с данной сферой безопасности.

Для использования систем ИИ с высокими рисками предусмотрены повышенные требования в области обеспечения их безопасности и создания, внедрения, документирования и поддержания в рабочем состоянии достаточно сложной системы управления рисками, обеспечивающей идентификацию и анализ возможных рисков, оценку их последствий, а также принятие надлежащих мер по управлению рисками.

Кроме того на законодательном уровне закреплены ряд критериев, в соответствии с которыми та или иная система ИИ может быть признана высокорисковой. К примеру, в качестве критериев выступает предполагаемое назначение системы, степень, в которой использование системы уже причинило вред здоровью и безопасности или оказало неблагоприятное воздействие на основные права, потенциальный масштаб такого вреда или такого неблагоприятного воздействия, в частности, с точки зрения его интенсивности и способности повлиять на множество людей и др. Таким образом, в ЕС на законодательном уровне закреплены возможности отнесения той или иной системы ИИ в процессе эксплуатации к высокорисковой, с предъявлением к ней повышенных требований в области безопасности.

Технологии ИИ имеют ключевое значение в обеспечении национальной безопасности и обороны США. При этом некоторые авторы подчеркивают особую роль американского разведсообщества в процессе использования ИИ в сфере безопасности, которое выступает одним из

главных государственных выгодоприобретателей от создания и практического использования технологий ИИ.⁴¹²

При этом один из основных акцентов, связанных с использованием ИИ американские эксперты связывают с возникновением новых методов определения подлинности аудио-, видеоматериалов и графических изображений.⁴¹³ В контексте политики в области безопасности их целью может выступать проведение как наступательных, так и оборонительных операций по дезинформации качественно иного уровня, включая искажение информации о каком-либо событии, искажение слов или поведения отдельных лиц, либо изображение лиц, которых на самом деле не существует. Поэтому в соответствии с официальными документами США, основная цель разведсообщества в области ИИ включает финансирование фундаментальные исследования по созданию систем ИИ, способных извлекать информацию из ограниченного набора данных с учетом контекста.⁴¹⁴

В сентябре 2020 года Министерство обороны США выступило организатором многостороннего Партнерства по ИИ в интересах обороны.⁴¹⁵ В его первом заседании приняли участие военные делегации из Австралии, Великобритании, Дании, Израиля, Канады, Норвегии, Республики Корея, Финляндия, Франция, Швеции, Эстонии и Японии, а в 2021 году к нему присоединились Германия, Нидерланды и Сингапур. При этом многие страны-участники Партнерства являются членами НАТО, которая в октябре 2021 года выпустила собственную Стратегию по ИИ, в которой признаются

⁴¹² Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект // США и Канада: Экономика, Политика, Культура. 2021. N 6. С. 52-70.

⁴¹³ The AIM Initiative. A strategy for augmenting intelligence using machines. 16.01.2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/AIM-Strategy.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴¹⁴ S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. 20.12.2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴¹⁵ AI Partnership for Defense. 16.09.2020. URL: https://www.ai.mil/docs/AI_PfD_Joint_Statement_09_16_20.pdf (дата обращения: 22.03.2023)

широкие возможности технологий ИИ в обеспечении безопасности, в том числе, в сфере противодействия пропаганде и дезинформации.⁴¹⁶

Как уже отмечалось ранее, в сфере информационно-психологического противоборства и обеспечения безопасности особое место занимают социальные сети. Привлекательность и популярность этих платформ во многом обусловлена их способностью предоставлять контент, адаптированный к индивидуальным пользователям. Эта возможность в значительной степени рекомендательными системами, которые сегодня являются одними из самых распространенных и влиятельных инструментов искусственного интеллекта в мире. Рекомендательные системы отслеживают наиболее интересный для пользователей платформы контент, используя методы машинного обучения, чтобы адаптировать ленту каждого пользователя к тем видам контента, с которыми они взаимодействовали в прошлом. Они, по сути, функционируют как персональный редактор газеты для каждого пользователя, выбирающий, какие материалы представить, а какие скрыть. В этом контексте основной вопрос информационно-психологической безопасности состоит в том, подталкивают ли рекомендательные системы пользователей к злонамеренному и вредоносному контенту.

В рамках Глобального партнерства по искусственному интеллекту (GPAI) действует рабочая группа по ответственному искусственному интеллекту, реализующая проект по управлению социальными сетями. Он направлен на взаимодействие с компаниями социальных сетей для проведения исследований по установлению фактов о влиянии систем рекомендаций на отношение пользователей к вредоносному контенту.⁴¹⁷ В одном из своих последних отчетов эксперты указывают, что

⁴¹⁶ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 22.10.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (дата обращения: 22.03.2023)

⁴¹⁷ Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-november-2022.pdf> (дата обращения: 17.02.2023)

рекомендательные системы в социальных сетях сегодня являются социальной и политической проблемой, поскольку последствия их широкого применения может оказать значительное влияние на формирование общественного мнения.⁴¹⁸

На текущем уровне технологического развития под «искусственным интеллектом» принято понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.⁴¹⁹

В отличие от классического директивного программирования, в основу которого положена логика «Если, То», технологии искусственного интеллекта способны оперировать, классифицировать и обучаться на паттернах – группах свойств объектов, объединенных на разных уровнях абстракции. Например, технологиям компьютерного зрения для решения задачи отличить кошку от собаки не требуется алгоритм сравнения всех возможных отличий двух животных, который подразумевает учет миллионов условий. Искусственной нейронной сети заранее предъявляется множество изображений кошек и собак, на основе которых программа формирует собственный паттерн свойств, соответствующий определенному животному и использует его для того, чтобы отличить конкретную кошку от конкретной собаки. Этот процесс очень похож на то, как это делает мозг человека. По всей видимости, именно поэтому данные тип информационных технологий получили свое достаточно метафоричное название, апеллирующее к принципам и закономерностям функционирования человеческого мышления. Именно поэтому в настоящее время нейротехнологии (технологии, которые

⁴¹⁸ Responsible AI Working Group Report. November 2022. URL: <https://gpai.ai/projects/responsible-ai/gpai-responsible-ai-wg-report-2022.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.03.2023)

используют или помогают понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность) и технологии искусственного интеллекта принято рассматривать в неразрывной связи друг с другом. Например, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 2019 году утверждена Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «нейротехнологии и искусственный интеллект».⁴²⁰ В документе рассматриваются семь субтехнологий, которые могут применяться для реализации новых возможностей человека во всех сферах деятельности, в том числе для поддержки коммуникации между людьми, лежащей в основе рассматриваемой нами информационно-психологической сферы. К ним относятся следующие:

- компьютерное зрение;
- обработка естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений;
- перспективные методы и технологии в ИИ;
- нейропротезирование;
- нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг.

С точки зрения предложенной нами модели информационно-психологической безопасности, включающей три основных компонента: мировоззренческий, медийный и когнитивный, влияние технологий ИИ наиболее заметно в двух последних. Например, распознавание и синтез речи включает в себя класс решений, позволяющих осуществлять перевод речевого запроса в текстовый вид, анализировать тембр и тональность голоса, распознавать эмоции, а также синтезировать речь, что, по сути, открывает безграничные возможности в области создания DeepFake и

⁴²⁰ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». 10.10.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (дата обращения: 14.03.2023)

использования глубоких фальсификаций видео и аудиоматериалов в целях дезинформации и других видах информационно-психологического противоборства. При этом набирает обороты и направление по выявлению DeepFake, создаются и совершенствуются модели, основанные на машинном обучении и ИИ, позволяющие обнаруживать артефакты, которые характерны для используемого алгоритма генерации поддельных материалов.⁴²¹

В апреле 2023 года в СМИ появилась информация, что китайский технологический гигант Tencent запустил сервис Deepfakes-as-a-Service (DFaaS) по созданию цифровых клонов людей.⁴²² Для создания цифрового клона, который представляет собой видеозаготовку с человеком в кадре в полный рост или по пояс, необходимо предоставить три минуты видео с человеком в кадре, а также слепок голоса в виде записи произношения 100 предложений на китайском или английском языке. После программной обработки цифровой клон способен произносить любой текст, а в совокупности с современными возможностями чат-ботов такими, как ChatGPT, эти технологии открывают безграничные возможности по созданию манипулятивного контента.

Интеллектуальные рекомендательные системы позволяют с высокой достоверностью предсказывать информационный контент, который будет наиболее интересен определенным пользователям, что в значительной степени повышает эффективность микротаргетинга, а также дает возможность создавать персонафицированные информационные экспозиции для различных целевых групп и формировать требуемый информационный фрейминг, о чем подробно речь пойдет в следующей части нашей работы.

Возможности технологий искусственного интеллекта в области производства, распространения и потребления информации одновременно

⁴²¹ Балашов А.В., Вышегородцев К.Е., Свичкарь Д.А., Хенкин П.В. Обзор технологий выявления модифицированного контента класса DeepFake // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2022. Т. 18. N 3. С. 680-690.

⁴²² В Китае началась оцифровка людей. 30.04.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/30/20331746.shtml> (дата обращения: 04.05.2023)

могут быть использованы как в качестве средств злонамеренного информационно-психологического воздействия, так и средств противодействия им.

В уже упоминавшемся исследовании американских ученых была обнаружена высокая эффективность технологий ИИ при распознавании лжи. В эксперименте приняли участие 103 человека, которые прочитали историю о том, как Эдвард Сноуден опубликовал секретную информацию из Агентства национальной безопасности в 2013 году. Участникам случайным образом поручили прочитать одну и ту же историю, но эта история была представлена, либо как новостной репортаж, либо как записка с пометками, указывающими на то, что она содержит конфиденциальную информацию. Далее все участники были распределены в одну из двух групп для интервью: одной группе было дано задание солгать о том, что они прочитали, а другой – сказать правду. Бывшие сотрудники правоохранительных органов опрашивали участников в случайном порядке с помощью видеоконференцсвязи и текстового чата. Исследователи использовали стенограммы интервью и чата, чтобы обучить несколько моделей машинного обучения, чтобы увидеть, могут ли они отличить лжецов от тех, кто говорит правду.

В результате точность обнаружения лжи составила 76%, что позволило сделать вывод, во-первых, о наличии лингвистические сигналов, когда люди пытаются обмануть, и, во-вторых, о способности инструментов машинного обучения обнаруживать значительную часть этих сигналов.⁴²³ Подобные технологии способны в значительной степени повысить эффективность в борьбе с распространением и потреблением дезинформации.

Манипулирование восприятием информации человеком, особенно с применением методов, основанных на новейших открытиях закономерностей работы человеческой психики, способно оказать непредсказуемое по своему

⁴²³ Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection. 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA873-1.html (дата обращения: 17.02.2023)

масштабу и эффективности воздействие на процесс принятия решений и поведение людей. В 2020 году группа западных ученых провела исследование характеристик процессов человеческого выбора и создания на их основе нескольких моделей машинного обучения, которые позволяют делать хорошие прогнозы относительно принятия решений человеком. Результаты трех проведенных экспериментов убедительно доказывали эффективность технологий машинного поведения по выявлению целевого поведения в различных ситуациях принятия решений человеком, а также факторов, влияющих на этот процесс.⁴²⁴

Эти и многие другие исследования, которых в последнее время становится все больше, демонстрируют возрастающие возможности современных информационных технологий в области моделирования особенностей восприятия человеком информации и прогнозирования его поведения.

Таким образом, на основе приведенных данных следует сделать вывод о том, что искусственный интеллект и машинное обучение, в настоящее время выступают технологической основой современного информационно-психологического противоборства и обеспечения безопасности.

Мировоззренческий компонент: ИИ имеет два ярких выраженных аспекта. Первый, развитие ИИ рассматривается в качестве компонента, в качестве необходимого элемента имиджевой политики, включающей ориентацию на инновации, прогресс и глобальные научно-технологические тренды. Второй, ИИ предстает в качестве необходимой технологии эффективного обеспечения информационной безопасности в контексте сохранения фундаментальных идеологических, ценностных и духовно-нравственных основ общества.

Медийный компонент: ИИ и машинное обучение обладают широкими возможностями по воздействию на формирование общественного мнения. Рекомендательные системы по подбору индивидуализированного контента в

⁴²⁴ Dezfouli A., Nock R., Dayan P. Adversarial vulnerabilities of human decision-making // PNAS. 2020. Vol. 117. N 46. P. 29221-29228.

соответствии с предпочтениями пользователей позволяют существенным образом влияют на процессы производства и распространения информации. При этом вопросы контроля со стороны государства за распространяемой информацией, которая может иметь злонамеренный и деструктивный характер выходят на первый план. С учетом различных возможностей политического влияния в этой сфере одни участники информационно-психологического противоборства имеют несравнимо большие возможности по манипулированию общественным мнением и поведением людей. В этой связи остро встают вопросы о возможности эффективно обеспечивать информационно-психологическую безопасность в условиях информационной открытости.

Когнитивный компонент: ИИ в совокупности с бурным развитием нейротехнологий в последнее время вызвал к жизни комплекс проблем связанных с использованием уязвимостей человеческого мышления. Воздействие современных информационных технологий на процесс потребления человеком информации, манипулирование ценностными установками и мотивами его поведения порождает целый спектр ранее неизвестных вызовов и угроз в области информационно-психологической безопасности.

Глава 4. Информационные доминанты

В одной из своих знаменитых работ Дж. Най к «мягким» инструментам киберсилы государства отнес «кампании по изменению общественного мнения с помощью публичной дипломатии».⁴²⁵ Однако, современная практика информационно-психологического противоборства делает все более очевидным «жесткий» характер подобного рода деятельности. Некоторые авторы, критикуя действия Запада в информационной сфере, увязывают их даже со становлением новых форм тоталитарности.⁴²⁶ И современное состояние геополитического противоборства и стратегической конкуренции, вошедших в острую фазу, актуализирует целый комплекс вызовов и угроз национальной и коллективной безопасности, требующих скорейшей выработки на национальном и международном уровне эффективных методов их нейтрализации.

§4.1. Теоретико-методологическое обоснование концепции информационных доминант

Уже в самом начале проведения специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины по защите населения ДНР и ЛНР стало вполне очевидным, что ведение активных боевых действий на ограниченной территории является частью комплексного противоборства России с коллективным Западом, вошедшего 24 февраля 2022 года в активную фазу. В этом обострившемся противоборстве вполне отчетливо обозначались несколько фронтов:

Военный, западная граница которого в настоящее время проходит между Киевом и Житомиром. Несмотря на то, что западные страны заняли позицию невмешательства в боевые действия, опасаясь прямого военного

⁴²⁵ Nye J.S. The Future of Power. PublicAffairs, NY, 2011. P. 127.

⁴²⁶ Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. N1(41). С. 72-85

столкновения с Россией, многие государства-члены НАТО заявили о поставках Украине летального оружия, прежде всего противотанковых управляемых ракет и переносных зенитно-ракетных комплексов. Появляется информация об отправке на территорию Украины бойцов западных частных военных компаний для участия в боевых действиях с вооруженными силами РФ.

Финансово-экономический, проявляющийся в так называемых «санкциях из ада». Странами коллективного Запада наложен запрет на экспорт в Россию широкого спектра продукции и комплектующих. О приостановке своей деятельности на российском рынке, либо уходе заявили уже более ста крупных западных компаний, среди которых Shell, BP, Airbus, Coca-Cola, Ikea, McDonald's, большинство автоконцернов. Ведущим российским промышленным предприятиям отказано в сотрудничестве с европейскими компаниями и доступе к инвестициям. США ввели запрет на закупки российских энергоносителей. Заморожена значительная часть валютных резервов Центрального банка России, номинированных в долларах США, евро, британских фунтах и некоторых других валютах, по заявлению Министра финансов РФ А.Г. Силуанова, замороженными оказались примерно половина резервов в размере около 300 млрд \$.⁴²⁷ Произведено частичное отключение российских банков от международной системы межбанковских платежей SWIFT, Visa и Mastercard перестали обслуживать выпущенные в России банковские карты, также приостановили работу многие системы электронных платежей, среди которых American Express, PayPal, Google Pay.

В целом с момента признания суверенитета Донецкой и Луганской народных республик Россия оказалась мировым лидером по количеству

⁴²⁷ Силуанов сообщил, что около \$300 млрд золотовалютных резервов ЦБ заморожены из-за санкций. Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14055281> (дата обращения: 12.03.2022)

санкций. По некоторым подсчетам число введенных в отношении России ограничений превысило 14 000 тысяч.⁴²⁸

Информационно-психологический. Будучи серьезно ограниченным в применении военной силы в отношении России, а также неся издержки от собственных санкций и российских контрмер в финансово-экономической плоскости, которые подкрепляются зависимостью стран ЕС от поставок российских энергоносителей, значительную часть своих усилий Запад сосредоточил на информационно-психологической войне против России.

Обладая подавляющим преимуществом в контроле над глобальным медиапространством, странам Запада удалось сформировать необходимую для них в сложившихся обстоятельствах антироссийскую информационную повестку, которая позволяет, по крайней мере, пока поддерживать негативное общественное мнение по поводу российских действий и обосновывать перед собственным населением необходимость противодействия России всеми доступными способами, неся при этом существенные издержки.

С момента начала боевых действий западные СМИ и социальные сети наполнились ярко выраженным русофобским содержанием, активно создаются и тиражируются фейки в отношении действий российских вооруженных сил на территории Украины, блокируются пророссийские каналы в YouTube и группы в социальных сетях. 11 марта 2022 года одна известная американская компания подтвердила снятие ограничений на принадлежащих ей социальных платформах на призывы к насилию в отношении российских военных. В ответ на это Роскомнадзор 14 марта 2022 года заблокировал данные ресурсы на территории России.

Данные факты свидетельствуют о жестких зачистках медиапространства от информационных ресурсов и контента противника с

⁴²⁸ Russia Sanctions Dashboard. 24.02.2023. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 14.03.2023)

одновременным активным распространением собственных идеологических и оценочных конструктов. Это дает все основание говорить о разворачивающейся полномасштабной информационно-психологической войне. Как указывают некоторые исследователи, информационно-психологическое измерение «охватывает внутренний мир человека, его чувства, эмоции, мысли, мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание».⁴²⁹ И в этом смысле главным объектом такой войны является психика человека, а также существующая в государстве система формирования общественного мнения.

Данный тезис находит свое подтверждение и на уровне официальных документов. Например, 30 октября 2018 года Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности было принято постановление № 11-3.3 О проекте модельного закона ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», в котором главным объектом защиты в рамках информационного противоборства выступает «легитимная информационная среда» – психика должностных лиц, общественных деятелей и населения государства, существующие в нем системы принятия решений, формирования общественного сознания, а также законная информационная инфраструктура.⁴³⁰

Очевидно, что информационно-психологическая война против России направлена на подрыв общественного консенсуса в отношении проведения специальной военной операции на территории Украины, и делигитимации государственной власти, что в совокупности с неизбежным снижением уровня жизни в результате финансово-экономических санкций может привести к дестабилизации социально-политической обстановки.

⁴²⁹ Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. С.78.

⁴³⁰ Модельный закон ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму». 30.10.2018. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 22.03.2023)

По последним данным ФОМ с момента признания независимости донбасских республик и начала боевых действий на территории Украины уровень доверия к Президенту среди населения России вырос с 60% до 80%, а процент недоверия снизился с 29 до 10.⁴³¹ Несмотря на то, что сохраняется контроль над внутренним медиапространством, в котором преобладает контент, направленный на формирование позитивного общественного мнения в отношении происходящих событий, следует учитывать высокий уровень цифровизации в России. Так по оценкам международных экспертов, доля активных интернет-пользователей в России составляет 89% от населения, более 70% используют социальные сети. Наиболее популярным иностранным интернет-ресурсом является YouTube – около 80% всего населения страны.⁴³²

Поэтому, несмотря на усилия Роскомнадзора по блокировке доступа внутри страны интернет-ресурсов, которые, по мнению властей, являются площадкой для целенаправленного распространения антироссийской информации, население России остается под серьезным воздействием прозападной информационной повестки, которая, более того, активно зачищается от пророссийского контента.

В этой связи и в практической, и в теоретической плоскости встает вопрос: «Возможно ли эффективное информационное противоборство в условиях преимущества противника в контроле над информационным пространством?»

С учетом того, что, как уже отмечалось выше, речь идет о психике человека и особенностях восприятия информации, ответить на этот вопрос возможно только опираясь на современные достижения когнитивной науки и теории коммуникации.

⁴³¹ Показатели работы президента и отношения к нему. 17.03.2023. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴³² Digital 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 04.02.2023)

Принуждающее воздействие существующей информационной повестки на индивидуальное восприятие событий и общественное мнение к настоящему времени достаточно хорошо изучено. Один из основателей теории «Повестки дня» М. МакКомбс в одной из своих работ подчеркивал: «СМИ обладают способностью переносить значимость отдельных пунктов новостной повестки дня на повестку дня всей общественности».⁴³³ Данное утверждение явилось толчком для научной разработки гипотезы о наличии причинно-следственной связи между содержанием медиа и восприятием людей. В результате ряда исследований и экспериментов, проведенных в 70-80 гг. XX века, наиболее известными среди которых являются исследования президентской кампании США 1976 г.⁴³⁴ и эксперимент исследователей Йельского университета.⁴³⁵ Было четко установлено, что медийная повестка является причиной, а общественная повестка (наиболее значимые для людей вопросы) – это отсроченное во времени следствие.

В рамках установленной причинно-следственной связи принято выделять два взаимосвязанных уровня:

первый уровень – перенос значимости тех или иных событий, преобладающих в информационных материалах СМИ, на приоритетное место в сознании человека;

второй уровень – перенос значимости набора атрибутов, ассоциируемых в медиа с определенным событием, на конкретные характеристики образа этого события в сознании человека.⁴³⁶

⁴³³ McCombs M. News influence on Our Pictures of the World / Media Effects: Advances in Theory and Research. Bryant J., Zillmann D. (eds.), New York, 1994. P. 4.

⁴³⁴ Weaver D., Graber D.A., McCombs M., Eyal C.H. Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.

⁴³⁵ Iyengar S., Peters M., Kinder D. Experimental Demonstrations of the «Not-So-Minimal» Consequences of Television News Programs. // American Political Science Review. 1982. Vol. 76. P. 848-858.

⁴³⁶ McCombs M. New Frontiers in Agenda Setting: Agendas of Attributes and Frames // Mass Communication Review. 1997. Vol. 24. P.4-24

Последний в научной литературе получил название «фрейминг» или «медиа-фрейм». Один из крупных теоретиков массовой коммуникации Дж. Танкард определяет медиа-фрейм как «центральную организующую идею для содержания новостей, которая предоставляет контекст и задает то, что из себя представляет вопрос, посредством использования отбора, акцентирования, исключения, уточнения».⁴³⁷ Иными словами, смысловой ряд, в который помещено то или иное событие в информационном пространстве определяет смысловое содержание образа этого события в сознании человека.

Следует подчеркнуть, что эмпирические исследования и эксперименты в рамках теории повестки дня проводились на материалах печатных СМИ и телевидения, поэтому испытуемые были во многом ограничены редакторским подбором материалов, их размером и позиционированием, а также соответствующим фреймингом, что и позволило сделать обоснованный вывод о прямой детерминации индивидуальной повестки дня человека повесткой дня СМИ.

Этот вывод во многом опровергал гипотезу о селективной экспозиции Леона Фестингера, в соответствии с которой люди избегают информации, которая несовместима с имеющимися у них убеждениями и стремятся потреблять ту информацию, которая им соответствует.⁴³⁸ Исследования с целью подтверждения данной гипотезы проводились также в основном на материалах печатных СМИ, т.е. в условиях достаточно серьезной информационной изоляции испытуемых. Немецкий психолог Дитер Фрей проанализировал практически все исследования, касающиеся гипотезы селективной экспозиции и обнаружил, что когда люди сталкиваются с информацией, противоречащей их убеждениям, механизм селекции включается только в случаях, когда такая информация воспринимается

⁴³⁷ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практика. Харьков, 2015. С. 509.

⁴³⁸ Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. P.84-97.

людьми как угроза.⁴³⁹ В остальных случаях зафиксированная тенденция выбора информации, соответствующей убеждениям, была крайне мала, что однако не помешало гипотезе о селективной экспозиции приобрести достаточно широкую популярность.

Однако картина кардинально меняется в отношении новых медиа. В начале 2000-х гг. исследователи из университета Иллинойс провели эксперимент, в котором сравнили воздействие повестки дня печатных и электронных СМИ. В результате выяснилось, что индивидуальная повестка испытуемых, которые читали *The New York Times*, приближалась к редакционной повестке, тогда как у читателей ее электронной версии данная связь была выражена в гораздо меньшей степени. Исследователи сделали вывод о том, что электронные СМИ обеспечивают пользователей большим выбором содержания и большим контролем над тем, какую информацию потреблять, что позволяет людям создавать персонализированную информационную среду, которая изолирует их от больших потоков другой информации.⁴⁴⁰

Результаты этого исследования, по сути, воскресили гипотезу Фестингера о селективной экспозиции, но уже применительно к новым медиа, которые позволяют пользователю самому формировать собственное индивидуализированное информационное окружение на основе своих убеждений и предпочтений. Кроме того, широкие возможности обратной связи, комментарии, оценки, рекомендации и пр., способствуют формированию персонализированного фрейминга, содержащего набор однообразных и повторяющихся смысловых атрибутов того или иного предмета или события.

⁴³⁹ Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986. P. 41-80.

⁴⁴⁰ Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the «New» News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of *The New York Times* // *Communication Research*. 2002. Vol. 29. P. 180-207

В последнее время активно развиваются основанные на технологиях искусственного интеллекта алгоритмы рекомендации контента. Исходя из, так называемого, профиля пользователя – ранее совершенных действий, покупок, просмотров определенной информации, оценок того или иного товара в сети и т.д., алгоритм автоматически предлагает пользователю определенный информационный контент. Таким образом, человек оказывается в информационном «тоннеле», сформированном его прошлыми действиями и предпочтениями, т.е. происходит процесс «интерактивной селекции информационной повестки», главным генератором которой выступают убеждения, эмоции и потребительские предпочтения пользователя, зафиксированные в интернет-пространстве. При этом сохраняются все возможности модерации, позиционирования, редакторского подбора контента, что в совокупности с «умными» программными алгоритмами предоставляет дополнительные средства для манипуляции. Это создает ситуацию, при которой все традиционные СМИ внутри страны могут транслировать официальную точку зрения, а значительная часть общества при этом будет находиться в достаточно закрытой оппозиционной информационной среде.

Исходя из этих рассуждений следует сделать вывод о том, что первые шаги, связанные с блокировкой информационных ресурсов и контента противника, в информационно-психологической войне между Россией и Западом являются верными. Это, во-первых, позволяет сузить и структурировать в соответствии с собственными целями информационную повестку, и, во-вторых, ограничить возможности интерактивной селекции информации с нежелательным содержанием.

Однако Россия в отличие от Запада не имеет возможности препятствовать распространению нежелательного информационного контента на наиболее популярных интернет-ресурсах (например, YouTube), тогда как США в этой сфере располагают намного более широкой свободой

действий. Кроме того, существуют достаточно эффективные и общедоступные технологии обхода блокировки интернет-ресурсов. Поэтому предпринятые в России жесткие меры в информационном пространстве могут дать лишь кратковременный положительный результат и для эффективного информационного противоборства на длительном отрезке времени необходимы другие решения.

Для того, чтобы не выбирать китайский путь введения жесткой цензуры в сети интернет и юридической ответственности за обход блокировок, отказа от анонимности пользователей, а перспектива выбора именно такого пути в последнее время уже не кажется чем-то фантастическим, необходимо выработать новые способы эффективного информационного противоборства.

Как уже отмечалось выше, значительный потенциал, по крайней мере, для теоретического решения данной задачи накоплен в рамках когнитивной науки. Рассмотрим основные положения современной когнитивистики, которые имеют существенное значение для ответа на главный вопрос нашего исследования.

К числу основных аксиом современной общественной науки относится утверждение социальной природы человека в качестве одного из главных механизмов адаптации *Homo sapiens* к окружающей среде, сформировавшегося в ходе длительной эволюции. В соответствии с заложенной еще Аристотелем традицией понимания человека как существа особого рода, отделенного от остальной природы непреодолимой пропастью благодаря своим социальным и мыслящим началам, становление и развитие социальной стороны человеческой жизни неразрывно связано с эволюцией центральной нервной системы, формированием психики и сознательного синтетического мышления.

Долгое время эти представления развивались в русле религиозных и философских воззрений, которые заложили основы для серьезного научного

изучения человеческого мозга и психики, установления научно обоснованных связей между эволюцией центральной нервной системы и формами адаптации человека к окружающей среде, в том числе на уровне социума и культуры. Начавшиеся примерно с конца XIX века системные научные исследования центральной нервной системы и психики человека накопили достаточное количество фактов, позволяющих утверждать неразрывную связь между эволюцией человеческой психики и социогенезом, современный этап которого неразрывно связан с глобальной информатизацией.

Современная когнитивная наука отталкивается от признания неразрывной связи между телом человека и его психикой. Данное утверждение базируется на данных о том, что в верхней стволовой части мозга, которая относится к числу древнейших, представлено в виде карт, особых нейронных структур, большинство стабильных аспектов функционирования тела, воспринимаемых психикой в виде образов. На этой основе некоторые исследователи, например, Яак Панксепп, обоснованно предполагают, что психика человека создает простейшие ощущения (удовольствие или боль), связанные с состоянием и функционированием тела, на которых в дальнейшем строятся более сложные ощущения и эмоции.⁴⁴¹ Простейшие ощущения являются первичными элементами, воспринимаемыми в виде соответствующих образов человеческой психикой, и простейшим проявлением сознания. Последнее выступает своего рода регуляторным механизмом, сложившимся в процессе длительной эволюции, главной функцией которого является сохранение и управление жизненными функциями организма. Дальнейшее развитие и усложнение сознания человека, как особого состояния психики, основывается (но не исчерпывается) на биологическом принципе управления жизнью.⁴⁴²

⁴⁴¹ Panksepp J. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. New York, 1998. P. 47-49, 56-57.

⁴⁴² Montague R. *Why choose this book? How we make decisions*. New York, 2006. 335 p.

Жизнь человеческого организма протекает в узком диапазоне, в котором сочетаются множество факторов: баланс питательных веществ, температура, уровень кислорода и углекислого газа и т.д. Необходимое для жизни сочетание этих факторов У. Кэннон в 1932 году обозначил понятием «гомеостаз», под которым понимал «координированные физиологические процессы, поддерживающие большинство устойчивых состояний организма».⁴⁴³ Для удержания организма в состоянии гомеостаза эволюция создала регулирующий механизм, который наделен функцией подкрепления (вознаграждение или наказание) определенного поведения, которое обеспечивает нахождение организма в необходимых для поддержания жизни пределах. Примитивные формы такого механизма, известные уже у одноклеточных, достигли высокого уровня сложности у организмов, обладающих мозгом, психикой и сознанием. Данный вопрос достаточно хорошо изучен в рамках нейробиологии. Ученые обнаружили ядра мозга человека, которые производят и доставляют по всему телу химические вещества, тесно связанные с вознаграждением (удовольствием) и наказанием (болью): дофамин, серотонин, кортизол, окситоцин, вазопрессин и др.

Таким образом, человеческий организм обладает врожденным регулятором своего гомеостатического состояния, позволяющим распределять химические стимулы вознаграждения и наказания в зависимости от соответствия поведения состоянию гомеостаза. Иными словами, в основе человеческой психики и сознания лежит биологическая ценность – стремление организма к сохранению и управлению своей жизнью.⁴⁴⁴

Биологическая ценность тесно связана с удовлетворением важных для жизни потребностей, а у человека еще и с качеством такого удовлетворения, т.е. стремлением организма занимать наиболее идеальное положение в

⁴⁴³ Cannon W.B. The wisdom of the body. W.W. Norton & Company, inc., 1932. P. 177-201.

⁴⁴⁴ Glimcher P.W. et al. Neuroeconomics: Decisions Making and the Brain. London, 2009. 1477 p.

диапазоне гомеостаза. Последний во многом определяется условиями среды, в которой находится организм, а также индивидуальным опытом. Поэтому человеком в ходе эволюции и естественного отбора были созданы изощренные формы достижения наиболее благоприятного гомеостатического состояния в социокультурном пространстве. При этом биологическая ценность является фундаментом, на котором выстраивается механизм контроля над удержанием организма в границах гомеостаза, коррекции поведения в зависимости от рисков выйти за его пределы, а также прогнозирования возможных ситуаций. Прогноз в своих простейших формах имеет химическую основу. В частности, на основе репрезентаций внутреннего состояния, отражающих предыдущий опыт боли или удовольствия, о приближении положительного стимула или же угрозы мозг сигнализирует выбросом соответствующих гормонов. Данный химический механизм играет роль мощной мотивации корректировки поведения, для наиболее эффективного взаимодействия со стимулом или уклонением от него. На этой основе некоторые исследователи делают вывод о тесной связи между гомеостазом и тем, что воспринимается человеком в качестве ценности.⁴⁴⁵

По мере развития человеческой психики, люди постепенно отдалялись от простых форм управления, связанных с физиологическим выживанием организма в окружающей среде, переходя к более сложным осознанным формам. Более того, дополненная сознанием психика позволила человеку существенным образом расширить границы гомеостаза, в котором примитивное выживание, уступило место стремлению к благополучию и повышению качества жизни. Это привело к тому, что часть средств управления жизнью была вынесена за пределы человеческого организма в пространство социума и культуры, в котором начала формироваться сложная и многоуровневая система ценностей и стимулов определенных типов

⁴⁴⁵ Parvizi J., Damasio A. Consciousness and the Brainstem // *Cognition*. 2000. Vol. 79 (2001). P. 135-159.

поведения. Тем не менее, по признанию ряда исследователей в основе многих аспектов социокультурной жизни человека лежит биологическая ценность.⁴⁴⁶

Следует подчеркнуть, что такого рода обобщения являются научно обоснованными гипотезами, поскольку строгих научных данных, подтвержденных прямыми экспериментами, на сегодняшний день не существует. Тем не менее, признание биологической ценности в качестве первичного элемента, лежащего в основе достижения гомеостатического состояния человеческого организма в природной и социокультурной среде, позволяет преодолеть существующую в общественной науке теоретическую автономность и оторванность социальных и политических феноменов от базовых закономерностей функционирования организма человека и внутренних механизмов управления его поведением.

С учетом этого, например, становятся вполне очевидными выводы Дитера Фрейя, касающиеся гипотезы селективной экспозиции Фестингера. Он обнаружил, что когда люди сталкиваются с информацией, противоречащей их убеждениям, механизм селекции включается только в случаях, когда такая информация воспринимается людьми как угроза. В теории коммуникации данный вывод носит исключительно феноменологический характер, оставляя без объяснений механизмы такой селекции информации. Тогда как на основе знаний о функционировании внутренней системы стимулов человека для поддержания гомеостатического состояния, гипотеза о селективной экспозиции приобретает инструментальный характер в контексте информационно-психологического противостояния.

Как уже отмечалось выше, существенной особенностью системы управления жизненными процессами организма выступает способность мозга к построению карт – специфических нейронных групп,

⁴⁴⁶ Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания, М., 2018. С. 75.

репрезентирующихся в психике, и способных к изменениям в зависимости от условий внешней среды. На основе карт мозг контролирует внутреннее состояние организма и управляет его взаимодействием с внешней средой. Мозг человека для репрезентации окружающего мира и управления поведением создает целую совокупность разнообразных карт, эмоций и ощущений, которые отображают состояние организма, свойства объектов окружающего мира, а также связей между ними во времени и пространстве. Кроме того, карты связаны с памятью, что позволяет сознательно вызывать их в воображении, выстраивать в логические последовательности. Данная особенность определяет способность человека к планированию и прогностической деятельности, а также служит основой синтетического мышления. Детальному рассмотрению этих вопросов посвящены классические в среде нейробиологов работы Дж. Эдельмана⁴⁴⁷ и Ж.-П. Шанжэ.⁴⁴⁸

Существенную роль в мотивации поведения и управлении жизненными процессами играют эмоции (emotions) и ощущения (feelings). В психологии под эмоциями принято понимать психические процессы, протекающие в форме переживаний и отражающие личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека.⁴⁴⁹ Ощущения – это восприятие того, что происходит в теле и психике организма, испытывающего эмоции. Комплекс «эмоции-ощущения» включает в себя механизмы поддержания и управления жизнью, оценки условий окружающей среды и потребностей организма, систему внутренних стимулов поведения и представляет собой сложные программы поведения, соответствующие определенному эмоциональному состоянию. В качестве иллюстрации сказанного приведем описание одной из наиболее древних эмоций – страха. При ее возникновении определенные участки мозга запускают несколько

⁴⁴⁷ Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, 1989. 346 p.

⁴⁴⁸ Changeux J-P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.

⁴⁴⁹ Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2016. С. 393.

параллельных программ действий. Учащаются пульс и дыхание, поднимается давление крови, усиливаются сокращения кишечника, в коже сужаются кровеносные сосуды. Изменяется метаболический профиль организма в ожидании повышенного потребления энергии, в кровь выбрасывается кортизол, изменяется лицевая мимика. В зависимости от окружающих условий и характера стимула, вызвавшего страх, существует две специфические реакции, каждой из которых соответствует особый моторный и физиологический комплекс: замереть или бежать. В первом случае человек становится совершенно неподвижным, снижается сердцебиение и дыхание, это необходимо для того, чтобы сохранять неподвижность и не привлекать внимание источника опасности. При выборе реакции бегства автоматически учащается сердечный ритм, увеличивается кровоснабжение мускулатуры ног, так как именно она нуждается в повышенном питании, чтобы спастись от нападающего. При этом мозг тормозит передачу болевых сигналов, чтобы, полученная на бегу рана не парализовала убегающего сильной болью.⁴⁵⁰

Столь существенное влияние эмоций на организм человека позволяют судить о той роли, которые играют эмоциональные программы в управлении поведением. Более того для нашего исследования принципиальное значение имеет тот факт, что не существует принципиальных физиологических различий между автоматическими эмоциональными программами, сформированными в ходе эволюции и естественного отбора, например, отвращение, страх, ярость, и формируемыми в социальной среде в результате научения: сострадание, восхищение, гордость, вина и пр.⁴⁵¹

В этом смысле весьма показательны результаты классического эксперимента по изучению эмоций восхищения и сострадания. Испытуемых помещали в четыре отдельные ситуации: восхищение добродетельными поступками, восхищение мастерством и виртуозными действиями,

⁴⁵⁰ Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания, М., 2018. С. 132-135.

⁴⁵¹ Damasio A., Grabowski T., Bechara A. et al. Subcortical and Cortical Brain Activity During the Feeling of Self-generated Emotions // Nature Neuroscience. 2000. Vol. 3. P. 1049-1056.

сострадание физическим потерям (жертвы ДТП), сострадание душевным переживаниям (потеря жилья в результате пожара, смерть близкого человека). Результаты исследования показали, что при переживании восхищения и сострадания задействованы те же самые области, что и при автоматических эмоциональных программах. Более того «физические» ситуации: восхищение мастерством и сострадание физическим потерям, возбуждали области мозга, связанные со скелетно-мышечной деятельностью, а «психические»: восхищение добродетельными поступками и сострадание душевным переживаниям – с теми, которые связаны с внутренними органами и внутренней средой организма. Исследователи пришли к выводу, что социальные эмоции, жестко детерминированные социокультурной средой, индивидуальным научением человека, имеют самую тесную связь с телом и, как уже отмечалось, с управлением жизнью.⁴⁵²

Исходя из этого основные положения современной когнитивистики представляют собой достаточно эффективный методологический инструментарий, позволяющий преодолеть существующую в общественной науке теоретическую автономность и оторванность социальных и политических феноменов от базовых закономерностей функционирования организма человека и внутренних механизмов управления его поведением.

Опираясь на приведенные выше рассуждения, мы вплотную подошли к формулировке одного из главных выводов нашего исследования.

Поскольку социокультурная среда содержит в себе систему оценок и стимулов определенного типа поведения, принцип функционирования которых самым тесным образом связан с телом человека и врожденными внутренними механизмами управления жизненными процессами, а также поддержания гомеостаза; поскольку восприятие современным человеком значительной части явлений и событий окружающей действительности

⁴⁵² Immordino-Yang M.H., McColl A. et al. Neural Correlates of Admiration and Compassion // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106. No 19. P. 8021-8026.

опосредуются информационным пространством; поскольку информационное пространство выступает одним из основных измерений современных конфликтов и геополитической борьбы, а также становится инструментом информационно-психологических атак; логически встает вопрос о возможности существования таких информационно-смысловых конструкций, которые во-первых, активизировали бы механизмы селекции информации, во-вторых, «тормозили» бы нежелательный фрейминг и, напротив, стимулировали формирование образа того или иного события с заданными атрибутами в сознании человека, в-третьих, были бы достаточно устойчивы в условиях преобладания в информационной повестке нежелательного контента?

Исходя из приведенных выше фактов и аргументов с теоретической точки зрения на этот вопрос можно дать положительный ответ. Предлагаем обозначить такую смысловую конструкцию термином «информационная доминанта».

В начале XX века российский физиолог А.А. Ухтомский разработал теорию о доминанте, основные положения которой были впервые им опубликованы в 1923 году в работе «Доминанта как рабочий принцип нервных центров». Под термином «доминанта» Ухтомский понимал «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения.»⁴⁵³ В результате многочисленных опытов с животными Ухтомский выявил, что в условиях наличия очага повышенного возбуждения в центральной нервной системе внешние стимулы, которые в нормальном состоянии приводят к возбуждению других участков головного мозга, способствуют усилению

⁴⁵³ Ухтомский А.А. Учение доминанте. М., 2020. С.23.

возбуждению в этом очаге, тогда как в других участках наблюдаются эффекты торможения.

Не претендуя на прямые аналогии с теорией Ухтомского, который рассматривал доминанту в качестве особого состояния центральной нервной системы, вызванного, прежде всего, внутренними стимулами, а лишь подчеркивая саму возможность наличия таких состояний, дадим рабочее определение предложенному понятию.

Информационная доминанта – основанная на эмоциях человека особая информационно-смысловая конструкция, способствующая селективному восприятию внешней информации, которая подкрепляется внутренними стимулами организма и/или социокультурной среды.⁴⁵⁴

Некоторые авторы высказывают созвучные в теоретическом смысле идеи об использовании особых смысловых конструкций, основанных на общественном социокультурном опыте, в публичной политической практике. Например, А.А. Бартош в контексте анализа гибридных войн рассматривает стратегическую культуру в качестве одного из наиболее эффективных инструментов влияния на общественное мнение и консолидации общества.⁴⁵⁵ При этом следует отметить, что зачастую речь идет о достаточно общих идеологических конструкциях, апеллирующих либо к стратегическим целям национального развития, либо к социокультурному опыту, что затрудняет эмпирическую верификацию их влияния.

Предлагаемое понятие «информационной доминанты» рассматривается в качестве теоретической конструкции среднего уровня, которая достаточно специализирована, чтобы была возможность прямой эмпирической проверки, и в то же время обладает той мерой общности, которая позволяет охватить

⁴⁵⁴ Выходец Р.С. «Информационные доминанты» как инструмент информационно-психологических войн // *Общественные науки и современность*. 2022. № 4. С. 93–104.

⁴⁵⁵ Бартош А.А. Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2019. №4. С. 19-31.

весьма широкий круг явлений. Существование информационных доминант является гипотезой, которая весьма удобна для критики, но при этом подразумевает возможность постановки конкретных экспериментов, как для ее подтверждения, так и опровержения.

В контексте происходящего информационного противоборства коллективного Запада и России в качестве иллюстрации приведем следующий пример. В российском медиа-пространстве присутствует разнообразие информационных сообщений, представляющих широкий спектр мнений на происходящие события. На основе анализа контента и фрейминга можно сформулировать некоторое количество информационно-смысловых конструкций, например, «западные санкции наносят серьезный ущерб России и приводят к существенному ухудшению социально-экономической ситуации в стране и благополучия каждого человека». Данная конструкция включает в себя информационные сообщения различного содержания, объединенные схожими смысловыми атрибутами. При этом следует подчеркнуть, что обобщающая формулировка может быть расширена либо сужена в зависимости от конкретной задачи, при условии сохранения возможности ее дальнейшей верификации. Далее необходимо провести эмпирическое исследование (например, методом фокус-групп) того, находит ли эта информационно-смысловая конструкция эмоциональный отклик с соответствующим подкреплением (индивидуальным или социокультурным) в сознании представителей целевой аудитории, что в соответствии с предложенной гипотезой должно запускать процесс селекции информации и способствовать формированию индивидуальной информационной повестки с соответствующим фреймингом. В случае подтверждения данных теоретически допустимых предположений можно констатировать феномен информационных доминант. Некоторые исследователи подчеркивают, что для современного геополитического противоборства характерна глобальная тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство, что диктует острую необходимость в

выработке эффективных инструментов информационного управления, одним из основных объектов которого выступает психология и психика человека.⁴⁵⁶

В этом смысле информационные доминанты могут рассматриваться в качестве одного из компонентов системы информационного управления.

Таким образом, поставленный нами в самом начале вопрос о возможности эффективного информационно-психологического противоборства в условиях преимущества противника в контроле над информационным пространством, в теоретическом плане вполне обоснованно предполагает положительный ответ. При эмпирическом подтверждении существования информационных доминант открываются широкие возможности по формированию таких специфических информационно-смысловых конструкций, которые при их использовании в информационно-психологическом противоборстве, выполняли бы функции «фильтров» и «усилителей» информации с определенными атрибутами, тем самым противодействуя нежелательной селекции информации и фреймингу в условиях преобладания контента противника в информационной повестке.

§4.2. Эмпирическое обоснование «Информационных доминант» как инструмента информационно-психологического противоборства

В этом разделе мы приведем результаты исследования, проведенного автором данной работы при технической и финансовой поддержке Фонда Развития механизмов гражданского контроля с целью эмпирической проверки сформулированной выше гипотезы. Основные задачи исследования были сформулированы следующим образом:

1. Подтвердить возможность определения в медиапространстве особых информационно-смысловых конструкций, репрезентация которых в сознании

⁴⁵⁶ Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Информационное управление в условиях глобализации и геополитического противоборства // Национальная безопасность. 2015. N2 (37). С. 202-243.

человека влияет на селекцию информации и создание индивидуальной информационной повестки.

2. Установить влияние информационно-смысловых конструкций на восприятие человеком остальной информации.

3. Выявить связь между селекцией информации под воздействием информационно-смысловых конструкций и эмоциями человека.

Исследование было проведено в октябре-ноябре 2022 года в два этапа, его подробное описание представлено в специальной статье.⁴⁵⁷

Сбор данных на обоих этапах осуществлялся экспериментальным методом.

Первый этап. К участию в исследовании на первом этапе методом случайной выборки были приглашены 100 человек (мужчины и женщины 25-60 лет), перед которыми была поставлена задача: выбрать и прочитать из предложенных информационных материалов те, которые им интересны, в любом количестве и без ограничений по времени. Все респонденты располагали свободным временем для участия в исследовании в объеме не менее двух часов. Спустя 30 минут после начала эксперимента наблюдатели завершали процесс ознакомления респондентов с информационными материалами. В предлагаемую подборку были включены реальные материалы из российских и зарубежных СМИ:

15 шт. – материалы, в контексте которых дается положительная оценка России (положительные);

15 шт. – материалы, в контексте которых дается негативная оценка России (отрицательные);

15 шт. – материалы, содержащие только факты, и не имеющие оценочных суждений (нейтральные).

Исследование проводилось в закрытом помещении с использованием персональных компьютеров. Для удобства информационные материалы на

⁴⁵⁷ Выходец Р.С., Кошеверская М.М. Эмпирическое обоснование «Информационных доминант» как инструмента информационно-психологического противоборства // Вопросы политологии. 2023. № 5. С. 2070-2080.

мониторе компоновались в случайном порядке в блоки по 5 штук (всего 9 блоков), респондент видел на мониторе заголовки материала и его краткий анонс, позволяющие дать точную качественную оценку содержания материала.

После просмотра участником эксперимента всех 9 блоков при повторном показе в автоматическом режиме происходила перекомпоновка материалов в блоке в случайном порядке, что исключало возможность определения респондентом точного количества предложенных для ознакомления материалов.

Наблюдателями фиксировалось количество прочитанных материалов в соответствии с содержанием (отрицательные, положительные, нейтральные).

В результате первого этапа было зафиксировано неравномерное распределение просматриваемых материалов. Более 70% респондентов в той или иной степени отдавали предпочтение просмотру либо положительных, либо отрицательных материалов.

Диаграмма 1 - Распределение просмотренных материалов по каждому участнику

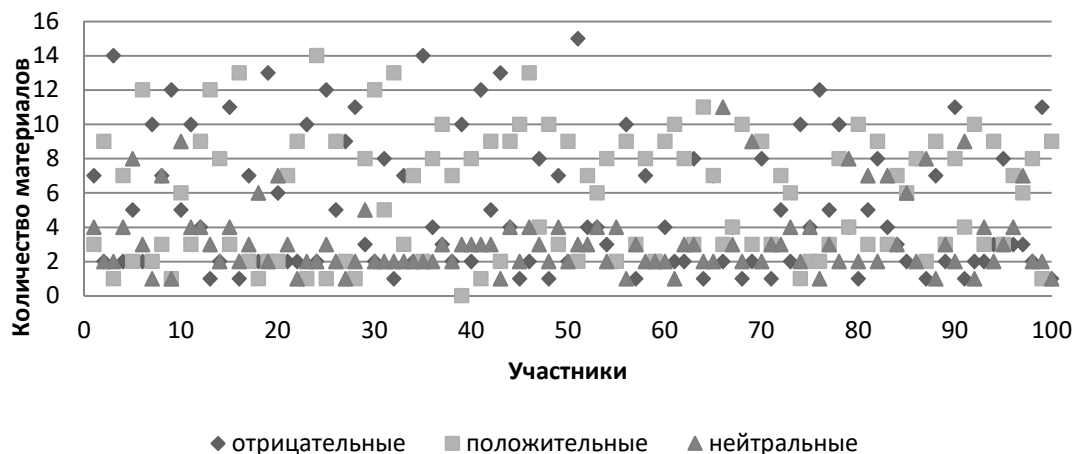
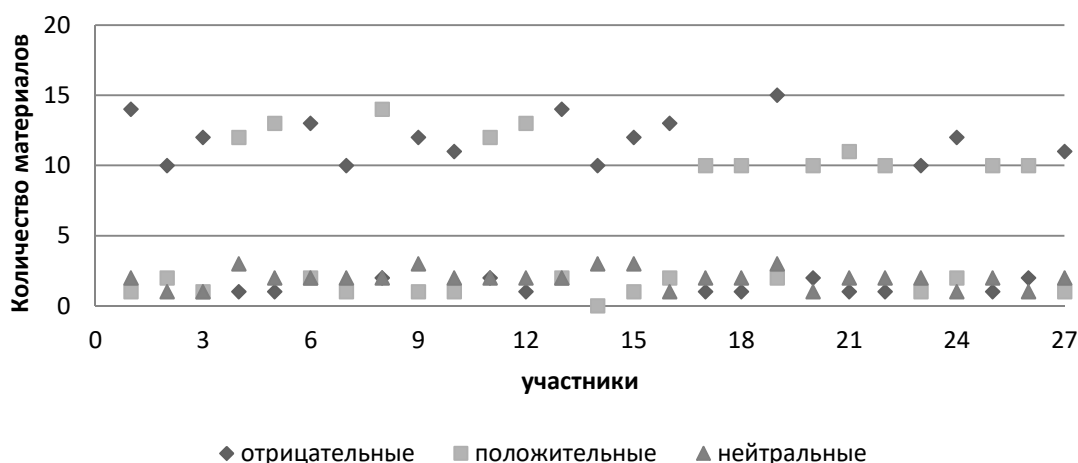

Диаграмма 2 - Распределение новостей в общем объеме прочитанных материалов

На основе этого критерия были отобраны 27 человек, которые за время эксперимента (30 мин.) прочитали не менее 10 материалов положительной или отрицательной направленности и не менее одной статьи из двух других групп.

Диаграмма 3 - Распределение материалов, просмотренных отобранными участниками, по содержанию

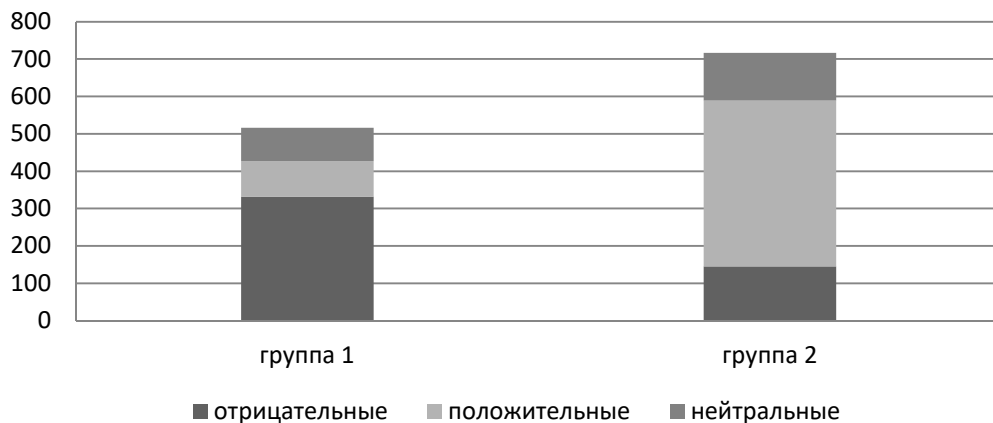
Отобранные респонденты были условно объединены в две группы:

15 человек – количество прочитанных материалов с негативной оценкой России в 3 и более раза превысило суммарный показатель

просмотренных ими же «нейтральных» и «положительных» материалов (группа 1);

12 человек – количество прочитанных статей с положительной оценкой России в 3 и более раза превысило суммарный показатель прочитанных «нейтральных» и «отрицательных» новостей (группа 2).

Диаграмма 4 - Распределение материалов внутри групп по содержанию

Второй этап. На втором этапе отобранным респондентам также предлагалось выбрать и ознакомиться с заинтересовавшими их информационными материалами.

Подборка материалов для участников имела следующую структуру:

7 шт. – материалы противоположные по оценочному контексту тем, которым респонденты отдали предпочтение на первом этапе;

3 шт. – материалы, оценочно совпадающие с материалами, которым было отдано предпочтение на первом этапе;

5 шт. – материалы без оценочных суждений.

Исследование проводилось в закрытом помещении с использованием персональных компьютеров. Алгоритм показа материалов был организован следующим образом: респондент видел на мониторе полный список заголовков всех материалов и их краткие анонсы, позволяющие дать точную качественную оценку содержания материала. В задачу респондента входило выбрать один материал для ознакомления. После прочтения материала,

респонденту вновь демонстрировался список за исключением уже просмотренного материала. Процедура повторялась до ознакомления респондента со всеми предложенными материалами.

Наблюдатели фиксировали: порядок выбранных новостей, а также групповую принадлежность прочитанных материалов: «отрицательные», «положительные», «нейтральные».

После ознакомления с каждым выбранным материалом участнику эксперимента задавались следующие вопросы:

1. Прочитанная Вами информация соответствует действительности?

А. Соответствует

Б. Не соответствует

В. Затрудняюсь ответить.

2. Какое высказывание подтверждает данная информация?

А. Россия сегодня – это:

страна-изгой и агрессор, против которой выступает весь цивилизованный мир;

страна с неконкурентной падающей экономикой и низким уровнем жизни населения;

страна, из которой уехало бы большинство граждан, если бы у них была такая возможность.

Б. Россия сегодня – это:

страна-миротворец, которую поддерживает большая часть мира;

великая военная держава, которая проводит верную внешнюю политику, решительно обеспечивает свою безопасность и защищает соотечественников;

страна с новыми перспективами бурного роста экономики, доходов граждан и укрепления дружественных связей с другими странами.

В. Никакое из предложенных.

3. *Какую эмоцию Вы испытали, прочитав данную информацию?*

А. Гнев, злость, раздражение, обида, ненависть, возмущение, недовольство, свирепость, негодование;

Б. Радость, веселье, восторг, ликование, упоение, эйфория, жизнерадостность, торжество, триумф.

В. Страх, испуг, волнение, стыд, тревога, беспокойство, ужас, опасение, паника.

Г. Печаль, грусть, разочарование, сожаление, отчаяние, горе, прискорбие, уныние, чувство вины, сострадание.

Результаты исследования:

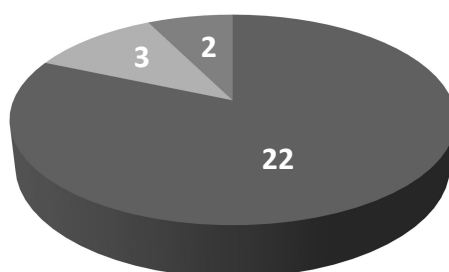
1. Селекция новостей.

22 (81,5%) респондента в первую очередь (первые 3) выбрали материалы, соответствующие по содержанию их группе (положительные или отрицательные);

3 (11,1%) респондента, у которых в первую тройку вошли материалы, соответствующие их группе, и нейтральные;

2 (7,4%) респондента в числе первых трех прочитали материалы из двух других группы.

Диаграмма 5 - Селекция новостей по содержанию

- первые три - материалы, соответствующие по содержанию их группе
- первые три - материалы, соответствующие их группе, и нейтральные
- первые три - материалы из двух других группы

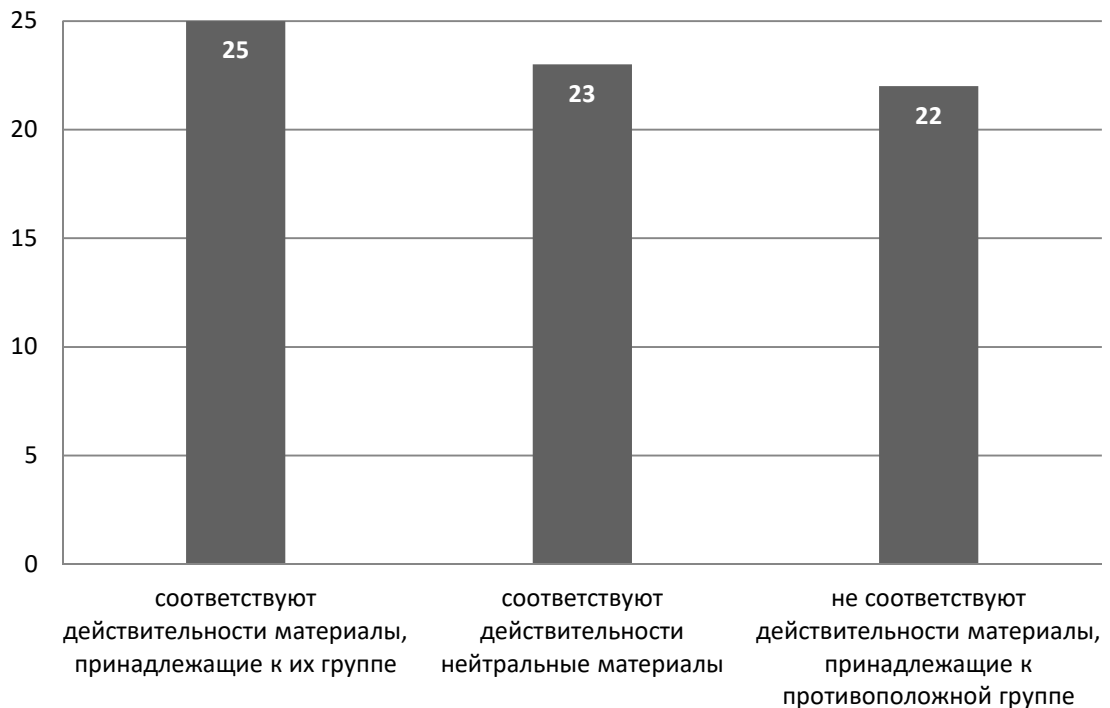
2. Оценка достоверности содержания материала.

25 (93%) респондентов оценивают как соответствующие действительности материалы, принадлежащие к их группе;

23 (85%) респондента оценивают как соответствующие действительности нейтральные материалы;

22 (78%) респондента оценивают как несоответствующие действительности материалы, принадлежащие к противоположной группе.

Диаграмма 6 - Оценка достоверности содержания материала

3. Эмоциональная оценка новостей.

24 (89%) респондента испытывают эмоции А и Г при чтении новостей противоположных группе;

22 (81%) респондента испытывают эмоции Б при чтении нейтральных новостей;

19 (70%) респондентов испытывают эмоции Б и В при чтении соответствующих группе новостей;

4. Субъективная трактовка содержания материала.

25 (93%) респондентов трактуют содержание материалов в соответствии с их заданной трактовкой (положительные, негативные, нейтральные);

23 (85%) респондента трактуют содержание нейтральных материалов в соответствии со своей групповой принадлежностью;

19 (70%) респондентов, считают, что та информация, которую они оценили как несоответствующую действительности (положительная, отрицательная), подтверждает противоположное по содержанию высказывание («Россия-страна агрессор», «Россия – страна миротворец»).

Таким образом, исследование показало,

во-первых, в медиапространстве существуют выявляемые аналитическим методом особые информационно-смысловые конструкции, репрезентации которых в сознании человека влияют на селекцию информации и формирование индивидуальной информационной повестки;

во-вторых, субъективные репрезентации информационно-смысловых конструкций оказывают прямое воздействие на восприятие человеком информации: оценка достоверности информации, перенос оценочных атрибутов информационно-смысловой конструкции на воспринимаемую информацию.

в-третьих, инициируемый под воздействием субъективной репрезентации информационно-смысловой конструкции процесс селекции информации непосредственно связан с эмоциями человека. Этот результат находится в русле многочисленных исследований взаимозависимости информации, эмоций и поведения, примеры которых мы рассмотрели во втором разделе нашей работы. Однако данное направление нуждается в дальнейших научных исследованиях.

Полученные нами результаты могут рассматриваться в качестве пилотных данных, которые открывают широкий спектр возможностей при разработке наиболее эффективных средств в современном информационно-психологическом противоборстве, а также постановке других исследовательских вопросов. На данном же этапе мы фиксируем сам феномен особой информационно-смысловой конструкции, влияющей на селекцию информации, который мы обозначили термином *«информационная доминанта»*.

Глава 5. Обеспечение информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ

В предыдущих частях нашей работы мы подробно рассмотрели основные аспекты информационно-психологического противоборства, являющегося сегодня частью современных процессов стратегической конкуренции. Эти процессы разворачиваются в широком диапазоне действий от мягкосилового влияния до военного конфликта. Вот уже более тридцати лет постсоветское пространство является ареной стратегической конкуренции, на которой сталкиваются национальные интересы государств, финансово-экономических групп, ценностные и идеологические модели развития. Более того, по мнению некоторых исследователей, ключевой тенденцией развития политико-коммуникационной сферы пространства бывшего СССР следует считать проецируемое с ее стороны нарастание вызовов и угроз коллективной безопасности ОДКБ, в чем немаловажную роль играет переориентация западных акторов с методов «мягкой силы» на стратегическую пропаганду, цель которой – интеграционная политика России и ее союзников.⁴⁵⁸ Именно поэтому сегодня на уровне ОДКБ одним из безусловных приоритетов выступает выработка и продвижение единой политики по созданию целостной системы коллективного обеспечения информационно-психологической безопасности.

§5.1. Государственная политика стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности

Комплекс современных геополитических противоречий, ядром которого выступает борьба за природные ресурсы и лидерство в области высоких технологий, и все отчетливее проявляющийся в процессах

⁴⁵⁸ Петрищев Е.В. Развитие международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве: тенденции и особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. *Общественные науки*. 2021. N 2. С. 126.

декаплинга двух крупнейших экономик мира США и Китая, является объективным источником центробежных тенденций в интеграционных проектах, возникших на пространстве бывшего СССР. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. При этом и внешние силы, прежде всего США, рассматривают усиление евразийской интеграции как угрозу своему доминирующему положению в мире. Поэтому зачастую сегодня постсоветские государства становятся объектом попыток установления внешнего влияния, являющегося частью комплексной политики сдерживания Китая и России. Как указывает Н.А. Цветкова, США и их союзники по НАТО переходят к прямым формам информационно-психологического воздействия на гуманитарную сферу постсоветского пространства.⁴⁵⁹ Оно, прежде всего, нацелено на изменение мировоззренческих установок, манипулирование общественным мнением, общую социально-политическую дестабилизацию. Эффективность этих действий проявилась уже вполне отчетливо, так например, к настоящему времени во всех без исключения странах-участницах ЕАЭС с тем или иным успехом прошли «цветные революции»: Армения (Бархатная революция 2018 г.), Беларусь (акции протеста 2020-2021 гг.), Казахстан (акции протеста 2022 г.), Кыргызстан (Тюльпановая революция 2005 г., акции протеста 2010 и 2020 гг.), Россия (акции протеста 2011-2012 гг.). Все эти события в качестве основных целевых установок содержали в себе смену политических элит и внешнеполитическую переориентацию, как правило, под лозунгами свободы, демократии и европеизации. Как справедливо указывает Д.Л. Цыбаков, итогом активности западных организаций стала их монополия на формирование целей и лозунгов протестных движений 2017–2021 годов в

⁴⁵⁹ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к диалоговой пропаганде // Международные процессы. 2015. Т. 13. N 3. С. 130..

Армении, Белоруссии и Киргизии. Практически во всех указанных случаях лидеры политической оппозиции провозглашали отказ от проектов военно-политического и экономического союза с Российской Федерацией.⁴⁶⁰

Нынешнее состояние геополитического противоборства, перешедшего в фазу военного столкновения на территории Украины, спусковым крючком которого послужил украинский Майдан 2013-2014 гг. и последующие за ним события, диктует острую необходимость выработки общих подходов к обеспечению информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ. В Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года, принятой 14 октября 2016 г. зоной ответственности ОДКБ являются «территории государств-членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.»⁴⁶¹

При этом изменения в характере современных военных конфликтов, появление, по сути, нового домена войны, связанного с целенаправленным деструктивным воздействием на мировоззренческие основы общества и отдельного человека, манипулированием общественным мнением, использованием изощренных технологий влияния на психику и поведение человека, приводят к тому, что информационно-психологическая безопасность становится необходимым элементом системы национальной и

⁴⁶⁰ Цыбаков Д.Л. Развитие международных политических коммуникаций в целях укрепления коллективной безопасности ОДКБ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. N 2. С. 158.

⁴⁶¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 22.03.2023)

коллективной безопасности. Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что ОДКБ – это щит Евразийского союза и предпринимаемых в его рамках усилий по геополитической и экономической интеграции.⁴⁶² Поэтому объединение национальных интересов и усилий государств-участников по выработке и концептуализации единого подхода к коллективному обеспечению информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ является приоритетной задачей в современных конфликтных реалиях мировой политики.

На основе сформулированного рабочего определения понятия «информационно-психологическая безопасность» и предложенной теоретико-методологической модели, включающей мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты, рассмотрим политику государств-участников ОДКБ сквозь призму вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности.

5.1.1. Республика Армения

1. Мировоззренческий компонент. Основопологающим документом в области безопасности Республики Армения выступает Стратегия национальной безопасности. В ней мировоззренческий аспект занимает доминирующее положение и выступает фундаментальным принципом обеспечения национальной безопасности. В Послании Премьер-министра Республики Армения, которое является преамбулой к документу, сказано: «При обсуждении вопроса нашей национальной безопасности, прежде всего, мы должны рассматривать вопрос нашей национальной идентичности, ибо национальная безопасность предполагает защиту национальной идентичности от физических и сущностных угроз.»⁴⁶³ Поэтому связь с

⁴⁶² Кефели И.Ф. Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. N 2 (20). С. 50.

⁴⁶³ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Июль 2020. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 22.03.2023)

корнями и чувством собственности к наследию и ценностям, сформировавшимся в ходе истории армянской нации, является ключевым компонентом национальной идентичности и призвана укреплять веру и уверенность каждого человека в собственные силы, укрепляя тем самым, веру и уверенность нации и народа в целом.

Мировоззренческий фундамент национальной безопасности Армении сводится к действенному осмыслению понятия «быть армянином», в ходе которого формируется историческая преемственность ценностных и культурных основ общественной жизни, сохраняется и развивается национальная идентичность. Центральную роль в этом процессе играет армянское государство, которое провозглашено единственным гарантом существования и развития армянского народа и представляет армян всего мира. Именно поэтому армянская государственность занимает первое место в перечне национальных ценностей, а обеспечение институциональных условий необходимых для «вековечного» существования армянского государства является приоритетной национальной ценностью.

Историческая динамика национальной идентичности раскрывается в Стратегии национальной безопасности в двух аспектах. Во-первых, это сохранение и поколенческая преемственность национальных ценностей, включающих армянскую государственность, историю, фольклор, армянский язык, письменность, науку, литературу и музыку, христианство, семейные ценности, традиционную кухню, основные черты национального характера, такие как свободолюбие, самолюбие, гостеприимство, просвещенность, трудолюбие, законопослушность, уважение и терпимость к другим людям, народам, религиям, совокупный потенциал армянской диаспоры.

Во-вторых, достижение приоритетных целей национального развития, среди которых обеспечение идейных, в сфере безопасности, общественных, политических, правовых, экономических, демографических, международных, образовательных, интеллектуальных, культурных условий существования и

развития государства, обеспечение и защита безопасности, благосостояния, свободы и счастья, а также других основополагающих прав граждан, достижение равенства всех перед законом, равноправие женщин и мужчин, обеспечение равных возможностей для женщин и мужчин в общественной, государственной, экономической жизни. Сохранение и развитие самостоятельности и национального суверенитета, консолидация общеармянского потенциала.

Комплекс целей национального развития Армении воплощен в перечне основополагающих национальных интересов. К ним относятся следующие:

- обеспечение независимости, суверенитета, территориальной целостности Армении;
- укрепление мира и международного сотрудничества;
- обеспечение демократии, прав человека и верховенства права и безопасности Арцаха;
- обеспечение безопасности и благосостояния граждан, а также устойчивое экономическое развитие страны.

В процессе обеспечения национальных интересов, сохранения и развития национально-государственной идентичности, как фундаментальной основы национальной безопасности, помимо внутренних преобразований существенное значение Армения отводит внешнеполитическим действиям.

Во внешней политике Армения придерживается многовекторного курса. Так, к числу внешнеполитических приоритетов относится углубление и расширение стратегических союзнических отношений с Российской Федерацией в политической, торгово-экономической, оборонной, культурно-гуманитарной сферах, а также в области безопасности. При этом с точки зрения модернизации страны, проведения реформ, укрепление демократии и прав человека приоритет отдается сотрудничеству с западными странами. Прежде всего, речь идет о развитии стратегического диалога с США и

расширении двустороннего и многостороннего партнерства с ЕС, его государствами-членами и другими европейскими странами.

Расширение возможностей экономического сотрудничества Армения связывает, прежде всего, с развитием интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и максимальным использованием возможностей экономического компонента Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве Армении и Европейского союза.

В вопросах обеспечения безопасности Армения придает важное значение участию в реализуемых в рамках ОДКБ совместных инициативах, использованию институциональных возможностей организации, дальнейшей работе в направлении повышения эффективности ОДКБ и гарантирования выполнения государствами-членами союзнических обязательств по отношению друг к другу. Одновременно с этим внешнеполитическим приоритетом Армении в области безопасности выступает сотрудничество в формате Армения-НАТО, а также военно-политическое взаимодействие с США, направленное на реформирование оборонных институтов и развитие интероперабельности вооруженных сил Армении.

2. Медийный компонент. Как и в концептуальных документах других стран информационно-психологическая безопасность Армении является составной частью информационной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Армении при рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением открытого и безопасного информационного и киберпространства, указано: «В современном мире острее проявляются информационные войны, включающие инструментарий пропаганды, манипуляций, фейковых новостей и дезинформации, и часто, их мишенью становятся демократические ценности. В этом контексте мы будем работать в направлении повышения уровня общественной осведомленности и медиаграмотности, имея целью укрепить потенциал общества и государства

для противодействия информационным войнам.»⁴⁶⁴ Примечательно, что в контексте обсуждения вопросов деструктивного информационно-психологического воздействия речь идет о демократических ценностях, а не о национальной идентичности, которая, как было показано выше, находится в центре системы национальной безопасности Армении.

Механизмы реагирования на данные вызовы в самом общем виде включены в широкий круг задач по цифровизации. В соответствии с Программой Правительства Республики Армения на 2021-2026 гг.⁴⁶⁵ задачи, так или иначе, касающиеся вопросов информационно-психологической безопасности, сформулированы следующим образом:

- внедрение современной системы идентификации и распознавания компетенций;
- внедрение системы управления и развития информационной и кибербезопасности, повышение грамотности;
- повышение цифровой грамотности населения Республики Армения и реализация программ, направленных на рост объема применения цифровых инструментов;
- создание центра по кибербезопасности и разработке основанной на фактах политики.

При этом вопросы обеспечения безопасности в медиапространстве в последнее время обретают все большую актуальность. По мнению армянских исследователей, неотрегулированность и бесконтрольность формирования информационной повестки как со стороны государства, так и иных структур несет в себе угрозы, по крайней мере, в двух аспектах: во-первых, в силу резкого увеличения объема информационных потоков граждане начинают

⁴⁶⁴ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Июль 2020. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁶⁵ Программа Правительства Республики Армения (2021-2026). Приложение к Постановлению Правительства Республики Армения N 1363-А от 18 августа 2021 года. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4736.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)

теряться в этом огромном массиве сообщений, и таким образом снижается их способность адекватно воспринимать и понимать происходящие вокруг них события и «фильтровать» получаемые сообщения; и, во-вторых, этим могут воспользоваться противники на международной арене, нанеся значительный ущерб информационным процессам и информационной системе государства.⁴⁶⁶

2.1. Производство информации. С точки зрения вопросов государственного регулирования информационного контента следует упомянуть об одном из интервью Премьер-министра Армении Никола Пашиняна, в котором он заявил, что в стране больше нет цензуры, и пресса в Армении свободна как никогда. Он отметил: ««У нас всегда на телевидении была конкретная цензура..., если не называть это цензурой, то все равно все телеканалы были под контролем правительства... Сейчас у нас вообще нет никакой цензуры. Никакой.»⁴⁶⁷

Тем не менее, в августе 2020 года в Армении вступил в силу закон «Об аудиовизуальных медиа» в соответствии с которым трансляция любых иностранных каналов и их включение в национальную вещательную сетку может осуществляться лишь на основании межгосударственных соглашений.⁴⁶⁸ Введенные ограничения затронули ряд российских федеральных каналов, а также американский CNN.

С 2001 года в Армении действует государственная Комиссия по телевидению и радио, в функции и полномочия которой входит обеспечение свободы, независимости и разнообразия средств вещания, осуществление контроля за деятельностью телерадиокомпаний, выделение частот для вещания, контроль за обеспечением разнообразия информационных,

⁴⁶⁶ Алекаян М.В., Тадевосян М.Р. Информационные потоки Армении как важный фактор стратегии национальной безопасности // Медиаисследования. 2020. N 7. С. 274.

⁴⁶⁷ Пашинян рассказал об отсутствии цензуры в Армении. 24.04.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc05b7d9a79474b89b9b70e> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁶⁸ Закон Республики Армения от 5 августа 2020 года NЗР-395 «Об аудиовизуальных медиа». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=126700 (дата обращения: 22.03.2023)

образовательных, культурно-развлекательных программ на общественном телевидении и радио.⁴⁶⁹ В соответствии с законодательством страны состав Комиссии избирается парламентом страны сроком на шесть лет.

В правовом поле Армении предусмотрены нормативные механизмы противодействию производству фейкового контента. Так, закон «О массовой информации» содержит ряд требований к верификации источника информации, предполагающих его раскрытие по решению суда в случаях, когда защита интересов общественности является более весомой, чем заинтересованность общественности в неразглашении источника информации.⁴⁷⁰

В сфере защиты персональных данных в Армении действует соответствующие нормативно-правовые нормы. Однако следует подчеркнуть, что закон «О защите персональных данных» предусматривает передачу личных данных третьим лицам и другим государствам без согласия субъекта, если это предусмотрено законом и имеется удовлетворительный уровень защиты, который считается таковым при условии передаче данных в рамках международных договоров или в случае, когда личные данные передаются какой-либо стране, включенной в официально опубликованный уполномоченным органом список.⁴⁷¹

2.2. Распространение информации. Никаких нормативно-правовых и институциональных ограничений на распространение информационного контента в Армении не предусмотрено. В марте 2023 года Парламент Армении начал рассмотрение законопроекта, который может ввести в стране понятие иностранного агента и предусматривает маркировку физических

⁴⁶⁹ Комиссия по телевидению и радио. 2023 г. URL: <http://tvradio.am/> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷⁰ Закон Республики Армения от 14 января 2004 года NЗР-14 «О массовой информации». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7113 (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷¹ Закон Республики Армения от 13 июня 2015 года N ЗР-49 «О защите персональных данных». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (дата обращения: 22.03.2023)

лиц, организаций и СМИ, которые получают зарубежное финансирование. Некоторые эксперты указывали на растущее внешнее влияние на политические процессы Армении. Так, по их оценкам, если в 2018 году по линии Агентства США по международному развитию (USAID) на Армению было выделено 19 218 037\$, то уже в 2021 году эта сумма существенно увеличилась, до 28 518 226\$. Значительная часть средств выделяется на правозащитную деятельность и работу СМИ.⁴⁷²

3. Когнитивный компонент. Знание когнитивных особенностей человека сегодня играет ключевую роль в сфере влияния на процесс потребления информации и обеспечения когнитивного компонента информационно-психологической безопасности. Как было показано в одном из предыдущих разделов нашей работы, в Армении предпринимаются усилия в области развития высоких технологий, в том числе, технологий ИИ. Что касается нейронаучного направления, то следует отметить, что различные направления исследований мозга в Армении занимали одни из ведущих позиций в Советском Союзе. Институт физиологии Национальной академии наук Армении имени Леона Орбели является центром консолидации и объединения национальных усилий во многих современных областях исследований мозга. Так, например, созданное под его эгидой Армянское общество нейробиологов в 1996 году стало корпоративным членом Международной организации исследований мозга (IBRO).⁴⁷³

По последним данным по количеству публикаций в области когнитивных исследований Армения занимает 98 место в мире среди стран-участниц ОДКБ, уступая России и Казахстану.⁴⁷⁴

⁴⁷² Гукасян А. Агенты иностранного влияния: что им может противопоставить Армения? 21.12.2022. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221221/agenty-inostrannogo-vliyaniya-cto-im-mozhet-protivopostavit-armeniya-52910409.html> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷³ Армянская ассоциация IBRO и Армянское общество нейробиологов. 2023. URL: <http://www.armneuroscience.am/about.html> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷⁴ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

Значительное внимание в Армении уделяется программам и мероприятиям в области медиаграмотности. Например, Министерство образования, науки, культуры и спорта Армении ежегодно проводит неделю медиаграмотности, в рамках которой образовательные учреждения и организации проводят мероприятия и занятия по медиаграмотности. В течение недели получатели образования, используя имеющиеся образовательные ресурсы, участвуют в онлайн и очных встречах, а также разрабатывают и реализуют образовательные проекты, интегрируя медиаграмотность в образование.⁴⁷⁵ В марте 2023 года в Дилижане стартовала Международная медиашкола, участниками которой стали молодые специалисты в области журналистики, маркетинга, рекламы и медиа из всех стран СНГ. На протяжении 6 дней участники прослушали лекции на темы медиаграмотности и искусства работы со СМИ, брендинга продуктов, компаний и стран, эффективных каналов продвижения, принципов успешной коммуникации и цифрового этикета.⁴⁷⁶

Некоторые армянские исследователи указывают, что информационная безопасность является очень важным аспектом, который Армения должна обеспечить на государственном уровне. Это тесно связано с безопасностью граждан страны, экономической безопасностью и, что не менее важно, с развитием страны.⁴⁷⁷ В целом можно заметить, что в Армении на государственном уровне в последнее время уделяется значительное внимание вопросам противодействия вызовам и угрозам в информационной среде и предпринимаются усилия по обеспечению информационно-психологической безопасности.

⁴⁷⁵ Неделя медиаграмотности в Армении. 25.10.2022. URL: <https://escs.am/am/news/14235> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷⁶ В Дилижане стартовала Международная медиашкола. 14.03.2023. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230314/v-dilizhane-startovala-mezhdunarodnaya-mediashkola-56702400.html> (дата обращения: 22.03.2023)

⁴⁷⁷ Погосян М.В. Роль информационной безопасности в экономической безопасности страны (на примере Республики Армения) // Science Innovations – 2022. Сборник статей Международной научно-практической конференции (31 октября 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 37-41.

5.1.2. Республика Беларусь

1. Мировоззренческий компонент. Главным документом, задающим долгосрочные приоритеты развития страны и формирующим стратегические видение будущего, является Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года.⁴⁷⁸ Мировоззренческим фундаментом, лежащим в основе белорусской модели долгосрочного устойчивого развития, является достижение высоких стандартов уровня жизни населения на основе качественного роста экономики на новой цифровой технологической базе, формирования полноценной конкурентной среды, создания комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала при сохранении природных систем для нынешних и будущих поколений.

К числу главных приоритетов устойчивого развития отнесены следующие:

- Устойчивое развитие института семьи и качественный рост человеческого потенциала. В долгосрочной перспективе на первый план выдвигаются задачи выхода на устойчивый тренд роста рождаемости, позиционирование семьи и семейного образа жизни как основы жизненного успеха. Стратегическое значение придается вопросам содействия духовному, нравственному и профессиональному развитию молодежи, созданию институциональной среды для раскрытия ее потенциала и условий для самореализации молодых людей в интересах всего общества, ключевую роль в этом играет образование, которое должно содействовать приобретению компетенций и навыков, востребованных в современной инновационной экономике. Качественное развитие человеческого потенциала неразрывно связано с вопросами укрепления в обществе духовно-нравственных,

⁴⁷⁸ Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. N 3. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (дата обращения: 28.03.2023)

гуманитарных и экологических ценностей, роста гражданственности, национального самосознания и патриотизма.

- **Производительная занятость и достойные доходы населения.** При решении данной задачи важное значение придается процессу перехода к цифровой экономике, связанному с появлением новых профессиональных навыков и компетенций, что актуализирует задачи управляемого перераспределения рабочей силы между секторами экономики и регионами, организации упреждающей переподготовки кадров и создания условий для расширения самозанятости населения.

- **Цифровая трансформация экономики и широкомасштабное распространение инноваций.** В контексте нарастающей глобальной конкуренции и появления новых высоких технологий и интеллектуальных систем стержнем цифровой повестки Белоруссии выступает структурно-технологическое обновление экономики, включающее сквозную цифровизацию физических активов и их интеграцию в цифровые экосистемы, цифровую трансформацию рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, ускорение цифровых преобразований в государственном управлении и на интеграционном уровне, создание и капитализация цифровых активов на основе данных, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности. Особо подчеркивается, что цифровая трансформация повлечет за собой существенные преобразования в социальной парадигме жизни людей: расширит доступ к социальным онлайн-услугам, обеспечит комфортные условия проживания. В целом реализация поставленного приоритета обеспечит качественный рост экономики посредством формирования высокоинтеллектуального сектора и позволит выйти на лидирующие позиции в мире по отдельным направлениям научно-технического прогресса. Одним из основных приоритетов в рамках данного направления является формирование цифрового общества и выход страны на лидирующие позиции по экспорту программных продуктов среди стран Европы.

- Создание развитой бизнес-среды и устойчивой инфраструктуры. Данная задача акцентирует внимание на обновлении и совершенствовании институциональных условий и инструментов, что предполагает дальнейшее развитие всех сегментов финансового рынка, улучшение делового климата, формирование и поддержание высокого уровня конкурентной среды, повышение эффективности управления государственными активами.

- Обеспечение экологической безопасности, переход к рациональным моделям производства и потребления. Здесь на первый план выдвинуты вопросы обеспечения экологически безопасной среды проживания, рационального использования природного капитала, создания действенной системы защиты населения от вредных воздействий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, адаптации к климатическим изменениям.

Следует подчеркнуть, что Республика Беларусь с точки зрения стратегических приоритетов национального развития в первую очередь ориентируется на глобальные тренды научно-технического прогресса и глобальную повестку в области устойчивого развития. Примечательно, что при раскрытии механизмов достижения поставленных целей практически все они увязаны и имеют прямую отсылку в тексте документа к Целям устойчивого развития ООН. При этом в процессе формирования новой парадигмы качественного развития человеческого капитала приоритетное место занимают задачи повышения рождаемости, укрепления института семьи и расширение возможностей для экономической активности.

Ожидается, что в 2023 году на Всебелорусском народном собрании будет утверждена новая редакция Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. По словам Президента Александра Лукашенко предыдущий документ от 2010 года не потерял своей актуальности поскольку выстроенная на его основе система безопасности позволила успешно противостоять внешнему «политическому терроризму», однако он

требует адаптации под реалии сегодняшнего дня.⁴⁷⁹ Ожидается, что текст новой редакции Концепции национальной безопасности будет обновлен на 70%. Так, по словам государственного секретаря Совета безопасности Александра Вольфовича, новый документ сохранит преемственность: сохранили преемственность: структура, базис, теоретическая и методологическая основа концепции остались без кардинальных изменений. Кроме того, документ развивает положения Конституции в сфере безопасности и обеспечивает их претворение в жизнь. В определении национальных интересов нашло отражение ключевое положение Основного закона об общественном согласии, незыблемости устоев народовластия и правового государства. Принципиальное значение имеет то, что понятие национальной безопасности дополнено целеустановкой на приоритеты устойчивого развития страны, которые были рассмотрены выше.⁴⁸⁰

Также в новый текст документа будет включен ряд новых терминов. В контексте нашего исследования особого внимания заслуживает понятие «электоральный суверенитет», раскрывающее неотъемлемое право независимого, суверенного государства самостоятельно, без вмешательства извне проводить выборы и референдумы. По всей видимости, последние массовые протесты в Белоруссии вскрыли всю очевидность необходимости обеспечения суверенитета в информационном пространстве.

2. Медийный компонент. В предыдущей (действующей) редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь рассматриваемые нами вопросы информационно-психологической безопасности включены в контекст общего понимания информационной

⁴⁷⁹ Окончательный проект Концепции нацбезопасности будет утверждать ВНС. 20.02.2023. URL: https://www.belta.by/president/view/okonchatelnyj-proekt-kontseptsii-natsbezopasnosti-budet-utverzhdad-vns-551223-2023/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁸⁰ Проект Концепции нацбезопасности будет вынесен на общественное обсуждение. В чем суть изменений. 20.02.2023. URL: <https://www.belta.by/society/view/proekt-kontseptsii-natsbezopasnosti-budet-vynesen-na-obschestvennoe-obsuzhdenie-v-chem-sut-izmenenij-551270-2023/> (дата обращения: 28.03.2023)

безопасности, под которой понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Возникновение новых информационных угроз, помимо технических и инфраструктурных вопросов кибербезопасности, обусловлено усилением роли и влияния средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную ситуацию. На этой основе происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции, что приводит к распространению практики целенаправленного деструктивного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам. Так, к числу источников угроз национальной безопасности отнесено распространение недостоверной или умышленно искаженной информации, способной причинить ущерб национальным интересам Республики Беларусь.⁴⁸¹

В документе подчеркивается, что открытость и уязвимость информационного пространства Республики Беларусь для внешнего воздействия в условиях доминирования ведущих зарубежных государств в мировом информационном пространстве и монополизации ключевых сегментов информационных рынков зарубежными информационными структурами, бурного развития технологий манипулирования информацией приводит к тому, что внешние силы имеют широкие возможности по формированию информационных поводов для целенаправленной дискредитации страны. Исходя из этого, следует ожидать, что в новой редакции документа, с учетом усиления тенденций целенаправленного деструктивного информационно-психологического воздействия, вопросы,

⁴⁸¹ Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. N 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 28.03.2023)

относящиеся к этой области, будут занимать одно из центральных мест в системе обеспечения национальной безопасности.

Сегодня вопросы информационно-психологической безопасности включены в систему обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь и являются элементом информационного суверенитета. В Концепции информационной безопасности подчеркивается, что механизмы деструктивного информационно-психологического воздействия на личность, общество и государство постоянно совершенствуются, а масштабное манипулирование массовым сознанием принимает такую же остроту, как борьба за территории, ресурсы и рынки. Через информационное пространство осуществляется преднамеренная дискредитация конституционных основ государств и их властных структур, размывание национального менталитета и самобытности, вовлечение людей в экстремистскую и террористическую деятельность, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, формирование радикального и протестного потенциала. В результате информационных воздействий существенно меняются социальные связи человека в обществе, стиль мышления, способы общения, восприятие действительности и самооценка.⁴⁸²

На этой основе в документе сформулирована главная цель обеспечения безопасности информационно-психологического компонента, которая состоит в сохранении информационного суверенитета и проведении политики информационного нейтралитета, а также формировании устойчивого иммунитета против деструктивных информационно-психологических воздействий на массовое общественное сознание, а в необходимых случаях – и противодействие им.

⁴⁸² Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. N 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 28.03.2023)

Меры по обеспечению включают сбор информации об используемых технологиях и способах деструктивных информационных воздействий, разработка сценариев и планов кризисного реагирования и демонстрация достоверной готовности к их отражению, формирование устойчивого иммунитета против деструктивных информационно-психологических воздействий, который в первую очередь основывается на сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностях народа.

2.1. Производство информации. Свобода слова Республики Беларусь гарантирована Конституцией, в соответствии с которой монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются. При этом контроль государства за СМИ, в частности за основными телеканалами (Беларусь 1, ОНТ и СТБ) является объектом постоянных нападков и критики. Так, например, в 2011 году Deutsche Bank разорвал отношения с Белоруссией, публично указав причиной разрыва наличие в стране цензуры.⁴⁸³

Процесс институционализации государственного регулирования информационного контента в Белоруссии связывают с принятием пакета поправок в законодательство в 2021 году. Так, в частности, в Закон о массовых мероприятиях введены нормы, запрещающие освещение в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет или иных информационных сетях в режиме реального времени (в прямом эфире) массовых мероприятий, проводимых с нарушением установленного порядка их организации или проведения, в целях их популяризации или пропаганды.⁴⁸⁴ Органы прокуратуры имеют право инициировать блокировку информационного ресурса или контента, в случае если он направлен на

⁴⁸³ Deutsche Bank закрыл счет в Белоруссии. 26.10.2011. URL: <https://www.gazeta.ru/financial/2011/10/26/3813458.shtml?updated> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁸⁴ Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. N 114-З «О массовых мероприятиях». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114> (дата обращения: 28.03.2023)

пропаганду экстремистской деятельности или способен нанести ущерб национальным интересам страны.⁴⁸⁵

К законодательным нововведениям по государственному регулированию информации также относятся:

- расширение перечня информации, распространение которой в СМИ и интернет-ресурсах запрещено. Например, запрещается размещение результатов опросов общественного мнения, проведенных без получения необходимой аккредитации;

- деятельность СМИ и интернет-ресурсов может быть ограничена на основании решения межведомственной комиссии, а также решением Министерства информации за сообщения, которые вредят национальным интересам;

- учредителями СМИ не могут выступать иностранцы, а также юридические лица с иностранным участием;

- возможность ограничения доступа к копии интернет-ресурса, доступ к которому ранее был ограничен;

- журналистам запрещается выступать в качестве организаторов или участников массовых мероприятий.⁴⁸⁶

В мае 2021 года в Белоруссии был принят закон «О защите персональных данных».⁴⁸⁷ В соответствии с ним обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта, за исключением случаев, предусмотренных законодательством, которые представляют собой достаточно широкий перечень, например, при реализации норм

⁴⁸⁵ Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. N 203-З «О противодействии экстремизму». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁸⁶ Лукашенко запретил освещать несогласованные акции в прямом эфире. 24.05.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2021/60ab6e429a794771b0710b6f> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁸⁷ Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. N 99-З «О защите персональных данных». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1> (дата обращения: 28.03.2023)

законодательства в области национальной безопасности, ведении административного, уголовного процесса, осуществления оперативно-розыскной деятельности, осуществления правосудия, формирования официальной статистической информации, в научных или иных исследовательских целях при условии обязательного обезличивания персональных данных.

Обработка персональных данных должна строго ограничиваться достижением конкретных, заранее заявленных законных целей, о которых оператор должен уведомить субъекта данных и получить от него согласие в письменной или электронной форме.

Запрещается трансграничная передача персональных данных, если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных, за исключением отдельных случаев, предусмотренных внутренним законодательством и международными договорами Республики Беларусь.

Также закон предусматривает достаточно серьезные требования к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке оператором, а порядок технической и криптографической защиты персональных данных устанавливается Оперативно-аналитическим центром при Президенте.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает верификацию пользователей в интернет-пространстве. В частности, поставщики интернет-услуг обязаны осуществлять идентификацию абонентских устройств при оказании интернет-услуг, учет и хранение сведений об абонентских устройствах, оказанных интернет-услугах. Собственники компьютерных клубов, интернет-кафе и других площадок коллективного доступа в Интернет должны осуществлять идентификацию своих пользователей, вести учет и

хранение их персональных данных, а также сведений об оказанных интернет-услугах и посещенных пользователями информационных ресурсах.⁴⁸⁸

2.2. Распространение информации. На официальном государственном уровне в Республики Беларусь отсутствуют ограничения в сфере распространения контента. Относящийся к данному компоненту в предложенной нами модели информационно-психологической безопасности метод противодействия распространению информации, связанный с маркировкой нежелательного контента, на государственном уровне обычно осуществляется на основе законодательства об иностранных агентах. Осенью 2021 года власти Белоруссии отказались от принятия подобного закона в целях защиты суверенитета страны от иностранного влияния. Заместитель Премьер-министра Республики Беларусь Игорь Петришенко объяснил это тем, что руководство страны удовлетворено позитивными результатами, которые приносят ранее разработанные меры по борьбе с внешним информационным давлением.⁴⁸⁹

3. *Когнитивный компонент.* Серьезное внимание, которое уделяет государство развитию высоких технологий обуславливает наличие в Республики Беларусь серьезного задела по созданию технологических методов по противодействию потреблению нежелательной информации. В одном из предыдущих разделов нашей работы мы подробно анализировали достижения Республики Беларусь в области технологий искусственного интеллекта, здесь укажем на некоторые тенденции развития в стране когнитивных исследований. По последним данным по количеству научных публикаций в этой области Белоруссия занимает 104 место в мире, это четвертый результат среди стран-участниц ОДКБ. Под эгидой Национальной академии наук Республики Беларусь с 2001 года в стране на регулярной

⁴⁸⁸ Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. N 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁸⁹ Власти Белоруссии отказались принимать закон об иноагентах. 24.09.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/smi_agents/ (дата обращения: 28.03.2023)

основе проводится масштабная международная конференция по когнитивной науке «Когнитивные штудии», на которой собираются специалисты в областях, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания и сложных форм поведения.⁴⁹⁰

В Институте философии Национальной академии наук Республики Беларусь существует отдел философии информационных и когнитивных процессов, который курирует проведение научных исследований в области фундаментальных проблем философии информационных и когнитивных процессов, становления и развития информационного общества, проблем глобальной цифровой трансформации, проектирования образа желаемого будущего, разработки стратегии его достижения в соответствии с целями и приоритетными направлениями развития Республики Беларусь.⁴⁹¹

Существенное значение при формировании когнитивного компонента системы информационно-психологической безопасности имеет повышение медиаграмотности населения и, прежде всего, молодежи. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года предусматривает активизацию работы по обеспечению информационной безопасности детства на основе реализации программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения в противоправную деятельность.⁴⁹²

⁴⁹⁰ Когнитивные штудии. 2021. URL: <https://cognitivestudies.jimdofree.com/> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁹¹ Отдел философии информационных и когнитивных процессов. 2023. URL: <http://philosophy.by/ru/departments/cmkc/> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴⁹² Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. N 3. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (дата обращения: 28.03.2023)

Однако на сегодняшний день комплексной политики в области повышения медиаграмотности в Республики Беларусь не существует. В разные годы на уровне государства появлялись отдельные проекты в сфере медиаграмотности. Например, в соответствии с приказом Министерства образования Республики Беларусь от 07.07.2017 № 470 «Об экспериментальной и инновационной деятельности в 2017/2018» формирование и развитие медиакомпетентности было закреплено в перечне приоритетных задач. На практике это выразилось в том, что в 27 государственных образовательных учреждениях были реализованы проекты, нацеленные на повышение уровня медиакультуры личности учащихся посредством создания современной и эффективной медиаобразовательной среды.⁴⁹³ При этом некоторые источники указывают, что медиаобразовательное направление в Белоруссии было основано и являлось прерогативой деятельности общественных организаций, что способствовало превращению данного направления в инструмент внешнего влияния, под лозунгами формирования национальной идентичности. В этом смысле достаточно красноречивы слова Заместителя председателя Товарищества белорусской школы Тамары Мацкевич, произнесенные вскоре после украинского Майдана: «Приятно отметить, что белорусы приходят к пониманию важности медиаграмотности для перспектив общества, существования нации и независимости. Украинские события открыли нам глаза, что мы также живем в состоянии информационной войны. Но еще не все понимают, что наше оружие в ней – критическое мышление и ценностные установки. Вообще, самый надежный фильтр против лжи и пропаганды в медиа – это наша национальная и языковая идентичность, понимание своих европейских корней и цивилизационных ценностей».⁴⁹⁴

⁴⁹³ Левицкая А.А. Направления развития медиаобразования в Республике Беларусь (1992–2018) // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2019. N 1. С. 99.

⁴⁹⁴ Медиаграмотность в Беларуси: кто, где и как учит. 12.02.2016.

URL <http://mediakritika.by/article/3641/mediagramotnost-v-belarusi-kto-gde-i-kak-uchit> (дата обращения: 28.03.2023)

В целом следует подчеркнуть, что события 2020-2021 гг. в Белоруссии во многом явились катализатором активизации государственных усилий по выведению вопросов информационно-психологической безопасности в приоритеты национальной политики, при этом, однако, необходимо констатировать, что государственная политика Республики Беларусь в этой сфере пока что не имеет системного характера и ограничивается отдельными управленческими решениями и декларированием стратегических приоритетов.

5.1.3. Кыргызская Республика

1. Мироззренческий компонент. основополагающим документом с точки зрения формулирования стратегических приоритетов национального развития Кыргызстана является Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы.⁴⁹⁵ По приведенным в документе данным более 95% граждан страны беспокоит недостаточная эффективность государственной политики по преодолению проблем низкой занятости и благосостояния населения, высоких цен на продукты и услуги, значительной миграции, решению других долгосрочных социальных проблем, что является отправной точкой в определении долгосрочных приоритетов национального развития. К таковым в Национальной стратегии отнесены следующие:

построение сильного, самодостаточного, развитого государства, в центре которого находится человек как высшая ценность, его жизнь, здоровье, права и свободы, создание наиболее благоприятной для него среды;

формирование и утверждение в обществе нового образа человека, ориентированного на получение новых знаний, здоровый образ жизни, прогрессивные духовные ценности, осознающего, что его жизненные

⁴⁹⁵ Указ Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 года УП N 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (дата обращения: 06.04.2023)

интересы зависят не только от существования и благополучия государства, но и от него самого;

укрепление института семьи как центрального элемента духовности, образования, воспитания, соорганизации жизнедеятельности человека и формирования здорового образа жизни;

сохранение кыргызской идентичности и поддержка кыргызских диаспор за рубежом;

развитие системы образования и обеспечение гарантированного доступа и полного охвата населения дошкольным и школьным образованием;

поддержка кыргызского языка как важнейшего признака национальной идентичности кыргызской культуры при обеспечении равного владения кыргызским, русским и одним из иностранных языков;

построение новой модели экономики, включенной в систему международного разделения труда, с высокой добавленной стоимостью, чистой энергетикой и органическим сельским хозяйством. Вхождение Кыргызстана в группу стран мира с доходом выше среднего по размеру ВВП на душу населения;

превращение Кыргызстана в цифровой хаб на Великом Шелковом пути за счет развития сети центров обработки данных регионального значения, которые будут предоставлять услуги ИКТ всему региону. Созданная цифровая инфраструктура позволит соединить информационно-коммуникационные пространства Центральной Азии, ЕАЭС, Ближнего Востока, Китая и Европы;

модернизация и повышение эффективности систем государственного управления и правосудия.

В декабре 2021 года в Кыргызской Республике принята Концепция национальной безопасности,⁴⁹⁶ которая закрепила приоритетные направления развития страны в качестве национальных интересов в сфере обеспечения национальной безопасности.

2. Медийный компонент. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Кыргызской Республики обеспечение информационной безопасности является неотъемлемым компонентом системы обеспечения национальной безопасности. Несмотря на достаточно общее официальное определение понятия «информационная безопасность», как состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, в документе четко прослеживается информационно-психологический аспект. Так, к числу главных факторов, влияющих на развитие мировой обстановки, отнесена активизация информационно-психологического воздействия на системы управления государств, а в перечне основных внешних и внутренних угроз национальной безопасности страны присутствуют пункты, имеющие непосредственное отношение к информационно-психологической сфере:

вмешательство специальных служб иностранных государств в информационное пространство в целях проведения разведывательных операций; деструктивная деятельность международных хакерских объединений, усиление деструктивной пропаганды в интернет-пространстве;

активизация деструктивной деятельности в социальных сетях и мессенджерах, в том числе распространение заведомо ложной и недостоверной информации, размещение материалов террористического и экстремистского характера и призывы к вступлению в ряды экстремистских и террористических организаций, к массовым беспорядкам и протестным акциям, пропаганда криминального образа жизни, суицидов, употребления

⁴⁹⁶ Указ Президента Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года УП N 570 «О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815> (дата обращения: 16.04.2023)

наркотических средств и психотропных веществ и иная противоправная информация, оказывающая негативное воздействие в первую очередь на молодое поколение.

Наличие данных угроз определяет ключевые задачи в области обеспечения информационной безопасности, к которым относятся обеспечение информационной безопасности в сети Интернет и оборота достоверной информации в нем, а также недопущение информационной зависимости от иностранных государств и различных организаций.

Значительное внимание вопросам информационно-психологической безопасности уделено в Концепции информационной безопасности Кыргызской Республики.⁴⁹⁷ В частности, в документе дано определение информационному воздействию, под которым понимаются действия, направленные на изменение восприятия информации субъектом информационной среды. Кроме того, подчеркивается, что в связи с открытостью национального информационного пространства и популярностью зарубежных средств массовой информации, в том числе телевидения и интернет-ресурсов (почтовых служб, социальных сетей, блогов и видеопорталов), возникает реальная угроза информационного влияния на общественное сознание населения. Информационное влияние может выражаться как в виде прямого навязывания идей, противоречащих национальным интересам Кыргызской Республики, так и в виде создания определенного информационного фона, искусственно поддерживаемого путем манипулирования информацией или ее тенденциозным комментированием. В этой связи в качестве одного из основных методов обеспечения информационной безопасности в Концепции признается разработка правовых механизмов, направленных на недопущение в

⁴⁹⁷ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 3 мая 2019 года N 209 «О Концепции информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13648?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.04.2023)

Кыргызской Республике противозаконных информационно-психологических воздействий на сознание личности и общества.

2.1. Производство информации. В Кыргызской Республики в течение продолжительного времени отсутствовали механизмы государственного регулирования информационного контента в интернет-пространстве. Ситуация в данной сфере изменилась с принятием в августе 2021 года Закона «О защите от недостоверной (ложной) информации», который установил запрет на распространение недостоверной (ложной) информации в интернет-пространстве, ответственность лиц, допустивших ее распространение, а также права и обязанности субъектов правоотношений в этой области.⁴⁹⁸ Под «недостоверной (ложной) информацией» в документе понимается информация, содержащаяся на сайте в сети Интернет или на странице сайта в сети Интернет, не соответствующая действительности, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию другого лица.

При этом каждый, кто считает, что в отношении него была распространена такая информация, имеет право потребовать от владельца интернет-ресурса ее удаления в течение 24 часов с момента обращения и публикации опровержения. В случае отказа документом предусмотрена возможность обратиться в уполномоченный орган (Министерство культуры, информации и туризма Кыргызской Республики), который самостоятельно принимает решение об удалении недостоверной (ложной) информации и приостановлении работы интернет-ресурса сроком до двух месяцев.

В Кыргызской Республики политика в области защиты персональных данных регулируется Законом «Об информации персонального характера».⁴⁹⁹

Документ определяет основные принципы работы с персональными

⁴⁹⁸ Закон Кыргызской Республики от 23 августа 2021 года N 101 «О защите от недостоверной (ложной) информации». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.04.2023)

⁴⁹⁹ Закон Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 года N 58 «Об информации персонального характера». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269> (дата обращения: 16.04.2023)

данными, в частности, требование о точном и заблаговременном объявлении целей при сборе персональных данных, запрет на использование данных в иных целях и объединение массивов персональных данных, собранных в разных целях, для автоматизированной обработки информации.

При трансграничной передаче персональных данных держатель массива персональных данных, находящийся под юрисдикцией Кыргызской Республики, передающий данные, исходит из наличия международного договора между сторонами, согласно которому получающая сторона обеспечивает адекватный уровень защиты прав и свобод субъектов персональных данных и охраны персональных данных, установленный в Кыргызской Республике.

На протяжении многих лет данный нормативно-правовой акт подвергался критике за его теоретичность по причине отсутствия уполномоченного органа в сфере обработки персональной информации. Однако в декабре 2021 года эта главная проблема была устранена, при Кабинете Министров было создано Государственное агентство по защите персональных данных, которое является государственным органом исполнительной власти, разрабатывающим и реализующим единую государственную политику в сфере информации персонального характера, осуществляющим функции по обеспечению защиты прав субъектов персональных данных, регистрации держателей массивов персональных данных, ведению Реестра держателей массивов персональных данных.

В сфере идентификации личности в информационном пространстве, следует отметить, что целостная государственная нормативно-правовая и институциональная система, регулирующая эту область, в Кыргызской Республике отсутствует. Стоит лишь упомянуть о стандартных, на сегодняшний день, требованиях верификации личности при получении

доступа к сотовой связи,⁵⁰⁰ а также обязанности владельцев интернет-ресурсов размещать на нем свою фамилию и инициалы, электронный адрес для направления ему сообщений.⁵⁰¹

2.2. Распространение информации. Как уже отмечалось выше, в предложенной нами модели информационно-психологической безопасности политическая практика на официальном уровне, относящаяся к данному компоненту, в большинстве случаев ограничивается маркировкой нежелательного контента, которая осуществляется на основе законодательства об иностранных агентах. В Кыргызской Республике подобный закон отсутствует, хотя дискуссии о необходимости его принятия длятся уже не первый год.⁵⁰²

3. *Когнитивный компонент.* С точки зрения предложенной нами модели информационно-психологической безопасности в области ее когнитивных аспектов показатели Кыргызской Республики выглядят достаточно скромно. По количеству научных публикаций в области когнитивистики страна занимает 120 место, среди членов ОДКБ превосходя по этому показателю лишь Таджикистан.⁵⁰³ По мнению некоторых авторов, исследования в области когнитивных наук в Кыргызской Республике носят фрагментарный характер, но тем не менее ее отдельные направления, такие

⁵⁰⁰ Правила оказания услуг подвижной радиотелефонной связи. Утверждены Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 17 февраля 2014 года N 97. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96097> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁰¹ Закон Кыргызской Республики от 23 августа 2021 года N 101 «О защите от недостоверной (ложной) информации». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁰² Подольская Д. Закон об иностранных агентах. Закручивание гаек продолжается // 24.kg. 16.02.2022. URL: https://24.kg/vlast/224090_zakon_obinostrannyih_agentah_zakruchivanie_gaek_prodoljajetsya/ (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁰³ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

как, например, когнитивная лингвистика, в последнее время начинают активно развиваться.^{504]}

Широкое использование населением Кыргызстана возможностей сети Интернет создает предпосылки для оказания целенаправленного деструктивного воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию. При этом, как указывают кыргызские исследователи, население страны в целом не умеет анализировать и проверять информацию, несущую потенциальную угрозу и чаще доверяет контенту масс-медиа. Медиаграмотных людей очень мало.⁵⁰⁵

Программы по медиаграмотности, в основном, реализуются некоммерческими организациями при иностранной финансовой поддержке. Так, например, в 2023 году было объявлено о старте национальной кампании по медиаграмотности «Текшердим», которая финансируется Европейским Союзом и USAID и реализуется Internews в Кыргызстане. Ее цель – повысить уровень информированности населения страны о важности медийной и цифровой грамотности, развития критического мышления.⁵⁰⁶ Кроме того, ЕС финансирует в Кыргызской Республике обучение медиаграмотности 30 процентов учителей по предметам «История», «Человек и общество», а также учеников 7-ых классов в 2023-2024 учебном году. При соблюдении требований и критериев, установленных Европейским союзом в рамках данного проекта, бюджет Кыргызстана будет пополняться на 1 млн евро ежегодно до 2026 года.⁵⁰⁷

⁵⁰⁴ Стернин И.А., Тагаев М. Дж., Камбаралиева У.Д. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. N 2. С. 204.

⁵⁰⁵ Алымбаева З.А., Алимахунов А.К. Угрозы и вызовы информационной безопасности Кыргызстана // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. N2. С. 268.

⁵⁰⁶ Национальная кампания по медиаграмотности «Текшердим» стартует в Кыргызстане. 31.03.2023. URL: <https://internews.kg/proekt-revive/natsionalnaya-kampaniya-po-mediagramotnosti-teksherdim-ya-proveril-startuet-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁰⁷ В 2023-2024 учебном году учащихся 7-х классов начнут обучать медиаграмотности. 01.11.2022. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/105960-v-2023-2024-uchebnom-godu-uchashchikhsya-7-kh-klassov-nachnut-obuchat-mediagramotnosti.html> (дата обращения: 16.04.2023)

Следует подчеркнуть, что политическая практика Кыргызской Республики в области обеспечения информационно-психологической безопасности, несмотря на отдельные позитивные аспекты, носит фрагментарный и декларативный характер. По мнению Р.М. Токсоналиевой, «современное общество Кыргызстана в правовом поле не защищено от угроз информационно-психологического воздействия, которое с каждым годом более масштабно проявляет себя и продолжает оказывать влияние на духовное и физическое развитие личности.»⁵⁰⁸ Поэтому следует сделать вывод о том, что данная сфера нуждается в более системном подходе на государственном уровне.

5.1.4. Республика Казахстан

1. Мировоззренческий компонент. В декабре 2012 года в своем Послании народу Казахстана Президент страны Н.А. Назарбаев представил Стратегию «Казахстан 2050» - фундаментальный стратегический документ, определяющий долгосрочные приоритеты развития общества и государства.⁵⁰⁹ Главная цель, обозначенная в документе, – это создать к 2050 году общество благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда на основе поступательной и глубокой модернизации, прежде всего, социально-экономической и политической сфер.

На практике это означает, что Казахстан к 2050 году должен находиться в тридцатке самых развитых государств мира, что предполагает дальнейшее развитие и укрепление государственности, переход на новые принципы экономической политики, всестороннюю поддержку

⁵⁰⁸ Токсоналиева Р.М. Нормативно-правовые основы обеспечения информационно-психологической безопасности Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. N 6. С. 91.

⁵⁰⁹ Послание Президента Республики Казахстан - Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 02.04.2023)

предпринимательства, формирование новой социальной модели, создание современных и эффективных систем образования и здравоохранения, повышение ответственности, эффективности и функциональности государственного аппарата, выстраивание адекватной новым вызовам международной и оборонной политики.

Существенное внимание в Стратегии уделено духовно-мировоззренческим основаниям общественного развития Казахстана. К ним относятся следующие:

новый казахстанский патриотизм, базирующийся на рационально-прагматическом подходе к отношениям человека и государства. Человек любит и гордится своей страной не априори, а при условии, что государство гарантирует каждому гражданину качество жизни, безопасность, равные возможности и перспективы;

равенство прав граждан всех этносов, особая ответственность за обеспечение которого лежит на плечах казахов, которые должны быть настоящими хозяевами своей земли – гостеприимными, радушными, щедрыми, терпимыми;

казахский язык и триединство языков. Главной задачей здесь является укрепление казахского языка в качестве государственного и духовного стержня нации. При этом приоритетом национальной языковой политики является его модернизация, которая связывается с переходом с 2025 года на латинский алфавит. Это создаст условие для более эффективного изучения детьми английского языка и языка Интернета. При этом триязычие (казахский, русский, английский) признается историческим преимуществом казахской нации. Однако с рывком в изучении английского языка связывается открытие для каждого гражданина Казахстана новых безграничных возможностей в жизни;

культура, традиции и самобытность признаются основой для единства народа. При этом в документе подчеркивается, что в последнее время

активизировались силы, пытающиеся разрушить внутриказахское единство по различным признакам, одним из проявлений которого выступает деление общества на «нагыз казахов» и «шала казахов». Поэтому укрепление интегральных основ казахской культуры является одной из основных задач государственной политики;

роль национальной интеллигенции. Интеллигенция рассматривается в качестве ведущей силы в укреплении общенациональных ценностей, играет ключевую роль в проектировании ментальной, мировоззренческой модели будущего страны в соответствии со Стратегией «Казахстан-2050», формировании исторического сознания нации на основе всеказахстанской идентичности;

религия в Казахстане XXI века. Стратегические приоритеты страны в данной области безоговорочно связываются с первенством закрепленного в Конституции права свободы вероисповедания и выстраиваемым на его фундаменте симбиоза мусульманских и светских традиций.

Для уточнения положений Стратегии «Казахстан-2050» в среднесрочной перспективе в феврале 2018 года Президентом Республики Казахстан подписан Указ «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года», в который в 2021 году Указом уже нового Президента внесены изменения, и Стратегический план был изложен в новой редакции.⁵¹⁰ Документ конкретизирует механизмы достижения приоритетных целей, а также указывает на ряд новых вызовов, на которые Казахстану необходимо дать ответ, например, COVID-19.

Среди нововведений в контексте предмета нашего исследования привлекает к себе внимание понятие «единый духовный пояс», который

⁵¹⁰ Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года N 521. «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года N 636 "Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35648083 (дата обращения: 02.04.2023)

подразумевает создание собственной национальной символики и сакрализация исторических и культурных объектов, увязанных воедино в национальном сознании всех казахстанцев. Единый духовный пояс наряду с общечеловеческими ценностями (честность, доброта, справедливость, саморазвитие), экологической культурой, развитием современного искусства и поддержкой новой культурной волны рассматриваются в качестве основы патриотической культуры.

В марте 2023 года в Республике Казахстан принята Информационная доктрина, которая еще более конкретизировала мировоззренческие установки в национальной информационной политике.⁵¹¹ В документе подчеркивается, что основу мировоззренческих установок, транслируемых через различные медиаканалы, должны составлять идеи, которые соответствуют позициям Казахстана на мировой арене, доносящие до каждого гражданина основные общественные ценности. Идеологическая составляющая государственной информационной политики должна быть направлена на консолидацию общества, укрепление нравственных принципов, а также приверженности следующим национальным ценностям: независимость и патриотизм, справедливость, верховенство закона и нулевая терпимость к коррупции, государственный язык, история и культура, трудолюбие и стремление к знаниям, семейные ценности и охрана детства, созидательность и прогрессивность, бережное отношение к природе и окружающему миру.

2. *Медийный компонент.* Исходя из высокого значения, которое придает руководство Казахстана вопросам социально-политической стабильности, общественного и социокультурного единства, обращает на себя внимание официальная трактовка понятия «информационная

⁵¹¹ Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года N 145 «Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 02.04.2023)

безопасность», выдвигающая на первый план не противодействия киберугрозам, а информационно-психологические аспекты.

Так, в соответствии с основным доктринальным документом в области обеспечения национальной безопасности под информационной безопасностью, как одного из видов национальной безопасности, понимается состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина, общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны.⁵¹² Такая трактовка вполне коррелирует с тем, каким образом расставлены приоритеты в перечне основных национальных интересов, в котором на первый план выдвинуты интересы, связанные с обеспечением прав и свобод человека и гражданина; точное и единообразное исполнение законов и поддержание правопорядка; общественное согласие и политическая стабильность в стране; казахстанский патриотизм и единство народа; сохранение и приумножение материальных и духовно-нравственных ценностей казахстанского общества.

В отличие от Республики Беларусь, в законодательстве которой вопросы информационно-психологической безопасности разработаны, пожалуй, наиболее полно среди всех стран ОДКБ, в основополагающем законе в области национальной безопасности Казахстана данное понятие не используется. Тем не менее, среди мер по обеспечению информационной безопасности Казахстана многие из них имеют прямое отношение к данной предметной области: недопущение информационной зависимости, предотвращение информационной экспансии и блокады со стороны других государств, организаций и отдельных лиц, недопущение информационного

⁵¹² Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года N 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (дата обращения: 02.04.2023)

воздействия на общественное и индивидуальное сознание, связанного с преднамеренным искажением и распространением недостоверной информации в ущерб национальной безопасности, обнаружение и дезорганизация механизмов скрытого информационного влияния на процесс выработки и принятия государственных решений в ущерб национальной безопасности.

В соответствии с Информационной доктриной Республики Казахстан в основе развития национального информационного пространства лежат обеспечение информационной безопасности и идеологического суверенитета страны, выстраивание отвечающей современным тенденциям и вызовам информационной политики, направленной на консолидацию общества и укрепление гражданской идентичности.⁵¹³

Кроме того, в документе подчеркивается, что развитие национального информационного пространства и формирование конкурентоспособной отечественной медиасферы должны стать ключевым фактором по противодействию и снижению последствий внешних вызовов, а также базовым условием устойчивого развития отрасли.

2.1. Производство информации. Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан» устанавливает прямой запрет на распространение на территории страны печатной продукции и продукции иностранного средства массовой информации, содержание которых подрывает национальную безопасность, а также на прямое или косвенное владение, распоряжение, пользование и управление иностранными физическими и юридическими лицами, а также лицами без гражданства более 20 процентами акций

⁵¹³ Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года N 145 «Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 02.04.2023)

организации-собственника СМИ или осуществляющего деятельность в этой сфере.⁵¹⁴

Основным государственным органом, осуществляющим контроль за деятельностью СМИ на территории страны является Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан, на которое возложен широкий круг полномочий в области контроля за СМИ, среди которых и приостановка деятельности.⁵¹⁵ Следует подчеркнуть, что в Казахстане, существует законодательный запрет на государственную цензуру, однако, как и во многих других странах мира, деятельность средства массовой информации может быть приостановлена в случае пропаганды или агитации насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, войны, пропаганды экстремизма или терроризма, публикации материалов и распространения информации, направленной на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, а также для СМИ предусмотрена ответственность за распространение сведений, несоответствующих действительности.⁵¹⁶ Несмотря на то, что данные пункты с точки зрения здравого смысла и международной практики являются вполне традиционными, именно они находятся в центре нападков извне.

Например, в 2006 году юристы британской правозащитной организации Article 19 (название апеллирует к соответствующей статье Всеобщей декларации прав человека о свободе убеждений и их выражения)

⁵¹⁴ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года N 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (дата обращения: 02.04.2023)

⁵¹⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 марта 2019 года N 142 «О некоторых вопросах Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39880228 (дата обращения: 02.04.2023)

⁵¹⁶ Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года N 451-I «О средствах массовой информации». URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013966&doc_id2=1013966#activate_doc=2&pos=22;-110.19999694824219&pos2=408;-57.19999694824219 (дата обращения: 02.04.2023)

опубликовали «Меморандум к Закону Республики Казахстан "О средствах массовой информации"», в котором выразили беспокойство тем, что упомянутый закон «препятствует развитию свободных, независимых и плюралистических средств массовой информации в Казахстане и ограничивает право населения на получение из разнообразных источников информации по вопросам, затрагивающим общественные интересы». Данная обеспокоенность была вызвана, в том числе, содержащимися в законе требованиями не подрывать национальную безопасность, не пропагандировать нарушение целостности Казахстана, а также не публиковать сведения, которые позже оказываются не соответствующими действительности.⁵¹⁷

Также появляется информация, содержащая критические мнения относительно существенных диспропорций в бюджетном финансировании государственных и частных СМИ, 90,1 и 9,9% средств соответственно и нарушении прав журналистов.⁵¹⁸ Однако следует подчеркнуть, что на законодательном и институциональном уровнях государственное регулирование медиасреды Казахстана не выходит за рамки общемировой практики.

Казахстан один из первых среди стран ОДКБ принял закон о защите персональных данных.⁵¹⁹ В 2020 году установленные им требования были дополнены приказом Министерства цифрового развития, инноваций и

⁵¹⁷ Прохвятилов В.В. Казахстане переделают закон о СМИ в угоду Западу // Фонд стратегической культуры. 27.12.2022. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/27/v-kazahstane-peredelajut-zakon-o-smi-v-ugodu-zapadu-58078.html> (дата обращения: 02.04.2023)

⁵¹⁸ (НЕ)слышащее государство: избирательный подход к СМИ в Казахстане. 06.04.2023. URL: <https://factcheck.kz/analitika/ne-slyshashee-gosudarstvo-izbiratelnyu-podhod-k-smi-v-kazahstane/> (дата обращения: 02.04.2023)

⁵¹⁹ Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года N 94-V «О персональных данных и их защите». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 02.04.2023)

аэрокосмической промышленности Республики Казахстан «Об утверждении правил сбора, обработки персональных данных».⁵²⁰

Данными документами регулируются общественные отношения в сфере персональных данных, а также определяются цель, принципы и правовые основы деятельности, связанные со сбором, обработкой и защитой персональных данных, как с использованием средств автоматизации, так и без них.

В декабре 2021 года Президентом страны утверждены поправки в действующее законодательство о персональных данных.⁵²¹ Изменения закрепили обязанности собственника и оператора персональных данных утверждать документы, определяющие политику оператора в отношении сбора, обработки и защиты персональных данных, а также предоставлять по запросу уполномоченного органа информацию о способах и процедурах, используемых для обеспечения соблюдения требований действующего в этой области законодательства.

В настоящее время в Республике Казахстан уделяется пристальное внимание нарушениям при обработке персональных данных в интернете. Неправильное оформление процессов обработки персональных данных может привести к наложению достаточно высокого административного штрафа.

В сфере идентификации личности в информационном пространстве, следует отметить, что целостная государственная нормативно-правовая и институциональная система, регулирующая эту область, в Республике

⁵²⁰ Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 21 октября 2020 года N 395/НК «Об утверждении Правил сбора, обработки персональных данных». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 02.04.2023)

⁵²¹ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года N 96-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам торговой деятельности, развития биржевой торговли и защиты персональных данных». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000096> (дата обращения: 02.04.2023)

Казахстан отсутствует за исключением уже стандартного требования аутентификации личности при подключении к мобильной связи.

2.2. Распространение информации. Как и во многих других государствах значительная часть населения Казахстана, особенно, молодежь для получения информации и новостей отдает предпочтение интернет-ресурсам нежели традиционным СМИ. Так, по официальным данным около половины населения страны получает информацию в социальных медиа.⁵²² Поэтому вопросы контроля за распространением информации на государственном уровне в значительной степени ограничены.

В Казахстане, как и в Белоруссии, отсутствует законодательство об иностранных агентах, которое зачастую выступает нормативно-правовой основой для маркировки нежелательного информационного контента. И, по словам Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан Артура Ластаева, вопрос о принятии подобного закона на текущий момент не стоит на повестке дня.⁵²³ Однако в апреле 2023 года появилась информация, что в Казахстане планируется на законодательном уровне урегулировать сферу интернет-рекламы и онлайн-платформ. Будущий закон должен актуализировать понятийный аппарат, а также законодательно закрепить деятельность онлайн-платформ; регламентировать распространение интернет-рекламы на онлайн-платформах; консолидировать новые и существующие нормы, касающиеся деятельности онлайн-платформ. Как ожидается, нововведения будут способствовать формированию безопасной онлайн-сферы для реализации права граждан получать и распространять информацию, установлению эффективной обратной связи между онлайн-

⁵²² Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года N 145 «Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 02.04.2023)

⁵²³ Может ли в Казахстане появиться закон об иноагентах. 17.03.2023. URL: <https://www.zakon.kz/6387395-mozhet-li-v-kazakhstane-poyavitsya-zakon-ob-inoagentakh.html> (дата обращения: 02.04.2023)

платформами и пользователями-гражданами Казахстана, развитию и продвижению отечественного контента.⁵²⁴

3. Когнитивный компонент. Ранее мы уже отмечали значительные успехи Казахстана в высокотехнологичной сфере и развитии технологий искусственного интеллекта, которые сегодня выступают технологической основой для создания механизмов противодействия потреблению деструктивной злонамеренной информации. По данным международных экспертов, по числу публикаций в области ИИ Казахстан занимает второе место среди стран ОДКБ после России, аналогичные результаты страна демонстрирует и области когнитивных исследований, также имеющей ключевое значения для инструментального обеспечения информационно-психологической безопасности: 83 место в мире и второе среди стран ОДКБ.⁵²⁵ Государственная программа «Цифровой Казахстан» дала существенный импульс для развития в стране когнитивной науки, многие высшие учебные заведения разработали и внедрили соответствующие образовательные программы. Как указывают некоторые казахстанские исследователи, наиболее динамично развивается такое направление когнитивной науки как когнитивная лингвистика.⁵²⁶

Также значительное внимание в Казахстане уделяется вопросам повышения медиаграмотности. По последним данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, уровень цифровой грамотности (знания и умения человека использовать информационно-коммуникационные технологии в повседневной и профессиональной деятельности) в Казахстане, составляет 84,1%, что даже

⁵²⁴ В Казахстане планируют законодательно урегулировать сферу интернет-рекламы и онлайн-платформ. 05.04.2023. URL: <https://www.zakon.kz/6389391-v-kazakhstane-planiruyut-zakonodatelno-uregulirovat-sferu-internetreklamy-i-onlaynplatform.html> (дата обращения: 06.04.2023)

⁵²⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL:

<https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

⁵²⁶ Жанпеисова Н.М. Когнитивная лингвистика в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. N5. С. 30-35.

несколько превышает целевой показатель госпрограммы «Цифровой Казахстан» в этой сфере.⁵²⁷

В 2021 году Министерство образования и науки Республики Казахстан подписало меморандум с Mail.kz о совместной работе по созданию образовательных цифровых программ, а также по проведению мероприятий по продвижению Единой интегрированной образовательной платформы.⁵²⁸

В целом следует отметить, что в Казахстане идет процесс формирования системы информационно-психологической безопасности, однако стране еще предстоит урегулировать на государственном уровне ряд принципиальных для этой области вопросов.

5.1.5. Республика Таджикистан

1. Мироззренческий компонент. Основным документом, фиксирующим долгосрочные приоритеты развития Республики Таджикистан является принятая в 2016 году Национальная стратегия развития на период до 2030 года.⁵²⁹ В документе обозначены четыре основные цели развития страны: обеспечение энергетической независимости и эффективное использование электроэнергии; выход из коммуникационного тупика и превращение Таджикистана в транзитную страну; обеспечение продовольственной безопасности и доступ населения к качественному питанию; расширение продуктивной занятости.

⁵²⁷ Цифровое образование. 2023. URL: <https://egov.kz/cms/ru/education> (дата обращения: 06.04.2023)

⁵²⁸ МОН РК будет усиливать цифровое образование совместно с Mail.kz. 16.06.2021. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (дата обращения: 06.04.2023)

⁵²⁹ Указ Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 года УП N 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (дата обращения: 06.04.2023)

Достижение заявленных приоритетов развития страны предполагает несколько сценариев: инерционный, индустриальный, индустриально-инновационный, которые отличаются друг от друга темпами роста ВВП в диапазоне от 2 до 3,5 раз в период 2016-2030 гг., изменением доли аграрного сектора и промышленности в структуре ВВП в пользу последней, размерами расходов на образование и здравоохранение. Однако, вне зависимости от фактической реализации того или иного сценария, стратегическое видение развития страны предполагает ускоренную индустриализацию и создание потенциала для развития на основе знаний и инноваций. Ключевое значение в этом процессе руководство страны видит в развитии человеческого капитала, включающего реформирование системы образования и науки, обеспечение здоровья населения, усиление социальной защиты, повышение культурных ценностей населения, формирование благоприятной среды для жизни, сокращение социального неравенства.

В Таджикистане в государственной политике заметную роль занимает сохранение историко-культурных традиций. Обеспечение развития общего культурного пространства страны в условиях сохранения, возрождения и развития национальных традиций и культурных достижений за годы независимости, общечеловеческих ценностей рассматривается в Национальной стратегии в качестве одной из ключевых задач при реализации приоритета развития человеческого капитала. Кроме того, в стране действует специальный закон, регламентирующий отправление традиций и обрядов.⁵³⁰ Документ упорядочивает традиции, торжества и обряды с учётом потребностей развития общества и направлен на защиту истинных ценностей национальной культуры и уважение к народным обычаям для повышения социального и экономического уровня жизни граждан страны. Так, например, норма о проведении свадьбы по случаю бракосочетания гласит:

⁵³⁰ Закон Республики Таджикистан от 8 июня 2007 года N272 «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 17.04.2023)

«Свадьба по случаю бракосочетания проводится добровольно в течение не более двух дней с банкетом до 150 человек и свадебного угощения до 200 человек за счёт обеих сторон.» При этом в тексте закона указано, что национальные меньшинства свободны в соблюдении своих традиций, торжеств и обрядов.

2. *Медийный компонент.* Нормативно-правовой основой национальной безопасности Республики Таджикистан выступает Закон «О безопасности» от 2011 года с последними внесенными в него изменениями в 2018 году.⁵³¹ Несмотря на то, что в систему обеспечения национальной безопасности включен компонент информационной безопасности, в тексте документа полностью отсутствуют исследуемые нами аспекты, относящиеся к сфере информационно-психологической безопасности. Это является достаточно примечательным, поскольку в стране в 2003 году принята Концепция информационной безопасности,⁵³² в которой вопросам реагирования на информационно-психологическое воздействие уделено существенное внимание. Так, к числу основных направлений обеспечения информационной безопасности относится разработка специальных правовых и организационных механизмов недопущения противоправных информационно-психологических воздействий на массовое сознание общества. Одной из четырех внешних угроз информационной безопасности названа диверсионно-подрывная деятельность специальных служб иностранных государств, осуществляемая методами информационно-психологического воздействия.

Таким образом, следует констатировать, что в Республике Таджикистан к настоящему времени состоялась концептуальная дифференциация

⁵³¹ Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 года N721 «О безопасности». URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2023)

⁵³² Указ Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года N1175 «О Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан». URL: <https://media.tj/vyshel-pervuj-uchebnik-po-medijnoj-i-cifrovoj-gramotnosti-na-tadzhikskom-yazyke/> (дата обращения: 17.04.2023)

информационной безопасности и обособление в ней вопросов, касающихся противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию в медиасреде.

2.1. Производство информации. Законом Республики Таджикистан «О безопасности» установлен запрет на распространение на территории страны печатной продукции, телевизионных и радиопередач зарубежных средств массовой информации, содержание которых подрывает национальную безопасность.

Как указывает Г.Р. Ибрагимова, сетевые СМИ в условиях среднеазиатских стран являются важным фактором воздействия на национальные политические режимы: от деятельности по стабилизации собственных демократий, до дестабилизации и разрушения политических режимов государств-противников.⁵³³ И хотя количество активных пользователей Интернета и социальных сетей в Таджикистане не очень велико, по последним данным, около 41% и 11% соответственно,⁵³⁴ сложность в осуществлении контроля над глобальными социальными медиа и высокая степень вовлеченности современных таджикских интернет-ресурсов в сферу глобальных социальных медиа, которая отразилась на их отношении к правящей элите, способствовало формированию в стране нормативно-правовых и институциональных механизмов государственного регулирования контента в интернет-пространстве. Все это способствовало изменению стратегии отношений СМИ и власти, по мнению некоторых авторов, это связано «с одной стороны, с возрастающей ролью сетевых СМИ, создающих отрицательную картину действующего режима, в том числе и за рубежом, с другой – с негативным позиционированием таджикской

⁵³³ Ибрагимова Г.Р. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. N1. С. 103-128.

⁵³⁴ Digital 2022. Global Overview Report. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (дата обращения: 11.10.2022).

оппозиции как в политическом, так и в сетевом коммуникационном пространстве.»⁵³⁵

Ключевыми нормативно-правовыми актами для осуществления государственного контроля над интернет-пространством являются Законы Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом»⁵³⁶ и «О противодействии экстремизму»⁵³⁷. Так первый документ предполагает возможность приостановки доступа к услугам электрической связи в контртеррористических целях, второй документ предоставляет Службе связи при Правительстве полномочия по контролю над деятельностью интернет-сайтов и социальных сетей и при необходимости предотвращения экстремистской деятельности ограничивать или приостанавливать их деятельность.

Также некоторые исследователи указывают, что в Таджикистане государственное регулирование производства информации осуществляется через создание подконтрольных власти общественных организаций, таких как созданный в 2010 году Совет по СМИ Таджикистана. По мнению Д.М. Салимова, Совет по СМИ «является механизмом реализации системы контроля и цензуры над медийным пространством, поскольку его стратегия вполне соответствует ожиданиям правящей элиты.»⁵³⁸

В области защиты персональных данных в Таджикистане также создана соответствующая система. Основным законом, регулирующим

⁵³⁵ Салимов Д.М. Политическая цензура и сетевые СМИ в современном Таджикистане // Вопросы политологии. 2021. Том 11. Вып. 11. С. 3199

⁵³⁶ Закон Республики Таджикистан 16 ноября 1999 года N 845 «О борьбе с терроризмом». URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom> (дата обращения: 17.04.2023)

⁵³⁷ Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 года N1655 «О противодействии экстремизму». URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2023)

⁵³⁸ Салимов Д.М. Средства массовой информации в политическом процессе современного Таджикистана: функциональные особенности: дис. ... к-та. пол. наук: 5.5.2. / Д.М. Салимов. СПб., 2022. С. 73.

данную сферу является Закон «О защите персональных данных».⁵³⁹ Ранее понятие «персональные данные» человека уже были включены в Закон «Об информации» от 2002 года.⁵⁴⁰ Согласно ему персональными данными являются национальность, образование, семейное положение, материальное положение, религиозная принадлежность, состояние здоровья, а также адрес и место рождения. Закон «О защите персональных данных» значительно расширил данное понятие, относя к персональным данным «любую информацию» о человеке, с помощью которой человека можно идентифицировать.

Основными условиями для сбора и обработки персональных данных являются:

- наличие согласия субъекта персональных данных на сбор и обработку;
- сбор и обработка персональных данных ограничиваются достижением конкретных, заранее определенных целей;
- субъект данных должен быть уведомлен о собираемых в отношении него данных, ему обеспечивается доступ к касающимся его данным, а также он вправе требовать исправления неточных или вводящих в заблуждение данных.

Примечательно, что в законодательстве Таджикистана не прописан способ получения согласия субъекта персональных данных и формально оно может быть получено в устной форме.

Уполномоченным государственным органом в сфере защиты персональных данных является служба связи при Правительстве Республики Таджикистан.

⁵³⁹ Закон Республики Таджикистан от 3 августа 2018 года N1537 «О защите персональных данных». URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1537_RU.doc.pdf (дата обращения: 17.04.2023)

⁵⁴⁰ Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года N55 «Об информации». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=2178 (дата обращения: 17.04.2023)

В целом нормативно-правовая и институциональная системы защиты персональных данных Республики Таджикистан, как и аналогичные системы остальных стран-участниц ОДКБ, на сегодняшний день являются достаточно зрелыми и соответствуют международным стандартам в этой области, таким как General Data Protection Regulation (GDPR) и Конвенция Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных. Так, например, все страны-участницы ОДКБ включены Роскомнадзором в перечень стран, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных. В качестве таковых рассматриваются страны, которые либо являются сторонами Конвенции Совета Европы, либо действующие нормы и механизмы обработки персональных данных которых соответствуют принципам и требованиям данного документа.⁵⁴¹

В вопросах верификации личности в информационном пространстве Правительство Республики Таджикистан начало предпринимать соответствующие шаги, начиная с 2016 года. Так 30 апреля было принято Постановление,⁵⁴² в соответствии с которым продажа сим-карт может осуществлять только при предъявлении паспорта, кроме того, операторов мобильной связи обязали перерегистрировать все ранее выданные сим-карты. В феврале 2019 года к этому документу был приняты поправки, которые обязали продавцов сим-карт устанавливать камеры видеонаблюдения в местах продаж. Кроме того, принятые изменения установили запрет на регистрацию более двух сим-карт на одного человека, а также продажу и

⁵⁴¹ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 05.08.2022 N 128 «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных». URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209200008?index=0&rangeSize=1>
(дата обращения: 17.04.2023)

⁵⁴² Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2016 года, N 207-7. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=18923 (дата обращения: 17.04.2023)

реализацию зарубежных сим-карт в Таджикистане и сим-карт таджикских операторов за рубежом. Подключение иностранных граждан, лиц без гражданства, постоянным местом жительства которых не является Республика Таджикистан, осуществляется на срок разрешённого пребывания на территории страны, согласно сроку действия визы.

По мнению многих экспертов, после принятия подобных мер, как правило, следуют дальнейшие законодательные шаги, обязывающие операторов хранить данные пользователей в течение определенного срока. И хотя на сегодняшний день в законодательстве Таджикистана не существует норм, обязывающих хранить данные всех пользователей, например, как в России, но в уже упоминавшемся выше Законе «О противодействии экстремизму» от 2020 года содержится требование к физическим и юридическим лицам, осуществляющим деятельность по предоставлению услуг связи, в том числе интернет-провайдерам обеспечить до 6 месяцев хранение информации экстремистского характера на своих серверах.

2.2. Распространение информации. В Республики Таджикистан отсутствует национальное законодательство, касающееся деятельности иностранных агентов, а также требование к маркировке информационного контента. При этом, как полагают некоторые эксперты, для Таджикистана этот вопрос стоит достаточно остро, поскольку на граждан этой страны оказывает большое влияние экстремистская организация «Исламское государство», вербовщики и агитаторы которой ведут свою пропагандистскую деятельность, прежде всего, в интернете и социальных сетях.⁵⁴³

3. *Когнитивный компонент.* Когнитивные исследования в Республике Таджикистан носят точечный характер и связаны с развитием отдельных

⁵⁴³ Нурмаков А. Таджикистан: Между угрозой экстремизма в интернете и экстремальными мерами контроля онлайн-пространства. 23.09.2016. URL: <https://digital.report/tadzhikistan-mezhdu-ugrozoy-ekstremizma-v-internete-i-ekstremalnymi-merami-kontrolya-onlayn-prostranstva/> (дата обращения: 17.04.2023)

направлений, прежде всего, когнитивной лингвистике. Наиболее популярной темой научных исследований является анализ лингвистических концептов в разных языках и выявление специфических особенностей в контексте взаимодействия таджикских языка и культуры.⁵⁴⁴

По последним экспертным оценкам, Республика Таджикистан по количеству научных публикаций в области когнитивистики занимает 137 (из 159) место в мире и последнее среди стран-участниц ОДКБ.⁵⁴⁵

Программы медиграмотности в стране реализуются при поддержке и кураторстве иностранных, прежде всего, западных организаций. Например, с 2018 года Internews (международная некоммерческая организация с американскими корнями) при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) реализует крупную Центральноазиатскую программу MediaCAMP, с которой связано широкое внедрение программ медиграмотности в Таджикистане. В рамках нее проводятся различного рода тренинги для преподавателей ВУЗов и журналистов, слушатели которых разрабатывают и внедряют соответствующие курсы в учебный процесс. За последние несколько лет специальные курсы по медиграмотности, появились в восьми вузах страны: в Душанбе, Худжанде, Хороге, Кулябе и Бохтаре.⁵⁴⁶

С 2019 года Internews в Центральной Азии продвигает жанр медиакритики в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане. За это время проведено четыре региональные школы медиакритики, подготовлено не менее 30 авторов, формируется интерес к материалам, размещенным в

⁵⁴⁴ Бегмуродов Ю.Э. О становлении когнитивной лингвистики в таджикском языкознании // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. N 4. С. 242-247

⁵⁴⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL:

<https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

⁵⁴⁶ Гайсина Л.В ВУЗах Таджикистана появилась медийная и информационная грамотность. 29.10.2021. URL: <https://newreporter.org/2021/10/29/v-vuzax-tadzhikistana-rojavilas-medijnaya-i-informacionnaya-gramotnost/> (дата обращения: 17.04.2023)

разделе «Медиакритика» на интернет-ресурсе New Reporter не только среди медиасообщества, но и среди активных граждан.⁵⁴⁷

В 2021 году специалисты Internews подготовили и выпустили адаптированное учебное пособие по медийной и информационной грамотности на таджикском языке для студентов местных вузов. По словам издателей, в него вошло 19 модулей и три главы, где рассматриваются реальные примеры из медиапространства Таджикистана.⁵⁴⁸

Аналогичный проект тремя годами ранее реализован в рамках проекта IREX Europe в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Его главная заявленная цель – «повысить способность населения Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана распознавать ложные сообщения и дезинформацию, обеспечить возможность принимать осознанные решения и способствовать пониманию роли и ответственности СМИ в демократическом обществе.»⁵⁴⁹

Таким образом, в Республики Таджикистан на государственном уровне идет процесс концептуализации вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности, на сегодняшний день в этой сфере созданы отдельные нормативно-правовые и институциональные механизмы, такие как государственное регулирование информационного контента, защита персональных данных, идет процесс разработки и внедрения методов верификации личности в информационном пространстве. Но, несмотря на

⁵⁴⁷ Internews в Таджикистане ищет партнёра для передачи в управление раздела «Медиакритика» на таджикском и русском языках. 16.03.2023. URL: <https://media.tj/internews-v-tadzhikistane-ishhet-partnyora-dlya-peredachi-v-upravlenie-razdela-mediakritika-na-tadzhikskom-i-russkom-yazykax/> (дата обращения: 17.04.2023)

⁵⁴⁸ Вышел первый учебник по медийной и цифровой грамотности на таджикском языке. 10.06.2021. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijnoj-i-cifrovoj-gramotnosti-na-tadzhikskom-yazyke/> (дата обращения: 17.04.2023)

⁵⁴⁹ Штурхецкий С. Медиаграмотность. Практическое учебное пособие для высших учебных заведений по медийной и информационной грамотности. IREX Europe, 2018. 156 с. URL: <https://mediasabak.org/media/3f1921fa-9f7b-46a6-b110-c08809510337.pdf> (дата обращения: 17.04.2023)

это, с точки зрения распространения и потребления информации стране еще предстоит большая работа.

5.1.6. Российская Федерация

1. Мировоззренческий компонент. Летом 2020 года Президент В.В. Путин подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».⁵⁵⁰ Его исходной целевой посылкой является осуществление прорывного развития страны, увеличение численности населения, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также раскрытие таланта каждого человека.

Документ фиксирует пять приоритетных целей развития страны, а также их целевые показатели:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- цифровая трансформация и достижение «цифровой зрелости».

В утвержденной год спустя Стратегии национальной безопасности стратегические цели развития в более обобщенном и дополненном виде были закреплены в системе обеспечения национальной безопасности в качестве национальных интересов Российской Федерации и ее стратегических национальных приоритетов. В частности, отдельный акцент сделан на научно-технологическом развитии, включая создание и развитие сети научных установок класса «мегасайенс» крупных исследовательских инфраструктур, центров коллективного пользования научно-

⁵⁵⁰ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 16.04.2023)

технологическим оборудованием, экспериментального производства и инжиниринга.⁵⁵¹

В конце марта 2023 года в России была утверждена обновленная концепция внешней политики, в которой впервые был использован термин «информационно-психологическое воздействие». В числе девяти национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере названо «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия».⁵⁵² При этом укрепление российского суверенитета в глобальном информационном пространстве признается одним из основных приоритетов внешней политики. Более того, в документе четко обозначен основной источник информационно-психологических угроз. В контексте анализа современных международных тенденций и перспектив развития указывается, что наиболее распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям, что, как следствие, оказывает разрушительное воздействие на все сферы международных отношений.

2. Медийный компонент. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации заметное место отведено вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности. Так, к основным национальным интересам России отнесено развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. При этом

⁵⁵¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁵² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). // Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.04.2023)

предмет информационно-психологической безопасности, прежде всего, акцентирует внимание на защите традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, которые в современном мире все чаще становятся объектом идейно-ценностной экспансии, спланированных информационно-психологических диверсий и нападков со стороны США и их союзников. В частности, в документе подчеркивается, что информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета.

2.1. Производство информации.

Несмотря на конституционный запрет цензуры в России к настоящему времени сложилась система нормативно-правовых актов, обеспечивающих возможность государственного контроля за информационным контентом. В Законе «О противодействии экстремистской деятельности» предусмотрена ответственность за публичное распространение экстремистских материалов, в том числе публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации.⁵⁵³

В 2013 году внесены изменения в Уголовный кодекс, установившие ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.⁵⁵⁴

В 2019 году приняты поправки к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность

⁵⁵³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)

⁵⁵⁴ Федеральный закон от 29.06.2013 г. N 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37387> (дата обращения: 16.04.2023)

за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.⁵⁵⁵

В этом же году приняты изменения к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», направленные на борьбу с распространением дезинформации. В частности, предусматривается введение ограничения доступа к информации и блокировка информационных ресурсов, на которых размещается недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.⁵⁵⁶

В конце 2022 года очередными поправками была установлена ответственность за действия, связанные с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, в том числе с

⁵⁵⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 N 28-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (дата обращения: 06.03.2023)

⁵⁵⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 06.03.2023)

использованием средств массовой информации.⁵⁵⁷ Спустя несколько месяцев были приняты изменения в действующее законодательство, предусматривающие ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, а равно направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации.⁵⁵⁸ В дополнение к этому в апреле 2023 года был принят новый Закон «О гражданстве Российской Федерации», предусматривающий лишение приобретённого гражданства России за дискредитацию Вооруженных Сил и совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности страны.⁵⁵⁹

Основополагающим российским документом, регламентирующим порядок работы с персональными данными, является Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», который регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных органами государственной власти, юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-

⁵⁵⁷ Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 06.03.2023)

⁵⁵⁸ Федеральный закон от 18.03.2023 N 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.3-3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180005> (дата обращения: 06.03.2023)

⁵⁵⁹ Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280013?index=4&rangeSize=1> (дата обращения: 28.04.2023)

телекоммуникационных сетях.⁵⁶⁰ Документ определяет основные принципы работы с персональными данными, в частности, обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных, не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой, обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки, хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных, не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных.

В России функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), также она является уполномоченным органом по контролю соблюдения законодательства в сфере обработки персональных данных. В полномочия Роскомнадзора входит осуществление проверки информационных сообщений на предмет его соответствия национальному законодательству, а также наложение ограничений на вещание и блокировка ресурсов в сети Интернет.⁵⁶¹ В частности, организация ведет Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать ресурсы, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В области мер по идентификации личности в информационном пространстве существенное значение имеет пакет поправок, принятый в

⁵⁶⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁶¹ Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2023)

июле 2016 года, широко известный как «пакет Яровой».⁵⁶² Среди ключевых новшеств – требование к сотовым операторам и интернет-провайдерам хранить до 6 месяцев весь пользовательский интернет-трафик – переписку в мессенджерах, социальных сетях и электронной почте, аудиозаписи звонков. Также закон обязывает в течение 3 лет хранить метаданные – информацию о том, кому и когда звонил или пересылал файлы пользователь. Кроме этого, данные компании обязаны предоставлять по запросу правоохранительных органов всю эту информацию.

В октябре 2021 года Правительство РФ приняло Постановление, которое определило порядок идентификации пользователей организаторами сервисов обмена мгновенными сообщениями.⁵⁶³ Иными словами, при регистрации в мессенджерах их операторы обязаны идентифицировать личность пользователя, используя данные оператора мобильной связи, привязанные к абонентскому номеру человека.

2.2. Распространение информации. В России существует необходимая нормативно-правовая база, в соответствии с которой устанавливаются требования к маркировке информационного контента. Ключевым документом в этой сфере является Закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который содержит ряд норм, направленных на противодействие распространению манипулятивной информации. В частности, предусмотрено, что материалы, производимые и

⁵⁶² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 16.04.2023);
Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 375-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁶³ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2021 г. N 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». URL: <http://government.ru/docs/all/137122/> (дата обращения: 17.04.2023)

(или) распространяемые иностранным агентом, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети «Интернет», должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены иностранным агентом, либо касаются деятельности такого агента.⁵⁶⁴

3. Когнитивный компонент. Российская научно-исследовательская традиция в области когнитивистики имеет глубокую историю. Во всем мире известны имена И.П. Павлова, И.В. Сеченова, В.М. Бехтерева, А.А. Ухтомского, Л.С. Выготского и многих других выдающихся ученых. В настоящее время по количеству научных публикаций в области когнитивистики Россия занимает 30 место в мире и первое место среди стран-участниц ОДКБ.⁵⁶⁵ В стране существует несколько научно-исследовательских центров по изучению высшей нервной деятельности человека. Например, петербургский Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой, Институт перспективных исследований мозга МГУ им. М.В. Ломоносова, Курчатовский комплекс НБИКС-природоподобных технологий.

В России на официальном уровне уделяется повышенное внимание вопросам становления информационного общества, формированию цифровой экономики, подготовке кадров, повышению доступности современных информационных технологий и медиаграмотности населения. Так, с 2017 года в стране реализуется государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», плановые показатели которой рассчитаны до 2024 года. Программа направлена на создание условий для развития общества знаний, повышение благосостояния и качества жизни граждан путем повышения доступности и качества товаров и услуг,

⁵⁶⁴ Федеральный закон от 14 июля 2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)

⁵⁶⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)

произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышение степени информированности и цифровой грамотности.⁵⁶⁶ В конце 2022 года Правительство РФ утвердило Концепцию формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ. В документе под культурой информационной безопасности понимается совокупность сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающая безопасное пребывание гражданина Российской Федерации в информационном пространстве.⁵⁶⁷ Концепция предполагает решение нескольких ключевых задач, в том числе, проведение на регулярной основе мониторинга уровня грамотности по вопросам информационной безопасности, формирование у граждан, не интересующихся вопросами личной информационной безопасности, интереса к указанной теме; обучение граждан новым образцам поведения, основанным на правилах личной информационной безопасности.

Как ожидается, реализация Концепции будет способствовать повышению уровня грамотности населения по вопросам информационной безопасности, сокращению финансового, морально-психологического и репутационного ущерба граждан от преступлений с использованием ИТ-технологий, повышению уровня доверия к цифровым сервисам и дальнейшей цифровизации экономики.

Помимо усилий на федеральном уровне сегодня многие субъекты РФ имеют собственные региональные программы по цифровой трансформации, в которых значительное внимание уделяется вопросам повышения медиаграмотности населения.⁵⁶⁸

⁵⁶⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N 1632-р.
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁶⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. N 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405905591/> (дата обращения: 16.04.2023)

⁵⁶⁸ Варганова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2679> (дата обращения: 16.04.2023)

Также сегодня многие крупные российские коммерческие компании принимают активное участие в решении задач цифровой трансформации. Например, АНО «Цифровая экономика» объединяет в этом направлении ведущие российские высокотехнологичные компании: Яндекс, Мегафон, Сбер, Ростелеком, МТС, Билайн, VK и другие в рамках семи основных направлений деятельности, связанных с процессами цифровизации. Совместными усилиями проводятся исследования, создается экосистема поддержки бизнеса, реализуются проекты в области подготовки кадров, в том числе и в сфере повышения медиаграмотности, например, «Цифровой ликбез» - совместный проект VK и АНО «Цифровая экономика», который в интерактивном формате рассказывает подрастающему поколению, как безопасно вести себя в интернете.

5.1.7. Сравнительный анализ государственной политики стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности

В заключение этой части нашего исследования представим в обобщенном виде результаты проведенного сравнительного анализа государственной политики стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности, Таблица 6.

Таблица 6 – Государственная политика стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности

Страна	Компоненты информационно-психологической безопасности			
	Мировоззренческий	Медийный		Когнитивный
		Производство информации	Распространение информации	
Армения	<p>Преимственность ценностных и культурных основ общественной жизни.</p> <p>Развитие национальной идентичности.</p> <p>Укрепление всеармянского государства.</p> <p>Обеспечение демократии, прав человека и верховенства права.</p> <p>Устойчивое экономическое развитие и благосостояние населения.</p>	<p><u>Госрегулирование</u>: ограничения на трансляцию иностранных телеканалов; раскрытие источника информации по решению суда.</p> <p><u>Защита персональных данных</u>: соответствует международным стандартам.</p> <p><u>Верификация личности</u>: подтверждение личности пользователей мобильной связи; подтверждение личности в интернете отсутствует.</p>	<p>Законодательство об иностранных агентах отсутствует; маркировка контента отсутствует.</p>	<p><i>Медиаграмотность</i>: государство реализует и поддерживает национальные и международные программы</p>
Беларусь	<p>Устойчивое развитие института семьи и качественный рост человеческого потенциала.</p> <p>Производительная занятость и достойные доходы населения.</p> <p>Цифровая трансформация экономики и широкомасштабное распространение инноваций.</p> <p>«Электоральный суверенитет».</p> <p>Создание развитой бизнес-среды и устойчивой инфраструктуры.</p> <p>Обеспечение экологической безопасности, переход к рациональным моделям производства и потребления.</p>	<p><u>Госрегулирование</u>: запрет на освещение в прямом эфире массовых мероприятий, проводимых с нарушением закона в целях их популяризации или пропаганды; блокировка информационного ресурса или контента, если он способен нанести ущерб национальным интересам страны; учредителями СМИ не могут выступать иностранцы, а также юридические лица с иностранным участием; журналистам запрещается выступать в качестве организаторов или участников массовых мероприятий.</p> <p><u>Защита персональных данных</u>: соответствует международным стандартам.</p> <p><u>Верификация личности</u>: подтверждение личности пользователей мобильной связи; поставщики интернет-услуг и владельцы интернет-кафе осуществляют идентификацию абонентских устройств, хранят сведения об оказанных интернет-услугах.</p>	<p>Законодательство об иностранных агентах отсутствует; маркировка контента отсутствует</p>	<p><i>Медиаграмотность</i>: существуют нерегулярные проекты, поддерживаемые государством</p>

Страна	Компоненты информационно-психологической безопасности			
	Мировоззренческий	Медийный		Когнитивный
		Производство информации	Распространение информации	
Казахстан	<p>Новый казахстанский патриотизм: человек гордится своей страной не априори, а при условии, что государство гарантирует ему качество жизни, безопасность и перспективы.</p> <p>Равенство прав граждан всех этносов, особая ответственность за обеспечение которого лежит на плечах казахов.</p> <p>Укрепление казахского языка в качестве государственного и духовного стержня нации: переходом с 2025 года на латинский алфавит.</p> <p>Укрепление интегральных основ казахской культуры как основы для единства народа.</p> <p>Усиление роли национальной интеллигенции в проектировании ментальной, мировоззренческой модели будущего страны.</p> <p>Формирование симбиоза мусульманских и светских традиций.</p>	<p><u>Госрегулирование:</u> приостановка деятельности СМИ за распространение информации, угрожающей национальной безопасности и несоответствующих действительности решением Министерства.</p> <p><u>Защита персональных данных:</u> соответствует международным стандартам.</p> <p><u>Верификация личности:</u> подтверждение личности пользователей мобильной связи; подтверждение личности в интернете отсутствует.</p>	<p>Законодательство об иностранных агентах отсутствует; маркировка контента отсутствует</p>	<p><u>Медиаграмотность:</u> государство реализует и поддерживает национальные и международные программы</p>

Страна	Компоненты информационно-психологической безопасности			
	Мировоззренческий	Медийный		Когнитивный
		Производство информации	Распространение информации	
Кыргызстан	<p>Ориентация человека на получение новых знаний, здоровье, прогрессивные духовные ценности.</p> <p>Укрепление института семьи как центрального элемента духовности.</p> <p>Сохранение кыргызской идентичности.</p> <p>Обеспечение полного охвата населения дошкольным и школьным образованием.</p> <p>Поддержка кыргызского языка как важнейшего признака национальной идентичности кыргызской культуры.</p> <p>Превращение страны в цифровой хаб на Великом Шелковом пути.</p> <p>Повышение эффективности систем государственного управления и правосудия.</p>	<p><u>Госрегулирование:</u></p> <p>запрет на распространение недостоверной (ложной) информации в интернет-пространстве;</p> <p>приостановка деятельности информационного ресурса и блокировка контента решением уполномоченного органа.</p> <p><u>Защита персональных данных:</u></p> <p>соответствует международным стандартам.</p> <p><u>Верификация личности:</u></p> <p>подтверждение личности пользователей мобильной связи; подтверждение личности в интернете отсутствует.</p>	<p>Законодательство об иностранных агентах отсутствует; маркировка контента отсутствует</p>	<p><u>Медиаграмотность:</u></p> <p>программы реализуются НКО при иностранной финансовой поддержке</p>

Страна	Компоненты информационно-психологической безопасности			
	Мировоззренческий	Медийный		Когнитивный
		Производство информации	Распространение информации	
Россия	<p>Сохранение населения, здоровье и благополучие людей.</p> <p>Возможности для самореализации и развития талантов.</p> <p>Развитие комфортной и безопасной среды для жизни.</p> <p>Обеспечение ускоренных темпов роста ВВП и доходов населения.</p> <p>Достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы.</p> <p>Научно-технологическое развитие, включая создание и развитие сети научных установок класса «мегасайенс», крупных исследовательских инфраструктур.</p> <p>Укрепление духовно-нравственных основ общественной жизни.</p>	<p><u>Госрегулирование:</u></p> <p>ответственность за публичное распространение экстремистских материалов, ложное обвинение лица, замещающего государственную должность, публичное неуважение к обществу и оскорбления религиозных чувств верующих;</p> <p>ответственность за распространение информации, оскорбляющую общественную нравственность, государственные органы и символы;</p> <p>ограничение доступа к информации и блокировка информационных ресурсов за размещение недостоверной общественно значимой информации;</p> <p>ответственность за действия, связанные с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений;</p> <p>ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил РФ.</p> <p><u>Защита персональных данных:</u> соответствует международным стандартам.</p> <p><u>Верификация личности:</u></p> <p>подтверждение личности пользователей мобильной связи;</p> <p>требование к сотовым операторам и интернет-провайдерам хранить до 6 месяцев весь пользовательский интернет-трафик и предоставлять эти данные по запросу правоохранительных органов;</p> <p>идентификации пользователей организаторами сервисов обмена мгновенными сообщениями.</p>	<p>Действует законодательство об иностранных агентах.</p> <p>Требование сопровождать производимые и (или) распространяемые иноагентами материалы соответствующей маркировкой.</p>	<p><u>Медиаграмотность:</u></p> <p>существует целостная государственная политика по реализации программ с участием частного сектора и НКО.</p>

Страна	Компоненты информационно-психологической безопасности			
	Мировоззренческий	Медийный		Когнитивный
		Производство информации	Распространение информации	
Таджикистан	<p>Обеспечение энергетической независимости и эффективное использование электроэнергии.</p> <p>Выход из коммуникационного тупика и превращение Таджикистана в транзитную страну.</p> <p>Обеспечение продовольственной безопасности и доступ населения к качественному питанию.</p> <p>Расширение продуктивной занятости.</p>	<p><i>Госрегулирование:</i></p> <p>запрет на распространение на территории страны печатной продукции, телевизионных и радиопередач зарубежных средств массовой информации, подрывающих национальную безопасность;</p> <p>приостановка деятельности интернет-ресурсов для предотвращения экстремистской деятельности по решению Службы связи при Правительстве.</p> <p><i>Защита персональных данных:</i> соответствует международным стандартам.</p> <p><i>Верификация личности:</i> подтверждение личности и видеофиксация при подключении к мобильной связи;</p> <p>требование к поставщикам услуг связи, в том числе интернет-провайдерам хранить информацию экстремистского характера на своих серверах;</p> <p>подтверждение личности в интернете отсутствует.</p>	<p>Законодательство об иностранных агентах отсутствует;</p> <p>маркировка контента отсутствует</p>	<p><i>Медиаграмотность:</i></p> <p>программы реализуются НКО при иностранной финансовой поддержке</p>

Анализируя приведенные данные, следует сделать несколько выводов:

во-первых, страны-участницы ОДКБ в настоящее время находятся на разном уровне формирования нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения информационно-психологической безопасности. В Российской Федерации существует наиболее системная и целостная государственная политика в данной области.

Во-вторых, в мировоззренческом компоненте общим знаменателем для всех стран являются следующие приоритеты развития: поддержка семьи и семейных ценностей, укрепление основ национальной культуры, рост экономики и доходов населения, инновационное развитие. При этом при выстраивании интегрального подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ следует учитывать объективные социокультурные различия стран-участниц. Поэтому в мировоззренческом плане на наднациональном уровне наибольший интеграционный потенциал имеют приоритеты, связанные с ростом экономики, доходов граждан и инновационным развитием.

В-третьих, в медийном компоненте также наблюдаются существенные различия. В сфере политики государственного регулирования информационного контента подходы стран-участниц располагаются в диапазоне, на противоположных полюсах которого находятся наиболее мягкие подходы Республики Армения и наиболее многочисленные ограничения, принятые в Российской Федерации. При этом политика остальных стран в данной области тяготеет к российскому полюсу. Во всех странах, за исключением Армении, элементом государственной политики является наличие органа, уполномоченного инициировать приостановку деятельности информационного ресурса и блокировку контента, угрожающего национальной безопасности государства без решения суда.

Во всех странах-участницах ОДКБ имплементирована система защиты персональных данных, соответствующая международным стандартам в этой

сфере. Существует взаимное признание возможности трансграничной передачи персональных данных.

В вопросах идентификации личности в информационном пространстве существуют достаточно серьезные различия. Общим для всех стран участниц является аутентификация пользователей при подключении к мобильной сети. В Армении, Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане нормативно-правовая база, по сути, ограничивается этими требованиями. В Таджикистане к этому добавлено требование видеофиксации в места продаж сим-карт и хранение поставщиками услуг связи информации экстремистского характера; в Республике Беларусь – требование к поставщикам услуг интернет идентифицировать пользовательские устройства, владельцам точек коллективного доступа в интернет идентифицировать своих клиентов и хранить информации об оказанных услугах; в России действующая нормативно-правовая база позволяет правоохранительным органам идентифицировать личности и практически все действия пользователей, не имеющих умысла их скрыть, в интернет-пространстве без судебного решения.

В-четвертых, в рамках когнитивного компонента нами были рассмотрены некоторые общие страновые данные относительно состояния когнитивной науки, которые в определенной степени характеризуют имеющийся национальный потенциал по выработке и эффективному применению инструментальных методов и средств в информационно-психологическом противоборстве, которые, как правило, носят непубличный характер. А также единственный, обозначенный в рамках нашей модели информационно-психологической безопасности, способ ее обеспечения, находящийся в пространстве публичной политики – программы медиаграмотности. Среди стран-участниц ОДКБ подходы к реализации подобных программ находятся в корреляции со степенью признания на официальном уровне приоритетности информационно-психологических

вызовов, а также, по всей видимости, с имеющимся национальным научно-методическим потенциалом в данной сфере и финансовыми возможностями. В Кыргызстане и Таджикистане доминирующее положение занимают импортные программы медиаграмотности. В Казахстане существует баланс между национальными программами, непосредственно поддерживаемыми государством и международными проектами, реализуемым такими организациями как Internews и IREX Europe. В России преобладают национальные проекты, реализуемые государством в партнерстве с некоммерческим сектором.

В-пятых, во всех странах-участницах ОДКБ на официальном уровне придается высокое значение противодействию вызовам и угрозам в информационно-психологической сфере, состоялось концептуальное обособление информационно-психологической безопасности в общей системе информационной безопасности, а процесс создания национальных нормативно-правовых и институциональных механизмов противодействия информационно-психологическим вызовам и угрозам находится на разных стадиях реализации.

§5.2. Информационно-психологическая безопасность на уровне ОДКБ

Данный вопрос подробно исследован автором в одной из ранее опубликованных работ.⁵⁶⁹ Обеспечение информационной безопасности прочно входит в число приоритетных задач обеспечения коллективной безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности. Необходимость укрепления совместных усилий в данной сфере входит в число обязательных пунктов и нередко является

⁵⁶⁹ Выходец Р.С. Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2023. N 2. С. 132-143.

самостоятельной темой совместных заявлений по итогам встреч в разных форматах на уровне ОДКБ.

Например, в Заявлении Совета коллективной безопасности ОДКБ, приуроченном к тридцатилетнему юбилею заключения Договора о коллективной безопасности и двадцатилетию создания Организации отмечается, что в настоящее время продолжается совершенствование структуры Организации и расширяется спектр ее деятельности по всем основным направлениям, к числу которых относится и обеспечение информационной безопасности.⁵⁷⁰

В Совместном заявлении министров иностранных дел государств-членов ОДКБ по итогам встречи в Ереване в ноябре 2022 года подчеркивается, что «что информационная безопасность каждого государства-члена ОДКБ формирует общую информационную безопасность и непосредственно влияет на состояние коллективной безопасности государств-членов Организации.»⁵⁷¹

В предыдущей части нашей работы мы выяснили, что вопросы, относящиеся к обеспечению информационно-психологической безопасности, входят в систему обеспечения национальной безопасности практически всех стран-участниц ОДКБ и являются результатом концептуальной дифференциации сферы информационной безопасности. Кроме того, отталкиваясь от предложенной нами модели обеспечения информационно-психологической безопасности с уверенностью можно утверждать, что на национальном уровне идет процесс нормативно-правового и институционального оформления политической практики в этой области.

⁵⁷⁰ Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности. 16.05.2022. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-svyaz/#loaded> (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁷¹ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 23.11.2022. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollekti/#loaded> (дата обращения: 28.04.2023)

Имеющиеся наработки вполне могут лечь в основу выработки единых подходов к обеспечению информационно-психологической безопасности. Однако перед тем как переходить к описанию модели коллективного обеспечения информационно-психологической безопасности, необходимо проанализировать текущее состояние данной сферы на уровне ОДКБ.

История ОДКБ ведет свой отсчет с заключения 15 мая 1992 года в столице Узбекистана, Ташкенте, Договора о коллективной безопасности, который подписали главы Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. В 1993 году к нему присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. 20 апреля 1994 года завершилась процедура национальной ратификации, после чего Договор вступил в силу. Первоначально Договор был заключен сроком на пять лет с возможностью дальнейшей пролонгации. В 1999 году шесть стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан подписали Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности, на основании которого сформировался ныне действующий состав стран-участниц и установлен автоматический порядок продления действия Договора на пятилетние периоды.

Важной вехой в истории ОДКБ является 15 мая 2002 года, когда на заседании в Москве Совет коллективной безопасности принял Решение о создании на платформе Договора о коллективной безопасности международной региональной организации. Вскоре после этого, в октябре 2002 года на Саммите СНГ в Кишиневе страны-участницы утвердили Устав ОДКБ. Это событие ознаменовало собой завершение юридического оформления и основных организационных процедур по приданию ОДКБ статуса международной региональной организации, которая объединяла в своих рядах суверенные государства для реализации общих интересов по обеспечению коллективной безопасности.

Статья 4 Договора о коллективной безопасности гласит: «В случае совершения агрессии (вооруженного нападения, угрожающего безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на любое из государств – участников все остальные государства – участники по просьбе этого государства – участника незамедлительно предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.»⁵⁷²

В одной из предыдущих частей нашей работы мы подробно анализировали трансформацию концепции современной войны, появление ее новых доменов, информационного и когнитивного, утверждение практики гибридной агрессии с использованием в военных целях современных информационных технологий, поэтому основополагающий документ ОДКБ содержит в себе необходимые правовые основы для выработки совместных методов противодействий современным угрозам.

Этот факт в полной мере нашел отражение в Уставе ОДКБ, утвержденном спустя 10 лет после подписания Договора, когда методы целенаправленного деструктивного информационного воздействия стали вполне очевидными. Так статья 8 Устава фиксирует информационную безопасность в качестве одной из приоритетных сфер взаимодействия государств-членов.⁵⁷³

Выстраивание системы информационной безопасности на уровне ОДКБ началось в 2006 году, когда на ноябрьском заседании Комитета

⁵⁷² Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 27.04.2023)

⁵⁷³ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 27.04.2023)

секретарей советов безопасности в Минске было принято решение о создании при Комитете Рабочей группы по вопросам информационной политики и информационной безопасности, на которую возложены задачи координации совместных действий по выявлению общих проблем и угроз для государств-членов ОДКБ в сфере информационной политики и безопасности, а также разработке предложений о совместном противодействии им. В ее состав вошли представители министерств и ведомств стран-участниц, в круг полномочий которых входят вопросы информационной политики и безопасности.⁵⁷⁴

Вопросы информационной безопасности рассматривались в качестве основных приоритетов в обеспечении суверенитета государств-членов ОДКБ на заседании Совета коллективной безопасности, состоявшемся в декабре 2010 года в Москве. По его итогам в целях формирования системы информационной безопасности утверждено Положение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности.⁵⁷⁵ В нем под системой информационной безопасности понимается комплекс мер правового, политического, организационного, кадрового, финансового, научно-технического и специального характера, нацеленный на обеспечение информационной безопасности государств-членов ОДКБ.

Среди основных направлений сотрудничества указаны противодействие преступлениям, совершаемым с применением современных информационных технологий, и использованию национальных сегментов

⁵⁷⁴ В ОДКБ создана рабочая группа по вопросам информационной политики и безопасности. 27.12.2006. URL: https://vpk.name/news/2126_v_odkb_sozdana_rabochaya_gruppa_po_voprosam_informacionno_i_politiki_i_bezopasnosti.html (дата обращения: 27.04.2023)

⁵⁷⁵ Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 10 декабря 2010 года «О Положении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности». URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181116.html (дата обращения: 27.04.2023)

сети Интернет в целях обеспечения иной противоправной деятельности, предусмотренной национальным законодательством, а также противодействие и нейтрализация информационных потоков, формирующих негативное отношение и недостоверное представление о государствах-членах ОДКБ.

Существенное значение для выстраивания системы коллективной информационной безопасности имело то, что в Положении были определены функции органов ОДКБ в этой сфере и порядок взаимодействия между ними: Совет коллективной безопасности (определяет стратегию, основные направления и перспективы совместной деятельности); Комитет секретарей советов безопасности, Совет министров обороны и Совет министров иностранных дел (организуют выполнение решений Совета коллективной безопасности, готовят предложения по координации сотрудничества в области международной информационной безопасности); Генеральный секретарь (организует подготовку и вносит на рассмотрение Совета коллективной безопасности проекты документов и решений); Секретариат во взаимодействии с Объединенным штабом ОДКБ, национальными координирующими органами готовит практические предложения); Национальные координирующие органы (реализуют скоординированные практические меры).

В соответствии с принятым в Москве решением Правительства государств-членов ОДКБ должны были в трехмесячный срок определить национальный координирующий орган в сфере обеспечения информационной безопасности и уведомить об этом Секретариат ОДКБ. В настоящее время к таковым относятся следующие: Армения – Служба национальной безопасности, Беларусь – Оперативно-аналитический центр при Президенте, Казахстан – Комитет по информационной безопасности, Кыргызстан – Координационный центр по обеспечению кибербезопасности при Государственном комитете национальной безопасности, Россия –

Федеральная служба безопасности, Таджикистан – Государственный комитет национальной безопасности.

Порядок взаимодействия и сотрудничества между уполномоченными компетентными органами стран-участниц ОДКБ определен принятым 23 декабря 2014 года Протоколом «О взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере».⁵⁷⁶

Существенное значение для концептуализации вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ и придание им приоритетного значения в процессе выработки совместных действий по обеспечению коллективной безопасности имеет Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года, утвержденная Советом коллективной безопасности в 2016 г.⁵⁷⁷ В документе указывается, что одним из основных факторов, отнесенных к современным вызовам и угрозам коллективной безопасности ОДКБ, является стремление к достижению стратегических целей с использованием силы, в том числе и информационного давления, использование информационных и коммуникационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, манипулирования общественным сознанием, применение информационных технологий в так называемых «комплексных» или «гибридных» технологиях.

⁵⁷⁶ Протоколом «О взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере». 23.12.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561354812> (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁷⁷ Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года». URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 28.04.2023)

Стратегия фокусирует внимание на медийных аспектах информационного давления, признавая ведущую роль электронных ресурсов. Так, в перечне внешних и внутренних вызовов и угроз коллективной безопасности ОДКБ отдельными пунктами, соответственно, обозначены осуществление деструктивного идеологического и психологического воздействия на население через электронные информационные сети и медиаресурсы.

По сути, документ на официальном уровне закрепляет за информационно-психологическим воздействием статус одного из элементов современного силового противоборства в пространстве международных отношений. И хотя речь не идет о рассмотрении информационно-психологической сферы в качестве нового измерения современной войны, тем не менее, логика Стратегии указывает на расширение концептуальных границ обеспечения коллективной безопасности в зоне ответственности ОДКБ и указывает на необходимость координации совместных усилий в целях формирования единого безопасного информационного пространства стран-участниц ОДКБ.

Несмотря на то, что в официальных документах ОДКБ термины с прилагательным «информационно-психологический» не используются, в подписанном лидерами стран-участниц ОДКБ 30 ноября 2017 года в Минске Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, которое, по мнению белорусских исследователей, является еще одним шагом на пути формирования целостной системы нормативного обеспечения информационной безопасности на пространстве ОДКБ,⁵⁷⁸ дано определение понятия «деструктивное информационное воздействие». Под ним понимается использование информационно-коммуникационных

⁵⁷⁸ Макаров О.С., Романовский В.А. Правовое регулирование обеспечения международной информационной безопасности на пространстве ОДКБ // Современные проблемы юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений. Сборник научных статей / под ред. С.Е. Чебурановой. Гродно, 2022. С. 318.

технологий в целях нарушения деятельности органов власти, ослабления национальной безопасности, нанесения ущерба информационно-коммуникационным системам, сетям и ресурсам, ухудшения межгосударственных отношений, создания внутренней социально-политической напряженности, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, установления контроля над национальными информационными ресурсами, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, причинения иного ущерба интересам государств-членов ОДКБ.⁵⁷⁹

В определении четко прослеживаются два относительно самостоятельных аспекта, один из которых акцентирует внимание на кибератаках на информационную инфраструктуру, а второй имеет прямое отношение к вопросам информационно-психологического противоборства. Как справедливо замечают некоторые исследователи, в большинстве стратегических документов ОДКБ используется обобщающий термин «информационная безопасность», который охватывает как информационно-технологические, так и информационно-психологические компоненты архитектуры безопасности.⁵⁸⁰

29 ноября 2021 года Парламентская Ассамблея ОДКБ приняла Модельный закон «Об информационной безопасности».⁵⁸¹ Документ во многом опирается на положения вышеперечисленных документов, но при этом делает шаг вперед в дифференциации концепции обеспечения информационной безопасности ОДКБ.

⁵⁷⁹ Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260001> (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁸⁰ Elamiryani R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 20.11.2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁸¹ Модельный закон ОДКБ «Об информационной безопасности». 29.11.2021. URL: <https://paodkb.org/events/assambleya-prinyala-modelnyy-zakon-ob-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.04.2023)

Так, в Законе обозначены четыре сферы обеспечения информационной безопасности, одна из которых защита конституционного строя и государственной/национальной безопасности. Основными угрозами в этой сфере являются:

- информационное воздействие, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в государстве-члене ОДКБ, подрыв его национального суверенитета и территориальной целостности;

- использование средств массовой информации, интернета и сетей мобильной связи для размывания традиционных духовно-нравственных ценностей, пропаганды терроризма и экстремизма, в том числе на религиозной основе;

- использование средств массовой информации и других информационных ресурсов для разжигания в государстве-члене ОДКБ ненависти и вражды между различными социальными, этническими и религиозными группами граждан;

- использование средств массовой информации и других информационных ресурсов для навязывания обществу ложных или умышленно искаженных фактов, направленных на подрыв авторитета легитимной власти;

- попытки осуществлять деструктивное идеологическое и психологическое воздействие на население государства-члена ОДКБ через информационные сети и медиаресурсы;

- использование информационных и коммуникационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, а также попытки манипулирования общественным сознанием в государстве – члене ОДКБ;

- использование информационно-коммуникационных технологий в террористических целях, в том числе для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

- использование информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях, а также для вмешательства во внутренние дела суверенных государств;

- применение иностранными государствами технологий комбинированных форм воздействия на государство – член ОДКБ с целью разрушения государственности, дестабилизации внутривнутриполитической ситуации или смены политического режима.

В статье 7 в качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности в сфере защиты конституционного строя и государственной/национальной безопасности обозначены следующие:

- построение эффективной системы, направленной на обеспечение информационной безопасности в случае возникновения активного деструктивного информационного воздействия одного или нескольких иностранных государств, имеющего целью дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в государстве – члене ОДКБ;

- построение системы пресечения распространения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет сведений, имеющих целью размывание традиционных духовно-нравственных ценностей, пропаганду терроризма и экстремизма, в том числе на религиозной основе, с применением единообразных критериев противоправности.

Однако при четкой фиксации аспектов, непосредственно касающихся сферы информационно-психологической безопасности формулировки, раскрывающие содержание деятельности государств-членов ОДКБ по обеспечению информационной безопасности, прежде всего, затрагивают технические аспекты кибербезопасности. При этом как подчеркивают некоторые исследователи, для противодействия внешнему информационно-психологическому воздействию необходим действенный инструментарий,

включающий как информационно-коммуникационные, так и информационно-идеологические компоненты.⁵⁸²

Поэтому, несмотря на то, что на уровне ОДКБ сформирована организационная структура по обеспечению информационной безопасности, а также разработана необходимая нормативно-правовая база, включающая информационно-психологический компонент, проблема повышения политического статуса вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности, нормативно-правового, организационного и непосредственно практического их обособления в общей системе коллективной информационной безопасности стоит достаточно остро.

Дело в том, что в настоящее время основными субъектами практической деятельности в области обеспечения информационной безопасности ОДКБ, в том числе в сфере противодействия деструктивному информационному воздействию, выступают силовые структуры государств-членов, реализующие специальные операции в информационном пространстве. Например, проводимые на постоянной основе с 2008 года практические мероприятия по противодействию криминалу в сфере информации (ПРОКСИ). Их главной целью является борьба с информационными потоками, наносящими ущерб национальной и коллективной безопасности стран-участниц ОДКБ в национальных сегментах сети Интернет. По официальным данным на 2021 год, за все время существования ПРОКСИ была приостановлена деятельность 148 тысяч информационных ресурсов и заблокировано более полутора миллиона информационных ссылок, наносящих ущерб национальным и коллективным интересам.⁵⁸³ Много это или мало? Для сравнения, за один только третий

⁵⁸² Возжеников А.В. Современные приоритеты политики защиты информационного пространства ОДКБ // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. N 4(54). С. 141.

⁵⁸³ Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php> (дата обращения: 28.04.2023)

квартал 2022 года Роскомнадзор заблокировал или удалил более 89 тыс. интернет-ресурсов, содержащих запрещенную информацию.⁵⁸⁴

При качественной оценке подобных данных следует также принимать во внимание уровень цифровизации, а также медиапредпочтения граждан стран-участниц ОДКБ (Таблица 7).⁵⁸⁵

Исходя из приведенных данных, четко видно, что уровень проникновения интернет-технологий в странах участницах ОДКБ достаточно высок, а население в вопросах выбора источников получения информации все больше отдает предпочтение социальным сетям, подавляющее большинство которых являются иностранными. Поэтому при всей важности и необходимости специальных операций в информационной среде, таких как ПРОКСИ, их результаты едва ли смогут кардинально повлиять на ход современного информационного противоборства.

Современные условия глобальной конкуренции, резко обострившиеся после начала Специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 года, в совокупности с возможностями новейших информационных технологий по воздействию на общественное мнение, мировоззрение и поведение отдельного человека формируют целый пласт гибридных вызовов и угроз, значительная часть которых относится к информационно-психологической сфере и нацелена, в том числе, на подрыв многостороннего консенсуса в интеграционных проектах с участием России на евразийском пространстве.

⁵⁸⁴ Роскомнадзор подвел итоги работы по ограничению доступа к запрещенной информации за третий квартал 2022 года. 24.11.2022. URL:

<https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁸⁵ Digital 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 04.02.2023); Доля рынка поисковых систем в Белоруссии. Февраль 2023. URL: <https://www.similarweb.com/ru/engines/belarus/> (дата обращения: 22.03.2023)

Таблица 7 – Некоторые аспекты цифровизации в странах-участницах ОДКБ

Страна	кол-во населения	кол-во интернет-пользователей	Пользователи Интернет, % от населения	кол-во пользователей соцсетей	Пользователи социальных медиа, % от населения	Наиболее популярные социальные медиа, % охвата интернет-аудитории	Наиболее популярные поисковые системы, % от общего веб-траффика
Армения	2780000	2180000	78,6	1850000	66,6	Facebook* – 50,4 Instagram* – 36,4	Google – 92,4 Yandex – 6,3
Беларусь	9520000	8270000	86,9	4270000	44,9	VK - 40,0 Instagram* 33,6 Odnoklassniki - 29,4 Facebook* - 7,9 LinkedIn - 6,6 Viber* - 87 Telegram* - 56,0	Google – 93,3 Yandex – 3,1
Казахстан	19500000	17730000	90,9	11850000	60,8	Instagram* – 58,9 Tik Tok - 58,7 Facebook* – 12,4	Google – 92,3 Yandex – 7,2
Кыргызстан	6680000	5210000	77,9	2750000	41,1	Instagram* – 44,2 Facebook* – 13,6	Google – 88,4 Yandex – 10,5
Россия	144700000	127600000	88,2	106000000	73,3	VK - 75,3 Watsapp* - 71,5 Telegram* - 64,4 Odnoklassniki - 43,5 TikTok 42,6 Viber* - 34,7 Instagram* - 24,0 Pinterest - 13,0 Facebook* - 7,0	Yandex – 51,9 Google – 45,1
Таджикистан	10050000	4100000	40,8	1100000	10,9	Instagram* – 19,6 Facebook* – 10,6 LinkedIn - 1,9	Google – 82,0 Yandex – 16,0
ОДКБ	193230000	165090000	85,4	127820000	66,1		

* Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена, доступ к принадлежащим ей ресурсам Facebook, Instagram, Telegram, Watsapp в России запрещен или ограничен. За невыполнение требований Роскомнадзора доступ к Viber на территории России ограничен.

По мнению И.Ф. Кефели и Н.А. Комлевой, современная гибридная война, в которой главным оружием выступает совокупность оценочных мировоззренческих или идеологических конструкторов, своей основной целью имеет одновременное разрушение всех основных геополитических пространств противника, т.е. его абсолютное сокрушение.⁵⁸⁶

В этих условиях возрастает значение коллективных действий по защите общих интересов и приоритетов развития. Как указывают некоторые исследователи, ОДКБ в настоящее время остается единственным потенциально эффективным субъектом противодействия угрозам информационно-психологического характера, источником которых на постсоветском пространстве выступают конкурирующие субъекты мировой политики, в первую очередь атлантические державы и аффилированные с ними международные организации.⁵⁸⁷

В этой связи от России и ее союзников по ОДКБ требуется создание целостной системы коллективных действий, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту от целенаправленного злонамеренного влияния в информационной среде, а с другой, формирующих позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит максимально эффективно реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность в современном мире.

⁵⁸⁶ Кефели И.Ф., Комлева Н.А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. N 1. С. 54.

⁵⁸⁷ Цыбаков Д.Л., Заслонкина О.В. Политика ОДКБ по защите информационно-психологической сферы коллективной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. N 4. С. 139.

§5.3. Модель обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ

28 марта 2023 года в Санкт-Петербурге на заседании Информационно-аналитического правового центра Парламентской Ассамблеи ОДКБ особое внимание было уделено проблеме обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности. В частности, Р.Н. Ключко, доцент Гродненского госуниверситета имени Я. Купалы (Республика Беларусь) предложила Экспертно-консультативному совету при Совете ПА ОДКБ разработать Концепцию, которая могла бы фактически отразить стратегические направления в части обеспечения информационно-психологической безопасности. По ее словам, «следующим этапом для реализации этой Концепции могут быть конкретные рекомендации. Такие рекомендации уже приняты и сейчас разрабатываются Парламентской Ассамблеей ОДКБ. К примеру, Рекомендации по противодействию реабилитации нацизма и унижения военных ветеранов».⁵⁸⁸ Кроме того, участники заседания подчеркнули, что современное деструктивное информационное воздействия направлено на изменение культурного кода нации и должны быть уголовно наказуемым.

Высказанные экспертами предложения являются еще одним шагом на пути к формированию на уровне ОДКБ единой системы обеспечения информационно-психологической безопасности. В заключении нашего исследования, опираясь на предыдущие рассуждения и выводы, мы предложим собственное видение возможной системы коллективной информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ.

⁵⁸⁸ В ПА ОДКБ предложили разработать Концепцию обеспечения информационно-психологической безопасности. 28.03.2023. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (дата обращения: 28.04.2023)

Итак, тезисно обозначим основные посылки нашего исследования.

В центре обеспечения информационно-психологической безопасности находится противодействие деструктивному воздействию в информационной среде. При этом для нас принципиальное значение имеет разграничение кибератак (киберпреступлений), которые также осуществляются в среде, называемой «информационной», и злонамеренного воздействия на психику и поведение человека. Поэтому в контексте рассмотрения вопросов информационно-психологической безопасности под «информационной средой» мы понимаем медийное пространство, в котором доминирующее положение сегодня занимают интернет-ресурсы.

Информационно-психологическая безопасность – состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде организованной или дискурсивной природы.

Основными компонентами информационно-психологической безопасности являются:

мировоззренческий – концентрируется на безопасности духовной деятельности человека, которая воплощается в идеологии, системе ценностей и норм, а также определяемом ими групповом и индивидуальном поведении;

медийный – включает методы противодействия деструктивному влиянию на уровне производства и распространения информации;

когнитивный – фокусируется на процессе потреблении информации целевыми аудиториями и включает вопросы правильного выбора и использования форм и методов коммуникации, а также знания и эффективного использования психических особенностей восприятия людьми информации.

В предыдущей части нашей работы мы выяснили, что нормативно-правовая база на уровне ОДКБ включает в себя аспекты, отнесенные нами к информационно-психологической безопасности, и предполагает создание системы коллективных действий в данной области. Исходя из этого проанализируем, каким образом может быть реализована предложенная нами модель обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

Мировоззренческий компонент. На сегодняшний день данная область, является одной из наиболее трудных с точки зрения практической реализации. Мы уже подчеркивали, что выработка и закрепление на официальном уровне коллективных мировоззренческих основ затрудняется объективными социокультурными различиями стран-участниц ОДКБ. На это же указывают и другие исследователи. Например, на специальной аналитической сессии в Общественной палате России, посвященной проблемам информационной безопасности ОДКБ, в контексте обсуждения информационно-коммуникационных проблем стран-участниц Е.А. Дербин отметил значительные трудности во взаимопонимании, связанные с различиями в культуре и мировоззрении, в опыте и традициях стран осложняют их контакты. Именно поэтому, по его мнению, главными свойствами ОДКБ должно быть единство и доверие, только тогда можно будет в полной мере говорить об обеспечении информационной безопасности.⁵⁸⁹

В контексте дискуссий о разработке стратегии информационно-психологической безопасности трудно не согласиться с этим мнением. В Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года закреплена стратегическая цель обеспечение коллективной безопасности путем

⁵⁸⁹ Торин А. Информационная безопасность стран-участниц ОДКБ: актуальные проблемы и пути их решения. 20.10.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37487> (дата обращения: 28.04.2023)

консолидации усилий и ресурсов государств-членов на основе стратегического партнерства и общепризнанных норм и принципов международного права, включающая задачи обеспечения коллективных интересов в политической военной и сфере противодействия транснациональным вызовам и угрозам.⁵⁹⁰

Однако для выстраивания коллективной системы обеспечения информационно-психологической безопасности необходимо содержательное раскрытие мировоззренческих основ стратегического партнерства, которое в настоящее время отсутствует, что создает благоприятные условия для внешнего деструктивного информационного воздействия, апеллирующего, зачастую, к различным формам национализма. Например, как указывает Е.В. Петрищев, на территории Республики Беларусь усилиями правительственных и неправительственных организаций сопредельных государств-членов НАТО и ЕС предпринимаются попытки сформировать мировоззренческую платформу для отчуждения белорусского общества от России путем искусственного формирования идейно-политической идентичности русофобской направленности – «литовско-польско-белорусской общности».⁵⁹¹

Поэтому для эффективного противодействия внешнему деструктивному информационному воздействию необходима общая мировоззренческая платформа, отражающая национальные интересы и приоритеты развития стран-участниц ОДКБ.

⁵⁹⁰ Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года». URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁹¹ Петрищев Е.В. Информационно-психологическое противоборство в контексте региональной безопасности постсоветского пространства: содержание и основные этапы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. N 1. С. 104.

В параграфе 5.1. нашей работы на основе анализа национальных документов, в которых закреплены стратегические приоритеты стран-участниц ОДКБ мы отмечаем, что помимо поддержки института семьи, укрепления традиционных духовно-нравственных основ, которые, в отличие от либерально-демократической ценностной основы НАТО, не являются универсальными, в качестве «общего знаменателя» выступают рост экономики, доходов населения и инновационное развитие. Поэтому в силу отсутствия реально существующих альтернатив именно от этих пунктов следует отталкиваться при формировании мировоззренческого ядра будущей стратегии информационно-психологической безопасности ОДКБ. Примером образного мировоззренческого воплощения коллективного инновационного развития может служить проект Объединенных Арабских Эмиратов Масдар Сити – экогород будущего, воплощающий в себе все передовые технологии.⁵⁹² Инновационные приоритеты, закреплённые в национальных стратегиях развития стран-участниц должны найти свое интегральное отражение в стратегических документах ОДКБ и в коллективной имиджевой политике, без которой выстроить эффективную систему обеспечения информационно-психологической безопасности будет крайне затруднительно.

Медийный компонент.

Производство информации. Некоторые исследователи указывают, что, несмотря на многолетние усилия на уровне ОДКБ по выработке общих принципов гармонизации законодательств стран-участниц в вопросах формирования нормативно-правовой базы, касающейся обеспечения информационной безопасности, в формате ОДКБ сохраняются серьезные

⁵⁹² Masdar City. URL: <https://masdarcity.ae/> (дата обращения: 28.04.2023)

проблемы.⁵⁹³ Это утверждение в полной мере справедливо и в отношении вопросов государственного регулирования информационного контента.

В данной сфере общим для всех стран-участниц ОДКБ является запрет на производство и распространение информации, имеющей экстремистский характер. Но и в этом, казалось бы, само собой разумеющемся по сегодняшним меркам вопросе, существуют исключения. Так, в Республике Армения отсутствует законодательство о противодействии экстремизму, что затрудняет принятие оперативных мер по блокировке соответствующей информации в досудебном порядке. В остальных странах-участницах ОДКБ существуют нормативно-правовые и организационные механизмы приостановки деятельности информационных ресурсов и блокировке контента в случае, если они угрожают национальным интересам и национальной безопасности. Поэтому для построения эффективной системы коллективной информационно-психологической безопасности требуется выработка единого понимания, какая именно информация способна нанести вред с учетом современных вызовов глобальной конкуренции. Одних лишь критериев преступной, террористической и экстремистской деятельности явно недостаточно. Например, критериями блокировки информационных ресурсов и контента в рамках уже упоминавшейся операции ПРОКСИ, проводимой на уровне ОДКБ, являются противоправная деятельность по незаконному обороту наркотиков и использованию сети интернет для наркоторговли и наркотрафика; террористическая и экстремистская деятельность, осуществляемая с использованием информационно-коммуникационных технологий.⁵⁹⁴ Однако для противодействия злонамеренному информационному влиянию, преследующему цели вмешательства и дестабилизации социально-политической обстановки

⁵⁹³ Киреева О.С. Проблема обеспечения информационной безопасности на евразийском пространстве (на примере ОДКБ) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. N 10. С. 160.

⁵⁹⁴ ОДКБ на защите информации от криминала. 06.07.2020. URL: https://vpk.name/news/416293_odkb_na_zashite_informacii_ot_kriminala.html (дата обращения: 28.04.2023)

критерии деструктивного информационного воздействия должны быть расширены.

При этом следует подчеркнуть, что существующие сегодня различия в национальном законодательстве стран-участниц ОДКБ в этом вопросе, создают определенные сложности в выработке общей основы для совместных действий. Российское законодательство содержит наибольшее количество критериев, в соответствии с которыми возможна блокировка информационного ресурса и контента, что во многом определяет позицию представителей России при обсуждении вопросов, касающихся информационно-психологической безопасности, но в национальном законодательстве партнеров аналогичные нормы отсутствуют, что в значительной степени затрудняет выработку консенсуса.

Проиллюстрируем этот тезис на конкретном примере. В России в апреле 2021 года были приняты поправки, которые ввели уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.⁵⁹⁵ Во многом опираясь на них специалистами Научно-исследовательского центра ФСБ России был разработан проект Рекомендаций по криминализации деяний, связанных с попытками реабилитации нацизма, искажения исторической правды, унижения чести и достоинства военных ветеранов, отождествления роли СССР и Германии во Второй мировой войне, принижения гуманитарной миссии СССР при освобождении Европы.

Главной мотивировкой разработанного документа является признание того, что агрессивная информационная политика ряда государств и подконтрольных им организаций, в том числе международных, по

⁵⁹⁵ Федеральный закон от 05.04.2021 N 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/68440.html> (дата обращения: 28.04.2023)

фальсификации истории Второй мировой войны и героизации пособников нацистской Германии, проявляющаяся в виде конкретных общественно опасных деяний, направленных на реабилитацию нацизма и искажение исторической правды, формирует широкий спектр угроз безопасности всех государств-членов ОДКБ. Реализация таких угроз способна привести к утрате (дискредитации) ключевых духовно-нравственных ценностей и нарушению стабильности общественного и политического устройства в государствах-членах ОДКБ. Исходя из этого основной целью Рекомендаций является сближение и гармонизация законодательства государств-членов ОДКБ, регламентирующего ответственность за совершение деяний, направленных на реабилитацию нацизма и искажение исторической правды. Данный проект Рекомендаций 19 октября 2022 года был вынесен на обсуждение Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ, членом которого имеет честь быть и автор настоящей работы. В ходе обсуждения практически сразу обозначились существенные различия в оценках предмета предложенного документа. Если представители России рассматривали предложенные ими Рекомендации как логичное развитие национального законодательства на уровне ОДКБ, увязанное в том числе с некоторыми уже принятыми наднациональными нормативно-правовыми актами (модельный закон СНГ «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», и Рекомендации по совершенствованию национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере противодействия нацизму и его проявлениям в части уточнения правовых основ криминализации деяний, связанных с попытками реабилитации нацизма и искажения исторической правды), то некоторые представители других стран, в национальном законодательстве которых подобные нормы отсутствуют, подвергли критике предложенный к рассмотрению проект Рекомендаций. В частности, представитель Казахстана аргументировал свою позицию сужением границ свободы слова и пространства общественной дискуссии.

Этот пример красноречиво демонстрирует существующие на сегодняшний день различия в политических и юридических оценках степени деструктивного влияния той или иной информации. Поэтому без выработки и фиксации в стратегических документах ОДКБ единых мировоззренческих приоритетов будет достаточно сложно сформировать общие подходы в сфере государственного регулирования информационного контента.

Несмотря на наличие определенных трудностей в сфере государственного регулирования информационного контента, в остальных аспектах, относящихся к производству информации, ситуация обстоит значительно лучше.

В области обработки персональных данных во всех странах-участницах ОДКБ имплементировано соответствующее законодательство и создана необходимая организационная структура, соответствующая современным международным требованиям. Существует взаимное признание обеспечения адекватной защиты прав субъектов персональных данных для трансграничной передачи соответствующей информации.

Национальная политика государств-членов ОДКБ в вопросах верификации личности в информационном пространстве характеризуется определенными различиями, которые мы подробно анализировали в одной из предыдущих частей нашей работы. Но, несмотря на это, во всех странах созданы механизмы, позволяющие с той или иной степенью эффективности и быстроты установить личность пользователей сети Интернет. Однако при этом наиболее проблемным полем являются сервисы обмена мгновенными сообщениями (мессенджеры), популярность которых в качестве источника информации с каждым годом увеличивается. Законодательные требования для аутентификации личности пользователей мессенджерами среди стран-участниц ОДКБ существуют только в России.

Распространение информации. Предложенная нами модель информационно-психологической безопасности предполагает использование

нескольких практик для противодействия распространению деструктивной информации: внутренний мониторинг контента, маркировка контента, барьеры для публикации и доступа к контенту, флудинг.

Некоторые из названных практик, внутренний мониторинг контента и барьеры для публикации и доступа к контенту, на уровне ОДКБ могут быть реализованы в формате деятельности структур по саморегулированию деятельности СМИ. Эти два метода связаны с внутренней политикой информационного ресурса и государственное регулирование в данной сфере неизбежно станет объектом критики. Поэтому на уровне ОДКБ необходимо инициирование широкой дискуссии по созданию саморегулирующего органа в сфере средств массовой информации с участием представителей профессионального сообщества, организаций общественного контроля, национальных профильных органов власти.

Метод маркировки нежелательного контента в зоне ответственности ОДКБ в настоящее время недоступен. Ранее, разбирая данный вопрос, мы отмечали, что нормативно-правовой базой для маркировки контента, как правило, является законодательство об иностранных агентах, которое сегодня принято только в России, в остальных странах-участницах ОДКБ данный вопрос на повестке дня не стоит.

Однако, если в вопросах маркировки нежелательного контента, коллективные действия не имеют пока что реальных перспектив, то возможность маркировки контента, отвечающего коллективным интересам и приоритетам развития государств-членов, вполне может быть предметом обсуждения и детальной проработки.

По последним данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) наибольшим общественным доверием в России пользуется центральное телевидение (53%), вторую строчку занимает местное телевидение: региональным телеканалам доверяет почти каждый второй (47%). Индекс доверия, рассчитываемый на основе разницы процента

доверия и недоверия среди аудитории (находится в диапазоне от -100 до 100), для представленных медиа составил около 24 пунктов. Для других информационных ресурсов ситуация выглядит следующим образом: новостные, аналитические, официальные интернет-ресурсы (35%, индекс доверия – 8 п.); центральная и региональная пресса (по 33%, индексы доверия – 8 и 9 п. соответственно); телеграм-каналы (31%, 8 п.). Самые низкие показатели доверия наблюдаются в отношении мессенджеров, а также социальных сетей и блогов в интернете. Доля тех, кто им не доверяет составляет 35% и 43%, что превышает долю доверяющих 27% и 23% соответственно, поэтому данные информационные ресурсы имеют отрицательный индекс доверия.⁵⁹⁶ В отчете ВЦИОМа отсутствует объяснение чем обусловлено доверие/недоверие россиян к тем или иным информационным ресурсам, однако вполне возможно сделать предположение, что дело заключается в субъективной оценке человека качества верификации, а, следовательно, достоверности информации.

Данное предположение косвенно подтверждается данными еще одного исследования, проведенного в апреле 2021 года среди аудиторий Европейского Союза, и ставившего своей целью выяснить, насколько потребители новостей доверяют источникам, к которым они обращаются.⁵⁹⁷ Результаты исследования показали, что одним из основных критериев в выборе людьми источника информации, являются индивидуальные представления о его достоверности. Например, 42% респондентов перестали посещать новостные сайты, которые они посещали ранее, 61% хотели бы улучшить проверку фактов перед публикацией материала, 51% отказались от источника новостей из-за одной неточной статьи и 46% готовы платить за правдивые, основанные на фактах новости.

⁵⁹⁶ Доверие СМИ в России. 13.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 28.04.2023)

⁵⁹⁷ Trust in Digital Publishing 2021. URL: <https://thetrustedweb.org/trust-in-digital-publishing-2021/> (дата обращения: 28.04.2023)

Эти данные свидетельствуют о высоком запросе современных аудиторий на получение достоверной, верифицированной информации. Поэтому следует обратить внимание на возможность создания системы добровольной маркировки контента, соответствующей приоритетам коллективного развития и безопасности в информационном пространстве ОДКБ. Координация совместных действий в этом направлении могла бы быть возложена на специализированную структуру ОДКБ, аналогичную созданному в 2014 году Консультационному координационному центру Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (ККИЦ).

Используемое в данной работе рабочее определение информационно-психологической безопасности акцентирует внимание на том, что деструктивное информационное воздействие может иметь как целенаправленную организованную, так и дискурсивную природу. Иными словами, существующая в определенный момент времени информационная повестка, даже в случае, если ее вектор изначально был кем-то целенаправленно сформирован, в результате многочисленных ссылок, перепостов, цитирований, комментариев, пользовательских оценок, работы автоматизированных алгоритмов рекомендации контента, вполне способна без внешней поддержки оказывать деструктивное влияние в течение продолжительного времени. Поэтому флудинг, как один из основных и эффективных методов противодействия распространению нежелательной информации приобретает особую актуальность. В техническом плане его суть состоит в наполнении информационного пространства контентом, который отвлекает внимание аудитории от нежелательной информации. Непосредственной реализацией практики флудинга занимаются пресловутые

«фабрики ботов», которые призваны генерировать большой массив информации требуемого содержания.⁵⁹⁸

Однако целенаправленно генерируемый в интернет-пространстве объем постов, комментариев и пр. может оказаться недостаточным в условиях острого информационно-психологического противоборства, особенно, когда наиболее популярными источниками информации являются иностранные платформы. Поэтому важное значение приобретают инструменты публичной дипломатии, которые способны вовлечь в процесс генерации и распространения необходимого контента широкие аудитории, особенно молодежь.

Наиболее перспективные с нашей точки зрения направления, автор данной работы представил 18 апреля 2023 года на Парламентских слушаниях на тему «О приоритетах российского председательства в Евразийском Экономическом Союзе в 2023 году», организованных Комитетом Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.⁵⁹⁹

Первое направление. Выработка единых подходов к обеспечению информационно-психологической безопасности в трудовых коллективах крупных промышленных предприятий стран-участниц ЕАЭС и ОДКБ. В условиях тотальной санкционной войны, являющейся одной из причин внешнеполитических метаний некоторых стран и турбулентности экономических процессов, важное значение приобретают вопросы обеспечения информационно-психологической безопасности крупных трудовых коллективов, одним из важных компонентов которой должны выступать основные приоритеты евразийской интеграции и обеспечения коллективной безопасности на уровне ОДКБ. Негативное информационно-

⁵⁹⁸ Гуменский А.В. Шествие троллей // Россия в глобальной политике. 2015. Том 13. N5. С. 77-88

⁵⁹⁹ Парламентские слушания на тему «О приоритетах российского председательства в Евразийском Экономическом Союзе в 2023 году». 19.04.2023. URL: <http://komitet.info/press/photogallery/257/> (дата обращения: 28.04.2023)

психологическое состояние в трудовых коллективах способствует снижению производительности труда, увеличивает текучесть кадров, ухудшает имидж предприятия во внешней среде, что не негативно сказывается на получении кредитов, рассрочек платежей, реализации продукции и т.д., в целом формирует обстановку неверия в перспективу, что, естественным образом, снижает национальный и коллективный экономический потенциал.

Сегодня многие крупные предприятия имеют позитивный опыт имиджевой политики,⁶⁰⁰ а также информационно-психологической работы с трудовыми коллективами, который необходимо обобщить, систематизировать и использовать в выработке единых подходов к обеспечению информационно-психологической безопасности в трудовых коллективах крупных промышленных предприятий стран-участниц, что в том числе будет способствовать распространению позитивного контента в едином информационном пространстве.

Второе направление. Выработка единых подходов к обеспечению информационно-психологической безопасности в подготовке специалистов по направлениям, связанным с массовыми коммуникациями, в странах-участницах ЕАЭС и ОДКБ. Важным фактором для достижения полноформатной интеграции и ее жизнеспособности в будущем является дружественное отношение широких слоев населения и прежде всего молодежи заинтересованных стран. Оплотом дружбы народов всегда было взаимное знание и уважение национальных и культурных особенностей, достижений в области науки и искусства, совместная деятельность в рамках различных проектов.

В настоящее время качественный контент из указанных областей охватывает лишь незначительную часть молодежи из-за алгоритмов информационных сетей по формированию новостной ленты. «Лайки»,

⁶⁰⁰ Выходец Р.С. Специфика реализации концепции устойчивого развития на отраслевом уровне // Геополитика и безопасность. 2012. N 4 (20). С.9-15.

перепосты, shorts, vlogs, обеспечивающие достижение целевой аудитории, практически не сопровождают проекты должного уровня. Хотя, если документальные фильмы, статьи или записи блогеров-популяризаторов науки и искусства каким-то образом попадают в поле зрения молодежи, то вызывают у нее живой интерес.

Создание международного молодежного сообщества для совместной деятельности в информационной среде поможет будущим специалистам в производстве творческих продуктов и отработке практических профессиональных навыков по созданию и продвижению результатов своей деятельности. А помощь кураторов в производстве и в обеспечении доступности выдающихся деятелей и специалистов высокого уровня в различных сферах будет способствовать формированию контента действительно высокого уровня.

Таким образом, творческие продукты, созданные молодежью на «молодежном» языке, продвигаемые молодежью в молодежной информационной среде, нацеленные на укрепление дружественного отношения широких слоев населения, создадут прочный оплот информационно-психологической безопасности заинтересованных стран.

Государственный департамент США, как известно, концентрирует значительные ресурсы для продвижения инструментов публичной и цифровой дипломатии, ориентируясь на национальные интересы США и коллективные интересы безопасности на уровне НАТО. Несмотря на то, что это деятельность зачастую направлена против России и ее союзников, нельзя отрицать ее достаточно высокую эффективность. Именно поэтому на уровне ОДКБ необходимо организовать соответствующую работу в данном направлении, опираясь на национальные и коллективные интересы и приоритеты развития.

Когнитивный компонент. Как отмечалось ранее, существенное значение в обеспечении информационно-психологической безопасности

играют вопросы потребления информации. В этом аспекте сегодня доминирующую роль играют прикладные научные исследования в области когнитивистики, технологий искусственного интеллекта, проекты в области медиаграмотности. Исходя из имеющихся открытых данных, можно констатировать, что целенаправленная системная работа по данным направлениям на уровне ОДКБ отсутствует.

При этом практически во всех странах-участницах ОДКБ уделяется внимание перспективным научным исследованиям и создан определенный задел в области развития технологий искусственного интеллекта. Имеющийся опыт необходимо обобщать и развивать в направлении решения задач обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности.

Кроме того с точки зрения ближайших перспектив коллективных действий следует подчеркнуть безусловный приоритет создания и продвижения программ медиаграмотности. Данный вопрос обладает особой актуальностью в связи с тем, что некоторые страны-участницы ОДКБ в данной сфере находятся под существенным влиянием западных структур, которые активно продвигают в рамках масштабных просветительских проектов, прежде всего, в странах Центральной Азии свое видение принципов работы с информацией и анализа контента, что во многом способствует ориентации части населения на западные ценности и нормы и росту оппозиционных настроений. Поэтому на уровне ОДКБ в партнерстве с ВУЗами, национальными просветительскими организациями, такими как Российское общество Знание, необходима коллективная поддержка разработки, продвижению и внедрению образовательных программ в области медиаграмотности для различных социальных групп, специальных образовательных курсов, учебных пособий, вовлечение молодежи в процесс взаимного формирования положительного образа государств-членов ОДКБ.

В заключении представим в обобщенном виде рассмотренные выше приоритеты и основные направления построения системы коллективной информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ, Таблица 8.

Таблица 8 – Модель обеспечения информационно психологической безопасности на уровне ОДКБ

Компоненты		Защитные практики	Приоритеты и необходимые действия
Мировоззренческий		фиксация ценностных приоритетов развития в стратегических документах; создание системы социального подкрепления; имиджевая политика.	Формулировка общих приоритетов коллективного развития; Разработка и принятие Стратегии информационно-психологической безопасности ОДКБ
	производство контента	государственное регулирование информационного контента; законодательство по защите персональных данных; верификация личности в информационном пространстве;	Инициирование процесса разработки единых подходов в области государственного регулирования информационного контента
Медийный	распространение контента	внутренний мониторинг контента; маркировка контента; барьеры для публикации и доступа к контенту; флудинг (отвлечение внимания аудитории путем публикации альтернативного контента)	Формирование института саморегулирования в медиасфере; создание специализированной структуры ОДКБ в области информационно-психологической безопасности; проработка вопросов добровольной маркировки контента, соответствующего приоритетам коллективного развития; вовлечение в процесс распространения контента различных социальных групп
Медийный			

Компоненты		Защитные практики	Приоритеты и необходимые действия
Когнитивный	потребление информации	<p>информационная «прививка»: воздействие ослабленных аргументов, направленных против чьих-либо установок и убеждений, повышает устойчивость к будущим, потенциально более сильным убеждающим аргументам;</p> <p>медиаграмотность;</p> <p>«информационные доминанты»: основанная на эмоциях человека особая информационно-смысловая конструкция, способствующая селективному восприятию внешней информации, подкрепляемому внутренними стимулами организма и/или социокультурной среды.</p>	<p>Разработка и реализация программ в сфере медиаграмотности;</p> <p>поддержка прикладных научных исследований в сфере когнитивистики и технологий искусственного интеллекта</p>

Заключение

В заключении приведем основные результаты проведенного исследования.

Исходная концепция информационной войны, сформулированная в 70-80-х гг. XX века, изначально включавшая в себя наиболее общие представления о противоборстве и конфликтах в информационной среде со временем дифференцировалась, а отдельные аспекты ее предметной области развивались и уточнялись в рамках рассмотренных в работе концепций. Поэтому в нашем исследовании мы не использовали термин «информационная война», поскольку на сегодняшний день его эпистемологический потенциал практически иссяк и его применение характерно, по большей мере, для публицистического дискурса.

Практически во всех рассмотренных концепциях за исключением, пожалуй, только концепции сетецентрической войны, информационно-психологическая сфера рассматривается в качестве относительно самостоятельного пространства противоборства. Идет ли речь о сопровождающих военные действия специальных информационно-психологических операциях или же о спланированных атаках и планомерном негативном воздействии на общественное мнение и психику отдельного человека, использовании современных информационных технологий для манипуляции сознанием человека его эмоциями и поведением, формировании необходимой информационной повестки дня, информационно-психологическое воздействие сегодня выступает автономным и достаточно эффективным инструментом для достижения политических целей и является неотъемлемым элементом современных военных конфликтов. При этом масштабное и эффективное воздействие на сознание людей стало возможным благодаря глубокой глобальной цифровизации, поэтому психологическое воздействие уже не мыслимо без

использования новейших информационных технологий, что в теоретическом аспекте требует рассмотрения информационно-психологического противоборства в качестве самостоятельного вида информационного противоборства.

Для определения предмета концепции информационно-психологического противоборства предложена и обоснована теоретическая схема, включающая две оси. Первая ось характеризует объект воздействия, на ее полюсах расположены «индивидуальная психика» и «информационная инфраструктура» с промежуточными делениями: «информационная повестка» (контроль над медийным пространством, доминирование определенного контента) и «программно-аппаратная среда» (программное обеспечение, комплектующие, поддержка, технические стандарты обработки данных). Вторая ось характеризует инструменты и характер воздействия. Полюсами этой оси выступают «публичная дипломатия» (деятельность иностранных СМИ, НКО, распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры и т.д.) и «боевые действия» (состояние военного конфликта с использованием летальных средств или же гибридного). Промежуточными делениями на данной оси выступают «информационные и психологические операции», проводимые под эгидой военного руководства, и «злонамеренное воздействие на социум» (целенаправленная пропаганда, распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, негативное воздействие на общественные ценности, систему образования и пр.).

Концепция информационно-психологического противоборства, является областью междисциплинарных исследований, основанных на достижениях современной теории коммуникации, когнитивной науки и возможностях новейших информационных систем, используемых для

достижения превосходства и/или противодействия целенаправленному воздействию в информационном пространстве.

Основной предмет концепции информационно-психологического противоборства, прежде всего, концентрируется на изучении систем и инструментов формирования общественного мнения, особенностей восприятия человеком информации, а также включает в себя изучение всего спектра воздействий на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий, средствами специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня и с использованием инструментов мягкой силы.

Информационно-психологическое противоборство – это сфера международных отношений, характеризующаяся деструктивным воздействием в информационной среде организованной или дискурсивной природы на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

Теоретико-методологической основой концепции информационно-психологического противоборства выступают концепции мягкой силы, стратегической конкуренции и гибридной войны. Существенным моментом является то, что информационно-психологическое противоборство, следует четко отличать от специальных военных психологических операций, поскольку последние призваны оказывать непосредственное воздействие на психику противника. Поэтому разбрасывание листовок, громкоговорители, различные свето-шумовые эффекты не являются элементом информационно-психологического противоборства. Для этого необходимо, чтобы осуществление того или иного действия, имеющего целью оказать влияние на индивидуальную психику и/или общественное мнение, было опосредовано информационной средой. И в этом смысле не имеет

существенного значения непосредственная организационная форма субъекта воздействия, будь то военное подразделение или же некоммерческая организация.

Выявленная в процессе исследования тенденция по обособлению сферы, связанной с противодействием деструктивному информационно-психологическому воздействию, в системе концептуальных взглядов на обеспечение информационной безопасности носит объективный и общемировой характер. Это связано, прежде всего, с осознанием на экспертном и официальном уровнях роли современных информационно-коммуникационных технологий в формировании вызовов и угроз национальной и коллективной безопасности, связанных с деструктивным идеологическим и психологическим воздействием в информационной среде, и необходимости выработки комплекса мер по их нейтрализации.

Информационно-психологическая безопасность – это состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде организованной или дискурсивной природы.

Теоретико-методологическая модель обеспечения информационно-психологической безопасности включает в себя мировоззренческий, медийный и когнитивный компоненты, содержание которых фиксируется в системе «вызов-ответ», реализуемой на практике конкретными методами воздействия и противодействия.

Мировоззренческий – фундаментальные ценности и принципы общественной жизни, общность идеологических устремлений и социокультурный опыт;

медийный – контроль над производством и распространением информации, противодействие деструктивному и злонамеренному информационному влиянию и пропаганде;

когнитивный – противодействие потреблению деструктивной информации путем использования достижений современных информационно-коммуникационных, социальных и когнитивных технологий.

Центрально место в обеспечении информационно-психологической безопасности занимают технологии искусственного интеллекта (ИИ). Технологии ИИ сегодня лежат в основе наиболее передовых методов информационно-психологического противоборства и выступают ключевым технологическим средством обеспечения безопасности, в частности в сфере дезинформации. Кроме того, современные генеративные и рекомендательные системы на основе технологий (ИИ) оказывают существенное влияние на характер информационно-психологического противоборства и обеспечения безопасности, а также во многом формируют их технологическую основу на современном этапе. Их доступность и широкое применение в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности имеет следующие проявления.

Мировоззренческий компонент: во-первых, развитие ИИ выступает в качестве необходимого элемента имиджевой политики, включающей ориентацию на инновации, прогресс и глобальные научно-технологические тренды; во-вторых, ИИ является необходимой технологией эффективного обеспечения информационной безопасности в контексте сохранения фундаментальных идеологических, ценностных и духовно-нравственных основ общества.

Медийный компонент: ИИ и машинное обучение обладают широкими возможностями по воздействию на формирование общественного мнения. Рекомендательные системы по подбору индивидуализированного контента в

соответствии с предпочтениями пользователей способствуют формированию персонализированной информационной повестки и обеспечивают широкие возможности по манипулированию информацией. Генеративные модели существенно расширяют возможности по созданию убедительного манипулятивного контента.

Когнитивный компонент: ИИ в совокупности с бурным развитием нейротехнологий в последнее время вызвал к жизни комплекс проблем связанных с использованием уязвимостей человеческого мышления. Воздействие современных информационных технологий на процесс потребления человеком информации, манипулирование ценностными установками и мотивами его поведения порождает целый спектр ранее неизвестных вызовов и угроз в области информационно-психологической безопасности.

Национальная политика в области развития технологий ИИ является фактором эффективного обеспечения информационно-психологической безопасности. На международном уровне идет процесс формирования двух больших пространств политики в области развития технологий ИИ:

первое объединяет страны ОЭСР с безусловным финансовым, технологическим и ценностно-нормативным доминированием США и ЕС;

второе пространство формируется вокруг Китая, в орбиту которого попадают страны, для которых сотрудничество с Западом осложняется ввиду широкого спектра международных противоречий, в их числе находится и Россия.

Тяготение многих стран ЕАЭС к китайскому пространству ИИ, в рамках общего усиления сопряжения ЕАЭС с проектом «Один пояс, один путь», в совокупности с тотальным превосходством Китая в области ИИ увеличивает риски усиления зависимости от импорта китайский высоких технологий, преодолеть которые возможно только с помощью сложения ресурсов и эффективной координации совместных усилий на уровне ЕАЭС.

Поэтому для России имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ на уровне ЕАЭС, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала, технологического суверенитета и формированию технологической основы эффективного обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

На международном уровне существует неравенство возможностей различных субъектов оказывать влияние на процессы производства, распространения и потребления информации на глобальном и национальном уровне. В этой связи одним из центральных вопросов в сфере информационно-психологической безопасности является вопрос о возможности эффективного ее обеспечения в условиях информационной открытости и преобладания контента противника в информационном пространстве.

«Информационная доминанта», понимаемая как основанная на эмоциях человека особая информационно-смысловая конструкция, способствующая селективному восприятию внешней информации, подкрепляемому внутренними стимулами организма и/или социокультурной среды, является эффективным средством обеспечения информационно-психологической безопасности.

Результаты проведенного эмпирического исследования, проведенного с целью обоснования гипотезы о феномене информационных доминант показало, что, во-первых, в медиапространстве существуют выявляемые аналитическим методом особые информационно-смысловые конструкции, репрезентации которых в сознании человека, влияют на селекцию информации и формирование индивидуальной информационной повестки; во-вторых, субъективные репрезентации информационно-смысловых конструкций оказывают прямое воздействие на восприятие человеком информации: оценка достоверности информации, перенос оценочных

атрибутов информационно-смысловой конструкции на воспринимаемую информацию; в-третьих, иницируемый под воздействием субъективной репрезентации информационно-смысловой конструкции процесс селекции информации непосредственно связан с эмоциями человека. Эти результаты могут рассматриваться в качестве пилотных данных, которые открывают широкий спектр возможностей при разработке наиболее эффективных средств в современном информационно-психологическом противоборстве, а также постановке других исследовательских вопросов.

Сравнительный анализ государственной политики стран-участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности дал следующие результаты:

во-первых, страны-участницы ОДКБ в настоящее время находятся на разном уровне формирования нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения информационно-психологической безопасности. В Российской Федерации существует наиболее системная и целостная государственная политика в данной области;

во-вторых, в мировоззренческом компоненте общим знаменателем для всех стран являются следующие приоритеты развития: поддержка семьи и семейных ценностей, укрепление основ национальной культуры, рост экономики и доходов населения, инновационное развитие. При этом при выстраивании интегрального подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ следует учитывать, объективные социокультурные различия стран-участниц. Поэтому в мировоззренческом плане на наднациональном уровне наибольший интеграционный потенциал имеют приоритеты, связанные с ростом экономики, доходов граждан и инновационным развитием;

в-третьих, в медийном компоненте также наблюдаются существенные различия. В сфере политики государственного регулирования информационного контента подходы стран-участниц располагаются в

диапазоне, на противоположных полюсах которого находятся наиболее мягкие подходы Республики Армения и наиболее многочисленные ограничения, принятые в Российской Федерации. При этом политика остальных стран в данной области тяготеет к российскому полюсу. Во всех странах, за исключением Армении, элементом государственной политики является наличие уполномоченного органа, уполномоченного инициировать приостановку деятельности информационного ресурса и блокировку контента, угрожающего национальной безопасности государства без решения суда.

Во всех странах-участницах ОДКБ имплементирована система защиты персональных данных, соответствующая международным стандартам в этой сфере. Существует взаимное признание возможности трансграничной передачи персональных данных.

В вопросах идентификации личности в информационном пространстве существуют достаточно серьезные различия. Общим для всех стран участниц является аутентификация пользователей при подключении к мобильной сети. В Армении, Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане нормативно-правовая база, по сути, ограничивается этими требованиями. В Таджикистане к этому добавлено требование видеофиксации в места продаж сим-карт и хранения поставщиками услуг связи информации экстремистского характера; в Республике Беларусь – требование к поставщикам услуг интернет идентифицировать пользовательские устройства, владельцам точек коллективного доступа в интернет идентифицировать своих клиентов и хранить информации об оказанных услугах; в России действующая нормативно-правовая база позволяет правоохранительным органам идентифицировать личности и практически все действия пользователей, не имеющих умысла их скрыть, в интернет-пространстве без судебного решения;

в-четвертых, в рамках когнитивного компонента нами были рассмотрены некоторые общие страновые данные относительно состояния когнитивной науки, которые в определенной степени характеризуют имеющийся национальный потенциал по выработке и эффективному применению инструментальных методов и средств в информационно-психологическом противоборстве, которые, как правило, носят непубличный характер. А также единственный, обозначенный в рамках нашей модели информационно-психологической безопасности, способ ее обеспечения, находящийся в пространстве публичной политики – программы медиаграмотности. Среди стран-участниц ОДКБ подходы к реализации подобных программ находятся в корреляции со степенью признания на официальном уровне приоритетности информационно-психологических вызовов, а также, по всей видимости, с имеющимся национальным научно-методическим потенциалом в данной сфере и финансовыми возможностями. В Кыргызстане и Таджикистане доминирующее положение занимают импортные программы медиаграмотности. В Казахстане существует баланс между национальными программами, непосредственно поддерживаемыми государством и международными проектами, реализуемым такими организациями как Internews и IREX Europe. В России преобладают национальные проекты, реализуемые государством в партнерстве с некоммерческим сектором;

в-пятых, во всех странах-участницах ОДКБ на официальном уровне придается высокое значение противодействию вызовам и угрозам в информационно-психологической сфере, состоялось концептуальное обособление информационно-психологической безопасности в общей системе информационной безопасности, а процесс создания национальных нормативно-правовых и институциональных механизмов противодействия информационно-психологическим вызовам и угрозам находится на разных стадиях реализации.

Современные условия глобальной конкуренции, резко обострившиеся после начала Специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 года, в совокупности с возможностями новейших информационных технологий по воздействию на общественное мнение, мировоззрение и поведение отдельного человека формируют целый пласт гибридных вызовов и угроз, значительная часть которых относится к информационно-психологической сфере и нацелена, в том числе, на подрыв многостороннего консенсуса в интеграционных проектах с участием России на евразийском пространстве.

В этих условиях возрастает значение коллективных действий по защите общих интересов и приоритетов развития. Как указывают некоторые исследователи, ОДКБ в настоящее время остается единственным потенциально эффективным субъектом противодействия угрозам информационно-психологического характера, источником которых на постсоветском пространстве выступают конкурирующие субъекты мировой политики, в первую очередь атлантические державы и аффилированные с ними международные организации.

В этой связи от России и ее союзников по ОДКБ требуется создание целостной системы коллективных действий, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту от целенаправленного злонамеренного влияния в информационной среде, а с другой, формирующих позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит максимально эффективно реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность в современном мире.

Модель коллективного обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ характеризуется следующими особенностями:

Мировоззренческий компонент. На сегодняшний день данная область, является одной из наиболее трудных с точки зрения практической реализации. Выработка и закрепление на официальном уровне коллективных мировоззренческих основ затрудняется объективными социокультурными различиями стран-участниц ОДКБ. Для выстраивания коллективной системы обеспечения информационно-психологической безопасности необходимо содержательное раскрытие мировоззренческих основ стратегического партнерства, которое в настоящее время отсутствует, что создает благоприятные условия для внешнего деструктивного информационного воздействия, апеллирующего, зачастую, к различным формам национализма. Поэтому для эффективного противодействия внешнему деструктивному информационному воздействию необходима общая мировоззренческая платформа, отражающая национальные интересы и приоритеты развития стран-участниц ОДКБ. Инновационные приоритеты, закрепленные в национальных стратегиях развития стран-участниц должны найти свое интегральное отражение в стратегических документах ОДКБ и в коллективной имиджевой политике, без которой выстроить эффективную систему обеспечения информационно-психологической безопасности будет крайне затруднительно.

Медийный компонент. Несмотря на многолетние усилия на уровне ОДКБ по выработке общих принципов гармонизации законодательств стран-участниц в вопросах формирования нормативно-правовой базы, касающейся обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ сохраняются серьезные противоречия. Поэтому для построения эффективной системы коллективной информационно-психологической безопасности, требуется выработка единого понимания, какая именно информация способна нанести вред реализации национальных приоритетов развития с учетом современных вызовов глобальной конкуренции. Необходима разработка и принятие на уровне ОДКБ модельных законов, направленных на гармонизацию

национальных законодательств стран-участниц в сфере контроля над производством и распространением информации.

Когнитивный компонент. Во всех странах-участницах ОДКБ уделяется внимание перспективным научным исследованиям и создан определенный задел в области развития технологий искусственного интеллекта. Имеющийся опыт необходимо обобщать и развивать в направлении решения задач обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности. С точки зрения ближайших перспектив коллективных действий безусловный приоритет принадлежит созданию и продвижению программ медиаграмотности. Данный вопрос обладает особой актуальностью в связи с тем, что некоторые страны-участницы ОДКБ в данной сфере находятся под существенным влиянием западных структур, которые активно продвигают в рамках масштабных просветительских проектов, прежде всего, в странах Центральной Азии, свое видение принципов работы с информацией и анализа контента, что во многом способствует ориентации части населения на западные ценности и нормы, а также росту оппозиционных настроений. Поэтому на уровне ОДКБ в партнерстве с ВУЗами, национальными просветительскими организациями, такими как Российское общество Знание, необходима коллективная поддержка разработок, продвижения и внедрения образовательных программ, специальных образовательных курсов и учебных пособий в области медиаграмотности для различных социальных групп, вовлечения молодежи в процесс взаимного формирования положительного образа государств-членов ОДКБ.

Литература

1. (НЕ)слышащее государство: избирательный подход к СМИ в Казахстане. 06.04.2023 [Электронный ресурс] // Factcheck.kz. URL: <https://factcheck.kz/analitika/ne-slyshaschee-gosudarstvo-izbiratelnyu-podhod-k-smi-v-kazahstane/> (дата обращения: 02.04.2023)
2. 10 лет спустя: RT вспоминает, как Fox News не дал высказаться бежавшим от войны в Южной Осетии. 08.08.2018 [Электронный ресурс] // RT. URL: <https://russian.rt.com/world/video/543441-fox-news-amanda-kokoeva-osetiya> (дата обращения: 15.02.2023)
3. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016. 196 с.
4. Алекян М.В., Тадевосян М.Р. Информационные потоки Армении как важный фактор стратегии национальной безопасности // Медиаисследования. 2020. N 7. С. 269-276.
5. Алымбаева З.А., Алимахунов А. Угрозы и вызовы информационной безопасности Кыргызстана // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. N 2. С. 266-270. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/63>
6. Анохин К.В. Последний великий рубеж наук о жизни // Экономические стратегии. 2010. N 11. С. 56-63.
7. Армянская ассоциация IBRO и Армянское общество нейробиологов. 2023 [Электронный ресурс] // Armenian IBRO Association & Armenian Neuroscience Society. URL: <http://www.armneuroscience.am/about.html> (дата обращения: 22.03.2023)
8. Балашов А.В., Вышегородцев К.Е., Свичкарь Д.А., Хенкин П.В. Обзор технологий выявления модифицированного контента класса DeepFake // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2022. Т. 18. N 3. С. 680-690. DOI: <https://doi.org/10.25559/SITITO.18.202203.680-690>
9. Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. N 3. С. 76-89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
10. Бартош А.А. Стратегии информационной войны // Национальная безопасность / N ta Vene. 2016. N 4 (45). С. 485-499. DOI: 10.7256/2073-8560.2016.4.17807
11. Бартош А.А. Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. N 4. С. 19-31.

12. Бегмуродов Ю.Э. О становлении когнитивной лингвистики в таджикском языкознании // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. N 4. С. 242-247
13. Бойко С.М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 23.01.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21480> (дата обращения: 10.03.2023)
14. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. СПб., 2004. 395 с.
15. В 2023-2024 учебном году учащихся 7-х классов начнут обучать медиаграмотности. 01.11.2022 [Электронный ресурс] // Vesti.kg. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/105960-v-2023-2024-uchebn-m-goduchashchikhsya-7-kh-klassov-nachnut-obuchat-mediagramotnosti.html> (дата обращения: 16.04.2023)
16. В Дилижане стартовала Международная медиашкола. 14.03.2023 [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230314/v-dilizhane-startovala-mezhdunarodnaya-mediashkola-56702400.html> (дата обращения: 22.03.2023)
17. В Казахстане планируют законодательно урегулировать сферу интернет-рекламы и онлайн-платформ. 05.04.2023 [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/6389391-v-kazakhstane-planiruyut-zakon-dateln-uregulirovat-sferu-internetreklamy-i-onlaynplatform.html> (дата обращения: 06.04.2023)
18. В Китае вступает в силу резонансный закон о кибербезопасности. // РИА Новости. 01.06.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20170601/1495523455.html> (дата обращения: 10.03.2023)
19. В Китае началась оцифровка людей. 30.04.2023 [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/30/20331746.shtml> (дата обращения: 04.05.2023)
20. В Кыргызстане запустили мобильное приложение для поиска работы с элементами искусственного интеллекта. 11.05.2021 [Электронный ресурс] // Economist.kg. URL: <https://economist.kg/novosti/2021/05/11/v-kyrgyzstane-mobilnoe-prilozhenie-dlya-poiska-raboty-s-elementami-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.03.2023)
21. В ОДКБ создана рабочая группа по вопросам информационной политики и безопасности. 27.12.2006 [Электронный ресурс] // Новости ВПК. URL: https://vpk.name/news/2126_v_odkb_sozdana_rabochaya_gruppa_po_vopro

- sam_informacionnoi_politiki_i_bezopasNosti.html (дата обращения: 27.04.2023)
- 22.В ПА ОДКБ предложили разработать Концепцию обеспечения информационно-психологической безопасности. 28.03.2023 [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (дата обращения: 28.04.2023)
- 23.Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2679> (дата обращения: 16.04.2023) DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.1
- 24.Василенко И.А. Имиджевая стратеги России в контексте мирового опыта. М., 2013. 359 с.
- 25.Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американско-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. N 1. С. 35-46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46
- 26.Власти Белоруссии отказались принимать закон об иноагентах. 24.09.2021 [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/smi_agents/ (дата обращения: 28.03.2023)
- 27.Возжеников А.В. Современные приоритеты политики защиты информационного пространства ОДКБ // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. N 4(54). С. 139-141. DOI 10.36683/2076-5347-2020-4-54-139-141
- 28.Войнилов Ю.В., Мальцева Д.В., Шубина Л.В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. N 1. С. 57-69.
- 29.Волохова Н.В., Колпаков А.И. О судьбоносном значении НБИКС-технологий в развитии будущего человечества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. N 2. С. 21-26.
- 30.Впервые WCIT прошёл в Армении. Октябрь 2019 [Электронный ресурс] // Armenian Global Community. URL: <https://armeniangc.com/2019/10/wcit2019-yerevan/> (дата обращения: 10.03.2023)
- 31.Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhailakovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 12.03.2023)

- 32.Выходец Р.С., Руцин Д.А. Роль Большой науки о мозге в технологическом лидерстве в области искусственного интеллекта // Общество. Среда. Развитие. 2021. N 3. С. 11-16. DOI: 10.53115/19975996_2021_03
- 33.Выходец Р.С. Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. N 2. С. 256-270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270
- 34.Выходец Р.С. Глобализм и регионализация как выбор эпохи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Том 13. N 36. С. 13-18.
- 35.Выходец Р.С. Международное сотрудничество в области исследований мозга как фактор развития технологий искусственного интеллекта в России // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. N 1. С. 84-96.
- 36.Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 3 (41). С. 106-117. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-106-117
- 37.Выходец Р.С. Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2021. N 3 (37). С. 108-117. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-108-117
- 38.Выходец Р.С. Роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. N 5. С. 1993-2004. DOI 10.35775/PSI.2023.98.5.018
- 39.Выходец Р.С. Специфика реализации концепции устойчивого развития на отраслевом уровне // Геополитика и безопасность. 2012. N 4 (20). С.9-15.
- 40.Выходец Р.С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 2. С. 140-147. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-140-147
- 41.Выходец Р.С. Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. N 7. С. 110-122. DOI: 10.31857/S2686673022070094
- 42.Выходец Р.С. Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2023. N 2. С. 132-143. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02

- 43.Выходец Р.С. Эволюция парадигм геополитической науки в XX-XXI вв. // Геополитика и безопасность. 2015. N 4 (32). С. 52-58.
- 44.Выходец Р.С., Кефели И.Ф. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2023. N 2. С. 11-24. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02-11-23
- 45.Выходец Р.С., Кошеверская М.М. Эмпирическое обоснование «Информационных доминант» как инструмента информационно-психологического противоборства // Вопросы политологии. 2023. N 5. С. 2070-2080. DOI 10.35775/PSI.2023.93.5.012
- 46.Выходец Р.С., Панцеров К.А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. N 4 (42). С. 139-148. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
- 47.Выходец Р.С., Шляпников В.В. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США) // Геополитика и безопасность. 2013. N 2 (22). С. 25-33.
- 48.Выходец Р.С., Шляпников В.В. Краткий исторический обзор исследований в области цифровой этики // Общество. Среда. Развитие. 2021. N 4 (61). С. 43-47. DOI: 10.53115/19975996_2021_04_043-047
- 49.Выходец Р.С. «Информационные доминанты» как инструмент информационно-психологических войн // Общественные науки и современность. 2022. N 4. С. 93–104. DOI: 10.31857/S0869049922040074
- 50.Вышел первый учебник по медийной и цифровой грамотности на таджикском языке. 10.06.2021 [Электронный ресурс] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijN j-i-cifrovoj-gramotN sti-na-tadzhikskom-yazyke/> (дата обращения: 17.04.2023)
- 51.Гавра Д.П. Стратегические коммуникации и тексты стратегических коммуникаций: к теоретическому обоснованию категорий // Российская школа связей с общественностью. 2021. N 22. С. 10-30.
- 52.Гайсина Л.В ВУЗах Таджикистана появилась медийная и информационная грамотность. 29.10.2021 [Электронный ресурс] // New Reporter. URL: <https://newreporter.org/2021/10/29/v-vuzax-tadzhikistana-royavilas-medijnaya-i-informacionnaya-gramotN st/> (дата обращения: 17.04.2023)

- 53.ГАПМИГ [Электронный ресурс] // Media and Information Literacy. UNESCO. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)
- 54.Гиглавый А.В., Соколов А.В., Абдрахманова Г.И. и др. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий // Форсайт. 2013. Т.7. N 3. С. 6-24. DOI: 10.17323/1995-459X.2013.3.6.24
- 55.Глазьев С.Ю. ЕАЭС: от политики Status quo к сценарию «Собственный центр силы» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. N 1. С. 11-14 DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-11-14
- 56.Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: «Тривант», 2009. 304 с.
- 57.Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая. США & Канада: экономик, политика, культура. 2022. Выпуск 3. С. 41-60. DOI: 10.31857/S2686673022030038
- 58.Гриффин Э. Коммуникация: теория и практика. Харьков, 2015. 688 с.
- 59.Гукасян А. Агенты иностранного влияния: что им может противопоставить Армения? 21.12.2022 [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221221/agency-iNostranNogo-vliyaniya-chto-im-mozhet-protivopostavit-armeniya-52910409.html> (дата обращения: 22.03.2023)
- 60.Гуменский А.В. Шествие троллей // Россия в глобальной политике. 2015. Том 13. N 5. С. 77-88
- 61.Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания, М., 2018. 384 с.
- 62.Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. N 4. С. 160-176. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056
- 63.Де Мартино М., Барнашов О.В. Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Ная // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. N 4. С. 41-50
- 64.Декрет Президента «О развитии цифровой экономики» N 8 от 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 10.03.2023)

65. Доверие СМИ в России. 13.02.2023 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 28.04.2023)
66. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivN_y_bezopasNsti/#loaded (дата обращения: 27.04.2023)
67. Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. Генеральная Ассамблея ООН. 14.06.2021 [Электронный ресурс] // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasNost/1423809/ (дата обращения: 10.03.2023)
68. Доля рынка поисковых систем в Белоруссии. Февраль 2023 [Электронный ресурс] // Similarweb. URL: <https://www.similarweb.com/ru/engines/belarus/> (дата обращения: 22.03.2023)
69. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». 10.10.2019 [Электронный ресурс] // Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (дата обращения: 14.03.2023)
70. Енин Ю.И., Кошно П.А. Китайско-белорусский «Индустриальный парк «Великий камень» как специальная зона экономического роста страны и ее региона // Общество и экономика. 2018. N 12. С. 77-87 DOI: 10.31857/S020736760002817-7
71. ЕС активно помогает российским СМИ-иноагентам, признал Боррель. 07.02.2023 [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230207/es-1850317196.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 15.02.2023)
72. Жанпеисова Н.М. Когнитивная лингвистика в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. N 5. С. 30-35.
73. За симпатии Катару гражданам ОАЭ грозит до 15 лет тюрьмы и штраф \$ 136 тыс. 07.06.2017 [Электронный ресурс] // EurAsia Daily URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/07/za-simpatii-kataru-grazhdanam-oae-grozit-do-15-let-tyurmy-i-shtraf-136-tys> (дата обращения: 10.03.2023)
74. Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» 0106.2017 [Электронный ресурс] // Baidu. URL:

- <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3%95/16843044?fr=aladdin> (дата обращения: 10.03.2023)
75. Закон Китайской Народной Республики «О национальной безопасности». 01.07.2015 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции КНР. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/fgkd/xfq/fl/201507/20150700399835> (дата обращения: 10.03.2023)
76. Закон Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий» от 8 августа 2022 года N 88 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112419> (дата обращения: 14.03.2023)
77. Закон Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 года N 58 «Об информации персонального характера» [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269> (дата обращения: 16.04.2023)
78. Закон Кыргызской Республики от 23 августа 2021 года N 101 «О защите от недостоверной (ложной) информации» [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.04.2023)
79. Закон Республики Армения от 13 июня 2015 года N ЗР-49 «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (дата обращения: 22.03.2023)
80. Закон Республики Армения от 14 января 2004 года N ЗР-14 «О массовой информации» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7113 (дата обращения: 22.03.2023)
81. Закон Республики Армения от 5 августа 2020 года N ЗР-395 «Об аудиовизуальных медиа» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=126700 (дата обращения: 22.03.2023)
82. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. N 114-З «О массовых мероприятиях» [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL:

- <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114> (дата обращения: 28.03.2023)
83. Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. N 203-З «О противодействии экстремизму» [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203> (дата обращения: 28.03.2023)
84. Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. N 99-З «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1> (дата обращения: 28.03.2023)
85. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года N 94-V «О персональных данных и их защите» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 02.04.2023)
86. Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года N 451-І «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013966&doc_id2=1013966#activate_doc=2&pos=22;-110.19999694824219&pos2=408;-57.19999694824219 (дата обращения: 02.04.2023)
87. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года N 96-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам торговой деятельности, развития биржевой торговли и защиты персональных данных» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000096> (дата обращения: 02.04.2023)
88. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года N 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (дата обращения: 02.04.2023)
89. Закон Республики Таджикистан 16 ноября 1999 года N 845 «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс] // МИД Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom> (дата обращения: 17.04.2023)
90. Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года N 55 «Об информации» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ.

- URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=2178
(дата обращения: 17.04.2023)
91. Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 года N 1655 «О противодействии экстремизму» [Электронный ресурс] // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
92. Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 года N 721 «О безопасности» [Электронный ресурс] // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
93. Закон Республики Таджикистан от 3 августа 2018 года N 1537 «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1537_RU.doc.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
94. Закон Республики Таджикистан от 8 июня 2007 года N 272 «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [Электронный ресурс] // МИД Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 17.04.2023)
95. Заседание Президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК. 07.04.2022 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-prezidiuma-nauchno-technicheskogo-soveta-pri-predsdatele-kollegii-eeek/?sphrase_id=98717 (дата обращения: 14.03.2023).
96. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. 15.06.2006 [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/20060615/44820.html> (дата обращения: 10.03.2023)
97. Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности. 16.05.2022 [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta->

- kollektivNoy-bezopasNosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivNoy-bezopasNosti-v-svyu/#loaded (дата обращения: 28.04.2023)
98. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Скифия, 2018. 408 с.
 99. Зиновьева Е.С., Булва В.И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. N 2. С. 40-49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>
 100. Ибрагимова Г.Р. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. N 1. С. 103-128.
 101. Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития [Электронный ресурс] // Арсенал Отечества. 2021. N 1 (51) URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasNst-strany-kak-fundament-razvitiya> (дата обращения: 16.01.2023)
 102. Ильницкий А.М. Ментальная война // Военная мысль. 2021. N 8. С. 19–33.
 103. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. N 4. С. 24–35.
 104. Индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс] // 99. Индустриальный парк «Великий камень». URL: <https://industrialpark.by/> (дата обращения: 10.03.2023)
 105. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб., 2017. 300 с.
 106. Искусственный интеллект и цифровые фабрики: как внедряются элементы Индустрии 4.0 на казахстанских предприятиях. 16.10.2019 [Электронный ресурс] // Премьер-Министр Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvennyy-intellekt-i-cifrovye-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskih-predpriyatiyah> (дата обращения: 10.03.2023)
 107. Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. 26.07.2018 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 10.03.2023)
 108. К 2023 году в КР появится искусственный интеллект, обрабатывающий информацию на госязыке. 23.09.2020 [Электронный ресурс] // КАВАР. URL: <https://kabar.kg/news/k-2023-godu-v-kr-poiavitsia-iskusstvennyi-intellekt-obrabatyvaiushchii-informatciiu-na-gosiazyke/> (дата обращения: 14.03.2023)

109. Капто А.С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. N 7. С. 616–625. DOI: 10.7868/S0869587313070050
110. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. N 1. С. 3-14. DOI: 10.11621/npj.2021.0101
111. Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С.22-34. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
112. Кефели И.Ф. Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. N 2 (20). С. 50-62.
113. Кефели И.Ф. Четвертая промышленная революция и глобальная геополитика – вызовы глобальной безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И.Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017. С. 84–104.
114. Кефели И.Ф., Комлева Н.А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. N 1. С. 54-60.
115. Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. 228 с.
116. Кеффер К. Роскомнадзор запустил систему поиска запрещенного контента «Окулус». 13 февраля 2023 г. 2018 [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: [https://kommersant.ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5825124](https://kommersant.ru/turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5825124) (дата обращения: 15.02.2023)
117. Киреева О.С. Проблема обеспечения информационной безопасности на евразийском пространстве (на примере ОДКБ) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. N 10. С. 158-162.
118. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Том 6. N 1-2. С. 13-23
119. Когнитивные штудии. 2021 [Электронный ресурс] // Когнитивные штудии. URL: <https://cognitivestudies.jimdofree.com/> (дата обращения: 28.03.2023)

120. Комиссия по телевидению и радио. 2023 г. [Электронный ресурс] // Комиссия по телевидению и радио Республики Армения. URL: <http://tvradio.am/> (дата обращения: 22.03.2023)
121. Комлева Н.А. Война в информационно-идеологическом пространстве: проблемы тылового обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. N 4. С. 70-83.
122. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Страсбург, 28 января 1981 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 17.04.2023)
123. Кондрат Е.Н., Петров П.А., Сальников М.В. Концепция национальной безопасности Поднебесной: традиционная и всеобъемлющая // Юридическая наука: история и современность. 2017. N 12. С. 143-163.
124. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.04.2023)
125. Концепция информационной безопасности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга. Администрация Губернатора Санкт-Петербурга N 07-139-1984/23-0-0 от 07.02.2023 г.
126. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. 09.02.2013 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)
127. Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания «холодной войны». СПб.: Наука, 2009. 176 с.
128. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>
129. Королев Ю.А. Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2009. Т. 9. Вып. 3. С. 124-127
130. Красильников С.В Госдуму внесли поправки об ответственности за дискредитацию участников СВО // Тасс. 01.03.2023 [Электронный

- ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/17166039> (дата обращения: 06.03.2023)
131. Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. N 6. С. 93-96.
132. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. 237 с.
133. Левицкая А.А. Направления развития медиаобразования в Республике Беларусь (1992–2018) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. N 1. С. 98-104.
134. Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. N 6. С. 85-93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93
135. Лобанов К.Н. Информационно-психологическое противоборство в сфере региональной безопасности СНГ: идеологические и доктринальные основы // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Том 15. N 2. С. 35-47 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-2-35-47
136. Лукашенко запретил освещать несогласованные акции в прямом эфире. 24.05.2021 [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2021/60ab6e429a794771b0710b6f> (дата обращения: 28.03.2023)
137. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ «цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. N 13. С. 62-71. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71
138. Макаров О.С., Романовский В.А. Правовое регулирование обеспечения международной информационной безопасности на пространстве ОДКБ // Современные проблемы юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений. Сборник научных статей / под ред. С.Е. Чебурановой. Гродно, 2022. С. 317-320.
139. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2016. 583 с.
140. Малькевич А.А. Информационная война XXI века: фабрики фейков, центры силы и информационное ополчение // Российская школа связей с общественностью. 2022. N 5. С. 156-171
141. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. N 2. С. 37–45.

142. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия – Телеком, 2018. 496 с.
143. Мартьянов Д.С. Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Том 12. N 1. С. 74-89.
144. Маск назвал самый опасный для человечества искусственный интеллект. 28.07.2020 [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samyu-opasnyu-dlya-chelovechestva-iskusstvennyu-intellekt> (дата обращения: 22.03.2023)
145. Медиаграмотность в Беларуси: кто, где и как учит. 12.02.2016 [Электронный ресурс] URL: <http://mediakritika.by/article/3641/mediagramotnost-v-belarusi-kto-gde-i-kak-uchit> (дата обращения: 28.03.2023)
146. Медийно-информационная грамотность [Электронный ресурс] // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)
147. Межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта. 31.08.2015 [Электронный ресурс] // ОИПИ НАН БЕЛАРУСИ. URL: <http://uiip.bas-net.by/intellekt/> (дата обращения: 11.03.2023)
148. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299-313
149. Модельный закон ОДКБ «Об информационной безопасности». 29.11.2021 [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/events/assambleya-prinyala-modelnyy-zakon-ob-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.04.2023)
150. Модельный закон ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму». 30.10.2018 [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 22.03.2023)
151. Может ли в Казахстане появиться закон об иноагентах. 17.03.2023 [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/6387395-mozhet-li-v-kazakhstane-poyavitsya-zakon-ob-inoagentakh.html> (дата обращения: 02.04.2023)
152. МОН РК будет усиливать цифровое образование совместно с Mail.kz. 16.06.2021 [Электронный ресурс] // Gov.kz. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet->

- usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestN -s-mailkz?lang=ru (дата обращения: 06.04.2023)
153. Мун Д.В., Попета В.В. «From fake to deepfake»: угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика. 2020. N 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42560121> (дата обращения: 06.02.2023)
154. Мясников М.В., Ковалев В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции // Международная жизнь. 2021. N 11. С. 1-15.
155. Национальная кампания по медиаграмотности «Текшердим» стартует в Кыргызстане. 31.03.2023 [Электронный ресурс] // Представительство Internews в Кыргызской Республике. URL: <https://internews.kg/proekt-revive/natsionalnaya-kampaniya-po-mediagramotN-sti-teksherdim-ya-proveril-startuet-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 16.04.2023)
156. Национальная стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. N 10 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialNo-ekoNomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 11.03.2023)
157. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. Ноябрь 2018 [Электронный ресурс] // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: <http://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)
158. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
159. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. N 3 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. URL:

- <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (дата обращения: 28.03.2023)
160. Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания [Электронный ресурс] // Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания. URL: <https://www.nrada.gov.ua/> (дата обращения: 12.02.2023)
161. Неделя медиаграмотности в Армении. 25.10.2022 [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки, культуры и спорта Республики Армения. URL: <https://escs.am/am/news/14235> (дата обращения: 22.03.2023)
162. Нурмаков А. Таджикистан: Между угрозой экстремизма в интернете и экстремальными мерами контроля онлайн-пространства. 23.09.2016 [Электронный ресурс] // Digital.Report. URL: <https://digital.report/tadzhikistan-mezhdu-ugrozoy-ekstremizma-v-internete-i-ekstremalnymi-merami-kontrolya-onlayn-prostranstva/> (дата обращения: 17.04.2023)
163. Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. 148 с.
164. ОДКБ на защите информации от криминала. 06.07.2020 [Электронный ресурс] // Новости ВПК. URL: https://vpk.name/news/416293_odkb_na_zashite_informacii_ot_kriminala.html (дата обращения: 28.04.2023)
165. Окончательный проект Концепции нацбезопасности будет утверждать ВНС. 20.02.2023 [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: https://www.belta.by/president/view/okonchatelnyj-proekt-kontseptsii-natsbezopasnosti-budet-utverzhdatt-vns-551223-2023/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent (дата обращения: 28.03.2023)
166. Организация Договора о коллективной безопасности. 28.04.2023 [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php> (дата обращения: 28.04.2023)
167. Ососков Г.В. Информационно-психологическое противоборство как важнейшая функция военно-политических органов по организации военно-политической пропаганды и агитации // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2020. N 3. С. 7-17.

168. Отдел философии информационных и когнитивных процессов. 2023 [Электронный ресурс] // Институт философии НАН Беларуси. URL: <http://philosophy.by/ru/departments/cmkc/> (дата обращения: 28.03.2023)
169. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. N 2. С. 213-235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10
170. Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. N 2. С. 60-65.
171. Панарин И.Н. Информационная война и третий Рим. М., 2001. 244 с.
172. Панцерев К.А. Медиаобразование в эпоху искусственного интеллекта: некоторые практические аспекты / Медиаобразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Под ред. А.А. Морозовой. Челябинск, 2022. С. 585-588.
173. Панцерев К.А. Ментальные войны с применением технологий искусственного интеллекта: вызовы и угрозы для России // Вестник академии военных наук. 2021. N 3. С. 15-21.
174. Панцерев К.А. Страны Африки южнее Сахары на пути к созданию искусственного разума: миф или реальность? // Азия и Африка сегодня. 2020. N 10. С. 29-33. DOI: 10.31857/S032150750011108-0
175. Парк высоких технологий [Электронный ресурс] URL: <https://park.by/> (дата обращения: 10.03.2023)
176. Парламентские слушания на тему «О приоритетах российского председательства в Евразийском Экономическом Союзе в 2023 году». 19.04.2023 [Электронный ресурс] // Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. URL: <http://komitet.info/press/photogallery/257/> (дата обращения: 28.04.2023)
177. Пашимян рассказал об отсутствии цензуры в Армении. 24.04.2019 [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc05b7d9a79474b89b9b70e> (дата обращения: 22.03.2023)
178. Петрищев Е.В. Информационно-психологическое противоборство в контексте региональной безопасности постсоветского пространства: содержание и основные этапы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. N 1. С. 99-107.
179. Петрищев Е.В. Развитие международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве: тенденции и

- особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. N 2. С. 116-128. DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_116
180. Платформа цифрового доверия [Электронный ресурс] // Платформа цифрового доверия. URL: <https://youthsafety.megafon.ru/> (дата обращения: 15.02.2023)
181. Погосян М.В. Роль информационной безопасности в экономической безопасности страны (на примере Республики Армения) // Science Innovations – 2022. Сборник статей Международной научно-практической конференции (31 октября 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 37-41.
182. Погью Ф.С. Верховное командование. М.: Воениздат, 1959. 601 с.
183. Подольская Д. Закон об иностранных агентах. Закручивание гаек продолжается. 16.02.2022 [Электронный ресурс] // 24.kg. URL: https://24.kg/vlast/224090_zakon_obiNostrannyih_agentah_zakruchivanie_gaek_prodoljajetsya/ (дата обращения: 16.04.2023)
184. Показатели работы президента и отношения к нему. 17.03.2023 [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 22.03.2023)
185. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 02.04.2023)
186. Постановление от 29 марта 2022 г. N 506 [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 14.03.2023).
187. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 3 мая 2019 года N 209 «О Концепции информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы» [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13648?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.04.2023)
188. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 г. N 827 [Электронный ресурс] // Digitalkz.kz. URL: <https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)
189. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 марта 2019 года N 142 «О некоторых вопросах Министерства информации и

- общественного развития Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39880228 (дата обращения: 02.04.2023)
190. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2016 года, N 207-7 [Электронный ресурс] // Интернет-портал правовой информации Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=18923 (дата обращения: 17.04.2023)
191. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2021 г. N 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/137122/> (дата обращения: 17.04.2023)
192. Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. N 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 28.03.2023)
193. Потемкина О.Ю. Новая стратегия Союза Безопасности ЕС. Аналитическая записка N 32, 2020. Институт Европы Российской академии наук. 8 с. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics322020>
194. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000. 147 с.
195. Правила оказания услуг подвижной радиотелефонной связи. Утверждены Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 17 февраля 2014 года N 97 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96097> (дата обращения: 16.04.2023)
196. Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 21 октября 2020 года N 395/НК «Об утверждении Правил сбора, обработки персональных данных» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 02.04.2023)
197. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 05.08.2022 N 128 «Об утверждении перечня иностранных государств,

- обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209200008?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 17.04.2023)
198. Программа Правительства Республики Армения (2021-2026). Приложение к Постановлению Правительства Республики Армения N 1363-А от 18 августа 2021 года [Электронный ресурс] // Правительство Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4736.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)
199. Проект Концепции нацбезопасности будет вынесен на общественное обсуждение. В чем суть изменений. 20.02.2023 [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/proekt-kontseptsii-natsbezopasN-sti-budet-vynesen-na-obschestvenNoe-obsuzhdenie-v-chem-sut-izmenenij-551270-2023/> (дата обращения: 28.03.2023)
200. Протоколом «О взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере». 23.12.2014 [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561354812> (дата обращения: 28.04.2023)
201. Прохвятилов В. В Казахстане переделают закон о СМИ в угоду Западу. 27.12.2022 [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/27/v-kazahstane-peredelajut-zakon-o-smi-v-ugodu-zapadu-58078.html> (дата обращения: 02.04.2023)
202. Путин: Россия и КНР могут стать лидерами по ИИ, объединив потенциал. 21.03.2023 [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230321/tekhN-logii-1859551148.html> (дата обращения: 22.03.2023)
203. Развитие отдельных высоко технологичных направлений: Белая книга. Москва: НИУ «Высшая школа экономики». 2022 [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.ecoNomy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 21.02.2023)
204. РАН и Минобрнауки инициировали программу фундаментальных исследований мозга. 29.09.2020 [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/9578705> (дата обращения: 14.03.2023)

205. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. N 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405905591/> (дата обращения: 16.04.2023)
206. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N 1632-р [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 16.04.2023)
207. Расторгуев С.П. Информационная война. М., 1998. 222 с.
208. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 14.03.2023)
209. Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 10 декабря 2010 года «О Положении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности» [Электронный ресурс] // BusinessPravo.Ru. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181116.html (дата обращения: 27.04.2023)
210. Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivN_y_bezopasN_sti_organizatsii_dogovora_o_kollektivN_y_bezopasN_sti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 28.04.2023)
211. Решетникова М.С., Пугачева И.А., Лукина Ю.Д. Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в КНР // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. N 1. С. 333-350 DOI: 10.18334/vines.11.1.111912
212. Ромашкина Н.П., Задремайлова В.Г. Эволюция политики КНР в области информационной безопасности // Пути к миру и безопасности. 2020. N 1. С. 122-138.
213. Роскомнадзор [Электронный ресурс] URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2023)

214. Роскомнадзор подвел итоги работы по ограничению доступа к запрещенной информации за третий квартал 2022 года. 24.11.2022 [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (дата обращения: 28.04.2023)
215. Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь-июль 2022 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 15.02.2023)
216. Салимов Д.М. Политическая цензура и сетевые СМИ в современном Таджикистане // Вопросы политологии. 2021. Том 11. Вып. 11. С. 3194-3203 DOI 10.35775/PSI.2021.75.11.025
217. Салимов Д.М. Средства массовой информации в политическом процессе современного Таджикистана: функциональные особенности: дис. ... к-та. пол. наук: 5.5.2. СПб., 2022. 414 с.
218. Сборник «Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025». М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. 199 с.
219. Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект // США и Канада: Экономика, Политика, Культура. 2021. N 6. С. 52-70. DOI: 10.31857/S268667300015219-0
220. Сизьмин М.А. Информационная (информационно-психологическая) безопасность в структуре национальной безопасности (на примере США и России) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. N 3. С. 28-32.
221. Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 23.11.2022 [Электронный ресурс] // ОДКБ URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-iN-strannykh-del-gosudarstv-chleN-v-organizatsii-dogovora-o-kollekti/#loaded> (дата обращения: 28.04.2023)
222. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 16.06.2009 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 10.03.2023)

223. Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 года [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260001> (дата обращения: 28.04.2023)
224. Соломатин Е.В. Социально-психологические основы информационно-психологического противоборства в гибридной войне // Гуманитарные проблемы военного дела. 2021. N 1. С. 137-141.
225. Сообщение для СМИ об итогах заседания Группы экспертов ШОС по международной информационной безопасности. Ташкент, 13 июля 2022 г. [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20220719/855125.html> (дата обращения: 10.03.2023)
226. Стернин И.А., Тагаев М. Дж., Камбаралиева У.Д. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. N 2. С. 200-204
227. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. 29 июня 2022 г [Электронный ресурс] // НАТО. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 09.03.2023)
228. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivN_y_bezopasNsti_organizatsii_dogovora_o_kollektivN_y_bezopasNsti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 22.03.2023)
229. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Июль 2020 [Электронный ресурс] // Правительство Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 22.03.2023)
230. Струкова П.Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 588–606. DOI: 10.21638/spbu13.2020.409

231. Сунь Цзы. Искусство войны. Основы китайской военной стратегии. СПб.: 2016. 96 с.
232. Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. 04.09.2017 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIy dQv9AL5.doc> (дата обращения: 10.03.2023)
233. Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества. 24.06.2016 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5094> (дата обращения: 10.03.2023)
234. Тигран Авилян: Стратегия искусственного интеллекта для Армении. 02.06.2021 [Электронный ресурс] // Правительство Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9890/> (дата обращения: 11.03.2023)
235. Токаев оценил возможности искусственного интеллекта. 04.12.2020 [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/5050000-tokaev-otsenil-vozmozhN sti.html> (дата обращения: 10.03.2023)
236. Токсоналиева Р.М. Нормативно-правовые основы обеспечения информационно-психологической безопасности Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. N 6. С. 88-91.
237. Торин А. Информационная безопасность стран-участниц ОДКБ: актуальные проблемы и пути их решения. 20.10.2022 [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37487> (дата обращения: 28.04.2023)
238. Уведомление Госсовета о выпуске Плана развития искусственного интеллекта нового поколения. 2017 [Электронный ресурс] // Портал государственных органов КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 18.03.2023)
239. Указ Президента Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года УП N 570 «О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815> (дата обращения: 16.04.2023)
240. Указ Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 года УП N 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы» [Электронный ресурс] // Gov.kz. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet->

- usilivat-cifrovое-obrazovanie-sovmestN -s-mailkz?lang=ru (дата обращения: 06.04.2023)
241. Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. N 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060> (дата обращения: 28.03.2023)
242. Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. N 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 28.03.2023)
243. Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года N 145 «Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 02.04.2023)
244. Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года N 521. «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года N 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35648083 (дата обращения: 02.04.2023)
245. Указ Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года N 1175 «О Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан» [Электронный ресурс] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijN j-i-cifrovoj-gramotN sti-na-tadzhiskom-yazyke/> (дата обращения: 17.04.2023)
246. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.03.2023)
247. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 16.04.2023)

248. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (дата обращения: 06.02.2023)
249. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения: 06.02.2023)
250. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс] // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivN_y_bezopasN_sti_/#loaded (дата обращения: 27.04.2023)
251. Ухтомский А.А. Учение доминанте. М., 2020. 310 с.
252. Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. N 1(41). С. 72-85 DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.05>
253. Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 N 28-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (дата обращения: 06.03.2023)
254. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 06.03.2023)
255. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 25.03.2022 N 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412674/ (дата обращения: 06.03.2023)
256. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной

- безопасности» от 06.07.2016 N 375-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (дата обращения: 16.04.2023)
257. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 16.04.2023)
258. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.02.2023)
259. Федеральный закон от 05.04.2021 N 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/68440.html> (дата обращения: 28.04.2023)
260. Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 06.03.2023)
261. Федеральный закон от 06.12.2021 N 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (дата обращения: 06.03.2023)
262. Федеральный закон от 14 июля 2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)
263. Федеральный закон от 18.03.2023 N 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.3-3 Кодекса Российской Федерации об

- административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180005> (дата обращения: 06.03.2023)
264. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2023)
265. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (дата обращения: 16.04.2023)
266. Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280013?index=4&rangeSize=1> (дата обращения: 28.04.2023)
267. Федеральный закон от 29.06.2013 г. N 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37387> (дата обращения: 16.04.2023)
268. Филиал Института БРИКС по изучению сетей будущего открылся в Южном Китае. 07.08.2019 [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23406> (дата обращения: 10.03.2023)
269. Фрау-Майгс Д. Медиаграмотность – средство от манипуляции // Курьер ЮНЕСКО. Июль - сентябрь 2017 г [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/courier/iyul-sentyabr-2017-g/mediagramotnost-sredstvo-ot-manipulyacii> (дата обращения: 15.02.2023)
270. Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914-1918 гг. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 264 с.
271. Хейфец Б.А. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
272. Хотулев А.С. Цифровизация как глобальный процесс: Социально-экономические и политические проблемы // Вестник Московского

- университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2021. N 3. С. 50–66.
273. Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. N 2. С. 940-950.
274. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к диалоговой пропаганде // Международные процессы. 2015. Т. 13. N 3. С. 121-133.
275. Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 10.03.2023)
276. Цифровое образование. 2023 [Электронный ресурс] // Egov.kz. URL: <https://egov.kz/cms/ru/education> (дата обращения: 06.04.2023)
277. Цыбаков Д.Л. Развитие международных политических коммуникаций в целях укрепления коллективной безопасности ОДКБ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. N 2. С. 155-163. DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-2-155-163.
278. Цыбаков Д.Л., Заслонкина О.В. Политика ОДКБ по защите информационно-психологической сферы коллективной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. N 4. С. 136-144.
279. Чекменёва Т.Г., Ершов Б.А., Трубицын С.Д., Остапенко А.А. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2020. N 7. С. 78-97. DOI: 10.5281/zeN do.3911320
280. Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. N 1. С. 79-84.
281. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
282. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007. 301 с.
283. Штурхецкий С. Медиаграмотность. Практическое учебное пособие для высших учебных заведений по медийной и информационной грамотности. IREX Europe, 2018. 156 с [Электронный ресурс] // Медиа сабак. URL: <https://mediasabak.org/media/3f1921fa-9f7b-46a6-b110-c08809510337.pdf> (дата обращения: 17.04.2023)

284. Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Информационное управление в условиях глобализации и геополитического противоборства // Национальная безопасность. 2015. N 2 (37). С. 202-243. DOI: 10.7256/2073–8560.2015.2.14622
285. 17th China-ASEAN EXPO. December 1, 2020 [Электронный ресурс] // ASEAN. URL: <https://asean.org/17th-china-asean-expo-china-asean-business-investment-summit-conclude/> (дата обращения: 13.03.2023).
286. 2016-2019 Progress Report: Advancing Artificial Intelligence R&D. November 2019 [Электронный ресурс] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/AI-Research-and-Development-Progress-Report-2016-2019.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)
287. 2020 AI for Good Global Summit to scale AI-powered problem solving for global impact [Электронный ресурс] // AI for Good Global Summit. URL: <https://aiforgood.itu.int/2020-ai-for-good-global-summit-to-scale-ai-powered-problem-solving-for-global-impact/> (дата обращения: 13.03.2023).
288. 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final, 21 p. [Электронный ресурс] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (дата обращения: 18.03.2023)
289. A European approach to Artificial Intelligence 21.04.2021 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-fostering-european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 21.02.2023)
290. A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (дата обращения: 12.03.2023).
291. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 09.03.2023)
292. A Strategic Compass to strengthen the security and defence of the European Union by 2030. March 2022 [Электронный ресурс] // Министерство Европы и иностранных дел Франции. URL: [https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-N n-proliferation/european-defence-63008/article/a-](https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-N-n-proliferation/european-defence-63008/article/a-)

- strategic-compass-to-strengthen-the-security-and-defence-of-the-european
(дата обращения: 09.03.2023)
293. ADRA [Электронный ресурс] // The AI Data Robotics Association. URL: <https://ai-data-robotics-partnership.eu/> (дата обращения: 12.03.2023).
294. Advanced Technologies for Industry [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ati.ec.europa.eu/> (дата обращения: 12.03.2023).
295. AI Partnership for Defense. 16.09.2020 [Электронный ресурс] // Partnership for Defense URL: https://www.ai.mil/docs/AI_PfD_Joint_Statement_09_16_20.pdf (дата обращения: 22.03.2023)
296. AI Watch [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/ai-watch/about_en (дата обращения: 12.03.2023).
297. Algarni A., Yue X., Taizan Chan. An Empirical Study on the Susceptibility to Social Engineering on Social Networking Sites: The Case of Facebook // European Journal of Information Systems. 2017. Vol. 26. N. 6. P. 661–687
298. Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the «New» News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of The New York Times // Communication Research. 2002. Vol. 29. P. 180-207
299. Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.
300. Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.
301. Artificial Intelligence for Europe. COM(2018) 237. Brussels. 25.04.2018 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-artificial-intelligence-europe> (дата обращения: 12.03.2023).
302. Artificial Intelligence Index Report 2021 [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: <https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/> (дата обращения: 12.03.2023)
303. Artificial Intelligence Index Report 2022 [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (дата обращения: 12.03.2023)
304. Arute F., Arya K., Babbush R., Bacon D. et al. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // Nature. 2019. N. 574. P. 505-510. DOI: 10.1038/s41586-019-1666-5

305. Australian Brain Alliance [Электронный ресурс] // Australian Brain Alliance. URL: <https://www.brainalliance.org.au/about/> (дата обращения: 12.03.2023)
306. Bad News [Электронный ресурс] // Bad News. URL: <https://www.getbadnews.com/> (дата обращения: 15.02.2023)
307. Balakin D.A., Alikberova A.R. Digital Silk Road in the context of the People's Republic of China // *Opcción*. 2019. Vol. 35. N. 22. P. 308-318.
308. Banas J., Rains S. A Meta-Analysis of Research on IN culation Theory // *Communication MoN graphs*. 2010. Vol. 77. Issue 3. P. 281-311 DOI:10.1080/03637751003758193
309. Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized kN wledge // *Diogenes*. 2015. Vol. 62. Issue 3-4. P. 114-120. DOI: 10.1177/0392192116669288
310. Bazarkina D. Yu. Advanced TechN logies Combating Terrorism in the EU: The Psychological Warfare Aspect // *Proceedings of the 14th International Conference on Cyber Warfare and Security ICCWS 2019 Hosted By Stellenbosch University and the CSIR, South Africa, 28 February – 1 March 2019*. N ëlle van der Waag-Cowling and Dr. Louise Leenen (eds.). Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. P. 23 – 29.
311. Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.N. Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security [Электронный ресурс] // *Russia in Global Affairs*. 2019. N 1. January/March. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/artificial-intelligence-and-new-threats-to-international-psychological-security/> DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170 (дата обращения: 27.04.2023)
312. Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.N. ISIS Propaganda on the Internet, and Effective Counteraction [Электронный ресурс] // *Journal of Political Marketing*, 2021. 16 Jan. URL: DOI: 10.1080/15377857.2020.1869812 (дата обращения: 27.04.2023)
313. Bernal A., Carter C., Singh I. et al. *Cognitive Warfare*. John Hopkins University, 2020. 45 p.
314. Berning C. Contextual Perceived Group Threat and Radical Right-Wing Populist Party Preferences: Evidence from Switzerland // *Research and Politics*. 2016. Vol. 3. N. 1. P. 1-7. DOI:10.1177/2053168016635670
315. Bilal A. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and ‘Trust’ as the Antidote. N vember 30, 2021 [Электронный ресурс] // НАТО. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (дата обращения: 07.02.2023)

316. Blechman B., Kaplan S. Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument, Washington, D.C.: Brookings Institution, 1978. 604 p.
317. Brady W., Wills J., Jost J. et al. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks // PNAS. 2018. Vol. 114. N. 28. P. 7313-7318. DOI:10.1073/pnas.1618923114
318. BRAIN 2025. A scientific vision. Working Group Report to the Advisory Committee to the Director NIH. 2014. June 5. 146 p. [Электронный ресурс] // The BRAIN Initiative. URL: https://braininitiative.nih.gov/sites/default/files/pdfs/brain2025_508c.pdf (дата обращения: 17.03.2023)
319. Brain/MINDS [Электронный ресурс] URL: <https://brainminds.jp/en/> (дата обращения: 10.03.2023)
320. Brief summary of Korea Brain Initiative [Электронный ресурс] // Korea Brain Research Institute. URL: https://kbri.re.kr/new/pages_eng/sub/page.html?mc=3186 (дата обращения: 13.03.2023)
321. Brooks R. Flesh and machines: How robots will change us. New York: Pantheon Books. 2002. 272 p.
322. Brose K. Global Neuroscience // Neuron. 2016. N 92(3). 557-558 p.
323. Burns W. Is It Time to Require Identity Verification for Everyone Using Social Media? [Электронный ресурс] // Forbes. February 22, 2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/willburns/2018/02/22/is-it-time-to-require-identity-verification-for-everyone-using-social-media/?sh=127f2fe08683> (дата обращения: 12.02.2023)
324. Cacioppo J., Petty R. Effects of Message Repetition on Argument Processing, Recall and Persuasion // Basic and Applied Social Psychology. 1989. Vol. 10. N. 1. P. 3-12.
325. Cannon W.B. The wisdom of the body. W.W. Norton & Company, inc., 1932. 294 p.
326. Castro D. European AI Policy Conference Report – 2020 [Электронный ресурс] // Center for Data Innovation. April 9, 2021. URL: <https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/> (дата обращения: 14.03.2023)
327. Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 [Электронный ресурс] // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (дата обращения: 16.02.2023)

328. Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future [Электронный ресурс] // Proceedings. 1998. Vol. 124. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 23.10.2022).
329. Chan M., Jones C., Jamieson K. et al. Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation // Psychological Science. 2017. Vol. 28. N. 1. P. 1531-1546. DOI:10.1177/0956797617714579
330. Changeux J-P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.
331. Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. December, 2018 [Электронный ресурс] // White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/12/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)
332. Chen Xinran, Sei-Chung Joanna Sin, Yin-Leng Theng, Chei San Lee. Why Students Share Misinformation on Social Media: Motivation, Gender, and Study-Level Differences // Journal of Academic Librarianship. 2015. Vol. 41. P. 583–592.
333. China embraces AI: A Close Look and A Long View. December, 2017 [Электронный ресурс] // Eurasia Group. URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/China_Embraces_AI.pdf (дата обращения: 18.03.2023)
334. Clark S. Fighting Fraud with Digital Verification Tools [Электронный ресурс] // Risk Management, March 1, 2018. URL: <https://www.rmmagazine.com/articles/article/2018/03/01/-Fighting-Fraud-with-Digital-Verification-Tools-> (дата обращения: 12.02.2023)
335. Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. Ecco, 2011. 320 p.
336. Claverie B., Du Cluzel F. «Cognitive Warfare»: the advent of the concept of «Cognitics» in the field of warfare [Электронный ресурс] // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 25-32 URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)
337. Clayton K., Blair S., Busam J. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact-Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media // Political Behavior. 2020. Vol. 42. P. 1073-1095

338. Cluzel F. Cognitive Warfare. InN vation Hub, 2020. 45 p.
339. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. 118 p [Электронный ресурс] // Innovation Hub. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)
340. Cohen W.S. Report of the Quadrennial Defense Review [Электронный ресурс] // Air and Space Forces Magazine. URL: https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2009/QDR1997_051997.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
341. Communication from the Commission on the EU Security Union Strategy. Brussels, 24.7.2020 [Электронный ресурс] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596452256370&uri=CELEX%3A52020DC0605> (дата обращения: 09.03.2023)
342. Compton J., Jackson B., Dimmock J. Persuading Others to Avoid Persuasion: Inoculation Theory and Resistant Health Attitudes // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00122
343. Cook J., Stephan Lewandowsky S., Ecker U. Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. N. 5. DOI:10.1371/journal.pone.0175799
344. Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Brussels, 7.12.2018 COM(2018) 795 final [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/56017> (дата обращения: 12.03.2023).
345. Cordesman A., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, September 28, 2020 [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200615_Chinese_Chronology.pdf (дата обращения: 06.02.2023)
346. Damasio A., Grabowski T., Bechara A. et al. Subcortical and Cortical Brain Activity During the Feeling of Self-generated Emotions // *Nature Neuroscience*. 2000. Vol. 3. P. 1049-1056.

347. Danks D. The Value of Trustworthy AI. // Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. January, 2019. P. 521–522. DOI: 10.1145/3306618.3314228
348. DARPA AI Next Campaign. September, 2018 [Электронный ресурс] // DAPRA. URL: <https://www.darpa.mil/work-with-us/ai-next-campaign> (дата обращения: 12.03.2023)
349. DARPA. Media Forensics. December 5, 2018 [Электронный ресурс] // DAPRA. URL: <https://www.darpa.mil/program/media-forensics> (дата обращения: 14.02.2023)
350. Data Governance Act. Brussels, 25.11.2020 COM(2020) 767 final [Электронный ресурс] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0767&from=EN> (дата обращения: 12.03.2023).
351. Daugherty W.E. Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One. US Department of the Army, 1976. 18 p.
352. Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. Brussels. 10.04.2018 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.03.2023).
353. Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020 [Электронный ресурс] // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development> (дата обращения: 13.03.2023)
354. Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in Artificial Intelligence Research and Development. September, 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-artificial-intelligence-research-and-development-a-shared-vision-for-driving/> (дата обращения: 18.03.2023)
355. Desten D., Petty R., Rucker D. et al. Discrete Emotions and Persuasion: The Role of Emotion-Induced Expectancies // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. Vol. 86. N. 1. P. 43-56.

356. Deutsche Bank закрыл счет в Белоруссии. 26.10.2011 [Электронный ресурс] // Газета.ru URL: <https://www.gazeta.ru/financial/2011/10/26/3813458.shtml?updated> (дата обращения: 28.03.2023)
357. Dezfouli A., Nock R., Dayan P. Adversarial vulnerabilities of human decision-making // PNAS. 2020. Vol. 117. N 46. P. 29221-29228. DOI: 10.1073/pnas.2016921117
358. Digital 2021 [Электронный ресурс] // Wearesocial. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-uk/> (дата обращения: 04.02.2023)
359. Digital 2023 [Электронный ресурс] // Wearesocial. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 04.02.2023)
360. Digital Education action Plan 2021-2027. Brussels, 30.9.2020 SWD(2020) 209 final [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf (дата обращения: 12.03.2023).
361. Digital 2022. Global Overview Report [Электронный ресурс] // Wearesocial. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (дата обращения: 11.10.2022).
362. Directive TS 3600.1. (December 21, 1992) [Электронный ресурс] // Washington D.C.: U.S. Department of Defense. URL: <https://archive.org/details/14F0492Doc01DirectiveTS3600.1/page/n1> (дата обращения: 16.01.2023)
363. Doob L.W. Propaganda; Its Psychology and Technique. New York, 1935. 417 p.
364. Douglas K., Sutton R. The Hidden Impact of Conspiracy Theories: Perceived and Actual Influence of Theories Surrounding the Death of Princess Diana // Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 148. N. 2. P. 210–222.
365. DTIC ADA361418: The Enhanced, Integrated Soldier System on Janus (Army). 1993 [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA361418 (дата обращения: 15.01.2023).
366. Dwoskin E. Facebook is rating the trustworthiness of its users on a scale from zero to 1. August 21, 2018 [Электронный ресурс] // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/techNology/2018/08/21/facebook-is->

- rating-trustworthiness-its-users-scale-zero-one/ (дата обращения: 14.02.2023)
367. Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, 1989. 346 p.
368. Elamiryan R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 20.11.2019 [Электронный ресурс] // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (дата обращения: 28.04.2023)
369. Elull J. Propaganda. The Formation of Men's Attitudes. New York: Vintage Books, 1965. 348 p.
370. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. B-1049 Brussels. 8 April 2019. [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 12.03.2023).
371. Ethics of Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 13.03.2023).
372. Europe's two trillion euro dividend: Mapping the Cost of Non-Europe. 18.04.2019 [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU\(2019\)631745](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU(2019)631745) (дата обращения: 12.03.2023).
373. European Digital Innovation Hubs [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/edihs> (дата обращения: 12.03.2023).
374. Fact Sheet: BRAIN Initiative, Office of the Press Secretary [Электронный ресурс] The White House. 02.04.2013 URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative> (дата обращения 09.03.2023 г.)
375. FADP [Электронный ресурс] The Federal Assembly of the Swiss Confederation. 19.06.1992 URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en (дата обращения: 12.02.2023)
376. Fang Xiang, Singh S., Ahluwalia R. An Examination of Different Explanations for the Mere Exposure Effect // Journal of Consumer Research. 2007. Vol. 34. P. 97-103.
377. Farago L. German psychological warfare. Committee for National Morale, 1941. 155 p.
378. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. 312 p.

379. Field Manual N 3-05.30. Psychological Operations [Электронный ресурс] // Headquarters, Department of the Army. 15 April 2005. URL: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-05-30.pdf> (дата обращения: 04.02.2023)
380. Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 21.04.2021 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.03.2023).
381. French-German Declaration of Toulouse. 16 October 2019 [Электронный ресурс] // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/french-german-declaration-of-toulouse-16-oct-19> (дата обращения: 13.03.2023).
382. Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986. P. 41-80.
383. Friedman T. We Are Suddenly Taking On China and Russia at the Same Time [Электронный ресурс] // The New York Times. 12.10.2022 URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/12/opinion/china-semiconductors-exports.html> (дата обращения: 18.03.2023)
384. Fritsche I., Moya M., Bukowski M. et al. The Great Recession and Group-Based Control: Converting Personal Helplessness into Social Class In-Group Trust and Collective Action // Journal of Social Issues. 2017. Vol. 73. Issue 1. P. 117-137. DOI 10.1111/josi.12207
385. Future and Emerging Technologies Human Brain Project [Электронный ресурс] // The Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 02.03.2023)
386. Future of Work at the Human-Technology Frontier. February 16, 2023 [Электронный ресурс] // The U.S. National Science Foundation. URL: <https://beta.nsf.gov/events/future-work-human-technology-frontier-office-hours-2/2023-02-16> (дата обращения: 18.03.2023)
387. G20 AI Principles. June 9, 2019 [Электронный ресурс] // OECD. URL: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/g20-ai-principles> (дата обращения: 12.03.2023).
388. Galletta D., Henry R., McCoy S. et al. Web Site Delays: How Tolerant are Users? // Journal of the Association for Information Systems. 2004. Vol. 5. Issue 1. DOI:10.17705/1jais.00044
389. Galois and Guardtime Federal Awarded \$1.8M DARPA Contract to Formally Verify Blockchain-Based Integrity Monitoring System. September

- 13, 2016 [Электронный ресурс] // PRWEB. URL: <https://www.prweb.com/releases/2016/09/prweb13661801.htm> (дата обращения: 12.02.2023)
390. Gartner Survey Shows 37 Percent of Organizations Have Implemented AI in Some Form. January 21, 2019 [Электронный ресурс] // Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-01-21-gartner-survey-shows-37-percent-of-organizations-have> (дата обращения: 12.03.2023).
391. GDPR. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. 27.04.2016 [Электронный ресурс] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN> (дата обращения: 12.02.2023)
392. Ghosh D., Scott B. Digital Deceit: The Technologies Behind Precision Propaganda on the Internet [Электронный ресурс] // New America. Policy Paper, January 23, 2018 URL: <https://d1y8sb8igg2f8e.cloudfront.net/documents/digital-deceit-final-v3.pdf> (дата обращения: 07.02.2023)
393. Gilbert D., Tafarodi R., Malone P. You Can't Not Believe Everything You Read // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. N. 2. P. 221-233.
394. Gleicher N., Franklin M., Agranovich D. et al. Threat Report The State of Influence Operations 2017-2020. May 2021 [Электронный ресурс] // Politico. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2021/05/26/IO-Threat-Report-May-24-2021-version.pdf> (дата обращения: 04.05.2023)
395. Glimcher P.W. et al. Neuroeconomics: Decisions Making and the Brain. London, 2009. 1477 p.
396. Global Artificial Intelligence Industry Whitepaper [Электронный ресурс] // Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/techNology-media-and-telecommunications/articles/global-ai-development-white-paper.html> (дата обращения: 11.03.2023)
397. Global Soft Power Index. 2022. [Электронный ресурс] // Brand Finance. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 15.02.2023)
398. Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal / Dynkin, A., Burrows, M. (eds.) Moscow, Primakov IMEMO, 2016. 32 p.
399. Goldstein F., Findley B. Psychological Operation: Principles and Case Studies. Air University Press, 1996. 378 p.
400. Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss., University of Oxford, 2021 [Электронный ресурс] // EThOS. URL:

- <https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.840171> (дата обращения: 04.05.2023)
401. Goldstein J., Sastry G., Musser M. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations. January 2023 [Электронный ресурс] // Cornell University. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.04246> (дата обращения: 28.04.2023)
402. Good Country Index [Электронный ресурс] // Good Country Index. URL: <https://index.goodcountry.org/> (дата обращения: 15.02.2023)
403. Gosse J. et al. European enterprise survey on the use of technologies based on artificial intelligence. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 149 p. DOI:10.2759/759368
404. Government AI Readiness Index 2021 [Электронный ресурс] // Oxford Insights. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (дата обращения: 21.02.2023)
405. Government AI Readiness Index 2022 [Электронный ресурс] // Oxford Insights. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (дата обращения: 10.03.2023)
406. GPAI [Электронный ресурс] // Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: <https://grai.ai/about/> (дата обращения: 13.03.2023).
407. Green S. Cognitive Warfare. The Augean Stables. Joint Military Intelligence College. July 2008 [Электронный ресурс] // Augean Stables. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (дата обращения: 29.10.2022).
408. Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information. April 2010 [Электронный ресурс] // National Institute of Standards and Technology. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-122.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)
409. Guyader H. Weaponization of neurosciences. February 2020 [Электронный ресурс] // Innovation Hub. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/docs/WoNS.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)
410. Hakmeh J. Cybercrime Legislation in the GCC Countries Fit for Purpose? July 2018 [Электронный ресурс] // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-07-04-cybercrime-legislation-gcc-hakmeh.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

411. Halfaker A., Riedl J. Bots and Cyborgs: Wikipedia's Immune System // Computer. 2012. Vol. 45. Issue 3. P. 79-82. DOI:10.1109/MC.2012.82
412. Harkins S., Petty R. The Multiple Source Effect in Persuasion: The Effects of Distraction // Personality and Social Psychology Bulletin. 1981. Vol. 7. N. 4. P.627-635.
413. Hibbing J., Smith K., Alford J. Differences in Negativity Bias Underlie Variations in Political Ideology // Behavioral and Brain Sciences. 2014. Vol. 37. N. 3. P. 297-307.
414. High-level expert group on artificial intelligence [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai> (дата обращения: 13.03.2023).
415. Hillman J. E. The Digital Silk Road: China's quest to wire the world and win the future. London: Harper Business, 2021. 368 p.
416. Horowitz M. C., Scharre P., Allen G. C., Frederick K., Cho A., Saravalle E. Artificial Intelligence and International Security [Электронный ресурс] // Center for a New American Security (CNAS). 2018. URL: <http://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (дата обращения: 06.02.2023)
417. Human Brain Project [Электронный ресурс] // The Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 02.03.2023)
418. Illes J., Weiss S. A Neuroethics Backbone for the Evolving Canadian Brain Research Strategy // Neuron 101. 2019. February 6. 370-374 p.
419. Immordino-Yang M.H., McColl A. et al. Neural Correlates of Admiration and Compassion // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106. N 19. P. 8021-8026.
420. India, Japan finalise pact for cooperation in 5G, AI, critical information infrastructure [Электронный ресурс] // The Economic Times. October 7, 2020 URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-japan-finalise-pact-for-cooperation-in-5g-ai-critical-information-infrastructure/articleshow/78534833.cms> (дата обращения: 13.03.2023).
421. Innovative Public Services [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://joinup.ec.europa.eu/collection/inNovative-public-services> (дата обращения: 12.03.2023).
422. International Brain Initiative [Электронный ресурс] // The International Brain Initiative. URL: <https://www.internationalbraininitiative.org/about-us> (дата обращения: 14.03.2023)
423. International Strategy of Cooperation on Cyberspace. 01.03.2017 [Электронный ресурс] // Xinhua. URL:

- http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm
(дата обращения: 10.03.2023)
424. Internews в Таджикистане ищет партнёра для передачи в управление раздела «Медиакритика» на таджикском и русском языках. 16.03.2023 [Электронный ресурс] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/internews-v-tadzhikistane-ishhet-partnyora-dlya-peredachi-v-upravlenie-razdela-mediakritika-na-tadzhikskom-i-russkom-yazykax/>
(дата обращения: 17.04.2023)
425. Invest India and UAE Ministry sign MoU for technological cooperation [Электронный ресурс] // Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Commerce & Industry. July 27, 2018 URL: <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1540480> (дата обращения: 13.03.2023).
426. IREX's Learn to Discern [Электронный ресурс] // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 15.02.2023)
427. Ismagilova E., Slade E., Rana N. et al. The effect of characteristics of source credibility on consumer behaviour: A meta-analysis [Электронный ресурс] // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. Vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0969698918307926?via%3Dihub> (дата обращения: 07.02.2023)
428. ISSAI [Электронный ресурс] // Институт Умных Систем и Искусственного Интеллекта. URL: <https://issai.nu.edu.kz/> (дата обращения: 11.03.2023)
429. Iyengar S., Peters M., Kinder D. Experimental Demonstrations of the «Not-So-Minimal» Consequences of Television News Programs. // American Political Science Review. 1982. Vol. 76. P. 848-858.
430. Jansen S., Martin B. The Streisand Effect and Censorship Backfire // International Journal of Communication. 2015. Vol. 9. P. 656-671
431. Jeong S., Cho H., Hwang Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. P. 454-472 DOI:10.1111/j.1460-2466.2012.01643.x
432. Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0>
(дата обращения: 06.02.2023)

433. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13 [Электронный ресурс] // United States Department of Defense, 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
434. Joint Publication 3-13.2. Psychological Operations. 07 January 2010 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf> (дата обращения: 04.02.2023)
435. Jost J., Napier J., Thorisdottir H. et al. Are Needs to Manage Uncertainty and Threat Associated with Political Conservatism or Ideological Extremity? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. N. 7. P. 989–1007.
436. Key Digital Technologies Joint Undertaking [Электронный ресурс] // KDT JU. URL: <https://www.kdt-ju.europa.eu/ecsel-ju-useful-information> (дата обращения: 12.03.2023).
437. Kiklewicz A., Sladkiewicz Zh. Multimodality – multimediality – multicanality etc. Alternative forms of the transmission of information as a problem of linguistic theory and terminology // *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*. 2021. FASC. LXXVII. P. 153-173.
438. Kim Y., Hsu J., Neiman D. et al. The Stealth Media? Groups and Targets behind Divisive Issue Campaigns on Facebook // *Political Communication*. 2018. Vol. 35. N. 4. P. 515–541.
439. King G., Pan J., Roberts M. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument // *American Political Science Review*. 2017. Vol. 11. Issue 3. P. 484-501 DOI:10.1017/S0003055417000144
440. Kong W., Marler T. Ukraine’s Lessons for the Future of Hybrid Warfare [Электронный ресурс] // *The National Interest*. November 25, 2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/ukraine%E2%80%99s-lessons-future-hybrid-warfare-205922> (дата обращения: 07.02.2023)
441. Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, Not bots [Электронный ресурс] // *Science*. 8 March 2018. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-Not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (дата обращения: 06.02.2023)
442. Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final [Электронный ресурс] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 12.03.2023)

443. Leiba B., Borenstein N. A Multifaceted Approach to Spam Reduction // CEAS 2004 - First Conference on Email and Anti-Spam, July 30-31, 2004, Mountain View, California, USA [Электронный ресурс] // CEAS. URL: <https://www.ceas.cc/papers-2004/127.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)
444. Lewandowsky S., Cook J., Lloyd E., The «Alice in Wonderland» Mechanics of the Rejection of (Climate) Science: Simulating Coherence by Conspiracism // Synthese. 2018. Vol. 195. P. 175-196.
445. Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defence University, 1995. 104 p.
446. Lieto A., Venero F. Unveiling the Link Between Logical Fallacies and Web Persuasion [Электронный ресурс] // Proceedings of the 5th Annual ACM Web Science Conference. May 2013. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2464464.2508564> (дата обращения: 07.02.2023)
447. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p.
448. List of participants in the OECD Expert Group on AI (AIGO) [Электронный ресурс] // OECD AI. URL: <https://oecd.ai/en/list-of-participants-oecd-expert-group-on-ai> (дата обращения: 13.03.2023).
449. List statistics // [Электронный ресурс] TOP500: The List. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (дата обращения: 18.03.2023)
450. Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. N 2. P.175-200.
451. Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought. 1992 [Электронный ресурс] // Internet Archive URL: <https://archive.org/details/1992Mann/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 15.02.2023)
452. Masdar City [Электронный ресурс] // Masdar City. URL: <https://masdarcity.ae/> (дата обращения: 28.04.2023)
453. Mastercard, Microsoft Join Forces to Advance Digital Identity Innovations. December 3, 2018 [Электронный ресурс] // Mastercard. URL: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/mastercard-microsoft-join-forces-to-advance-digital-identity-innovations/> (дата обращения: 12.02.2023)
454. Matthews M., Demus A., Treyger E. et al. Understanding and Defending Against Russia's Malign and Subversive Information Efforts in Europe [Электронный ресурс] // RAND Corporation, 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3160.html (дата обращения: 09.03.2023)

455. Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132. Issue: November. P. 18-19.
456. Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. Psychological Targeting as an Effective Approach to Digital Mass Persuasion // PNAS. 2017. Vol. 114. P. 12714–12719.
457. McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. AI Magazine. 2006. Vol. 27 N. 4. P. 12-14. DOI: 10.1609/aimag.v27i4.1904
458. McCombs M. New Frontiers in Agenda Setting: Agendas of Attributes and Frames // Mass Communication Review. 1997. Vol. 24. P.4-24
459. McCombs M. News influence on Our Pictures of the World / Media Effects: Advances in Theory and Research. Bryant J., Zillmann D. (eds.), New York, 1994. 505 p.
460. McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. Issue 2. P. 58-67
461. McGuire W. J. Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of the same and alternative counterarguments. The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 63. P. 326-332. DOI:10.1037/h0048344
462. Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New York, 2006. 400 p.
463. Montague R. Why choose this book? How we make decisions. New York, 2006. 335 p.
464. Montocchio Ph. Foreword – By the Deputy Director of the NATO Collaboration Support Office (CSO) // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 12-13 [Электронный ресурс] // Innovation Hub. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата обращения: 09.03.2023)
465. Mosseri A. How Facebook Wants to Improve the Quality of Your News Feed. May 23, 2018 [Электронный ресурс] // Wired. URL: <https://www.wired.com/story/how-facebook-wants-to-improve-the-quality-of-your-news-feed/> (дата обращения: 14.02.2023)
466. Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit [Электронный ресурс] // Global Partnership on Artificial

- Intelligence. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-November-2022.pdf> (дата обращения: 17.02.2023)
467. Mu-ming Poo et al. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // Neuron 92. 2016. November 2. P. 591-596
468. Notice for Fairness in Artificial Intelligence in Collaboration with Amazon. 08.02.2021 [Электронный ресурс] // The U.S. National Science Foundation. URL: <https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence/announcements/94734> (дата обращения: 12.03.2023)
469. Nakashima E., Whalen J., Cadell C. U.S. imposes tough rules to limit China's access to high-tech chips [Электронный ресурс] // The Washington Post. 07.10.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/10/07/china-high-tech-chips-restrictions/> (дата обращения: 18.03.2023)
470. National AI R&D Strategic Plan: 2019 Update [Электронный ресурс] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (дата обращения: 11.03.2023)
471. National Artificial Intelligence Initiative [Электронный ресурс] // The National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 11.03.2023)
472. National Artificial Intelligence Initiative Act. 01.01.2021 [Электронный ресурс] // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/116/crpt/hrpt617/CRPT-116hrpt617.pdf#page=1210> (дата обращения: 11.03.2023)
473. National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy [Электронный ресурс] // // The National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 13.03.2023)
474. National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018 [Электронный ресурс] // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 06.02.2023)
475. National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022 [Электронный ресурс] // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 06.03.2023)

476. NATO Summit – Brussels. 14.06.2021 [Электронный ресурс] // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm (дата обращения: 09.03.2023)
477. Nelson J., Taneja H. The Small, Disloyal Fake News Audience: The Role of Audience Availability in Fake News Consumption // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. N. 1. P. 3720–3737.
478. NSF Artificial Intelligence Research Institutes. 30.07.2021 [Электронный ресурс] // The U.S. National Science Foundation. URL: <https://nsf.gov/cise/ai.jsp> (дата обращения: 11.03.2023)
479. NSF’s Program on Fairness in Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // The U.S. National Science Foundation. URL: <https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence-collaboration-amazon> (дата обращения: 14.04.2023)
480. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004. 208 p.
481. Nye J.S. *The Future of Power*. PublicAffairs, NY, 2011. 300 p.
482. Nye J.S. *The Future of Power*. PublicAffairs. NY, 2011. 300 p.
483. Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // *Political Behavior*. 2010. Vol. 32. P. 303-330. DOI:10.1007/s11109-010-9112-2
484. OECD Principles on Artificial Intelligence. May 2019 [Электронный ресурс] // OECD AI. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 12.03.2023).
485. Ofcom [Электронный ресурс] // The Ofcom. URL: <https://www.ofcom.org.uk/> (дата обращения: 12.02.2023)
486. Owens W., Offley E. *Lifting the Fog of War*. Johns Hopkins University Press, 2001. 296 p.
487. Panksepp J. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. New York, 1998. 466 p.
488. Parvizi J., Damasio A. Consciousness and the Brainstem // *Cognition*. 2000. Vol. 79 (2001). P. 135-159.
489. Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in U.S. Concepts for Strategic Competition [Электронный ресурс] RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (дата обращения: 06.02.2023) DOI: <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>
490. Peters G.-J., Ruiter R., Kok G. Threatening Communication: A Critical Re-Analysis and Revised Meta-Analytic Test of Fear Appeal Theory // *Health Psychology Review*. 2013. Vol. 7. N. 1. P. 8-31

491. Petty R., BriN 1 P. Psychological Processes Underlying Persuasion: A Social Psychological Approach // Diogenes. 2008. Vol. 55. N. 1. P. 52-67.
492. Pioneering the Future Advanced Computing Ecosystem: A Strategic Plan. November, 2020 [Электронный ресурс] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/Future-Advanced-Computing-Ecosystem-Strategic-Plan-Nov-2020.pdf> (дата обращения: 18.03.2023)
493. Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection [Электронный ресурс] // Rand Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA873-1.html (дата обращения: 17.02.2023) DOI: 10.7249/RBA873-1
494. Presidential Memorandum for the Secretary of Education. September 25, 2017 [Электронный ресурс] // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/> (дата обращения: 12.03.2023)
495. Psychological Warfare and How To Wage It // Current History and Forum. 1940. January. P. 52–53.
496. Qiu J. Research and development of artificial intelligence in China // National Science Review. 2016. Vol. 3. N. 4. P. 538-541. DOI: 10.1093/nsr/nww076
497. Rahayu R. A Critical Analysis On Margaret E. Roberts (2018), Censored: Distraction And Diversion Inside China’s Great Firewall // Journal of Politica. 2020. Vol. 1. N. 2. P. 92-102. DOI:10.33019/jpi.v1i2.8
498. Rapp D. The Consequences of Reading Inaccurate Information // Current Directions in Psychological Science. 2016. Vol. 25. N. 4. P. 281-285. DOI:10.1177/0963721416649347
499. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Legal 0449. Adopted on: 22.05.2019 [Электронный ресурс] // OECD Legal Instruments. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 13.03.2023).
500. Re-finding Industry: Defining Innovation [Электронный ресурс] // Publications Office of the European Union. April 24, 2018. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/28e1c485-476a-11e8-be1d-01aa75ed71a1> (дата обращения: 16.02.2023)
501. Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. AI. 2020. Vol.1. P. 180–191. DOI:10.3390/ai1020011
502. Requarth T. This is Your Brain. This is Your Brain as a Weapon. 14.09.2015 [Электронный ресурс] // Foreign Policy URL:

- <https://foreignpolicy.com/2015/09/14/this-is-your-brain-this-is-your-brain-as-a-weapon-darpa-dual-use-neuroscience/> (дата обращения: 22.03.2023)
503. Responsible AI Working Group Report. November 2022 [Электронный ресурс] // The Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: <https://gpai.ai/projects/responsible-ai/gpai-responsible-ai-wg-report-2022.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)
504. Rogers R. Cognitive and Physiological Processes in Fear Appeals and Attitude Change: A Revised Theory of Protective Motivation / Social Psychophysiology: A Sourcebook. J. T. Cacioppo and R. E. Petty eds. New York: Guilford Press, 1983. P. 153-176.
505. Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.
506. Rühle M., Roberts C. Expanding NATO's tools to counter hybrid threats // NATO Review. March 19, 2021 [Электронный ресурс] // NATO. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/03/19/rasshirenie-instrumentariya-nato-dlya-protivodejstviya-gibridnym-ugrozam/index.html> (дата обращения: 07.02.2023)
507. Russia Sanctions Dashboard. 24.02.2023 [Электронный ресурс] // Castellum.AI. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 14.03.2023).
508. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. 20.12.2019 [Электронный ресурс] // Congress.Gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (дата обращения: 22.03.2023)
509. Schmuck D., Matthes J. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // Political Psychology. 2017. Vol. 34. Issue 4. P. 607-626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
510. Schmuck D., Matthes J. Voting «Against Islamization»? How Anti-Islamic Right-Wing, Populist Political Campaign Ads Influence Explicit and Implicit Attitudes Toward Muslims as Well as Voting Preferences // Political Psychology. 2018. Vol. 40. Issue 4. P. 739-757. DOI: 10.1111/pops.12557
511. Science and Technology Organization. 27.10.2022 [Электронный ресурс] // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_88745.htm (дата обращения: 09.03.2023)
512. Scimago Journal & Country Rank [Электронный ресурс] // Scimago Journal & Country Rank. URL:

- <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.03.2023)
513. Seger E., Avin S., Pearson G. et al. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world. The Alan Turing Institute, October 14, 2020. 84 p. <https://doi.org/10.17863/CAM.64183>
514. Sherif C., Sherif M., Nebergall R. Attitude and Attitude Change. The Social Judgment-involvement Approach. W. B. Saunders Company, 1965. 264 p.
515. Sherif M. Experiments in Group Conflict // Scientific American. 1956. Vol. 1956. P. 54-58.
516. So J., Kim S., Cohen H. Message Fatigue: Conceptual Definition, Operationalization, and Correlates // Communication MoN graphs. 2017. Vol. 84. N. 1. P. 5-29.
517. Su S. New Test with Related Articles. April 15, 2017 [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/perma_cc_S2A4-PVCR (дата обращения: 14.02.2023)
518. Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 22.10.2021 [Электронный ресурс] // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (дата обращения: 22.03.2023)
519. Summers H.G. New World Strategy: A Military Policy for America's Future. Simon & Schuster, 1995. 270 p.
520. Sung-Jin Jeong et al. Korea Brain Initiative: Integration and Control of Brain Functions. // Neuron 92. 2016. N vember 2. 607-611 p.
521. Supplement to the President's FY2022 Budget [Электронный ресурс] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/FY2022-NITRD-NAIO-Supplement.pdf> (дата обращения: 12.03.2023)
522. Swedish Civil Contingencies Agency. Countering Information Influence Activities: A Handbook for Communicators. Karlstad, Sweden. July 2018 [Электронный ресурс] // MSB RIB. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28698.pdf> (дата обращения: 07.02.2023)
523. Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 [Электронный ресурс] // Airpower Journal. Spring 1995. URL: <https://arielsheen.com/wp-content/uploads/2019/11/A-Theory-of-Information-Warfare.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

524. The AI Ecosystem in China 2020 [Электронный ресурс] // Daxueconsulting. March, 2020 URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> / (дата обращения: 10.03.2023)
525. The AI Ecosystem in China 2020 [Электронный ресурс] // Daxueconsulting. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> (дата обращения: 18.03.2023)
526. The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 21.02.2023)
527. The AIM Initiative. A strategy for augmenting intelligence using machines. 16.01.2019 [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/AIM-Strategy.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)
528. The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI). B-1049 Brussels. 17 July 2020 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/68342> (дата обращения: 12.03.2023).
529. The Data Protection Act 2018. 23.05.2018 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (дата обращения: 12.02.2023)
530. The European AI Alliance [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-ai-alliance> (дата обращения: 12.03.2023).
531. The European High Performance Computing Joint Undertaking // European Commission. 16.03.2023 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/high-performance-computing-joint-undertaking> (дата обращения: 18.03.2023)
532. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade Brussels, 16.12.2020 JOIN(2020) 18 final [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eu-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 12.03.2023).
533. The Final Report [Электронный ресурс] // The National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. URL:

- <https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents/> (дата обращения: 18.03.2023)
534. The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 114 p.
535. Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing, 1995. 370 p.
536. Towards a «European Lighthouse for AI» [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/european-ai-alliance/blog/towards-european-lighthouse-ai-0> (дата обращения: 12.03.2023).
537. Trust in Digital Publishing 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://thetrustedweb.org/trust-in-digital-publishing-2021/> (дата обращения: 28.04.2023)
538. U.S.-EU Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement. September 29, 2021 [Электронный ресурс] // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/29/u-s-eu-trade-and-techNology-council-inaugural-joint-statement/> (дата обращения: 18.03.2023)
539. Ulnicane I. Ever-changing Big Science and Research Infrastructures: Evolving European Union policy // Big Science and Research Infrastructures in Europe / K.C. Cramer & O. Hallonsten (Eds.). 2020. 76-100 p.
540. USAGM [Электронный ресурс] // U.S. Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/> (дата обращения: 12.02.2023)
541. Vykhodets R.S., Shlyapnilov V.V. The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies // Archivos Venezolans De Farmacología Y Terapéutica. 2022. Vol. 41. N. 2. P. 79–84. <https://doi.org/10.5281/zeNdo.6571103>
542. Wang L. Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // National Science Review. 2017. Vol. 4. N. 2. P. 258-263
543. Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // Journal of Information Warfare. Vol. 18. N. 3. Special Edition (Winter 2019). P. 1-14.
544. Weaver D., Graber D.A., McCombs M., Eyal C.H. Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.
545. White Paper on Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust. COM(2020) 65. Brussels. 19.02.2020 [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/info/files/white-paper->

- artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 12.03.2023).
546. Wikipedia: Requests for arbitration/Scientology. 27 January 2022 [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?oldid=1069369576#Scientology> (дата обращения: 12.02.2023)
547. WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019 [Электронный ресурс] // The World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 21.02.2023)
548. Wojcieszak M. «Don't Talk to Me»: Effects of Ideologically Homogeneous Online Groups and Politically Dissimilar Offline Ties on Extremism. *New Media & Society* 2010. Vol. 12. N. 4. P. 637–655.
549. Workshop on Artificial Intelligence Testing and Experimentation Facilities for Smart Manufacturing [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/workshop-artificial-intelligence-testing-and-experimentation-facilities-smart-manufacturing> (дата обращения: 12.03.2023).
550. YouTube удалил более 9000 каналов, связанных с ситуацией на Украине. 22.05.2022 [Электронный ресурс] // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/tech/48694121-youtube-udalil-bolee-9000-kanalov-svyazannyh-s-situatsiey-na-ukraine/> (дата обращения: 15.02.2023)
551. Zacharias E.M. *Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.
552. Zhong H., Wang H., Deng Y. et al. Quantum computational advantage using photons // *Science*. 2020. N 370. P. 1460-1463. DOI: 10.1126/science.abe8770

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript

VYKHODETS Roman S.

**INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY POLICY IN THE
AREA OF RESPONSIBILITY OF THE COLLECTIVE SECURITY
TREATY ORGANIZATION**

Scientific specialty 5.5.4. International relations, global and regional studies

Thesis for the degree of doctor of political sciences

Translation from Russian

Scientific consultant:

Doctor of Political Sciences, Associate Professor
Pantserev Konstantin A.

Saint Petersburg
2023

CONTENTS

<i>Introduction</i>	459
<i>Chapter 1. Information and psychological security in the system of international security</i>	482
§1.1. Theory of information confrontation	483
§1.2. Subject boundaries of the concept of information-psychological confrontation	500
§1.3. Policy in the field of ensuring information and psychological security: international experience	517
<i>Chapter 2. Theoretical and methodological model of information and psychological security</i>	545
§2.1. The ideological component of information and psychological security... ..	548
§2.2. Media component of information and psychological security	558
§2.3. Cognitive component of information and psychological security	577
§2.4. Model of information and psychological security	588
<i>Chapter 3. Information and psychological security in the context of global technological confrontation</i>	595
§3.1. Global technological confrontation in the perspective of the fourth industrial revolution	596
§3.2. Modern world policy in the field of artificial intelligence	614
§3.3. The role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security	658
<i>Chapter 4. Information dominants</i>	672
§4.1. Theoretical and methodological substantiation of the concept of information dominants	672
§4.2. Empirical substantiation of "Information dominants" as a tool of information-psychological confrontation.....	689
<i>Chapter 5. Ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO</i>	698
§5.1. State policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security	698
5.1.1. Republic of Armenia.....	701
5.1.2. Republic of Belarus.....	708

5.1.3. Republic of Kyrgyzstan	719
5.1.4. Republic of Kazakhstan	726
5.1.5. Republic of Tajikistan.....	735
5.1.6. Russian Federation.....	743
5.1.7. Comparative analysis of the state policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security	751
§5.2. Information and psychological security at the CSTO level.....	757
§5.3. Model for ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO	769
<i>Conclusion</i>	784
<i>Bibliography</i>	795

Introduction

Relevance of the research topic. Since its inception, information technologies designed for the rapid exchange, processing and analysis of data have had a significant impact on the nature of world processes. And today, discussions about world politics and international relations are already unthinkable outside the context of the formation of an information society on a global scale and the processes of digitalization that are gaining momentum.

At the same time, the current stage of the information revolution, along with the undeniable advantages and benefits that it brings to the life of entire peoples and the individual, also gives rise to many global problems of a political, economic, civilizational and geopolitical nature. In the modern world, the danger of the threat of hostile use of information and communication technologies continues to grow, one of the dominant trends in modern international relations is the purposeful fabrication of events, as well as the use of manipulative information for various kinds of provocations and escalation of tension. The threats associated with the malicious use of translated information and communication technologies are becoming more and more clear, the availability of information systems and software based on artificial intelligence is increasing, with which many experts associate qualitative changes in the tools and methods of information attacks, the targets of which are now ideological and spiritual - the moral foundations of life, the systems of formation of public opinion, and even the psyche of an individual.

This has led to a significant expansion of the conceptual boundaries of military conflicts, in which the information environment is now recognized as an independent dimension of hostilities, the blurring of boundaries between military and non-military means of interstate confrontation, as well as the emergence of new forms and methods of strategic competition on the world stage.

Therefore, today it seems obvious that for any state that seeks sovereignty and reliable provision of its national interests, building a reliable security system in the information environment is an absolute priority. However, this requires a

theoretical understanding of the implementation of the nature, tools and methods of modern information warfare, as well as a clear and timely identification of modern challenges and threats posed by constantly improving information technologies. Therefore, in the modern world, the absolute priority of the policy of any state is to ensure the protection of national interests in the information sphere.

Today, the concepts of confrontation in the information sphere occupy one of the central places in the strategic documents of many states and international organizations. Information warfare is a special element of modern strategic thinking, in which information impact is seen as a means of expanding the dominance of one actor and reducing the influence of opponents.

Despite the fact that increased attention is paid to the issues of information confrontation today, both in domestic and foreign scientific literature. To date, a large number of original author's concepts have been created, a methodology for scientific research in this area has been developed, but terminological confusion still remains. Often the terms "information confrontation", "information war", "cyber war", "information-psychological confrontation", etc. are used as synonyms or even to give the text a certain amount of artistic metaphor. All this leads to a blurring of the subject boundaries of the independent areas of research that are emerging today, which, as we will show later in our work, are the result of differentiation of the initial theoretical concept of information warfare, and also complicates the scientific analysis of applied priority issues of state and international politics and security in the information environment.

Today, at the level of scientific research and official documents, a trend is becoming more and more clear, according to which the information and psychological sphere is considered as a relatively independent space of confrontation in the international arena. This was largely facilitated by the processes of global digitalization, as well as the wide distribution and availability of tools for effectively influencing the minds of millions of people. Recently, the Internet has become so firmly established in life that for a significant number of people it has become the main, and often the only source of information. Social

networks and instant messengers have largely replaced traditional media for a large number of the population today, and content recommendation systems that are rapidly developing based on artificial intelligence technologies are recognized by many experts today as the most influential technologies fraught with many risks, a significant part of which humanity has yet to face. realize.

These and many other factors, which we will point out in our work, are the reasons that information-psychological confrontation, as a subject of theoretical research, is increasingly acquiring its unique specificity, separating it in the general space of theoretical and applied research of confrontation in the information environment.

The definition of its theoretical boundaries and the definition of a list of questions that form its subject are of particular relevance. A significant part of our work is devoted to these aspects, since the effectiveness of developing scientific foundations and models for ensuring information and psychological security largely depends on this.

For more than thirty years, the post-Soviet space has been an arena of strategic competition, in which the national interests of states, financial and economic groups, value and ideological models of development collide. The complex of modern geopolitical contradictions, the core of which is the struggle for natural resources and leadership in the field of high technologies, and more and more clearly manifested in the processes of decoupling of the two largest economies in the world, the USA and China, is an objective source of centrifugal tendencies in integration projects that have arisen in the former USSR. The desire of the post-Soviet states to preserve the political, economic and socio-cultural ties developed during the period of life in a single state, within the framework of new integration formats, the CIS, the EAEU, the CSTO, is increasingly faced with the problem of choosing a foreign policy vector. At the same time, external forces, primarily the collective West led by the United States, consider the strengthening of Eurasian integration as a threat to their dominant position in the world. Therefore, today the post-Soviet states often become the object of attempts to

establish external influence, which is part of a comprehensive policy of containing China and Russia.

States fully aware of the importance of ensuring sovereignty in the information space and neutralizing the challenges and threats associated with destructive ideological and psychological impact.

Modern conditions of global competition, sharply aggravated after the start of Russia's Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, combined with the capabilities of the latest information technologies to influence public opinion, the worldview and behavior of an individual, form a whole layer of hybrid challenges and threats, a significant part of which belongs to the information and psychological sphere and is aimed, among other things, at undermining the multilateral consensus in integration projects with Russia's participation in the Eurasian space.

The organization of the Collective Security Treaty today is the only viable instrument for ensuring collective security in the post-Soviet space and a key element of the "Eurasian security belt" that unites the efforts of coalition structures operating in the post-Soviet space.

In this regard, for Russia and its CSTO allies, the creation of a unified system for ensuring information and psychological security, which, on the one hand, can reliably resist destructive ideological and psychological influence, and, on the other hand, effectively form and promote a positive ideological and informational agenda of the community of historical ways of development, unity of economic and geopolitical tasks, the solution of which will make it possible to realize national development priorities and ensure the collective security of the CSTO member countries in the modern world.

The degree of development of the topic.

The topic of scientific research related to the development of issues related to information and psychological security can be called with full confidence in the true sense of the interdisciplinary. Its development requires the coverage of a fairly large array of scientific literature related to the field of political science,

communication theory, and cognitive science. In this sense, it is by no means a trivial task to give a more or less complete description of the degree of development of a particular research topic in the field of information and psychological security problems. Therefore, when solving it, it is necessary, first of all, to focus on the subject and tasks of the author's research.

In this regard, revealing the question of the degree of development of the topic of ensuring information and psychological security in the zone of responsibility of the Collective Security Treaty Organization, several blocks of scientific literature should be distinguished.

The first block includes a set of scientific research, which is associated with the theoretical development of the concept of information confrontation. Here, first of all, it is necessary to note the works of E. Toffler, T. Rona, G. Summers, R. Shafransky, M. Libitsky, J. Arkilla, D. Ronfeldt, A. Cebrowski, J. Garstka, R. Clark ¹. Among Russian researchers, the works of L.N. Kunakova, A.A. Bartosh, A.S. Kapto, G.G. Pocheptsova, I.N. Panarina, S.P. Rastorgueva, Yu.A. Queen ².

Second block. The modern concept of information-psychological confrontation is, on the one hand, the result of the differentiation of theoretical studies in the field of information warfare, and on the other hand, it is largely based

¹ Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.; Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.; Summers HG New World Strategy: A Military Policy for America's Future. Simon & Schuster, 1995. 270 p.; Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995; Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defense University, 1995. 104 p.; Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.; Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.; Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare - Its Origin and Future // Proceedings. 1998 Vol. 124.; Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. Ecco, 2011. 320 p.

² Kunakova L.N. Information warfare as an object of scientific analysis (the concept and main characteristics of information warfare) // Almanac of modern science and education. 2012. N 6. P. 93-96.; Bartosh A.A. Information Warfare Strategies // National Security / Nota Bene. 2016. N 4 (45). P. 485-499; Kapto A.S. Cyberwar: genesis and doctrinal outlines // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 83. N 7. P. 616-625; Pocheptsov G.G. information wars. Moscow, 2000. 147 p.; Panarin I.N. Information war and the third Rome. Moscow, 2001. 244 p.; Rastorguev S.P. Information war. Moscow, 1998. 222 p.; Korolev Yu.A. Information confrontation in regional politics as a threat to security // Bulletin of the Saratov University. Series "Sociology. Political science". 2009. Vol. 9. Issue 3. P. 124-127

on the results of scientific understanding of the use of psychological methods of influence in military conflicts. In this direction, one should point to the works of J. Fuller, E. Zacharias, F.S. Poghue, L. Farago, P. Linebarger ³.

In addition, the analysis of the issues of modern information and psychological confrontation is closely related to the theoretical understanding of changes in the nature of military conflicts, the blurring of lines between military and non-military means of confrontation, the emergence of new (informational and cognitive) dimensions of hostilities, the emergence of hybrid means of force, the role of destructive information influence., the result of which, in the end, was the final isolation of the concept of information-psychological confrontation. Here we should highlight the works of E. Mack, W. Cohen, A.M. Ilnitsky, F. du Cluzel, A. Bernal, K. Carter, A.V. Manoilo, A.G. Karayani, N.A. Tsvetkova, J. Mattis, F. Hoffman, B. Blackman, F. Kaplan, I.F. Kefeli, N.A. Komleva, E.V. Solomatina, I.N. Panarina.⁴

The third block includes works devoted to the study of the specifics of information and psychological confrontation in the Internet space, the analysis of network methods of manipulation and propaganda, the role of new high

³Fuller J. Tanks in the Great War 1914-1918. MOSCOW: Vyssh. military ed. council, 1923. 264 p.; Zacharias EM Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. New York: G. P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.; Poghue F. C. supreme command. MOSCOW: Military Publishing House, 1959. 601 p.; Farago L. German psychological warfare. Committee for National Morale, 1941. 155 p.; Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335p.

⁴Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975 Vol. 27. N 2. P.175-200; Cohen WS Report of the Quadrennial Defense Review; Ilnitsky A. M. mental war // Military thought. 2021. N 8. P. 19–33; Cluzel F. Cognitive Warfare. innovation hub. 2020. 45 p.; Bernal A., Carter C., Singh I. et al. cognitive Warfare. John Hopkins University. 2020. 45 p.; Manoilo A.V. Information wars and psychological operations. Guide to action. MOSCOW: Hotline - Telecom, 2018. 496 p.; Karayani A.G., Karayani Yu.M. Information and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm // National Psychological Journal. 2021. N 1. P. 3-14.; Tsvetkova N.A. US Public Diplomacy: From Soft Power to Dialogue Propaganda // International Processes. 2015. Vol. 13. N 3. P. 121-133; Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005 Vol. 132. Issue: November. P. 18-19.; 63; Blechman B., Kaplan S. Force Without War: US Armed Forces as a Political Instrument, Washington, DC: Brookings Institution, 1978. 604 p.; Information-psychological and cognitive security. Collective monograph / Ed. I.F. Kefeli, R.M. Yusupov. St. Petersburg, 2017. 300 p.; Komleva N.A. War in the information and ideological space: problems of logistic support // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. N 4. P. 70-83; Solomatina E.V. Socio-psychological foundations of information-psychological confrontation in a hybrid war // Humanitarian problems of military affairs. 2021. N1. P. 137-141; Panarin I.N. Gladiators of hybrid war // Economic strategies. 2016. N 2. P. 60-65.

technologies, especially artificial intelligence technologies, in the emergence of new methods of destructive information impact, as well as understanding the methods and methods of ensuring information and psychological security. These aspects are studied in the works of A.E. Konkova, K.A. Pantsereva, A.A. Malkevich, S.A. Zelinsky, A.Ya. Kasyuka, A.V. Manoilo, I.F. Kefeli, K. Langina, D.V. Muna, V.V. Popet, M. Horowitz, N.A. Tsvetkova, M.A. Sizmin, A. Wanless, J. Pamment, J. Goldstein, Ya.V. Selyanina, A.V. Balashova, K.E. Vyshegorodtseva, Gavra D.P., E.N. Pashentseva, D.Yu. Bazarkina.⁵

⁵Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. Vol. 13. Issue. 1. P. 47–68; Pantserev K.A. Mental wars with the use of artificial intelligence technologies: challenges and threats for Russia // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2021. N 3. P. 15-21; Malkevich A.A. Information war of the 21st century: fake factories, centers of power and information militia // Russian School of Public Relations. 2022. N 5. P. 156-171; Zelinsky S.A. Information and psychological impact on mass consciousness. St. Petersburg: Skifiya, 2018. 408 p.; Kasyuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2021. Issue. 1. S.22-34; Manoilo A.V. "Fake news" as a threat to national security and an instrument of information management // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2019. N 2. P. 37–45; Kefeli I.F. Asfatronics: on the way to the theory of global security. St. Petersburg, 2020. 228 p.; Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, not bots // Science. March 8, 2018; Moon D.V., Popeta V.V. "From fake to deepfake": threats and risks of development and spread of reality distortion technologies in the global information space // Culture: Theory and Practice. 2020. N 1; Horowitz M.C. et al. Artificial Intelligence and International Security // Center for a New American Security (CNAS). 2018. Tsvetkova N.A. The discourse of "color revolutions" // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. N 2. P. 940-950; Sizmin M.A. Information (information-psychological) security in the structure of national security (on the example of the USA and Russia) // Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2014. N3. P. 28-32; Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // Journal of Information Warfare. Vol. 18. N 3. Special Edition (Winter 2019). P. 1-14, Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss. // University of Oxford, 2021; Selyanin Ya.V. US Intelligence Community and Artificial Intelligence // USA and Canada: Economics, Politics, Culture. 2021. N 6. P. 52-70; Balashov A.V., Vyshegorodtsev K.E. et al. Overview of technologies for detecting modified content of the DeepFake class // Modern information technologies and IT education. 2022. Vol. 18. N 3. P. 680-690; Gavra D.P. Strategic Communications and Texts of Strategic Communications: Toward a Theoretical Substantiation of Categories // Russian School of Public Relations. 2021. N 22. P. 10-30. Bazarkina D. Yu. Advanced Technologies Combating Terrorism in the EU: The Psychological Warfare Aspect // Proceedings of the 14th International Conference on Cyber Warfare and Security ICCWS 2019 Hosted By Stellenbosch University and the CSIR, South Africa, 28 February – 1 March 2019. Noëlle van der Waag- Cowling and Dr. Louise Leenen (eds.). Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. P. 23 – 29; Bazarkina D. Yu., Pashentsev EN Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security // Russia in Global Affairs. 2019. N1.; Bazarkina D. Yu., Pashentsev EN ISIS Propaganda on the Internet, and Effective Counteraction // Journal of Political Marketing, 2021. 16 Jan.

The fourth block. Another group of works that are of fundamental importance for the research topic we have stated are devoted to the study of two seemingly independent issues, but which are closely related when comprehending the problems of ensuring information security, since they form a theoretical and methodological foundation for analyzing applied issues of dissemination and consumption of information. . We are talking about classic research in the field of mass communications and cognitive science. This group includes the works of M. McCombs, D. Shaw, D. Weaver, D. Graber, S. Iyengar, M. Peters, L. Festinger, D. Fry, S. Althaus, D. Tewkesbury, J. Panskepp, U Cannon, J. Parvitsi, A. Damasio, J. Edelman, J.-P. Changeo⁶.

The fifth block combines scientific research, which focuses on issues related to the field of ensuring information and psychological security in the Eurasian space, including integration projects with the participation of Russia, primarily in the area of responsibility of the Collective Security Treaty Organization. Here we should highlight the works of K.N. Lobanov, I.F. Kefeli, E.V. Petrishcheva, D.L. Tsybakova, M.V. Alekyan, M.R. Tadevosyan, M.V. Pogosyan, A.A. Levitskaya, Z.A. Alymbaeva, A.K. Alimahunova, R.M. Toksonalieva, G.R. Ibragimova, D.M. Salimova, Yu.E. Begmurodova, E.L. Vartanova, O.Yu. Vikhrova, E.V.

⁶ McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // *Journal of Communication*. 1993 Vol. 43. Issue 2. P. 58-67; Weaver D., Graber D.A. et al. Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.; Iyengar S., Peters M. et al. Experimental Demonstrations of the "Not-So-Minimal" Consequences of Television News Programs. // *American Political Science Review*. 1982 Vol. 76. P. 848-858; Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. 312 p.; Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986. P. 41-80.; Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the "New" News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of The New York Times // 2002. Vol. 29. P. 180-207; Panksepp J. Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions. New York, 1998. 466 p.; Canon W.B. The wisdom of the body. W.W. Norton & Company, inc., 1932. 294 p.; Parvizi J., Damasio A. Consciousness and the Brainstem // *Cognition*. 2000 Vol. 79 (2001). P. 135-159.; Damasio A. Ya. The brain and the emergence of consciousness, M., 2018. 384 p.; Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, 1989. 346 p.; Changeux J-P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.

Samorodova, O.S. Makarova, V.A. Romanovsky, R. Elamiryan, R. Bolgov, A.V. Vozzhenikova, N.A. Komleva, O.V. Zaslunkina⁷.

In general, it should be emphasized that the degree of development of the topic of ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the Collective Security Treaty Organization is characterized by the presence of a sufficient amount of scientific research to justify the relevance and theoretical and methodological continuity of a given subject of scientific research, but at the same time in recent years in the domestic science, there are no

⁷Lobanov K.N. Information and psychological confrontation in the field of regional security of the CIS: ideological and doctrinal foundations // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2020. Vol. 15. N2. P. 35-47; Kefeli I.F. Imperatives of interaction between the EAEU, SCO and BRICS in global geopolitics // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2016. N 2 (20). P. 50-62; Petrishchev E.V. Information-psychological confrontation in the context of regional security of the post-Soviet space: content and main stages // *Bulletin of the South-Western State University. Series: History and law*. 2020. Vol. 10. N 1. P. 99-107; 512. Tsybakov D.L. Development of international political communications in order to strengthen the collective security of the CSTO // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2021. Vol. 16. N 2. P. 155-163; Alekyan M.V., Tadevosyan M.R. Information flows of Armenia as an important factor in the national security strategy // *Media Research*. 2020. N 7. P. 269-276; Pogosyan M.V. The role of information security in the economic security of the country (on the example of the Republic of Armenia) // *Science Innovations - 2022. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (October 31, 2022)*. Petrozavodsk: MTsNP "New Science", 2022. P. 37-41; Levitskaya A.A. Directions for the development of media education in the Republic of Belarus (1992–2018) // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. N 1. P. 98-104; Alymbaeva Z.A., Alimakhunov A. Threats and challenges to information security in Kyrgyzstan // *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Vol. 7. N2. P. 266-270; Toksonaliev R.M. Regulatory framework for ensuring information and psychological security of the Kyrgyz Republic // *Vestnik KRSU*. 2016. Vol. 16. N 6. P. 88-91; Ibragimova G.R. Approaches of the states of Central Asia to the issues of Internet management and information security // *Security index*. 2013. N1. P. 103-128; Salimov D.M. Political censorship and online media in modern Tajikistan // *Questions of political science*. 2021. Vol. 11. Issue. 11. P. 3194-3203; Begmurodov Yu.E. On the formation of cognitive linguistics in Tajik linguistics // *Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of social sciences*. 2020. N 4. P. 242-247; Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu., Samorodova E.V. Media literacy as a condition for overcoming the digital divide in the Russian Federation. // *Mediascope*. 2021. Issue. 1.; Makarov O.S., Romanovsky V.A. Legal regulation of ensuring international information security in the CSTO space // *Modern problems of legal science and practice in the context of globalization of public relations. Collection scientific articles / under ed. C. E. Cheburanova*. Grodno, 2022. P. 317-320; Elamiryan R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 11/20/2019; Vozzhenikov A.V. Modern priorities of the CSTO information space protection policy // *Vestnik OrelGIET*. 2020. N 4(54). P. 139-141; Kefeli I.F., Komleva N.A. On the issue of the role of information and ideological security in the counter-strategy of a hybrid war in the Eurasian space // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2019. N 1. P. 54-60; Tsybakov D.L., Zaslunkina O.V. CSTO Policy on the Protection of the Information and Psychological Sphere of Collective Security // *Proceedings of the South-Western State University. Series: History and law*. 2020. Vol. 10. N 4. P. 136-144.

qualifying scientific works at the level of candidate and doctor of science, the subject of which is directly related to theoretical and applied analysis and substantiation of political prospects for building a system of collective information and psychological security at the CSTO level.

The object of the study is the modern information-psychological confrontation, understood as a sphere of international relations, characterized by a destructive impact in the information environment of an organized or discursive nature on the systems of forming public opinion and decision-making, as well as the psyche of officials, public figures and the population.

The subject of the study is the specific features of the policy in the field of ensuring information and psychological security in the zone of responsibility of the Collective Security Treaty Organization.

Purpose and objectives of the study.

The purpose of the study is to identify the specifics of the policy of ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the Collective Security Treaty Organization, as well as to propose a scientifically based model for ensuring information and psychological security at the CSTO level.

Research objectives:

1. Conduct an analysis of modern concepts of information warfare to identify the theoretical and methodological prerequisites contained in them for the study of a targeted impact on public opinion and the individual psyche for political purposes.
2. Determine the subject boundaries of the modern concept of information-psychological confrontation.
3. To analyze the conceptual foundations of modern approaches to ensuring national and international security in order to identify information and psychological aspects in them.

4. Formulate and theoretically substantiate the concept of "information and psychological security", including worldview, media and cognitive components.
5. To theoretically substantiate the ideological component of information and psychological security, the content of which is reflected in the national development priorities recorded in official documents.
6. Theoretically substantiate the media component of information and psychological security, the content of which is recorded in the "challenge-response" system, implemented in practice by specific methods of influence and counteraction in the sphere of production and dissemination of information.
7. Theoretically substantiate the cognitive component of information and psychological security, the content of which is fixed in the "challenge-response" system, implemented in practice by specific methods of influence and counteraction in the sphere of information consumption.
8. Formulate and theoretically substantiate the author's model of information and psychological security.
9. Determine the technological priorities for ensuring information and psychological security in the context of the Fourth Industrial Revolution.
10. Conduct an analysis of modern world policy in the field of development of artificial intelligence technologies.
11. Justify the role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security.
12. Conduct a comparative analysis of the state policy of the member countries of the Collective Security Treaty Organization in the field of ensuring information and psychological security.
13. Reveal the specifics of the policy in the field of ensuring information and psychological security at the CSTO level.
14. To give a theoretical and methodological substantiation of the model for ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO.

Scientific novelty of the research.

Firstly, the study formulates and theoretically substantiates the criteria for identifying a separate subject of the modern concept of information-psychological confrontation in the general theory of information confrontation, which consists in determining the specifics of the object and means of influence that lie in the ranges of information infrastructure - individual psyche and public diplomacy - combat operations, respectively.. On this basis, the author's definitions of the concepts of "information-psychological confrontation" and "information-psychological security" are proposed.

Secondly, the author's theoretical and methodological model for ensuring information and psychological security has been developed, including worldview, media and cognitive components.

Thirdly, the concept of "information dominant" is introduced as one of the tools of modern information-psychological confrontation. Its theoretical-methodological and empirical substantiation is given.

Fourthly, the priority role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security at the present stage is substantiated.

Fifthly, a systematic analysis of the modern world policy in the field of the development of artificial intelligence technologies was carried out, as a result of which the modern «Great Spaces» of the policy in the field of artificial intelligence were identified.

Sixth, on the basis of a comprehensive comparative analysis, specific features of the policy in the field of ensuring information and psychological security of the member countries of the Collective Security Treaty Organization were identified.

Seventh, a theoretical and methodological substantiation of the developed model for ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the Collective Security Treaty Organization is proposed.

Theoretical and practical significance of the work.

The theoretical significance of the work is determined by substantiating the criteria for identifying a separate subject of the modern concept of information and psychological confrontation in the general theory of information confrontation, developing the author's theoretical and methodological model for ensuring information and psychological security, including worldview, media and cognitive components, substantiating the priority role of artificial intelligence technologies in providing information - psychological security at the present stage, identifying the specific features of the policy in the field of ensuring information and psychological security of the countries participating in the Collective Security Treaty Organization, theoretical and methodological justification of the developed model for ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO.

The results obtained can be used to develop special training courses for students studying in the entire spectrum of areas of political science and mass communications, as well as advanced training and professional retraining programs for various social groups in the CSTO member countries.

In addition, the results of the work clearly outlined promising areas of fundamental and applied research related to the study of the role of modern information and communication technologies in world politics and international relations, the features of mass communications using Internet technologies, the specifics of the cognitive aspects of human perception of information.

The practical results of the work are that, firstly, the directions of interdisciplinary convergence identified in the study create the basis for the synchronization of curricula and programs of scientific disciplines in higher educational institutions. For example, at the Faculty of International Relations of St. orientation of acquired competencies, synchronization of research and grant activities.

Secondly, the formulated conclusions and results of the study can be used to develop a unified policy for ensuring collective information and psychological

security at the CSTO level and form a conceptual framework for harmonizing the national legislations of the participating countries in this area. In particular, the results obtained will form the basis of proposals for forming the agenda of the upcoming meetings of the Expert Advisory Council under the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization and clarifying the main activities of the Section on Information and Psychological Security of the EAEU of the Expert Advisory Council of the State Duma Committee on CIS Affairs, Eurasian integration and relations with compatriots.

Methodology and research methods. When conducting research to solve scientific problems, the author used both general scientific, analysis, synthesis, analogy, induction, experiment, and special methods: system analysis, content analysis, comparative analysis, critical discourse analysis, information approach, neo-functional and structural-functional approaches, analysis of documents, methodology of critical geopolitics.

General scientific methodology was used for scientific knowledge of the object and subject of research, the construction of theoretical generalizations and theoretical verification of the conclusions and results of the study. In the group of general scientific methods, it is necessary to single out the use of the experimental method, which was the basis for conducting an empirical study to confirm and verify the proposed concept of "information dominant", as one of the tools of modern information-psychological confrontation and security.

The method of system analysis was used in the study for a comprehensive study of the object of study, identifying the hierarchy and internal relationship between the components of information and psychological security in the challenge-response system.

The methodology of critical geopolitics was used to determine the place and role of information and psychological confrontation and the general system of modern geopolitical confrontation and strategic competition, in particular, the impact on world politics of the priorities of scientific and technological development, the rationale for the strategic and instrumental advantages of some

states and supranational structures occupying currently leading positions in the development of advanced information and communication technologies, in modern information and psychological confrontation.

Comparative analysis, content analysis, critical discourse analysis and analysis of documents were used as the basis for identifying the rationale for information and psychological aspects in national and international political practice of ensuring national and collective security, identifying the general principles and specific features of national policies to counter the destructive information impact of countries -members of the CSTO.

Neo-functional and structural-functional approaches were applied to identify the elements of ensuring collective information and psychological security, their functions and structural relationship at the CSTO level, as well as scientific justification for the need to develop a unified policy and build a system of collective information and psychological security in the CSTO area of responsibility.

Defense provisions.

1. The concept of information-psychological confrontation is an area of interdisciplinary research based on the achievements of modern communication theory, cognitive science and the capabilities of the latest information systems used to achieve superiority and / or counteract targeted influence in the information space.

Its subject includes the study of systems and tools for forming public opinion, the characteristics of a person's perception of information, as well as the whole range of influences on public opinion and the psyche of an individual in peacetime and in combat conditions.

A separate subject of the modern concept of information-psychological confrontation in the general theory of information confrontation can be described using a theoretical scheme that includes two axes (p.1.2, Figure 1). The first axis characterizes the object of influence, at its poles there are «individual psyche» and «information infrastructure» with intermediate divisions: «information agenda»

(control over the media space, dominance of certain content) and «software and hardware environment» (software, components, support, technical data processing standards). The second axis characterizes the tools and the nature of the impact. The poles of this axis are «public diplomacy» (the activities of foreign media, NGOs, the dissemination of certain ideological and sociocultural models through business communities, academic and educational structures, etc.) and «combat operations» (a state of military conflict, using lethal means or or hybrid). Intermediate divisions on this axis are «information and psychological operations» carried out under the auspices of the military leadership, and «malicious impact on society» (targeted propaganda, spreading fakes, discrediting the political elite in the public space, negative impact on public values, the education system, etc..).

2. The tendency revealed in the course of the study to isolate the sphere associated with counteracting destructive information and psychological impact in the system of conceptual views on ensuring information security is objective and global in nature. This is due, first of all, to the awareness at the expert and official levels of the role of modern information and communication technologies in the formation of challenges and threats to national and collective security associated with destructive ideological and psychological impact in the information environment, and the need to develop a set of measures to neutralize them.

3. Information and psychological confrontation is a sphere of international relations characterized by a destructive impact in the information environment of an organized or discursive nature on the systems of formation of public opinion and decision-making, as well as the psyche of officials, public figures and the population.

Information-psychological security is the state of protection of the public opinion formation and decision-making system existing in the state, as well as the psyche of officials, public figures and the population from destructive ideological and psychological impact in the information environment of an organized or discursive nature.

The theoretical and methodological model for ensuring information and psychological security includes ideological, media and cognitive components, the content of which is fixed in the «challenge-response» system, implemented in practice by specific methods of influence and counteraction (paragraph 2.5. Table 1).

Worldview - fundamental values and principles of public life, commonality of ideological aspirations and sociocultural experience;

media - control over the production and dissemination of information, counteracting destructive and malicious informational influence and propaganda;

cognitive - countering the consumption of destructive information by using the achievements of modern information and communication, social and cognitive technologies.

4. Modern generative and recommender systems based on artificial intelligence (AI) technologies have a significant impact on the nature of information and psychological confrontation and security, and also largely form their technological basis at the present stage. Their availability and widespread use in the field of information and psychological security has the following manifestations:

The ideological component: first, the development of AI acts as a necessary element of the image policy, which includes a focus on innovation, progress, and global scientific and technological trends; secondly, AI is a necessary technology for effectively ensuring information security in the context of preserving the fundamental ideological, value, spiritual and moral foundations of society.

Media component: AI and machine learning have great potential to influence the formation of public opinion. Recommender systems for the selection of individualized content in accordance with user preferences contribute to the formation of a personalized information agenda and provide ample opportunities

for manipulating information. Generative models significantly expand the possibilities for creating compelling manipulative content.

Cognitive component: AI, together with the rapid development of neurotechnologies, has recently brought to life a set of problems associated with the use of the vulnerabilities of human thinking. The impact of modern information technologies on the process of human consumption of information, the manipulation of values and motives of his behavior generates a whole range of previously unknown challenges and threats in the field of information and psychological security.

5. The national policy in the field of development of AI technologies is a factor in the effective provision of information and psychological security. At the international level, two large policy spaces in the field of AI technology development are being formed:

the first unites the OECD countries with the unconditional financial, technological and value-normative dominance of the US and the EU;

the second space is being formed around China, which includes countries for which cooperation with the West is complicated due to a wide range of international contradictions, including Russia.

The attraction of many EAEU countries to the Chinese AI policy space, as part of the overall strengthening of the EAEU's integration with the One Belt, One Road project, combined with China's total superiority in the field of AI, increases the risks of increased dependence on imports of Chinese high technologies, which can be overcome only through the pooling of resources and effective coordination of joint efforts at the EAEU level. Therefore, the development of a unified policy in the field of AI at the EAEU level is a priority for Russia, which will contribute to the intensification of scientific and technical cooperation, strengthening the integration potential, technological sovereignty and the formation of a technological basis for effectively ensuring information and psychological security at the CSTO level.

6. At the international level, there is an inequality of opportunities for different actors to influence the processes of production, dissemination and consumption of information at the global and national levels. In this regard, one of the central issues in the field of information and psychological security is the question of the possibility of its effective provision in the conditions of information openness and the predominance of enemy content in the information space.

"Information dominant", understood as a special information-semantic construction based on human emotions, which contributes to the selective perception of external information, supported by the internal stimuli of the organism and / or the socio-cultural environment, is an effective means of ensuring information and psychological security.

7. A comparative analysis of the state policy of the CSTO member countries (clause 5.1, table 6) in the field of ensuring information and psychological security gave the following results:

firstly, the CSTO member countries are currently at different levels of formation of the legal and institutional framework for ensuring information and psychological security;

secondly, in the ideological component, the common denominator for all countries is the following development priorities: support for the family and family values, strengthening the foundations of national culture, economic and income growth, and innovative development. At the same time, when building an integral approach to ensuring information and psychological security at the CSTO level, one should take into account the objective socio-cultural differences of the participating countries. Therefore, in the worldview at the supranational level, the greatest integration potential have priorities associated with the growth of the economy, incomes of citizens and innovative development;

thirdly, there are also significant differences in the media component. In the field of information content state regulation policy, the approaches of the participating countries are located in the range, on the opposite poles of which are

the softest approaches of the Republic of Armenia and the most numerous restrictions adopted in the Russian Federation. At the same time, the policy of other countries in this area gravitates towards the Russian pole;

fourthly, within the framework of the cognitive component of information and psychological security, we have identified the only way to ensure it, located in the space of public policy - media literacy programs. Among the CSTO member countries, approaches to the implementation of such programs are in correlation with the degree of official recognition of the priority of information and psychological challenges, as well as, apparently, with the existing national scientific and methodological potential in this area and financial capabilities.

8. Modern conditions of global competition, sharply aggravated after the start of the Russian Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, combined with the capabilities of the latest information technologies to influence public opinion, worldview and behavior of an individual, form a whole layer of hybrid challenges and threats, a significant some of which relate to the information and psychological sphere and are aimed, among other things, at undermining the multilateral consensus in integration projects with Russia's participation in the Eurasian space. Under these conditions, the importance of collective actions to protect common interests and development priorities at the CSTO level is growing. Therefore, Russia and its CSTO allies are required to create an integral system of collective actions that, on the one hand, provide reliable protection against targeted malicious influence in the information environment, and, on the other hand, form a positive ideological and informational agenda of a common historical path of development, unity of economic and geopolitical tasks, the solution of which will make it possible to most effectively implement national development priorities and ensure collective security in the modern the world.

9. The model of collective provision of information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO is characterized by the following features.

Worldview component. To date, this area is one of the most difficult in terms of practical implementation. The development and consolidation of collective worldview foundations at the official level is hampered by the objective socio-cultural differences of the CSTO member countries. To build a collective system for ensuring information and psychological security, a meaningful disclosure of the worldview foundations of strategic partnership is necessary, which is currently absent, which creates favorable conditions for external destructive information impact, often appealing to various forms of nationalism. Therefore, in order to effectively counter external destructive information impact, a common worldview platform is needed that reflects the national interests and development priorities of the CSTO member countries. The innovative priorities enshrined in the national development strategies of the participating countries should be integrally reflected in the strategic documents of the CSTO and in the collective image policy, without which it will be extremely difficult to build an effective system for ensuring information and psychological security.

Media component. Despite many years of efforts at the CSTO level to develop general principles for harmonizing the legislations of the participating countries, serious contradictions remain in the formation of a regulatory framework related to ensuring information security in the CSTO format. Therefore, in order to build an effective system of collective information and psychological security, it is necessary to develop a common understanding of what kind of information can harm the implementation of national development priorities, taking into account the current challenges of global competition. It is necessary to develop and adopt model laws at the CSTO level aimed at harmonizing the national legislations of the participating countries in the field of control over the production and dissemination of information.

Cognitive component. In all CSTO member countries, attention is paid to promising scientific research and a certain groundwork has been created in the field of development of artificial intelligence technologies. The existing experience must be generalized and developed in the direction of solving the problems of

ensuring collective information and psychological security. From the point of view of the immediate prospects for collective action, the unconditional priority belongs to the creation and promotion of media literacy programs. This issue is of particular relevance due to the fact that some CSTO member countries in this area are significantly influenced by Western structures that actively promote their vision of the principles of working with information and analysis within the framework of large-scale educational projects, primarily in the countries of Central Asia. content, which largely contributes to the orientation of part of the population towards Western values and norms, as well as the growth of oppositional sentiments. Therefore, at the CSTO level, in partnership with universities, national educational organizations, such as the Russian Knowledge Society, collective support is needed for the development, promotion and implementation of educational programs, special educational courses and manuals in the field of media literacy for various social groups, involving young people in the process of mutual formation a positive image of the CSTO member states.

The degree of reliability and approbation of the results. The reliability of the study results is confirmed by the use modern scientific methodology and experimental data, as well as publications in peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science and doctor of science should be published, in the amount that meets the requirements.

The results of the study were tested by the author's speeches and reports at numerous scientific conferences of various levels, including Russia and the world in modern and modern times - from the past to the future: XXV Anniversary Annual International Scientific Conference. 03/02/19 - 03/23/19, St. Petersburg; VI All-Russian scientific and practical conference with international participation "Actual problems of global studies: Russia in a globalizing world". 06/04/19 - 06/06/19, Moscow; Fourth International Forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: Past and Present". 1.10.19 - 3.10.19, St. Petersburg; International Conference on Natural Sciences and Humanities "Science SPbU -

2020". 12/22/20, St. Petersburg; VIII All-Russian part-time scientific and practical conference with international participation "Formation of the prestige of the engineering profession among modern schoolchildren." 03/25/20, St. Petersburg; Global Studies 2020: Global Problems and the Future of Mankind: VI International Scientific Congress. 05/18/20 - 05/22/20, Moscow; IV International Educational Forum "Altai-Asia 2020: Eurasian Educational Space - New Challenges and Best Practices". 09/24/20 - 09/26/20, Barnaul, Altai Territory; International Conference on Natural Sciences and Humanities "Science SPbU - 2020". 12/25/20 - 12/25/20, St. Petersburg; VII International scientific conference "Actual problems of global research: Global development and "limits to growth" in the 21st century". 06/15/21 - 06/18/21, Moscow; Fifth International Forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: History and Modernity". 4.10.21 - 6.10.21, St. Petersburg; X All-Russian part-time scientific and practical conference with international participation "Formation of the prestige of the engineering profession among modern schoolchildren." 03/24/22, St. Petersburg.

Also, the main results of the study were tested in the course of the author's expert activities in the framework of the Expert Advisory Council under the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization and the Section on Information and Psychological Security of the EAEU of the Expert Advisory Council of the State Duma Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration and Relations with Compatriots.

The dissertation research consists of five chapters, logically divided into sixteen paragraphs, introduction, conclusion and bibliography, including more than five hundred sources in Russian and foreign languages.

Chapter 1. Information and psychological security in the system of international security

The current stage of the information revolution, associated with global digitalization processes and the acquisition of a cross-cutting nature by information technologies, gives rise to many global problems of a political, economic, civilizational and geopolitical nature.⁸ However, today, unfortunately, it can be stated that the emergence of information and communication technologies (ICT), their use in various fields of activity has not made the world safer and more comfortable for people. On the one hand, in the modern world, knowledge, information and the latest information technologies become an integral component of human life, acquire a commodity status and are an important strategic resource, and the development of a national information infrastructure is recognized by most of the world community as the most important strategic goal of the state. At the same time, on the other hand, the wide distribution and availability of advanced information technologies contributes to a significant increase in the risks of their malicious use, the emergence of previously unknown challenges and threats to national and international security. At the same time, the effectiveness of purposeful destructive information impact is currently such that it is no longer possible to recognize this factor as insignificant. Modern methods of manipulation and propaganda, constantly improving technologies for creating and instantly distributing fake news to an audience of many millions contribute to a significant expansion of the arsenal of methods and means of hybrid conflicts, the weaponization of digital technologies, and the emergence of new dimensions of international conflicts. That is why it is extremely important not only to create favorable conditions in the country for the development of the information and telecommunications sector, but also to reliably ensure the protection of the national interests of the state in the information sphere.

⁸Vykhodets R.S. Evolution of paradigms of geopolitical science in the XX -XXI centuries. // Geopolitics and security. 2015. N 4 (32). P. 52-58.

All this, both at the theoretical and political level, dictates an urgent need to develop scientifically based models and approaches to ensuring national and collective security in the information space.

§1.1. Theory of information confrontation

In the modern world, any state, if it seeks to pursue an independent foreign policy and not become a victim of another «color revolution», should build a system for ensuring sovereignty and national interests in the information sphere. However, the development of such a strategy is not possible without a theoretical understanding of the nature of modern information warfare and a clear formulation of the main challenges and threats that come from constantly improving information technologies.

In this regard, this section of our study is devoted to a comprehensive study of the approaches existing in modern scientific discourse that describe the information confrontation, which has become the dominant trend today that determines the international agenda. The main results of this study were previously published in a special article.⁹

Information Warfare

In the famous work of Alvin and Heidi Toffler "War and Anti-War", the authors divided the entire history of wars into three periods corresponding to the history of the development of human civilization: agrarian, industrial and information¹⁰. In their opinion, the technological basis of the wars of the information period will be perfect communication systems, space technologies, decision-making tools and real-time communications.

⁹Vyhodets R.S., Pantserov K.A. Comparative analysis of modern concepts of information confrontation // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 4 (42). P. 139-148.

¹⁰ Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.

The concept of "information warfare" was first used by the American scientist Thomas Rona. In 1976 At the request of the US Department of Defense, he prepared a report for Boeing with the telling title "Weapon Systems and Information Warfare." In this report, he suggested that the information infrastructure, which was already in the 1970s. has become one of the key elements of the American economy, can become an easy target for a potential adversary ¹¹.

Over the past decades, the world has accumulated considerable experience in the use of information technologies for military purposes, and a wide range of means and methods for providing information and psychological impact has been developed and tested. At the same time, attention is drawn to the fact that the concept of information warfare itself originated not in scientific discourse, but in a report that was prepared for a large American aircraft manufacturing corporation by order of the US Department of Defense. This circumstance, from our point of view, convincingly testifies to the importance that the American military leadership attached to new technologies on the eve of the start of those grandiose processes that would later become firmly established in scientific discourse under the name of "digital revolution".

In the 80-90s. The concept of "information war" was actively used by American military experts involved in the development and planning of various types of military operations, as well as in the context of developing a new vision and approaches to solving the tasks facing the US Armed Forces in the conditions of the Cold War. ¹²Subsequently, the term was actively used in the analysis of Operation Desert Storm (Iraq, 1991), where, perhaps for the first time, new information and communication technologies were widely used to solve military problems.

Information operations are one of the important directions in the process of preparing and conducting information wars. They involve carrying out various

¹¹ Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50p.

¹² Summers HG New World Strategy: A Military Policy for America's Future. Simon & Schuster, 1995. 270p.

kinds of measures aimed at creating conditions for making decisions beneficial to the enemy in the military, political, economic and other fields on the territory of the object of information impact. According to former US Navy Commander Stuart Green, "Information operations include the following elements: electronic warfare, computer network operations, psychological operations, military deception and operational security."¹³

The first use of the term "information war" in official government documents is recorded in the directive TS 3600.1 of the US Department of Defense of December 21, 1992.¹⁴ The final approval of this term in the official document flow is associated with the name of General Henry Shelton. As chairman of the US Joint Chiefs of Staff in October 1998, he introduced the "Joint Information Operations Doctrine", which clearly distinguished between the concepts of "information operation" and "information warfare."

An information operation is an action taken to hinder the collection, processing, transmission and storage of information by enemy information systems while protecting one's own information and information systems.

An information war is a complex impact (a set of information operations) on the system of state and military control of the opposing side, its military-political leadership, which in peacetime would lead to the adoption of decisions favorable for the initiating side of the information impact, and during the conflict completely paralyzed would be the functioning of the enemy's control infrastructure¹⁵.

It is important to point out that the concept of information wars since its inception has focused on understanding the possibilities and role of new information and communication technologies in the context of traditional military

¹³ Green S. Cognitive Warfare. The Augustan Stables. Joint Military Intelligence College. July 2008. P. _ 80. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (accessed 29.10.2022)

¹⁴ Directive TS 3600.1. (December 21, 1992). Washington DC: US Department of Defense. URL: <https://archive.org/details/14F0492Doc01DirectiveTS3600.1/page/n1> (accessed 16.01.2023)

¹⁵ Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. United States Department of Defense, 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (accessed 16.01.2023)

conflicts described in terms of force. At the same time, today it is already quite obvious that information confrontation is by no means limited to the framework of a military conflict and can be carried out separately from military operations. The humanitarian, economic, regulatory and legal aspects of information confrontation have come to the fore, which significantly expands the boundaries not only of the practice of information confrontation, but also of theoretical and methodological approaches aimed at understanding this phenomenon. On this occasion, R. Szafransky pointed out that it is incorrect to reduce information warfare to the practice of using information technologies in the course of hostilities, he notes the following: «Information warfare is sometimes mistakenly called a command and control war, or C2W. The goal of C2W is to use physical and electronic warfare attacks against enemy information systems in order to separate enemy forces from enemy leadership. Theoretically, the information war is actually a much larger set of actions aimed at the mind and will of the enemy.¹⁶

M. Libicki also pointed out the complex nature of the phenomenon of information warfare, highlighting¹⁷ its main forms in his work:

1. the war of means of command and control associated with the use of technical information means in military conflict;
2. war on the basis of knowledge, which consists in the creation of systems that provide control over knowledge, as well as the means to counteract it;
3. electronic warfare;
4. psychological warfare, where information is used to provide a targeted impact on the minds of allies, opponents and neutrals;
5. "hacker war", in which the enemy's computer systems are the object of attack;

¹⁶ Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995. URL: [https:// arielsheen. com / wp - content / uploads / 2019/11/ A - Theory - of - Information - Warfare. pdf](https://arielsheen.com/wp-content/uploads/2019/11/A-Theory-of-Information-Warfare.pdf) (accessed 11.01.2023).

¹⁷ Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defense University, 1995. 104 p.

6. economic-information war aimed at manipulating the movement of information in order to influence economic processes;
7. cyber warfare is a combination of the previous six forms.

Such a fairly broad view of the subject field of the concept of information wars caused serious theoretical and methodological difficulties in determining the boundaries and clear specifics of information wars, as well as the scientific use of this concept. Libicki himself pointed out such difficulties, he writes: «Those who give a too broad definition cannot highlight the essential features of this concept («information war» - *author's note*), and those who bring to the fore some separate aspect of information warfare overestimate its importance¹⁸. Domestic researcher L.N. Kunakova analyzed a number of concepts of domestic authors at a time when the phenomenon of information warfare was the object of close attention from the scientific community, and singled out a number of approaches to its interpretation, focusing on various aspects: psychological approach (methods of influencing the inner world of a person, causing changes at the mental level, which allows you to manipulate his behavior), social and communicative approach (mechanisms of interaction between subjects of information confrontation), geopolitical approach (achieving political and economic goals in a peaceful period using information impact), conflictological approach (the importance and role of information in achieving dominant positions in the international arena), a systematic approach (the study of information warfare, taking into account the close relationship of its individual elements and tactics within offensive strategies)¹⁹.

The complex and multifaceted nature of the term "information war", which has developed as a result of scientific understanding of this phenomenon, largely determines the difficulties with its application. Today, the correctness of the term "information war" is quite controversial, and to a greater extent its use is typical for

¹⁸ Libicki M. What is Information Warfare? Washington: National Defense University, 1995. P. 14.

¹⁹ Kunakova L.N. Information warfare as an object of scientific analysis (the concept and main characteristics of information warfare) // Almanac of modern science and education. 2012. N 6. P. 93-96.

journalistic discourse. Many researchers prefer the term «information confrontation» to this concept, which focuses not on the objects and means of influence, but rather on the corresponding physical dimension of the conflict.

The fact that in modern conditions an information war is possible without direct military actions, while modern military actions are no longer possible without confrontation in the information sphere, in a theoretical sense, required clarifying the subject boundaries of the concept of information warfare, which served as an impetus for its differentiation and clarification within the framework of a number of author's concepts of confrontation in the information sphere.

Network Warfare

The development of the concept of network wars is associated with the names of John Arquilla and David Ronfeldt. In their joint work « The Advent of Netwar »²⁰, published in 1996, US military analysts focused on developing a new approach to the organization of the military sphere and the conduct of hostilities, taking into account the changes caused by the information revolution. The term "network war" proposed by the authors focused attention on the role of new information technologies in the organization and management in modern military conflicts, in which small groups united on the basis of a network rather than a hierarchical principle come to the fore. Unlike traditional military conflicts aimed at the physical destruction of the enemy and his critical infrastructure, network wars are primarily aimed at breaking communications and communications in the enemy's troops and his civilian sphere²¹. The network approach assumes that all elements of the network, having a certain autonomy, are connected by a system of interactions built on the basis of the latest information technologies, which allows them to act smoothly and coordinated, even at a considerable distance from each other.

²⁰ Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.

²¹ Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.

The elements of such a network are not only separate units of regular troops, but also various kinds of insurgent, partisan, terrorist units and groups engaged in subversive activities against the enemy. Therefore, in modern conflicts, the management and control over the network come to the fore, allowing to achieve dominance and superiority in the network war.

The ideas of J. Arquilla and D. Ronfeldt were further developed in the works of many researchers of the problems of the influence of the information revolution on military-political conflicts and military theorists. In particular, Admiral of the US Armed Forces William Owens substantiated the need to use the latest information technologies in the reorganization of military strategy at a new level, which combines data from various types of information sensors, including space tracking, as well as the implementation of power operations aimed at achieving superiority over the enemy, based on complete dominance in the information field²².

It should be emphasized that the concept of network warfare, which brought to the fore the network form of organization, the military effectiveness of which is achieved through the use of modern information technologies and communications, began to be actively used not only by the regular armed forces of the state, but also by non-state actors.

J. Arquilla and D. Ronfeldt themselves pointed out that it is non-state actors that are able to create complex multi-level networks that include a large number of subnets. Therefore, the network principle of organization is characteristic of various kinds of partisan, insurgent organizations, as well as for the management and coordination of actions during civil uprisings.

In the 60s. XX century K. Schmitt, based on a deep analysis of the phenomenon of the partisan movement, identified its main features, including

²² Owens W., Offley E. *Lifting the Fog of War*. 2001. Johns Hopkins University Press. \$296

irregularity, increased mobility, high political engagement²³. At the same time, these signs equally correspond to both partisan armed formations operating on the battlefield and civilian rebellious movements. From the point of view of the concept of network wars, the stochastic nature of the social organization of partisan movements, indicated by Schmitt, is overcome by a multi-level network management structure that functions on the basis of modern information and communication technologies. In this sense, the conclusions of many experts from the analysis of the technological basis for coordinating the efforts of citizens in the course of the so-called «color revolutions», which later received the very eloquent name of «Twitter revolutions», are very revealing. As A.E. Konkov, the mass protest movements of the period of 2000-2010 were characterized by mobilization against the authorities through social networks not controlled by the state, which contributed to the expansion of this kind of phenomena in regions that were previously very indifferent to direct democracy: North Africa and the Middle East²⁴.

In general, the concept of network wars has focused, first of all, on the principles of organizing network actors based on information technology and has had a significant impact on understanding the nature and methods of conducting military-political conflicts in the information age and served as the basis for further research in this area, and also development of national and international doctrines and strategies.

Network-Centric Warfare

The concept of network-centric warfare was developed in the late 1990s and early 2000s. and was carried out mainly by the efforts of US military experts. During this period, in the charter of the ground forces of the American army, the principle of command and control of troops «Command and Control (C 2) was

²³ Schmitt K. The theory of the partisan. Interim remark on the notion of the political. Moscow: Praxis, 2007. 301 p.

²⁴ Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationship. 2020. Vol. 13. Issue 1. P. 50.

associated with the use of a set of tools and processes that use human, physical and information resources, combined into a single system. This involved the integration of strategic and operational command of troops, combat and reconnaissance assets into a single system. At the same time, the importance of horizontal communications based on new information technologies between army units, uniting various types of troops, intelligence, forces of psychological operations, electronic warfare and communications, is significantly increasing. In accordance with the new vision, military units were not considered as a combination of equipment, personnel and command and control structures, but were presented as a single network in which the independence of combat units increased, and the adoption of a number of decisions was delegated to the grassroots level. This provided a significant reduction in the loss of time for the transmission of information and, consequently, an increase in the speed of decision-making in a rapidly changing environment. In the US Armed Forces, this approach began to develop since 1993, the basis of which was the program The Enhanced Integrated Soldier System (TEISS), which provides for the creation of individual weapons and fighter equipment for operations on the battlefield. It was assumed that the introduction of such systems of individual weapons and equipment would blur the boundaries between the branches of the armed forces and allow integration of manpower with weapons, combat control and positioning on a network basis ²⁵.

The leading role in the theoretical substantiation of the new network principle of organization and control of troops was played by the works of Arthur Cebrowski and John Garstka, who were credited with the authorship of the concept of network-centric wars. In their joint study ²⁶, they pointed to two key features of the new wars: speed of control and self-synchronization. The first creates the basis

²⁵ DTIC ADA361418: The Enhanced, Integrated Soldier System on Janus (Army). 1993. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA361418 (accessed 15.01.2023).

²⁶ Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare - Its Origin and Future. //Proceedings. 1998 Vol. 124. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (accessed 23.10.2022)

for achieving information superiority over the enemy and is aimed at depriving him of the opportunity to carry out systematic and coordinated actions. The second ensures the ability of the military structure to self-organize from below, which fundamentally distinguishes the network-centric organization from the classical model based on the principle of hierarchy and centralization. These innovations were designed to provide each unit with access to information about the current situation on the battlefield, the location of other units and enemy maneuvers, which significantly increased the speed and surprise of actions.

The author of the concept of network-centric wars identified three main subsystems of the new model for organizing military operations: information, combat, and sensory. The combat subsystem includes the forces and means of destruction, the sensor subsystem - reconnaissance, and the information subsystem provides interaction as a whole within the system based on increasing the speed of transmitting orders, synchronizing actions on the battlefield, promptly obtaining data on the location of targets and increasing tactical stability. An important role in the concept of network-centric warfare is played by special information operations: electronic warfare, suppression of enemy communications and control, cyber attacks on information systems, propaganda and counter-propaganda.²⁷

The concept of network-centric wars, first of all, focuses on applied issues of organization and control of troops in the new conditions, attaching significant importance to the information environment as the basis for effective communication between units.

Cyberwar

The concept of cyber war focuses on the theoretical understanding of the use of computers and the Internet to damage the enemy, as well as the development of mechanisms for protecting against threats in cyberspace and countering cyber attacks, which include financial crimes and espionage against a person,

²⁷ Konyshov V.N. US military strategy after the end of the Cold War. St. Petersburg:Nauka, 2009. C.97-98

organizations and the state (cybercrime), the actions of non-state actors aimed at hacking computer systems of critical facilities, government agencies, transport, etc. e. (cyberterrorism), the use of cyberspace against the enemy's armed forces, infrastructure and civilians (cyberwarfare).

One of the prominent security theorists, Richard Clarke, defined cyberwarfare as the act of one nation-state penetrating the computers or networks of another nation-state in order to achieve the goals of causing damage or destruction.²⁸ According to A WITH. Capto, cyber warfare should be considered as one of the new types of warfare based on modern technologies. This is not an independent type of confrontation, cyber warfare is always an integral part of information warfare, and in general acts as an element of a full-scale military campaign, including both recent and more familiar ways of fighting.²⁹

It should be emphasized that many Western experts consider cyber warfare as a modern form of asymmetric conflict. The term "asymmetric conflict" itself was introduced into scientific circulation in 1975 and substantiated by E. Mack on the basis of an analysis of the results of the Vietnam War. In his opinion, the military and political leadership of the United States in those years mistakenly considered force solely from the point of view of dominance in the military sphere. Concentrating efforts on achieving military victories, leaving no attention to securing the support of the local population, led to the fact that "local nationalist forces achieved the goals of fighting in an armed conflict with an industrial power that has a total superiority in military force."³⁰ On this basis, subsequently, an understanding was formed that in the conditions of complete military superiority of one side of the conflict over the other, the militarily weaker side can resort to the use of unconventional forces and means to inflict tangible damage on the enemy. Former U.S. Secretary of Defense W. Cohen remarked on this: «The superiority of

²⁸ Clarke R. *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. Ecco, 2011. 320p.

²⁹ Kapto A.S. *Cyberwar: genesis and doctrinal outlines* // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 83. N 7. P. 616.

³⁰ Mack A. *Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict* // *World Politics*. 1975 Vol. 27. N 2. P.175.

the U.S. in conventional military force may encourage the use of asymmetric means... Strategically, the adversary may seek to avoid direct military confrontation with the United States and instead use such means as terrorism. «³¹

Modern information conditions complement the asymmetry in conflicts with specific content. A side that is seriously inferior in military strength can successfully achieve political goals by conducting special operations in the information environment that ensure the mobilization of allies, effective propaganda and counter-propaganda among the population and troops, damaging the information infrastructure on the battlefield and behind enemy lines.

Currently, ensuring security in cyberspace is included in the system of national interests of almost any state, and the development of effective means of counteracting cyber threats is the subject of numerous doctrines, strategies, and international agreements.

Mental Warfare

The concept of mental warfare in recent years has been actively developed by the Russian researcher and military expert A. M. Ilnitsky. The author starts from the recognition that at present there is a combination of instruments of war and peacetime rivalry, which determines radical changes in the system of challenges and threats that determine the nature and forms of interstate confrontation. This leads to the emergence of a new type of war, the main goal of which is the destruction of self-consciousness, a change in the mental, civilizational basis of the enemy's society. The term «mental war» itself was introduced into the scientific and socio-political discourse by Ilnitsky in March 2021. According to the author, mental war belongs to a new type of war and is aimed at destroying the worldview and civilizational foundations of the enemy. Unlike cyberwars and direct information operations, mental warfare is directed and

³¹ Cohen W.S. Report of the Quadrennial Defense Review. URL: [https:// www.airandspaceforces.com / PDF / DocumentFile / Documents /2009/ QDR 1997_051997. pdf](https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2009/QDR_1997_051997.pdf) (accessed 16.01.2023)

implemented taking into account the actually emerging «post-truth world», when people are weaned from critical thinking, from the desire to know the truth.³²

In the structure of mental warfare, specific goals, stages and technologies are distinguished.

Strategic goals (implementation within 10-15 years): Rebooting historical self-awareness, the system of education and upbringing, and hence the basic meanings and goals of society, i.e. ideologies, including rewriting (zeroing) history, destroying traditions, ways of life, faith (religion) and basic values.

Operational goals (implementation within 3-5 years): attacks on the established lifestyle, displacement of existing norms of behavior, delegitimization of power, split of society.

Stages: the first - information and ideological influence, the second - social technologies of manipulating society.

The implementation technology includes information and psycho-emotional components, in which artificial intelligence technologies play an active role. As part of the first, the adversary reformatting the information field: knowledge, facts and information, which, of course, is a serious threat to national security. The psycho-emotional component, first of all, consists in imposing one's will on the enemy and is no less a threat, since it is aimed at capturing and manipulating consciousness, controlling moods and emotions, when the desired moods, assessments, opinions about are persistently and continuously instilled into the object of influence, and this is accepted by people unconsciously, as a given without understanding the essence.³³

At its core, the concept of mental war appeals to the classical concepts of inter-civilizational confrontation, starting from the fundamental modernist ideas

³² Initsky A.M. Security of the country as a foundation for development // Arsenal of the Fatherland. 2021. N 1 (51). URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (accessed 16.01.2023)

³³ Initsky A.M. Mental war // Military thought. 2021. N 8. P. 26.

about the universal, unidirectional vector of social progress, which underlies the pressure of the West on other civilizations, which manifests itself in the "imposition" of Western models of development on the rest of humanity. At the same time, the key idea of the concept of mental warfare is intent and purposeful actions to negatively influence and change the consciousness of the enemy population. On this occasion, Initsky writes: «mental warfare is a coordinated set of actions and operations of various sizes aimed at «occupying» the enemy's consciousness in order to paralyze his will, change the individual and mass consciousness of the population to demoralize the army and society, destroy spiritual and moral values, traditions and cultural and historical foundations of the state, "erasing" the national identity of the people.³⁴ It is this aspect of the concept that determines some theoretical difficulties in clearly delineating the phenomenon of mental warfare and separating it from the subject field of modern information confrontation. The identification of the existence of a political decision to "occupy" the enemy's mind is complicated either by the secrecy of documents in which such a decision could be fixed, or by the value judgments and interpretation of the researcher of the facts of natural competition between states, promotion of national interests, implementation of soft power tools in the information space and intercultural communication.

Cognitive Warfare

The formation of the concept of cognitive warfare is connected with the research of new forms of warfare conducted by NATO experts and analysts. The best-known analytical work in this area is the study « Cognitive Warfare » held in 2020 Mr. François du Clusel, Innovation expert Hub, funded by Allied Command Transformation, a NATO command organization. Understanding the phenomenon of cognitive warfare is based on the recognition of the human psyche and mind as a new sixth sphere of warfare along with air, land, sea, space and cybernetic.

³⁴ Initsky A.M. Russia's Mental Security Strategy // Military Thought. 2022. N 4. P. 28.

The key principle of cognitive warfare is the so-called "personality hacking", the essence of which is the use of modern information and cognitive technologies for a deep understanding of the human psyche, the characteristics of information perception and fairly accurate prediction of human behavior, which opens up wide opportunities for manipulating people's minds and actions. on an unprecedented and complex scale. ³⁵In this sense, in terms of goals and tools, cognitive warfare has much in common with propaganda. Jacques Elull, in his classic work, defined propaganda as "a set of methods used by an organized group that wants to achieve active or passive participation in its activities of a mass of individuals, united and organized through psychological manipulation." ³⁶Elull understands propaganda quite broadly, taking it beyond the scope of psychological operations aimed at the population and troops of the enemy during the period of hostilities. This interpretation assumes the relative autonomy of the information-psychological sphere as a space for achieving political goals, in which both special information-psychological operations prepared by special services and soft power tools can be used. Cognitive warfare also aims to influence attitudes and behaviors by getting people into position to do or stop certain actions.

Developing this idea, but already in relation to the current level of development of science and technology, F. Klusel raises the question of using for the purposes of cognitive warfare (either in addition to combat operations or independently) new areas of knowledge, such as behavioral economics, brain science and neurotechnologies (NeuroS / T), big data science, cyberpsychology. Today, large companies have developed new data collection methods to draw conclusions about personal information, which have become the basis for predicting consumer behavior. For example, a digital model created by Cambridge Analytica showed how to combine personal data with machine learning for political purposes by profiling individual voters to target them with personalized

³⁵ Cluzel F. Cognitive Warfare. innovation hub. 2020. P. 7.

³⁶ Elull J. Propaganda. The Formation of Men's Attitudes. New York: Vintage Books, 1965. P. 61.

political ads. Since 2013, some countries have been implementing large-scale projects to study the human brain,³⁷ the results of which can be used for military and intelligence purposes, which poses new problems in the field of ensuring national security, forms and means of military conflicts. In addition, Kluzel emphasizes that in addition to military goals, the main object of cognitive warfare is public trust (trust in public and political institutions, trust in the electoral process, specific policies, social values and norms). In this, the ways of manipulating information and consciousness play an important role, and a person is both an object and a weapon of cognitive warfare. Kluzel emphasizes that «the democratization of automated tools and methods using AI that no longer require technological education allows anyone to distort information and further undermine the credibility of open societies. The use of fake news, deepfakes, Trojan horses, and digital avatars will create new suspicions that anyone can exploit³⁸.

Thus, the concept of cognitive warfare brings an additional dimension to the battlefield of modern conflicts: a cognitive dimension is now added to the physical and informational dimensions. In a world riddled with technology, cognitive warfare mobilizes a wider range of combat capabilities than physical and informational dimensions can. According to experts from Johns Hopkins University, cognitive warfare has two separate but complementary goals: destabilization and influence, and its objects can be both entire societies and individual leaders in politics, economics, religion and science.³⁹

The main goal focuses on establishing control over people (civilian and military), organizations, as well as over the ideas, psychology and behavior of people. The use of modern technologies and advances in cognitive science for

³⁷ Vykhodets RS, Shlyapnikov VV The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies // Archivos Venezolanos De Farmacología Y Terapéutica. 2022 Vol. 41. N 2. P. 79–84.

³⁸ Cluzel F. Cognitive Warfare. innovation hub. 2020. P. 8.

³⁹ Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive Warfare. John Hopkins University. 2020. P. 11.

military purposes can significantly expand the boundaries of traditional conflicts and achieve results at a lower cost.

In conclusion of the analytical review of modern concepts of information warfare, we will make two preliminary conclusions that are of fundamental importance for our study and further reasoning.

First, the original concept of the information war, formulated in the 70-80s. The twentieth century, which initially included the most general ideas about confrontation and conflicts in the information environment, differentiated over time, and certain aspects of its subject area developed and refined within the framework of the concepts discussed above. Therefore, in our study, we will not use the term «information war», since today its epistemological potential has practically dried up and its use is typical, to a large extent, for journalistic discourse.

Secondly, in almost all of the considered concepts, with the possible exception of only the concept of network-centric warfare, the information-psychological sphere is considered as a relatively independent space of confrontation. Whether we are talking about special information and psychological operations accompanying military operations, or about planned attacks and a systematic negative impact on public opinion and the psyche of an individual, the use of modern information technologies to manipulate a person's consciousness with his emotions and behavior, the formation of the necessary information agenda, information and psychological influence today acts as an autonomous and quite effective tool for achieving political goals and is an integral element of modern military conflicts. At the same time, a large-scale and effective impact on people's consciousness became possible due to deep global digitalization, therefore, psychological impact is no longer conceivable without the use of the latest information technologies, which in a theoretical aspect requires consideration of information and psychological confrontation as an independent type of information confrontation.

§1.2. Subject boundaries of the concept of information-psychological confrontation

A separate work is devoted to the study of the formation of the modern concept of information and psychological confrontation and the definition of its subject boundaries.⁴⁰ During the First World War on May 10, 1915 in the British newspaper *The Times* published an article titled "Torture of a Canadian Officer". The text reported that during the Battle of Ypres on April 24, 1915, the German military captured and crucified a Canadian soldier on a tree. There is no reliable evidence of whether this actually happened or not. However, the article itself had a rather strong effect; it was quickly picked up by the press of Britain itself and other countries, and the story of the crucified officer became widely known among the troops and among the population, which contributed to the demonization of the Germans in the eyes of broad public opinion. This was the first example in history of the use of the information space in order to discredit a military adversary and purposeful psychological influence.

In 1920, the book "Tanks in the Great War of 1914-1918" was published by the British historian and military theorist John Fuller, who, according to some researchers, is the author of the concept of "psychological warfare" (Psychological warfare).⁴¹ In his work, he writes: «Mechanical warfare will be replaced by another war of a wireless nature and not only things, but also the human body will be controlled by a «fluid» that we do not even understand yet. Imposing the will of one person on another can in turn lead to purely psychological warfare, in which weapons will not even be used.⁴²

⁴⁰ Vykhodets R.S., Kefeli I.F. Eurasian security from the perspective of the concept of information-psychological and cognitive confrontation // Eurasian integration: economics, law and politics. 2023. N 2. P. 11-24.

⁴¹ Daugherty WE Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Vol. one. US Department of the Army, 1976. 18 p.m.

⁴² Fuller J. _ Tanks in the Great War 1914-1918. MOSCOW: Vyssh. military ed. council, 1923. P. 262.

As some researchers point out, the terms "psychological warfare" and "psychological operation" are fully approved in the documents of the special military and intelligence services of the United States and Great Britain during the Second World War ⁴³. In January 1940, an unidentified article entitled "Psychological Warfare and How to Wage It" appeared in the American journal *Current History and Forum*, the title of which featured the earliest use of the term. ⁴⁴The very fact of this publication in one of the leading magazines at that time devoted to issues of world politics and international relations testified to the beginning of the development of measures by the US military leadership for psychological confrontation with Nazi Germany.

As for the final consolidation of the term «psychological» in relation to the strategic and operational plans of military structures, on February 14, 1944, the Office for Press and Psychological Warfare was created under the headquarters of the Commander-in-Chief of the Allied Forces in Europe, General D. Eisenhower, with which the final consolidation of the term «psychological» is ⁴⁵associated in relation to the strategic and operational plans of Western military structures.

In scientific use, the term "psychological operations", apparently, was introduced by US Navy Captain Ellis Zacharias. In his book *The History of the Intelligence Officer*, published in 1946, he writes: "All psychological operations will be coordinated both in time and directions in order to increase the effectiveness of the main operation."⁴⁶

Two years after the publication of Zacharias's book, in 1948, Paul Linebarger's work "Psychological Warfare" was published, in which for the first time, in contrast to the aforementioned work of Fuller, the term "psychological

⁴³ Barabash V.V., Kotelenets E.A., Lavrentieva M.Yu. Information war: to the genesis of the term // *Sign: the problematic field of media education*. 2019. N3. P. 84.

⁴⁴ Psychological Warfare and How To Wage It // *Current History and Forum*. January 1940. P. 52–53.

⁴⁵ Poghue F.S. High Command. MOSCOW: Military Publishing, 1959. P. 89.

⁴⁶ Zacharias EM *Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1946. P. 345.

warfare" is used as an independent theoretical construction and the subject of scientific analysis in the context of interstate conflicts.. Linebarger theoretically generalized the practical experience of the Americans and the armies of other countries in the use of psychological influence on the enemy for military purposes. In his work, he writes the following: «I discussed psychological warfare with a variety of people - from Mao Zedong in Yan'an and Ambassador Joseph Davis in Washington to a corporal of engineers in New Zealand and a janitor at the American headquarters in Chongqing. I learned from all these people and tried to make this book a reflection of the collective experience... I also owe a lot to the officers of the General Staff of the Department of Defense, who let me in on the details of psychological warfare. Circumstances for the United States turned out very well - smart, conscientious and gifted people led this work at the headquarters, and I was very lucky that I served under their command from 1942 to 1947.⁴⁷

The central thesis of Linebarger's concept is that psychological warfare aims to achieve military success without military force. At the same time, it is necessary to emphasize the combat nature of the use of psychological means, which does not go beyond the confrontation with a military adversary. It is this aspect, according to the American researcher, that makes it possible to draw a clear line between the concepts of "propaganda" and "psychological warfare".

Propaganda, which can literally be translated as «to be distributed», acquired a socio-political meaning in connection with the activities of the special division of the Catholic Church for the propagation of the faith (Congregatio de Propaganda Fide) created in 1622. The scientific theory of propaganda took shape in the first half of the 20th century and is associated primarily with the names of Walter Lippmann, Harold Lasswell and Leonard Doob. In the most general sense, propaganda consists of the planned use of any form of public or mass communication designed to influence the minds and emotions of a given group in

⁴⁷ Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. P.9.

order to achieve a specific public goal, be it military, economic or political.⁴⁸ This interpretation in relation to the military sphere focused attention on the respective goals and objectives, so military propaganda meant the planned use of any form of communication designed to influence the minds and emotions of an enemy, neutral or friendly foreign group in order to achieve a specific strategic or tactical goal. For example, Lasswell, in his work, the first edition of which appeared in 1938, pointed out that propaganda (the direct use of suggestion) is one of the three main tools for conducting operations against a military enemy, along with military pressure (the coercive power of land, sea and air forces) and economic pressure (interference in access to sources of raw materials and materials, markets, capital and labor).⁴⁹ At the same time, in order to consider this or that communication as propaganda, it must have a known purpose, be planned and clothed in a certain semantic and semantic form.

Therefore, the term "propaganda" initially contained the most general connotations, emphasizing planned communicative actions aimed at exerting the necessary impact on the psyche of a particular target group, which, among other things, have military applications.

Pointing to this circumstance, Linebarger emphasizes that psychological warfare can be narrowly defined as the use of propaganda against the enemy, along with other operational measures of a military, economic, or political nature that may be required to supplement the propaganda. In a broader sense, psychological warfare is a different way of waging war, in which the use of the information resource of the media, the use of the achievements of psychology for military purposes, and the synchronization of political, propaganda, subversive and military efforts are of paramount importance.⁵⁰

It should be emphasized that Linebarger's work laid a solid theoretical and applied foundation for understanding the role of the communicative environment,

⁴⁸ Doob LW Propaganda; Its Psychology and Technique. New York, 1935. P. 413-417.

⁴⁹ Lasswell G.D. Propaganda Technique in the World War. Moscow: INION RAS, 2021. P. 55.

⁵⁰ Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. P. 46.

the achievements of psychology for influencing the human psyche for military-political purposes. At the same time, Linebarger was the first to separate combat operations proper from special psychological operations, which were no longer considered exclusively as an auxiliary tool for achieving goals within the framework of a military conflict. Moreover, the concept of psychological warfare proposed by him for the first time marked the connection between the media space and the impact on the human psyche for military purposes, so we can say with confidence that the theory of information-psychological confrontation originates in 1948.

In the process of developing the ideas of information-psychological confrontation, human consciousness was proclaimed, in addition to land, sea, air, space and cyberspace, as the sixth space of modern conflicts. As I.F. Kefeli, «if the first five «dimensions» determine the objective side of military activity in various physical environments of the surrounding world, then the «sixth dimension» (informational psychological - *author's note*) covers the inner world of a person, his feelings, emotions, thoughts, worldview, individual and public consciousness."

⁵¹The use of organizational methods and technologies of information and psychological impact in modern conflicts makes it possible to inflict damage on the enemy at various levels. On the one hand, it is a fairly effective tool for tactical and operational impact on the personnel and civilian population of the enemy, and on the other hand, in the course of information and psychological confrontation, the strategic goal is achieved to justify the superiority of certain ideals, values and institutions. At the same time, the targeted impact on the human psyche in order to manipulate and control his beliefs, values and behavior goes far beyond the military sphere and becomes an integral part of not only military-political conflicts, but also natural competition on the world stage.

⁵¹Kefeli I.F. *Asfatronics: on the way to the theory of global security*. Saint-Petersburg, 2020. P. 78.

The information technology revolution has made possible a new kind of cognitive manipulation on an unprecedented and very complex scale. All this happens at a much lower cost than in the past, when it was necessary to create effects and impact through non-virtual actions in the physical world. All of this happens at a much lower cost than in the past, when it was necessary to create manipulative effects through non-virtual activities in the physical world, such as underground campaign work, loudspeakers, leaflet dropping from the air, etc. All this contributes to the fact that classical military capabilities are increasingly moving away from the information-psychological sphere, there is a decrease in the relevance of kinetic and resource-intensive means of warfare.

Today, in the military structures of many states of the world, there are separate specialized units involved in the organization and conduct of information and psychological operations. For example, in the United States, the main structures in this area are the Joint Information Operations Center (JIOWC), the US Cyber Command (USCYBERCOM), the 4th and 8th Army Psychological Operations Groups; in the UK it is the 15th group of psychological operations; in Russia, psychological operations units within the Main Directorate of the General Staff of the Armed Forces. The tasks of such units, as a rule, include influencing the troops and civilian population of the parties to the conflict, military propaganda, information sabotage, and the organization of special information and psychological actions aimed at various target groups. At the same time, often information-psychological operations go beyond the scope of a military conflict or are carried out in peacetime. In a conflict, information and psychological operations contribute to a decrease in the relative combat power of the enemy, the non-intervention of large sections of the civilian population, increase or decrease the legitimacy of certain actions in the eyes of the local population.

In peacetime, information and psychological operations are organically integrated into the system of strategic communications⁵² and serve as a means of strategic competition, development of international cooperation, strengthening of integration potential and formation of a security environment in the information space. They are used to support public diplomacy efforts, strengthen relations with other countries, ensure cooperation and address security concerns. Information-psychological operations are an important tool for ensuring national security, especially in the so-called irregular conflicts. In the joint doctrine of psychological operations, prepared under the leadership of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff of the United States in this area, the following main directions are distinguished:

counteracting an actual or threatened rebellion in a foreign country (Foreign internal defense) - psychological operations are used to increase the internal capacity of the state by strengthening a reliable military and encouraging empathy between the military and the civilian population. They are also used to change the behavior of selected target audiences in relation to the United States itself. The main goals of psychological operations during an insurgency in a foreign country are to build and maintain the loyalty of the government while reducing support for the insurgents;

counter-terrorism - psychological operations are used as a tool to stabilize and influence the environment in which violent extremist organizations operate. They are targeted at the public, and in some areas of activity the information provided contributes to the determination of the party that will receive the favor of public opinion. Psychological operations provide influence on the behavior of target audiences that support extremist groups, succumbing to their propaganda,

⁵²Gavra D.P. Strategic Communications and Texts of Strategic Communications: Toward a Theoretical Substantiation of Categories // Russian School of Public Relations. 2021. N 22. P. 10-30.

and also create a negative information environment in relation to such groups among the neutral population;

stability operations - psychological operations have a significant impact on foreign target audiences. Provide information, build trust and support for the local population.

Counter-Insurgency Operations - Psychological operations influence foreign populations through information to influence attitudes and behavior, and gain support for or non-interference with external operations. Psychological operations can provide public information to support humanitarian action, restore and maintain civil order;

non-conventional conflicts - psychological operations focus on ideological, religious, political, economic and social factors that contribute to the formation of emotional involvement of target audiences in the conflict, thereby contributing to the achievement of necessary goals.⁵³

Today, psychological operations are a vital component of a wide range of diplomatic, informational, military, and economic activities. The use of any element of state power, especially the military element, has always had a psychological dimension. Therefore, psychological operations are considered as an integral part of the state's foreign policy and international competition. For example, the US Psychic Operations Field Manual outlines several levels of implementation in order to ensure the national interests of the United States in the international arena:

strategic level - dissemination of the necessary information among foreign target audiences in support of the goals and objectives of the United States. While many activities are outside the military realm, Department of Defense resources are often used in the development, design, manufacture, distribution, and

⁵³ Joint Publication 3-13.2. Psychological Operations. 07 January 2010. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf> (accessed 04.02.2023)

distribution of strategic-level products. During peacetime, Psychic Operations forces often take part in activities that are interagency in nature, such as supporting diplomatic efforts or advancing economic interests;

the operational level includes the conduct of special operations in support of various military missions. Psychological operations can be carried out independently or in addition to them throughout the theater of war;

the tactical level is used to increase the ability of the command to win in a particular episode of hostilities.⁵⁴

It should be emphasized once again that psychological operations go far beyond the military sphere and are tools for solving many problems of state foreign policy. Therefore, it should be clearly understood that the information-psychological confrontation is not one of the aspects of military-political activity, the decision-making centers of which are located in the main military headquarters, but a separate, relatively isolated dimension of world politics, which includes a wide arsenal of tools and resources for the implementation of sufficiently effective measures to promote national interests, ensure security, solve applied political, economic and military problems.

As a subject of theoretical research, information-psychological confrontation has its own specifics, which separates it from other concepts of information confrontation discussed in the previous section of our study.

The information and psychological confrontation in the 21st century is unfolding against the backdrop of the emergence of a global information space and deep digitalization processes. The possibility of uncontrolled placement of information of anonymous content, which is able to instantly spread on the network to a multi-million audience, and also become a source for citation by

⁵⁴ Field Manual N 3-05.30. Psychological Operations. Headquarters, Department of the Army. April 15, 2005. URL: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-05-30.pdf> (accessed 04.02.2023)

authoritative media, has become widely available. Recently, the Internet has become so firmly established in life that for a significant number of citizens it has become the main, and often the only source of information. Social networks, instant messengers have largely replaced traditional media for a large number of the population today. Thus, according to the latest data, 64.4% of the total population of the planet are Internet users, while in many European countries, the USA, Russia, Malaysia, Singapore, Morocco, Argentina, this figure is at the level of 90% and above. Active users of social networks among the world population 59.4%. Among those who have smartphones, and such 91% of the total population of the planet, on average, the use of the device takes 30% of the total waking time.⁵⁵

At the same time, as some authors point out, it must be borne in mind that informal communication on the Internet, especially in social networks, in contrast to the disseminated official information, is often perceived by a person with a much greater degree of trust.⁵⁶ Based on technical capabilities, manipulative technologies are being improved more and more. With the widespread use of "new media" (social networks, blogs, online encyclopedias, podcasts) and the introduction of Web 2.0 technologies, Internet users have ceased to be passive consumers of information. Ample opportunities for implementing feedback in the form of comments on information messages on the network, hyperlinks, using contextual search mechanisms, likes, retweets, etc. allowed both an individual person to form an individual information agenda for millions of people around the world, and to «drown» absolutely any information in a stream of mass negative reactions. Anything like this was previously practically inaccessible in the conditions of using traditional media.

⁵⁵ Digital 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 04.02.2023)

⁵⁶ Zelinsky S.A. Information and psychological impact on mass consciousness. St. Petersburg:Scythia, 2018. 408 p.

Another important aspect that social networks have brought with them is associated with significant difficulties in verifying the source and reliability of information, which has opened up wide opportunities for the dissemination of deliberately false or deliberately distorted information. As some researchers point out, the opportunities that open up for providing information and psychological impact through the use of network information technologies are due to the fact that with such volumes of daily information received, the objects of influence practically do not have the opportunity to verify the reliability of the information disseminated.⁵⁷ At the same time, a reasoned refutation of a deliberate lie can either be dissolved in the number of publications and references to an unreliable source, or be published with a temporary pause, when public opinion has already been shaped by information stuffing. Today, in the field of mass communications, a separate direction is being formed for the study of so-called "fakes".

One of the main trends in modern international politics is the use of deliberately false (fake) events or fabricated targeted conflict-generating news as a pretext for escalating international tension.⁵⁸ Huge volumes of unverified, biased, taken out of context or frankly false information are thrown into the global information space. At the same time, the mass media cease to be the main sources of information. They are being replaced by social networks, whose users are able to spread any news in a matter of minutes around the world. Researchers at the Massachusetts Institute of Technology conducted a study in which they examined more than 126,000 fake news posted between 2006 and 2017. As a result, it was found that fake news spreads, on average, six times faster than truthful information from reliable sources. In addition, fake news is 70% more likely to be reposted. As a result, it was found that untrue information is distributed among an audience of 1,000 to 100,000 people, while true information most often

⁵⁷ Kasyuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2021. Issue 1. P. 28.

⁵⁸ Manoilo A.V. "Fake news" as a threat to national security and an instrument of information management // Bulletin of Moscow University. Episode 12 _ science. 2019. N 2. P. 37–45.

does not reach more than 1,000 people who would be ready to contribute to its further promotion. At the same time, and not least, fakes on topics related to political figures, "media" persons, catastrophes and natural disasters have the highest spread rate.⁵⁹ Fake news has the strongest impact on world events largely due to the widespread use of instant messengers and social networks, which have the ability not only to instantly and specifically distribute content, but also to quickly receive feedback, which opens up wide opportunities to manipulate public opinion almost instantly. Therefore, it is not surprising that today the governments of many countries classify fakes as a threat to national security and develop ways to combat them. However, as some authors point out, there are several reasons that make it difficult to combat the creation and spread of fakes:

the first is the deep spread of information technologies and gadgets among the population of the planet;

the second is the difficulty of establishing the source of the primary information "stuffing" of a destructive fake in the case of using encrypted "messengers" to transmit information. If «stuffing» and the spread of dangerous fakes can partly be tracked through social networks, then in the case of instant messengers using encryption algorithms, this is even more difficult;

The third reason is the importance and demand for fakes on the part of manufacturers and distributors. Fake is one of the most effective tools for instantly attracting the attention of the audience to a particular event or object.⁶⁰

Modern digital technologies provide powerful and effective tools for the malicious use of fakes, the impact on financial, economic and socio-political processes. So, for example, special computer programs today are able to automatically create and distribute the content of the content required by the

⁵⁹ Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, not bots // Science. March 8, 2018 18314 (accessed 06.02.2023)

⁶⁰ Moon D.V., Popeta V.V. "From fake to deepfake": threats and risks of development and spread of reality distortion technologies in the global information space // Culture: Theory and Practice. 2020. N 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42560121> (accessed 06.02.2023)

attacker in order to achieve the desired effect by misleading the average layman, creating a favorable public opinion and manipulating the agenda.⁶¹ Such programs can be widely used in campaigns aimed at discrediting individuals, social groups, political elites or states. In addition, as some researchers emphasize, the greatest danger today is fake videos created with the help of artificial intelligence technology, which, with their realism, can completely confuse the general public about events taking place in the modern world. This technology is a method of synthesizing a human image using appropriate software algorithms that are available to absolutely anyone today. One such program is the FakeApp application, which can replace faces in videos. For its work, only a few images of the prototype are enough, on the basis of which the application is able to create a fairly realistic video.⁶²

This technology significantly blurs the boundaries between harmless humor and targeted information and political attacks that can cause serious damage to the national interests of the state. Moreover, the openness and accessibility of such technologies makes an individual both an object and a subject of information-psychological confrontation, and the significant effect that such manipulations of public opinion can cause further blurs the lines between public diplomacy and special information-psychological operations.

Today, there are sufficient grounds to consider the information space as one of the main dimensions of competition, struggle and conflict on the world stage. The practice of information-psychological confrontation can act as an auxiliary tool in military conflicts, and as a separate domain of a hybrid conflict in the face of serious restrictions on the use of military force. According to A. V. Manoilo, a

⁶¹ Horowitz MC, Scharre P., Allen GC, Frederick K., Cho A., Saravalle E. Artificial Intelligence and International Security // Center for a New American Security (CNAS). 2018. URL: <http://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (accessed 06.02.2023)

⁶² Pantserov K.A. Mental wars with the use of artificial intelligence technologies: challenges and threats for Russia // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2021. N 3. P. 16.

characteristic feature of modern conflicts is the expanded use of information and psychological warfare technologies aimed at creating conditions for manipulating the consciousness of the country's population.⁶³

Information-psychological confrontation arose as an integral part of the armed struggle. The reasons for its occurrence were the desire of the attacking side to raise the morale of their troops and weaken the enemy's ability to take active and organized actions. The kinetic types of military operations were replaced by psychological operations carried out with the help of special means of influencing the human psyche. The expansion and deeper penetration of the global information space, together with the convergence of traditional media with the Internet, have significantly simplified and reduced the cost of technologies for bringing the necessary content to almost any target audience, regardless of the relative position of the subjects and objects of information and psychological impact. According to some researchers, a «soft» and painless effect on the target object of psychological operations is much more effective (low cost and less harm to infrastructure, the environment and the population) than several dozen nuclear-armed cruise missiles fired at a large metropolis.⁶⁴

In 1941, the Hungarian historian and journalist Ladislas Farago published a book entitled "German Psychological Warfare", which reworked hundreds of German works on topics related to psychology and war, most of this material dealt with personnel practice, psychosomatic medicine and other non-propaganda aspects of psychology., but overall the book was an impressive demonstration of how much effort the Germans had put into making their war scientific. The main innovations discovered by Farago are primarily the following two:

⁶³ Manoilo A.V. Information wars and psychological operations. Guide to action. Moscow: Hot line - Telecom, 2018. 496 p.

⁶⁴ Solomatin E.V. Socio-psychological foundations of information-psychological confrontation in a hybrid war // Humanitarian problems of military affairs. 2021. N 1. P. 139.

firstly, the perfect or seemingly perfect synchronization of political, propaganda, subversive and military efforts, which today many authors will associate with "hybrid war", secondly, the use of the achievements of modern psychology for military purposes.⁶⁵

As noted above, these two circumstances formed the basis of Linebarger's concept of psychological warfare, which is, albeit new, but still a form of military conflict. Eighty years later, today, with all evidence, the activity at the intersection of mass communications and psychology is a separate dimension of modern international relations. Despite the apparent obviousness of such a conclusion in theoretical and methodological terms, the allocation of a specific subject of the concept of information-psychological confrontation is by no means a trivial task. Today, the scientific discourse is filled with thousands of works devoted to issues of confrontation in the information environment, in which the terms containing the adjectives "informational" and "psychological" in relation to international confrontation are often used as synonyms, or their content is mixed to a certain extent, or their use is pronounced metaphorical character.

For our further reasoning, a clear designation of the subject of the concept of information-psychological confrontation and the formulation of a working definition of this term as an instrument of international interaction are of great importance.

With all the differences in the author's interpretations and the difference in the placement of research accents, the concept of "information" (information confrontation / war / operation), first of all, brings to the fore the impact on the information infrastructure, databases, communication channels, software, control over information flows and information agenda; the concept of "psychological" (psychological warfare/operation) focuses primarily on the impact on the human psyche, consciousness, emotions to influence human behavior.

⁶⁵ Farago L. German psychological warfare. Committee for National Morale, 1941. 155p.

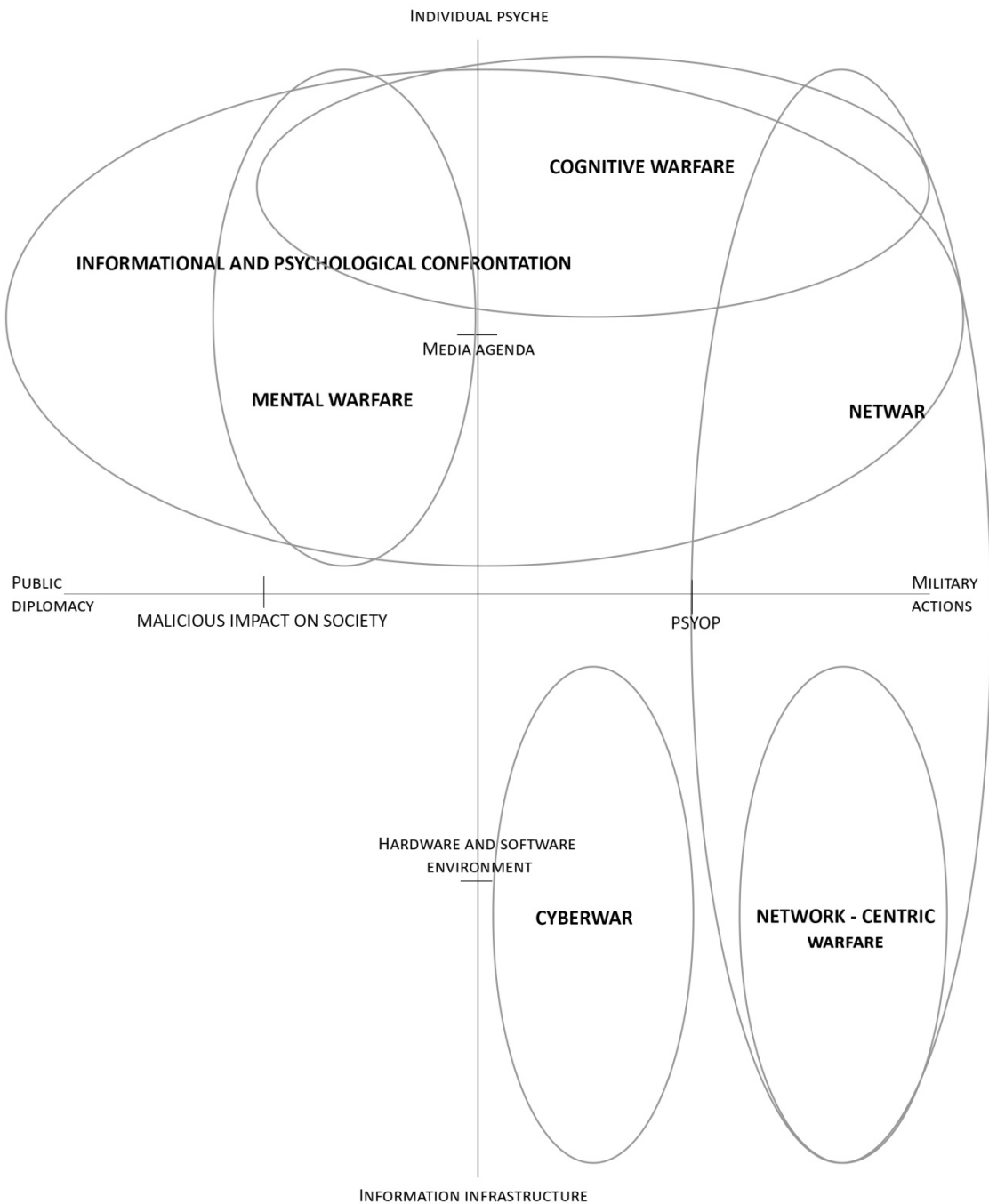
Also essential in determining the subject of the concept of information-psychological confrontation are its specific tools and methods of implementation: from special psychological operations carried out by the military in combat conditions to strategic communications and public diplomacy.

Based on this, in order to determine the subject of the concept of information-psychological confrontation, we proposed a theoretical scheme that includes two axes. The first axis characterizes the object of influence, at its poles there are «individual psyche» and «information infrastructure» with intermediate divisions: «information agenda» (control over the media space, dominance of certain content) and «software and hardware environment» (software, components, support, technical data processing standards). This dichotomy, from our point of view, is quite justified and follows from the analytical review of the differentiation of the concept of information confrontation (wars), given in the previous part of our study. So, for example, the concept of cyberwars focuses on damaging the information infrastructure, means of communication, information processing centers (military and civilian), the concepts of cognitive and mental warfare focus on "hacking", "reprogramming" the personality of an individual to achieve strategic military - political goals.

The second axis characterizes the tools and the nature of the impact. The poles of this axis are «public diplomacy» (the activities of foreign media, NGOs, the dissemination of certain ideological and sociocultural models through business communities, academic and educational structures, etc.) and «combat operations» (a state of military conflict, using lethal means or or hybrid). Intermediate divisions on this axis are «information and psychological operations» carried out under the auspices of the military leadership, and «malicious impact on society» (targeted propaganda, spreading fakes, discrediting the political elite in the public space, negative impact on public values, the education system, etc..).

Figure 1 shows the distribution of the subject fields of the considered concepts of information confrontation and defines the subject of the concept of information-psychological confrontation, which underlies our subsequent reasoning.

Figure 1 – Subject fields of modern concepts of information warfare

Thus, the concept of information-psychological confrontation is an area of interdisciplinary research based on the achievements of modern communication

theory, cognitive science and the capabilities of the latest information systems used to achieve superiority and / or counteract targeted influence in the information space.

The main subject of the concept of information and psychological confrontation, first of all, focuses on the study of systems and tools for the formation of public opinion, the characteristics of human perception of information, and also includes the study of the entire spectrum of influences on public opinion and the psyche of an individual in peacetime and in combat conditions., by means of special information and psychological operations of the strategic, tactical, operational level and with the use of soft power tools.

On this basis, we formulate the definition of information-psychological confrontation.

Information-psychological confrontation is a sphere of international relations characterized by a destructive impact in the information environment of an organized or discursive nature on the systems of formation of public opinion and decision-making, as well as the psyche of officials, public figures and the population.

§1.3. Policy in the field of ensuring information and psychological security: international experience

Information-psychological confrontation as a practice of modern international relations associated with media-mediated influence on public opinion and the psyche of an individual is the legal successor of special psychological operations, the theory and methods of which have been actively developed by military experts since the Second World War. At the same time, the current stage of the scientific and technological revolution, associated with global informatization processes, as a result of which information technologies acquire a cross-cutting character and determine progress in almost all high-tech industries.

As some researchers emphasize, theoretical ideas about digitalization as one of the most important globalization processes, which largely determines the vector of economic and socio-political development, are firmly rooted in modern scientific discourse.⁶⁶ This trend has brought to life a whole range of previously unknown challenges and threats, which has led to the formation of a separate sphere in the structure of national and international security, information security, within which the information and psychological component is becoming more and more pronounced. According to K.N. Lobanova, "the state of international relations in the modern world is increasingly determined by the consequences of the information and psychological struggle, which involved the leading subjects of world politics - both states and their unions, and non-state actors, including transnational corporations, online extremist communities and terrorist".⁶⁷

Comprehension of threats in the information environment, together with the emergence of new means of communication that allow, with unprecedented efficiency, to influence the individual human psyche, contributes to the differentiation of the theory and practice of information security and the formation within its conceptual boundaries of a separate sphere of information and psychological security, the main objects of which are the formation systems public opinion and the human psyche.

Before giving our working definition of information-psychological security and presenting its theoretical and practical model, let us consider what place the information-psychological component occupies today in the structure of national and international security.

In October 2022, the United States adopted a new National Security Strategy that places significant emphasis on information-related threats. In particular, operations to manipulate information are named as the main threats to American

⁶⁶ Khotulev A.S. Digitalization as a global process: Socio-economic and political problems // Bulletin of Moscow University. Ser. 27. Global studies and geopolitics. 2021. N 3. P. 50–66

⁶⁷ Lobanov K.N. Information and psychological confrontation in the field of regional security of the CIS: ideological and doctrinal foundations // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2020. Vol. 15. N 2. P. 36.

democracy along with corruption and political interference.⁶⁸ At the same time, actions associated with negative information impact are included in a wider range of hostile actions in cyberspace.

A holistic view of countering threats to national security in the information sphere is presented in the National Cyber Strategy, approved by the President of the United States in September 2018.⁶⁹ The document emphasizes that cyberspace should not be seen as a separate policy area, separated from other elements of national power. Therefore, the main goal of the United States in the information sphere is the integration of cyber capabilities into all elements of national power.

In the field of security in cyberspace, the unconditional priority of the Strategy is the security of critical infrastructure (cybersecurity, investment promotion, priority for national research and development), the fight against cybercrime, the development of a sustainable digital economy, (support for the technology market, innovation and investment in infrastructure), the development of a protection system intellectual property, support for human resources, development of talents in the field of information and communication technologies, promotion of their own regulatory principles in the international arena.

A special place in the document is occupied by the containment of "unacceptable behavior" in cyberspace. The criterion of "inadmissibility" is the contradiction of this or that action to the national interests and values of the United States. As part of measures to curb this kind of behavior in cyberspace, the emphasis is on countering and exposing malicious influence in the information environment, including information campaigns, propaganda and disinformation.

⁶⁸ National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 06.03.2023)

⁶⁹ National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed 06.02.2023)

To do this, the United States sets itself the task of joining forces with international partners, the private sector, academia and civil society.

The conceptual basis for ensuring US security in cyberspace is the promotion of its own values and vision on a global scale, as well as countering any actions that do not coincide with them. Therefore, the promotion of American influence under the slogan "The old battles for human rights and fundamental freedoms are now being played out on the Internet" has been proclaimed as one of the pillars of US cybersecurity. And in this sense, it is no coincidence that the United States is concentrating its efforts on promoting the "open Internet" and countering those states that view it as a political threat and turn it into a sphere of "authoritarian control under the guise of security and the fight against terrorism." For example, the Government-controlled Agency for Global Media (USAGM) provides a wide range of services and technologies around the world to overcome various blockages and restrictions on access to the Internet.

According to some researchers, the United States is characterized by the concentration of powers in the field of cybersecurity in the hands of law enforcement agencies, such as the Department of Defense and the National Security Agency.⁷⁰ At the same time, the general political vector aimed at promoting one's own leadership on a global scale and significant economic and technological opportunities provide a wide range of tools to promote one's own influence, ranging from public diplomacy, which is the prerogative of the State Department and special psychological operations (PSYOP), which are managed by various security forces. structures.⁷¹

The American strategy in the information sphere is characterized by a focus on active action to promote its own vision, values and standards in the international

⁷⁰ Sizmin M.A. Information (information-psychological) security in the structure of national security (on the example of the USA and Russia) // Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2014. N3. P. 29.

⁷¹ Goldstein F., Findley B. Psychological Operation: Principles and Case Studies. Air university Press, 1996. 378 p.

arena, as well as the elimination of objectionable points of view. Coordination of efforts with allies plays a significant role in this.

So, on June 29, 2022, at the NATO summit in Madrid, the heads of state and government adopted a new Strategic Concept for the North Atlantic Alliance.⁷² The document identifies five areas for the implementation of NATO's defensive potential: nuclear weapons, conventional forces and means, missile defense, space and cyber means.

Cyberspace, along with outer space, has been proclaimed the key to effective action to prevent, detect, counter and respond to the full range of modern threats. The importance of cyberspace in the joint efforts of NATO members is emphasized by the possibility of using the notorious fifth article of the North Atlantic Treaty when adversaries use information methods of influence.

Russia, China, Iran, Syria and North Korea are named as the main adversaries in the NATO Strategy, which are generically called authoritarian actors that challenge the interests, values and democratic way of life of NATO member states. At the same time, it is indicated that the adversaries use, first of all, hybrid methods, including malicious hybrid and cyber operations, as well as disinformation that damage the security of the North Atlantic Alliance.

It should be emphasized that at the official level of the United States and NATO there is no concept of "information and psychological security." This area is located at the intersection of the concepts of "cybersecurity" (Cybersecurity) and "psychological operations" (PSYOP), which includes a wide range of actions, both technical and propagandistic, to counter adversaries in the information space.

A clear illustration of this is one of the latest reports of the American analytical corporation RAND. It presents data from a large-scale study based on interviews with a large number of military personnel and experts, one of the results

⁷² NATO Strategic Vision 2022. June 29, 2022 URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-en.pdf (accessed 09.03.2023)

of which is a classification of actions related to information or operations in the information environment.⁷³ These include the following :

- control over the means of communication - the purchase of television channels, radio stations, film studios, distribution networks to control content and its distribution; using market power to ensure the presence of the necessary content in the media; censorship, including the control or restriction of access to the Internet;

- cyber or electronic warfare - distributed denial of service attacks; website vandalism (such as hacking into a legitimate news site to publish a false story); introduction or distribution of destructive malicious software; creation of network and system vulnerabilities; hacking of user accounts and their malicious use; cyberbullying (for example, public disclosure of personal information; cyberespionage; jamming and electronic warfare; other offensive cyber operations;

- disinformation and propaganda – dissemination and promotion of fabricated or misleading news stories; making false accusations against governments, military forces, firms or individuals; partial or complete fake content; spreading rumors and conspiracy theories; promoting revisionist history or divisive or controversial historical narratives; "flooding" of the information space with content that diverts attention from the facts associated with a particular event;

- positive messages and truth-based propaganda – dissemination of topics, narratives, opinions, views or explanations of events; the statement of legitimate and justified alternatives to social groups that are disadvantaged for one reason or another; distribution of videos or images of successful operations; advertising military successes and trophies; dissemination of cultural information and influence, including language training, funding of language schools or cultural centers, or organizing cultural or educational exchanges;

⁷³ Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in US Concepts for Strategic Competition. RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (accessed 06.02.2023) DOI: <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>

- means of protective and response measures in the information environment

- promotion of media literacy, civic education; building partnership capacity for journalism and local media; facilitating fact-checking organizations; conducting defensive cyber operations, including active defense against cyber attacks; confirmation of the involvement of the aggressor in certain actions; publicizing and attributing malicious acts to competitors; dissemination of denials.

In the data provided by American analysts, two areas of action in cyberspace are clearly visible: the first, active and protective actions in the field of information infrastructure and technologies, and, second, actions in the field of influencing the media environment, public opinion and the individual human psyche. At the same time, the latter involve a wide range of influence, ranging from fundamental worldview grounds related to history and sociocultural values to behavior manipulation by influencing human emotions (for example, fear about personal safety and privacy).

Thus, in the Western expert discourse, there is a clear tendency to isolate the sphere associated with information and psychological impact in the original concept of cybersecurity, which has recently become widely known and spread in the concept of cognitive warfare.

In the previous part of our work, we analyzed in detail the analytical report of the same name by du Clusel, which, in fact, deals with the formation of a new domain of war associated with the "hacking" of human consciousness and changing fundamental worldviews with the help of modern information and neurotechnologies. This work was published in 2020 and marked the beginning of a broad discussion among Western military and political experts on understanding new methods of warfare and ensuring national security.

One year after the publication of du Clusel's controversial work, the First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare was held on 21 June 2021 in Bordeaux. The summary of the conference proceedings indicates that the most

significant contemporary challenges for NATO are associated with the ever-increasing possibilities of digital technologies, applied both at the individual and network levels in order to manipulate the psychological, social and information environment. The concept of "cognitive warfare" is used to refer to the set of targeted attacks in this new area. It is based on the integration of the capabilities of cybernetics, information, psychological and social engineering.⁷⁴

Cognitive warfare seeks to create confusion, misconceptions, and uncertainty through a flood of redundant information or misinformation. It does this by focusing on false goals, causing distraction, introducing false narratives, radicalizing people, and increasing social polarization in order to achieve the cognitive effects needed to achieve short and long term goals.

It is noteworthy that the challenges and threats posed by cognitive warfare are considered by Western analysts as tools capable of neutralizing NATO's superiority in traditional weapons, which necessitates the development of new approaches to ensuring security in a fairly wide range. In this context, it is emphasized that launched by a sophisticated adversary, cognitive warfare manipulates individual and group perceptions in order to motivate goal-directed behavior that most favors the adversary's intentions. Used to its full potential, cognitive warfare has the potential to destabilize societies, military organizations, and destroy alliances.⁷⁵

According to the Deputy Director of the NATO Cooperation Support Office, General F. Montocchio, «in the developing world, information warfare and cognitive warfare are likely to become permanent self-sufficient methods of action

⁷⁴ Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. 118 p. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)

⁷⁵ Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 21. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)

in order to achieve the desired end result in the long term... Cognitive warfare is the most advanced form to date manipulation of the human mind, allowing you to influence individual or collective behavior in order to obtain a tactical or strategic advantage.⁷⁶

In this sense, the results of the NATO summit, which took place in Brussels on June 14, 2021, are quite indicative, and became a real turning point for the countries of the collective West in understanding the role of the information and psychological component of security. In the final communiqué, for the first time, China and Russia were separately mentioned in the context of their disinformation activities, which demonstrates the growing concern of the member states of the North Atlantic Alliance with these new challenges.⁷⁷

The effectiveness of protection in a cognitive war directly depends on the level of development of advanced information and cognitive technologies. For example. The NATO Science and Technology Organization (STO) is conducting research that should enable NATO to maintain a technological edge over its potential adversaries. STO is a network of about 6,000 scientists from member countries and some partner countries, notably Australia, Finland, Japan and Sweden. The STO covers the entire spectrum of sciences and technologies related to security and defense, which are organized into seven major research areas. These seven scientific fields are being explored by various groups, four of which have a profile directly related to cognitive warfare: the Human Factors and Medicine (HFM) group, the Information Systems Technology (IST) group, the Systems Analysis and Research (SAS) group, and the Modeling Group. (NMSG).⁷⁸

NATO analysts view cognitive warfare as an unconventional form of warfare that uses cyber tools to change an adversary's cognitive processes, mental biases, or reflective thinking, as well as provokes distortions in thinking, influences

⁷⁶Ibid. P. 13

⁷⁷ NATO Summit - Brussels. 06/14/2021. URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm (accessed 09.03.2023)

⁷⁸ Science and Technology Organization. 27.10.2022. URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_88745.htm (accessed 09.03.2023)

decision-making and prevents actions with negative consequences, both on the individual and at the collective levels. Its main goal is not to complement the strategy or win without a fight, but to wage war on what the enemy community thinks, loves or believes in, changing their perception of reality. This is a war with how the enemy thinks, how his mind works, how he sees the world and develops his conceptual thinking. Its effects are to change the worldview and thus affect their peace of mind, confidence, competitiveness and prosperity.⁷⁹

Conceptually, cognitive warfare is at the intersection of two areas: psychological operations (PSYOPS) and influence operations (using soft power tools), on the one hand, and cyber operations designed to degrade or destroy physical information assets, on the other. At the same time, it is important that cognitive warfare goes beyond the technical aspects of cyber operations related to the use of digital tools to gain control, change or destroy information infrastructure, and, above all, focuses on the perception of information by the individual psyche and its impact on human behavior.⁸⁰

Obviously, the main space for the implementation of cognitive warfare is the media environment. Therefore, today Western analysts pay increased attention to the issues of control over this particular area. For example, the RAND Corporation recently published the results of its study, commissioned by the United States European Command, entitled "Understanding and Protecting Against Russia's Malicious and Subversive Information Efforts in Europe." The report emphasizes that the increase in the frequency and intensity of information aggression directed against the United States and its European allies requires a more careful consideration of the concepts and practices of protection from psychological manipulations and influences, countering and mitigating their consequences. At the

⁷⁹ Claverie B., Du Cluzel F. «Cognitive Warfare»: the advent of the concept of «Cognitics» in the field of warfare // *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance* / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 25-32. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)

⁸⁰ Ibid. P. 27.

same time, we propose models of defensive practices based on control over the production, distribution and consumption of information in the media environment.⁸¹

We emphasize that the concept of cognitive warfare, which is currently being actively promoted at the level of the NATO expert community, we will consider as an integral part of the concept of information-psychological confrontation that we are considering. This is due to the fact that the term "Cognitive Warfare" has a pronounced military connotation and is associated, first of all, with the understanding of new areas of modern warfare. And even the soft power tools mentioned by the authors of this concept are initially considered as a means of causing damage to the enemy, while the concept of «information-psychological confrontation» that we use includes a discursive (absence of initial malicious goals and efforts) element of soft power in the context of international strategic competition.

The issues of ensuring information and psychological security are also given considerable attention in the strategic documents of the European Union. In one of the fundamental documents in the field of security, the «Global Strategy of the European Union for Foreign and Security Policy», the issues of information and psychological confrontation are included in the broad context of cybersecurity and are conceptually linked to strategic communications. The document states: «The EU will intensify efforts in the field of strategic communications by investing in and participating in public diplomacy in a variety of areas in order to establish contacts between EU foreign policy and citizens and better inform our partners about the ongoing policies. We will increase the consistency and speed of communication about our principles and actions. We will also promptly submit fact-based rebuttals to disinformation. We will continue to encourage an open and

⁸¹ Matthews M., Demus A., Treyger E. et al. Understanding and Defending Against Russia's Malign and Subversive Information Efforts in Europe. RAND Corporation, 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3160.html (accessed 09.03.2023)

demanding media environment inside and outside the EU, working both with local players and through social media.»⁸²

It is noteworthy that in the later strategic documents of the EU in the field of security, information and psychological challenges and threats, as well as ways to counter them, were increasingly separated from the technical, technological and infrastructural aspects of cybersecurity. For example, the Security Alliance Strategy presented by the European Commission on July 24, 2020, the document that replaced the European Security Agenda 2015, provides for joint action in four main areas. These include countering emerging security threats, including cybersecurity and protecting critical infrastructure, and combating emerging threats, which includes countering hybrid attacks, disinformation and prohibited content.⁸³ With regard to the last point, it is necessary to pay attention to one significant circumstance. Some researchers point to a value-oriented approach in EU foreign policy and a close connection between security and fundamental European values.⁸⁴ Given the ever-increasing importance of the information environment in ensuring security, it should be expected that a value-based approach will also be the basis for classifying this or that information as illegal content and disinformation.

Another document that shows a clear trend towards highlighting information and psychological security issues from cybersecurity is the White Paper of the European Union on security and defense issues called "Strategic Compass" approved during the meeting of the European Council held in March 2022.

In the document, one of the leading roles in general security surveys is assigned to cyberspace. In particular, of the six commitments that the EU

⁸² A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 09.03.2023)

⁸³ Communication from the Commission on the EU Security Union Strategy. Brussels, 24.7.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596452256370&uri=CELEX%3A52020DC0605> (accessed 09.03.2023)

⁸⁴ Potemkina O.Yu. New strategy of the EU Security Council. Policy Note N32, 2020. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. P. 7.

undertakes to ensure common security, three are related to actions in cyberspace and one is directly related to information and psychological confrontation:

- improve cyber diplomacy tools and implement EU cyber defense policy to ensure greater readiness for and better response to cyber attacks;
- develop tools to combat hybrid threats and create response teams that will have all the tools to identify a wide range of hybrid threats and properly respond to them; over time, such tools will include, inter alia, tools to counteract misrepresentation and interference from abroad; EU Rapid Response Teams can be deployed to assist Member States and EU Common Security and Defense Policy missions and operations and assist partner countries in their fight against hybrid threats;
- strengthen the capacity for intelligence analysis and protection of confidential information.⁸⁵

It should be noted that the information and psychological aspect of the security of the European Union, in contrast to the NATO model of cognitive warfare, conceptually gravitates towards the sphere of strategic competition rather than military confrontation.

China's national security strategy is formed by a set of documents of the Communist Party of China: decisions of the congresses and the Politburo Council, resolutions of the Plenums, the Central Military Council, the State Council of the PRC, as well as a number of special laws: "On National Security", "On the Fight against Terrorism", "On the Protection of the State secrets", "On cybersecurity", etc.

Among this list, the Law of the People's Republic of China "On National Security" is of fundamental importance for determining the fundamental principles

⁸⁵ A Strategic Compass to strengthen the security and defense of the European Union by 2030. March 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/european-defence-63008/article/a-strategic-compass-to-strengthen-the-security-and-defence-of-the-european> (accessed 09.03.2023)

of ensuring national security⁸⁶. In accordance with the document, ensuring national security has a pronounced sociocultural emphasis, expressed in the identification of national security with the security of the people. Based on this, in accordance with Article 3, China's national security has four equivalent dimensions: political, military, cultural and social.

The Law of the People's Republic of China "On National Security" was adopted in 2015, when the impact of the information environment on public opinion and the individual psyche of a person became quite obvious. Consequently, it could with every reason be considered as a political instrument of external influence, carrying a sufficient number of challenges and potential threats to the worldview foundations of Chinese society and the official state ideology in order to take effective measures to limit it. That is why the law places special emphasis on the need, in fact, *for national* security, i.e. security based on the fundamental principles of the cultural identity and identity of the Chinese people.

Therefore, it is no coincidence that the set of national security tasks, along with ensuring technological sovereignty, as well as technical and infrastructural aspects of information security, includes political (protection of the political system and the fight against foreign subversion) and cultural (protection of the national culture that combines socialist and traditional values) components. security.

Thus, the Chinese legislation initially laid down a direct link between relatively separate components of national security: the protection of the fundamental worldview foundations of Chinese society and the provision of security in the information environment. In pursuance of this principle and detailing the provisions of the National Security Law regarding security in the information sphere, in 2016 the National People's Congress approved the Law of the People's Republic of China "On Cyber Security", which entered into force on

⁸⁶ National Security Law of the People's Republic of China. 07/01/2015. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/fgkd/xfq/fl/201507/20150700399835> (accessed 10.03.2023)

June 1, 2017. The first article of the document is quite ⁸⁷clear fixes the main goal of cybersecurity - the development of informatization of the economy and society based on ensuring network security and sovereignty in the national cyberspace, protection of the legitimate rights and interests of citizens, legal entities and other organizations.

In total, the document contains 79 articles, the key provisions of which include the following:

strict restrictions on the collection and use of personal data - in order to carry out these actions, it is necessary to obtain express permission from the person whose personal information is being processed. A person has the right to demand from the operator to delete his personal data received without his knowledge ;

imposing on operators the obligation to verify the identity of users when providing access to the Internet, registering a domain name, access to fixed and mobile telephone communications, and instant messaging;

verification by the regulator of transactions in relation to critical information infrastructure;

requiring operators to store personal data and data relating to critical infrastructures exclusively in China. In the case of transfer of such information abroad, it is necessary to obtain permission from the authorized body;

the obligation of operators to immediately suspend the provision of services and report this to the relevant authorities upon detection of the collection, distribution or transfer of information in violation of legal requirements.

It should be emphasized that this law has often been criticized by Western human rights organizations in the context of censorship, violations of privacy due to the obligation of providers to provide the state with personal data of users upon

⁸⁷ Law of the People's Republic of China "On Cybersecurity" 06/01/2017. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3%95/16843044?fr=aladdin>. (accessed 10.03.2023)

their first request, restrictions on human rights and freedom of speech.⁸⁸ However, according to some experts, «the law has a pronounced patriotic orientation. It consolidates the policy of the Celestial Empire, traditionally focused on protecting its own interests without much regard for neighbors and partners.⁸⁹

It should also be emphasized that in China, the information-psychological component (protection from external political and socio-cultural influence, whether it be elements of soft power or malicious disinformation) was originally an integral part of the national and information security strategy. As N.P. Romashkin, one of China's fundamental priorities in the field of information security is "protection of the Communist Party through information control and propaganda, supervision over internal sources of potential unrest." It is important to note that this priority was present in China's policy long before the adoption of the considered laws, which only summed up the PRC's focus on the formation of a national information space and ensuring sovereignty⁹⁰ and state control in it. For example, since 2009, China has been systematically blocking access to Internet platforms such as, YouTube, Google services and some other foreign technology companies in the country. Since 2003, the famous «Great Chinese Firewall» has been deployed in the country, which by 2006 completely covered (or formed) the entire Internet space of China, automatically blocking external unwanted content.⁹¹

In general, China pays close attention to the issues of protecting the ideological and spiritual and moral foundations of society, state ideology by ensuring information sovereignty and control over the dissemination and consumption of information in the media space.

⁸⁸ A resonant cybersecurity law comes into force in China. // RIA News. 06/01/2017. URL: <https://ria.ru/20170601/1495523455.html> (accessed 10.03.2023)

⁸⁹ Kondrat E.N., Petrov P.A., Salnikov M.V. The concept of national security of the Middle Kingdom: traditional and comprehensive // Legal science: history and modernity. 2017. N 12. P. 157.

⁹⁰ Romashkina N.P., Zadremailova V.G. The evolution of China's policy in the field of information security // Pathways to peace and security. 2020. N 1. P. 131.

⁹¹ Chekmeneva T.G., Ershov B.A., Trubitsyn S.D., Ostapenko A.A. China's Information Security Strategy: Political and Technical Aspects // Bulletin of Socio-Economic and Humanitarian Studies. 2020. N 7. P. 78-97.

The experience of the United Arab Emirates in the field of cybersecurity is very indicative. The UAE, positioning itself on the world stage as an open liberal country, in which about 85% of the population are active Internet users⁹², and at the same time, correlating public spiritual and moral principles with the Muslim worldview, focused exclusively on infrastructure and technological aspects in cybersecurity issues. However, after the rupture of diplomatic relations with Qatar in 2017, the public expression of support or sympathy for this state on the Internet is considered a cybercrime, for which up to 15 years in prison or a large monetary fine is provided.⁹³ Such facts testify to the active use of cybersecurity issues for political purposes, manifested in the establishment of restrictions on the dissemination of unwanted information.

It is noteworthy that the political aspects of ensuring cybersecurity, related to the restriction of certain content in the media space, often act as a stumbling block at the international level. For example, the model law on countering threats in cyberspace, developed in 2018, was not approved by a joint decision of the member states of the League of Arab States and was sent for revision for an indefinite period. This decision, first of all, was due to the difference in conceptual approaches: some of the League states, primarily the countries of the Persian Gulf, sought to limit the concept of "cybersecurity" to technical issues, while another part, for example, Egypt, insisted on including in this concept also applied issues related to counteracting the spread of prohibited materials.⁹⁴

The fundamental document in the field of national security of Russia is the National Security Strategy of the Russian Federation, the new version of which was approved by Decree of the President of the Russian Federation N 400 of

⁹² Digital 2022. Global Overview Report. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (accessed 11.10.2022)

⁹³ For sympathizing with Qatar, UAE citizens face up to 15 years in prison and a fine of \$ 136,000. 06/07/2017. // EurAsia Daily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/06/07/za-simpatii-kataru-grazhdanam-oae-grozit-do-15-let-tyurmy-i-shtraf-136-tys> (accessed 10.03.2023)

⁹⁴ Hakmeh J. Cybercrime Legislation in the GCC Countries Fit for Purpose? July 2018. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-07-04-cybercrime-legislation-gcc-hakmeh.pdf> (accessed 10.03.2023)

02.07.2021.⁹⁵ Taking into account the long-term trends in the development of the situation in the country and in the world at the present stage, the document identifies eight national interests, including the development of a secure information space, the protection of Russian society from destructive information and psychological impact. It is emphasized that traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values are actively attacked by external forces that have an informational and psychological impact on individual, group and public consciousness through the spread of social and moral attitudes that are contrary to the traditions, beliefs and beliefs of the peoples of the Russian Federation., which increases the threat of Russia losing its cultural sovereignty.

The informational and psychological impact is associated with the inculcation of alien ideals and values, the implementation of reforms in the field of education, science, culture, religion, and language without taking into account historical traditions and the experience of previous generations. In other words, the Strategy establishes a clear connection between the information and psychological impact and the ideological foundations of public life, which are its main object.

Ensuring national security is based on achieving the goals and solving the tasks provided for in the framework of nine strategic national priorities, one of which is information security. At the same time, it is emphasized that the rapid development of information and communication technologies is accompanied by an increase in the likelihood of threats in the field of information security.

In addition to expanding the use of information and communication technologies to interfere in the internal affairs of states, undermine their sovereignty and violate territorial integrity, increase the number of computer attacks on information resources, intensify the activities of special services of foreign states to conduct intelligence and other operations in the Russian

⁹⁵ Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (accessed 06.02.2023)

information space, the document states on purposeful attempts to destabilize the internal socio-political situation through the dissemination of false information, materials of terrorist and extremist organizations, calls for riots, the implementation of extremist activities, which are tools of destructive information and psychological influence.

As the first task, on the solution of which the achievement of the goal of information security depends - strengthening the sovereignty of the country in the information space - the formation of a safe environment for the circulation of reliable information, increasing the security of the information infrastructure is indicated.

Thus, in the National Security Strategy of the Russian Federation, the information and psychological impact has two dimensions. The first is ideological, connected with the protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. The second is media related, connected with counteracting the production and dissemination of destructive information. At the same time, conceptually, information and psychological security, although this phrase is not used in the document, is part of the information security system, which also includes infrastructural and technological aspects.

A special document containing a system of official views on ensuring the national security of the Russian Federation in the information sphere is the Information Security Doctrine, adopted on December 5, 2016.⁹⁶ It outlines the national interests of the country in the information sphere, which include the provision and protection of constitutional rights and freedoms of man and citizen in terms of obtaining and using information, privacy when using information technologies; application of information technologies in the interests of preserving the cultural, historical, spiritual and moral values of the multinational people of Russia; ensuring sustainable and uninterrupted functioning of the information

⁹⁶ Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 N 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (accessed 06.02.2023)

infrastructure; development of the national branch of information technology and electronic industry; protection and sovereignty are stragna in the information space.

The document also lists five main areas for ensuring information security, among which is the neutralization of information and psychological impact, including those aimed at undermining the historical foundations and patriotic traditions associated with the defense of the Fatherland.

Thus, the Doctrine, following the National Security Strategy, clearly designates the object of information and psychological impact - the ideological foundations of public life. At the same time, it should be emphasized that the phrase "information-psychological" in the document occurs only twice, in the context of designating the corresponding threats to information security and countering them.

Specific mechanisms for counteracting destructive information and psychological impact are disclosed in a number of federal laws. For example, Federal Law N 479-FZ of 05.12.2022 amended the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of establishing responsibility for actions related to the promotion of non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment, including using the mass media information.⁹⁷ The Law "On Counteracting Extremist Activity" provides for liability for the public dissemination of extremist materials, including public knowingly false accusation of a person holding a public position in the Russian Federation or a public position in a constituent entity of the Russian Federation.⁹⁸

⁹⁷ Federal Law N 479-FZ of 05.12.2022 On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (accessed 06.03.2023)

⁹⁸ Federal Law N 114-FZ of July 25, 2002 "On Counteracting Extremist Activity" (as amended and supplemented). URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 06.03.2023)

The Law "On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence" contains a number of provisions aimed at counteracting the production and dissemination of manipulative information. In particular, it is provided that materials produced and (or) distributed by a foreign agent, including through the mass media and (or) using the Internet, must be accompanied by an indication that these materials (information) are produced, distributed and (or) sent by a foreign agent, or relate to the activities of such an agent.⁹⁹

In 2019, amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation were adopted, providing for liability for the dissemination in information and telecommunication networks, including on the Internet, of information expressing in an indecent form a clear disrespect for society, the state, the official state symbols of the country, or public authorities.¹⁰⁰ In the same year, amendments to the law "On Information, Information Technologies and Information Protection" were adopted, aimed at combating the spread of misinformation. In particular, it provides for the introduction of restrictions on access to information and blocking of information resources that contain unreliable socially significant information that poses a threat of harm to the life and (or) health of citizens, property, a threat of mass disruption of public order and (or) public safety.¹⁰¹

After the start of the Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, Russia faced large-scale information and psychological attacks related, among other things, to the massive distribution of information materials aimed at discrediting the actions of the Russian armed forces. As a preventive measure, in December 2022, amendments were adopted to the Criminal Code of

⁹⁹ Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ "On control over the activities of persons under foreign influence". URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 06.03.2023)

¹⁰⁰ Federal Law N 28-FZ dated March 18, 2019 "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (accessed 06.03.2023)

¹⁰¹ Federal Law "On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated March 18, 2019 N 31-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (accessed 06.03.2023)

the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, providing for liability for public actions aimed at discrediting the use of the Russian Armed Forces in order to protect the interests of the country and its citizens, maintain international peace and security, including public calls to prevent the use of the Armed Forces for these purposes.¹⁰² In addition, in March 2023, amendments were introduced to the State Duma on criminal liability for discrediting all participants in a special military operation, including volunteer units. According to Vyacheslav Volodin, "Any public dissemination of deliberately false information, as well as public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation, volunteer formations, organizations and persons that assist in the fulfillment of the tasks assigned to the RF Armed Forces, are unacceptable."¹⁰³

Despite the fact that in Russia there is no concept of «information and psychological security» in federal official documents, considerable attention is paid to protection against malicious information and psychological impact in Russian legislation. In addition, issues of ensuring security in the information sphere are the subject of state policy at the level of subjects of the Russian Federation.

So, for example, in February 2023, the Concept of information security of the executive bodies of state power of St. Petersburg was approved.¹⁰⁴ The document for the first time in Russia at the official level uses the concept of "information-psychological and cognitive security" (IPCS), which is considered as a component of the information security system. Providing IPKB is carried out when predicting, detecting and evaluating information and psychological threats;

¹⁰² Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated March 25, 2022 N 63-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412674/ (accessed 06.03.2023)

¹⁰³ Krasilnikov S. Amendments were made to the State Duma on responsibility for discrediting participants in the NWO // Tass. 03/01/2023. URL: <https://tass.ru/politika/17166039> (accessed 06.03.2023)

¹⁰⁴ The concept of information security of the executive bodies of state power of St. Petersburg. Administration of the Governor of St. Petersburg N 07-139-1984 / 23-0-0 of 02/07/2023

countering the use of information technology to promote extremist ideology, the spread of xenophobia, ideas of national exclusivity in order to undermine sovereignty, political and social stability, forcibly change the constitutional order, violate the territorial integrity of the Russian Federation and destroy traditional Russian spiritual and moral values.

In the list of information security threats listed in the Concept, attention is drawn to information security threats associated with the use of social engineering methods, which is understood as a method of manipulating the thoughts and actions of people based on psychological characteristics. Thus, the concept of information security of the executive authorities of St. Petersburg, in addition to the ideological and media sphere of information and psychological confrontation, adds a third sphere related to the use of cognitive features of information consumption.

If we turn to the question of the principles of ensuring information security in integration associations with the participation of Russia, it is necessary to emphasize the inextricable link between the technical and information-psychological aspects of cybersecurity. In June 2006, the Shanghai Cooperation Organization was one of the first regional organizations to formally establish the priority of cooperation in the field of international information security. At the SCO summit in Shanghai, the heads of the member states in a joint statement recorded the high role and importance of information and communication technologies in human activity, their impact on the formation of the global information environment, as well as the importance for the political, defense, sociocultural and other components of national security, as well as common system of international security and stability.¹⁰⁵ The document highlights the growing threats to the civil and military spheres of international security associated with the use of ICT for criminal, terrorist and military-political purposes, which are associated with severe political and socio-economic consequences for individual

¹⁰⁵ Statement of the heads of the SCO member states on international information security. 06/15/2006. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/20060615/44820.html> (accessed 10.03.2023)

countries, regions and the world as a whole, up to destabilization public life of states.

In the Agreement between the governments of the SCO member states on cooperation in the field of ensuring international information security, the latter is considered as an important factor in ensuring state sovereignty, national security and socio-economic stability. At the same time, the list of threats to information security includes the development and use of information weapons, the preparation and conduct of an information war; dissemination of information that harms the socio-political and socio-economic systems, spiritual, moral and cultural environment of other states.¹⁰⁶

The Tashkent Declaration on the 15th anniversary of the Shanghai Cooperation Organization emphasizes the need to supplement national efforts to ensure information security with joint actions of the SCO member states at the bilateral, regional and international levels.¹⁰⁷ At the same time, the unity of this position is obviously based on the orientation of national legislation in this area towards ensuring sovereignty in the information sphere. Thus, in March 2017, the Ministry of Foreign Affairs of China and the State Chancellery of Internet Information of the country published the Strategies for International Cooperation in Cyberspace, which proclaimed Internet sovereignty, the rejection of hegemony on the Internet and the prevention of interference in the internal affairs of other states using information and communication technologies.¹⁰⁸

Within the framework of the SCO, a political platform is being created for joint actions to protect against information threats. The Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the SCO Member States emphasizes the need to

¹⁰⁶ Agreement between the governments of the SCO member states on cooperation in the field of ensuring international information security. 06/16/2009. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (accessed 10.03.2023)

¹⁰⁷ Tashkent Declaration of the 15th Anniversary of the Shanghai Cooperation Organization. 06/24/2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5094> (accessed 10.03.2023)

¹⁰⁸ International Strategy of Cooperation on Cyberspace. 03/01/2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm (accessed 10.03.2023)

create a system for monitoring possible threats in the global information space and counteracting them.¹⁰⁹

The development of modern information and communication technologies plays a significant role in ensuring information security. In this sense, the BRICS format has become one of the most prominent international platforms for cooperation in the field of ensuring international information security. The Concept of Russia's participation in the BRICS association among the main goals in the field of international security indicates cooperation with the BRICS member states to counter the use of ICT for military-political, terrorist and criminal purposes, as well as for purposes that are contrary to ensuring international peace, stability and security.¹¹⁰ In August 2019, in order to develop international cooperation in the field of building a new secure network platform, the next generation of mobile communications, industrial Internet and artificial intelligence, a branch of the BRICS Institute for the Study of Future Networks «BRICS Future», which is part of the BRICS Network University, was opened in China, uniting higher education institutions of the BRICS member countries.¹¹¹

The Xiamen Declaration of the leaders of the BRICS countries of September 4, 2017 recorded the paramount importance of the principles of state sovereignty, political independence, territorial integrity and sovereign equality of states, non-interference in the internal affairs of other states and respect for human rights and fundamental freedoms.¹¹²

As a result of the meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the BRICS countries in June 2018, South Africa adopted the Johannesburg Declaration, which

¹⁰⁹ Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. 06/10/2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (accessed 10.03.2023)

¹¹⁰ The concept of participation of the Russian Federation in the BRICS association. 02/09/2013. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (accessed 10.03.2023)

¹¹¹ A branch of the BRICS Institute for the Study of Future Networks has opened in South China. 08/07/2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23406> (accessed 10.03.2023)

¹¹² Xiamen Declaration of the leaders of the BRICS countries. 09/04/2017. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc> (accessed 10.03.2023)

emphasizes the danger of new challenges and threats associated with the growing use of ICT for criminal purposes by state and non-state actors, as well as the importance of developing under the auspices of UN Rules, Norms and Principles for the Responsible Behavior of States in the Information Space.¹¹³

In general, researchers point to the commonality of the approaches of the SCO and BRICS states to ensuring information security, which was clearly manifested in the Russian draft resolutions adopted at the 73rd session of the UN General Assembly "Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security", as well as "Counteraction to the use of information and communication technologies for criminal purposes». These projects accumulated the ideas previously reflected in the final documents of the summits of these associations and opened a qualitatively new stage in the discussion of international information security issues at the UN level.¹¹⁴

Joint statements and documents adopted at the level of the SCO and BRICS when considering information security issues are characterized by an appeal to national security principles in this area, therefore, joint efforts to counter malicious information and political influence are based on the unity of goals in the field of national interests and sovereignty in information security. environment. For example, following the meeting of the SCO Group of Experts on International Information Security, held on July 13, 2022 in Tashkent, the need for depoliticized practical cooperation was noted in order to further strengthen the potential of the SCO member states to effectively prevent and neutralize emerging threats to collective security in the information sphere.¹¹⁵

¹¹³ Johannesburg Declaration of the Tenth BRICS Summit. 07/26/2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5323> (accessed 10.03.2023)

¹¹⁴ Boyko S.M. Problems of international information security on the platforms of the SCO and BRICS // International life. 01/23/2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21480> (accessed 10.03.2023)

¹¹⁵ Media announcement on the results of the meeting of the SCO Group of Experts on International Information Security. Tashkent, July 13, 2022 URL: <http://rus.sectSCO.org/news/20220719/855125.html> (accessed 10.03.2023)

In July 2021, the Report of the Group of Governmental Experts on Promoting Responsible Behavior of States in Cyberspace in the Context of International Security was published.¹¹⁶ UN experts point to malicious information and communication activities by persistently threatening entities, such as states or other entities, that can pose a significant risk to international security and stability, economic and social development, and the security and well-being of individuals. In addition, the body of the report highlights that States and other actors are actively exploiting the more complex and multifaceted capabilities of ICTs for political and other purposes. Moreover, there is an increase in the malicious use by states of covert information campaigns using ICT to influence the processes, systems and overall stability of another state. Such actions undermine confidence, could escalate the situation and threaten international peace and security.

From the above data, it clearly follows that at the national and international level there is a process of conceptualization of issues related to ensuring information and psychological security, which is an integral part of cybersecurity. The information-psychological sphere, first of all, focuses on the protection of the worldview, ideological, spiritual and moral foundations of public life and is inextricably linked with control over the media space, dissemination and consumption of information. At the same time, the modern development of technologies makes it possible to effectively influence public opinion and the psyche of an individual, thereby forming a set of challenges and threats to the national and public security of states and unions.

Regardless of what value-oriented attitudes certain subjects of international relations adhere to, the basic principles of ensuring information and psychological security are now quite universal in nature and include the following main components:

¹¹⁶ Report of the Group of Governmental Experts on Promoting Responsible Behavior of States in Cyberspace in the Context of International Security. UN General Assembly. 06/14/2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1423809/ (accessed 10.03.2023)

worldview - fundamental values and principles of public life, commonality of ideological aspirations and sociocultural experience;

media - control over the production and dissemination of information, counteracting destructive and malicious informational influence and propaganda;

cognitive - countering the consumption of destructive information by using the achievements of modern information and communication, social and cognitive technologies.

It is this triad that underlies our theoretical and methodological model for ensuring information and psychological security, which we will present in the next part of our work.

Chapter 2. Theoretical and methodological model of information and psychological security

Security in the most general sense is an integral part of all aspects of human life: from labor protection to space security, from ensuring technological sovereignty and control over the national information space to the development of strategic systems of public and national security. In this sense, based on the understanding of danger as a combination of real or potential challenges, in which external and internal factors can disrupt the functioning of the socio-political system and the human life world, against the backdrop of the unfolding fourth in the industrial history of mankind, the industrial revolution, the processes of deep digitalization are significantly increasing the value of the information-psychological component of security.

In the modern world, one of the key characteristics of the security phenomenon is the shrinking chronological distance between constantly improving technical means and technologies that give rise to various kinds of challenges and threats and the means that provide the possibility of neutralizing them.

The solution to the problem of ensuring information and psychological security is based on theoretical ideas about the global information space, which appears as an arena of international confrontation and conflicts using information and psychological operations, procedures, methods of influence and threats. Information and information technologies permeate all spheres of modern society - both in peacetime, and in periods of strategic competition, and in wartime. Since the early 2000s advanced information technologies designed for the rapid exchange, processing and analysis of data have had a significant impact on the nature of international relations. Today, the concepts of confrontation in the information sphere occupy one of the central places in the strategic documents of many states and international organizations. Information warfare is a special element of modern strategic thinking, in which information impact is seen as a

means of expanding the dominance of one actor and reducing the influence of opponents.

For example, in the National Security Strategy of the Russian Federation, «the development of a secure information space, the protection of Russian society from destructive information and psychological impact» is one of the eight key national interests, in addition, the document notes that "The rapid development of information and communication technologies is accompanied by an increase in the likelihood of threats to the security of citizens, society and the state. The use of information and communication technologies is expanding to interfere in the internal affairs of states, undermine their sovereignty and violate territorial integrity, which poses a threat to international peace and security. The number of computer attacks on Russian information resources is increasing."¹¹⁷

The US Cyber Strategy emphasizes: "Protecting America's national security and promoting the prosperity of the American people are top priorities. Securing cyberspace is fundamental to both endeavours. Cyberspace is an integral component of every aspect of American life, including our economy and defense... The United States will use all appropriate tools of national power to expose and counter the flow of malicious online influence and information campaigns, as well as non-state propaganda and disinformation."¹¹⁸

The EU Cyber Strategy notes: "Cyber security is an integral part of the security of Europeans. Whether it's connected devices, power grids or banks, airplanes, government offices or the hospitals they use or frequent, people deserve to do it with the assurance that they're safe from cyberthreats. The EU economy, democracy and society are more than ever dependent on secure digital tools and

¹¹⁷ Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (accessed 06.02.2023)

¹¹⁸ National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed 06.02.2023)

connectivity. Thus, cybersecurity is essential to building a sustainable, green and digital Europe."¹¹⁹

The Information Age has changed society, allowing people to interact digitally, but at the same time, certain motivated actors can use targeted mass influence to achieve their political goals. In addition, we are talking not only about malicious actions in the information space, conducting special information and psychological operations during military conflicts and in peacetime, but also about the formation of an appropriate discourse in the public information space, which can influence the worldview foundations of the life of society and alignment of forces in strategic competition.

In the VI century BC. the famous Chinese philosopher and military theorist quite accurately formulated the fundamental principles of information-psychological confrontation:

- Decompose everything good that is in the country of your enemy.
- Undermine the prestige of the enemy's leadership and expose it at the right time to public disgrace.
- Kindle quarrels and clashes among the citizens of a country hostile to you.
- Incite the youth against the old.
- Interfere by all means with the work of the government.
- Bind the will of enemy warriors with songs and music.
- Do your best to devalue the traditions of your enemies and undermine their faith in your gods.¹²⁰

As some modern researchers point out, «information-psychological confrontation occurs in absolutely all spheres of public life: economic, social,

¹¹⁹ Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed 06.02.2023)

¹²⁰ Sun Tzu. Art of War. Fundamentals of Chinese military strategy. St. Petersburg: 2016. P. 23.

political, spiritual and cultural, diplomatic, and actually in the military sphere. Therefore, in modern conditions it is extremely important that Russia does not remain aloof from modern information technologies and at the same time retains its unique identity, its traditions, its worldview, its emotional and psychological originality and would be psychologically immune to views and ideas alien to it.¹²¹

Based on the definition of "information-psychological confrontation" given in the previous part of our work, by *information-psychological security* we will understand the state of protection of the existing system of public opinion formation and decision-making in the state, as well as the psyche of officials, public figures and the population from destructive ideological and the psychological impact of an organized or discursive nature.

The model of ensuring information and psychological security includes the following components: ideological, media, cognitive.

§2.1. The ideological component of information and psychological security

It should be clearly understood that the practice of information-psychological confrontation is by no means limited to propaganda and special information-psychological operations, although they often act as its main tool. The main object of the information-psychological confrontation, in its broadest sense, is not just a person, a team, society as such, but their spiritual activity, which is embodied in the worldview, ideology, system of values and norms, as well as group and individual behavior determined by them. According to some researchers, a worldview is not a simple set of knowledge, assessments and beliefs; in its formation, along with rational mental activity, human emotions play a significant role in combination with a worldview and worldview. Therefore, "a

¹²¹ Ososkov G.V. Information and psychological confrontation as the most important function of military-political bodies in organizing military-political propaganda and agitation // Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces. 2020. N 3. P. 16.

worldview is a kind of synthesis of various features of a person's spiritual activity, the emotional and psychological side of which (at the level of moods, experiences, feelings) is the worldview, and the worldview is the cognitive-intellectual side of the worldview, which determines the method and nature of human mental activity."¹²²

In the worldview, its rational and emotional components are organically intertwined, organically linked, and also closely related to social values and norms, which together determine individual and group behavior. A significant role in this process is played by the mechanisms of social reinforcement, economic, legal and social nature. In the middle of the 20th century, the American sociologist Robert Merton, studying the social factors of deviant behavior, pointed out the discrepancy between the proclaimed social values and development goals and institutionalized norms and means of achieving them as the main reason for its occurrence.¹²³ As a result of such a discrepancy, members of society lose the mechanisms of social reinforcement of a certain type of behavior, which forces a person to either abandon the goals and values offered by society at the level of individual consciousness, or achieve them by means other than those offered by society. Therefore, it is no coincidence that the organizers of the "color revolutions" in the post-Soviet space in the media space used the theme of blatant corruption as opposed to the officially proclaimed rule of law and equality of all citizens, regardless of social status before the law.

This kind of ideological contradictions open up wide opportunities for external manipulation using propaganda and disinformation, which dictates the need to develop preventive mechanisms and methods for ensuring information and psychological security.

¹²² Information-psychological and cognitive security. Collective monograph / Ed. I.F. Kefeli, R.M. Yusupov. Saint-Petersburg, 2017. P. 197.

¹²³ Merton R. Social structure and anomie //Sociology of crime (Modern bourgeois theories). Moscow, 1966. P. 299-313

Being woven into the modern processes of globalization, value and worldview attitudes can have a significant impact on international relations.

¹²⁴According to V.P. Bransky, the worldview social ideal, as an image of the desired asymptotic state of society, largely determines the behavior of the state in the international arena, reinforcing internal unity and providing the basis for purposeful collective action through the appropriate social institutions that support the system of social values and norms.¹²⁵

In this sense, the ideological component of information and psychological security in the space of international relations plays the role of a factor of strategic competition.

Strategic competition is a long-term struggle between states for their national interests, which lies in the range between two dichotomous poles: cooperation and conflict. The sharpness of strategic competition is especially evident in the context of the desire of some states to preserve the existing world order and others to change it. Actors of strategic competition gain advantages when they are able to use all elements of national power: diplomatic, informational, military and economic.¹²⁶ However, success largely depends on the effective use of the information environment, which allows the projection of national power on a global scale, solving the problems of deterrence, coercion, building confidence and inciting action.¹²⁷

The complexity of the modern competitive environment is determined by the rapid development and widespread use of Internet technologies and social networks. The way in which competition is carried out in the information

¹²⁴ Vykhodets R.S. Globalism and regionalization as the choice of an epoch. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. 2007. Vol. 13. N 36. P. 13-18.

¹²⁵ Bransky V.P., Pozharsky S.D. *Globalization and synergetic historicism. Synergistic theory globalization*. Saint-Petersburg, 2004. 395 p.

¹²⁶ Cordesman A., Hwang G. *Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, September 28, 2020. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200702_Burke_Chair_Chinese_Chronology.pdf (accessed 06.02.2023)

¹²⁷ Blechman B., Kaplan S. *Force Without War: US Armed Forces as a Political Instrument*, Washington, DC: Brookings Institution, 1978. P. 27.

environment is quite different from how it is done in other areas. It includes a fairly wide arsenal of means, from soft power to tools of hybrid warfare, and the main goals are most often the human worldview, psyche and behavior, the tools are ideas, and the means of protection are values, norms, beliefs and traditions.

The theoretical foundations of the concept of "hybrid warfare" were formulated by J. Mattis and F. Hoffman.¹²⁸ A hybrid war implies the simultaneous use of a combination of methods to influence the enemy: military, diplomatic, economic, information-psychological and information-technical.

On December 1, 2015, the NATO Foreign Ministers Council adopted the Alliance's Strategy for Countering Hybrid Warfare, which defines "hybrid warfare" as tactics that do not involve the overt use of conventional military means. It includes propaganda and disinformation, methods of economic pressure, as well as the covert use of special forces.¹²⁹ Other near-NATO experts define hybrid warfare as "the interaction or fusion of conventional and non-traditional instruments of force and instruments of subversion, synchronously mixed to exploit the enemy's vulnerabilities and achieve a synergistic effect."¹³⁰

As I.N. Panarin, along with cyber attacks, information operations aimed at disrupting the state system of communication, data exchange and decision-making, economic pressure, an important tool of hybrid warfare are "psychological operations aimed at suppressing the moral and psychological state of the population and the fighting spirit of the personnel of the enemy's Armed Forces, creating an atmosphere of distrust in society and the formation of motivation for

¹²⁸ Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005 Vol. 132. Issue: November. P. 18-19.

¹²⁹ Rühle M., Roberts C. Expanding NATO's tools to counter hybrid threats // NATO Review. March 19, 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/03/19/rasshirenie-instrumentariya-nato-dlya-protivodejstviya-gibridnym-ugrozam/index.html> (accessed 07.02.2023)

¹³⁰ Bilal A. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and 'Trust' as the Antidote. November 30, 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (accessed 07.02.2023)

destructive actions.¹³¹ Despite the fact that the domestic expert does not directly indicate this, it is obvious that the implementation of the tasks indicated by him directly depends on actions in the media space. In this sense, propaganda and disinformation, as well as methods of dealing with them, are the cornerstone of the concept of hybrid wars.

In the context of a hybrid war, one of the tools of information and psychological confrontation at the worldview level is the policy of «controlled chaos». One of its theorists, S. Mann, argues that the world is doomed to be chaotic, since the variety of actors in a rapidly changing political and social system have different goals and values. If the system is purposefully transferred to a state of "political criticality", then it will inevitably plunge itself into the cataclysms of chaos and reorganization.¹³²

Since the publication in 1990 of the famous work of J. Nye "Bound to Lead: The Changing Nature of American Power", in which he officially presented his concept of soft power «to the general public, tons of literature have been written on this topic. And today, soft power is seen as an essential element of foreign policy and competition in the international arena. In theoretical terms, soft power includes the whole range of humanitarian cooperation, education, science, values, lifestyle, etc. For example, the international consulting company Brand Finance, based on the results of its large-scale research, which involves about 100 thousand respondents around the world, annually publishes a report called «Global Soft power index». In it, «soft power» includes seven main components, each of which contains indicators that reveal its instrumental nature:

business and trade - ease and convenience of doing business, a strong and stable economy, products and brands that are successful in the world, the potential for economic growth);

¹³¹ Panarin I.N. Gladiators of hybrid war // Economic strategies. 2016. N 2. P. 64.

¹³² Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought. 1992. URL: <https://archive.org/details/1992Mann/page/n7/mode/2up> (accessed 15.02.2023)

political governance - leaders with international respect, political stability and good governance, high ethical standards and low corruption, protection and security, respect for the law and human rights;

international relations - diplomatic influence, assistance to other countries, actions to protect the environment, good relations with other countries;

culture and heritage - influence in the field of arts and entertainment, global recognition of elements of national cuisine, attractiveness for tourists, rich historical and cultural heritage, attractiveness of lifestyle, leadership in sports;

media and communications - ease of communication with people living in the country, external interest in events related to the country, influence and trust in national media;

education and science - leadership in science, the strength and authority of the education system, innovative technologies and high-tech companies;

people and values – generosity, friendliness, trust, tolerance and inclusiveness.¹³³

The effectiveness of the implementation of soft power depends on the attractiveness of the country, its political, economic and socio-cultural models, its contribution to world development and the solution of global problems, orientation to the future, progress and innovation. A positive perception of the country's image by external audiences makes it possible to achieve political goals. One of the world's largest experts in the field of national branding S. Anholt has developed a rating system " Good Country Index «, which aims to measure how much each country contributes to the common good of humanity and what it takes away, in relation to its size. The Good Country Index does not measure what countries are doing internally, it only looks at each country's external impact on the world. Its key components are: science and technology, culture, peacekeeping and international security, world order and humanitarian issues, climate and

¹³³ Global Soft Power Index. 2022. Electronic resource]. URL: <https://branddirectory.com/softpower/> (accessed 15.02.2023)

environment, prosperity and equality, health and well-being.¹³⁴ In relation to the topic of our study, the idea of assessing the contribution of countries to the global good is of interest, primarily because S. Anholt, when developing Good Country Index pointed out that public opinion regarding the perception of the image of a particular country is very often manipulative in nature and can be distorted by the media agenda. J. Nye in his work "Soft power. Means of achieving success in world politics" pointed out that the policy of soft power, in achieving political goals in international competition, can serve as a means of finely reconfiguring society, when people living in this society are forced to believe in the recommended "good", which, in reality, is not good for them, but, on the contrary, harms them.¹³⁵

Developing this idea, some authors point out that in the process of practical implementation of the concept of "soft power" in the real practice of international relations, it turns into a tool of information and psychological influence and is most often implemented through the tactics of "salami", that is, the consistent partial infliction of damage to the enemy in one or more areas (economic sanctions and blockades, initiation of doping scandals in sports, educational expansion, the imposition of an unacceptable lifestyle, culture and art).¹³⁶

According to De Martino, one of the tendencies "actualizing soft power» is the growing role of public opinion. The spread of democracy and the information technology revolution are two key factors that constantly contribute to strengthening the role of public opinion, both at the national and international levels."¹³⁷ Modern international political practice is replete with examples when, under the guise of humanitarian cooperation, the spread of democracy, the protection of human rights and freedoms, destructive concepts are purposefully

¹³⁴ Good Country Index. URL: <https://index.goodcountry.org/> (accessed 15.02.2023)

¹³⁵ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004. 208 p.

¹³⁶ Karayani A.G., Karayani Yu.M. Information and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm // *National Psychological Journal*. 2021. N 1. P. 10.

¹³⁷ De Martino M., Barnashov O.V. Historiographic review of some critical approaches to the concept of "soft power" by J. Nye // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N.I. Lobachevsky. 2020. N 4. P. 43.

promoted that harm national self-consciousness, identity, the foundations of the constitutional order and socio-political stability. Often, media, non-profit organizations, and academic grant programs become agents of such influence. So, for example, in February 2023, Josep Borrell announced the active support of Russian media-foreign agents. The head of EU diplomacy stressed: «We are on the side of Russian independent media, human rights defenders and civil society. I cannot reveal the details, but believe me, we support them not only in words, but also in practice.»¹³⁸

Therefore, at the national level, appropriate protective mechanisms are required to counteract possible malicious influences. However, this comes with significant difficulties. First, attempts to protect oneself from any external influence threaten with autarky and the risk of being on the sidelines of world development. In addition, the effect of such a negative influence is not immediately noticeable. For example, after the start of the Special Military Operation on the territory of Ukraine and the massive imposition of sanctions by the collective West, a significant outflow of the population was recorded in Russia. According to Rosstat, in the first half of 2022, about 420,000 people left the country, which is almost twice as many as in the same period in 2021.¹³⁹

Secondly, the assessment of the degree of good and evil that this or that external influence brings with it in a democracy and freedom of speech is always subjective and debatable and requires a certain amount of time for more or less balanced assessments. So, for example, in Russia, the collapse of the USSR is still a tragedy and a major geopolitical catastrophe for some, while others consider this event as an undoubtedly positive and inevitable step on the path of the Russian people to freedom and democracy.

¹³⁸ The EU is actively helping Russian media-foreign agents, admitted Borrell. 02/07/2023. URL: https://ria.ru/20230207/es-1850317196.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (accessed 15.02.2023)

¹³⁹ Rosstat. Socio-economic situation in Russia. January-July 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (accessed 15.02.2023)

To avoid these difficulties in our work, when considering the ideological component of information and psychological security, we will take the classical realistic positions of political science, which assume that key national priorities, including in the ideological sphere, are determined by the political elite, articulated in public statements by politicians and are recorded in the relevant strategic documents. The negative impact of certain external influences is assessed based on the extent to which it is directed against the formulated priorities and destabilizes the internal socio-political situation.

As the main methods of destructive information and psychological impact in the worldview sphere, the following can be distinguished:

the formation of a negative perception of the object of influence in the broadest sense;

undermining basic social institutions;

undermining national identity and value systems;

undermining belief in the existence of truth and fact.

The main tools are: discrediting political leaders, public figures, athletes, values and way of life, undermining social trust and cultivating a «post-truth» worldview.

To ensure information and psychological security at the worldview level, several important aspects should be pointed out:

Fixing the value priorities of development in strategic documents. Their clear articulation creates a system of value orientations for a wide range of political and socio-cultural processes in society. For example, in the National Security Strategy of the Russian Federation, one of the 9 components of ensuring national security is the protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. Spiritual and moral values include life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its destiny, high moral ideals, a strong family, creative work, the

priority of the spiritual over the material, humanism, mercy, justice, collectivism, mutual assistance and mutual respect, historical memory and continuity of generations, the unity of the peoples of Russia.¹⁴⁰

The US National Security Strategy contains a worldview focus on American global leadership, promoting democracy, opening markets, and resisting autocracies.¹⁴¹

Creation of a system of social reinforcement containing incentives for choosing the necessary worldview positions and supporting the desired type of behavior. Examples of positive social reinforcement are various kinds of grants for scientific and educational projects and non-profit organizations, the introduction of special educational programs and scientific disciplines in the educational process, increasing the public prestige of certain actions, regional and national competitions focused on value development priorities, etc.

An image policy that includes a wide range of national development priorities, a key vision of social progress offered within the country and the rest of the world, a system for promoting social and state achievements among internal and external audiences. Today, in the system of evaluating the effectiveness of the image policy, many experts include such criteria as the country's ability to participate in solving global problems, the core values that are transmitted to the rest of the world, orientation towards future progress and innovation.¹⁴²

A vivid example is the race for leadership in the development of a vaccine against COVID 19 and the widespread campaign to discredit the achievements of Russian doctors, who were the first in the world to create the Sputnik vaccine.

¹⁴⁰ Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee f6d046da8060/ (accessed 06.02.2023)

¹⁴¹ National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 06.03.2023)

¹⁴² Vasilenko I.A. Image strategy of Russia in the context of world experience. Moscow, 2013. P. 50-63.

§2.2. Media component of information and psychological security

In the context of the ever-increasing importance of the information environment, target audiences live in a world oversaturated with information. This requires a truly cognitive, psychologically driven approach to persuasion, influence, and motivation. The need to understand the mental driving forces that lead to the development of the most effective methods for delivering information that is trusted by the target audience is becoming increasingly important.

The main resource of information is its carriers. Today, anyone can transmit information around the world using a variety of platforms and channels, which provides adversaries and competitors with easy access to citizens of other countries, opening up wide opportunities for influence. Therefore, to ensure information and psychological security in modern conditions, control over the media space is of particular importance. Experts from the American analytical corporation RAND, in one of their latest reports, based on a study of a large amount of literature and interviews with military experts, presented a classification of actions and motives related to information and operations in the information environment. All actions in this area, in their opinion, can be divided into two large blocks: control over the means of communication (purchase television channels, radio stations, film studios, distribution networks, the use of political and economic influence in the media market, censorship) and the use of propaganda methods (both truth -based and manipulative) and disinformation.¹⁴³

In our further discussions, we will proceed from the recognition of the openness of the modern media space, since today there are a sufficient number of resources and tools to gain access to any source of information and overcome access restrictions and censorship barriers. Therefore, for a constructive and

¹⁴³ Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in US Concepts for Strategic Competition. RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (accessed 06.02.2023)

meaningful analysis of ensuring information and psychological security in the media space, it is not enough to simply state the need to control information carriers and content. For specific and effective actions to stop challenges and threats, a clear understanding of the forms and methods of information and psychological impact is required. Modern conflicts on the territory of Syria and Ukraine, which, according to a number of researchers, are part of a large-scale hybrid war,¹⁴⁴ provide enough voluminous material for analyzing and identifying the specifics of the modern information and psychological in the media space.

The information-psychological confrontation in the media sphere includes two interrelated components: the production and dissemination of information. It should be emphasized that in modern scientific and expert discourse, in the context of discussions about the information and psychological confrontation in the media space, first of all, we are talking about the creation of content that initially pursues manipulative goals. As already emphasized above, propaganda can also consist in the promotion of reliable information, but the possibilities in this area are limited by political control over one or another local information space and influence on Internet resources, and, moreover, different states today have completely different opportunities in this area.. So, for example, the wide popularity of Amanda Kokoeva's interview on the American Fox TV channel News, which, after her words about the shelling of civilians in Tskhinvali by Georgian troops, was immediately interrupted by the presenter.¹⁴⁵ Or mass blocking of pro-Russian channels on YouTube. So, according to some reports, in the months after February 24, 2022, this video hosting removed more than 70,000 videos and 9,000 channels related to the situation in Ukraine for violating content rules, while in an interview Youtube product director Neil Mohan admitted, that most of the deleted videos

¹⁴⁴ Kong W., Marler T. Ukraine's Lessons for the Future of Hybrid Warfare // The National Interest. November 25, 2022

¹⁴⁵ 10 years later: RT recalls how Fox News did not allow those fleeing the war in South Ossetia to speak out. 08/08/2018. URL: <https://russian.rt.com/world/video/543441-fox-news-amanda-kokoeva-osetiya> (accessed 15.02.2023)

presented a pro-Russian version of the events.¹⁴⁶ Therefore, the existing inequality in the possibilities of political control over information resources today is the objective conditions of the information-psychological confrontation. In this regard, we will first of all focus on the production and distribution of misleading and manipulative content, which is initially aimed at overcoming objective political inequality in the information environment.

Production. Today, experts identify several techniques for the production of manipulative content.¹⁴⁷

Making false information is the intentional creation of deliberately false, misleading content. Examples include the publication of fakes (falsified documents and emails, audio recordings of fictitious conversations, as well as fabricated photos and videos).

Misleading content is misleading content that uses existing events, people, or documentary evidence to distort facts. For example, borrowing images from various sources and trying to convey the content of the images as depicting different people or events than the originals. In this case, the content of the images, video or audio recording was not tampered with, as is the case with falsification, but rather was manipulated.

Notably, exposure to more or less fabricated information can significantly affect what people remember and how they process new information. In particular,

¹⁴⁶ YouTube has removed more than 9,000 channels related to the situation in Ukraine. 05/22/2022. URL: <https://news.rambler.ru/tech/48694121-youtube-udalil-bolee-9000-kanalov-svyazannyh-s-situatsiey-na-ukraine/> (accessed 15.02.2023)

¹⁴⁷ Douglas K., Sutton R. The Hidden Impact of Conspiracy Theories: Perceived and Actual Influence of Theories Surrounding the Death of Princess Diana // *Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 148. N 2. P. 210–222; Lieto A., Venero F. Unveiling the Link Between Logical Fallacies and Web Persuasion // *Proceedings of the 5th Annual ACM Web Science Conference*. May 2013. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2464464.2508564> (accessed 07.02.2023); Swedish Civil Contingency Agency. *Countering Information Influence Activities: A Handbook for Communicators*. Karlstad, Sweden. July 2018. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28698.pdf> (accessed 07.02.2023); Kasyuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. Public science. 2021. Issue 1. P. 22-34.

studies show that in the process of processing information, people first tend to trust it, and then either agree with this information or reject it.¹⁴⁸

Thus, exposure to fabricated or inaccurate information can mislead the recipient as to what is true and can increase audience confidence in the fabricated information. In addition, the results of the conducted research show that the peculiarities of presenting information on the Internet also affect its perception. For example, social media users who read misleading comments attached to a preview of a news article tend to rely heavily on the comments to comprehend the content of the story, which can help form or change opinions on a particular topic.¹⁴⁹

Misleading identities - using personas as a credible and/or trustworthy source of information. To do this, in order to authenticate information content, words such as "expert", "witness", "specialist" are used, which distort the perception of the authority and authority of the source of information. When a credible source provides inaccurate information, people are more likely to believe it than when it is provided by a less reliable source. Some researchers indicate the following as characteristics of a source that is perceived as reliable: they have no personal interest in promoting a certain position, they have experience on this issue, homophilia.¹⁵⁰

Also, for the purpose of manipulation, semantic references to non-existent information allegedly published by trustworthy sources can be used, for example, «according to a representative who wished to remain anonymous», «according to a reliable source», etc., without providing a direct link to the original source of information.

¹⁴⁸ Gilbert D., Tafarodi R., Malone P. You Can't Not Believe Everything You Read // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. N 2. P. 221-233.

¹⁴⁹ Rapp D. The Consequences of Reading Inaccurate Information // Current Directions in Psychological Science. 2016. Vol. 25. N 4. P. 281-285.

¹⁵⁰ Ismagilova E., Slade E., Rana N. et al. The effect of characteristics of source credibility on consumer behavior: A meta-analysis // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020 Vol. 53. URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0969698918307926?via%3Dihub>
(accessed 07.02.2023)

Obfuscation or obfuscation is the oversaturation of media discourse by spreading many contradictory explanations of the same event, which seriously complicates the verification of facts and creates the impression that there are many competing versions of what happened. One common example of obfuscation is the use by a communicator of multiple accounts or social media accounts to increase the volume of distracting information, which reduces the ability of members of the target group to process it cognitively.¹⁵¹ This method is an alternative to the use of evidence and disinformation, if necessary, to hide involvement in a particular event, or to divert the attention of the audience from it.

Conspiracy theories are the use of metaphorical names of social groups with significant influence, with a pronounced negative connotation in the perception of a certain target group, to indicate the initiator of an event. For example, "world Zionism", "global financial capital", "homosexual lobby", "reactionary regimes". According to some researchers, conspiracy theories are intellectual constructs that seek to explain individual events by bringing order to a wide range of phenomena.¹⁵² Their distinguishing feature is the presentation of "truth" as confidential information available only to a small group of knowledgeable individuals. Some researchers point to the "closed" nature of conspiracy thinking, when the evidence and arguments put forward to refute a conspiracy theory are interpreted as justification for its veracity.¹⁵³ In this sense, conspiracy theories have a unique manipulative effect. If there is an audience inclined to believe in them, they are practically not amenable to factual refutation, since the "conspiracy" is so strong that it controls almost all channels of information dissemination, and thus the very attempt of refutation is rejected by default.

¹⁵¹ Petty R., Brinol P. Psychological Processes Underlying Persuasion: A Social Psychological Approach // *Diogenes*. 2008. Vol. 55. N 1. P. 52-67.

¹⁵² Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // *Diogenes*. 2015. Vol. 62. Issue 3-4. P. 114.

¹⁵³ Lewandowsky S., Cook J., Lloyd E., The "Alice in Wonderland" Mechanics of the Rejection of (Climate) Science: Simulating Coherence by Conspiracism // *Synthese*. 2018 Vol. 195. P. _ 175-196.

Selective use of facts - the manipulative use of factual information, the formation of a sequence of facts to prove a certain point of view. The technological basis of this technique is the priority publication (time and duration of the broadcast, positioning of the publication, the volume of signs, illustrations that attract attention, etc.) of information covering only one interpretation of the event.

Rhetorical fallacies are messages containing erroneous or logically incorrect reasoning, but having a manipulative effect. For example, the use of emotionally colored expressions and hyperbole ("what kind of nonsense?", "he constantly lies", «he is also guilty of the death of Pompeii"). Also used are attacks on the source of information expressing an undesirable point of view, various kinds of distracting techniques.

Appeals to emotion or authority – content that evokes an emotional response from the audience, often at the expense of logic or evidence. For example, the use of images of women and children as victims, scenes of violence and cruelty. According to A.Ya. Kasyuk, the information-psychological impact is based on the non-critical perception of information by the objects of influence, it is directed to the emotional sphere of consciousness. The condition for the effectiveness of this method of information confrontation is a low degree of awareness of the objects of influence.¹⁵⁴ This method includes appealing to fear, anger, sadness, annoyance, happiness, distracting from the facts with emotionally provoking language, or using authority figures to add credibility.¹⁵⁵

Narrative manipulation is the inclusion of an event in a tendentious semantic and semantic sequence that affects the perception of certain information by the target audience. For example, on October 6, 2015, representatives of the Russian Foreign Ministry and the US State Department held briefings on the same topic, the Syrian crisis. The author conducted a content analysis of the words and phrases

¹⁵⁴ Kasyuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Public science. 2021. Issue. 1. From.23.

¹⁵⁵ DeSteno D., Petty R., Rucker D. et al. Discrete Emotions and Persuasion: The Role of Emotion-Induced Expectancies // Journal of Personality and Social Psychology. 2005 Vol. 86. N 1. P. 43-56.

prevailing in the speaker's speech. Narrative for describing the event by the Russian side: operation, information, official, international, state, question, opinion, action, struggle, coalition, reality, contact, UN, terrorism. The American narrative went like this: opposition, attack/raid, ISIS, call, military, airstrike, away, hear, strike, disaster, aware, political, support, defense.

Spreading. In the process of information-psychological confrontation, the dissemination of the necessary information is essential. And in this case, the effectiveness of the impact on the target audience is directly proportional to the ability to control and influence the communication channels. Distribution methods are determined by a combination of subjects and communication models. The subjects can be individuals or legal entities that direct, plan and distribute the necessary information content using communication channels that correspond to a particular target audience. Subjects can be directly affiliated with this or that state, or they can be involved in information and psychological confrontation, while maintaining formal independence, but working out mainly one information agenda.

Today, the following types of actors of informational and psychological confrontation in the media space can be distinguished:

state actors - speeches of state officials in traditional media, official websites and social media accounts of state bodies and officials, special events initiated by state bodies (press conferences, briefings, etc.);

actors openly affiliated with the state - state-controlled television and radio channels, their official websites on the Internet and social media accounts (for example, Russia Today, Sputnik, as well as their foreign divisions;

actors implicitly affiliated with the state - the assignment of traditional media, Internet resources, social media to this category of actors is the most difficult, since on the one hand they may have a formal legal independent status, but on the other hand, the content of the information content they distribute about the presence of a hidden political engagement. For example, the famous dialogue

between Vladimir Putin, then Prime Minister, and the editor-in-chief of one of the well-known radio stations at a meeting on January 8, 2012, at which V. Putin unequivocally reproached the radio station in the person of its representative for working out the national interests of foreign states in the Russian information space. In the socio-political discourse of Germany, there is a neologism "Putinverstehher" (understanding Putin), which refers to persons, organizations, information resources that, with a certain degree of thoughtfulness, common sense and to some extent acceptance, refer to the statements of V. Putin. Other examples include WikiLeaks;

"proxy media" - most often, Internet resources, pages and accounts in social networks with an unidentified affiliation, which contain links to relevant information, perform intermediary functions for the placement and promotion of this or that content, place advertisements, participate in the purchase and sale of likes and comments, organize mass public actions, etc. Examples of proxy media are the so-called "troll factories"¹⁵⁶, thematic channels and chats in instant messengers.

An analysis of the modern practice of information and psychological confrontation allows us to identify several methods aimed at reducing the volume of unwanted information in the media space. The methods of counteracting **production** include state regulation of information content, legislation on the protection of personal data, identity verification in the information space.

State regulation of information content. Today, state regulation methods range from the use of regulatory restrictions on the activities of actors in the media environment (for example, imposing fines, revoking a broadcasting license) to open censorship of content by the state. In general, regulatory methods of content regulation appear to be preferable to direct government censorship. And the point is not only that they are more in line with democratic principles in the field of

¹⁵⁶ Martyanov D.S. Political Bot as a Profession // Political Expertise: POLITEKS. 2016. Vol. 12. N 1. P. 74-89.

human rights and freedoms, but, above all, they allow you to save the necessary resource to promote your own information agenda. Today, in many countries of the world there are specialized institutions, one way or another affiliated with the state, whose tasks include regulating the activities of subjects in the media environment, production and distribution of information content. For example, in the UK there is a government communications office (Ofcom) that regulates broadcasters in the country. The organization has the power to report and make public violations on the air, impose financial penalties on broadcasters or generally revoke their licenses to operate in the UK.¹⁵⁷

In Ukraine, there is a state collegial body, the National Council of Ukraine on Television and Radio Broadcasting, which has fairly broad powers in the field of state regulation of the activities of broadcasting companies. In particular, the body makes sure that 75% of the information content is published in the state language, gives a political assessment of this or that content in terms of its destructive impact on the state and society, which can lead to the revocation of the license, the imposition of fines on broadcasters.¹⁵⁸

In Russia, the functions of control and supervision in the field of mass media are carried out by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), whose powers include checking information messages for compliance with national legislation, as well as imposing restrictions on broadcasting and blocking resources on the Internet.¹⁵⁹ In particular, the organization maintains the Unified Registry of domain names, Internet site page indexes and network addresses that make it possible to identify resources containing information whose distribution is prohibited in the Russian Federation.

¹⁵⁷ Ofcom. URL: <https://www.ofcom.org.uk/> (accessed 12.02.2023)

¹⁵⁸ National Council of Ukraine on Television and Radio Broadcasting. URL: <https://www.nrada.gov.ua/> (accessed 12.02.2023)

¹⁵⁹ Roskomnadzor. URL: <https://rkn.gov.ru/> (accessed 12.02.2023)

Recently, automated systems for monitoring and blocking destructive content on the Internet have been actively developed. So at the beginning of 2023, a message appeared about the launch in Russia of the Oculus automatic search system for prohibited content. The system recognizes images and symbols, illegal scenes and actions, analyzes text in photo and video materials. Oculus automatically detects such offenses as extremist themes, calls for mass illegal events, suicide, pro-drug content, LGBT propaganda. For the implementation and maintenance of the Oculus, the Main Radio Frequency Center subordinate to Roskomnadzor. Prior to the introduction of the system, the GRFC analyzed prohibited content mainly manually. On average, operators processed 106 images and 101 videos per day. Oculus is capable of analyzing more than 200 thousand images per day, which will significantly increase the efficiency of detecting signs of violations.¹⁶⁰

It is noteworthy that in most cases the activities of national bodies implementing state policy in the field of mass media and mass communications are of a protective nature. However, there are examples when state bodies, on the contrary, carry out a targeted policy to overcome national barriers. In the US, for example, there is the Government-controlled Agency for Global Media (USAGM), which operates one of the largest content delivery platforms in the world, from shortwave radio to high-tech encrypted mobile live broadcast. The agency provides anti-censorship technologies and services to journalists and citizens around the world, expanding their ability to access blocked Internet resources and share information.¹⁶¹

State regulation of the information space is designed to ensure the balance of the media environment in accordance with political priorities and current regulatory and legal norms.

¹⁶⁰ Keffer K. Roskomnadzor launched the Oculus search system for prohibited content. February 13, 2023, 2018 URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5825124> (accessed 12.02.2023)

¹⁶¹ USAGM. URL: <https://www.usagm.gov/> (accessed 12.02.2023)

Legislation for the protection of personal data. This safeguard practice aims to reduce the amount of destructive information by developing and implementing data protection legislation governing the collection, transfer and disclosure of personal data. In the context of ensuring information and psychological security, the advantage of personal data protection laws is that it allows you to reduce the degree of detail of market segments. This greatly complicates micro-targeting, the delivery of personalized content in accordance with the preferences of the target audience. Perhaps the most famous and high-profile example of the use of personal data for microtargeting is the Cambridge scandal. Analytica during the 2016 US presidential election campaign. Using the most advanced survey methods and psychometrics, Cambridge Analytica was able to collect a huge amount of data on people who, using economic, demographic, social and behavioral information, helped to understand what each of them thinks. The developed digital model made it possible to carry out profiling of individual voters for the high personalization of political advertising, which clearly demonstrated the high efficiency of using personal data in conjunction with machine learning for political purposes.

Today, in many countries, special measures have been introduced at the legislative level to protect personal data. For example, in May 2018, the General Data Protection Regulation (GDPR) came into force in the European Union.¹⁶² According to it, personal data means any information relating to an identified or identifiable person. The document is intended to provide EU citizens with guarantees of rights in the field of collection, processing and use of their personal data, including names, contact information, financial information, biometric data, and social media data. The law contains the basic principles and procedures for the collection, storage and transfer of personal data, and also provides for liability for its violation.

¹⁶² GDPR. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. 04/27/2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN> (accessed 12.02.2023)

FADP was adopted in 1992, which has undergone numerous changes during its existence, the last of which should come into force in September 2023.¹⁶³

In the UK, in order to implement the GDPR, in 2018 the national data protection law The Data Protection Act 2018 was adopted, which regulates the use of personal information by organizations, businesses and the government.^{164]}

In Russia, the fundamental document regulating the procedure for working with personal data is the Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ «On Personal Data», which regulates relations related to the processing of personal data by public authorities, legal entities and individuals using automation tools, including in information and telecommunication networks.¹⁶⁵

In China, on November 01, 2021, the Law on the Protection of Personal Information, adopted at the 30th meeting of the Standing Committee of the 20th National People's Congress, came into force, which indicates a direct connection between the security of personal data and the relief of threats to state and public interests.

Today, many countries around the world pay increased attention to the protection of personal data regardless of what legal forms it is denounced. For example, in the United States there is no separate law on the protection of personal information. Regulation of this sphere is carried out by a system of legal acts of various levels, including the Constitution; a number of federal laws such as the Privacy Act of 1974 and the Privacy Protection Act of 1980; industry by-laws and information security guidelines (U.S. Department of Commerce Information Security Guidelines, U.S. Customs and Border Protection Data Sharing); state legislation. In April 2010, the National Institute of Standards and Technology,

¹⁶³ FADP. The Federal Assembly of the Swiss Confederation. 06/19/1992. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en (accessed 12.02.2023)

¹⁶⁴ The Data Protection Act 2018. 05/23/2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (accessed 12.02.2023)

¹⁶⁵ Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ "On Personal Data". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (accessed 16.04.2023)

together with the US Department of Commerce, issued a Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information, which contains¹⁶⁶ general recommendations for the protection of personal data, as well as numerous organizational, technical and legal aspects.

One of the most authoritative international documents in the field of personal data protection is the Council of Europe Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data.¹⁶⁷ Its principles apply to any data processing carried out by both the private and public sectors, including data processing by judicial and law enforcement authorities. The Convention aims to protect people from the abuse that may accompany the processing of personal data, while at the same time regulating cross-border flows of personal data. In 2018 and 2001, additional protocols were adopted to the Convention regarding the use of new information and communication technologies in the processing of personal data, cross-border data flows to countries that are not parties to the Convention, and the mandatory establishment of national supervisory authorities for data protection. Today, many countries of the world, when forming a national system for the protection of personal data, are guided precisely by this document.

We emphasize once again that the legislation on the protection of personal data is one of the cornerstones for ensuring information and psychological security, since it is an effective tool to reduce the amount of malicious information in the media environment.

Verification of personality in the information space. From the point of view of ensuring information and psychological security, identity verification in the media space, primarily on the Internet, can significantly reduce the amount of new

¹⁶⁶ Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information. April 2010. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-122.pdf> (accessed 12.02.2023)

¹⁶⁷ Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Strasbourg, 28 January 1981. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (accessed 17.04.2023)

and re-reproduced destructive information, regardless of whether the person does it intentionally or not. The ability of a communicator to register multiple accounts allows him to increase the amount of generated content, as well as manipulate the opinions of other users through comments and ratings. Today, there are various methods of identity verification in the Internet environment. Some analysts suggest that social networks ensure that their users register with and verify their real names, addresses, or other personally identifiable information.¹⁶⁸ However, such strict requirements have a number of significant limitations, from contradicting the national legislation of some countries in the field of personal data protection (for example, GDPR), to simple unwillingness of people to disclose their personal data, which will inevitably lead to a decrease in the number of users of such an Internet resource. Therefore, passive protection against malicious use of accounts is now more common. Examples of such methods are Internet protocol (IP) address verification, specially designed behaviors on the platform to detect malicious activities and automatically block the accounts from which they are carried out.¹⁶⁹

Experts identify the following most common ways to confirm that people are who they say they are on the Internet:

- special verification tools - registries maintained by government agencies or commercial organizations (for example, banks, mobile operators) containing user data with a problematic history (for example, personal identification numbers, IP addresses);
- access verification – registries of unique device identifiers used to access the Internet, operator payment data, operating system identifiers;

¹⁶⁸ Burns W. Is It Time to Require Identity Verification for Everyone Using Social Media? // Forbes. February 22, 2018 URL: <https://www.forbes.com/sites/willburns/2018/02/22/is-it-time-to-require-identity-verification-for-everyone-using-social-media/?sh=127f2fe08683> (accessed 12.02.2023)

¹⁶⁹ Leiba B., Borenstein N. A Multifaceted Approach to Spam Reduction // CEAS 2004 - First Conference on Email and Anti-Spam, July 30-31, 2004, Mountain View, California, USA. URL: <https://www.ceas.cc/papers-2004/127.pdf> (accessed 12.02.2023)

- behavioral models – analysis of user behavior data to identify problematic behavior patterns (for example, geolocation data, number of clicks, social media profile characteristics, repeated posting of the same content);
- biometrics - fingerprint identifiers, face recognition or voice recognition for registration on various Internet resources (for example, mobile applications of banks)¹⁷⁰.

Another of the promising methods of identity verification on the Internet is actively developing today based on blockchain technology. For example, a few years ago, multinational giants such as Microsoft and Mastercard launched a joint project to develop a «generally recognized digital identity» based on the blockchain.¹⁷¹ The political significance of this technology is also indicated by the fact that the US Department of Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) is actively funding research on blockchain-based verification systems¹⁷².

An important role in ensuring information and psychological security is played by protective practices that prevent the spread of existing false or misleading content in the media environment. When considering specific methods of counteracting the spread of malicious information, it must be taken into account that this can occur both within the framework of a targeted and planned campaign, and discursively, i.e. people can share various kinds of messages without being aware of their negative impact. Some researchers point out that the behavior of people on the Internet can be called "rationally ignorant", which means that they tend to act in their own interests, but at the same time are ignorant and unmotivated

¹⁷⁰ Clark S. Fighting Fraud with Digital Verification Tools // Risk Management, March 1, 2018. URL: <https://www.rmmagazine.com/articles/article/2018/03/01/-Fighting-Fraud-with-Digital-Verification-Tools> - (accessed 12.02.2023)

¹⁷¹ Mastercard, Microsoft Join Forces to Advance Digital Identity Innovations. December 3, 2018. URL: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/mastercard-microsoft-join-forces-to-advance-digital-identity-innovations/> (accessed 12.02.2023)

¹⁷² Galois and Guardtime Federal Awarded \$1.8M DARPA Contract to Formally Verify Blockchain-Based Integrity Monitoring System. September 13, 2016. URL: <https://www.prweb.com/releases/2016/09/prweb13661801.htm>. (accessed 12.02.2023)

in matters that do not directly affect their daily life.¹⁷³ In addition, numerous studies show that the process of familiarizing most people with Internet content is characterized by low concentration of attention, limited time and a narrow range of topics of interest¹⁷⁴, which makes it possible to reduce the spread of false and misleading content by special methods.

To the most common methods of countering **the spread** today existing content include the following: internal content monitoring, content labeling, barriers to publishing and accessing content, flooding.

Internal content monitoring. This approach involves the control of content posted on Internet resources, which includes special bot programs that use artificial intelligence technologies to monitor content, intelligent user interfaces that allow moderators to quickly identify problematic content, volunteer users who review the published content and check it for compliance with certain requirements and standards¹⁷⁵. One of the clearest examples of the use of this method is the content verification system on Wikipedia. So, due to a violation of the internal rules of this resource, it was forbidden to publish information from all IP addresses related to the Church of Scientology¹⁷⁶.

Such practices allow increasing the involvement and trust of the audience through the development of a system of self-government on the platform, as well as self-determination of norms, rules and procedures regarding how users behave. However, this approach has significant limitations, for example, the development of an effective system of internal decentralized content moderation requires a significant amount of time and resources. Therefore, internal content moderation can give positive results in conditions of prolonged information and psychological

¹⁷³ Rahayu R. A Critical Analysis On Margaret E. Roberts (2018), Censored: Distraction And Diversion Inside China's Great Firewall // Journal of Politica. 2020 Vol. 1. N 2. P. 92-102.

¹⁷⁴ Galletta D., Henry R., McCoy S. et al. Web Site Delays: How Tolerant are Users? // Journal of the Association for Information Systems. 2004 Vol. 5. Issue 1.

¹⁷⁵ Halfaker A., Riedl J. Bots and Cyborgs: Wikipedia's Immune System // Computer. 2012. Vol. 45. Issue 3. P. 79-82.

¹⁷⁶ Wikipedia:Requests for arbitration/Scientology. January 27, 2022. URL: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?oldid=1069369576#Scientology> (accessed 12.02.2023)

confrontation and is unlikely to have an immediate impact in the event of planned mass attacks. In addition, the Internet resource requires significant financial costs to create adequate software algorithms for internal monitoring of content or to maintain an effective communication system between moderators in the face of a rapid increase in the number of users. Internet platforms may be reluctant to incur these costs, especially when they are trying to increase their revenue by expanding their audience.

Content labeling. The technique involves the designation of misleading or potentially false content. Its advantage lies in the fact that it allows users to be immediately notified of the possible manipulative and malicious content of certain informational messages. For example, the Russian Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ «On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence» provides that the distribution of printed, audio, audiovisual and other messages and materials intended for an unlimited circle of persons (including using the Internet), and/or participation in the creation of these messages and materials, must be accompanied by an appropriate information message about the creation / distribution of content with the participation of a foreign agent. Similarly, one well-known social network tried to flag content that it believed was false, but later abandoned this practice in favor of a flood, which will be discussed later.

It should be noted that labeling false content does not always have the desired effect. Flagging false content targeting radical target groups can lead to negative consequences for the communicator. Some research suggests that informing such people that content that matches these beliefs is false can cause them to completely ignore such labels and further reinforce their own beliefs¹⁷⁷.

As already noted, social networks today are one of the main channels for the dissemination of disinformation. There is evidence in the scientific literature that providing users with general warnings about the authenticity of messages on social

¹⁷⁷ Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // Political Behavior. 2010. Vol. 32. P. 303-330

networks or adding a preview of informational material with a label about its falsity contributes not only to a decrease in the accuracy of perception of such content, but also distorts the perception of reliable information¹⁷⁸.

Another aspect of the negative effects of content labeling is related to the "sweetness of the forbidden fruit", when flagging that an informational message has been censored draws additional attention to it from the audience. In the special literature on mass communications, this effect is known as the Streisand effect, which is expressed in the fact that attempts to limit public access to certain information only leads to its wider dissemination¹⁷⁹.

A variation of this technique, which is gaining particular popularity in the context of acute information and psychological confrontation, is the public exposure of misleading and fabricated information messages. As a rule, this is carried out within the framework of special programs that can be combined under the general name "Stop Fake". Studies show that this method is more effective than a simple designation of the falsity of an informational message. An extended debunking message that provides alternative causal reasoning motivates the audience to refute the disinformation originally received and reduces its impact¹⁸⁰.

Barriers to publishing and accessing content. This method is based on increasing the time and effort required by users to access content with false or misleading content. Its practical implementation includes increasing the time it takes to load certain websites, downgrading posts on online forums, preferring exposure of some posts over others on social networks, using artificial intelligence

¹⁷⁸ Clayton K., Blair S., Busam J. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact-Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media // *Political Behavior*. 2020. Vol. 42. P. 1073-1095

¹⁷⁹ Jansen S., Martin B. The Streisand Effect and Censorship Backfire // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 656-671.

¹⁸⁰ Chan M., Jones C., Jamieson K. et al. Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation // *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. N 1. P. 1531-1546.

technologies to deprioritize certain content in rankings.¹⁸¹ For example, one social network has tweaked its algorithms to flag content in the News Feed and de-rank certain content that users see. This has led to some criticism of the platform, with media reports that the platform is using artificial intelligence to unfairly assign users scores on their reliability reputation.¹⁸² A few years ago DAPRA launched a media expertise program that funds artificial intelligence research to explore the new realm of deeply fake content.¹⁸³

The method of establishing barriers to publication and access to content, despite its effectiveness, nevertheless, has quite serious limitations. First of all, its public exposure can help reinforce the audience's perception that the elites are censoring information and limiting people's access to it. This, in turn, can lead to a reduction in the audience of Internet resources and stimulate the search for alternative sources of information.

Fluding. The purpose of this method is to divert the attention of the audience from certain content. Flooding can take various forms, depending on what type of information and to what extent is introduced into the information environment. For example, a resource has added a related articles feature to its news feed that feeds new content (i.e., related articles) from sources it believes to be trusted to present alternative opinions that distract users from inappropriate content.¹⁸⁴ There is evidence of the use of flooding by the Chinese government. By some estimates, it contributes to the generation of about 448 million social media comments per year

¹⁸¹ Mosseri A. Working to Stop Misinformation and False News. May 23, 2018. URL: <https://www.wired.com/story/how-facebook-wants-to-improve-the-quality-of-your-news-feed/> (accessed 14.02.2023)

¹⁸² Dvoskin E. Facebook is rating the trustworthiness of its users on a scale from zero to 1. August 21, 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2018/08/21/facebook-is-rating-trustworthiness-its-users-scale-zero-one/> (accessed 14.02.2023)

¹⁸³ DARPA. Media Forensics. December 5, 2018. URL: <https://www.darpa.mil/program/media-forensics> (accessed 14.02.2023)

¹⁸⁴ Su S. New Test with Related Articles. April 15, 2017. URL: Internet Archive. URL: https://archive.org/details/perma_cc_S2A4-PVCR (accessed 14.02.2023)

to divert and redirect public attention away from discussions or events with the potential for collective action that could undermine social and political stability.¹⁸⁵

The undoubted advantage of flooding is to increase users' access to new information, distracting them from inappropriate content, while not resorting to strict censorship and closing the media space. This method is most effective when applied discreetly, with the involvement of various organizations, to encourage users to view various types of content.

The solution to the problem of information **consumption** by target audiences depends, firstly, on the presence of socio-political vulnerabilities of the object of information and psychological impact (socio-economic inequality, ethnic and religious conflicts, corruption, legitimacy of the political elite, etc.), and secondly, the correct choice and use of forms and methods of communication; thirdly, knowledge and effective use of the mental characteristics of the perception of information by people. The last two aspects, in contrast to the first, which characterizes the initial conditions of information and psychological impact and largely determines the content of information content, constitute the methodological core of the cognitive component of information and psychological security.

§2.3. Cognitive component of information and psychological security

The essence of modern information-psychological confrontation is revealed in the use of information technologies and psychological methods of influence. Moreover, the role of information acquires a global character, it acts simultaneously as a goal, a resource and an instrument of competition in the international arena. The psychological component is, on the one hand, a method that determines the effectiveness of the creation, transmission, reception,

¹⁸⁵ King G., Pan J., Roberts M. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument // American Political Science Review. 2017. Vol. 11. Issue 3. P. 484-501.

perception, assimilation, storage and use of information, and on the other hand, it focuses on the importance of cognitive aspects in ensuring security.

An important role in improving the effectiveness of information and psychological efforts is played by the adaptation of the distributed content to specific target audiences, which allows solving the problems of information consumption by the required audiences. The forms and methods of information dissemination themselves can influence how people perceive content.

Social media. Social media is one of the newest and most used channels for disseminating information. Modern research on the features of the dissemination of information through social networks convincingly shows that this communication channel contributes to an increase in the volume of inaccurate and falsified information. So, for example, there is evidence that visitors to fake news sites most often go to them through links from social networks¹⁸⁶. As some researchers point out, the ability of interested forces to use fake social media accounts that make it difficult to verify the authenticity and legitimacy of the source of information stimulates the spread of malicious information and, as a result, increases the number of people exposed to such messages¹⁸⁷. Today, social networks provide any user with powerful tools for using social engineering, embedded advertising, hidden marketing, including advertisements that look like regular posts of other social network users. This promotes message propagation as users are more likely to share information that they believe comes from similar users¹⁸⁸.

Some social media users tend to share inaccurate information with friends and followers, even when they are aware of the possible inaccuracies of the information they share. Despite this, sharing this kind of content that can be used

¹⁸⁶ Nelson J., Taneja H. The Small, Disloyal Fake News Audience: The Role of Audience Availability in Fake News Consumption // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. N 1. P. 3720–3737.

¹⁸⁷ Kim Y., Hsu J., Neiman D. et al. The Stealth Media? Groups and Targets behind Divisive Issue Campaigns on Facebook // *Political Communication*. 2018. Vol. 35. N 4. P. 515–541.

¹⁸⁸ Algarni A., Yue Xe, Taizan Chan. An Empirical Study on the Susceptibility to Social Engineering on Social Networking Sites: The Case of Facebook // *European Journal of Information Systems*. 2017. Vol. 26. N 6. P. 661–687.

as topics of conversation helps to establish a process of communication with other people¹⁸⁹. In addition, special studies have found that the desire to achieve a common understanding of reality largely determines the reasons why people share this or that information on social networks¹⁹⁰. Therefore, reaching a part of the target audience in social networks gives a multiplicative effect.

Personalization. The process of communication in social networks is characterized by the possibility of relatively easy adaptation of information to specific target groups. Tailoring content to the interests and needs of social media user groups increases the effectiveness of communications¹⁹¹. One of the most powerful personalization tools is micro-targeting, the essence of which is to show certain content only to certain people. The micro-targeting system works on the basis of big data and content recommendation based on artificial intelligence technologies, allowing for deep audience segmentation and offering content tailored to the interests of a particular person¹⁹². Personalization of communication in social networks today is one of the main tactics of information and psychological confrontation.

Multimodal communication. Multimodality in modern communication theory implies a kind of combination of several semiotic structures and several communication channels in one information message¹⁹³. In the context of information and psychological confrontation, we are talking, first of all, about the

¹⁸⁹ Chen Xinran, Sei-Chung Joanna Sin, Yin-Leng Theng, Chei San Lee. Why Students Share Misinformation on Social Media: Motivation, Gender, and Study-Level Differences // *Journal of Academic Librarianship*. 2015. Vol. 41. P. 583–592.

¹⁹⁰ Jost J., Napier J., Thorisdottir H. et al. Are Needs to Manage Uncertainty and Threat Associated with Political Conservatism or Ideological Extremity? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. N 7. P. 989–1007.

¹⁹¹ Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. Psychological Targeting as an Effective Approach to Digital Mass Persuasion // *PNAS*. 2017. Vol. 114. P. 12714–12719.

¹⁹² Ghosh D., Scott B. Digital Deceit: The Technologies Behind Precision Propaganda on the Internet. New America, Policy Paper, January 23, 2018. URL: <https://d1y8sb8igg2f8e.cloudfront.net/documents/digital-deceit-final-v3.pdf> (accessed 07.02.2023)

¹⁹³ Kiklewicz A., Sladkiewicz Zh. Multimodality – multimediality – multicanality etc. Alternative forms of the transmission of information as a problem of linguistic theory and terminology // *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*. 2021. FASC. LXXVII. P. 153-173.

use of various communication channels to promote the same content in order to reach different target groups. The effects of multimodality are well studied. Back in the 80s. In the twentieth century, this topic emphasized that the dissemination of a message through multiple sources increases the degree of its influence on the attitude and behavior of the audience, and can also increase the effect of repeated exposure to the audience¹⁹⁴.

The use of different communication channels, including television, print media, radio, live events, internet media, significantly increases the likelihood that an audience will have access to certain messages at all, and exposure to or awareness of a message can increase its potential impact.

Repetitive exposure. Applied studies of the effect of exposure have shown that people's liking for a stimulus increases after repeated exposure to it¹⁹⁵. Therefore, the repeated presentation of the presence of the same stimulus in information messages distributed through various communication channels can increase the audience's sympathy for this stimulus. In addition, re-experiencing a message can also increase its persuasion effect, making it more likely to be accepted by the audience¹⁹⁶. It should be borne in mind that there are limits to the effectiveness of repeated exposure. In particular, overexposure can lead to message fatigue, which is characterized by avoidance, irritation, and counter-argumentation of information received¹⁹⁷.

As noted above, in addition to the technical methods of information dissemination, the effectiveness of information and psychological impact is determined by the ability to use the mental characteristics of information perception in the communication process. Numerous studies in this area allow us to

¹⁹⁴ Harkins S., Petty R. The Multiple Source Effect in Persuasion: The Effects of Distraction // Personality and Social Psychology Bulletin. 1981. Vol. 7. N 4. P. 627-635.

¹⁹⁵ Fang Xiang, Singh S., Ahluwalia R. An Examination of Different Explanations for the Mere Exposure Effect // Journal of Consumer Research. 2007. Vol. 34. P. 97-103.

¹⁹⁶ Cacioppo J., Petty R. Effects of Message Repetition on Argument Processing, Recall and Persuasion // Basic and Applied Social Psychology. 1989. Vol. 10. N 1. P. 3-12.

¹⁹⁷ So J., Kim S., Cohen H. Message Fatigue: Conceptual Definition, Operationalization, and Correlates // Communication Monographs. 2017. Vol. 84. N 1. P. 5-29.

form some idea of the impact of content content on its perception and audience engagement.

An Appeal to Fear. At present, perhaps, the most developed question is about the peculiarities of the perception of information that appeals to fear and threats. Some researchers emphasize that threatening and fear-inducing messages have a high persuasion potential because they evoke a self-defense response in the audience¹⁹⁸. Fear-inducing information encourages the audience to think about threats to themselves personally (for example, threats to values, economic well-being, safety of life and health), including their own individual beliefs and assessments in the communication process. It is assumed that information containing a threat first causes the emotion of fear, and then this fear motivates the behavioral reactions of the audience in accordance with the semantic content of the message. However, it should be emphasized that although such messages may affect some people, their effect is by no means universal¹⁹⁹. Information containing threats is really capable of influencing motives and behavior, but only for that part of the audience that believes in its ability to eliminate this threat.

An important aspect of the influence of information containing threats lies in the plane of social identification. Research shows that people show greater solidarity or strengthen their own identification with social groups in response to collective threats. For example, messages about the strengthening of control over the individual by the state can influence the rallying of the opposition-minded part of society²⁰⁰. In addition, for different people and social threats, the perception of this or that information as a threat is variable. Therefore, targeting information to specific target audiences can increase its persuasive effect. In the West, research in

¹⁹⁸ Rogers R. Cognitive and Physiological Processes in Fear Appeals and Attitude Change: A Revised Theory of Protective Motivation / Social Psychophysiology: A Sourcebook. JT Cacioppo and RE Petty eds. New York: Guilford Press, 1983. P. 153-176.

¹⁹⁹ Peters G.-J., Ruiter R., Kok G. Threatening Communication: A Critical Re-Analysis and Revised Meta-Analytic Test of Fear Appeal Theory // Health Psychology Review. 2013. Vol. 7. N 1. P. 8-31.

²⁰⁰ Fritsche I., Moya M., Bukowski M. et al. The Great Recession and Group-Based Control: Converting Personal Helplessness into Social Class In-Group Trust and Collective Action // Journal of Social Issues. 2017. Vol. 73. Issue 1. P. 117-137.

the field of political psychology, devoted to the peculiarities of the perception of threats by conservative and liberal-minded groups of the population, is quite popular. For example, one such study found that people with more conservative views tend to show stronger behavioral responses and spend more cognitive resources on eliminating negative stimuli, including threats, compared to their more liberal fellow citizens²⁰¹. Therefore, it should be taken into account that the worldview orientation to traditional conservative values increases the degree of influence of messages containing threats on that part of the population that holds such views.

Personal involvement. Turkish psychologist and experimenter in the field of social psychology Mazafer Sherif in the 50-60s. The twentieth century developed his concept of social judgments, in which he studied in detail the issues of perception and evaluation of information by comparing it with currently available individual attitudes. The Sheriff viewed installation as a combination of three ranges: acceptance (the set of ideas that an individual finds reasonable or suggestive); negation (ideas that a person considers unreasonable or controversial); uncertainty (a set of ideas that a person considers neither acceptable nor controversial). A special role in the formation of attitudes and boundaries of the ranges of assessments of this or that information is played by personal involvement, which characterizes how important this or that issue is for a person, whether it is the main one for his well-being, how much he thinks about it, etc. People who have a pronounced personal involvement always hold extreme points of view with a wide range of denial²⁰².

In addition, personal involvement leads to errors in the perception of information, which the Sheriff called: contrast and assimilation. The contrast effect is a perceptual error in which people evaluate messages that fall within their range of denial as if they are further away from their set than they actually are. The

²⁰¹Hibbing J., Smith K., Alford J. Differences in Negativity Bias Underlie Variations in Political Ideology // Behavioral and Brain Sciences. 2014. Vol. 37. N 3. P. 297-307.

²⁰² Sherif M. Experiments in Group Conflict // Scientific American. 1956 Vol. 1956. P. 54-58.

assimilation effect is a perceptual error in which people evaluate messages that fall within their range of acceptance as if they are less different from their setting than they actually are.

Modern research shows that personal involvement is one of the main factors influencing the selection of information on the Internet. People prefer choosing content that reinforces their own points of view, searching or considering more balanced messages. Thus, the impact of information corresponding to the personal involvement of a significant part of the population can reduce the willingness of people to consider different points of view, contributing to the formation of a one-sided information agenda and the radicalization of sentiments²⁰³.

Also, in the context of ensuring information and psychological security, studies devoted to identifying the relationship between personal involvement and emotions in the communication process are of interest. So, for example, as a result of one of these studies, it was found that the presence of emotionally charged words in informational messages, such as "hatred", "shame", "peace", "war", "love" contributed to their greater distribution in social networks. compared to emotionally neutral messages. At the same time, the distribution of messages was limited to the boundaries of the group²⁰⁴. It is important that the effect of increased intra-group dissemination of information that appeals to emotions was recorded among people holding different points of view on the same events, which contributes to the differentiation and polarization of public opinion, thereby contributing to the growth of social tension.

Group threats and political radicalism. Any integration project or collective security system is based on the principle of coordinating interests and seeking consensus, which implies cutting off radical points of view. As a result of numerous studies conducted in Western European countries, a direct link was

²⁰³ Wojcieszak M. "Don't Talk to Me": Effects of Ideologically Homogenous Online Groups and Politically Dissimilar Offline Ties on Extremism // *New Media & Society* 2010. Vol. 12. N 4. P. 637–655.

²⁰⁴ Brady W., Wills J., Jost J. et al. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks // *PNAS*. 2018. Vol. 114. N 28. P. 7313-7318.

found between the perception of information containing threats to a certain social group and the strengthening of radical political sentiments. For example, a study in Switzerland found that in addition to individual-level perceptions of group threat, the presence of belief in group threat in public opinion was predictive of support for right-wing populist parties²⁰⁵. The authors of another study found a link between the consumption of information that incites negative attitudes towards migrants and voting for right-wing populist parties²⁰⁶.

It is noteworthy that information messages containing worldview threats (threats to cultural traditions, generally accepted social values and norms, religion, language) have a special influence on the growth of political radicalism²⁰⁷.

Therefore, the dissemination of information containing group threats has an impact on the growth of radical political sentiments in society and can have a destructive effect on integration processes and formats for ensuring collective security.

The cognitive component of information and psychological security includes protective practices aimed at strengthening the internal cognitive capabilities of a person that prevent the consumption of malicious and misleading information.

Information "grafting". The name of this method contains a biological metaphor that describes the theoretical transfer of the effect of inoculating the human immune system with weakened forms of the virus to increase its protective functions on mental processes. The ancestor of the theory of vaccination is the American social psychologist W. McGuire. In 1961, in the *Journal of Psychopathology and Clinical Science*, McGuire published an article in which McGuire outlined the results of his empirical hypothesis testing research on the

²⁰⁵ Berning C. Contextual Perceived Group Threat and Radical Right-Wing Populist Party Preferences: Evidence from Switzerland // *Research and Politics*. 2016. Vol. 3. N 1. P. 1-7.

²⁰⁶ Schmuck D., Matthes J. Voting "Against Islamization"? How Anti-Islamic Right-Wing, Populist Political Campaign Ads Influence Explicit and Implicit Attitudes Toward Muslims as Well as Voting Preferences // *Political Psychology*. 2018. Vol. 40. Issue 4. P. 739-757.

²⁰⁷ Schmuck D., Matthes J. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // *Political Psychology*. 2017. Vol. 34. Issue 4. P. 607-626.

vulnerability of arguments to counterarguments, namely, how to keep existing attitudes and beliefs unchanged in the presence of active attempts to change them.²⁰⁸ The study of the effects that McGuire first described continues to this day. Grafting theory suggests that exposure to weakened arguments or vague oppositional statements directed against one's attitudes and beliefs can help increase resilience to future, potentially stronger persuasive arguments²⁰⁹.

The results of special studies show that people who have been subjected to "grafting" information exposure are more resistant to future beliefs²¹⁰. In addition, resistance to targeted persuasion extends beyond the main thematic arguments included in the inoculation. Its effects are relatively the same in both minimally engaged and highly engaged individuals. Therefore, the grafting information impact contributes to the development of resilience to the negative consequences of persuasion, including the presentation of the arguments of both parties as well-founded and enjoying equal support²¹¹.

In general, it can be confidently asserted that the information inoculation of the audience to malicious informational and psychological influence can significantly reduce its effect.

Media literacy. This method involves teaching people additional skills for obtaining and critically analyzing various types of information. Media and Information Literacy (MIL) is a comprehensive concept, first proposed by UNESCO in 2007. MIL covers all competencies related to information and media literacy, including also digital or technology literacy. In the context of MIL, the various interrelated competencies needed to improve people's interaction with

²⁰⁸ McGuire WJ Resistance to persuasion conferred by active and prior passive refutation of the same and alternative counterarguments. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. Vol. 63. P. 326-332.

²⁰⁹ Compton J., Jackson B., Dimmock J. Persuading Others to Avoid Persuasion: Inoculation Theory and Resistant Health Attitudes // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7.

²¹⁰ Banas J., Rains S. A Meta-Analysis of Research on Inoculation Theory // *Communication Monographs*. 2010. Vol. 77. Issue 3. P. 281-311.

²¹¹ Cook J., Stephan Lewandowsky S., Ecker U. Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. N 5.

information and media are of greatest importance. MIL is a set of knowledge, skills, attitudes, competencies and practices that enable effective access, analysis, critical evaluation, interpretation, use, creation and dissemination of information and media products using all necessary means and tools in a creative, legal and ethical manner.²¹²

The Global Media and Information Literacy Partnership Alliance, later renamed the Media and Information UNESCO. This global initiative has three main goals:

- establishing a real partnership that would stimulate the development and long-term impact of MIL at the global level;
- creating opportunities for the community to speak in support of MIL from a common position on the most pressing issues, in particular those relating to the principles of activity in this area;
- further development of practical approaches to media and information literacy as an integrated concept that provides a common platform for interaction between MIL-related networks and associations around the world.

The initiative currently brings together over 700 organizations around the world²¹³.

Some researchers distinguish the following components of media and information literacy: the ability to effectively search and find the necessary information; the ability to protect yourself from malicious and redundant content; the ability to verify and critically evaluate information using alternative sources of information; the ability to adequately perceive information and effectively (competently) use it; the ability to effectively and correctly disseminate information, taking into account the requirements of the law (protection of

²¹² Media and Information Literacy // UNESCO Institute for Information Technologies in Education. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (accessed 15.02.2023)

²¹³ GAPMIG // Media and Information Literacy. UNESCO. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (accessed 15.02.2023)

personal data, copyright, countering extremism, etc.); specific skills, the ability of a person to interact with new media, use various Internet services and individual technical devices²¹⁴.

To date, there are a huge number of projects, applications, educational programs of various levels and geographic localization aimed at increasing media literacy. For example, the "Learn to Distinguish" program of the International Scientific Research Council (IREX)²¹⁵; project "Bad News" from the European development team DROG²¹⁶; a joint project of the Ministry of Education of the Russian Federation, the Russian society "Knowledge" and MegaFon "Digital Trust Platform"²¹⁷ and many others.

In general, research on such programs shows that they can have a positive impact on people's skills, for example by increasing media knowledge and encouraging critical thinking about media content, but their impact on attitudes and behavior may be relatively weak²¹⁸. Although educational efforts may well have a positive effect, in the short term, participants may revert to their old habits of processing and perceiving information. In addition, there is always the possibility of error in the selection of candidates for media literacy programs. Participation by people takes time, effort and energy, and thus the positive effects of these programs can only indicate that people who wish to take this training have improved their media literacy, and the presence of a multiplier effect is a hypothetical assumption.

Nevertheless, the development of media literacy seems to be an important tool in ensuring information and psychological security. As Divina Frau-Meigs points out, "from just browsing websites and chatting in chat rooms, we have

²¹⁴ Voinilov Yu.V., Maltseva D.V., Shubina L.V. Media Literacy in Russia: Cartography of Problem Areas // Communications. Media. Design. 2016. N 1. P. 60.

²¹⁵ IREX's Learn to Discern. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (accessed 15.02.2023)

²¹⁶ Bad news. URL: <https://www.getbadnews.com/> (accessed 15.02.2023)

²¹⁷ Digital Trust Platform. URL: <https://youthsafety.megafon.ru/> (accessed 15.02.2023)

²¹⁸ Jeong S., Cho H., Hwang Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. P. 454-472.

quietly moved to extracting data with the aim of manipulating and destabilizing society. This transformation of the media landscape once again testifies to the growing need to provide education aimed at developing a critical perception of the mass media and the information space in general. It should help us to rethink not only the very concept of media, but also their political and ethical foundations."²¹⁹ Therefore, improving the principles of selecting candidates for training, together with a deeper understanding of the mental processes underlying people's perception of information, can turn media literacy projects into a fairly effective tool for ensuring information and psychological security.

"Information Dominants". Modern information and psychological confrontation is unfolding in conditions of deep inequality in control over the global information space, the information agenda, technologies for the production and distribution of content. Therefore, in the context of the theory and practice of ensuring information and psychological security, one of the central places is occupied by the question: "Is it possible to effectively information confrontation in the face of the enemy's advantage in control over the information space?" The theoretical and empirical substantiation of the concept of information dominants is the author's development, carried out in the process of implementing several research projects, the available results of which allow an affirmative answer to the formulated question. A separate section of this work is devoted to this aspect of ensuring information and psychological security.

§2.4. Model of information and psychological security

Based on the analysis of the theoretical contours and practice of modern information-psychological confrontation, we present in a generalized form our author's model for ensuring information-psychological security, Table 1.

²¹⁹ Frau-Meigs D. Media literacy as a remedy for manipulation // UNESCO Courier. July - September 2017 URL: <https://ru.unesco.org/courier/iyul-sentyabr-2017-g/mediagramotnost-sredstvo-ot-manipulyacii> (accessed 15.02.2023)

Table 1 – Model for ensuring information and psychological security

Components		Methods of influence	Protective practices
Worldview		the formation of a negative perception of the object of influence in the broadest sense; undermining basic social institutions; undermining national identity and value systems; undermining belief in the existence of truth and fact.	fixing the value priorities of development in strategic documents; creation of a system of social reinforcement; image policy.
Media	information production	production of false information; illegal borrowing; misleading individuals; obfuscation (obfuscation); conspiracy theories; selective use of facts; rhetorical fallacies; appeals to emotion or authority; narrative manipulation	state regulation of information content; legislation on the protection of personal data; identity verification in the information space;

Components		Methods of influence	Protective practices
Media	spread of information	<p>state actors: speeches of officials in traditional media, Internet resources of state bodies and their representatives, special events initiated by state bodies;</p> <p>actors openly affiliated with the state: state-controlled TV and radio channels, their official Internet resources (Russia Today, Sputnik), as well as their foreign subsidiaries;</p> <p>actors implicitly affiliated with the state, for example, WikiLeaks;</p> <p>"proxy media", for example, thematic channels and chats in instant messengers, "troll factories".</p>	<p>internal content monitoring;</p> <p>content labeling;</p> <p>barriers to publishing and accessing content;</p> <p>flooding (distracting the attention of the audience by publishing alternative content)</p>
Cognitive	information consumption	<p>social media: tools for using social engineering, embedded advertising, hidden marketing, including advertisements;</p> <p>personalization (microtargeting): show certain content only to certain users;</p> <p>multimodal communication: combining several semiotic structures and several communication channels in one information message;</p> <p>repeated exposure;</p> <p>appeal to fear;</p> <p>personal involvement;</p> <p>group threats and political radicalism;</p>	<p>information "grafting": the impact of weakened arguments directed against someone's attitudes and beliefs increases resistance to future, potentially stronger persuasive arguments;</p> <p>media literacy;</p> <p>"information dominants": a special informational-semantic construction based on human emotions that contributes to the selective perception of external information, supported by internal stimuli of the organism and/or the sociocultural environment.</p>

Let us summarize some results that are of fundamental importance for our further research.

Firstly, the concept of information-psychological confrontation is part of the modern theory of information confrontation. Its subject is the destructive impact on public opinion and the individual psyche, which can be carried out in a wide range of ways, from public diplomacy to special operations during military operations.

Secondly, the theoretical and methodological basis of the concept of information and psychological confrontation is the concept of soft power, strategic competition and hybrid war. The essential point is that information-psychological confrontation should be clearly distinguished from special military psychological operations, since the latter are designed to have a direct impact on the enemy's psyche. Therefore, the scattering of leaflets, loudspeakers, various light and noise effects are not an element of information and psychological confrontation. For this, it is necessary that the implementation of an action aimed at influencing the individual psyche and / or public opinion be mediated by the information environment. And in this sense, the direct organizational form of the subject of influence, whether it be a military unit or a non-profit organization, is not essential.

Thirdly, information-psychological security is the state of protection of the system of formation of public opinion and decision-making in the state, as well as the psyche of officials, public figures and the population from the destructive information-psychological impact of an organized or discursive nature. The object of information and psychological security is not the technical aspects of security (information and communication infrastructure, databases, servers, software, etc.), which are currently the object of information security or cybersecurity

Fourth, information and psychological security includes three main components: ideological (security of the socio-cultural foundations of public life, ideals, values, norms), media (control over the production and distribution of content), cognitive (control over the consumption of information associated with communication and cognitive features of human perception of information).

Fifthly, artificial intelligence technologies occupy a central place in ensuring information and psychological security. As rightly noted in one of his works by M.V. Kovalchuk, "Today it is obvious that there is no progress in any of the well-known industries without the use of information technologies - this is telemedicine, and distance learning, and numerically controlled machine tools, automatic piloting systems for cars, aircraft, ships, etc. Thus, information technology has become a kind of hoop that has united all sciences and technologies."²²⁰ Being one of the main trends of the current stage of the scientific and technological revolution, associated with the informatization and digitalization of all aspects of public life, the development of artificial intelligence technology in the worldview is one of the criteria for progress and development. For this reason, in the space of modern world politics, a special place is occupied by the policy in the field of the development of artificial intelligence technologies, which largely determines the agenda for bilateral and multilateral formats of cooperation.

As we mentioned earlier, artificial intelligence technologies today underlie the most advanced methods of information and psychological confrontation and act as a key technological means of ensuring security in this area. One of the most important tools of information and psychological confrontation is disinformation. Therefore, detecting and countering disinformation is becoming increasingly important today, as social media increasingly becomes the leading source of news for most people. Effective disinformation campaigns lead to negative real consequences on a global scale, both in politics and in society. As experts from the Global Partnership for Artificial Intelligence (GPAI) point out, "Social media content recommender systems are one of the most widespread and influential artificial intelligence tools in the world. Transparency about the impact of systems

²²⁰ Kovalchuk M.V. Convergence of sciences and technologies - a breakthrough into the future // Russian Nanotechnologies. 2011. Vol. 6. N 1-2. P. 14.

is needed to address whether recommender systems are pushing users towards harmful content."²²¹

Methods based on artificial intelligence and machine learning technologies demonstrate their high potential for at least partial automation of disinformation detection and analysis. We have already mentioned content control and management systems based on artificial intelligence technologies, such as Oculus, social media content recommendation systems content recommendation systems, Cambridge Analytica microtargeting systems.

In the modern world, the thoughts and behavior of people are increasingly dependent on information technologies, including interfaces that facilitate the integration of a person with the information environment, new opportunities for motivating human decision-making, increased automation through artificial intelligence, autonomy of digital algorithms. Therefore, the main difficulties in ensuring security against information and psychological challenges and threats are related to the detection of malicious actions, the exact identification of their source and the assessment of possible consequences. In this regard, the development of advanced technologies such as information technology, neuroscience, cognitive psychology, social engineering, artificial intelligence is today the basis for effective security.

Information systems based on artificial intelligence are at the heart of the most effective systems to counter the spread of lies and misinformation. The National Security Strategy of the Russian Federation states that the improvement of means and methods based on the use of advanced technologies, including artificial intelligence technologies, is one of the most important tasks in ensuring information security²²². Recently, a group of researchers at the RAND Corporation discovered that machine learning models can detect signs of cheating text linguistic

²²¹ Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-november-2022.pdf> (accessed 17.02.2023)

²²² Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee66d046da8060/ (accessed 06.02.2023)

features²²³. Some researchers point to the leading role of artificial intelligence technologies and smart media in the process of transforming the media education system in the modern digital era²²⁴.

Therefore, the next section of our work will be devoted to the modern world policy in the field of the development of artificial intelligence technologies.

²²³ Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection. 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA873-1.html (accessed 17.02.2023)

²²⁴ Pantserov K.A. Media education in the era of artificial intelligence: some practical aspects // Media education: digital environment in conditions of forced metamorphosis. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. / A.A. Morozova (ed.). Chelyabinsk, 2022. P. 585-588.

Chapter 3. Information and psychological security in the context of global technological confrontation

Since the beginning of the industrial revolution, scientific and technological progress has been established as a universal priority of social development, which in different historical periods manifests itself in the form of technological structures that determine the content of socio-economic and political development at the international and national levels. The core of the technological order is the dominant technology or group of technologies, due to which the main economic growth occurs. So, according to S.Yu. Glazyev, to date, five technological modes have been formed and the transition to the sixth is being completed:

- I. 1770-1830 The core is textile machines.
- II. 1830-1880 The core is a steam engine.
- III. 1880-1930 The core is the electric motor.
- IV. 1930-1970 The core is an internal combustion engine.
- V. 1970-2010 The core is microelectronic components.
- VI. 2010-2040 The core is nanotechnologies, gels and nuclear energy.²²⁵

A distinctive feature of the fifth and sixth modes is that they are unfolding against the backdrop of an information revolution that is gaining momentum, in which information technologies acquire a cross-cutting character and determine progress in almost all high-tech industries. Emphasizing the supra-branch nature of information technologies, as well as their special role in modern processes of scientific and technological convergence, M.V. Kovalchuk notes: «Information technologies have become fundamentally new from a methodological point of

²²⁵ Glazyev S.Yu., Kharitonov V.V. Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy. Moscow: Trovant, 2009. P.12.

view - they did not add another link to the existing range of disciplines, but united them, becoming their common methodological base.»²²⁶

Global technological competition for leading positions within the new technological paradigm is today one of the main trends in world development.²²⁷

§3.1. Global technological confrontation in the perspective of the fourth industrial revolution

Since the end of the 19th century, thanks to the famous works of A. Toynbee, the term «industrial revolution» has been firmly established in scientific research on the history of industrial civilization, emphasizing fundamental shifts in the sphere of production that determine cardinal changes in the economic and socio-political spheres.

Currently, it is customary to distinguish four industrial revolutions:

the first (XVIII century) is associated with the introduction and use of thermal energy in production;

the second (XIX century) - the mechanization of production on the basis of the electric power industry;

the third (twentieth century) - automation of production processes based on the achievements of informatics and cybernetics, as well as the widespread use of digital technologies and robotics;

the fourth (21st century) - information technologies are becoming end-to-end, ensuring the intensification of technological convergence, which leads to the blurring of the boundaries between the material, digital and biological worlds.²²⁸

²²⁶ Kovalchuk M.V. Convergence of sciences and technologies - a breakthrough into the future // Russian Nanotechnologies. 2011. Vol. 6. N 1-2. P. 14.

²²⁷ Vykhodets R.S., Shlyapnikov V.V. Global Trends 2030: Alternative Worlds (review of the report of the US National Intelligence Council) // Geopolitics and Security. 2013. N 2. P. 25-33.

²²⁸ Kefeli I.F. The Fourth Industrial Revolution and Global Geopolitics - Global Security Challenges // Information-Psychological and Cognitive Security / I. F. Kefeli, R. M. Yusupova (Eds.). St. Petersburg: Petropolis, 2017. P. 84–104.

As the founder of the World Economic Forum in Davos points out, the main features of the fourth industrial revolution are "mobile Internet, miniature manufacturing devices, artificial intelligence and learning machines... At the same time, waves of further breakthroughs are emerging in a variety of fields: from deciphering the information recorded in human genes to nanotechnology, from renewable energy to quantum computing. It is the synthesis of these technologies and their interaction in the physical, digital and biological domains that make the fourth industrial revolution fundamentally different from all previous revolutions."²²⁹

Many researchers note that modern processes of technological convergence set the newest strategy for the formation of culture based on fundamentally new methodological approaches. According to N.V. Volokhova and A.I. Kolpakov that the modern world trend of scientific development, which consists in the formation of a new convergent science of technology, denoted by the abbreviation NBICS: nano-, bio-, info-, cogno-, socio-, which reflects the deep tendencies of the merging of various branches of scientific knowledge and its practical application.²³⁰ The possibilities of NBICS technologies to influence the ontological foundations of human life and society were quite eloquently expressed by the President of the Kurchatov Institute M.V. Kovalchuk. In his speech to the Federation Council on September 30, 2015, he noted the following: "On the one hand, we are moving to the technological reproduction of wildlife... there is the possibility of targeted intervention in human life, even in the process of evolution... There is a feedback of brain-machine interfaces or brain-brain, when you can create a false picture of reality inside a person... Today, a real technological opportunity has arisen in the process of human evolution. And the goal is to create a fundamentally new subspecies of Homo sapiens - a "service" person... The property of the population of "service" people is very simple: limited self-consciousness, and cognitively this

²²⁹ Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo, 2016. P. 12.

²³⁰ Volokhova N.V., Kolpakov A.I. On the fateful significance of NBICS technologies in the development of the future of mankind // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2016. N 2. P. 21-26.

is regulated elementarily, we can see, this is already happening."²³¹ In the context of our study, one cannot fail to pay attention to the high importance that the President of the Kurchatov Institute attaches to neurotechnologies, which open today, in fact, unprecedented opportunities for manipulating the psyche and behavior of an individual, and creating on their basis appropriate technologies for the implementation of this manipulation in automatic mode.

Neurotechnologies in combination with nanotechnologies, as well as technical devices and applications created on their basis, contribute to blurring the boundaries between the material and virtual world, which actualizes the complex of information and psychological challenges and threats to national security. As specialists of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences point out, "nanotechnology-based neurosystems open up the possibility of connecting the brain with a computer, creating new forms of virtual reality and a new generation of artificial intelligence." The main social consequence of this is the global virtualization of physical and social reality.²³²

It should be emphasized that today at the theoretical, methodological, conceptual and technological level there is an inextricable link between fundamental research of the human brain, neurotechnologies and artificial intelligence technologies. Currently, many countries of the world are giving priority to the development of neuromorphic technologies.

It should be emphasized that since its inception, AI technology has been fundamentally inspired by the achievements of neuroscience, as well as research on the human brain. For example, one of the pioneers in the field of artificial intelligence, Marvin L and Minsky, outlined the main goal of one of his famous works as follows: "Develop theories about how the human brain works and develop a mechanism capable of feeling and thinking. Then we can try to use the

²³¹ Speech by Mikhail Kovalchuk in the Federation Council on September 30, 2015. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhailakovalchuka-v-sf/> (accessed 12.03.2023)

²³² Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I. Information society and NBICS-revolution. Moscow: IF RAN, 2016. P. 136.

received ideas both to study ourselves and to develop artificial intelligence."²³³ As AI models mature, they become more demanding in terms of processing power and energy consumption. Many experts associate breakthroughs in the creation of high-performance and energy-efficient microprocessors for AI with discoveries of the fundamental principles of the brain and the creation of «neuromorphic computing» technologies based on them.

Today, only seven countries in the world are implementing their own large-scale brain research projects: the EU (Human Brain Project, 2013), the USA (BRAIN Initiative, 2013), Japan (Brain / MINDS, 2013), Australia (Australian Brain Alliance, 2016), China (China Brain Project, 2016), South Korea (Korea Brain Initiative, 2016), Canada (Canadian Brain Research Strategy, 2017) Consider their main features in terms of applied technological²³⁴ guidelines fourth industrial revolution.

Human Brain Project (European Union)

In January 2013 European commission initiated the Human Brain Project (HBP) in framework large-scale initiatives EU Future and Emerging Technology (FET). The main goal of FET is to turn the scientific base of a united Europe into a competitive advantage in the international arena.²³⁵ Today HBP brings together about 500 scientists and engineers from more than 140 universities, teaching and research centers throughout Europe. Four organizations from Israel and one from Turkey also joined the program. The main thematic blocks of the project are: brain modeling, neuromorphic technologies, the study of consciousness, brain medicine, robotics, computer technology for brain research.²³⁶

²³³ Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New Work, 2006. P. 9.

²³⁴ Vykhodets R.S., Ruschin D.A. The role of Big Brain Science in technological leadership in the field of artificial intelligence // Society. Wednesday. Development. 2021. N 3. P. 11-16.

²³⁵ Future and Emerging Technologies Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 02.03.2023)

²³⁶ Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 02.03.2023)

Of direct importance for the development of AI technologies is the direction associated with the development of neuromorphic technologies. As part of it, work is underway to reproduce the basic principles of the operation of biological neural networks on electronic circuits. For this, two large-scale neuromorphic computers have been created: SpiNNaker, located in Manchester (UK) and BrainScaleS, which is located in Heidelberg (Germany). Their main feature is the speed of calculations, which, when modeling biological processes, is many times greater than the capabilities of modern supercomputers. It is expected that in the near future neuromorphic technologies will significantly surpass modern computers in solving such problems as speech and image recognition, will make it possible to identify cause-and-effect relationships in the field of science, finance and management, and also to build high-accuracy forecasts on various time scales on this basis.

Another area of HBP that is closely related to AI is developments in the field of robotics. It is with this direction that some scientists associate the main vector of scientific and technological progress in the 21st century, calling it the "age of robots".²³⁷ The specially developed Neurorobotics platform allows you to give any brain model its own "body" to study feedback from the external environment, which allows you to virtually create and test robots, and also provides extensive opportunities in the field of machine learning even before the physical implementation of the product.

Some researchers emphasize the characteristic feature of EU Big Science, which is the emergence of politically motivated large-scale research projects, closely woven into a broader integration context.²³⁸ And in this sense, the Human Brain Project not only provides a basis for joint work of researchers from different countries, scaling up and practical implementation of ideas and scientific

²³⁷ Brooks R. *Flesh and machines: How robots will change us*. New York: Pantheon Books. 2002. 272 p.

²³⁸ Ulicane I. *Ever-changing Big Science and Research Infrastructures: Evolving European Union policy // Big Science and Research Infrastructures in Europe / KC Cramer & O. Hallonsten (Eds.). 2020. P. 79.*

developments, but also contributes to the development of the EU's image policy in the international arena.

BRAIN Initiative (USA)

On April 2, 2013, US President Barack Obama unveiled a research initiative to revolutionize understanding of the human brain called BRAIN (Brain Research through Advancing Innovative Neurotechnologies) at an event at the White House. In his speech, he echoed the words he had spoken months earlier in his State of the Union address: "If we want to make better products, we must also invest in better ideas. For every dollar we invested in mapping the human genome, our economy generated \$140...Today, our scientists are mapping the human brain to provide answers to Alzheimer's ...Now is not the time to abandon this investment in science and job-creating innovation. It's time to reach a level of research and development not seen since the height of the space race."²³⁹

After that, the US National Institutes of Health (NIH) formed a working group to elaborate on this initiative. In June 2014, the Working Group produced the report "BRAIN 2025: A Scientific Vision", which outlined the scientific goals of the initiative and developed a multi-year plan to achieve them.

The overarching goal of the BRAIN Initiative is to bring together current research and conceptual frameworks into an integrated science of cells, circuits, brains, and behavior, which should serve as the foundation for further scientific and technological progress and the creation of new technologies. The report cites technological advances in machine learning and artificial intelligence as the priority areas where progress is most needed: "The BRAIN initiative is likely to bring practical economic benefits in the field of artificial intelligence and smart machines. Our brains can quickly solve problems with vision, speech, and coordination that the most powerful supercomputers can't handle. As we learn more about the principles used by the brain to solve these problems, new

²³⁹ Fact Sheet: BRAIN Initiative, Office of the Press Secretary, The White House. 04/02/2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative> (accessed 09.03.2023)

computing devices may be developed based on the cognitive architectures found in the brain."²⁴⁰

To develop broad interdisciplinary cooperation, the BRAIN Initiative Alliance was created, the mission of which is to coordinate efforts between the participants of the BRAIN initiative and involve the widest possible range of stakeholders in the project. At the same time, the main priority of the BRAIN Initiative is the development of the relevant scientific field and relations between research teams within the United States, and, as K. Brose emphasizes: «On this basis, the establishment of coordination and cooperation with other countries that have similar projects: the EU, China, Japan, South Korea.²⁴¹

In general, the BRAIN Initiative promotes open science within the United States, which should serve as the basis for creating a serious backlog in the most promising and technological areas, including in the field of AI.

Brain/MINDS (Japan)

In May 2013, RIKEN, the largest research organization in Japan, at a meeting at the Institute of Brain Sciences, made a presentation on brain research programs in the EU and the USA, which laid the foundation for a Japanese project called Brain Mapping by Integrated Neurotechnologies for Disease Studies (Brain / MINDS). By September 2014, the composition of the project participants was determined, which included 22 leading specialized research, clinical and technological organizations in Japan. RIKEN was chosen as the lead organization for the implementation of the project. The main goal of Brain/MINDS was proclaimed to be "the study of the neural networks that control the higher functions of the marmoset brain to gain new insights into information processing and disease in the human brain."²⁴²

²⁴⁰ BRAIN 2025. A scientific vision. Working Group Report to the Advisory Committee to the Director of NIH. June 5, 2014. P. 19. URL: https://braininitiative.nih.gov/sites/default/files/pdfs/brain2025_508c.pdf (accessed 17.03.2023)

²⁴¹ Brose K. Global Neuroscience // Neuron. 2016. N 92(3). P. 557.

²⁴² Brain/MINDS. URL: <https://brainminds.jp/en/> (accessed 10.03.2023)

The Japanese program initially focused on joining an international research consortium, and on giving the country the opportunity to cooperate and compete equally in this area of Big Science in the international arena in the future. To achieve this goal, the Strategic International Program for the Advancement of Brain Research (Brain/MINDS Beyond) was launched in June 2018. This initiative aims to promote the global expansion of brain research by increasing collaboration with domestic projects in other countries around the world.

Australian Brain Alliance (Australia)

In February 2016, the Australian Academy of Sciences created the Australian Brain Alliance (ABA), which focuses on coordinating brain research across the country. Since its inception, the ABA has brought together more than 28 organizations, including most of Australia's major universities and research institutes conducting research in the fields of neuroscience and behavioral science. The ABA proposes a new vision for brain research and smart technology development, including several main areas, including those directly related to AI development: Neuromorphic Computing - research into developing ways to create computer chips that mimic the structures and processes of the brain in order to achieve unprecedented leaps, both in storage memory and computing power; brain-inspired deep learning algorithms – development of computational algorithms based on understanding the functioning of the brain.²⁴³

ABA pays significant attention to the issues of translating fundamental scientific research into practical results. To this end, a new approach is proposed that stimulates and ensures a collaborative process of discovery between industry, universities and other research institutions.

Korea Brain Initiative (South Korea)

On May 30, 2016, the Korean government announced the launch of the Korea Brain Initiative, in line with the global trend of several countries launching

²⁴³ Australian Brain Alliance. URL: <https://www.brainalliance.org.au/about/> (accessed 12.03.2023)

major long-term research projects to revolutionize knowledge of the human brain. At the heart of the project are expectations of the dominant role of brain science in the fourth industrial revolution.

The Korea Brain Initiative includes a number of strategic goals that are inscribed in the broader context of modern ideas about scientific and technological progress. In particular, the initiative is designed to stimulate the development of technologies that connect the physical, digital and biological worlds and play an important role in the development of convergent projects. In addition, brain science is seen as key to the development of next generation computing technologies. Through the promotion of related research and development between natural and artificial intelligence, advanced algorithms and artificial intelligence models are expected to be developed, which will create a scientific and technological platform for the implementation of the fourth industrial revolution.²⁴⁴

The issues of creating a neuroindustry and commercialization of developments are given increased attention. Korean authors also point to this aspect of the project: "The Korean Brain Initiative creates the basis for the industrialization of neuroscience discoveries. To this end, it is necessary to develop programs for the transition from the laboratory to the test bench and create neuroindustry clusters where the research and business sectors can work together."²⁴⁵

Like the brain research programs of other countries, since its inception, the Korea Brain Initiative has focused on the development of broad international cooperation in order to firmly gain a foothold in the number of countries developing advanced scientific research and technology.

Canadian Brain Research Strategy (Canada)

²⁴⁴ Brief summary of Korea Brain Initiative. URL: https://kbri.re.kr/new/pages_eng/sub/page.html?mc=3186 (accessed 13.03.2023)

²⁴⁵ Sung-Jin Jeong et al. Korea Brain Initiative: Integration and Control of Brain Functions. // Neuron 92. 2016. November 2. P. 609.

In 2015-2016, a series of workshops was held in Canada with the participation of leading scientists of the country, at which the concept of the Canadian Brain Initiative was widely discussed. As a result, a working group was formed, which began to develop the key components, scientific goals and guiding principles of the Canadian strategy for the study of the brain. And in February 2017, the Canadian Brain Research Strategy (CBRS) project was presented, which was subsequently widely discussed with the Canadian scientific community. As conceived by the creators of CBRS, it rests on four pillars:

1. Understanding how the normal brain develops and functions, and how it develops throughout life.
2. Converting fundamental new knowledge about the brain into new strategies for the prevention and treatment of brain disorders.
3. Using new knowledge to make new discoveries in other areas, especially in information and communication technologies, economics, complex systems, human social behavior and education.
4. Stimulating the development of new tools for imaging and measuring the brain, computational methods to understand its complexity, and brain-inspired technologies, including advanced artificial intelligence, which will be widely used in healthcare, education and other fields.²⁴⁶

Although discussions about creating a Canadian brain research strategy began in 2015, it was not until June 2020 that a team of researchers received a grant from the Canadian Institutes of Health Research to develop a strategy that positions the brain as a national research priority and supports the creation of Canadian Brain Research Strategy Network. The latter should take on the role of supporting Canada's participation in the International Brain Initiative and, on this basis, pool intellectual and financial resources in the field of brain research at home.

²⁴⁶ Illes J., Weiss S. A Neuroethics Backbone for the Evolving Canadian Brain Research Strategy // *Neuron* 101. 2019. February 6. P. 371-372.

China Brain Project (China)

In March 2016, the National People's Assembly of the People's Republic of China approved the 15-year China Brain Project (CBP) initiative, including it in the XIII Five-Year Plan and an extensive program for the development of science and technology until 2030. The aim of the CBP is to advance fundamental knowledge about the workings of the brain and, at the same time, to meet some pressing social needs through the application of neuroscience knowledge in the field of medicine and the development of new technologies.

The main ideology of the project was described by its organizers as the formula "One body two wings", where the body is the understanding of the fundamental foundations of cognitive functions and the development of technological platforms for brain research, and the wings are the development of artificial intelligence technologies and the development of methods for early diagnosis and treatment of brain diseases.²⁴⁷ This formula is one of the main features of the Chinese project, which highlights the application of the main achievements of neuroscience to the creation of artificial intelligence and machine learning technologies. On this occasion, the director of the Institute of Neurology and head of the Center of Excellence in Brain Science and Intelligent Technology of the Chinese Academy of Sciences, Mu-ming Poo, notes the following: "Goals after we better understand how the brain works. In fact, neuroscience can already make useful contributions to these two areas today."²⁴⁸

By setting up its own brain research project three years after the emergence of major EU and US national projects, China has had the opportunity to assess its own scientific capabilities in this area and to identify priority areas for research to achieve the best results and form the basis for international cooperation. In this sense, the choice of the development of artificial intelligence technologies as the

²⁴⁷ Muming Poo et al. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // *Neuron* 92. 2016. November 2. P. 592.

²⁴⁸ Wang L. Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // *National Science Review*. 2017. Vol. 4. N 2. P. 258.

main priorities of CBP is fully in line with the trend of "jigongjinli" (the desire to achieve success and profit as soon as possible) of the country's scientific culture. Chinese researchers closely monitor what is happening in the West, and when a promising direction appears, all resources are concentrated on its development. Therefore, CBP is a good tool for developing cooperation with foreign researchers and gradually improving their own technologies.

China has long supported the development of artificial intelligence technologies, and the CBP project aims to bring a new level of convergence between scientists and industry at home and allow China to become a world leader in the field of AI.

So, to date, there are seven large-scale national programs for the study of the brain in the world, the key research priorities of which unequivocally fix the fundamental discoveries of neuroscience as the main source of development of AI technologies. In December 2017, at a meeting of the world's largest brain research projects in Canberra, representatives of Japan, South Korea, the EU, the United States and Australia signed the Declaration on the establishment of the International Brain Initiative (International Brain Initiative), later China and Canada joined it.²⁴⁹ This event allows us to say with confidence that the Big Brain Science is being formed at the international level, focused on bringing together the efforts of the world's leading researchers and developers, as well as involving politicians, business circles, and the general public in the processes of forming the foundation of a new technological order.²⁵⁰

It should be mentioned that for many years many Russian specialists have emphasized the high importance of brain science for the development of AI technologies. So, for example, K.V. Anokhin in one of his directly pointed out that the creation of new artificial intelligence systems is largely due to fundamental

²⁴⁹International Brain Initiative. URL: <https://www.internationalbraininitiative.org/about-us> (accessed 14.03.2023)

²⁵⁰Vykhodets R.S. International cooperation in the field of brain research as a factor in the development of artificial intelligence technologies in Russia // Moscow University Bulletin. Series 27: Global studies and geopolitics. 2022. N 1. P. 84-96.

research in neurophysiology.²⁵¹ In 2019, in Russia, by Decree of the President of the Russian Federation N 490, the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030 was approved, which consolidated this thesis at the political level.²⁵² In the document, the development of artificial intelligence, fundamental scientific research aimed at developing promising architectures of computing systems (including neuromorphic computing systems built on the principle of similarity to biological neural systems) is considered as one of the main directions for increasing the availability of hardware necessary for solving problems in areas of AI.

In 2019, President of the Russian Academy of Sciences A.M. Sergeev and Rector of Moscow State University V.A. Sadovnichim initiated a large Russian federal scientific and technical brain research program «Brain: health, intelligence, innovation», which was supported by the President of the Russian Federation V.V. Putin. The program is designed for the period 2021–2029. with a planned amount of financing of 54 billion rubles. One of its top priorities is to develop a next-generation AI scientific platform based on neuromorphic technologies.²⁵³ However, to this day, this program has not been approved by the Government.

Currently, artificial intelligence technologies are at the forefront of global technological development priorities. The already mentioned Russian strategy for the development of artificial intelligence until 2030 emphasizes that the world is accelerating the introduction of technological solutions developed on the basis of artificial intelligence in various sectors of the economy and spheres of public relations, thanks to which the growth of the world economy in 2024 will amount to at least 1 trillion \$.

²⁵¹ Anokhin K.V. The Last Great Frontier of the Life Sciences // Economic Strategies. 2010. N 11. P. 56.

²⁵² Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 14.03.2023)

²⁵³ The Russian Academy of Sciences and the Ministry of Education and Science initiated a program of fundamental brain research. 29.09.2020. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/9578705> (accessed 14.03.2023)

In this sense, mastering AI technologies and introducing them into production promises significant economic benefits for states and leading positions in the global system of labor division. As stated in the outcome materials of the December 1, 2020 European Conference on AI Policy: "This technology is important geopolitically. Many countries are looking to achieve a global innovation edge in AI because they understand that it is a fundamental technology that can increase competitiveness and help solve social problems."²⁵⁴

Many experts attribute economic growth in the 21st century to. with the introduction of AI in various sectors of industry. The official documents of the European Commission emphasize that AI in the 21st century will be the main driver of economic growth and productivity, and will contribute to the sustainability and viability of industrial production.²⁵⁵ Experts from IMEMO RAN and the Atlantic Council consider new technologies, including AI, as a powerful driver for the growth of local, individualized and highly specialized production.²⁵⁶

All this contributes to the fact that the technologies of the fourth industrial revolution are acquiring a wave of obvious political significance in modern international relations. On this occasion, one of its main ideologists of the fourth industrial revolution, K. Schwab, in his report at the opening of the 49th Davos Economic Forum on January 22, 2019, emphasized: «Artificial intelligence, big data and the possibility of creating technological platforms for mass use are beginning to determine the national power of states."²⁵⁷

At present, according to many experts, in the technological race for artificial intelligence, the EU, China and the United States hold the palm, rushing ahead in

²⁵⁴ Castro D. European AI Policy Conference Report – 2020 // Center for Data Innovation. April 9, 2021. URL: <https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/> (accessed 14.03.2023)

²⁵⁵ Re-finding Industry: Defining Innovation // Publications Office of the European Union. April 24, 2018. P. 5. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/28e1c485-476a-11e8-be1d-01aa75ed71a1> (accessed 16.02.2023)

²⁵⁶ Global System on the Brink: Pathways towards a New Normal / Dynkin, A., Burrows, M. (Eds.). Moscow: Primakov IMEMO, 2016. P. 21.

²⁵⁷ Schwab K. Globalization 4.0. New architecture for the fourth industrial revolution // Eurasian integration: economics, law, politics. 2019. N 1. P. 82.

some positions, and catching up with each other in some aspects. For example, experts from the American Center for Data Innovation in their latest report indicate that the United States holds leading positions in four of the six categories they study: talent (the number of high-class researchers, participation in scientific conferences, etc.), research (the number of publications, citations, R&D spending, etc.), R&D (number of companies, start-ups, patents, etc.) and equipment (semiconductor manufacturing and research, computer chip manufacturing, etc.), and China is the world leader in adoption categories (number of employees in AI-related companies) and data (the number of mobile payment users, the level of adoption of digital health records, the Internet of things, etc.). At the same time, both China and the EU have recently managed to close the gap with the United States in a significant number of parameters.²⁵⁸

The development of AI technologies is closely related to the need to quickly process large amounts of data. Therefore, many countries pay special attention to the creation of affordable infrastructure for high performance computing. For example, Chinese tech giant Tencent is actively developing the Angel platform for enterprises with data-intensive needs.²⁵⁹ For the development of high-performance computing and the development of innovative supercomputing technologies in 2018, the European Joint Venture for High-Performance Computing (EuroHPC JU), pooling resources from 32 countries and private partners.²⁶⁰

According to the latest data from TOP 500 analysts, the world leaders in the number of supercomputers and their combined performance are China - 214 systems (42% of the total), the USA - 113 systems (22,6%), Japan - 34 systems

²⁵⁸ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (accessed 16.02.2023)

²⁵⁹ The AI Ecosystem in China 2020 // daxueconsulting. March, 2020. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> / (accessed 10.03.2023)

²⁶⁰ The European High Performance Computing Joint Undertaking // European Commission. 03/16/2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/high-performance-computing-joint-undertaking> (accessed 18.03.2023)

(6,8 %). At the same time, in terms of aggregate performance, the US systems occupy the first place – 668,7 petaflops (27,5% of the global level), Japan has the most productive supercomputers in the world, producing a total of 593,7 petaflops (24,4%) at a significantly lower number of systems than competitors, China ranks third with 566,6 petaflops (23,3%). The cumulative performance of the countries of the European Union is 79 systems (15,5%) with a performance of 374,4 petaflops (15,4%). Russia today has seven supercomputers included in the 500 most productive world systems, producing a total of 61,8 petaflops (2,5%).²⁶¹

A qualitative leap in the field of high-performance computing is associated by many experts and analysts with the development of quantum computers.²⁶² In this area, the palm is contested by China and the United States. In the world's leading scientific journals, one after another, publications appear that scientists from different countries have managed to achieve "quantum superiority" on a larger number of qubits than others. In 2019, Nature published an article on Google's Sycamore quantum computer, which runs on 54 qubits.²⁶³ At the end of 2020, information appeared about the Chinese Jiuzhang quantum computer with 76 qubits, which, according to the creators, is many times superior in its capabilities to Sycamore.²⁶⁴

An important driver for the development of AI technologies is the electronic component base. In this area, the leaders are the EU, China and the United States. For example, among AI microchip companies, 14 are located in the EU, 29 in China, and 62 in the US.²⁶⁵ It should be emphasized that semiconductors are the

²⁶¹ List statistics // TOP500: The List. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (accessed 18.03.2023)

²⁶² Giglavay A. V., Sokolov A. V., Abdrakhmanova G. I. et al. Long-term trends in the development of the information and communication technology sector // Foresight. 2013. Vol.7. N 3. P. 6-24.

²⁶³ Arute F., Arya K., Babbush R., Bacon D. et al. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // Nature. 2019. N 574. P. 505-510.

²⁶⁴ Zhong H., Wang H., Deng Y. et al. Quantum computational advantage using photons // Science. 2020. N 370. P. 1460-1463.

²⁶⁵ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL:

fundamental technology of the information age. Whoever designs and manufactures the most advanced chips in the world will also have the smartest precision weapons, the smartest factories, and the smartest quantum computing tools to crack almost any form of encryption. That is why the struggle for control over the semiconductor industry, along with energy, often lies at the heart of international conflicts. Recently, the Chinese embassy in Washington, in response to the stringent US regulations restricting China's access to high-tech chips, directly accused the US of seeking to maintain "scientific and technological hegemony."²⁶⁶ In October 2022, the New York Times published an article by Thomas Friedman, in which the author explicitly points out that the growing «war» over semiconductors is at the heart of the tension between the US and China over Taiwan. This is due to the fact that today the American production of microchips for artificial intelligence, weapons, satellites and the space industry is 90% dependent on Taiwanese TSMC chips.²⁶⁷

The policy of the leading players provides for significant investments in their own research and development. For example, the European Commission at the EU level has planned at least 1 billion euros per year for these purposes until 2027. In the US, federal funding for research and development in the field of AI in 2021 amounted to 1.5 billion US dollars.²⁶⁸

The global AI research and development agenda is driven by China and the United States, which are the absolute leaders in the number of publications and patent applications. According to the latest data in the ranking of countries in terms of the number of patents, China is the leader (103.9 thousand applications),

<https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (accessed 16.02.2023)

²⁶⁶ Nakashima E., Whalen J., Cadell CUS imposes tough rules to limit China's access to high-tech chips // The Washington Post. 07.10.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/10/07/china-high-tech-chips-restrictions/> (accessed 18.03.2023)

²⁶⁷ Friedman T. We Are Suddenly Taking On China and Russia at the Same Time // The New York Times. 12.10.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/12/opinion/china-semiconductors-exports.html> (accessed 18.03.2023)

²⁶⁸ The Final Report // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents> (accessed 18.03.2023)

followed by the USA (23.5 thousand) and Japan (12.2 thousand). Russia is in 15th place (387 applications).²⁶⁹ Looking at the list of the top 500 organizations by number of AI patents, China is represented by more than 100 organizations. For comparison, this list includes 20 organizations from the US and 4 each from Europe and Japan. Russia in this list takes the seventh place between Japan and Saudi Arabia.²⁷⁰ However, it should be noted that many researchers emphasize China's focus on patent activity, which largely explains its quantitative superiority in this area. Some Chinese authors point out: "Chinese scientists are afraid that their good ideas will be taken up by Western researchers who work faster and have a language advantage to describe results faster... We must learn to protect our own interests in terms of intellectual property rights, commercialization development and military applications."²⁷¹

Based on the foregoing, it is difficult to overestimate the importance of a holistic policy in the development of breakthrough technologies, not only from the point of view of solving the urgent tasks of maintaining technological sovereignty in the most promising areas, but also in the context of more general issues of strategic competition in the modern world. That is why many countries are paying increased attention to the development and implementation of national policies in the field of artificial intelligence.

²⁶⁹ Development of individual high-tech areas: White paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aace99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (accessed 21.02.2023)

²⁷⁰ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva:WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (accessed 21.02.2023)

²⁷¹ Qiu J. Research and development of artificial intelligence in China // National Science Review. 2016. Vol. 3. N 4. P. 541.

§3.2. Modern world policy in the field of artificial intelligence

In 2017, with the adoption of the world's first National AI Strategy in Canada, the process began to formalize AI technologies as a policy priority for many countries around the world. According to the latest data, 43 countries have already adopted national strategies in the field of artificial intelligence and 14 are working in this direction, Table 2.²⁷²

Table 2 – Publication timeline of national AI strategies

Year	States
2017	Canada, China, UAE, Finland, Japan
2018	UK, Germany, India, Mexico, France, Sweden
2019	Denmark, Qatar, Colombia, Lithuania, Luxembourg, Malta, Netherlands, Portugal, Republic of Korea, Russia, Singapore, Slovakia, USA, Czech Republic, Estonia
2020	Bulgaria, Hungary, Indonesia, Spain, Cyprus, Latvia, Norway, Poland, Saudi Arabia, Serbia
2021	Brazil, Vietnam, Ireland, Italy, Slovenia, Turkey, Chile
in developing	Australia, Austria, Argentina, Belgium, Greece, Israel, Kenya, Malaysia, New Zealand, Romania, Tunisia, Ukraine, Uruguay, Sri Lanka

National strategies differ in terms of their strategic approach, the level of detail of proposed actions, and sectoral focus. The strategies take a variety of conceptual forms, ranging from a high-level political umbrella strategy covering many different policy initiatives to operational strategies with specific actions and dedicated public funding. The internal policy of the state also differs in priority areas. Some countries (Malta and Slovakia) have taken a horizontal approach and have not identified specific priority sectors for AI adoption. Others (such as France) have focused on sectors of the economy that have high growth potential or provide a competitive advantage. Most often, national AI strategies consider such sectors of the economy as manufacturing, healthcare, agriculture, public administration, transport, logistics, education and energy. In addition to the main

²⁷² A European approach to Artificial Intelligence 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-fostering-european-approach-artificial-intelligence> (accessed 21.02.2023); The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report> (accessed 21.02.2023); Government AI Readiness Index 2021. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (accessed 21.02.2023)

sectors of AI application, a number of countries have planned actions in specific areas, for example, in the maritime sector (Cyprus), weather forecasting (Germany), biodiversity (Portugal), justice (Latvia), fashion (Spain). Some states indicate a certain sector of the economy as a priority for the implementation of AI in their strategies, for example, energy (Lithuania) or water resources (Netherlands).

It should be noted that only a few countries have indicated specific amounts of funding from all sources of adopted strategies. For example, China (about \$32 billion until 2030), the EU (20 billion euros per year, a significant part of which falls on Germany and France), the USA (about \$30 billion per year, of which about \$24 billion private investment in 2020), the UK (\$1.3 billion), India (about \$950 million), the Russian federal project "Artificial Intelligence" provides for about \$420 million in funding until 2024.²⁷³ In most cases, data on the size and sources of funds for the implementation of national strategies in the field and AI are not available, which emphasizes the declarative nature of the adopted documents, which do not imply a fixed roadmap for their implementation, but only illustrates the ambitions of the state to follow the global technological trend.

As noted in the previous part of our work, at present, the United States, China and the EU occupy a leading position in the development of AI technologies. Therefore, let us consider in more detail the policy in the field and AI of these leading players.

USA. The policy of the United States in the field of AI technology development is studied in detail in a special article by the author.²⁷⁴ The USA is now leading the way in shaping the strategic development, standardization, and security of AI technologies at the international level, and to a large extent determines the global research and development agenda in this area. In the

²⁷³ The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (accessed 21.02.2023)

²⁷⁴ Vykhodets R.S. Strategy of the USA & Canada in the field of artificial intelligence // USA and Canada: economics, politics, culture. 2022. N 7. P. 110-122.

Government AI Readiness Index, which includes political, infrastructure and technology components, the United States ranks first.²⁷⁵

The ideological source for the formation of a coherent US national policy in the field of AI is a meeting of computer scientists from around the country at Dartmouth College in New Hampshire in 1956. The meeting discussed the fundamental theoretical contours of a new field of computing called "artificial intelligence".²⁷⁶ This, as it turned out, a historic event for many years to come, laid the foundation for numerous government and industry research in the field of AI, large-scale investments and strategic planning, the political outcome of which was the US National Artificial Intelligence Initiative (NAII), established by the Law, which entered into force on January 1, 2021.²⁷⁷ The document provides for the provision of consistent support for research and development, support for education and training programs, promotion of interdisciplinary research in the field and specialized educational programs, coordination of interdepartmental activities at the federal level, involvement of various stakeholders in the work, investment activities, creation and support of a network of interdisciplinary AI research institutes, development of international cooperation with strategic allies in the field of research and development.

Work within the framework of the National Initiative is organized within six main areas: innovation, promotion of reliable AI, education and training, infrastructure, applications, international cooperation.²⁷⁸

Innovation. The US is currently leading the world in AI innovation. Years of effort in this direction have resulted in a unique and dynamic R&D ecosystem that

²⁷⁵ Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (accessed 11.03.2023)

²⁷⁶ McCarthy J., Minsky ML, Rochester N., Shannon CE A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. N 4. P. 12-14.

²⁷⁷ National Artificial Intelligence Initiative Act. 01/01/2021. URL: <https://www.congress.gov/116/crpt/hrpt617/CRPT-116hrpt617.pdf#page=1210> (accessed 11.03.2023)

²⁷⁸ National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (accessed 11.03.2023)

combines the strengths of government, academia and industry. Particular attention is paid to innovative public-private partnerships that contribute to the effective development and implementation of AI technologies.

Today, the United States is among the countries that set the global AI research and development agenda, second only to China in some positions. For example, the United States ranks 2nd in the ranking of countries in terms of the number of patents related to AI: the United States (23.5 thousand), China (103.9 thousand).²⁷⁹ The top 500 organizations by number of AI patents are represented by 20 organizations in the United States (China - 100 organizations), while two American companies (IBM and Microsoft) hold the largest AI patent portfolios.²⁸⁰

However, it should be emphasized that quantitative superiority in the amount of patents does not always mean qualitative superiority. One evidence of this is that the United States ranks first in the number of global AI companies with the highest growth rates, in the global TOP 50, the United States is represented by 30 companies, while China is 14.²⁸¹

The United States is providing serious support to the development of a network of National Research Institutes. So from 2020, the National Science Foundation (NSF) announced a five-year grant program in the amount of \$360 million for research and educational institutions in the field of AI. To date, 18 such organizations have been established across the country and have received financial support from the NSF²⁸².

²⁷⁹ Development of individual high-tech areas: White paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aace99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (accessed 21.02.2023)

²⁸⁰ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva:WIPO, 2019. P. 61-63. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (accessed 21.02.2023)

²⁸¹ Global Artificial Intelligence Industry Whitepaper. URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/global-ai-development-white-paper.html> (accessed 11.03.2023)

²⁸² NSF Artificial Intelligence Research Institutes. 07.30.2021. URL: <https://nsf.gov/cise/ai.jsp> (accessed 11.03.2023)

US national investment in AI technology is driven by the National AI Research and Development Strategic Plan, which identifies critical areas requiring federal investment. The current version of the document includes: continuous long-term investment in AI; effective methods of cooperation between humans and AI; understanding and addressing the ethical, legal and social implications of AI technologies; ensuring the safety and security of AI; development of public datasets and environments for AI training and testing; measuring and evaluating AI technologies through standards and benchmarks; better understanding of national AI R&D workforce needs; expanding public-private partnerships to accelerate the development of AI.²⁸³

In general, in 2022, funding in the amount of \$ 1.7 billion is planned for research and development in the field of AI, not related to defense, in the US federal budget,²⁸⁴ while the amount of funding requested by the US Department of Defense for the same purposes is estimated by experts at 10 billion \$, if you add to this amount about \$ 53 billion of private sector investment (as of 2021),²⁸⁵ then the approximate amount of annual funding for AI technologies in the United States becomes clear.

Promoting robust AI. One of the key goals of the National AI Initiative is to ensure that the United States leads in the development and use of reliable (credible) AI systems in the public and private sectors. As National AIAC Advisory Committee (NAIAC) member David Danks points out, the basis for people's trust in AI technologies is "the user having reasonable confidence that the system will behave approximately as intended."²⁸⁶ Reliability, in addition to such instrumental characteristics as accuracy, explainability and interpretability, confidentiality,

²⁸³ National AI R&D Strategic Plan: 2019 Update. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (accessed 11.03.2023)

²⁸⁴ Supplement to the President's FY2022 Budget. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/FY2022-NITRD-NAIO-Supplement.pdf> (accessed 12.03.2023)

²⁸⁵ Artificial Intelligence Index Report 2022. P. 154, 189. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (accessed 12.03.2023)

²⁸⁶ Danks D. The Value of Trustworthy AI // Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. January, 2019. P. 521.

safety and security, resistance to attacks, includes a value component that reflects the wider impact of AI technologies on society.

In this regard, the US Federal Government prioritizes AI research and development that addresses the ethical, legal, social implications, and security of AI systems. To solve numerous problems in this area, a number of federal research programs are being implemented in the United States.²⁸⁷ For example, NSF's AI Equity Program,²⁸⁸ in partnership with Amazon.

Cybersecurity issues are essential in building robust AI systems. A number of R&D is funded in the United States aimed at preventing threats in this area, for example, DAPRA AI Next Campaign is aimed at countering the deliberate distortion of training data and changes in AI algorithms.²⁸⁹

Education and training. Professional preparation for the new economic conditions associated with the deep penetration of information technology and automation of production processes in the United States relies primarily on the development of the STEM education system (S - science, T - technology, E - engineering, M - mathematic). In December 2018, the National Council on Science and Technology (CoSTEM) STEM Education Committee released the Federal 5-Year STEM Education Strategic Plan, which outlines the goals of American STEM education, including building a strong literacy foundation, increasing career diversity, and preparing a workforce forces of the future.²⁹⁰ In 2017, it was decided that the US Department of Education would allocate at least \$200 million per year

²⁸⁷ 2016-2019 Progress Report: Advancing Artificial Intelligence R&D. November 2019. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/AI-Research-and-Development-Progress-Report-2016-2019.pdf> (accessed 12.03.2023)

²⁸⁸ NSF's Program on Fairness in Artificial Intelligence. URL: <https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence-collaboration-amazon> (accessed 14.04.2023)

²⁸⁹ DARPA AI Next Campaign. September, 2018. URL: <https://www.darpa.mil/work-with-us/ai-next-campaign> (accessed 12.03.2023)

²⁹⁰ Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. December, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/12/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf> (accessed 12.03.2023)

in the form of grants to promote the STEM education system.²⁹¹ In addition, federal research and development agencies support many scholarship programs in the field of AI.

To meet the challenges of workforce transformation in line with the needs of today's economy, NSF is implementing a converged research program "The Future of Work at the Human-Technological Border", which helps to better understand the emerging socio-technological landscape, create new technologies to increase human productivity and promote comprehensive lifelong learning.²⁹²

Infrastructure. The development and adoption of AI technologies depends on broad access to high-quality data, algorithms and computing infrastructure.

Currently, the United States occupies a leading position in the field of electronic component base for AI technologies. Among the world's top 15 semiconductor manufacturing companies, 8 are American, the United States ranks first in the number of AI microchip manufacturers with 62 companies, compared to China with 29 and the EU with 14.²⁹³

The United States is among the world leaders in high performance computing. The TOP 500 most powerful US supercomputers are represented by 149 systems and rank first in the world in terms of total maximum performance. The second place in this indicator belongs to Japan (32 systems), China is in third place (173 systems).²⁹⁴

²⁹¹ Presidential Memorandum for the Secretary of Education. September 25, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/> (accessed 12.03.2023)

²⁹² Future of Work at the Human-Technology Frontier. February 16, 2023. URL: <https://beta.nsf.gov/events/future-work-human-technology-frontier-office-hours-2/2023-02-16> (accessed 18.03.2023)

²⁹³ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update. January 2021 // Center for Data Innovation. August 19, 2019. URL: <https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (accessed 16.02.2023)

²⁹⁴ List statistics // TOP500: The List. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (accessed 18.03.2023)

The US National AI Initiative provides a set of measures aimed at further development of infrastructure. In particular, the creation of the National AI Research Resource (NAIRR) is envisaged, which will provide researchers with access to computing resources and high-quality data, as well as appropriate educational tools and user support. In November 2020, the National Council on Science and Technology approved a strategic plan for developing the advanced computing ecosystems of the future, which outlines a nationwide approach to building the future of the national advanced computing ecosystem and establishes an operational and coordinating structure based on broad partnerships between federal agencies, industry, non-profit organizations and scientific circles.²⁹⁵

Table 3 lists the priority industries for adoption as identified by the US National AI Initiative.²⁹⁶

Table 3 – Priority Industries for AI Adoption in the US

Industry	Main directions	Key Documents
Agriculture	sensor development, ecosystem management, rural community support, workforce development through education and training at all levels, bioinformatics.	Data Science for Food and Agricultural Systems (USDA)
Financial services	monitoring of transactions and analysis of connections, financial decision-making systems, detection of illegal actions in the investment market	A financial system That Creates Economic Opportunities (US Department of the Treasury);
Healthcare	intelligent programming of medical devices, tools to improve clinical data collection, diagnosis and treatment of diseases	Artificial Intelligence/Machine Learning – Based Software as a Medical Device Action Plan (FDA); Bridge2AI (NIH)
Defense and security	preventive maintenance, humanitarian aid, disaster management, new types of weapons, unmanned vehicles, cybersecurity, video search, intelligence.	AI Next Campaign (DAPRA); Department of Homeland Security's AI Strategy (DHS); The AIM Initiative (IC)

²⁹⁵ Pioneering the Future Advanced Computing Ecosystem: A Strategic Plan. November, 2020. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/Future-Advanced-Computing-Ecosystem-Strategic-Plan-Nov-2020.pdf> (accessed 18.03.2023)

²⁹⁶ National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy. URL: <https://www.ai.gov/> (accessed 13.03.2023)

Industry	Main directions	Key Documents
The science	AI for Science is the next generation of methods and scientific capabilities in computing (e.g., machine learning, deep learning, statistical methods, data analysis, automated control, and related fields) for building models from data and using them in a wide range of fundamental and applied scientific research.	AI for Science (ANL, ORNL)
Transport	unmanned aerial systems, unmanned vehicles, traffic management systems, security, "urban air mobility" (new types of aircraft, air taxi, delivery of goods, mobility for people with disabilities).	Ensuring American Leadership in Automated Vehicle Technologies: Automated Vehicles 4.0 (DOT)
Hydrometeorology	forecasting weather and natural disasters, mapping and monitoring the state of the world ocean, surveying fish stocks.	NOAA Artificial Intelligence Strategy

The international cooperation. The US AI strategy is primarily aimed at promoting American research and development in international markets, while at the same time, the United States puts forward its own national interests and values as conditions for cooperation with other countries. US international activity in the field of AI includes a complex of multilateral and bilateral formats. For example, in September 2020, the United States and the United Kingdom signed the Declaration on Cooperation in the Field of AI, which sets out priorities for joint activities in the field of research and development, unlocking commercial opportunities for AI technologies, promoting collaboration between researchers and students, developing public-private partnerships.²⁹⁷

In September 2021, the US-EU Council for Trade and Technology released a Joint Statement containing a special section on cooperation in the field of AI. The document emphasizes the willingness to work together to ensure that AI is used in accordance with shared democratic values and human rights. In addition, in the future, the US and the EU intend to discuss measurement and evaluation tools, as

²⁹⁷ Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development> (accessed 13.03.2023)

well as activities to develop common technical requirements for reliable AI and measures to protect data privacy.²⁹⁸

the June 2020 G7 Ministerial of Science and Technology meeting, chaired by the United States, it was decided to establish the Global Partnership for AI (GPAI), whose members today are Australia, Belgium, Brazil, Canada, Czech Republic, Denmark, France, Germany, India, Ireland, Israel, Italy, Japan, Mexico, Netherlands, New Zealand, Poland, Republic of Korea, Singapore, Slovenia, Spain, Sweden, UK, US and EU. At the same time, the GPAI Secretariat is located in the OECD, and the representatives of the latter are permanent observers in the governing bodies of the GPAI, and experts in the working groups, thereby exercising international political leadership of its activities.

In May 2019, the United States, together with other OECD countries, laid the foundations for broad international cooperation in the field of AI by adopting the OECD Guidelines on AI, which set out common principles and approaches to research, development, implementation, reliability and security of AI-based systems, which in largely reflect the priorities of the US National AI Initiative.²⁹⁹ In the same year, the G20 Summit formulated and endorsed the G20 AI Principles, based on the OECD Recommendations, further strengthening the American vision and approach to AI on the global stage.³⁰⁰

In general, US AI policy has the following common characteristics:

- focus on global leadership in the use of AI technologies in the public and private sectors;
- development of interdisciplinary collaboration and cooperation within the research community by creating a national research infrastructure that provides

²⁹⁸ US-EU Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement. September 29, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/29/u-s-eu-trade-and-technology-council-inaugural-joint-statement/> (accessed 18.03.2023)

²⁹⁹ OECD Principles on Artificial Intelligence. May 2019. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (accessed 12.03.2023)

³⁰⁰ G20 AI Principles. June 9, 2019. URL: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/g20-ai-principles> (accessed 12.03.2023)

researchers and developers with access to modern computing resources, high-quality databases, algorithms and educational tools;

- reliance on public-private partnerships that combine government support in the form of investment in basic and applied research and development in critical areas identified at the state level with the involvement of the private sector in innovation and the process of introducing specific technologies and developments;

- sectoral focus of promoting AI technologies: agriculture, financial services, healthcare, defense and security, science, transport, hydrometeorology;

- formation of a multi-level system for managing and coordinating the development and implementation of AI technologies: a coordinating national body, a network of specialized industry organizations, and supporting national research institutes;

- the dependence of the development and implementation of AI technologies on the principles of reliability and security enshrined in strategic documents, taking into account a wide range of impact of technologies on society (ensuring equality, privacy, data confidentiality, ethical principles, etc.);

- use of technological developments in the field of AI to strengthen the integration potential at the international level by expanding the integration agenda in multilateral cooperation formats (OECD, NATO) and promoting their own vision, approaches and standards.

China. A special article by the author is devoted to the study of China's policy in the field of AI technology development.³⁰¹ Let's briefly outline some key points here. Currently, China is one of the recognized world leaders, along with the US and the EU, in the development and implementation of AI technologies. The Chinese government has focused significant financial resources on the development of AI technologies: about \$ 32 billion until 2030.³⁰² The market for

³⁰¹ Vykhodets R.S. China's strategy in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 2. P. 140-147.

³⁰² Artificial Intelligence Index Report 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/> (accessed 12.03.2023)

AI-related products in China is showing a growth rate that is well above the global average. According to expert estimates, the AI market in China is growing at 44% per year, while for the global market, the average growth rate for this area is at the level of 26% per year. According to international experts, of the 50 fastest growing global AI companies in the world, 30 are from the US and 14 from China.³⁰³

As noted above. China is leading the world in building supercomputing infrastructure, which is critical for deep machine learning, which is at the heart of the current generation of AI technologies.

The creation of the next generation of AI capable of thinking and making decisions in real time is associated with the miniaturization of computer systems, reducing their energy consumption, increasing the speed of calculations, and increasing the ability for deep contextual learning. In this aspect, in order to promote major technological breakthroughs in the field of AI, China's "Next Generation Artificial Intelligence Development Plan" emphasizes the importance of accelerating research in quantum computing and brain science. It should be emphasized that the development of quantum computing is given increased attention in many national strategies for the development of AI. For example, one of the key documents of the AI strategy of the European Union ("Digital Compass 2030") indicates that the quantum revolution in the next decade will radically expand the range of digital technologies, primarily in healthcare, improving the security of communications and data transfer, improving the efficiency of monitoring resources, business and environmental friendliness of production.³⁰⁴ In the field of creating a quantum computer, China is currently contesting the palm with the United States. With regard to basic brain research, which is essential for

³⁰³ The AI Ecosystem in China 2020. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> (accessed 18.03.2023)

³⁰⁴ 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final, 21 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (accessed 18.03.2023)

the creation of next-generation AI technologies, China has launched its own large-scale project in this area.

In general, it should be emphasized that at present China has reached the level of technological, financial and competence power in order to convert its scientific and technological achievements into international political influence, while maintaining its high-tech sovereignty from the West. For example, according to the latest data from the World Intellectual Property Organization (WIPO), of the top 20 AI universities and government research organizations, the vast majority (17) are in China, and the Chinese Academy of Sciences holds the two largest AI patent portfolios. China's dominance becomes even clearer when looking at the top 500 organizations by AI patents: China is represented by more than 100 organizations, compared to 20 organizations from the US and 4 each from Europe and Japan. In the top 20 universities and public research organizations for the largest number of publications on the topic of AI, China again occupies a dominant position, in the list of ten of the twenty largest public research institutions in this indicator, Chinese are, and the Chinese Academy of Sciences takes the first place.³⁰⁵

The formation of a holistic state policy of China in the field of AI falls on the period of 2015-2018, when a number of strategic documents were adopted at different levels, defining the main directions and priorities of development in this area.³⁰⁶

³⁰⁵ WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (accessed 21.02.2023)

³⁰⁶ China embraces AI: A Close Look and A Long View. December, 2017. URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/China_Embraces_AI.pdf (accessed 18.03.2023)

Table 4 – China's Key AI Policy Papers

Name	Acceptance date	Main focus
"Made in China 2025"	May 2015	Development of intellectual production, robotics, semiconductors. AI should become a driver of economic growth and production automation
"Internet +"	July 2015	The development of Internet access for industry, the use of AI to create new services and applications, the development of basic enterprises in the field of AI
Three-Year AI Action Plan	May 2016	Developing the AI technology ecosystem, creating world-class enterprises and products
Next generation artificial intelligence development plan	July 2017	Roadmap for China's Global AI Leadership by 2030
Implementation of Shanghai Province's Vision for the Development of Next-Generation Artificial Intelligence	November 2017	Development in Shanghai of smart cars, robots, software platforms, semiconductor production for AI, smart sensors
Some measures to promote the development of the AI industry	November 2017	Establishment of a special fund of 200 million yuan per year to attract talent and innovation to the Wuhan High-Tech Development Zone
Establishment of the China Alliance for the Development of the AI Industry	November 2017	The National Development and Reform Commission of the People's Republic of China establishes a special group, which includes representatives of Chinese leaders in the field of AI, including Baidu, Unicom, ZTE, iFlytek, AI speech, Sysware, Haier, Huawei
New Guidelines for the Development of the AI Industry	December 2018	Alignment of the guidelines with the core provisions of the national AI strategy
AI standardization white paper	January 2018	A Chinese perspective on AI standards is presented. Recommendations and proposals for the international standardization of AI for ISO

In general, these documents represent a holistic official view of the Chinese government on the national strategy for the development of AI technologies, identify priority areas and goals, and form a system of organizational and financial mechanisms to achieve them. According to some researchers, the fact that "in China, large-scale plans were officially approved at all levels, projects were

specified and tasks for the development of AI were formulated, which made it possible to ensure a systematic approach, control and distribution of the burden on the industry as a whole."³⁰⁷

China's AI plans look really ambitious, as the already mentioned 2017 Next-Gen AI Development Plan outlines planned financial targets within three milestones:

- 2020 (priority areas: big data, autonomous intelligent systems, swarm intelligence, hybrid augmented intelligence, fundamental theories of AI) - the income of the AI industry should be 150 billion yuan, including related industries - 1 trillion yuan;

- 2025 (priority areas: smart manufacturing, smart medicine, smart city, smart agriculture, national defense, AI regulation, AI safety assessment and control systems) - main AI industry - 400 billion yuan, including related industries - 5 trillion yuan;

- 2030 (social management, national defense, value chain) - the main industry of AI - 1 trillion yuan, including related industries - 10 trillion yuan.

Analyzing China's significant achievements in the field of AI, some experts emphasize: "China plans to expand the sources of AI innovation, create a platform that will strengthen deployment and motivate the use of open source. The system should be the basis for continuous innovation that will help China climb to the top of the world's technology and develop this area to an incredible level."³⁰⁸

Analyzing China's success in the development of high technologies over the past 20 years, some authors point out that "China's technological rise makes us talk about the formation of a new bipolar configuration of the global technological

³⁰⁷ Strukova P.E. Artificial intelligence in China: the current state of the industry and development trends // Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 601.

³⁰⁸ Overview of selected issues in the field of big data and artificial intelligence. Moscow: FKU "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2019. P. 116.

space, which will be beyond the power of any state to break in the medium term."³⁰⁹

Despite the fact that in certain high-tech areas there is still dependence on the United States, for example, in the production of semiconductor products, China is forming an alternative to the Western space in the field of the most advanced technologies, including AI, relying on which it is increasingly projecting its geopolitical ambitions.

European Union. A detailed study of the EU policy in the field of AI technology development is given in a special article by the author. Here we will focus on some fundamental points.³¹⁰

United Europe is now firmly at the forefront of the global technology race and has been among the first to develop a consolidated AI policy for EU member states. AI has been firmly entrenched on the EU agenda since the September 2017 Digital Summit in Tallinn, the main goal of which was to discuss at the highest level the digital future of Europe until 2025.

The starting point for defining the contours of a common European policy in the field of AI was the signing on April 10, 2018 within the Digital Day -2018 in Brussels by all EU countries and Norway of the Declaration on cooperation in the field of AI, which proclaimed the intention to join forces in the development and implementation of AI technologies, as well as jointly solve economic, social, ethical and legal problems that arise along the way.³¹¹ And already on April 25, the European Commission, in its message «Artificial Intelligence for Europe»,

³⁰⁹ Kheifets B. A. What route will Russia take along one difficult Chinese path (scientific report). Moscow: Institute of Economics RAS, 2020. P.33.

³¹⁰ Vykhodets R.S. The space of EU policy in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. N 3 (37). P. 108-117.

³¹¹ Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. Brussels. 04/10/2018. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (accessed 12.03.2023)

presented the European AI strategy, which outlines the basic principles of a unified European approach in this area.³¹²

The Communication also provided for the adoption by the end of 2018 of a coordinated plan for the development of AI in Europe. Between June and November 2018, the European Commission held a series of discussions with EU Member States on possible areas of cooperation to adapt economies and societies together to the rapid changes brought about by AI. The result of this work was the decision of the EU Member States, joined by Norway and Switzerland, to put in place a rolling coordinated plan that is updated annually. The first version of the Plan was approved on December 7, 2018.³¹³ The document represents a joint commitment of the EU and Member States to promote the development and use of AI in Europe, coordinate pan-European and national efforts in the field of AI, and also serve as a guide for the formation of an appropriate regulatory framework at the national level.

According to the latest official figures, 21 EU member states and Norway have adopted national strategies for artificial intelligence.³¹⁴ Despite the differences in the approaches to AI policy chosen by European states, all national strategies clearly correlate with the basic documents adopted at the EU level. As an integral basis for AI policy throughout the European space, in February 2020, the European Commission published a White Paper on Artificial Intelligence.³¹⁵ The document contains a strategic vision for the development of two enlarged areas for the creation and implementation of AI in Europe:

³¹² Artificial Intelligence for Europe. COM(2018) 237. Brussels. 04/25/2018. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-artificial-intelligence-europe> (accessed 12.03.2023)

³¹³ Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Brussels, 7.12.2018 COM(2018) 795 final. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/56017> (accessed 12.03.2023)

³¹⁴ A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (accessed 12.03.2023)

³¹⁵ White Paper on Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust. COM (2020) 65. Brussels. 02/19/2020. URL: https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (accessed 12.03.2023)

"Ecosystem of Excellence" – Development of public-private partnerships to mobilize resources to create incentives throughout the value chain, from research and innovation to the implementation of AI-based solutions by small and medium-sized enterprises.

"Ecosystem of trust" - the formation of a European regulatory framework, ethical principles, identification of the main risks and critical areas, as well as the definition of basic principles for ensuring security in the field of AI.

The formation of these ecosystems includes several directions, which are reflected in two key documents of the European Commission approved in April 2021: an updated version of the Coordinated Plan for Artificial Intelligence, which confirmed and clarified the main provisions of a similar document³¹⁶ from 2018 and the Proposal for Regulation,³¹⁷ establishes harmonized AI rules across the EU.

Investment in technology. As part of this direction, it is planned to accelerate private and public investments in AI technologies with the attraction of EU funding through a number of programs, primarily Digital Europe (Digital Europe, DEP), Horizon Europe (Horizon Europe, HE), programs of the Recovery and Sustainability Fund (Recovery and Resilience Facility, RRF). In particular, it is planned to allocate at least 1 billion euros per year from the DEP and HE programs for the period 2021-2027. It is assumed that funding at the EU level should promote cooperation between Member States and attract investment from the private sector. The main financial target for the coming decade is a gradual increase in public and private investment to 20 billion euros per year.

Around €134 bn (20% of total funding) has been set aside under the RRF for a "digital target ". According to experts from the European Commission, these funds allocated to Member States in the form of loans and grants can be a decisive factor in increasing investments and creating the necessary infrastructure for

³¹⁶ Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (accessed 12.03.2023)

³¹⁷ Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (accessed 12.03.2023)

working with big data, cloud computing, testing and experimentation, as well as accelerating the adoption of AI technologies by public authorities. and enterprises.

At the heart of the approach chosen by the EU to investment in AI technologies is the focus on achieving a multiplier effect, as well as focusing on the development and implementation of the most dynamically developing technologies. There is an explosive growth in the number of companies using AI technology around the world. For example, according to Gartner, in the period 2015-2019 the number of such companies has almost quadrupled.³¹⁸ Developments in related fields, such as robotics, the Internet of things, significantly expand the technological boundaries and create additional potential for the introduction of AI technologies. According to the latest estimates by European experts, the multiplier effect from the introduction of AI technologies can provide about 290 billion euros in GDP growth and 4.6 million additional jobs by 2030.³¹⁹ Focusing on these data, European AI policy aims to pool investment instruments at the EU level, Member States and the private sector to maximize the impact of the development and implementation of AI in the European economy.

Creation of conditions for technological development. This direction includes three blocks:

1. Creation of management structures and coordination of joint actions. The organizational core at the EU level within this bloc consists of three horizontal working groups created by the European Commission:

- a high-level group of experts on AI (deals with the analysis of the ethical implications of AI implementation, develops recommendations for the implementation of a unified policy in this area);

³¹⁸ Gartner Survey Shows 37 Percent of Organizations Have Implemented AI in Some Form. January 21, 2019. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-01-21-gartner-survey-shows-37-percent-of-organizations-have> (accessed 12.03.2023)

³¹⁹ Europe's two trillion euro dividend: Mapping the Cost of Non-Europe. 18.04.2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU\(2019\)631745](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU(2019)631745) (accessed 12.03.2023)

- a high-level group of experts on the impact of digital transformation on EU labor markets (develops recommendations on digital transformation in the field of labor and employment);
- Expert Group on Responsibility and New Technologies (deals with the analysis of risks and consequences for the individual and society associated with the introduction of AI technologies).

Specialized Internet platforms and expert platforms play a significant role in coordinating efforts, evaluating and sharing the most successful experience. In order to track developments related to AI technologies, in 2018 the European Commission, in agreement with Member States, launched a specialized AI statistical and analytical platform Watch,³²⁰ which collects and makes available to all stakeholders data on industrial, technological and research potential, AI initiatives in member states, investment, development and adoption, as well as their impact on the economy and society.

The Platform for Innovative Public Services (IPSO) was established in 2018 to monitor the adoption and use of new technologies in Europe, including AI, in public service delivery.³²¹ To analyze similar developments in the industrial sector in 2020, the Advanced Technologies for Industry (ATI) platform has been created.³²²

To engage with a wider range of stakeholders on AI-related issues, the AI Alliance online forum has been created,³²³ bringing together more than 4,000 members representing academia, business, civil society and policymakers from around the world. To date, the forum has met twice: in June 2019 and October 2020.

³²⁰ AI watch. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/ai-watch/about_en (accessed 12.03.2023)

³²¹ innovative public services. URL: <https://joinup.ec.europa.eu/collection/innovative-public-services> (accessed 12.03.2023)

³²² Advanced Technologies for Industry. URL: <https://ati.ec.europa.eu/> (accessed 12.03.2023)

³²³ The European AI Alliance. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-ai-alliance> (accessed 12.03.2023)

Organizational efforts at the EU level are also reflected at the level of Member States. In many countries, national AI networks are being created, for example, the German Digital Hub Initiative, the Netherlands AI Coalition.

2. Data exchange based on common ethical and legal principles. The EU AI policy aims to create a single European space for seamless cross-border data exchange. A landmark event along this path was the adoption on February 19, 2020 of the European Data Strategy,³²⁴ which aims to create a single data market to ensure the global competitiveness of the EU. In development of the main provisions of the Strategy, on November 25, 2020, the European Commission proposed a new Data Management Law.³²⁵ The document includes a number of measures to increase confidence in the exchange of data, facilitate the reuse of certain data held in the public sector, create conditions for the participation of new intermediaries in the process of data exchange and, in general, is designed to simplify and secure the provision of their data by organizations and individuals to the public use.

3. Development of critical computing infrastructure.

Computing infrastructure is a necessary technological foundation for adding value in the field of AI. According to the latest expert estimates, the EU countries rank third in the world after China and the United States in terms of the number of the most productive supercomputers. For the development of high-performance computing and the development of innovative supercomputing technologies, the European High-Performance Computing Joint Venture (EuroHPC) was established in 2018, combining the resources of 32 participating countries and private partners.

Many experts associate breakthroughs in the creation of high-performance and energy-efficient microprocessors for AI with discoveries of the fundamental principles of the brain and the creation of «neuromorphic computing» technologies

³²⁴ A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (accessed 12.03.2023)

³²⁵ Data Governance Act. Brussels, 25.11.2020 COM(2020) 767 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0767&from=EN> (accessed 12.03.2023)

based on them. The EU has a massive Human Brain Project that brings together about 500 scientists and engineers from more than 140 universities, training and research centers across Europe. One of the project's flagship areas is "neuromorphic technologies", which researches and develops new chip architectures for AI. In addition, in 2019-2020 Within the framework of the joint venture "Electronic Components and Systems for European Leadership" (ECSEL), they initiated several large-scale projects to develop platforms for neuromorphic computing.³²⁶

Assistance in development and implementation.

The basis of the European support system for the entire chain from research and development of AI technologies to their implementation is the promotion of public-private partnerships through a number of specialized structures. A special place in this process is occupied by the European Partnership for AI, Data and Robotics.³²⁷ Its main goal is to ensure European sovereignty in the field of creation and implementation of reliable and secure AI technologies by 2030. Also, a number of other public-private partnerships are directly related to AI technologies: the Big Data Value Association (BDVA, brings together leading European research organizations and companies, including data providers, users and analysts), PPP Robotics (SPARC, brings together the European robotics industry and academia, providing a complete innovation cycle, from research to industry R&D to real-world testing of innovative robotic technologies), EuroHPC JU (joins efforts and resources to deploy world-class supercomputers in Europe), Electronic Components and Systems for European Leadership (ECSEL, provides cooperation in the field of hardware and embedded software necessary for the development and deployment of digital systems based on AI).

At the EU level, significant attention is paid to the development of research and innovation in the field of AI and the exchange of successful experience. Since 2021, the construction of a pan-European network of centers of excellence in the

³²⁶ Key Digital Technologies Joint Undertaking. URL: <https://www.kdt-ju.europa.eu/ecsel-ju-useful-information> (accessed 12.03.2023)

³²⁷ ADRA. URL: <https://ai-data-robotics-partnership.eu/> (accessed 12.03.2023)

field of AI has begun, which has received the name «AI Beacon for Europe» in the EU strategic documents.³²⁸ Its main goal is to create an alliance of strong European research organizations that will have a common roadmap to support excellence in basic and applied research, to align national efforts in the field of AI.

To stimulate the adoption of AI technologies, the European Commission is implementing measures in two directions:

- Creation of a technology infrastructure for testing and experimentation (TEF),³²⁹ designed to test AI technologies before they are released to the market.
- Creation of a network of European Digital Innovation Centers (E DIH)³³⁰ – providing companies with ready-made AI-based solutions, as well as an opportunity to test AI technologies before investing. Financing in the amount of 1.5 billion euros is provided for the creation of a network of 210 centers that will cover all regions of Europe.

Formation of the educational and regulatory environment.

As many experts point out, a significant obstacle to the development of AI technologies is the lack of necessary knowledge and skills among a significant part of the working-age population. According to the latest data, 45% of European companies cite the lack of skills of existing staff as the main obstacle to the implementation of AI, and 57% indicate the difficulty of hiring new staff with the necessary skills in the field of AI.³³¹ At the same time, some European analysts point out that in order to benefit from the technology to the fullest extent, widespread training of employees in the field of AI is necessary.³³²

³²⁸ Towards a European Lighthouse for AI. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/european-ai-alliance/blog/towards-european-lighthouse-ai-0> (accessed 12.03.2023)

³²⁹ Workshop on Artificial Intelligence Testing and Experimentation Facilities for Smart Manufacturing. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/workshop-artificial-intelligence-testing-and-experimentation-facilities-smart-manufacturing> (accessed 12.03.2023)

³³⁰ European Digital Innovation Hubs. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/edihs> (accessed 12.03.2023)

³³¹ Gosse J. et al. European enterprise survey on the use of technologies based on artificial intelligence. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. P. 11.

³³² Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. AI. 2020. Vol. 1. P. 186.

In this regard, the European Commission has developed a set of measures to support the development of digital skills, including in the field of AI, at all levels of formal and non-formal education. In September 2020, the Digital Education Action Plan for the period 2021-2027 was adopted.³³³ The document includes specific actions to improve AI skills in the broader context of advancing digital skills.

An important milestone in the development of a pan-European regulatory environment for the development of AI technologies was the development in 2019-2020. High-Level Expert Group on AI of the Ethics for Trustworthy AI³³⁴ Inventory of Assessments for Trustworthy AI (ALTAI).³³⁵ The first document identified key principles and requirements for robust AI, while the second proposed self-assessment criteria that formed an operational framework to support the application of ethical principles by AI developers and users.

Promoting the European vision internationally.

AI strategy is to put forward its own principles and vision of how AI should develop as a condition for cooperation with other countries in this field. Therefore, a priority for the EU is the active promotion of its regulatory rules at the international level and cooperation, first of all, with developed countries that have a strong position in the field of R&D and investment in AI. For example, in November 2020, the first meeting of the EU-Japan AI Joint Committee was held, work is underway to establish a joint group on AI with India, and similar bilateral projects are being developed with Australia and Singapore. There are active discussions with the United States on cooperation in the field of cybersecurity and the formation of a transatlantic agenda in the field of AI. However, the focus of the EU on priority cooperation with the most developed countries creates the ground

³³³ Digital Education Action Plan 2021-2027. Brussels, 30.9.2020 SWD(2020) 209 final. URL: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf (accessed 12.03.2023)

³³⁴ Ethics Guidelines for Trustworthy AI. B-1049 Brussels. 8 April 2019 URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>

³³⁵ The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI). B -1049 Brussels. July 17, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/68342> (accessed 12.03.2023)

for building artificial barriers that impede the development of international cooperation and contribute to the strengthening of the technological isolation of developing countries. First of all, this is true for African countries, as K.A. Pantserev: «There are many obstacles in the way of the progressive development of AI technologies in African countries. One of the most urgent tasks for African states is a serious qualitative modernization of the education system in order to increase fundamental digital literacy.»³³⁶ In this sense, a more multi-vector EU approach to international cooperation would go a long way towards bridging the existing gap in technological development.

The EU is a founding member of the Global Partnership for AI (GPAI), launched in July 2020, and is actively involved in advancing this direction within the OECD, primarily through its participation in the ONE - AI Expert Group, which provides policy advice in AI to the OECD Committee on Digital Economy Policy. Importance in the EU is given to the promotion of European AI standards in international standardization organizations such as ISO, Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE), World Intellectual Property Organization (WIPO).

Large AI spaces. Today, the circle of countries that have reached the world's leading positions in the field of AI has been determined. While many AI developments are now taking off globally, there is a disproportionate distribution of benefits in favor of governments capable of supporting the full range of scientific and technological innovations in the field of AI, which perpetuates inequalities at the international level.

Scientific and technological leadership gives the state significant advantages in the global system of division of labor and in the world political arena. At the same time, the integration potential associated with developments in the field of AI, which is manifested in investments, education, technology transit, multilateral infrastructure projects, the development and dissemination of norms, standards,

³³⁶ Pantserev K.A. Sub-Saharan Africa on the Path to Artificial Intelligence: Myth or Reality? // Asia and Africa today. 2020. N 10. P. 32.

ethical principles, approaches to ensuring security, etc. when creating and implementing AI technologies. Therefore, it is no coincidence that some researchers point out that the high-tech sphere occupies one of the central places in the comprehensive US policy to contain China.³³⁷

The global technological trend in the development of AI today largely determines the context of bilateral and multilateral relations between countries, forms a new agenda within the framework of integration projects, and also contributes to the active development of international cooperation.

Expert groups on AI are being created at the level of international organizations. For example, in February 2020, the first meeting of the OECD Expert Network on Artificial Intelligence was held.³³⁸ A High-Level Expert Group on Artificial Intelligence has been established within the European Commission.³³⁹ UNESCO has an Ad Hoc Group of Experts on Guidelines for the Ethics of Artificial Intelligence.³⁴⁰

International platforms and major international forums are actively developing. These include AI for Good Global Summit (under the auspices of the UN),³⁴¹ AI Partnership for Defense (organized by the Joint Center for Artificial Intelligence and the US Department of Defense),³⁴² China-ASEAN AI Summit (organized by the China Association for Science and Technology, Guangxi Zhuang Autonomous Region).³⁴³

³³⁷ Grafov D.B. US approaches to containing China. USA & Canada: economics, politics, culture. 2022. Issue 3. P. 41-60.

³³⁸ List of participants in the OECD Expert Group on AI (AIGO). URL: <https://oecd.ai/en/list-of-participants-oecd-expert-group-on-ai> (accessed 13.03.2023)

³³⁹ High-level expert group on artificial intelligence. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai> (accessed 13.03.2023)

³⁴⁰ Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (accessed 13.03.2023)

³⁴¹ 2020 AI for Good Global Summit to scale AI-powered problem solving for global impact. URL: <https://aiforgood.itu.int/2020-ai-for-good-global-summit-to-scale-ai-powered-problem-solving-for-global-impact/> (accessed 13.03.2023)

³⁴² National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy. URL: <https://www.ai.gov/> (accessed 13.03.2023)

³⁴³ 17th China-ASEAN EXPO. December 1, 2020. URL: <https://asean.org/17th-china-asean-expo-china-asean-business-investment-summit-conclude/> (accessed 13.03.2023)

At the same time, the struggle for technological leadership in modern conditions fits into a wider context of geopolitical contradictions and often goes beyond ordinary competition, manifesting itself as one of the main components of the sanctions policy. Instead of comprehensive international cooperation, the creation of open platforms for the exchange of knowledge, experience and talents, the trend towards technological decoupling (separation) is becoming more and more pronounced - the concentration of technologies and technological isolation.³⁴⁴

It can be said with certainty that two large spaces in the field of AI are being formed in the international arena.³⁴⁵

The first space is formed along the line of the OECD with the unconditional leadership of the US and the EU in the field of research, development, infrastructure, resources, international standards. In May 2019, OECD member countries adopted the AI Principles, based on the OECD Council on Artificial Intelligence Recommendations, which set standards for national policy and international cooperation on AI development in areas such as privacy, digital security risk management and responsible business conduct. In addition to OECD members, Argentina, Brazil, Costa Rica, Malta, Peru, Romania and Ukraine also joined the Principles.³⁴⁶

In June 2020, the Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI) was created, a multi-stakeholder initiative developed within the framework of the G7, whose participants today are Australia, Belgium, Brazil, Canada, Czech Republic, Denmark, France, Germany, India, Ireland, Israel, Italy, Japan, Mexico, Netherlands, New Zealand, Poland, Republic of Korea, Singapore, Slovenia, Spain, Sweden, UK, US and EU. At the same time, the OECD Secretariat is a permanent observer in the governing bodies of GPAI and sends experts to

³⁴⁴ Leksyutina Ya.V. US-China Relations in 2018–2019: Trade War and Decoupling // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. Vol. 64. N 6. P. 85-93

³⁴⁵ Vykhodets R.S. Large AI-Spaces and Russia's Strategy in the Conditions of the Sanctions War // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relationship*. 2022. Vol. 22. N 2. P. 256-270.

³⁴⁶ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. legal 0449. Adopted on: 05/22/2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed 13.03.2023)

participate in working groups and the annual plenary meeting of the multi-stakeholder group of experts.³⁴⁷

These two initiatives bring together the world's largest leaders in the field of AI, creating a large space for cooperation based on common principles and approaches to standards, security, business and implementation. Within the framework of it, bilateral and multilateral formats of cooperation in the field of AI are actively developing. For example, in July 2018, India and the UAE signed a memorandum of understanding and cooperation in the development of AI innovation ecosystems,³⁴⁸ in October 2019, France and Germany signed a roadmap for the Franco-German Research and Innovation Network on AI,³⁴⁹ in October 2020. India and Japan have finalized an agreement that focuses on cooperation in digital technologies, including 5G and AI,³⁵⁰ in In September 2020, the US and UK signed a declaration of cooperation in the field of AI.³⁵¹

It should be emphasized that the focus of the most developed countries on priority cooperation, first of all, among themselves, as well as putting forward their own principles and vision of how AI should develop as conditions for cooperation with other countries in this area, creates the basis for building artificial barriers that prevent development of international cooperation and contributing to the strengthening of the technological isolation of developing countries.

³⁴⁷ GPAI. URL: [https:// gpai. ai / about /](https://gpai.ai/about/) (accessed 13.03.2023)

³⁴⁸ Invest India and UAE Ministry sign MoU for technological cooperation // Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Commerce & Industry. July 27, 2018. URL: [https:// pib. gov. in / Pressreleaseshare. aspx ? PRID =1540480](https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1540480) (accessed 13.03.2023)

³⁴⁹ French-German Declaration of Toulouse. 16 October 2019 // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: [https:// www. diplomacy. gov. fr / en / country - files / germany / events / article / french - german - declaration - of - toulouse -16- oct -19](https://www.diplomacy.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/french-german-declaration-of-toulouse-16-oct-19) (accessed 13.03.2023)

³⁵⁰ India, Japan finalize pact for cooperation in 5G, AI, critical information infrastructure // The Economic Times. October 7, 2020. URL: [https:// economictimes. indiatimes. com / news / defence / india - japan - finalise - pact - for - cooperation - in -5g - ai - critical - information - infrastructure / articleshow / 78534833. cms](https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-japan-finalise-pact-for-cooperation-in-5g-ai-critical-information-infrastructure/articleshow/78534833.cms) (accessed 13.03.2023)

³⁵¹ Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020. URL: [https:// www. gov. uk / government / publications / declaration - of - the - united - states - of - america - and - the - united - kingdom - of - great - britain - and - northern - ireland - on - cooperation - in - ai - research - and - development](https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development) (accessed 13.03.2023)

Such a policy largely contributes to the formation of an alternative competitive space, into which countries are beginning to be drawn, for which the range of opportunities for cooperation with the collective West has recently narrowed sharply.

The second space relies on the technological and financial power of China. In the period 2015-2018. In China, strategic programs for the development of AI were adopted at various levels, which ensured a systematic approach, control and distribution of the burden on the industry as a whole, which, together with large-scale government funding, allowed China to take the world's leading position in the field of AI.³⁵²

At the international level, China's cooperation with other countries in the field of AI is often included in a broader context related to the high technologies of the fourth industrial revolution, primarily through the Digital Silk Road initiative, which is the technological dimension of the One Belt, One Road (OBOR) integration megaproject. The content and structure of the "Digital Silk Road" is revealed in a number of strategic documents adopted in the period 2015-2019: "Made in China 2025", "Manufacturing Superpower", "Big Data Strategy", "Cloud Technology Development Strategy", "Internet Plus «, «Cyber-sovereignty», etc.³⁵³

According to some authors, the Digital Silk Road has become one of China's priorities, aimed at reducing production costs, increasing the global competitiveness of Chinese products and increasing trade with countries participating in the initiative.³⁵⁴ At the same time, when implementing the Digital Silk Road, China focuses not only on next-generation technologies, but also relies on next-generation markets. For example, more than half of the world's population

³⁵² Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A., Lukina Yu.D. Trends in the development of artificial intelligence technologies in the PRC // Issues of innovative economics. 2021. Vol. 11. N 1. P. 333-350; Strukova P.E. Artificial intelligence in China: the current state of the industry and development trends // Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies. 2020. Vol. 12. Issue. 4. P. 588-606.

³⁵³ Liu I., Avdokushin E.F. Formation of the foundations of the "digital silk road" // World of New Economics. 2019. N 13. P. 62-71.

³⁵⁴ Balakin DA, Alikberova AR Digital Silk Road in the context of the People's Republic of China // Opción. 2019 Vol. 35. N 22. P. 313.

growth by 2050 is expected in Africa, where Huawei has built 70% of its 4G networks. A Chinese submarine cable linking Pakistan and Djibouti will be the shortest Internet connection between Asia and Africa, two regions where international bandwidth has grown the fastest in recent years. China even positions itself as the central link between Nigeria and Belarus, which, with the assistance of Beijing, signed a contract to provide backup services for each other.³⁵⁵

This approach greatly strengthens China's international political influence, as it allows it to claim the most active participation in setting norms and standards in the field of high technology and cybersecurity.

Therefore, the vision and approaches in this area, based on financial and technological strength, will allow China to play a leading role in determining the principles of international agreements, for example, in the process of developing common principles for international cybersecurity at the UN level. In accordance with the already mentioned "Next Generation Artificial Intelligence Development Plan", China is actively embarking on the creation of standards in the field of AI technology and intellectual property, the development of security monitoring and evaluation systems, and their promotion in international organizations.

It is because of China's success in the field of advanced technologies that President Donald Trump launched an all-out trade and economic war with Beijing, which includes duties, export controls, repressions against Chinese scientists, and sanctions against Chinese high-tech companies.³⁵⁶

Thus, at the present time, at the international level, in the field of AI technology development, there is a process of «closure» of scientific and technological development in this area within the framework of two Large technological spaces in the context of a more general trend of decoupling of the US

³⁵⁵ Hillman JE The Digital Silk Road: China's quest to wire the world and win the future. London:Harper Business, 2021. 368 p.

³⁵⁶Pak S. The China-US Trade War: What Will Happen to the Chinese Economy? // Bulletin of international organizations. 2020. Vol. 15. N 2. P. 213-235.

and Chinese economies.³⁵⁷ According to some researchers, the decoupling ideology of the two largest world economies is centered on advanced digital technologies (5G communication standard, Internet of things, big data, artificial intelligence, etc.), which are of fundamental importance for the economy of the future and, more broadly, for strengthening China's geopolitical influence and USA.³⁵⁸ Despite the fact that in certain high-tech areas, dependence on the United States remains, primarily in the production of semiconductors and microchips, China is forming an alternative to the Western space in the field of the most advanced technologies, relying on which it is increasingly projecting its geopolitical ambitions.

Taking into account the priority position of AI in the emerging new technological paradigm, the struggle for leadership in this area often goes beyond ordinary competition, manifesting itself as one of the main components of the sanctions policy. This leads to the accelerated folding of an alternative large AI space dominated by China, under the influence of which countries fall, for which the range of opportunities for cooperation with the West has sharply narrowed recently, including Russia.

Among the EAEU member states, only Russia has approved the National Strategy for the Development of AI (2019) and developed the Federal Project "Artificial Intelligence" (2020), which includes technological development and ethical aspects of the use of AI as the main priorities. At the same time, at the EAEU level, the issue of the need to develop a unified allied policy in the field of AI is more of a subject of expert discussions and the topic of political statements included in the broader context of the Digital Agenda than an area of political management. For example, in February 2018, the Eurasian Economic Commission (EEC) launched an expert platform on the economy of data and regulation of data

³⁵⁷Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. American-Chinese economic confrontation: ideology, chronology, meaning // Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2019. Vol. 19. N 1. P. 35-46.

³⁵⁸Danilin I.V. US-China Tech War: Risks and Opportunities for China and the Global Tech Sector // Sravnitel'naya Politika. 2020. Vol. 11. N 4. P. 161.

circulation, as one of the areas of work of which, based on the results of research conducted by order of the EEC Council, it is proposed to develop an EAEU strategy for the development of technologies AI.³⁵⁹ This situation creates the ground for "drawing" the EAEU member states into the orbit of the policy of stronger players, which in turn will have a negative impact on the internal integration potential. Therefore, against the backdrop of increasingly escalating global technological competition, it is of paramount importance for the EAEU to strengthen its own technological sovereignty and develop a common allied policy in the field of AI as soon as possible as a conceptual basis for the development of bilateral and multilateral formats of cooperation both within the EAEU itself and with other countries.

Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. Here is some information from our previously published work on this topic.³⁶⁰ Against the backdrop of the global decoupling trend, the Member States are faced with the issue of enhancing scientific and technical cooperation in order to strengthen the internal integration potential and form a common technological sovereignty in the most promising sectors of the modern innovative economy, which will allow the Union to take the place of one of the most significant development centers of the modern world. The development of AI technologies is a priority in the national policy of the EAEU Member States.

Armenia. In 2019, one of the largest events in the global IT industry, the World Congress on Information Technology, took place in Yerevan³⁶¹, which in many ways contributed to increasing interest in the development of high technology in Armenia. At the state level, this area is supervised by the Ministry of High-Tech Industry, while it should be emphasized that at present AI technologies are not singled out as a separate direction with state funding. The main efforts are

³⁵⁹Collection "Digital Agenda of the EAEU 2016-2019-2025". Moscow: Eurasian Economic Commission, 2019. P. 137.

³⁶⁰ Vykhodets R.S. Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 3. P. 106-117.

³⁶¹For the first time WCIT was held in Armenia. October 2019. URL: <https://armeniangc.com/2019/10/wcit-2019-yerevan/> (accessed 10.03.2023)

concentrated on the development of cooperation with the leaders of the global high-tech industry. For example, in 2019, a large microprocessor manufacturer, Xilinx, opened its representative office in Armenia, and in April 2022, information appeared about the creation of a research center by NVIDIA in Armenia.

The social capital of the Armenian diaspora is essential for the development of the high-tech sphere. Thus, several venture funds specialize in attracting investments in Armenian high-tech startups, for example, SmartGate VC (Silicon Valley) helps companies from Armenia enter the American market; Hive Ventures (Silicon Valley) invests in start-ups led by Armenian entrepreneurs around the world; Granatus (Yerevan) provides resources to start-ups that use the high-tech potential of Armenia.

Despite the lack of a unified state policy in the field of AI, some international experts note the success of Armenia in the development of AI. Thus, in the international ranking Government AI readiness Index, which includes political, infrastructure and technological components, the country ranks 84th in the world and 7th among the states of South and Central Asia.³⁶²

In June 2021, Armenian Deputy Prime Minister Tigran Avinyan delivered a keynote article «The Importance of Artificial Intelligence in the 21st Century»³⁶³, in which he emphasized the importance of AI technologies for the country's economic and technological progress, and also pointed out the need to develop a national strategy in Armenia in the field of AI, whose main priorities are to expand the role of AI in universities; using the potential of the Armenian diaspora to establish cooperation with leading international organizations in this field; development of public-private partnership and attraction of investments; attracting highly qualified specialists to the country; creation of the necessary infrastructure and development of a unified state policy in the field of AI.

³⁶² Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (accessed 10.03.2023)

³⁶³ Tigran Avinyan: Artificial Intelligence Strategy for Armenia. 06/02/2021. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9890/> (accessed 11.03.2023)

Belarus. As in most countries of the post-Soviet space, the development of AI technologies in Belarus is not singled out as a separate area of state scientific and technical policy, but is included in a wider range of high-tech development priorities. In the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030, the introduction of developments in the field of AI is considered as the basis for the formation of new industries and one of the medium-term tasks for the development of the IT sector.³⁶⁴

AI in the country are the National Academy of Sciences of Belarus, the Belarusian State University, the Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics. In 2015, on the basis of the Joint Institute for Informatics Problems and the Institute of Physiology of the National Academy of Sciences of Belarus, the Interdepartmental Research Center for AI was organized, which brings together specialists from different fields to create advanced and competitive AI technologies, as well as to carry out research projects in the field of AI, implemented both in within the framework of state programs, and with the attraction of non-state investments.³⁶⁵ According to currently available data, Belarus ranks 84th in the world in terms of the number of scientific publications, second only to Russia and Kazakhstan among the EAEU countries.³⁶⁶

Industrial parks, which offer special economic conditions for high-tech companies, are an important driver for the development of AI technologies in Belarus. For example, the High-Tech Park, one of the leading IT clusters in Central and Eastern Europe,³⁶⁷ as well as the Belarusian-Chinese industrial park "Great

³⁶⁴National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. Minutes of the meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated May 2, 2017. N 10. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (accessed 11.03.2023)

³⁶⁵Interdepartmental Research Center for Artificial Intelligence. 08/31/2015. URL: [http:// uiip.bas - net. by / intellekt /](http://uiip.bas-net.by/intellekt/) (accessed 11.03.2023)

³⁶⁶ Scimago Journal & Country Rank. URL: [https:// www. scimagojr. com / countryrank. php ? category =1702](https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702) (accessed 11.03.2023)

³⁶⁷Hi-tech park. URL: [https:// park. by /](https://park.by/) (accessed 11.03.2023)

Stone",³⁶⁸ among their residents, have a strong representation of companies developing in the field of AI, and also implement a number of programs in the field of education, which, according to researchers, creates the basis for pairing the Belarusian high-tech sector with the integration projects of Greater Eurasia.³⁶⁹

The creation of special economic conditions for doing business, together with the development of national human resources, give a serious impetus to the development of Belarusian start-ups in the field of AI, as well as attracting investment in the high-tech sector. A significant role in this direction was played by the Decree of the President "On the development of the digital economy", which established the principle of extraterritoriality and a special legal regime for IT companies.³⁷⁰ In 2018, the Bulba Ventures fund was founded in Belarus, specializing in AI and machine learning, large foreign companies, Profitero, IHS Markit, Work Fusion, Yandex, Teqniksoft, opened their representative offices in Belarus, a number of Belarusian developments based on AI found application at the international level in the field of health care, automotive industry, agriculture. For example, the OneSoil startup helps to remotely monitor crops, increase yields, and reduce the cost of seeds and fertilizers.

In general, the policy of Belarus in the development of AI technologies is characterized by a focus on developing national competencies in this area, attracting foreign investment by creating special economic conditions, which together contribute to the export orientation of the Belarusian AI sector and strengthening its position in the space of international outsourcing.

Republic of Kyrgyzstan. The development of AI technologies in Kyrgyzstan is of a point nature, thanks to the efforts, first of all, of individual commercial companies. So, in 2021, UlutSoft developed and launched a mobile

³⁶⁸Industrial Park "Great Stone". URL: [https:// industrialpark. by /](https://industrialpark.by/) (accessed 11.03.2023)

³⁶⁹Enin Yu.I., Kokhno P.A. Chinese-Belarusian "Industrial Park "Great Stone" as a special zone of economic growth of the country and its region // Society and Economics. 2018. N 12. P. 77-87

³⁷⁰Decree of the President "On the development of the digital economy" N 8 of December 21, 2017. URL: [https:// president. gov. by / ru / documents / dekret -8- ot -21- dekabrja -2017- g - 17716](https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716) (accessed 10.03.2023)

application with AI elements for job search.³⁷¹ A year earlier, the state organization Kyrgyztest, together with UlutSoft, announced the start of work on an AI-based project to recognize texts in the Kyrgyz language and convert them to speech, which is planned to be completed in 2023.³⁷²

At the same time, it should be pointed out that there is no coherent state policy in the field of AI in Kyrgyzstan. For example, in the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic,³⁷³ AI technologies are never mentioned. However, in August 2022, the Law of the Kyrgyz Republic «On the Creative Industries Park» was adopted,³⁷⁴ which determines the functioning of the Creative Industries Park, its governing bodies, residents, the basic principles for the formation of the Creative Industries Park regime, including the basic principles of taxation of residents. The document includes programming, IT product development, robotics and AI as one of the creative industries.

The Republic of Kazakhstan. The development of AI technologies in Kazakhstan is part of a comprehensive state strategy for the digitalization of industry, first voiced by N.A. Nazarbayev in 2017 in the Message to the people. In December of the same year, the Government of the country approved calculated for the period 2018-2022 The Digital Kazakhstan program, which determined the foundations of the state policy in the field of industry 4.0 development.³⁷⁵ The main goal of the Program is the transition of the economy of Kazakhstan to a

³⁷¹A mobile application for job search with elements of artificial intelligence has been launched in Kyrgyzstan. 05/11/2021. URL: [https:// economist. kg / novosti /2021/05/11/ v - kyrgyzstane - mobilnoe - prilozhenie - dlya - poiska - raboty - c - elementami - iskusstvennogo - intellekta /](https://economist.kg/novosti/2021/05/11/v-kyrgyzstane-mobilnoe-prilozhenie-dlya-poiska-raboty-c-elementami-iskusstvennogo-intellekta/) (accessed 14.03.2023)

³⁷²By 2023, artificial intelligence will appear in the Kyrgyz Republic, processing information in the state language. 09/23/2020. URL: [https:// kabar. kg / news / k -2023- godu - v - kr - poiavitsia - iskusstvennyi - intellekt - obrabatyvaiushchii - informatciiu - na - gosiazyke /](https://kabar.kg/news/k-2023-godu-v-kr-poiavitsia-iskusstvennyi-intellekt-obrabatyvaiushchii-informatcii-na-gosiazyke/) (accessed 14.03.2023)

³⁷³National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040. November 2018. URL: [http:// mineconom. gov. kg / storage / directs / documents /209/15421950795 bec 078718 fff. pdf](http://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795_bec_078718fff.pdf) (accessed 14.03.2023)

³⁷⁴Law of the Kyrgyz Republic "On the Park of Creative Industries" dated August 8, 2022 N 88. URL: [http:// cbd. minjust. gov. kg / act / view / ru - ru /112419](http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112419) (accessed 14.03.2023)

³⁷⁵Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 N 827. URL: [https:// digitalkz. kz / wp - content / uploads /2020/03/% D 0% A 6% D 0%9 A -% D 1%80% D 1%83% D 1%81. pdf](https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf) (accessed 10.03.2023)

fundamentally new development trajectory that ensures the creation of the digital economy of the future in the long term. AI technologies play a significant role in this process. In particular, it is expected that the introduction of AI-based systems will greatly accelerate the modernization of the mining and manufacturing sectors, healthcare, the provision of public services, and will contribute to the development of smart urban infrastructure.

The total volume of public and private investments under the Program was 278 billion tenge (about 44 billion rubles), the direct economic effect from its implementation by 2025 is estimated at 1.7-2.2 trillion tenge (270-350 billion rubles). At the same time, Big Data and AI technologies are one of the 12 areas with which the greatest increase in added value is associated.³⁷⁶

The main center of research and development in the field of AI in Kazakhstan is Nazarbayev University, which established the Institute of Smart Systems and Artificial Intelligence (ISSAI) in September 2019, which coordinates the efforts of Kazakh researchers and developers, promotes the introduction of AI technologies in industry, and implements a number of educational programs and internships.³⁷⁷ According to the latest data, in terms of the number of publications related to AI, Kazakhstan ranks 76th in the world, second only to Russia (20th place) among the EAEU countries.³⁷⁸

As in many other countries, in Kazakhstan, the role of locomotives in the development of AI technologies is played by large commercial organizations that have enough resources necessary to implement digital transformation projects. At the same time, at the level of political management and official statistics, the introduction of AI-based systems into production processes is considered in the general complex of digitalization processes in production. According to official data, today the mining and metallurgical complex is the undisputed leader in digital

³⁷⁶ Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 N 827. URL: <https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (accessed 10.03.2023)

³⁷⁷ ISSAI. URL: <https://issai.nu.edu.kz/> (accessed 10.03.2023)

³⁷⁸ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 10.03.2023)

transformation in the country. So, to date, 13 large mining enterprises have completed 20 projects for the implementation of Industry 4.0 for a total of 88.7 billion tenge. In addition, the Ministry of Industry and Infrastructure Development of the Republic of Kazakhstan is implementing a project to create seven model digital factories on the basis of AK Altynalmas JSC, Eurasian Foods JSC, Kentau Transformer Plant JSC, Chimpharm JSC, Karlskrona LLP, Balteksstil LLP «, LLP «Almaty Fan Plant» in order to demonstrate the effects of the introduction of new digital technologies. These companies have already implemented 14 projects in this area for 7.5 billion tenge, which allowed not only to increase their own profits by reducing costs and increasing labor productivity, but also to reach a new technological level of development, as well as integrate into global value chains.³⁷⁹

In general, over the past five years, Kazakhstan has managed to make serious progress in the development and implementation of the most advanced technologies, which are at the center of the state scientific and technological policy and are the objects of increased attention of the country's top leadership. In 2020 President K.-J. Tokayev, in his speech at the international conference "Artificial Intelligence Journey", identified the development of AI technologies and big data analysis as one of the main development priorities.³⁸⁰ International experts also highly appreciate the success of Kazakhstan in the field of AI; in 2022, in the already mentioned Government AI Readiness Index, it ranks third among the states of South and Central Asia, behind only India and Turkey.³⁸¹

Russian Federation. In 2019, the EAEU was the only one among the participating countries that approved a national strategy in the field of AI, which laid the foundations for national policy in this area and outlined priority areas for

³⁷⁹Artificial intelligence and digital factories: how the elements of Industry 4.0 are being implemented in Kazakhstani enterprises. 10/16/2019. URL: [https:// primeminister. kz / ru / news / reviews / iskusstvennyy - intellekt - i - cifrovye - fabriki - kak - vnedryayutsya - elementy - industrii -4-0- na - kazahstanskih - predpriyatiyah](https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvennyy-intellekt-i-cifrovye-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskih-predpriyatiyah) (accessed 10.03.2023)

³⁸⁰Tokayev appreciated the possibilities of artificial intelligence. 04.12.2020. URL: [https:// www. laws. kz /5050000- tokaev - otsenil - vozmozhnosti. html](https://www.laws.kz/5050000-tokaev-otsenil-vozmozhnosti.html) (accessed 10.03.2023)

³⁸¹Government AI Readiness Index 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (accessed 11.03.2023)

the development of AI technologies in the economy and social sphere. The main objectives of the development of AI are to support scientific research, develop and develop software, increase the availability and quality of data, develop human resources, and create an integrated system for regulating social relations resulting from the introduction of AI technologies.³⁸² In addition to it, in 2020, the Federal Project "Artificial Intelligence" was developed and adopted, containing a roadmap for specific activities and planned key indicators until 2024. According to the documents, Russia should take one of the leading positions in the world in this area. It is assumed that by 2024 Russia will significantly improve its position in the development of AI technologies, and by 2030 it will close the gap with developed countries and achieve world leadership in certain areas related to AI. In accordance with the planned economic indicators recorded in the Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and artificial intelligence" by 2030, the share of AI in Russian GDP should be 3.6%, which is 1% more than the predicted global value.³⁸³

To date, a circle of educational institutions and large companies has formed in Russia, which are drivers of the growth of AI technologies. Thus, the Government of the Russian Federation has identified 6 research centers in the field of AI: Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow Institute of Physics and Technology, Higher School of Economics, ITMO, Innopolis University, Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences. These organizations will receive 900 million rubles. budget funding until 2024 to conduct R&D and create applied solutions in the field of AI. The main competencies are concentrated in the companies Sberbank, Yandex, InfoWatch, Kaspersky Lab, MTS, Gazprom Neft and a number of others. Russian developers have created individual products based on world-class AI: Yandex voice assistant Alisa, Salyut

³⁸²Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". URL: [http:// www. kremlin. ru / acts / bank / 44731](http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731) (accessed 14.03.2023)

³⁸³Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and artificial intelligence". 10.10.2019. URL: [https:// digital. gov. ru / ru / documents /? directions =1046](https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046) (accessed 14.03.2023)

virtual assistant and SmartSpeech speech recognition solution from Sberbank, Digital Oil and Cognitive Geologist from PJSC Gazprom Neft.³⁸⁴

Today, according to international experts, Russia demonstrates average performance in the development of AI technologies. For example, in AI Stanford University Index 2021 Russia ranks 13th among 29 countries with the highest rates in the world in this area.³⁸⁵ The contribution of Russian researchers to the global volume of scientific publications on AI technologies is at the level of 1.3%, the share of patent applications is 0.2%³⁸⁶, and Russia's share in the global AI technology market is approximately 0.2%.³⁸⁷

Thus, against the background of world leaders, the positions of the EAEU in the field of AI look quite modest. At the union level, policy in this area is at an embryonic level, and there are practically no joint investments and multilateral projects in the field of research and development. If we look at the data on the number of scientific publications in the field of AI for 2021, the aggregate indicators of the EAEU countries are 740 publications, almost 90% of which are in Russia. For comparison, the leaders in this indicator are: China - about 20,000 publications, USA - 8400, India - 4286. It is noteworthy that the share of publications in the field of AI by researchers from the EAEU countries in the global volume is more than twice lower than the same value in all scientific fields: 1.08% and 2.7%, respectively.³⁸⁸ Only Russia demonstrates a statistically significant number of patent applications for AI among the EAEU countries on a global scale. Target volumes of investment in AI were also designated only by

³⁸⁴Development of individual high-tech areas: White paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (accessed 21.02.2023)

³⁸⁵Artificial Intelligence Index Report 2021. URL: <https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/> (accessed 12.03.2023)

³⁸⁶ibid.

³⁸⁷Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and artificial intelligence". 10.10.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (accessed 14.03.2023)

³⁸⁸Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

Russia, in the federal budget for 2022-2024 18 billion rubles are planned for state financing of the federal project "Artificial Intelligence" for three years,³⁸⁹ which is approximately 0.7% of the annual global investment in this area.

In general, the policy of the EAEU countries in the field of AI is characterized by a focus on external technologies and investments, the creation of centers of technological growth, largely due to the efforts of large commercial organizations around which the AI ecosystem is being built, including infrastructure, education and R&D. In the context of relatively small domestic investments, the implementation of research and development results is largely associated with participation in international outsourcing projects.

Against the backdrop of ever-intensifying global technological competition, it is of paramount importance for the EAEU to strengthen its own technological sovereignty and develop as soon as possible a unified allied policy in the field of the most advanced technologies, including in the field of AI, as a conceptual basis for the development of bilateral and multilateral formats of cooperation both within itself. EAEU, as well as with other countries. World leaders are actively using AI policy as a tool to expand the integration agenda and, as a result, intensify integration in the most promising high-tech areas, increasing the involvement of an increasing number of stakeholders in them. For example, in the EU, the process of building a pan-European network of centers of excellence in the field of AI has been underway since 2021, with the aim of pooling the resources of European research organizations and harmonizing the efforts of member states in the field of AI.³⁹⁰

It should be noted that in recent years there have been positive developments in the inclusion of collective actions in the field of innovative development in the integration agenda of the EAEU. On December 11, 2020, in Minsk, the heads of

³⁸⁹Federal Law N 390-FZ of 06.12.2021 "On the federal budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (accessed 06.03.2023)

³⁹⁰Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM (2021) 205. Brussels. 04/21/2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (accessed 12.03.2023)

the EAEU states approved the Strategy for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025,³⁹¹ which is designed to facilitate the transition to an innovative development path that involves increasing investment activity and modernizing the economies of the member states based on a new technological order. The main priorities of such a transition are related to the development of digital ecosystems and building up the scientific and technical potential of the EAEU, including joint innovation programs and investment projects.

A separate strategic direction is devoted to joining efforts in the field of research cooperation to stimulate joint scientific, technological and innovative development. According to S.Yu. Glazyev, the expansion of the integration agenda with the innovative priorities of the Strategy provides a fundamentally different quality of the common economic space, expresses its internal viability and competitiveness, and contributes to strengthening ties with third countries in the process of forming the Greater Eurasian Partnership.³⁹² Some authors, in the context of solving the problems of innovative development of the EAEU, emphasize the special importance of new areas of cooperation in industries that are distinguished by both high labor productivity and a high share of the intellectual component, including those that are attractive to investors, primarily robotics, biotechnologies, and AI.³⁹³ The most promising projects are being actively developed at the EEC level. For example, in April 2022, the creation of compatible national telemedicine systems with AI was announced.³⁹⁴

³⁹¹Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 11, 2020 N12 "On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025". URL: [https:// eec. eaeunion. org / commission / department / dep _ razv _ integr / strategicheskie - napravleniya - razvitiya. php](https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php) (accessed 14.03.2023)

³⁹²Glazyev S.Yu. EAEU: from Status policy quo to the scenario "Own center of power" // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. N 1. P. 11-14

³⁹³Myasnikov M.V., Kovalev V.S. Practical results and new horizons of Eurasian integration // International life. 2021. N11. P. 1-15.

³⁹⁴Meeting of the Presidium of the Scientific and Technical Council under the Chairman of the EEC Board. 04/07/2022. URL: [https:// eec. eaeunion. org / news / events / zasedanie - prezidium - nauchno - tehnicheskogo - soveta - pri - predsedatele - kollegii - eek /? sphrase _ id =98717](https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-prezidium-nauchno-tehnicheskogo-soveta-pri-predsedatele-kollegii-ee/?sphrase_id=98717) (accessed 14.03.2023)

So, it should be emphasized that artificial intelligence is a priority in the scientific and technological policy of many countries of the world. Mastering AI technologies and introducing them into production promises states significant economic benefits and leading positions in the global system of labor division.

Leaders in the global technology race for The AIs are the EU, China and the US, which have technological sovereignty in this area. This is confirmed by data on the volume of investments, the presence of our own fundamental scientific research and R&D, the infrastructure necessary for the development of AI, etc.

In the international arena, there is a process of formation of two large spaces in the field of artificial intelligence technologies:

- the first unites the OECD countries with the unconditional financial, technological and value-normative dominance of the US and the EU;
- The second space is being formed around China, which includes countries for which cooperation with the West is complicated due to a wide range of international contradictions, including Russia.

The interaction between the two AI spaces follows the general decoupling trend of the US and Chinese economies, which in turn contributes to the development of technological isolation trends at the global level and the formation of a bipolar "world-system".

In the conditions that are developing after February 24, 2022, Russia faces a non-trivial task – not to remain on the sidelines of global technological progress and at the same time not to lose its sovereignty in the field of high technology, while maintaining, albeit in a limited form, the possibilities of multilateral cooperation with leading players.

In this sense, the development of a unified policy in the field of AI at the EAEU level is a priority for Russia, which will contribute to the intensification of scientific and technical cooperation, strengthening the integration potential and technological sovereignty. The latter is extremely important in the context of the aggravation of sanctions policy at the global level, since inclusion in international

high-tech value chains implies the existence of a national personnel and research base.

In addition, the attraction of many EAEU countries to the Chinese AI policy space, as part of the overall strengthening of the EAEU's integration with the One Belt, One Road project, combined with China's total superiority in the field of AI, increases the risks of increased dependence on Chinese high-tech imports. which can only be overcome by pooling resources and effective coordination of joint efforts at the EAEU level.

For Russia, the development of a unified EAEU policy in the high-tech sphere in the face of sanctions is also acquiring instrumental and tactical significance. After the start of the Special Military Operation on the territory of Ukraine, Russia became the world leader in terms of the number of restrictions imposed against it. The Russian high-tech sector has also come under attack, exacerbating the already existing backlog in advanced technologies and dependence in the electronic component base. In particular, Intel and AMD have suspended imports of microprocessors to Russia, and Taiwanese TSMC, the world's largest manufacturer of semiconductors and microcircuits, has also announced that it will join Western sanctions. In response to these and other restrictions, in May 2022 the Government of the Russian Federation adopted a Decree on the so-called «parallel imports» of certain types of products, which also applies to the import of semiconductors and microcircuits.³⁹⁵

Under the current conditions, Russia's dependence on the will and political decisions of third countries, including partners in the EAEU, is objectively increasing. Therefore, strengthening the political unity of the Union is of utmost importance. And in this sense, the development of a unified policy in the field of AI is a fairly effective tool, since it allows you to link integration processes with global trends in technological development, consolidate the national interests of states through joint investments in advanced technologies, expand the

³⁹⁵Decree of March 29, 2022 N 506. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (accessed 14.03.2023)

opportunities for joint participation in international value chains, first all within the framework of the Greater Eurasian Partnership.

§3.3. The role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security

A special study of the author is devoted to this issue.³⁹⁶ Artificial intelligence (AI) technologies have a significant impact on socio-economic and technological progress. The introduction of AI is associated with an increase in labor productivity, the creation of globally competitive high-tech industries, the accelerated development of the digital economy, the development of information and telecommunications infrastructure for working with large amounts of data, improving the quality of medical services and the accuracy of diagnosing various diseases, etc.

In recent years, AI systems have improved significantly and their capabilities have expanded. In particular, AI systems called "generative models" have made great strides in the automated creation of content such as images generated from text cues. One area of particularly rapid development has been generative models that are capable of generating source language that can be used in a variety of areas. However, negative applications of generative language models associated with the spread of propaganda are also possible, which affects broader issues of digital ethics and human free will in the digital world.³⁹⁷ New AI-based technologies are already capable of creating compelling manipulative texts without human intervention for use in influence operations, which opens up great opportunities for targeted impact on public opinion.

³⁹⁶Vykhodets R.S. The role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security // Issues of national and federal relations. 2023. N 5. P. 1993-2004.

³⁹⁷Vykhodets R.S., Shlyapnikov. V.V. Brief historical review of research in the field of digital ethics // Society. Wednesday. Development. 2021. N 4 (61). P. 43-47.

OpenAI experts in one of their reports systematized possible changes in the field of information and psychological confrontation, due to the rapid development of AI technologies, Table 5.³⁹⁸

Table 5 – Changes in the field of information and psychological confrontation under the influence of AI technologies

Elements	Potential changes	Content changes
Actors	Be more and diverse group propagandists	As generative models bring down the cost creating propaganda, more and more actors tend to view influence operations as effective and attractive tools to achieve goals
	Outsourcing firms are becoming more important	Hired propagandists specializing in text production automation gain new competitive advantages
Actions	Content production automation increases the scale of campaigns	Advocacy campaigns will become easier to scale based on automated text generation
	Reducing the cost of existing tactics	Expensive tactics like cross-platform testing can become cheaper with language models.
	The emergence of new tactics	Language models can provide dynamic, personalized content generation in real time, e.g. one-on-one chatbots.
Content	Messages become more credible and persuasive.	Generative models can improve messaging across Compared with the text written by propagandists who do not lacks linguistic or cultural knowledge about their target
	Hidden propaganda	Existing campaigns are easily detected due to the use of copied text, language models allow you to create linguistically unique messages.

Constantly improving generative models such as ChatGPT open up unprecedented opportunities for conducting influence operations in the Internet space. And although today there are disputes in the expert community about which

³⁹⁸Goldstein J., Sastry G., Musser M. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations. January 2023. URL: DOI:10.48550/arXiv.2301.04246

actions can be considered as influence operations³⁹⁹, one of the OpenAI experts J. Goldstein in his doctoral dissertation defines them as covert or deceptive attempts to influence the opinion of the target audience.⁴⁰⁰

It should be borne in mind that influence operations include operations aimed at activating people who hold certain beliefs, influencing the opinion of the target audience about a particular event, and diverting the attention of the target audience.⁴⁰¹ Often, for the creation and distribution of manipulative content, social network accounts specially created for these purposes, belonging to fake personalities, are used, and the creation and distribution of texts is entrusted to computer programs. Since 2016, some resources have reportedly removed more than a hundred social media influencer operations in dozens of different countries.⁴⁰²

Based on the serious possibilities of AI technologies in the field of information and psychological confrontation, today an increasing number of countries consider AI as the main priority of national scientific and technological development, linking it with issues of global technological leadership and positioning themselves in the international arena as a modern and progressive country. For example, Russian President Vladimir Putin, during a meeting with Chinese President Xi Jinping in March 2023, noted the high importance of the development of AI technologies in ensuring technological sovereignty, which is the key to the sustainable development of the Russian Federation and China. In his speech, he emphasized: "By adding our rich scientific potential and production

³⁹⁹ Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // *Journal of Information Warfare*. Special Edition (Winter 2019). Vol. 18. N 3. P. 1-14.

⁴⁰⁰ Goldstein J. *Foreign Influence Operations in the Cyber Age*. PhD diss. // University of Oxford, 2021 URL: <https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.840171> (accessed 04.05.2023)

⁴⁰¹ Seger E., Avin S., Pearson G. et al. *Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world*. The Alan Turing Institute, October 14, 2020. 84 p.

⁴⁰² Gleicher N., Franklin M., Agranovich D. et al. *Threat Report The State of Influence Operations 2017-2020*. May 2021. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2021/05/26/IO-Threat-Report-May-24-2021-version.pdf> (accessed 04.05.2023)

capabilities, Russia and China can become world leaders in the field of information technology, network security, and artificial intelligence."⁴⁰³

At the same time, the rapid development of AI is associated with the formation of new risks associated with national and information security. And we are talking not only about the risks of being on the sidelines of global trends in scientific and technological development or becoming dependent on the technologies of more developed players in this regard, but also about very specific threats to the state, society and the individual. So, Elon Musk, in his interview with The New York Times, expressed serious concerns about artificial intelligence, which is being developed by Google-owned company DeepMind. The essence of the technology being created, in his opinion, is very similar to that described in the plot of the American film "War Games" in 1983, where a hacker hacks into the computer network of the US military and launches artificial intelligence, which almost leads to a nuclear war between the USSR and the USA.⁴⁰⁴

The 2019 Davos Economic Forum report on the risks associated with AI notes: "Face recognition, gait analysis, digital assistants, affective computing, microchipping, digital lip reading, other technologies are spreading, we are moving into a world in which everything that surrounds us is captured, stored and subjected to the action of artificial intelligence algorithms. This enables ever more individualized public and private services, as well as new forms of fit and micro-targeted persuasion... Geopolitically, the future may depend in part on how societies with different values treat new sources of data."⁴⁰⁵

Soldering AI technologies with the discoveries of the fundamental foundations of the functioning of the human brain gives some authors grounds to draw conclusions about the "weaponization" of neuroscience, as well as the use of

⁴⁰³Vladimir Putin: Russia and China can become leaders in AI by combining their potential. 03/21/2023. URL: <https://ria.ru/20230321/tekhnologii-1859551148.html> (accessed 22.03.2023)

⁴⁰⁴Musk called artificial intelligence the most dangerous for humanity. 07/28/2020. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samyy-opasnyy-dlya-chelovechestva-iskusstvennyy-intellekt> (accessed 22.03.2023)

⁴⁰⁵The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 114p.

its achievements to "hack the human brain" and recognize the human mind as a field of military operations.⁴⁰⁶ According to Robert McCraith, a former US State Department official who has specialized in arms control for more than two decades, among other security issues, says that in modern conditions we can talk about a kind of neurological space race, a competition for control and turning neurons into product. The subsequent risk is that research will be directed to weapons - to turning the brain into a tool for more effective warfare.⁴⁰⁷

AI technologies are today in the focus of national and international discussions in the field of information and psychological security that we are studying. At the same time, it should be emphasized that in terms of the worldview, the development of AI technologies has two pronounced aspects. Firstly, AI is viewed from an image perspective, as a necessary element of the scientific and technological development of a modern dynamic state focused on progress and innovation. Secondly, as a necessary technology for effective information security. For example, in the National Security Strategy of the Russian Federation, artificial intelligence technologies are mentioned in the list of priority tasks for scientific and technological development and information security.⁴⁰⁸

On December 16, 2020, the EU Cyber Security Strategy for the Digital Decade was adopted,⁴⁰⁹ which sets out the basic approaches to protect citizens, businesses and institutions from cyber threats. According to experts, in the context of ensuring the cybersecurity of the EU, significant attention is paid to the development of trustworthy and human-oriented AI technologies. For example,

⁴⁰⁶ Guyader H. Weaponization of neurosciences. February 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/docs/WoNS.pdf> (accessed 22.03.2023)

⁴⁰⁷ Requarth T. This is Your Brain. This is Your Brain as a Weapon. 09/14/2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/09/14/this-is-your-brain-this-is-your-brain-as-a-weapon-darpa-dual-use-neuroscience/> (accessed 22.03.2023)

⁴⁰⁸ Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9ee6d046da8060/ (accessed 06.02.2023)

⁴⁰⁹ Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed 06.02.2023)

E.S. Zinoviev and V.I. Bulva emphasize: "The EU is strengthening the system of protecting the population from cyber threats (hacking, identity theft, extortion), and is also seeking the development of artificial intelligence, taking into account respect for human rights and maintaining an atmosphere of trust."⁴¹⁰

EU legislation follows a risk-based approach, distinguishing between the use of artificial intelligence that creates unacceptable risk, high risk and low or minimal risk.⁴¹¹

Systems that contain unacceptable risks and are subject to a ban in the EU include:

- AI systems that use subconscious methods outside of a person's mind to materially distort a person's behavior in a way that causes or may cause that person or another person physical or psychological harm;
- AI systems that exploit any of the vulnerabilities of a particular group of individuals, due to their age, physical or mental disability, in order to significantly distort the behavior of a person belonging to this group in a way that causes or may cause that person or another person physical or psychological harm;
- AI systems that are used by or on behalf of government agencies to rate or classify the trustworthiness of individuals over a period of time based on their social behavior or known or predictable personal characteristics;
- systems of remote biometric identification "in real time" in public places in order to ensure law and order, if such use is not separately provided for by law.

The first and second types of AI systems clearly focus on technical capabilities that can be used as an information-psychological weapon or contain unacceptable risks associated with a malicious impact on behavior that a person is not able to resist.

To recognize an AI system as high-risk, two main conditions must be met:

⁴¹⁰Zinovieva E.S., Bulva V.I. Digital sovereignty of the European Union. // Modern Europe. 2021. N 2. P. 45.

⁴¹¹Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (accessed 12.03.2023)

- the artificial intelligence system is intended to be used as a security component of a product or is itself a product subject to relevant EU legislation;
- a product whose security component is an artificial intelligence system, or the artificial intelligence system itself as a product, must undergo a third party conformity assessment in order to be placed on the market or put into service of this product in accordance with EU law.

It should be emphasized, as shown in one of the previous sections of our work, the EU security concept includes an information and psychological component, therefore, the high risks of AI technologies are associated, among other things, with this security area.

For the use of high-risk AI systems, there are increased requirements in the field of ensuring their security and the creation, implementation, documentation and maintenance of a sufficiently complex risk management system that ensures the identification and analysis of possible risks, assessment of their consequences, as well as the adoption of appropriate management measures. risks.

In addition, a number of criteria are fixed at the legislative level, according to which one or another AI system can be recognized as high-risk. For example, the criteria are the intended purpose of the system, the extent to which the use of the system has already caused harm to health and safety or adversely affected fundamental rights, the potential extent of such harm or such adverse impact, in particular in terms of its intensity and ability to affect many people, etc. Thus, in the EU, at the legislative level, it is possible to classify a particular AI system as high-risk during operation, with increased security requirements.

AI and technologies are of key importance in ensuring the national security and defense of the United States. At the same time, some authors emphasize the special role of the American intelligence community in the process of using AI in the field of security, which is one of the main state beneficiaries from the creation and practical use of AI technologies.⁴¹²

⁴¹²Selyanin Ya.V. US Intelligence Community and Artificial Intelligence // USA and Canada: Economics, Politics, Culture. 2021. N 6. P. 52-70.

At the same time, American experts associate one of the main focuses associated with the use of AI with the emergence of new methods for determining the authenticity of audio, video materials and graphic images.⁴¹³ In the context of security policy, their purpose can be to conduct both offensive and defensive disinformation operations of a qualitatively different level, including distorting information about an event, distorting the words or behavior of individuals, or portraying individuals who do not really exist.. Therefore, according to official US documents, the main goal of the intelligence community in the field of AI includes funding basic research to create AI systems that can extract information from a limited set of data given the context.⁴¹⁴

In September 2020, the US Department of Defense hosted the multi-stakeholder AI Partnership for Defense.⁴¹⁵ Its first meeting was attended by military delegations from Australia, the UK, Denmark, Israel, Canada, Norway, the Republic of Korea, Finland, France, Sweden, Estonia and Japan, and in 2021 it was joined by Germany, the Netherlands and Singapore. At the same time, many countries participating in the Partnership are members of NATO, which in October 2021 released its own AI Strategy, which recognizes the wide potential of AI technologies in ensuring security, including in the field of countering propaganda and disinformation.⁴¹⁶

social networks occupy a special place in the field of information-psychological confrontation and security. The appeal and popularity of these platforms is largely due to their ability to provide content tailored to individual users. This capability is largely driven by recommender systems, which are among the most widespread and influential AI tools in the world today. Recommender

⁴¹³ The A.I.M. Initiative. A strategy for augmenting intelligence using machines. 01/16/2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/AIM-Strategy.pdf> (accessed 22.03.2023)

⁴¹⁴ S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. 12/20/2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (accessed 22.03.2023)

⁴¹⁵ AI Partnership for Defense. 09/16/2020. URL: https://www.ai.mil/docs/AI_PfD_Joint_Statement_09_16_20.pdf (accessed 22.03.2023)

⁴¹⁶ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 10/22/2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (accessed 22.03.2023)

systems keep track of the most interesting content for users of the platform, using machine learning techniques to tailor each user's feed to the types of content they have interacted with in the past. They essentially function as a personal newspaper editor for each user, choosing which material to present and which to hide. In this context, the main issue of information and psychological security is whether recommender systems push users to malicious and malicious content.

The Global Partnership for Artificial Intelligence (GPAI) has a Responsible Artificial Intelligence working group implementing a social media governance project. It aims to engage with social media companies to conduct fact-finding research on the impact of recommendation systems on users' attitudes toward harmful content.⁴¹⁷ In one of their latest reports, experts point out that recommender systems in social networks are a social and political problem today, since the consequences of their widespread use can have a significant impact on the formation of public opinion.⁴¹⁸

At the current level of technological development, "artificial intelligence" is commonly understood as a set of technological solutions that allow simulating human cognitive functions (including self-learning and searching for solutions without a predetermined algorithm) and obtaining results when performing specific tasks that are at least comparable to the results of human intellectual activity.⁴¹⁹

Unlike classical directive programming, which is based on the «If, Then» logic, artificial intelligence technologies are able to operate, classify and learn on patterns - groups of object properties combined at different levels of abstraction. For example, computer vision technologies for solving the problem of

⁴¹⁷ Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-november-2022.pdf> (accessed 17.02.2023)

⁴¹⁸ Responsible AI Working Group Report. November 2022. URL: <https://gpai.ai/projects/responsible-ai/gpai-responsible-ai-wg-report-2022.pdf> (accessed 17.02.2023)

⁴¹⁹ Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 14.03.2023)

distinguishing a cat from a dog do not require an algorithm for comparing all possible differences between two animals, which involves taking into account millions of conditions. An artificial neural network is presented in advance with a set of images of cats and dogs, on the basis of which the program forms its own pattern of properties corresponding to a particular animal and uses it to distinguish a particular cat from a particular dog. This process is very similar to how the human brain does it. Apparently, that is why these types of information technologies have received their rather metaphorical name, appealing to the principles and laws of the functioning of human thinking. That is why at present, neurotechnologies (technologies that use or help to understand the functioning of the brain, thought processes, higher nervous activity) and artificial intelligence technologies are usually considered inextricably linked with each other. For example, in 2019, the Ministry of Digital Development, Telecommunications and Mass Media of the Russian Federation approved the Roadmap for the development of «end-to-end» digital technology «neurotechnologies and artificial intelligence».⁴²⁰ The document discusses seven subtechnologies that can be used to realize new human capabilities in all areas of activity, including to support communication between people, which underlies the information and psychological sphere we are considering. These include the following:

- computer vision;
- natural language processing;
- speech recognition and synthesis;
- recommender systems and intelligent decision support systems;
- promising methods and technologies in AI;
- neuroprosthetics;
- neurointerfaces, neurostimulation and neurosensing.

⁴²⁰Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and artificial intelligence". 10.10.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (accessed 14.03.2023)

From the point of view of our proposed model of information and psychological security, which includes three main components : worldview, media and cognitive, the impact of AI technologies is most noticeable in the last two. For example, speech recognition and synthesis includes a class of solutions that allow translating a speech request into text form, analyzing the timbre and tone of voice, recognizing emotions, and synthesizing speech, which, in fact, opens up endless possibilities in the field of creating Deep Fake and the use of deep falsifications of video and audio materials for the purpose of disinformation and other types of information and psychological confrontation. At the same time, the direction of detecting Deep Fake is also gaining momentum, models based on machine learning and AI are being created and improved, allowing to detect artifacts that are characteristic of the used algorithm for generating fake materials.⁴²¹

In April 2023, information appeared in the media that the Chinese technology giant Tencent launched the Deepfakes-as-a-Service (DFaaS) service to create digital clones of people.⁴²² To create a digital clone, which is a full-length or waist-length video of a person in the frame, you must provide three minutes of video with a person in the frame, as well as a voice cast in the form of a recording of the pronunciation of 100 sentences in Chinese or English. After software processing, a digital clone is able to speak any text, and in combination with modern chatbot capabilities such as ChatGPT, these technologies open up endless possibilities for creating manipulative content.

Intelligent recommender systems make it possible to predict with high certainty information content that will be most interesting to certain users, which greatly increases the effectiveness of microtargeting, and also makes it possible to create personalized information exposures for various target groups and form the

⁴²¹Balashov A.V., Vyshegorodtsev K.E., Svichkar D.A., Khenkin P.V. Overview of technologies for detecting modified content of the DeepFake class // Modern information technologies and IT education. 2022. Vol. 18. N 3. P. 680-690.

⁴²²In China, the digitization of people has begun. 04/30/2023. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/30/20331746.shtml> (accessed 04.05.2023)

required information framing, which will be discussed in detail in the next part of our work.

The capabilities of artificial intelligence technologies in the field of production, dissemination and consumption of information can simultaneously be used both as a means of malicious information and psychological impact, and as a means of counteracting them.

In the already mentioned study of American scientists, the high efficiency of AI technologies in recognizing lies was found. The experiment involved 103 people who read the story of how Edward Snowden released classified information from the National Security Agency in 2013. Participants were randomly assigned to read the same story, but the story was presented as either a news report or a note marked as containing confidential information. Next, all participants were assigned to one of two groups for interviews: one group was given the task of lying about what they had read, and the other to tell the truth. Former law enforcement officials interviewed participants randomly via videoconferencing and text chat. The researchers used interview and chat transcripts to train several machine learning models to see if they could tell the difference between liars and those who were telling the truth.

As a result, the accuracy of lie detection was 76%, which made it possible to conclude, firstly, the presence of linguistic signals when people try to cheat, and, secondly, the ability of machine learning tools to detect a significant part of these signals.⁴²³ Such technologies can significantly increase the effectiveness in combating the spread and consumption of misinformation.

Manipulating the perception of information by a person, especially with the use of methods based on the latest discoveries of the laws of the human psyche, can have an unpredictable impact on the scale and effectiveness of the decision-making process and people's behavior. In 2020, a group of Western scientists

⁴²³Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection. 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA873-1.html (accessed 17.02.2023)

conducted a study of the characteristics of human choice processes and the creation of several machine learning models based on them, which make good predictions about human decision making. The results of the three experiments conducted convincingly proved the effectiveness of machine behavior technologies in identifying target behavior in various human decision-making situations, as well as the factors influencing this process.⁴²⁴

These and many other studies, which have been growing in recent years, demonstrate the growing capabilities of modern information technologies in the field of modeling the features of human perception of information and predicting his behavior.

Thus, based on the data presented, it should be concluded that artificial intelligence and machine learning are currently the technological basis of modern information-psychological confrontation and security.

Worldview component: AI has two distinct aspects. First, the development of AI is considered as a component, as a necessary element of an image policy, including a focus on innovation, progress, and global scientific and technological trends. Second, AI appears as a necessary technology for effectively ensuring information security in the context of preserving the fundamental ideological, value, spiritual and moral foundations of society.

Media component: AI and machine learning have great potential to influence the formation of public opinion. Recommender systems for the selection of individualized content in accordance with user preferences can significantly affect the production and dissemination of information. At the same time, the issues of state control over disseminated information, which may be malicious and destructive, come to the fore. Taking into account the various possibilities of political influence in this area, some participants in the information- psychological confrontation have incomparably greater opportunities for manipulating public

⁴²⁴Dezfouli A., Nock R., Dayan P. Adversarial vulnerabilities of human decision-making // PNAS. 2020. Vol. 117. N 46. P. 29221-29228.

opinion and people's behavior. In this regard, there are acute questions about the possibility of effectively ensuring information and psychological security in conditions of information openness.

Cognitive component: AI, together with the rapid development of neurotechnologies, has recently brought to life a set of problems associated with the use of the vulnerabilities of human thinking. The impact of modern information technologies on the process of human consumption of information, the manipulation of values and motives of his behavior generates a whole range of previously unknown challenges and threats in the field of information and psychological security.

Chapter 4. Information dominants

In one of his famous works, J. Nye referred to the "soft" tools of the cyberforce of the state as "campaigns to change public opinion through public diplomacy".⁴²⁵ However, the modern practice of information-psychological confrontation makes the "hard" nature of this kind of activity more and more obvious. Some authors, criticizing the actions of the West in the information sphere, link them even with the emergence of new forms of totalitarianism.⁴²⁶ And the current state of geopolitical confrontation and strategic competition, which have entered an acute phase, actualizes a whole range of challenges and threats to national and collective security, requiring the rapid development of effective methods for their neutralization at the national and international level.

§4.1. Theoretical and methodological substantiation of the concept of information dominants

Already at the very beginning of the special military operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine to protect the population of the DPR and LPR, it became quite obvious that the conduct of active hostilities in a limited area is part of a complex confrontation between Russia and the collective West, which entered the active phase on February 24, 2022. In this aggravated confrontation, several fronts were quite clearly identified:

Military, whose western border currently runs between Kiev and Zhytomyr. Despite the fact that Western countries took a position of non-intervention in hostilities, fearing a direct military clash with Russia, many NATO member states announced the supply of lethal weapons to Ukraine, primarily anti-tank guided missiles and man-portable air defense systems. There is information about sending

⁴²⁵Nye JS *The Future of Power*. PublicAffairs, NY, 2011. P. 127.

⁴²⁶Fatenkov A.N. *Digital society: civilization at the stage of "comfortable" totalitarianism // Century of globalization*. 2022. N 1. P. 72-85

fighters of Western private military companies to the territory of Ukraine to participate in hostilities with the armed forces of the Russian Federation.

Financial and economic, manifested in the so-called "sanctions from hell." The countries of the collective West imposed a ban on the export to Russia of a wide range of products and components. More than 100 large Western companies, including Shell, BP, Airbus, Coca-Cola, Ikea, McDonald's, and most auto concerns, have already announced the suspension of their activities in the Russian market or their withdrawal. Leading Russian industrial enterprises are denied cooperation with European companies and access to investments. The United States imposed a ban on the purchase of Russian energy resources. A significant part of the foreign exchange reserves of the Central Bank of Russia denominated in US dollars, euros, British pounds and some other currencies has been frozen, according to the Minister of Finance of the Russian Federation A.G. Siluanov, about half of the reserves in the amount of about \$ 300 billion were frozen.⁴²⁷ Russian banks were partially disconnected from the SWIFT international interbank payment system, Visa and Mastercard stopped servicing bank cards issued in Russia, and many electronic payment systems, including American Express, PayPal, Google Pay, were also suspended.

In general, since the recognition of the sovereignty of the Donetsk and Lugansk People's Republics, Russia has become the world leader in terms of the number of sanctions. According to some estimates, the number of restrictions imposed on Russia has exceeded 14,000 thousand.⁴²⁸

Information and psychological. Being seriously limited in the use of military force against Russia, as well as bearing the costs of its own sanctions and Russian countermeasures in the financial and economic plane, which are reinforced by the dependence of the EU countries on Russian energy supplies, the West has focused

⁴²⁷Siluanov said that about \$300 billion of the Central Bank's gold and foreign exchange reserves were frozen due to sanctions. Official website of TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14055281> (accessed 12.03.2022)

⁴²⁸Russia Sanctions Dashboard. 02/24/2023. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed 14.03.2023)

a significant part of its efforts on the information and psychological war against Russia.

Possessing an overwhelming advantage in control over the global media space, Western countries have managed to form the anti-Russian information agenda necessary for them in the current circumstances, which allows, at least for now, to maintain a negative public opinion about Russian actions and justify to their own population the need to counter Russia by all available means while incurring substantial costs.

Since the outbreak of hostilities, Western media and social networks have been filled with pronounced Russophobic content, fakes are being actively created and replicated regarding the actions of the Russian armed forces on the territory of Ukraine, and pro-Russian channels on YouTube and groups on social networks are being blocked. On March 11, 2022, a well-known American company confirmed the lifting of restrictions on its social platforms on calls for violence against the Russian military. In response, Roskomnadzor blocked these resources on the territory of Russia on March 14, 2022.

These facts testify to the severe cleansing of the media space from the information resources and content of the enemy with the simultaneous active dissemination of their own ideological and evaluative constructs. This gives every reason to talk about the unfolding full-scale information-psychological war. As some researchers point out, the information-psychological dimension "covers the inner world of a person, his feelings, emotions, thoughts, worldview, individual and social consciousness."⁴²⁹ And in this sense, the main object of such a war is the human psyche, as well as the system of formation of public opinion that exists in the state.

This thesis is also confirmed at the level of official documents. For example, on October 30, 2018, the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty

⁴²⁹Kefeli I.F. *Asfatronics: on the way to the theory of global security*. Saint-Petersburg, 2020. P. 78.

Organization adopted Resolution N 11-3.3 On the draft CSTO model law "On information confrontation with terrorism and extremism", in which the main object of protection within the framework of information confrontation is the "legitimate information environment" - the psyche of officials, public figures and the population of the state, the decision-making systems existing in it, the formation of public consciousness, as well as the legal information infrastructure.⁴³⁰

It is obvious that the information and psychological war against Russia is aimed at undermining the public consensus regarding the conduct of a special military operation on the territory of Ukraine, and delegitimization of state power, which, together with the inevitable decline in living standards as a result of financial and economic sanctions, can lead to destabilization of the socio-political environment.

According to the latest FOM data, since the recognition of the independence of the Donbass republics and the start of hostilities on the territory of Ukraine, the level of trust in the President among the Russian population has increased from 60% to 80%, and the percentage of distrust has decreased from 29 to 10⁴³¹. Despite the fact that control over the internal media space, which is dominated by content aimed at forming a positive public opinion regarding ongoing events, should take into account the high level of digitalization in Russia. Thus, according to international experts, the share of active Internet users in Russia is 89% of the population, more than 70% use social networks. The most popular foreign Internet resource is YouTube - about 80% of the total population of the country.⁴³²

⁴³⁰Model law of the CSTO "On information counteraction to terrorism and extremism". 10/30/2018. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (accessed 04.02.2023)

⁴³¹Indicators of the work of the President and attitude towards him. 03/17/2023. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (accessed 04.02.2023)

⁴³²Digital 2023 URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 04.02.2023)

Therefore, despite the efforts of Roskomnadzor to block access within the country to Internet resources, which, according to the authorities, are a platform for the targeted dissemination of anti-Russian information, the population of Russia remains under the serious influence of the pro-Western information agenda, which, moreover, is actively cleared of pro-Russian content.

In this regard, both in practical and theoretical terms, the question arises: "Is it possible to effectively information confrontation in the face of the enemy's advantage in control over the information space?"

Taking into account the fact that, as noted above, we are talking about the human psyche and the peculiarities of information perception, it is possible to answer this question only based on modern achievements in cognitive science and communication theory.

The coercive effect of the existing information agenda on the individual perception of events and public opinion has been fairly well studied by now. One of the founders of the "Agenda" theory, M. McCombs, in one of his works emphasized: "The media have the ability to transfer the significance of individual items on the news agenda to the agenda of the entire public."⁴³³ This statement was the impetus for the scientific development of a hypothesis about the existence of a causal relationship between media content and people's perception. As a result of a number of studies and experiments conducted in the 70-80-th of the 20th century, the most famous of which are studies of the 1976 US presidential campaign⁴³⁴ and the experiment of Yale University researchers.⁴³⁵ It was clearly established that the media agenda is the cause, and the public agenda (the most important issues for people) is the delayed effect.

⁴³³McCombs M. News influence on Our Pictures of the World / Media Effects: Advances in Theory and Research. Bryant J., Zillmann D. (eds.), New York, 1994. P.4.

⁴³⁴Weaver D., Graber DA, McCombs M., Eyal CH Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.

⁴³⁵Iyengar S., Peters M., Kinder D. Experimental Demonstrations of the "Not-So-Minimal" Consequences of Television News Programs. // American Political Science Review. 1982 Vol. 76. P. 848-858.

Within the established causal relationship, it is customary to distinguish two interrelated levels:

the first level is the transfer of the significance of certain events that prevail in the information materials of the media to a priority place in the human mind;

the second level is the transfer of the significance of a set of attributes associated in the media with a certain event to specific characteristics of the image of this event in the human mind.⁴³⁶

The latter in the scientific literature is called "framing" or "media frame". One of the major theorists of mass communication, J. Tankard, defines the media frame as "the central organizing idea for the content of news, which provides context and sets what the question is, through the use of selection, emphasis, exclusion, clarification."⁴³⁷ In other words, the semantic row in which this or that event is placed in the information space determines the semantic content of the image of this event in the human mind.

It should be emphasized that empirical research and experiments in the framework of the agenda theory were carried out on materials from the print media and television, so the subjects were largely limited by the editorial selection of materials, their size and positioning, as well as the appropriate framing, which made it possible to draw a reasonable conclusion about direct determination. the individual agenda of the individual is the agenda of the media.

This finding largely disproved Leon Festinger's selective exposure hypothesis, according to which people avoid information that is inconsistent with their beliefs and tend to consume the information that matches them.⁴³⁸ Studies to confirm this hypothesis were also carried out mainly on the materials of the print media, i.e. under conditions of rather serious informational isolation of the subjects. The German psychologist Dieter Frey analyzed almost all the research on

⁴³⁶McCombs M. New Frontiers in Agenda Setting: Agendas of Attributes and Frames // Mass Communication Review. 1997. Vol. 24. P.4-24

⁴³⁷Griffin E. Communication: theory and practice. Kharkiv, 2015. P. 509.

⁴³⁸Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. P. 84-97.

the selective exposure hypothesis and found that when people are faced with information that contradicts their beliefs, the selection mechanism is activated only in cases where such information is perceived by people as a threat.⁴³⁹ In other cases, the recorded tendency to choose information that corresponds to beliefs was extremely small, which, however, did not prevent the selective exposure hypothesis from gaining wide popularity.

However, the picture changes dramatically with regard to new media. In the early 2000s Researchers at the University of Illinois conducted an experiment comparing the impact of the print and electronic media agenda. As a result, it turned out that the individual agenda of the subjects who read The New York Times approached the editorial agenda, while this relationship was expressed to a much lesser extent among readers of its electronic version. The researchers concluded that electronic media provide users with more choice of content and more control over what information to consume, which allows people to create a personalized information environment that isolates them from large flows of other information.⁴⁴⁰

The results of this study, in fact, resurrected Festinger's hypothesis of selective exposure, but in relation to new media that allow the user to create their own individualized information environment based on their beliefs and preferences. In addition, wide opportunities for feedback, comments, ratings, recommendations, etc., contribute to the formation of personalized framing, which contains a set of monotonous and repetitive semantic attributes of an object or event.

Recently, content recommendation algorithms based on artificial intelligence technologies have been actively developed. Based on the so-called user profile - previously performed actions, purchases, views of certain information, ratings of a

⁴³⁹ Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986. P. 41-80.

⁴⁴⁰ Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the "New" News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of The New York Times // *Communication Research*. 2002. Vol. 29. P. 180-207

particular product on the network, etc., the algorithm automatically offers the user certain information content. Thus, a person finds himself in an information "tunnel" formed by his past actions and preferences, i.e. there is a process of «interactive selection of the information agenda», the main generator of which is the beliefs, emotions and consumer preferences of the user, fixed in the Internet space. At the same time, all the possibilities of moderation, positioning, editorial selection of content are preserved, which, together with «smart» software algorithms, provides additional means for manipulation. This creates a situation in which all traditional media within the country can broadcast the official point of view, while a significant part of society will be in a rather closed opposition information environment.

Based on these considerations, it should be concluded that the first steps associated with blocking information resources and enemy content in the information-psychological war between Russia and the West are correct. This, firstly, allows narrowing and structuring the information agenda in accordance with one's own goals, and, secondly, limiting the possibilities of interactive selection of information with undesirable content.

However, Russia, unlike the West, does not have the ability to prevent the spread of unwanted information content on the most popular Internet resources (for example, YouTube), while the United States has much more freedom of action in this area. In addition, there are quite effective and publicly available technologies for bypassing the blocking of Internet resources. Therefore, the tough measures taken in Russia in the information space can only give a short-term positive result, and other solutions are needed for effective information confrontation over a long period of time.

In order not to choose the Chinese path of introducing strict censorship on the Internet and legal liability for bypassing blocking, abandoning the anonymity of users, and the prospect of choosing just such a path does not seem fantastic lately, it is necessary to develop new ways of effective information confrontation.

As noted above, a significant potential, at least for the theoretical solution of this problem, has been accumulated within the framework of cognitive science. Let us consider the main provisions of modern cognitive science, which are essential for answering the main question of our study.

Among the main axioms of modern social science is the assertion of the social nature of man as one of the main mechanisms for the adaptation of Homo sapiens to the environment, formed in the course of a long evolution. In accordance with the tradition laid down by Aristotle of understanding man as a special kind of being, separated from the rest of nature by an insurmountable abyss due to his social and thinking principles, the formation and development of the social side of human life is inextricably linked with the evolution of the central nervous system, the formation of the psyche and conscious synthetic thinking.

For a long time, these ideas developed in line with religious and philosophical views, which laid the foundation for a serious scientific study of the human brain and psyche, establishing scientifically based links between the evolution of the central nervous system and forms of human adaptation to the environment, including at the level of society and culture. The systemic scientific studies of the central nervous system and the human psyche, which began around the end of the 19th century, have accumulated a sufficient number of facts that allow us to assert an inextricable link between the evolution of the human psyche and sociogenesis, the current stage of which is inextricably linked with global informatization.

Modern cognitive science is based on the recognition of the inseparable connection between the human body and his psyche. This statement is based on the data that in the upper stem part of the brain, which is among the oldest, represented in the form of maps, special neural structures, most of the stable aspects of the functioning of the body, perceived by the psyche in the form of images. On this basis, some researchers, such as Jaak Panksepp, reasonably assume that the human psyche creates the simplest sensations (pleasure or pain) associated with the state

and functioning of the body, on which more complex sensations and emotions are built in the future.⁴⁴¹ The simplest sensations are the primary elements perceived in the form of corresponding images by the human psyche, and the simplest manifestation of consciousness. The latter acts as a kind of regulatory mechanism that has developed in the process of long evolution, the main function of which is the preservation and management of the vital functions of the body. Further development and complication of human consciousness, as a special state of the psyche, is based (but not exhausted) on the biological principle of life control.⁴⁴²

The life of the human body takes place in a narrow range, in which many factors are combined: the balance of nutrients, temperature, oxygen and carbon dioxide levels, etc. In 1932, W. Cannon designated the combination of these factors necessary for life by the concept of "homeostasis", by which he understood "coordinated physiological processes that support most of the body's stable states."⁴⁴³ To keep the body in a state of homeostasis, evolution has created a regulatory mechanism that is endowed with the function of reinforcing (rewarding or punishing) certain behavior, which ensures that the body is within the limits necessary to maintain life. Primitive forms of such a mechanism, already known in unicellular organisms, have reached a high level of complexity in organisms that have a brain, psyche and consciousness. This issue is well studied in the framework of neuroscience. Scientists have discovered the human brain nuclei that produce and deliver chemicals throughout the body that are closely associated with reward (pleasure) and punishment (pain): dopamine, serotonin, cortisol, oxytocin, vasopressin, and others.

Thus, the human body has an innate regulator of its homeostatic state, which allows the distribution of chemical stimuli of reward and punishment depending on the correspondence of behavior to the state of homeostasis. In other words, the

⁴⁴¹Panksepp J. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. New York, 1998. P. 47-49, 56-57.

⁴⁴²Montague R. *Why choose this book? How do we make decisions*. New York, 2006. 335p.

⁴⁴³Cannon W.B. *The wisdom of the body*. W.W. Norton & Company, inc., 1932. P. 177-201.

basis of the human psyche and consciousness is a biological value - the desire of the body to preserve and manage its life.⁴⁴⁴

Biological value is closely related to the satisfaction of vital needs, and in humans it is also related to the quality of such satisfaction, i.e. the desire of the body to occupy the most ideal position in the range of homeostasis. The latter is largely determined by the conditions of the environment in which the organism is located, as well as individual experience. Therefore, in the course of evolution and natural selection, man created sophisticated forms of achieving the most favorable homeostatic state in the sociocultural space. At the same time, the biological value is the foundation on which the mechanism of control over the retention of the organism within the boundaries of homeostasis, the correction of behavior depending on the risks of going beyond it, as well as the prediction of possible situations, is built. Prediction in its simplest forms has a chemical basis. In particular, based on the representations of the internal state, reflecting the previous experience of pain or pleasure, the brain signals the approach of a positive stimulus or threat by the release of appropriate hormones. This chemical mechanism plays the role of a powerful motivation for correcting behavior, for the most effective interaction with a stimulus or avoiding it. On this basis, some researchers conclude that there is a close relationship between homeostasis and what a person perceives as a value.⁴⁴⁵

As the human psyche developed, people gradually moved away from simple forms of control associated with the physiological survival of the organism in the environment, moving on to more complex conscious forms. Moreover, the psyche supplemented with consciousness allowed a person to significantly expand the boundaries of homeostasis, in which primitive survival gave way to the desire for well-being and an increase in the quality of life. This led to the fact that part of the means of managing life was taken out of the human body into the space of society

⁴⁴⁴Glimcher PW et al. *Neuroeconomics: Decisions Making and the Brain*. London, 2009. 1477 p.

⁴⁴⁵Parvizi J., Damasio A. *Consciousness and the Brainstem // Cognition*. 2000. Vol. 79 (2001). P. 135-159.

and culture, in which a complex and multi-level system of values and incentives for certain types of behavior began to form. Nevertheless, according to a number of researchers, many aspects of human sociocultural life are based on biological value.⁴⁴⁶

It should be emphasized that such generalizations are scientifically substantiated hypotheses, since rigorous scientific data confirmed by direct experiments do not exist today. Nevertheless, the recognition of biological value as the primary element underlying the achievement of the homeostatic state of the human body in the natural and sociocultural environment makes it possible to overcome the theoretical autonomy and isolation of social and political phenomena existing in social science from the basic laws of the functioning of the human body and internal control mechanisms his behaviour.

With this in mind, for example, Dieter Freya's conclusions regarding the Festinger selective exposure hypothesis become quite obvious. He found that when people are confronted with information that contradicts their beliefs, the selection mechanism is activated only in cases where such information is perceived by people as a threat. In the theory of communication, this conclusion is exclusively phenomenological in nature, leaving the mechanisms of such selection of information without explanation. While on the basis of knowledge about the functioning of the internal system of human incentives to maintain a homeostatic state, the hypothesis of selective exposure becomes instrumental in the context of informational and psychological confrontation.

As noted above, an essential feature of the body's life processes control system is the ability of the brain to build maps - specific neural groups that are represented in the psyche and are capable of changes depending on environmental conditions. Based on the maps, the brain controls the internal state of the body and manages its interaction with the external environment. In order to represent the surrounding world and control behavior, the human brain creates a whole set of

⁴⁴⁶Damasio A. Ya. The brain and the emergence of consciousness, Moscow, 2018. P. 75.

various maps, emotions and sensations that reflect the state of the body, the properties of objects in the surrounding world, as well as the connections between them in time and space. In addition, cards are associated with memory, which allows you to consciously conjure them up in your imagination, arrange them in logical sequences. This feature determines the ability of a person to plan and predict activities, and also serves as the basis for synthetic thinking. A detailed consideration of these issues is devoted to the classic works among neurobiologists by J. Edelman⁴⁴⁷ and J-P. Changeux.⁴⁴⁸

Emotions and feelings play an essential role in motivating behavior and controlling life processes. In psychology, emotions are usually understood as mental processes that occur in the form of experiences and reflect personal significance and assessment of external and internal situations for human life.⁴⁴⁹ Sensations are the perception of what is happening in the body and psyche of an organism experiencing emotions. The «emotion-sensation» complex includes mechanisms for maintaining and managing life, assessing environmental conditions and the needs of the body, a system of internal behavioral stimuli and is a complex behavior program corresponding to a certain emotional state. As an illustration of what has been said, we will give a description of one of the most ancient emotions - fear. When it occurs, certain parts of the brain launch several parallel programs of action. The pulse and respiration become more frequent, blood pressure rises, intestinal contractions increase, blood vessels narrow in the skin. The metabolic profile of the body changes in anticipation of increased energy consumption, cortisol is released into the blood, facial expressions change. Depending on the surrounding conditions and the nature of the stimulus that caused fear, there are two specific reactions, each of which corresponds to a special motor and physiological complex: freeze or run. In the first case, the person becomes completely motionless, the heartbeat and breathing decrease, this is

⁴⁴⁷Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, 1989. 346p.

⁴⁴⁸Changeux J.P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.

⁴⁴⁹Maklakov A.G. General Psychology. Saint-Petersburg, 2016. P. 393.

necessary in order to remain motionless and not attract the attention of the source of danger. When choosing the flight reaction, the heart rate automatically quickens, the blood supply to the muscles of the legs increases, since it is she who needs increased nutrition in order to escape from the attacker. At the same time, the brain slows down the transmission of pain signals so that the wound received on the run does not paralyze the escaping with severe pain.⁴⁵⁰

Such a significant influence of emotions on the human body allows us to judge the role played by emotional programs in the management of behavior. Moreover, for our study, it is of fundamental importance that there are no fundamental physiological differences between automatic emotional programs formed in the course of evolution and natural selection, for example, disgust, fear, rage, and those formed in the social environment as a result of learning: compassion, admiration., pride, guilt, etc.⁴⁵¹

In this sense, the results of the classic experiment on the study of emotions of admiration and compassion are very revealing. The subjects were placed in four separate situations: admiration for virtuous deeds, admiration for skill and virtuoso actions, compassion for physical losses (victims of an accident), compassion for emotional experiences (loss of home as a result of a fire, death of a loved one). The results of the study showed that the same areas are involved in experiencing admiration and compassion as in automatic emotional programs. Moreover, «physical» situations: admiration for mastery and compassion for physical losses, excited the areas of the brain associated with musculoskeletal activity, and «mental» ones: admiration for virtuous deeds and compassion for spiritual experiences - with those associated with the internal organs and the internal environment of the body.. The researchers came to the conclusion that social emotions, rigidly determined by the socio-cultural environment, individual human

⁴⁵⁰Damasio A. Ya. The brain and the emergence of consciousness, Moscow, 2018. P. 132-135.

⁴⁵¹Damasio A., Grabowski T., Bechara A. et al. Subcortical and Cortical Brain Activity During the Feeling of Self-generated Emotions // Nature Neuroscience. 2000. Vol. 3. P. 1049-1056.

learning, have the closest connection with the body and, as already noted, with the management of life.⁴⁵²

Proceeding from this, the main provisions of modern cognitive science are a fairly effective methodological toolkit that makes it possible to overcome the theoretical autonomy and isolation of social and political phenomena existing in social science from the basic laws of the functioning of the human body and internal mechanisms for controlling its behavior.

Based on the above reasoning, we have come close to formulating one of the main conclusions of our study.

Since the socio-cultural environment contains a system of assessments and incentives for a certain type of behavior, the principle of functioning of which is most closely connected with the human body and innate internal mechanisms for managing life processes, as well as maintaining homeostasis; since the perception of a significant part of the phenomena and events of the surrounding reality by a modern person is mediated by the information space; since the information space is one of the main dimensions of modern conflicts and geopolitical struggle, and also becomes a tool for information and psychological attacks; logically, the question arises about the possibility of the existence of such information-semantic structures that, firstly, would activate the mechanisms of information selection, and secondly, would «slow down» unwanted framing and, on the contrary, stimulate the formation of an image of an event with given attributes in the human mind, thirdly, would they be sufficiently stable in the face of the predominance of unwanted content in the information agenda?

Based on the above facts and arguments from a theoretical point of view, this question can be answered in the affirmative. We propose to designate such a semantic construction by the term "information dominant".

⁴⁵²Immordino-Yang MH, McColl A. et al. Neural Correlates of Admiration and Compassion // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009 Vol. 106. N 19. P. 8021-8026.

At the beginning of the 20th century, the Russian physiologist A.A. Ukhtomsky developed a theory about the dominant, the main provisions of which were first published by him in 1923 in his work «The Dominant as a Working Principle of the Nerve Centers». Under the term "dominant" Ukhtomsky understood "a more or less stable focus of increased excitability of the centers, no matter what it was caused by, and the newly coming to the centers of excitation serve to strengthen (confirm) excitation in the focus, while in the rest of the central nervous system the phenomena of inhibition are widely diffused."⁴⁵³ As a result of numerous experiments with animals, Ukhtomsky revealed that in the presence of a focus of increased excitation in the central nervous system, external stimuli, which in the normal state lead to excitation of other parts of the brain, contribute to increased excitation in this focus, while inhibition effects are observed in other areas..

Without pretending to direct analogies with the theory of Ukhtomsky, who considered the dominant as a special state of the central nervous system, caused primarily by internal stimuli, but only emphasizing the very possibility of the existence of such states, we will give a working definition of the proposed concept.

Information dominant is a special information-semantic structure based on human emotions that promotes the selective perception of external information, which is supported by internal stimuli of the organism and / or socio-cultural environment.⁴⁵⁴

Some authors express theoretically consonant ideas about the use of special semantic constructions based on social sociocultural experience in public political practice. For example, A.A. Bartosz, in the context of the analysis of hybrid wars, considers strategic culture as one of the most effective tools for influencing public opinion and consolidating society.⁴⁵⁵ At the same time, it should be noted that

⁴⁵³Ukhtomsky A.A. Dominance teaching. Moscow, 2020. P. 23.

⁴⁵⁴Vykhodets R.S. "Information dominants" as a tool of information-psychological wars // Social sciences and modernity. 2022. N 4. P. 93–104.

⁴⁵⁵Bartosh A.A. Strategic culture as a tool of "soft power" of Russian diplomacy // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2019. N 4. P. 19-31.

often we are talking about fairly general ideological constructs that appeal either to the strategic goals of national development or to sociocultural experience, which makes it difficult to empirically verify their influence.

The proposed concept of "information dominance" is considered as a theoretical construction of the middle level, which is sufficiently specialized to be able to direct empirical verification, and at the same time has the measure of generality, which allows to cover a very wide range of phenomena. The existence of informational dominants is a hypothesis that is very convenient for criticism, but at the same time implies the possibility of setting up specific experiments, both to confirm it and to refute it.

In the context of the ongoing information confrontation between the collective West and Russia, let us give the following example as an illustration. In the Russian media space, there is a variety of information messages representing a wide range of opinions on current events. Based on the analysis of content and framing, it is possible to formulate a number of informational and semantic structures, for example, "Western sanctions cause serious damage to Russia and lead to a significant deterioration in the socio-economic situation in the country and the well-being of every person." This construction includes information messages of different content, united by similar semantic attributes. At the same time, it should be emphasized that the generalizing formulation can be expanded or narrowed depending on the specific task, provided that the possibility of its further verification is retained. Next, it is necessary to conduct an empirical study (for example, using the focus group method) of whether this informational-semantic construction finds an emotional response with appropriate reinforcement (individual or sociocultural) in the minds of the target audience, which, in accordance with the proposed hypothesis, should trigger the process of information selection and contribute to formation of an individual information agenda with appropriate framing. If these theoretically acceptable assumptions are confirmed, we can state the phenomenon of informational dominants. Some researchers emphasize that modern geopolitical confrontation is characterized by a global trend of shifting military dangers and military threats into the information space, which

dictates an urgent need to develop effective tools for information management, one of the main objects of which is human psychology and psyche.⁴⁵⁶ In this sense, information dominants can be considered as one of the components of the information management system.

Thus, the question we raised at the very beginning about the possibility of effective information-psychological confrontation in the conditions of the enemy's advantage in control over the information space, in theoretical terms, quite reasonably suggests a positive answer. With empirical confirmation of the existence of informational dominants, wide opportunities open up for the formation of such specific informational-semantic structures, which, when used in informational-psychological confrontation, would perform the functions of "filters" and "amplifiers" of information with certain attributes, thereby counteracting undesirable selection of information and framing in the context of the predominance of enemy content in the information agenda.

§4.2. Empirical substantiation of "Information dominants" as a tool of information-psychological confrontation

In this section, we present the results of a study conducted by the author of this paper with the technical and financial support of the Foundation for the Development of Civil Control Mechanisms in order to empirically test the hypothesis formulated above. The main objectives of the study were formulated as follows:

1. Confirm the possibility of defining in the media space special information-semantic structures, the representation of which in the human mind affects the selection of information and the creation of an individual information agenda.

2. To establish the influence of information-semantic structures on the perception of other information by a person.

⁴⁵⁶Shults V.L., Kulba V.V., Shelkov A.B., Chernov I.V. Information management in the context of globalization and geopolitical confrontation // National Security. 2015. N 2 (37). P. 202-243.

3. Reveal the relationship between the selection of information under the influence of information-semantic structures and human emotions.

The study was conducted in October-November 2022 in two stages, a detailed description of which is presented in a special article.⁴⁵⁷

Data collection at both stages was carried out experimentally.

First stage. At the first stage, 100 people (men and women aged 25-60) were invited to participate in the study by random sampling time. All respondents had at least two hours of free time to participate in the study. 30 minutes after the start of the experiment, the observers completed the process of familiarizing the respondents with information materials. The proposed selection included real materials from Russian and foreign media:

15 pcs. – materials in the context of which a positive assessment of Russia is given (positive);

15 pcs. – materials in the context of which a negative assessment of Russia is given (negative);

15 pcs. - materials containing only facts and not having value judgments (neutral).

The study was conducted indoors using personal computers. For convenience, the information materials on the monitor were arranged in random order into blocks of 5 pieces (9 blocks in total), the respondent saw on the monitor the heading of the material and its brief announcement, which made it possible to give an accurate qualitative assessment of the content of the material.

After viewing by the participant of the experiment all 9 blocks, when re-displaying in automatic mode, the materials in the block were rearranged in random order, which excluded the possibility for the respondent to determine the exact number of materials offered for review.

⁴⁵⁷ Vykhodets R.S., Kosheverskaya M.M. Empirical substantiation of "Information dominants" as a tool of information-psychological confrontation // Questions of Political Science. 2023. N 5. P. 2070-2080

Observers recorded the number of materials read in accordance with the content (negative, positive, neutral).

As a result of the first stage, an uneven distribution of viewed materials was recorded. More than 70% of respondents to some extent preferred viewing either positive or negative materials.

Diagram 1 - Distribution of materials viewed for each participant

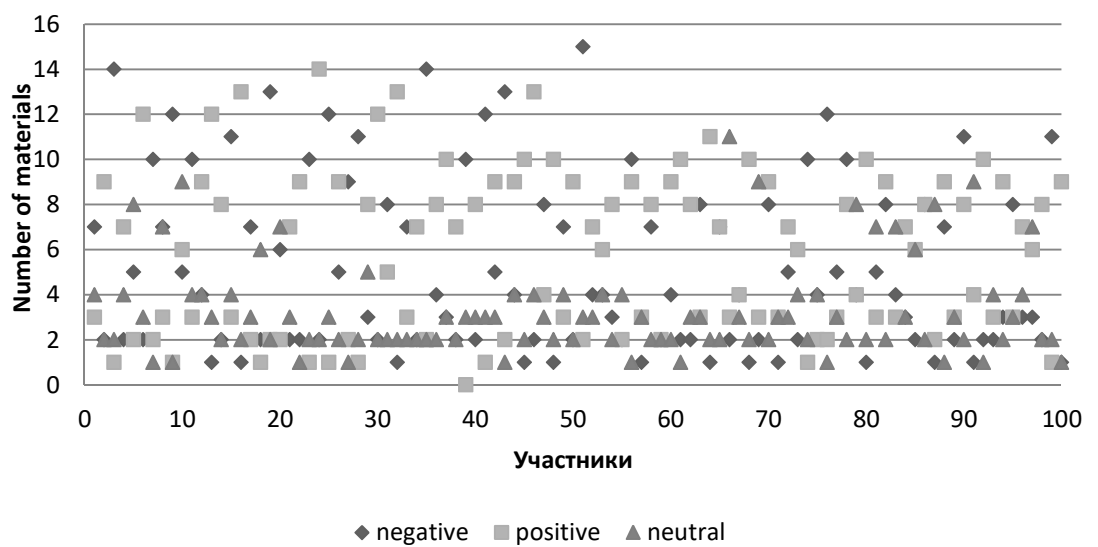
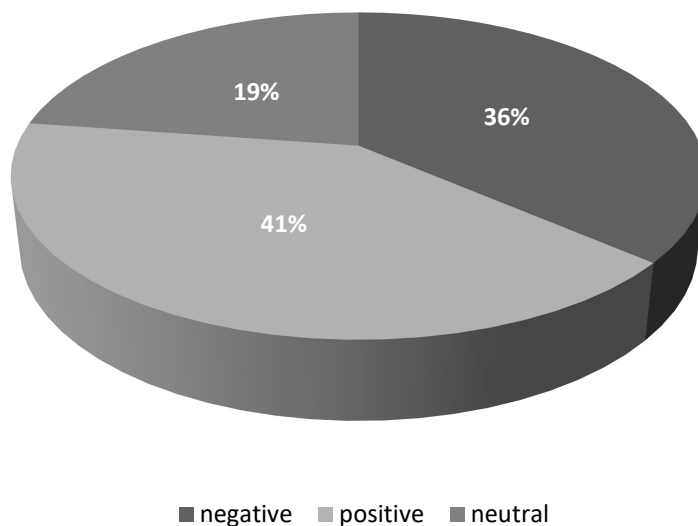
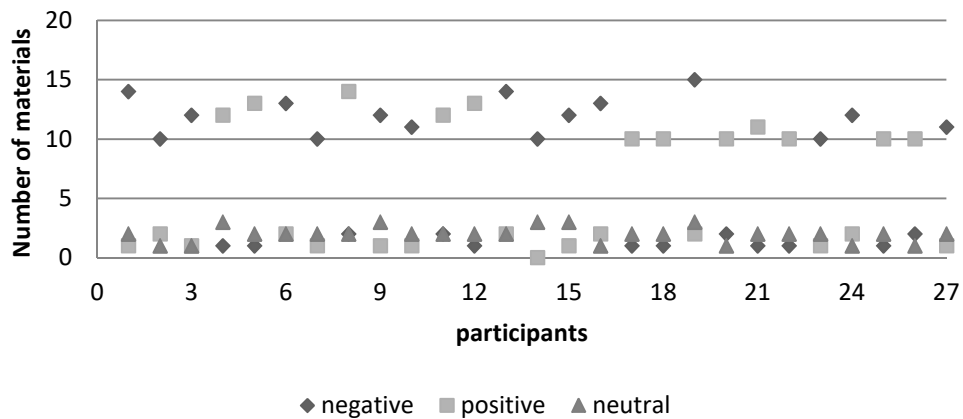

Diagram 2- Distribution of news in the total volume of materials read

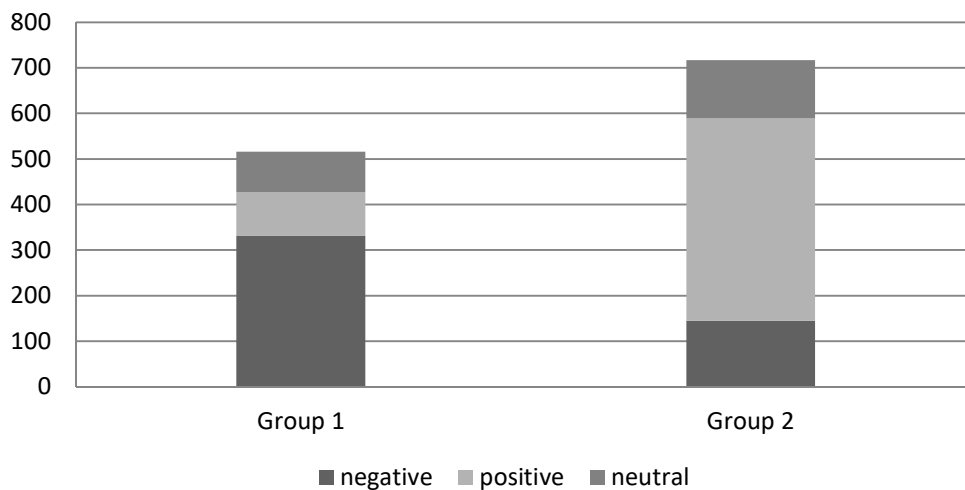
Based on this criterion, 27 people were selected who during the experiment (30 minutes) read at least 10 materials of a positive or negative orientation and at least one article from the other two groups.

Diagram 3 - Distribution of materials viewed by selected participants by content

The selected respondents were conventionally divided into two groups:
 15 people - the number of materials read with a negative assessment of Russia was 3 or more times higher than the total indicator of the «neutral» and «positive» materials they viewed (group 1);
 12 people - the number of read articles with a positive assessment of Russia is 3 or more times higher than the total indicator of read "neutral" and "negative" news (group 2).

Diagram 4 - Distribution of materials within content groups

Second phase. At the second stage, the selected respondents were also asked to choose and familiarize themselves with the information materials that interested them.

The resource pack for participants was structured as follows:

7 pcs. - materials opposite in the evaluation context to those that the respondents preferred at the first stage;

3 pcs. - materials that are estimated to coincide with the materials that were given preference at the first stage;

5 pieces. - materials without value judgments.

The study was conducted indoors using personal computers. The algorithm for displaying materials was organized as follows: the respondent saw on the monitor a complete list of headings of all materials and their brief announcements, which made it possible to give an accurate qualitative assessment of the content of the material. The task of the respondent was to choose one material for review. After reading the material, the respondent was again shown the list, with the exception of the material already viewed. The procedure was repeated until the respondent got acquainted with all the proposed materials.

The observers recorded: the order of the selected news, as well as the group affiliation of the materials read: «negative», «positive», «neutral».

After getting acquainted with each selected material, the participant of the experiment was asked the following questions:

1. Is the information you read correct?

A. Compliant

B. Does not match

B. I find it difficult to answer.

2. Which statement is supported by this information ?

A. Russia today is:

a pariah and aggressor country against which the entire civilized world opposes;

a country with a non-competitive declining economy and a low standard of living of the population;

a country from which the majority of citizens would leave, if they had such an opportunity.

B. Russia today is:

a peacekeeping country supported by most of the world;

a great military power that pursues a correct foreign policy, resolutely ensures its security and protects its compatriots;

a country with new prospects for the rapid growth of the economy, incomes of citizens and the strengthening of friendly ties with other countries.

B. None of the proposed.

3. *What emotion did you experience when you read this information?*

A. Anger, anger, irritation, resentment, hatred, indignation, discontent, ferocity, indignation;

B. Joy, fun, delight, exultation, ecstasy, euphoria, cheerfulness, triumph, triumph.

B. Fear, fright, excitement, shame, anxiety, anxiety, horror, apprehension, panic.

D. Sadness, sadness, disappointment, regret, despair, grief, regret, despondency, guilt, compassion.

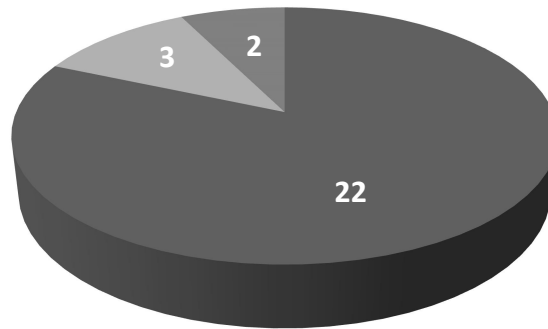
Research results:

1. News collection.

22 (81.5%) respondents in the first place (the first 3) chose materials that corresponded in content to their group (positive or negative);

3 (11.1%) respondents, whose top three included materials corresponding to their group and neutral;

2 (7.4%) respondents among the first three read materials from the other two groups.

Diagram 5 - News selection by content

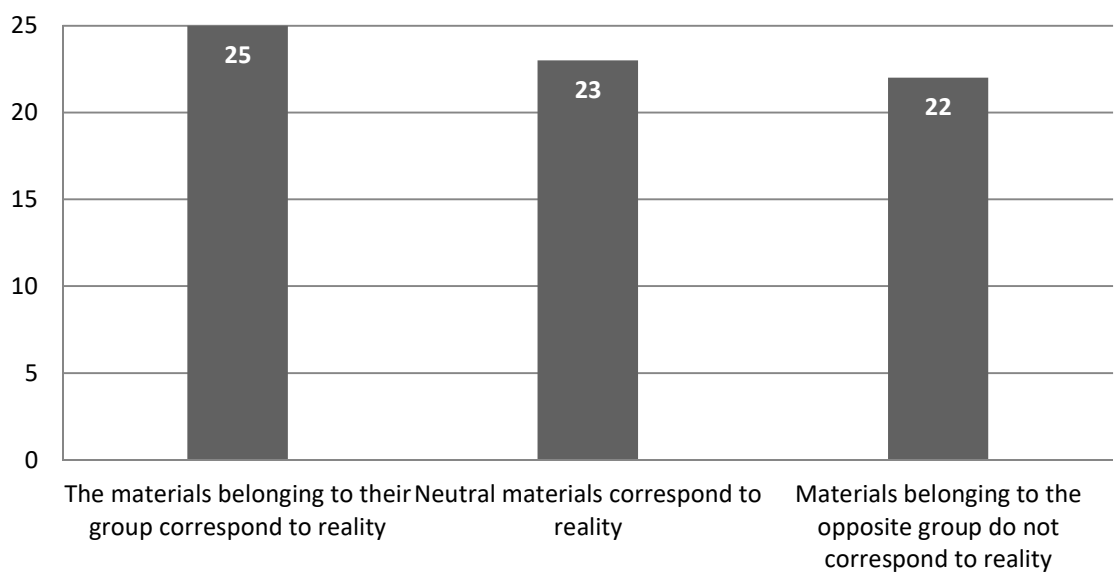
- The first three are materials corresponding to the content of their group
- The first three are materials corresponding to their group, and neutral
- The first three are materials from the other two groups

2. Evaluation of the reliability of the content of the material.

25 (93%) respondents rate materials belonging to their group as true;

23 (85%) respondents rate neutral materials as true;

22 (78%) of the respondents assess as untrue materials belonging to the opposite group.

Diagram 6 - Evaluation of the reliability of the content of the material

3. *Emotional evaluation of news.*

24 (89%) respondents experience emotions A and D when reading news opposite to the group;

22 (81%) respondents experience emotions B when reading neutral news;

19 (70%) respondents experience emotions B and C when reading the corresponding newsgroups;

4. *Subjective interpretation of the content of the material.*

25 (93%) respondents interpret the content of the materials in accordance with their given interpretation (positive, negative, neutral);

23 (85%) respondents interpret the content of neutral materials in accordance with their group affiliation;

19 (70%) respondents believe that the information that they assessed as untrue (positive, negative) confirms the opposite statement in content («Russia is an aggressor country», «Russia is a peacemaker country»).

Thus, the study showed

firstly, in the media space there are special information-semantic constructions identified by the analytical method, the representations of which in the human mind affect the selection of information and the formation of an individual information agenda;

secondly, subjective representations of information-semantic constructions have a direct impact on a person's perception of information: assessment of the reliability of information, transfer of evaluative attributes of an information-semantic construction to the perceived information.

thirdly, the information selection process initiated under the influence of the subjective representation of the information-semantic structure is directly related to human emotions. This result is in line with numerous studies of the interdependence of information, emotions and behavior, examples of which we

considered in the second section of our work. However, this area needs further research.

The results obtained by us can be considered as pilot data, which open up a wide range of possibilities in the development of the most effective means in modern information-psychological confrontation, as well as in the formulation of other research questions. At the same stage, we fix the very phenomenon of a special information-semantic structure that affects the selection of information, which we have designated by the term "*information dominant*".

Chapter 5. Ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO

In the previous parts of our work, we examined in detail the main aspects of the information-psychological confrontation, which is today part of the modern processes of strategic competition. These processes unfold in a wide range of actions from soft power influence to military conflict. For more than thirty years, the post-Soviet space has been an arena of strategic competition, in which the national interests of states, financial and economic groups, value and ideological models of development collide. Moreover, according to some researchers, the key trend in the development of the political and communication sphere of the space of the former USSR should be considered the increase in challenges and threats to the collective security of the CSTO projected from its side, in which the reorientation of Western actors from the methods of "soft power" to strategic propaganda plays an important role, the purpose of which is the integration policy of Russia and its allies.⁴⁵⁸ That is why today, at the CSTO level, one of the absolute priorities is the development and promotion of a unified policy to create an integral system of collective information and psychological security.

§5.1. State policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security

The complex of modern geopolitical contradictions, the core of which is the struggle for natural resources and leadership in the field of high technologies, and more and more clearly manifested in the processes of decoupling of the two largest economies in the world, the USA and China, is an objective source of centrifugal tendencies in integration projects that have arisen in the former USSR. The desire of the post-Soviet states to preserve the political, economic and socio-cultural ties

⁴⁵⁸Petrishchev E.V. Development of international political communications in the post-Soviet space: trends and features // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2021. N 2. P. 126.

developed during the period of life in a single state, within the framework of new integration formats, the CIS, the EAEU, the CSTO, is increasingly faced with the problem of choosing a foreign policy vector. At the same time, external forces, primarily the United States, consider the strengthening of Eurasian integration as a threat to their dominant position in the world. Therefore, today the post-Soviet states often become the object of attempts to establish external influence, which is part of a comprehensive policy of containing China and Russia. As N.A. Tsvetkova, the United States and its NATO allies are moving to direct forms of information and psychological impact on the humanitarian sphere of the post-Soviet space.⁴⁵⁹ It is primarily aimed at changing worldviews, manipulating public opinion, general socio-political destabilization. The effectiveness of these actions has already manifested itself quite clearly, for example, by now, in all the EAEU member countries, without exception, «color revolutions» have passed with one or another success: Armenia (Velvet Revolution 2018), Belarus (protest actions 2020-2021.), Kazakhstan (2022 protests), Kyrgyzstan (2005 Tulip Revolution, 2010 and 2020 protests), Russia (2011-2012 protests). All these events contained the change of political elites and foreign policy reorientation, as a rule, under the slogans of freedom, democracy and Europeanization as the main targets. As rightly pointed out by D.L. Tsybakov, the result of the activity of Western organizations was their monopoly on the formation of the goals and slogans of the protest movements of 2017-2021 in Armenia, Belarus and Kyrgyzstan. In almost all of these cases, the leaders of the political opposition announced the rejection of projects for a military-political and economic union with the Russian Federation.⁴⁶⁰

The current state of the geopolitical confrontation, which has passed into the phase of a military clash on the territory of Ukraine, the trigger of which was the Ukrainian Maidan of 2013-2014. and subsequent events, dictates the urgent need to

⁴⁵⁹Tsvetkova N.A. US Public Diplomacy: From Soft Power to Dialogue Propaganda // International Processes. 2015. Vol. 13. N 3. P. 130.

⁴⁶⁰Tsybakov D.L. Development of international political communications in order to strengthen the collective security of the CSTO // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol. 16. N 2. P. 158.

develop common approaches to ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO. In the Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period until 2025, adopted on October 14, 2016, the CSTO's area of responsibility is "the territories of the member states of the Organization, limited by sections of the state border with other states that are not members of the CSTO (external borders), including internal waters, the territorial sea and the airspace above them, within which the interests of the national and collective security of the CSTO member states are ensured."⁴⁶¹

At the same time, changes in the nature of modern military conflicts, the emergence, in fact, of a new domain of war associated with a purposeful destructive impact on the ideological foundations of society and the individual, the manipulation of public opinion, the use of sophisticated technologies to influence the psyche and human behavior, lead to the fact that information and psychological security becomes a necessary element of the system of national and collective security. Some authors rightly emphasize that the CSTO is the shield of the Eurasian Union and the efforts made within its framework for geopolitical and economic integration.⁴⁶² Therefore, the unification of national interests and efforts of the participating states to develop and conceptualize a unified approach to the collective provision of information and psychological security in the CSTO area of responsibility is a priority task in the modern conflict realities of world politics.

On the basis of the formulated working definition of the concept of "information and psychological security" and the proposed theoretical and methodological model, which includes worldview, media and cognitive

⁴⁶¹Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025. Approved by the Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization of October 14, 2016. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (accessed 22.03.2023)

⁴⁶²Kefeli I.F. Imperatives of interaction between the EAEU, SCO and BRICS in global geopolitics // Eurasian integration: economics, law, politics. 2016. N 2 (20). P. 50.

components, we will consider the policy of the CSTO member states through the prism of issues of ensuring information and psychological security.

5.1.1. Republic of Armenia

1. Worldview component. The fundamental document in the field of security of the Republic of Armenia is the National Security Strategy. In it, the ideological aspect occupies a dominant position and acts as a fundamental principle of ensuring national security. The Address of the Prime Minister of the Republic of Armenia, which is the preamble to the document, says: «When discussing the issue of our national security, first of all, we must consider the issue of our national identity, because national security involves the protection of national identity from physical and essential threats.»⁴⁶³ Therefore, the connection with the roots and a sense of ownership of the heritage and values that have been formed in the course of the history of the Armenian nation is a key component of the national identity and is designed to strengthen the faith and confidence of each person in their own strengths, thereby strengthening the faith and confidence of the nation and the people as a whole.

The ideological foundation of the national security of Armenia comes down to an effective understanding of the concept of «being an Armenian», during which the historical continuity of the value and cultural foundations of public life is formed, the national identity is preserved and developed. The central role in this process is played by the Armenian state, which is proclaimed the sole guarantor of the existence and development of the Armenian people and represents the Armenians of the whole world. That is why the Armenian statehood occupies the first place in the list of national values, and ensuring the institutional conditions necessary for the «eternal» existence of the Armenian state is a priority national value.

⁴⁶³National Security Strategy of the Republic of Armenia. July 2020. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (accessed 22.03.2023)

The historical dynamics of national identity is revealed in the National Security Strategy in two aspects. Firstly, it is the preservation and generational continuity of national values, including the Armenian statehood, history, folklore, the Armenian language, writing, science, literature and music, Christianity, family values, traditional cuisine, the main features of the national character, such as love of freedom, pride, hospitality, enlightenment, diligence, law-abidingness, respect and tolerance for other people, peoples, religions, the total potential of the Armenian diaspora.

Secondly, the achievement of the priority goals of national development, including the provision of ideological, in the field of security, public, political, legal, economic, demographic, international, educational, intellectual, cultural conditions for the existence and development of the state, ensuring and protecting security, welfare, freedom and happiness, as well as other fundamental rights of citizens, achieving equality of all before the law, equal rights for women and men, ensuring equal opportunities for women and men in public, state, economic life. Preservation and development of independence and national sovereignty, consolidation of the pan-Armenian potential.

The set of goals for Armenia's national development is embodied in a list of fundamental national interests. These include the following :

- ensuring the independence, sovereignty, territorial integrity of Armenia;
- strengthening peace and international cooperation;
- ensuring democracy, human rights and the rule of law and the security of Artsakh;
- ensuring the security and welfare of citizens, as well as sustainable economic development of the country.

In the process of ensuring national interests, maintaining and developing the national-state identity as the fundamental basis of national security, in addition to internal transformations, Armenia assigns significant importance to foreign policy actions.

In foreign policy, Armenia adheres to a multi-vector course. Thus, among the foreign policy priorities is the deepening and expansion of strategic allied relations with the Russian Federation in the political, trade, economic, defense, cultural and humanitarian spheres, as well as in the field of security. At the same time, from the point of view of modernizing the country, carrying out reforms, strengthening democracy and human rights, priority is given to cooperation with Western countries. First of all, we are talking about developing a strategic dialogue with the United States and expanding bilateral and multilateral partnerships with the EU, its member states and other European countries.

Armenia connects the expansion of opportunities for economic cooperation, first of all, with the development of integration processes within the framework of the EAEU and the maximum use of the opportunities of the economic component of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between Armenia and the European Union.

In matters of ensuring security, Armenia attaches great importance to participating in joint initiatives implemented within the framework of the CSTO, using the institutional capabilities of the organization, further work towards increasing the effectiveness of the CSTO and guaranteeing the fulfillment by the member states of allied obligations towards each other. At the same time, Armenia's foreign policy priority in the field of security is cooperation in the Armenia-NATO format, as well as military-political cooperation with the United States aimed at reforming defense institutions and developing the interoperability of the Armenian armed forces.

2. Media component. As in the concept documents of other countries, the information and psychological security of Armenia is an integral part of information security. The National Security Strategy of Armenia, when considering issues related to ensuring an open and secure information and cyberspace, states: «In the modern world, information wars are more acute, including the tools of propaganda, manipulation, fake news and disinformation,

and often democratic values become their targets. In this context, we will work towards increasing the level of public awareness and media literacy, with the aim of strengthening the capacity of society and the state to counteract information wars.»⁴⁶⁴ It is noteworthy that in the context of discussing the issues of destructive information and psychological impact, we are talking about democratic values, and not about national identity, which, as shown above, is at the center of the Armenian national security system.

Mechanisms for responding to these challenges in the most general form are included in a wide range of digitalization tasks. In accordance with the Program of the Government of the Republic of Armenia for 2021-2026.⁴⁶⁵ the tasks, one way or another, concerning the issues of information and psychological security, are formulated as follows:

- introduction of a modern system of identification and recognition of competencies;
- introduction of a management system and development of information and cyber security, literacy;
- increasing the digital literacy of the population of the Republic of Armenia and implementing programs aimed at increasing the use of digital tools;
- establishment of a center for cybersecurity and evidence-based policy development.

At the same time, security issues in the media space have recently become increasingly important. According to Armenian researchers, the lack of regulation and lack of control over the formation of the information agenda, both by the state and other structures, poses threats in at least two aspects: firstly, due to a sharp increase in the volume of information flows, citizens begin to get lost in this huge

⁴⁶⁴National Security Strategy of the Republic of Armenia. July 2020. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (accessed 22.03.2023)

⁴⁶⁵Program of the Government of the Republic of Armenia (2021-2026). Appendix to the Decree of the Government of the Republic of Armenia N 1363-A of August 18, 2021. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4736.pdf> (accessed 22.03.2023)

an array of messages, and thus their ability to adequately perceive and understand the events taking place around them and «filter» the messages they receive is reduced; and, secondly, opponents in the international arena can take advantage of this, causing significant damage to information processes and the information system of the state.⁴⁶⁶

2.1. Information production. From the point of view of issues of state regulation of information content, one should mention one of the interviews of the Prime Minister of Armenia Nikol Pashinyan, in which he stated that there is no more censorship in the country, and the press in Armenia is free as never before. He noted: «We have always had specific censorship on television... if you don't call it censorship, then all TV channels were still under the control of the government... Now we don't have any censorship at all. None.»⁴⁶⁷

However, in August 2020, the law «On Audiovisual Media» came into force in Armenia, according to which the broadcasting of any foreign channels and their inclusion in the national broadcasting network can be carried out only on the basis of interstate agreements.⁴⁶⁸ The imposed restrictions affected a number of Russian federal channels, as well as the American CNN.

Since 2001, the State Commission on Television and Radio has been operating in Armenia, the functions and powers of which include ensuring the freedom, independence and diversity of broadcasting media, monitoring the activities of television and radio companies, allocating frequencies for broadcasting, monitoring the provision of a variety of information, educational, cultural and entertainment programs on public television and radio.⁴⁶⁹ In accordance with the legislation of the country, the composition of the Commission is elected by the parliament of the country for a period of six years.

⁴⁶⁶ Alekyan M.V., Tadevosyan M.R. Information flows of Armenia as an important factor in the national security strategy // Media Research. 2020. N 7. P. 274.

⁴⁶⁷ Pashinyan spoke about the lack of censorship in Armenia. 04/24/2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc05b7d9a79474b89b9b70e> (accessed 22.03.2023)

⁴⁶⁸ Law of the Republic of Armenia of August 5, 2020 NZR-395 "On Audiovisual Media". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=126700 (accessed 22.03.2023)

⁴⁶⁹ Commission on Television and Radio. 2023. URL: <http://tvradio.am/> (accessed 22.03.2023)

The legal framework of Armenia provides for regulatory mechanisms to counteract the production of fake content. Thus, the law "On Mass Communication" contains a number of requirements for verification of the source of information, which implies its disclosure by a court decision in cases where the protection of the interests of the public is more significant than the public interest in not disclosing the source of information.⁴⁷⁰

In the field of personal data protection in Armenia, there are relevant regulatory and legal norms. However, it should be emphasized that the law "On the Protection of Personal Data" provides for the transfer of personal data to third parties and other states without the consent of the subject, if this is provided for by law and there is a satisfactory level of protection, which is considered as such, subject to the transfer of data under international treaties or in the case when personal data is transferred to any country included in the list officially published by the authorized body.⁴⁷¹

2.2. Spread of information. There are no legal and institutional restrictions on the dissemination of information content in Armenia. In March 2023, the Armenian Parliament began considering a bill that could introduce the concept of a foreign agent in the country and provide for the labeling of individuals, organizations and media that receive foreign funding. Some experts pointed to the growing external influence on the political processes of Armenia. So, according to their estimates, if in 2018 the United States Agency for International Development (USAID) allocated \$19,218,037 to Armenia, then in 2021 this amount increased significantly, to \$28,518,226. A significant part of the funds is allocated to human rights activities and the work of the media.⁴⁷²

⁴⁷⁰Law of the Republic of Armenia of January 14, 2004 NZR-14 "On Mass Communication". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7113 (accessed 22.03.2023)

⁴⁷¹Law of the Republic of Armenia of June 13, 2015 NZR-49 "On the Protection of Personal Data". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (accessed 22.03.2023)

⁴⁷²Ghukasyan A. Agents of Foreign Influence: What Can Armenia Oppose to Them? 12/21/2022. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221221/agency-inostrannogo-vliyaniya-chtom-mozhet-protivopostavit-armeniya-52910409.html> (accessed 22.03.2023)

3. *Cognitive component.* Knowledge of the cognitive characteristics of a person today plays a key role in influencing the process of information consumption and ensuring the cognitive component of information and psychological security. As was shown in one of the previous sections of our work, efforts are being made in Armenia in the field of developing high technologies, including AI technologies. As for the neuroscience direction, it should be noted that various areas of brain research in Armenia occupied one of the leading positions in the Soviet Union. The Institute of Physiology of the National Academy of Sciences of Armenia named after Leon Orbeli is the center of consolidation and unification of national efforts in many modern areas of brain research. For example, in 1996, the Armenian Society of Neuroscientists, founded under his auspices, became a corporate member of the International Brain Research Organization (IBRO).⁴⁷³

According to the latest data on the number of publications in the field of cognitive research, Armenia ranks 98th in the world among the CSTO member countries, behind Russia and Kazakhstan.⁴⁷⁴

Considerable attention in Armenia is given to programs and activities in the field of media literacy. For example, the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of Armenia holds an annual media literacy week, during which educational institutions and organizations hold events and classes on media literacy. During the week, the recipients of education, using the available educational resources, participate in online and face-to-face meetings, as well as develop and implement educational projects, integrating media literacy into education.⁴⁷⁵ In March 2023, the International Media School was launched in Dilijan, which was attended by young professionals in the field of journalism,

⁴⁷³Armenian Association IBRO and Armenian Society of Neuroscientists. 2023. URL: <http://www.armneuroscience.am/about.html> (accessed 22.03.2023)

⁴⁷⁴Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

⁴⁷⁵Media Literacy Week in Armenia. 10/25/2022. URL: <https://escs.am/am/news/14235> (accessed 22.03.2023)

marketing, advertising and media from all CIS countries. Over the course of 6 days, the participants listened to lectures on the topics of media literacy and the art of working with the media, branding products, companies and countries, effective promotion channels, principles of successful communication and digital etiquette.⁴⁷⁶

Some Armenian researchers point out that information security is a very important aspect that Armenia must ensure at the state level. This is closely related to the security of the country's citizens, economic security and, last but not least, the development of the country.⁴⁷⁷ In general, it can be noted that in Armenia, at the state level, considerable attention has recently been paid to the issues of countering challenges and threats in the information environment and efforts are being made to ensure information and psychological security.

5.1.2. Republic of Belarus

1. Worldview component. The main document that sets long-term priorities for the development of the country and forms a strategic vision of the future is the National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035.⁴⁷⁸ The ideological foundation underlying the Belarusian model of long-term sustainable development is the achievement of high standards of living standards of the population based on the qualitative growth of the economy on a new digital technological base, the formation of a full-fledged competitive environment, the creation of comfortable conditions for life and the development of personal potential while preserving natural systems for the current and future generations.

⁴⁷⁶The International Media School has started in Dilijan. 03/14/2023. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230314/v-dilizhane-startovala-mezhdunarodnaya-mediashkola-56702400.html> (accessed 22.03.2023)

⁴⁷⁷Pogosyan M.V. The role of information security in the economic security of the country (on the example of the Republic of Armenia) // Science Innovations - 2022. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (October 31, 2022). Petrozavodsk: MTsNP "New Science", 2022. P. 37-41.

⁴⁷⁸National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035. Minutes of the meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 4, 2020. N 3. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (accessed 28.03.2023)

The main priorities for sustainable development include the following:

- Sustainable development of the family institution and qualitative growth of human potential. In the long term, the tasks of entering a sustainable trend of birth rate growth, positioning the family and family lifestyle as the basis of life success are coming to the fore. Strategic importance is attached to the issues of promoting the spiritual, moral and professional development of young people, creating an institutional environment for unlocking their potential and conditions for self-realization of young people in the interests of the whole society, education plays a key role in this, which should contribute to the acquisition of competencies and skills that are in demand in modern innovative economy. The qualitative development of human potential is inextricably linked with the issues of strengthening spiritual, moral, humanitarian and environmental values in society, the growth of citizenship, national self-awareness and patriotism.

- Productive employment and decent incomes of the population. When solving this problem, great importance is attached to the process of transition to a digital economy, associated with the emergence of new professional skills and competencies, which actualizes the tasks of controlled redistribution of labor between sectors of the economy and regions, organizing proactive retraining of personnel and creating conditions for expanding self-employment of the population.

- Digital transformation of the economy and large-scale diffusion of innovations. In the context of growing global competition and the emergence of new high technologies and intelligent systems, the core of the Belarusian digital agenda is the structural and technological renewal of the economy, including the end-to-end digitalization of physical assets and their integration into digital ecosystems, the digital transformation of markets for goods, services, capital and labor, the acceleration of digital transformations in public administration and at the integration level, the creation and capitalization of digital assets based on data, the development of digital infrastructure and security. It is especially emphasized that

digital transformation will entail significant changes in the social paradigm of people's lives: it will expand access to social online services and provide comfortable living conditions. In general, the implementation of the set priority will ensure the qualitative growth of the economy through the formation of a highly intelligent sector and will allow it to take a leading position in the world in certain areas of scientific and technological progress. One of the main priorities in this area is the formation of a digital society and the country's entry into a leading position in the export of software products among European countries.

- Creation of a developed business environment and sustainable infrastructure. This task focuses on updating and improving institutional conditions and instruments, which involves the further development of all segments of the financial market, improving the business climate, creating and maintaining a high level of competitive environment, and improving the efficiency of state asset management.

- Ensuring environmental safety, transition to rational models of production and consumption. Here, the issues of ensuring an ecologically safe living environment, the rational use of natural capital, the creation of an effective system for protecting the population from the harmful effects of natural and man-made emergencies, and adaptation to climate change are brought to the fore.

It should be emphasized that the Republic of Belarus, in terms of the strategic priorities of national development, primarily focuses on global trends in scientific and technological progress and the global agenda in the field of sustainable development. It is noteworthy that when disclosing the mechanisms for achieving the set goals, almost all of them are linked and have a direct reference in the text of the document to the UN Sustainable Development Goals. At the same time, in the process of forming a new paradigm for the qualitative development of human capital, the tasks of increasing the birth rate, strengthening the institution of the family and expanding opportunities for economic activity occupy a priority place.

It is expected that in 2023 the All-Belarusian National Assembly will approve a new version of the National Security Concept of the Republic of Belarus. According to President Alexander Lukashenko, the previous document dated 2010 has not lost its relevance, since the security system built on its basis has made it possible to successfully counter external "political terrorism", but it needs to be adapted to the realities of today's bottom.⁴⁷⁹ It is expected that the text of the new edition of the National Security Concept will be updated by 70%. Thus, according to State Secretary of the Security Council Alexander Volfovich, the new document will retain continuity: they have retained continuity: the structure, basis, theoretical and methodological basis of the concept have remained without fundamental changes. In addition, the document develops the provisions of the Constitution in the field of security and ensures their implementation. The definition of national interests reflects the key provision of the Basic Law on Public Consent, the inviolability of the foundations of democracy and the rule of law. Of fundamental importance is the fact that the concept of national security is supplemented by a goal setting for the priorities of the country's sustainable development, which were discussed above.⁴⁸⁰

A number of new terms will also be included in the new text of the document. In the context of our study, the concept of "electoral sovereignty" deserves special attention, revealing the inalienable right of an independent, sovereign state to independently, without outside interference, hold elections and referendums. Apparently, the latest mass protests in Belarus have revealed all the evidence of the need to ensure sovereignty in the information space.

⁴⁷⁹The final draft of the National Security Concept will be approved by the National Security Council. 02/20/2023. URL: https://www.belta.by/president/view/okonchatelnyj-proekt-kontseptsii-natsbezopasnosti-budet-utverzhdad-vns-551223-2023/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent (accessed 28.03.2023)

⁴⁸⁰The draft National Security Concept will be submitted for public discussion. What is the point of change. 02/20/2023. URL: <https://www.belta.by/society/view/proekt-kontseptsii-natsbezopasnosti-budet-vynesen-na-obschestvennoe-obsuzhdenie-v-chem-sut-izmenenij-551270-2023/> (accessed 28.03.2023)

2. *Media component.* In the previous (current) version of the National Security Concept of the Republic of Belarus, the issues of information and psychological security we are considering are included in the context of the general understanding of information security, which is understood as the state of protection of the balanced interests of the individual, society and the state from external and internal threats in the information sphere. The emergence of new information threats, in addition to technical and infrastructure issues of cybersecurity, is due to the increased role and influence of the media and global communication mechanisms on the economic, political and social situation. On this basis, the evolution of information confrontation as a new independent strategic form of global competition is taking place, which leads to the spread of the practice of targeted destructive information pressure, causing significant damage to national interests. Thus, the dissemination of unreliable or deliberately distorted information that can cause damage to the national interests of the Republic of Belarus is classified as a source of threats to national security.⁴⁸¹

The document emphasizes that the openness and vulnerability of the information space of the Republic of Belarus to external influence in the context of the dominance of leading foreign states in the global information space and the monopolization of key segments of information markets by foreign information structures, the rapid development of technologies for manipulating information leads to the fact that external forces have ample opportunities on the formation of informational reasons for the purposeful discrediting of the country. Based on this, it should be expected that in the new version of the document, taking into account the strengthening of the tendencies of targeted destructive information and psychological impact, issues related to this area will occupy one of the central places in the national security system.

⁴⁸¹Decree of the President of the Republic of Belarus dated November 9, 2010 N 575 "On Approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (accessed 28.03.2023)

Today, the issues of information and psychological security are included in the information security system of the Republic of Belarus and are an element of information sovereignty. The Concept of Information Security emphasizes that the mechanisms of destructive information and psychological impact on the individual, society and the state are constantly being improved, and large-scale manipulation of mass consciousness is becoming as acute as the struggle for territories, resources and markets. Through the information space, the deliberate discrediting of the constitutional foundations of states and their power structures, the erosion of the national mentality and identity, the involvement of people in extremist and terrorist activities, the incitement of interethnic and interfaith hatred, the formation of radical and protest potential. As a result of informational influences, the social ties of a person in society, the style of thinking, methods of communication, perception of reality and self-esteem change significantly.⁴⁸²

On this basis, the document formulated the main goal of ensuring the security of the information-psychological component, which is to preserve information sovereignty and pursue a policy of information neutrality, as well as the formation of sustainable immunity against destructive information-psychological influences on the mass public consciousness, and, if necessary, counteraction them.

Security measures include the collection of information about the technologies used and methods of destructive information impacts, the development of scenarios and plans for crisis response and the demonstration of reliable readiness to reflect them, the formation of sustainable immunity against destructive information and psychological impacts, which is primarily based on the traditional fundamental values of the people.

2.1. Information production. The freedom of speech of the Republic of Belarus is guaranteed by the Constitution, according to which the monopolization

⁴⁸²Resolution of the Security Council of the Republic of Belarus dated March 18, 2019 N 1 "On the Concept of Information Security of the Republic of Belarus". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (accessed 28.03.2023)

of mass media by the state, public associations or individual citizens, as well as censorship, is not allowed. At the same time, state control over the media, in particular over the main TV channels (Belarus 1, ONT and STV), is the object of constant attacks and criticism. So, for example, in 2011, Deutsche Bank broke off relations with Belarus, publicly stating the reason for the break was the presence of censorship in the country.⁴⁸³

The process of institutionalization of state regulation of information content in Belarus is associated with the adoption of a package of amendments to the legislation in 2021. Thus, in particular, the Law on Mass Events introduced norms prohibiting coverage in the media, the global computer network Internet or other information networks in real time (live) of mass events held in violation of the established procedure for their organization or holding, in order to promote or promote them.⁴⁸⁴ The prosecution authorities have the right to initiate the blocking of an information resource or content if it is aimed at promoting extremist activities or is capable of harming the national interests of the country.⁴⁸⁵

Legislative innovations on state regulation of information also include:

- expansion of the list of information, the distribution of which in the media and Internet resources is prohibited. For example, it is prohibited to publish the results of public opinion polls conducted without obtaining the necessary accreditation;
- the activities of the media and Internet resources may be restricted based on the decision of the interdepartmental commission, as well as the decision of the Ministry of Information for messages that harm national interests;

⁴⁸³Deutsche Bank closed an account in Belarus. 10/26/2011. URL:

<https://www.gazeta.ru/financial/2011/10/26/3813458.shtml?updated> (accessed 28.03.2023)

⁴⁸⁴Law of the Republic of Belarus of December 30, 1997 N 114-3 "On Mass Events". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114> (accessed 28.03.2023)

⁴⁸⁵Law of the Republic of Belarus dated January 4, 2007 N 203-Z "On Counteracting Extremism". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203> (accessed 28.03.2023)

- foreigners, as well as legal entities with foreign participation, cannot act as founders of mass media;
- the ability to restrict access to a copy of an Internet resource, access to which was previously restricted;
- journalists are prohibited from acting as organizers or participants in mass events.⁴⁸⁶

In May 2021, the law «On the Protection of Personal Data» was adopted in Belarus.⁴⁸⁷ In accordance with it, the processing of personal data is carried out with the consent of the subject, with the exception of cases provided for by law, which represent a fairly wide list, for example, when implementing the norms of legislation in the field of national security, conducting administrative, criminal proceedings, carrying out operational-search activities, carrying out justice, the formation of official statistical information, for scientific or other research purposes, subject to the mandatory depersonalization of personal data.

The processing of personal data should be strictly limited to the achievement of specific, pre-declared legitimate purposes, of which the operator must notify the data subject and obtain his consent in writing or electronically.

Cross-border transfer of personal data is prohibited if an adequate level of protection of the rights of personal data subjects is not provided on the territory of a foreign state, with the exception of certain cases provided for by the internal legislation and international treaties of the Republic of Belarus.

The law also provides for quite serious requirements for ensuring the security of personal data during their processing by the operator, and the procedure for the technical and cryptographic protection of personal data is established by the Operational Analytical Center under the President.

⁴⁸⁶Lukashenka banned live coverage of uncoordinated actions. 05/24/2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2021/60ab6e429a794771b0710b6f> (accessed 28.03.2023)

⁴⁸⁷Law of the Republic of Belarus dated May 7, 2021 N 99-Z "On the protection of personal data". URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1> (accessed 28.03.2023)

The legislation of the Republic of Belarus provides for the verification of users in the Internet space. In particular, Internet service providers are required to identify subscriber devices when providing Internet services, record and store information about subscriber devices, provided Internet services. Owners of computer clubs, Internet cafes and other sites for collective Internet access must identify their users, keep records and store their personal data, as well as information about the Internet services provided and information resources visited by users.⁴⁸⁸

2.2. Spread of information. At the official state level in the Republic of Belarus there are no restrictions on the distribution of content. The method of countering the dissemination of information related to this component in our proposed model of information and psychological security, associated with the labeling of inappropriate content, is usually carried out at the state level on the basis of legislation on foreign agents. In the fall of 2021, the Belarusian authorities refused to adopt such a law in order to protect the country's sovereignty from foreign influence. Deputy Prime Minister of the Republic of Belarus Igor Petrishenko explained this by the fact that the country's leadership is satisfied with the positive results that the previously developed measures to combat external information pressure bring.⁴⁸⁹

3. *Cognitive component.* The serious attention that the state pays to the development of high technologies determines the presence in the Republic of Belarus of a serious backlog in the creation of technological methods to counteract the consumption of unwanted information. In one of the previous sections of our work, we analyzed in detail the achievements of the Republic of Belarus in the field of artificial intelligence technologies, here we point out some trends in the development of cognitive research in the country. According to the latest data on

⁴⁸⁸Decree of the President of the Republic of Belarus dated February 1, 2010 N 60 "On measures to improve the use of the national segment of the Internet". URL:

<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060> (accessed 28.03.2023)

⁴⁸⁹The Belarusian authorities refused to adopt a law on foreign agents. 09/24/2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/smi_agents/ (accessed 28.03.2023)

the number of scientific publications in this area, Belarus ranks 104th in the world, this is the fourth result among the CSTO member countries. Since 2001, under the auspices of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus, a large-scale international conference on cognitive science "Cognitive Studies" has been regularly held in the country, which brings together experts in the fields that study cognition and its evolution, intelligence, thinking, perception, consciousness, representation and acquisition of knowledge, language as a means of cognition and communication, brain mechanisms of cognition and complex forms of behavior.⁴⁹⁰

The Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus has a department of philosophy of information and cognitive processes, which oversees scientific research in the field of fundamental problems of the philosophy of information and cognitive processes, the formation and development of the information society, the problems of global digital transformation, designing the image of the desired future, developing a strategy for its achievements in accordance with the goals and priority areas of development of the Republic of Belarus.⁴⁹¹

Essential in the formation of the cognitive component of the system of information and psychological security is the increase in media literacy of the population and, above all, of young people. The National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035 provides for the intensification of work to ensure the information security of childhood through the implementation of programs for teaching children and adolescents the rules of safe behavior in the Internet space, preventing Internet addiction, and preventing the risks of involvement in illegal activities.⁴⁹²

⁴⁹⁰Cognitive studies. 2021. URL: <https://cognitivestudies.jimdofree.com/> (accessed 28.03.2023)

⁴⁹¹Department of Philosophy of Information and Cognitive Processes. 2023. URL: <http://philosophy.by/ru/departments/cmkc/> (accessed 28.03.2023)

⁴⁹²National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035. Minutes of the meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 4, 2020 N 3. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (accessed 28.03.2023)

However, to date, there is no comprehensive policy in the field of increasing media literacy in the Republic of Belarus. In different years, separate projects in the field of media literacy appeared at the state level. For example, in accordance with the order of the Ministry of Education of the Republic of Belarus dated July 7, 2017N 470 «On experimental and innovative activities in 2017/2018», the formation and development of media competence was enshrined in the list of priority tasks. In practice, this was reflected in the fact that projects were implemented in 27 state educational institutions aimed at raising the level of media culture of students' personalities through the creation of a modern and effective media education environment.⁴⁹³ At the same time, some sources indicate that the media education direction in Belarus was founded and was the prerogative of the activities of public organizations, which contributed to the transformation of this direction into an instrument of external influence, under the slogans of forming a national identity. In this sense, the words of the Deputy Chairman of the Association of the Belarusian School Tamara Matskevich, pronounced shortly after the Ukrainian Maidan, are quite eloquent: "It is pleasant to note that Belarusians are coming to understand the importance of media literacy for the prospects of society, the existence of the nation and independence. The events in Ukraine have opened our eyes to the fact that we also live in a state of information warfare. But not everyone understands that our weapons in it are critical thinking and value attitudes. In general, the most reliable filter against lies and propaganda in the media is our national and linguistic identity, understanding of our European roots and civilizational values."⁴⁹⁴

In general, it should be emphasized that the events of 2020-2021. in Belarus have largely been a catalyst for the intensification of state efforts to bring issues of information and psychological security into the priorities of national policy, while,

⁴⁹³Levitskaya A.A. Directions for the development of media education in the Republic of Belarus (1992–2018) // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2019. N 1. P. 99.

⁴⁹⁴Media literacy in Belarus: who, where and how teaches. 02/12/2016. URL: <http://mediakritika.by/article/3641/mediagramotnost-v-belarusi-kto-gde-i-kak-uchit> (accessed 28.03.2023)

however, it must be stated that the state policy of the Republic of Belarus in this area has not yet been systemic and is limited to individual management decisions and declarations strategic priorities.

5.1.3. Republic of Kyrgyzstan

1. Worldview component. The fundamental document in terms of formulating the strategic priorities of the national development of Kyrgyzstan is the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040.⁴⁹⁵ According to the data given in the document, more than 95% of the country's citizens are concerned about the insufficient effectiveness of state policy to overcome the problems of low employment and welfare of the population, high prices for products and services, significant migration, and solving other long-term social problems, which is the starting point in determining long-term national development priorities. The National Strategy includes the following:

building a strong, self-sufficient, developed state, in the center of which is a person as the highest value, his life, health, rights and freedoms, creating the most favorable environment for him;

formation and approval in society of a new image of a person focused on obtaining new knowledge, a healthy lifestyle, progressive spiritual values, realizing that his vital interests depend not only on the existence and well-being of the state, but also on himself;

strengthening the institution of the family as a central element of spirituality, education, upbringing, co-organization of human life and the formation of a healthy lifestyle;

preservation of the Kyrgyz identity and support of the Kyrgyz diasporas abroad;

⁴⁹⁵Decree of the President of the Kyrgyz Republic dated October 31, 2018 UP N 221 “On the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040”. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (accessed 06.04.2023)

development of the education system and ensuring guaranteed access and full coverage of the population with preschool and school education;

support of the Kyrgyz language as the most important sign of the national identity of the Kyrgyz culture, while ensuring equal knowledge of Kyrgyz, Russian and one of the foreign languages;

building a new model of the economy, included in the system of international division of labor, with high added value, clean energy and organic agriculture. The entry of Kyrgyzstan into the group of countries of the world with an income above the average in terms of GDP per capita;

transformation of Kyrgyzstan into a digital hub on the Great Silk Road through the development of a network of data processing centers of regional importance, which will provide ICT services to the entire region. The created digital infrastructure will allow connecting the information and communication spaces of Central Asia, the EAEU, the Middle East, China and Europe;

modernizing and improving the efficiency of public administration and justice systems.

In December 2021, the National Security Concept was adopted in the Kyrgyz Republic, ⁴⁹⁶which fixed the priority directions of the country's development as national interests in the field of ensuring national security.

2. *Media component.* In accordance with the National Security Concept of the Kyrgyz Republic, ensuring information security is an integral component of the national security system. Despite the rather general official definition of the concept of "information security", as a state of protection of the individual, society and the state from information threats, the document clearly shows the information and psychological aspect. So, among the main factors influencing the development of the world situation, the activation of the information and psychological impact

⁴⁹⁶Decree of the President of the Kyrgyz Republic dated December 20, 2021 UP N 570 "On the National Security Concept of the Kyrgyz Republic". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815> (accessed 16.04.2023)

on the government systems of states is attributed, and the list of the main external and internal threats to the national security of the country contains items that are directly related to the information and psychological sphere:

intervention of special services of foreign states in the information space for the purpose of conducting intelligence operations; destructive activity of international hacker associations, strengthening of destructive propaganda in the Internet space ;

activation of destructive activities in social networks and instant messengers, including the dissemination of deliberately false and inaccurate information, the placement of materials of a terrorist and extremist nature and calls to join the ranks of extremist and terrorist organizations, to riots and protest actions, propaganda of a criminal lifestyle, suicides, the use of narcotic drugs and psychotropic substances and other illegal information that has a negative impact primarily on the younger generation.

The presence of these threats determines the key tasks in the field of information security, which include ensuring information security on the Internet and the circulation of reliable information in it, as well as preventing information dependence on foreign states and various organizations.

Considerable attention is paid to the issues of information and psychological security in the Concept of Information Security of the Kyrgyz Republic.⁴⁹⁷ In particular, the document defines the information impact, which refers to actions aimed at changing the perception of information by the subject of the information environment. In addition, it is emphasized that due to the openness of the national information space and the popularity of foreign media, including television and Internet resources (postal services, social networks, blogs and video portals), there is a real threat of information influence on the public consciousness of the population. Information influence can be expressed both in the form of direct

⁴⁹⁷Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of May 3, 2019 N 209 "On the Concept of Information Security of the Kyrgyz Republic for 2019-2023". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13648?cl=ru-ru> (accessed 16.04.2023)

imposition of ideas that are contrary to the national interests of the Kyrgyz Republic, and in the form of creating a certain information background, artificially supported by manipulating information or biased commentary. In this regard, as one of the main methods of ensuring information security, the Concept recognizes the development of legal mechanisms aimed at preventing illegal information and psychological influences on the consciousness of the individual and society in the Kyrgyz Republic.

2.1. Information production. In the Kyrgyz Republic, for a long time, there were no mechanisms for state regulation of information content in the Internet space. The situation in this area changed with the adoption in August 2021 of the Law «On Protection against Unreliable (False) Information», which established a ban on the dissemination of unreliable (false) information on the Internet, the responsibility of persons who allowed its distribution, as well as the rights and obligations subjects of legal relations in this area.⁴⁹⁸ The term "inaccurate (false) information" in the document means information contained on a website on the Internet or on a page of a website on the Internet that does not correspond to reality, discredits the honor, dignity and business reputation of another person.

At the same time, anyone who believes that such information has been disseminated in relation to him has the right to demand that the owner of the Internet resource delete it within 24 hours from the moment of the appeal and the publication of a refutation. In case of refusal, the document provides for the opportunity to apply to the authorized body (Ministry of Culture, Information and Tourism of the Kyrgyz Republic), which independently decides to delete inaccurate (false) information and suspend the operation of the Internet resource for up to two months.

⁴⁹⁸Law of the Kyrgyz Republic dated August 23, 2021 N 101 "On protection against inaccurate (false) information". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (accessed 16.04.2023)

In the Kyrgyz Republic, personal data protection policy is regulated by the Law on Personal Information.⁴⁹⁹ The document defines the basic principles of working with personal data, in particular, the requirement to accurately and in advance declare the purposes for collecting personal data, prohibiting the use of data for other purposes and combining arrays of personal data collected for different purposes for automated processing of information.

In case of cross-border transfer of personal data, the holder of an array of personal data, which is under the jurisdiction of the Kyrgyz Republic, transferring data, proceeds from the existence of an international agreement between the parties, according to which the receiving party provides an adequate level of protection of the rights and freedoms of personal data subjects and the protection of personal data established in the Kyrgyz Republic.

For many years, this legal act has been criticized for being theoretical due to the lack of an authorized body in the field of personal information processing. However, in December 2021, this main problem was eliminated, the State Agency for the Protection of Personal Data was created under the Cabinet of Ministers, which is a state executive body that develops and implements a unified state policy in the field of personal information, performing the functions of ensuring the protection of the rights of personal data subjects. data, registration of holders of arrays of personal data, maintaining the Register of holders of arrays of personal data.

In the field of personal identification in the information space, it should be noted that there is no coherent state legal and institutional system that regulates this area in the Kyrgyz Republic. It is only worth mentioning the standard, today, requirements for identity verification when gaining access to cellular communications,⁵⁰⁰ as well as the obligation of owners of Internet resources to

⁴⁹⁹Law of the Kyrgyz Republic dated April 14, 2008 N 58 "On Personal Information". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269> (accessed 16.04.2023)

⁵⁰⁰Rules for the provision of mobile radiotelephone communications services. Approved by Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of February 17, 2014 N 97

place their surname and initials on it, and an email address for sending messages to him.⁵⁰¹

2.2. Spread of information. As noted above, in the model of information and psychological security proposed by us, the political practice at the official level related to this component is in most cases limited to labeling inappropriate content, which is carried out on the basis of the legislation on foreign agents. There is no such law in the Kyrgyz Republic, although discussions about the need for its adoption have been going on for more than a year.⁵⁰²

3. *Cognitive component.* From the point of view of the model of information and psychological security proposed by us in the field of its cognitive aspects, the indicators of the Kyrgyz Republic look rather modest. In terms of the number of scientific publications in the field of cognitive science, the country ranks 120th, surpassing only Tajikistan among the CSTO members.⁵⁰³ According to some authors, research in the field of cognitive sciences in the Kyrgyz Republic is fragmented, but nevertheless, its individual areas, such as cognitive linguistics, have recently begun to develop actively.⁵⁰⁴

The widespread use by the population of Kyrgyzstan of the possibilities of the Internet creates the preconditions for a purposeful destructive impact on the internal political situation. At the same time, as Kyrgyz researchers point out, the population of the country as a whole does not know how to analyze and verify

⁵⁰¹ Law of the Kyrgyz Republic dated August 23, 2021 N 101 "On protection against inaccurate (false) information". URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (accessed 16.04.2023)

⁵⁰² Podolskaya D. Law on Foreign Agents. The tightening of nuts continues // 24.kg. 02/16/2022. URL: https://24.kg/vlast/224090_zakon_obinostrannyih_agentah_zakruchivanie_gaek_prodoljaetsya/ (accessed 16.04.2023)

⁵⁰³ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

⁵⁰⁴ Sternin I.A., Tagaev M.J., Kambaralieva U.D. The main directions and prospects for the development of cognitive research in the Kyrgyz Republic // Vestnik KRSU. 2015. Vol. 15. N 2. P. 204.

information that carries a potential threat and more often trusts the content of the mass media. There are very few media literate people.⁵⁰⁵

Media literacy programs are mainly implemented by non-profit organizations with foreign financial support. For example, in 2023, the launch of the national media literacy campaign "Teksherdim" was announced, which is funded by the European Union and USAID and implemented by Internews in Kyrgyzstan. Its goal is to raise the level of awareness of the country's population about the importance of media and digital literacy, the development of critical thinking.⁵⁰⁶ In addition, the EU is funding media literacy training in the Kyrgyz Republic for 30 percent of teachers in the subjects "History", "Man and Society", as well as 7th grade students in the 2023-2024 academic year. Subject to the requirements and criteria established by the European Union within the framework of this project, the budget of Kyrgyzstan will be replenished by 1 million euros annually until 2026.⁵⁰⁷

It should be emphasized that the political practice of the Kyrgyz Republic in the field of information and psychological security, despite certain positive aspects, is fragmented and declarative. According to R.M. Toksonalieva, «the modern society of Kyrgyzstan in the legal field is not protected from the threats of information and psychological impact, which every year manifests itself on a larger scale and continues to influence the spiritual and physical development of the individual.»⁵⁰⁸ Therefore, it should be concluded that this area needs a more systematic approach at the state level.

⁵⁰⁵ Alymbaeva Z.A., Alimakhunov A.K. Threats and challenges to information security in Kyrgyzstan // Bulletin of science and practice. 2021. Vol. 7. N 2. P. 268.

⁵⁰⁶ The national campaign on media literacy "Teksherdim" starts in Kyrgyzstan. 03/31/2023. URL: <https://internews.kg/proekt-revive/natsionalnaya-kampaniya-po-mediagramotnosti-teksherdim-ya-proveril-startuet-v-kyrgyzstane/> (accessed 16.04.2023)

⁵⁰⁷ In the 2023-2024 academic year, 7th grade students will begin to be taught media literacy. 11/01/2022. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/105960-v-2023-2024-uchebnom-godu-uchashchikhsya-7-kh-klassov-nachnut-obuchat-mediagramotnosti.html> (accessed 16.04.2023)

⁵⁰⁸ Toksonalieva R.M. Regulatory framework for ensuring information and psychological security of the Kyrgyz Republic // Vestnik KRSU. 2016. Vol. 16. N 6. P. 91.

5.1.4. Republic of Kazakhstan

1. Worldview component. In December 2012, in his Address to the people of Kazakhstan, the President of the country N.A. Nazarbayev presented the Strategy "Kazakhstan 2050" - a fundamental strategic document that defines the long-term priorities for the development of society and the state.⁵⁰⁹ The main goal outlined in the document is to create a prosperous society by 2050 based on a strong state, a developed economy and universal labor opportunities based on progressive and deep modernization, first of all, of the socio-economic and political spheres.

In practice, this means that by 2050 Kazakhstan should be among the thirty most developed countries in the world, which implies the further development and strengthening of statehood, the transition to new principles of economic policy, comprehensive support for entrepreneurship, the formation of a new social model, the creation of modern and efficient education systems and health care, increasing the responsibility, efficiency and functionality of the state apparatus, building an international and defense policy adequate to new challenges.

Significant attention in the Strategy is paid to the spiritual and ideological foundations of the social development of Kazakhstan. These include the following:

The new Kazakh patriotism, based on a rational and pragmatic approach to the relationship between man and the state. A person loves and is proud of his country not a priori, but on the condition that the state guarantees every citizen the quality of life, security, equal opportunities and prospects;

Equality of the rights of citizens of all ethnic groups, a special responsibility for ensuring which lies on the shoulders of the Kazakhs, who must be the real owners of their land - hospitable, hospitable, generous, tolerant;

⁵⁰⁹Message of the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan, Astana, December 14, 2012. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (accessed 02.04.2023)

Kazakh language and the trinity of languages. The main task here is to strengthen the Kazakh language as the state and spiritual core of the nation. At the same time, the priority of the national language policy is its modernization, which is associated with the transition from 2025 to the Latin alphabet. This will create a condition for children to learn English and the language of the Internet more effectively. At the same time, trilingualism (Kazakh, Russian, English) is recognized as a historical advantage of the Kazakh nation. However, the breakthrough in learning English is associated with the discovery of new unlimited opportunities in life for every citizen of Kazakhstan;

Culture, traditions and identity are recognized as the basis for the unity of the people. At the same time, the document emphasizes that forces have recently become more active, trying to destroy intra-Kazakh unity on various grounds, one of the manifestations of which is the division of society into "Nagyiz Kazakhs" and "Shala Kazakhs". Therefore, strengthening the integral foundations of Kazakh culture is one of the main tasks of state policy;

The role of the national intelligentsia. The intelligentsia is considered as a leading force in strengthening national values, plays a key role in designing a mental, ideological model of the country's future in accordance with the Strategy "Kazakhstan-2050", the formation of the historical consciousness of the nation based on the all-Kazakhstan identity;

Religion in Kazakhstan of the XXI century. The country's strategic priorities in this area are unconditionally associated with the primacy of the right of freedom of religion enshrined in the Constitution and the symbiosis of Muslim and secular traditions built on its foundation.

To clarify the provisions of the Strategy "Kazakhstan-2050" in the medium term, in February 2018, the President of the Republic of Kazakhstan signed the Decree "On approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025", which was amended in 2021 by the Decree of the new

President, and the Strategic Plan was presented in a new edition.⁵¹⁰ The document specifies the mechanisms for achieving priority goals, and also points out a number of new challenges that Kazakhstan needs to respond to, for example, COVID-19.

Among the innovations in the context of the subject of our study, the concept of a «single spiritual belt» attracts attention, which implies the creation of its own national symbols and the sacralization of historical and cultural objects linked together in the national consciousness of all Kazakhstanis. A single spiritual belt along with universal values (honesty, kindness, justice, self-development), ecological culture, the development of contemporary art and support for a new cultural wave are considered as the basis of patriotic culture.

In March 2023, the Republic of Kazakhstan adopted the Information Doctrine, which further specified the worldview guidelines in the national information policy.⁵¹¹ The document emphasizes that the basis of worldviews broadcast through various media channels should be ideas that correspond to the positions of Kazakhstan on the world stage, conveying to every citizen the basic social values. The ideological component of the state information policy should be aimed at consolidating society, strengthening moral principles, as well as adherence to the following national values: independence and patriotism, justice, the rule of law and zero tolerance for corruption, the state language, history and culture, diligence and the pursuit of knowledge, family values and protection of childhood, creativity and progressiveness, respect for nature and the surrounding world.

⁵¹⁰Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 26, 2021 N 521. “On Amendments to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 N 636 “On approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and invalidation of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan ”. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35648083 (accessed 02.04.2023)

⁵¹¹Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2023 N 145 "On approval of the Information Doctrine of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (accessed 02.04.2023)

2. *Media component.* Based on the high importance that the leadership of Kazakhstan attaches to the issues of socio-political stability, social and socio-cultural unity, the official interpretation of the concept of "information security" draws attention, which highlights not counteraction to cyber threats, but information and psychological aspects.

So, in accordance with the main doctrinal document in the field of ensuring national security, information security, as one of the types of national security, is understood as the state of protection of the information space of the Republic of Kazakhstan, as well as the rights and interests of a person and a citizen, society and the state in the information sphere from real and potential threats, which ensures sustainable development and information independence of the country.⁵¹² Such an interpretation fully correlates with the way in which priorities are set in the list of main national interests, in which interests related to ensuring the rights and freedoms of man and citizen are put in the foreground; accurate and uniform enforcement of laws and maintenance of law and order; public consent and political stability in the country; Kazakh patriotism and the unity of the people; preservation and enhancement of the material, spiritual and moral values of the Kazakh society.

Unlike the Republic of Belarus, in whose legislation the issues of information and psychological security are developed, perhaps, most fully among all the CSTO countries, this concept is not used in the fundamental law in the field of national security of Kazakhstan. However, among the measures to ensure the information security of Kazakhstan, many of them are directly related to this subject area: preventing information dependence, preventing information expansion and blockade by other states, organizations and individuals, preventing information impact on public and individual consciousness, associated with the

⁵¹²Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 N 527-IV "On the National Security of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (accessed 02.04.2023)

deliberate distortion and dissemination of false information to the detriment of national security, the discovery and disruption of mechanisms of hidden information influence on the process of developing and making government decisions to the detriment of national security.

An information policy that meets modern trends and challenges, aimed at consolidating society and strengthening civic identity⁵¹³.

In addition, the document emphasizes that the development of the national information space and the formation of a competitive domestic media sphere should become a key factor in countering and reducing the consequences of external challenges, as well as a basic condition for the sustainable development of the industry.

2.1. Information production. The Law "On the National Security of the Republic of Kazakhstan" establishes a direct ban on the distribution in the territory of the country of printed materials and foreign media products, the content of which undermines national security, as well as on direct or indirect possession, disposal, use and management of foreign individuals and legal entities, as well as stateless persons with more than 20 percent of the shares of an organization that owns the media or operates in this area.⁵¹⁴

The main state body exercising control over the activities of the media in the country is the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, which is entrusted with a wide range of powers in the field of control over the media, including the suspension of activities.⁵¹⁵ It should be emphasized

⁵¹³Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2023 N 145 "On approval of the Information Doctrine of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (accessed 02.04.2023)

⁵¹⁴Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 N 527-IV "On the National Security of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (accessed 02.04.2023)

⁵¹⁵Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 26, 2019 N 142 "On some issues of the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39880228 (accessed 02.04.2023)

that in Kazakhstan, there is a legislative ban on state censorship, however, as in many other countries of the world, the activities of the media can be suspended in the event of propaganda or agitation of a violent change in the constitutional order, violation of the integrity of the Republic of Kazakhstan, undermining the security of the state, war, propaganda of extremism or terrorism, publication of materials and dissemination of information aimed at inciting interethnic and interfaith hatred, as well as liability for the media for disseminating information that does not correspond to reality.⁵¹⁶ Despite the fact that these points are quite traditional from the point of view of common sense and international practice, they are at the center of attacks from outside.

For example, in 2006, lawyers from the British human rights organization Article 19 (the name refers to the corresponding article of the Universal Declaration of Human Rights on freedom of opinion and expression) published a "Memorandum to the Law of the Republic of Kazakhstan "On the Mass Media"", in which they expressed concern that the said law «impedes the development of free, independent and pluralistic media in Kazakhstan and restricts the right of the population to receive information from a variety of sources on matters affecting the public interest.» This concern was caused, among other things, by the requirements contained in the law not to undermine national security, not to promote the violation of the integrity of Kazakhstan, and also not to publish information that later turns out to be untrue.⁵¹⁷

There is also information containing critical opinions regarding significant disproportions in budgetary financing of state and private media, 90.1 and 9.9% of

⁵¹⁶Law of the Republic of Kazakhstan dated July 23, 1999 N 451-I "On Mass Media". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013966&doc_id2=1013966#activate_doc=2&pos=22;-110.19999694824219&pos2=408;-57.19999694824219 (accessed 02.04.2023)

⁵¹⁷Prokhvatilov V. Kazakhstan will remake the media law to please the West // Strategic Culture Fund. 12/27/2022. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/27/v-kazahstane-peredelajut-zakon-o-smi-v-ugodu-zapadu-58078.html> (accessed 02.04.2023)

funds, respectively, and violations of the rights of journalists.⁵¹⁸ However, it should be emphasized that at the legislative and institutional levels, state regulation of the media environment in Kazakhstan does not go beyond the global practice.

Kazakhstan was one of the first among the CSTO countries to adopt a law on the protection of personal data.⁵¹⁹ In 2020, the requirements established by him were supplemented by an order of the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Rules for the Collection and Processing of Personal Data".⁵²⁰

These documents regulate public relations in the field of personal data, and also define the purpose, principles and legal framework for activities related to the collection, processing and protection of personal data, both with and without automation tools.

In December 2021, the President of the country approved amendments to the current legislation on personal data.⁵²¹ The amendments consolidated the obligations of the owner and operator of personal data to approve documents defining the operator's policy regarding the collection, processing and protection of personal data, as well as to provide, upon request of the authorized body, information on the methods and procedures used to ensure compliance with the requirements of the legislation in force in this area.

Currently, the Republic of Kazakhstan pays close attention to violations in the processing of personal data on the Internet. Improper execution of personal

⁵¹⁸(NOT) a hearing state: a selective approach to the media in Kazakhstan. 04/06/2023. URL: <https://factcheck.kz/analitika/ne-slyshashee-gosudarstvo-izbiratelnyy-podhod-k-smi-v-kazahstane/> (accessed 02.04.2023)

⁵¹⁹Law of the Republic of Kazakhstan dated May 21, 2013 N 94-V "On personal data and their protection". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (accessed 02.04.2023)

⁵²⁰Order of the Minister of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan dated October 21, 2020 N 395/HK "On Approval of the Rules for the Collection and Processing of Personal Data". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (accessed 02.04.2023)

⁵²¹Law of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2021 N 96-VII ZRK "On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on trading activities, development of exchange trading and protection of personal data". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000096> (accessed 02.04.2023)

data processing processes can lead to the imposition of a rather high administrative fine.

In the field of personal identification in the information space, it should be noted that there is no coherent state legal and institutional system that regulates this area in the Republic of Kazakhstan, with the exception of the already standard requirement for personal authentication when connecting to mobile communications.

2.2. Spread of information. As in many other states, a significant part of the population of Kazakhstan, especially young people, prefers Internet resources rather than traditional media to receive information and news. Thus, according to official data, about half of the country's population receives information in social media.⁵²² Therefore, issues of control over the dissemination of information at the state level are largely limited.

In Kazakhstan, as in Belarus, there is no legislation on foreign agents, which often acts as a regulatory framework for labeling objectionable information content. And, according to the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan Artur Lastaev, the issue of adopting such a law is not currently on the agenda.⁵²³ However, in April 2023, information appeared that in Kazakhstan it was planned to regulate the sphere of online advertising and online platforms at the legislative level. The future law should update the conceptual apparatus, as well as legislate the activities of online platforms; regulate the distribution of online advertising on online platforms; consolidate new and existing regulations regarding the operation of online platforms. As expected, innovations will contribute to the formation of a safe online sphere for the realization of the right of citizens to

⁵²²Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2023 N 145 "On approval of the Information Doctrine of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (accessed 02.04.2023)

⁵²³Can a law on foreign agents appear in Kazakhstan. 03/17/2023. URL: <https://www.zakon.kz/6387395-mozhet-li-v-kazakhstane-poyavitsya-zakon-ob-inoagentakh.html> (accessed 02.04.2023)

receive and disseminate information, the establishment of effective feedback between online platforms and users-citizens of Kazakhstan, the development and promotion of domestic content.⁵²⁴

3. *Cognitive component.* Earlier, we have already noted the significant success of Kazakhstan in the high-tech sphere and the development of artificial intelligence technologies, which today act as a technological basis for creating mechanisms to counteract the consumption of destructive malicious information. According to international experts, in terms of the number of publications in the field of AI, Kazakhstan ranks second among the CSTO countries after Russia, the country also demonstrates similar results in the field of cognitive research, which is also of key importance for instrumental support of information and psychological security: 83rd place in the world and second among countries CSTO.⁵²⁵ The state program "Digital Kazakhstan" gave a significant impetus to the development of cognitive science in the country, many higher educational institutions have developed and implemented appropriate educational programs. As some Kazakhstani researchers point out, such a direction of cognitive science as cognitive linguistics is developing most dynamically.⁵²⁶

Also, considerable attention in Kazakhstan is paid to the issues of increasing media literacy. According to the latest data from the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, the level of digital literacy (knowledge and ability of a person to use information and communication technologies in everyday and professional activities) in Kazakhstan is 84.1%, which even slightly exceeds the target of the Digital Kazakhstan state program " in this domain.⁵²⁷

⁵²⁴Kazakhstan plans to legally regulate the sphere of online advertising and online platforms. 04/05/2023. URL: <https://www.zakon.kz/6389391-v-kazakhstane-planiruyut-zakonodatelnou-uregulirovat-sferu-internetreklamy-i-onlaynplatform.html> (accessed 06.04.2023)

⁵²⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

⁵²⁶Zhanpeisova N.M. Cognitive linguistics in Kazakhstan // Bulletin of KazNU. Philological series. 2015. N5. P. 30-35.

⁵²⁷Digital education. 2023. URL: <https://egov.kz/cms/ru/education> (accessed 06.04.2023)

In 2021, the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan signed a memorandum with Mail.kz on joint work to create educational digital programs, as well as to carry out activities to promote the Unified Integrated Educational Platform.⁵²⁸

In general, it should be noted that Kazakhstan is in the process of forming a system of information and psychological security, but the country has yet to resolve a number of fundamental issues for this area at the state level.

5.1.5. Republic of Tajikistan

1. Worldview component. The main document that fixes the long-term development priorities of the Republic of Tajikistan is the National Development Strategy for the period up to 2030 adopted in 2016.⁵²⁹ The document outlines four main goals for the development of the country: ensuring energy independence and efficient use of electricity; exit from the communication impasse and transformation of Tajikistan into a transit country; ensuring food security and access of the population to quality nutrition; expansion of productive employment.

Achieving the stated development priorities of the country involves several scenarios: inertial, industrial, industrial-innovative, which differ from each other in GDP growth rates ranging from 2 to 3.5 times in the period 2016-2030, a change in the share of the agricultural sector and industry in the structure GDP in favor of the latter, the size of spending on education and health care. However, regardless of the actual implementation of one or another scenario, the strategic vision of the country's development involves accelerated industrialization and the creation of capacity for development based on knowledge and innovation. The leadership of

⁵²⁸The Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan will strengthen digital education together with Mail.kz. 06/16/2021. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (accessed 06.04.2023)

⁵²⁹Decree of the President of the Kyrgyz Republic dated October 31, 2018 UP N 221 “On the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040”. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestno-s-mailkz?lang=ru> (accessed 06.04.2023)

the country sees the key importance in this process in the development of human capital, including reforming the system of education and science, ensuring the health of the population, strengthening social protection, raising the cultural values of the population, creating a favorable environment for life, and reducing social inequality.

In Tajikistan, the preservation of historical and cultural traditions plays a significant role in state policy. Ensuring the development of the country's common cultural space in the context of the preservation, revival and development of national traditions and cultural achievements over the years of independence, universal values is considered in the National Strategy as one of the key tasks in the implementation of the priority of human capital development. In addition, the country has a special law regulating the administration of traditions and rituals.⁵³⁰ The document streamlines traditions, celebrations and rituals, taking into account the needs of the development of society and is aimed at protecting the true values of national culture and respect for folk customs in order to improve the social and economic standard of living of the country's citizens. So, for example, the rule on holding a wedding on the occasion of marriage reads: «A wedding on the occasion of marriage is held voluntarily for no more than two days with a banquet for up to 150 people and a wedding feast for up to 200 people at the expense of both parties. « At the same time, the text of the law states that national minorities are free to observe their traditions, celebrations and rituals.

2. *Media component.* The legal basis of the national security of the Republic of Tajikistan is the Law "On Security" of 2011 with the latest amendments made in 2018.⁵³¹ Despite the fact that the information security component is included in the national security system, the text of the document completely lacks the aspects we

⁵³⁰Law of the Republic of Tajikistan dated June 8, 2007 N272 "On streamlining traditions, celebrations and rituals in the Republic of Tajikistan. URL:

<https://www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (accessed 17.04.2023)

⁵³¹Law of the Republic of Tajikistan dated June 28, 2011 N721 "On Security". URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf (accessed 17.04.2023)

are studying related to the field of information and psychological security. This is quite remarkable, since in 2003 the country adopted the Concept of Information Security,⁵³² in which significant attention is paid to the issues of responding to information and psychological impact. Thus, the development of special legal and organizational mechanisms to prevent unlawful information and psychological influences on the mass consciousness of society is one of the main directions for ensuring information security. One of the four external threats to information security is the sabotage and subversive activities of special services of foreign states, carried out by methods of information and psychological impact.

Thus, it should be stated that in the Republic of Tajikistan by now there has been a conceptual differentiation of information security and the separation of issues related to counteracting destructive information and psychological impact in the media environment.

2.1. Information production. The Law of the Republic of Tajikistan "On Security" establishes a ban on the distribution in the country of printed materials, television and radio broadcasts of foreign media, the content of which undermines national security.

As G.R. Ibragimov, online media in the conditions of Central Asian countries are an important factor in influencing national political regimes: from activities to stabilize their own democracies, to destabilize and destroy the political regimes of enemy states.⁵³³ And although the number of active users of the Internet and social networks in Tajikistan is not very large, according to the latest data, about 41% and 11%, respectively,⁵³⁴ the difficulty in exercising control over global social media and the high degree of involvement of modern Tajik Internet

⁵³²Decree of the President of the Republic of Tajikistan of November 7, 2003 N1175 "On the Concept of Information Security of the Republic of Tajikistan". URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijnoj-i-cifrovoj-gramotnosti-na-tadzhikskom-yazyke/> (accessed 17.04.2023)

⁵³³Ibragimova G.R. Approaches of the states of Central Asia to the issues of Internet management and information security // Security index. 2013. N 1. P. 103-128.

⁵³⁴Digital 2022. Global Overview Report. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (accessed 11.10.2022).

resources in the field of global social media, which affected their attitude towards the ruling elite, contributed to the formation in the country of legal and institutional mechanisms for state regulation of content in the Internet space. All this contributed to a change in the strategy of relations between the media and the authorities, according to some authors, this is due «on the one hand, to the growing role of online media that create a negative picture of the current regime, including abroad, on the other hand, to the negative positioning of the Tajik opposition as in the political and in the network communication space.»⁵³⁵

The key legal acts for the implementation of state control over the Internet space are the Laws of the Republic of Tajikistan "On Combating Terrorism"⁵³⁶ and "On Combating Extremism"⁵³⁷. So the first document suggests the possibility of suspending access to telecommunication services for counter-terrorism purposes, the second document gives the Communications Service under the Government the authority to control the activities of Internet sites and social networks and, if necessary, to prevent extremist activities, restrict or suspend their activities.

Also, some researchers point out that in Tajikistan state regulation of the production of information is carried out through the creation of public organizations controlled by the authorities, such as the Council on the Media of Tajikistan, established in 2010. According to D.M. Salimov, the Media Council "is a mechanism for implementing a system of control and censorship over the media space, since its strategy is consistent with the expectations of the ruling elite."⁵³⁸

An appropriate system has also been created in the field of personal data protection in Tajikistan. The main law regulating this area is the Law "On the

⁵³⁵Salimov D.M. Political censorship and online media in modern Tajikistan // Questions of political science. 2021. Vol. 11. Issue. 11. P. 3199

⁵³⁶Law of the Republic of Tajikistan dated November 16, 1999 N 845 "On the fight against terrorism". URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbes-terrorizmom> (accessed 17.04.2023)

⁵³⁷Law of the Republic of Tajikistan of January 2, 2020 N1655 "On countering extremism". URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (accessed 17.04.2023)

⁵³⁸Salimov D.M. Mass media in the political process of modern Tajikistan: functional features: dis.... to-ta. floor. science: 5.5.2. / D.M. Salimov. St. Petersburg, 2022. P. 73.

Protection of Personal Data".⁵³⁹ Previously, the concept of "personal data" of a person was already included in the Law "On Information" of 2002.⁵⁴⁰ According to it, personal data are nationality, education, marital status, financial situation, religious affiliation, state of health, as well as address and place of birth. The Law "On the Protection of Personal Data" significantly expanded this concept, referring to personal data as "any information" about a person with which a person can be identified.

The main conditions for the collection and processing of personal data are:

- the consent of the subject of personal data to the collection and processing;
- the collection and processing of personal data is limited to the achievement of specific, predetermined goals;
- the data subject must be informed of the data being collected about him, he is provided with access to the data concerning him, and he has the right to demand the correction of inaccurate or misleading data.

It is noteworthy that the legislation of Tajikistan does not prescribe a way to obtain the consent of the subject of personal data and formally it can be obtained orally.

The authorized state body in the field of personal data protection is the communications service under the Government of the Republic of Tajikistan.

In general, the regulatory and institutional systems for the protection of personal data of the Republic of Tajikistan, as well as similar systems of other CSTO member countries, are currently quite mature and comply with international standards in this area, such as the General Data Protection Regulation (GDPR) and the Council Convention Europe on the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data. For example, all CSTO member countries are included by Roskomnadzor in the list of countries that provide adequate

⁵³⁹Law of the Republic of Tajikistan of August 3, 2018 N 1537 "On the protection of personal data". URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1537_RU.doc.pdf (accessed 17.04.2023)

⁵⁴⁰Law of the Republic of Tajikistan dated May 10, 2002 N55 "On Information". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=2178 (accessed 17.04.2023)

protection of the rights of personal data subjects. As such, countries are considered that are either parties to the Council of Europe Convention, or whose current rules and mechanisms for the processing of personal data comply with the principles and requirements of this document.⁵⁴¹

In matters of identity verification in the information space, the Government of the Republic of Tajikistan began to take appropriate steps starting from 2016. So on April 30, a Resolution was adopted,⁵⁴² according to which the sale of SIM cards can only be carried out upon presentation of a passport, in addition, mobile operators were obliged to re-register all previously issued SIM cards. In February 2019, amendments were adopted to this document, which obligated sellers of SIM cards to install video surveillance cameras at points of sale. In addition, the adopted changes established a ban on the registration of more than two SIM cards per person, as well as the sale and sale of foreign SIM cards in Tajikistan and SIM cards of Tajik operators abroad. The connection of foreign citizens, stateless persons, whose permanent place of residence is not the Republic of Tajikistan, is carried out for the period of permitted stay in the country, according to the validity of the visa.

According to many experts, after the adoption of such measures, as a rule, further legislative steps follow, obliging operators to store user data for a certain period. And although today there are no norms in the legislation of Tajikistan that oblige to store the data of all users, for example, as in Russia, the Law «On Combating Extremism» of 2020 already mentioned above contains a requirement for individuals and legal entities engaged in activities to provide communication

⁵⁴¹Order of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications dated 05.08.2022 N 128 "On Approval of the List of Foreign States Providing Adequate Protection of the Rights of Personal Data Subjects". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209200008?index=0&rangeSize=1> (accessed 17.04.2023)

⁵⁴²Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated April 30, 2016, N 207-7. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=18923 (accessed 17.04.2023)

services, including Internet providers to ensure that information of an extremist nature is stored on their servers for up to 6 months.

2.2. Spread of information. In the Republic of Tajikistan there is no national legislation regarding the activities of foreign agents, as well as a requirement for labeling information content. At the same time, according to some experts, this issue is quite acute for Tajikistan, since the citizens of this country are greatly influenced by the Islamic State extremist organization, whose recruiters and agitators conduct their propaganda activities, primarily on the Internet and social networks.⁵⁴³

3. *Cognitive component.* Cognitive research in the Republic of Tajikistan is of a point nature and is associated with the development of certain areas, primarily cognitive linguistics. The most popular topic of scientific research is the analysis of linguistic concepts in different languages and the identification of specific features in the context of the interaction of the Tajik language and culture.⁵⁴⁴

According to the latest expert estimates, the Republic of Tajikistan ranks 137 (out of 159) in the world in terms of the number of scientific publications in the field of cognitive science and the last among the CSTO member countries.⁵⁴⁵

Medical literacy programs in the country are implemented with the support and supervision of foreign, primarily Western organizations. For example, since 2018, Internews (an international non-profit organization with American roots), with the support of the United States Agency for International Development (USAID), has been implementing the large Central Asian MediaCAMP program, which is associated with the widespread introduction of media literacy programs in

⁵⁴³Nurmakov A. Tajikistan: Between the threat of extremism on the Internet and extreme measures to control the online space. 09/23/2016. URL: <https://digital.report/tadzhikistan-mezhdu-ugrozoy-ekstremizma-v-internete-i-ekstremalnymi-merami-kontrolya-onlayn-prostranstva/> (accessed 17.04.2023)

⁵⁴⁴Begmurodov Yu.E. On the formation of cognitive linguistics in Tajik linguistics // Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of social sciences. 2020. N 4. P. 242-247

⁵⁴⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

Tajikistan. As part of it, various kinds of trainings are held for university teachers and journalists, whose students develop and implement relevant courses in the educational process. Over the past few years, special courses on media literacy have appeared in eight universities in the country: in Dushanbe, Khujand, Khorog, Kulyab and Bokhtar.⁵⁴⁶

Since 2019, Internews in Central Asia has been promoting the genre of media criticism in Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan. During this time, four regional schools of media criticism have been held, at least 30 authors have been trained, interest in the materials posted in the «Media Criticism» section of the New Reporter Internet resource is being formed not only among the media community, but also among active citizens.⁵⁴⁷

In 2021, Internews specialists prepared and published an adapted textbook on media and information literacy in Tajik for students of local universities. According to the publishers, it includes 19 modules and three chapters, where real examples from the media space of Tajikistan are considered.⁵⁴⁸

A similar project was implemented three years earlier under the IREX Europe project in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Its main stated goal is to "improve the ability of the people of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan to recognize false reports and disinformation, enable them to make informed decisions, and promote understanding of the role and responsibility of the media in a democratic society."⁵⁴⁹

⁵⁴⁶Gaysina L. Media and information literacy appeared in the universities of Tajikistan. 10/29/2021. URL: <https://newreporter.org/2021/10/29/v-vuzax-tadzhikistana-poyavilas-medijnaya-i-informacionnaya-gramotnost/> (accessed 17.04.2023)

⁵⁴⁷Internews in Tajikistan is looking for a partner to transfer the management of the "Media Criticism" section in Tajik and Russian. 03/16/2023. URL: <https://media.tj/internews-v-tadzhikistane-ishhet-partnyora-dlya-peredachi-v-upravlenie-razdela-mediakritika-na-tadzhikskom-i-russkom-yazykax/> (accessed 17.04.2023)

⁵⁴⁸The first textbook on media and digital literacy in the Tajik language has been published. 06/10/2021. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijnoj-i-cifrovoj-gramotnosti-na-tadzhikskom-yazyke/> (accessed 17.04.2023)

⁵⁴⁹Sturchetsky S. Media Literacy. A practical study guide for higher education institutions on media and information literacy. IREX Europe, 2018. 156 p. URL:

Thus, in the Republic of Tajikistan at the state level, the process of conceptualizing the issues of ensuring information and psychological security is underway; today, separate legal and institutional mechanisms have been created in this area, such as state regulation of information content, protection of personal data, the process of development and implementation is underway. methods of personality verification in the information space. But, despite this, in terms of dissemination and consumption of information, the country still has a lot of work to do.

5.1.6. Russian Federation

1. Worldview component. In the summer of 2020, President V.V. Putin signed the Decree "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030".⁵⁵⁰ Its initial target premise is the implementation of a breakthrough development of the country, an increase in the population, an increase in the standard of living of citizens, the creation of comfortable conditions for their living, as well as the disclosure of the talent of each person.

The document fixes five priority goals for the development of the country, as well as their targets:

- preservation of the population, health and well-being of people;
- opportunities for self-realization and talent development;
- comfortable and safe living environment;
- decent, efficient work and successful entrepreneurship;
- digital transformation and achievement of "digital maturity".

In the National Security Strategy approved a year later, the strategic development goals in a more generalized and supplemented form were enshrined

<https://mediasabak.org/media/3f1921fa-9f7b-46a6-b110-c08809510337.pdf> (accessed 17.04.2023)

⁵⁵⁰Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030". URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed 16.04.2023)

in the national security system as the national interests of the Russian Federation and its strategic national priorities. In particular, a separate emphasis is placed on scientific and technological development, including the creation and development of a network of scientific installations of the mega-science class of large research infrastructures, centers for the collective use of scientific and technological equipment, experimental production and engineering.⁵⁵¹

At the end of March 2023, an updated foreign policy concept was approved in Russia, in which the term «information and psychological impact» was used for the first time. Among the nine national interests of the Russian Federation in the foreign policy sphere, "the development of a secure information space, the protection of Russian society from destructive foreign information and psychological influence" was named.⁵⁵² At the same time, the strengthening of Russian sovereignty in the global information space is recognized as one of the main priorities of foreign policy. Moreover, the document clearly identifies the main source of information and psychological threats. In the context of the analysis of current international trends and development prospects, it is indicated that the most common form of interference in the internal affairs of sovereign states has become the imposition of destructive neoliberal ideological attitudes that contradict traditional spiritual and moral values, which, as a result, has a devastating effect on all spheres of international relations.

2. *Media component.* In the National Security Strategy of the Russian Federation, a prominent place is given to the issues of ensuring information and psychological security. Thus, the development of a secure information space and the protection of Russian society from destructive information and psychological impact are attributed to the main national interests of Russia. At the same time, the

⁵⁵¹Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030". URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed 16.04.2023)

⁵⁵²The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). // Official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 16.04.2023)

subject of information and psychological security, first of all, focuses on the protection of traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values, which in the modern world are increasingly becoming the object of ideological and value expansion, planned information and psychological sabotage and attacks by the United States and their allies. In particular, the document emphasizes that information and psychological sabotage and the "westernization" of culture increase the threat of the Russian Federation losing its cultural sovereignty.

2.1. Information production.

Despite the constitutional ban on censorship in Russia, a system of legal acts has developed to date, providing the possibility of state control over information content. The Law "On Combating Extremist Activities" provides for liability for the public dissemination of extremist materials, including public knowingly false accusation of a person holding a public position in the Russian Federation or a public position in a constituent entity of the Russian Federation.⁵⁵³

In 2013, amendments were made to the Criminal Code, establishing liability for public actions expressing clear disrespect for society and committed in order to offend the religious feelings of believers.⁵⁵⁴

In 2019, amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation were adopted, providing for liability for the dissemination in information and telecommunication networks, including the Internet, of information that expresses in an indecent form that offends human dignity and public morality, a clear disrespect for society, the state, official state symbols of

⁵⁵³Federal Law N 114-FZ of July 25, 2002 "On counteracting extremist activity". URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 06.03.2023)

⁵⁵⁴Federal Law N 136-FZ of June 29, 2013 "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Counteract Insulting Religious Beliefs and Feelings of Citizens." URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37387> (accessed 16.04.2023)

the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation or bodies exercising state power in the Russian Federation.⁵⁵⁵

In the same year, amendments to the law "On Information, Information Technologies and Information Protection" were adopted, aimed at combating the spread of misinformation. In particular, it provides for the introduction of restrictions on access to information and the blocking of information resources that host unreliable socially significant information distributed under the guise of reliable messages that poses a threat of harm to the life and (or) health of citizens, property, the threat of a mass violation of public order and (or) public safety or a threat to interfere with the functioning or stop the functioning of vital facilities, transport or social infrastructure, credit organizations, energy, industry or communications facilities.⁵⁵⁶

At the end of 2022, the next amendments established liability for actions related to the promotion of non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment, including through the use of the media.⁵⁵⁷ A few months later, amendments were adopted to the current legislation providing for liability for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security, including public calls to prevent the use of the Armed Forces the Russian Federation for the indicated purposes, as well as those aimed at discrediting the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers outside the territory of the Russian Federation.⁵⁵⁸ In

⁵⁵⁵Federal Law N 28-FZ dated March 18, 2019 "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (accessed 06.03.2023)

⁵⁵⁶Federal Law "On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated March 18, 2019 N 31-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/(accessed 06.03.2023)

⁵⁵⁷Federal Law N 479-FZ of 05.12.2022 "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation". URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (accessed 06.03.2023)

⁵⁵⁸Federal Law N 57-FZ of March 18, 2023 "On Amendments to Articles 13.15 and 20.3-3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180005> (accessed 06.03.2023)

addition, in April 2023, a new Law "On Citizenship of the Russian Federation" was adopted, which provides for the deprivation of acquired Russian citizenship for discrediting the Armed Forces and committing actions that pose a threat to the national security of the country.⁵⁵⁹

The fundamental Russian document regulating the procedure for working with personal data is the Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ "On Personal Data", which regulates relations related to the processing of personal data by public authorities, legal entities and individuals using automation tools, including in information and telecommunication networks.⁵⁶⁰ The document defines the basic principles for working with personal data, in particular, the processing of personal data should be limited to the achievement of specific, predetermined and legitimate purposes. It is not allowed to process personal data that is incompatible with the purposes of collecting personal data, it is not allowed to combine databases containing personal data, the processing of which is carried out for purposes that are incompatible with each other, only personal data that meets the purposes of their processing is subject to processing, personal data must be stored in a form that allows you to identify the subject of personal data, no longer than required by the purposes of processing personal data.

In Russia, the functions of control and supervision in the field of mass media are carried out by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), and it is also the authorized body for monitoring compliance with legislation in the field of personal data processing. The powers of Roskomnadzor include checking information messages for compliance with national legislation, as well as imposing

⁵⁵⁹Federal Law N 138-FZ of April 28, 2023 "On Citizenship of the Russian Federation". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280013?index=4&rangeSize=1> (accessed 28.04.2023)

⁵⁶⁰Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ "On Personal Data". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (accessed 16.04.2023)

restrictions on broadcasting and blocking resources on the Internet.⁵⁶¹ In particular, the organization maintains the Unified Registry of domain names, Internet site page indexes and network addresses that make it possible to identify resources containing information whose distribution is prohibited in the Russian Federation.

In the field of measures for personal identification in the information space, the package of amendments adopted in July 2016, commonly known as the «Yarovaya package», is of significant importance.⁵⁶² Among the key innovations is the requirement for cellular operators and Internet providers to store all user Internet traffic for up to 6 months - correspondence in instant messengers, social networks and e-mail, audio recordings of calls. The law also obliges to store metadata for 3 years - information about who and when the user called or sent files. In addition, these companies are required to provide all this information at the request of law enforcement agencies.

In October 2021, the Government of the Russian Federation adopted a Resolution that determined the procedure for identifying users by the organizers of instant messaging services.⁵⁶³ In other words, when registering in messengers, their operators are required to identify the user's identity using the mobile operator's data linked to the person's subscriber number.

2.2. Spread of information. In Russia, there is the necessary regulatory framework, in accordance with which the requirements for labeling information content are established. The key document in this area is the Law «On Control over

⁵⁶¹Roskomnadzor. URL: <https://rkn.gov.ru/> (accessed 12.02.2023)

⁵⁶²Federal Law N 374-FZ dated July 6, 2016 “On Amendments to the Federal Law “On Combating Terrorism” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Measures to Counter Terrorism and Ensuring Public Security”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (accessed 16.04.2023); Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public security" dated 06.07.2016 N 375-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (accessed 16.04.2023)

⁵⁶³Decree of the Government of the Russian Federation of October 20, 2021 N 1801 "On approval of the Rules for identifying users of the Internet information and telecommunication network by the organizer of the instant messaging service." URL: <http://government.ru/docs/all/137122/> (accessed 17.04.2023))

the Activities of Persons Under Foreign Influence», which contains a number of rules aimed at counteracting the spread of manipulative information. In particular, it is provided that materials produced and (or) distributed by a foreign agent, including through the mass media and (or) using the Internet, must be accompanied by an indication that these materials (information) are produced, distributed and (or) sent by a foreign agent, or relate to the activities of such an agent.⁵⁶⁴

3. *Cognitive component.* The Russian research tradition in the field of cognitive science has a long history. The names of I.P. are known all over the world. Pavlova, I.V. Sechenov, V.M. Bekhtereva, A.A. Ukhtomsky, L.S. Vygotsky and many other prominent scientists. Currently, in terms of the number of scientific publications in the field of cognitive science, Russia ranks 30th in the world and first among the CSTO member countries.⁵⁶⁵ There are several research centers in the country for the study of higher nervous activity of a person. For example, the St. Petersburg Institute of the Human Brain. N.P. Bekhtereva, Institute for Advanced Study of the Brain, Lomonosov Moscow State University. M.V. Lomonosov, Kurchatov complex of NBICS-nature-like technologies.

In Russia, at the official level, increased attention is paid to the formation of the information society, the formation of the digital economy, training, increasing the availability of modern information technologies and media literacy of the population. So, since 2017, the state program "Digital Economy of the Russian Federation" has been implemented in the country, the planned indicators of which are calculated until 2024. The program is aimed at creating conditions for the development of a knowledge society, improving the well-being and quality of life of citizens by increasing the availability and quality of goods and services produced in the digital economy using modern digital technologies, raising

⁵⁶⁴Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ "On control over the activities of persons under foreign influence". URL: [https:// base. guarantee. ru /12127578/1_cafb_24_d_049_dcd_1_e_7707_a_22_d_98_e_9858_f/](https://base.guarantee.ru/12127578/1_cafb_24_d_049_dcd_1_e_7707_a_22_d_98_e_9858_f/) (accessed 06.03.2023)

⁵⁶⁵ Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (accessed 11.03.2023)

awareness and digital literacy.⁵⁶⁶ At the end of 2022, the Government of the Russian Federation approved the Concept for the Formation and Development of an Information Security Culture of Russian Citizens. In the document, information security culture is understood as a set of formed knowledge, skills and abilities on information security issues, which ensures the safe stay of a citizen of the Russian Federation in the information space.⁵⁶⁷ The concept involves the solution of several key tasks, including the regular monitoring of the level of literacy on information security issues, the formation of interest in this topic among citizens who are not interested in personal information security issues; teaching citizens new patterns of behavior based on the rules of personal information security.

As expected, the implementation of the Concept will help to increase the level of literacy of the population on information security issues, reduce the financial, moral, psychological and reputational damage of citizens from crimes using IT technologies, increase the level of trust in digital services and further digitalization of the economy.

In addition to efforts at the federal level, today many constituent entities of the Russian Federation have their own regional programs for digital transformation, in which considerable attention is paid to improving the media literacy of the population.⁵⁶⁸

Also today, many large Russian commercial companies are actively involved in solving the problems of digital transformation. For example, ANO Tsifrovaya ekonomika unites leading Russian high-tech companies in this direction: Yandex, Megafon, Sberbank, Rostelecom, MTS, Beeline, VK and others

⁵⁶⁶Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 N 1632-r. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (accessed 16.04.2023)

⁵⁶⁷Decree of the Government of the Russian Federation of December 22, 2022 N 4088-r "On the Concept for the formation and development of an information security culture of citizens of the Russian Federation." URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405905591/> (accessed 16.04.2023)

⁵⁶⁸Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu., Samorodova E.V. Media literacy as a condition for overcoming the digital divide in the Russian Federation // Mediascope. 2021. Issue. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2679> (accessed 16.04.2023)

within seven main areas of activity related to digitalization processes. Research is being carried out together, a business support ecosystem is being created, projects are being implemented in the field of personnel training, including in the field of increasing media literacy, for example, "Digital Educational Program" - a joint project of VK and ANO "Digital Economy", which tells the younger generation in an interactive format how to be safe online.

5.1.7. Comparative analysis of the state policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security

In conclusion of this part of our study, we present in a generalized form a comparative analysis of the state policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security, Table 6.

Analyzing the data provided, several conclusions should be drawn:

Firstly, the CSTO member countries are currently at different levels of formation of the legal and institutional framework for ensuring information and psychological security. The Russian Federation has the most systematic and holistic state policy in this area.

Secondly, in the ideological component, the common denominator for all countries is the following development priorities: support for the family and family values, strengthening the foundations of national culture, economic and income growth, and innovative development. At the same time, when building an integral approach to ensuring information and psychological security at the CSTO level, one should take into account the objective socio-cultural differences of the participating countries. Therefore, in terms of worldview at the supranational level, the priorities associated with the growth of the economy, incomes of citizens and innovative development have the greatest integration potential.

Table 6 – State policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security

A country	Components of information and psychological security			Cognitive
	Worldview	Media		
		Production information	Spread of information	
Armenia	Continuity of value and cultural foundations of public life. Development of national identity. Strengthening of the pan-Armenian state. Ensuring democracy, human rights and the rule of law. Sustainable economic development and welfare of the population.	<p><u>State regulation:</u> restrictions on the broadcasting of foreign TV channels; disclosure of the source of information by a court decision. <u>Personal data protection:</u> complies with international standards.</p> <p><u>Identity Verification:</u> verification of the identity of mobile users; there is no verification of identity on the Internet.</p>	There is no legislation on foreign agents; There is no content tagging.	<i>Media literacy:</i> the state implements and supports national and international programs
Belarus	Sustainable development of the family institution and qualitative growth of human potential. Productive employment and decent incomes of the population. Digital transformation of the economy and large-scale diffusion of innovations. "Electoral Sovereignty". Creation of a developed business environment and sustainable infrastructure. Ensuring environmental safety, transition to rational models of production and consumption.	<p><u>State regulation:</u> a ban on live coverage of mass events held in violation of the law in order to popularize or promote them; blocking an information resource or content if it is capable of harming the national interests of the country; foreigners, as well as legal entities with foreign participation, cannot act as founders of mass media; journalists are prohibited from acting as organizers or participants in mass events. <u>Personal data protection:</u> complies with international standards.</p> <p><u>Identity Verification:</u> confirmation of the identity of mobile users; Internet service providers and owners of Internet cafes identify subscriber devices and store information about the Internet services provided.</p>	There is no legislation on foreign agents; no content tagging	<i>Media literacy:</i> there are irregular projects supported by the state

A country	Components of information and psychological security			
	Worldview	Media		Cognitive
		Production information	Spread of information	
Kazakhstan	<p>New Kazakh patriotism: a person is proud of his country not a priori, but on the condition that the state guarantees him the quality of life, security and prospects. Equality of rights for citizens of all ethnic groups, a special responsibility for ensuring which lies on the shoulders of the Kazakhs.</p> <p>Strengthening the Kazakh language as the state and spiritual core of the nation: the transition from 2025 to the Latin alphabet.</p> <p>Strengthening the integral foundations of Kazakh culture as the basis for the unity of the people.</p> <p>Strengthening the role of the national intelligentsia in designing a mental, worldview model of the country's future.</p> <p>Formation of a symbiosis of Muslim and secular traditions.</p>	<p><u>State regulation</u> : suspension of the activities of the media for the dissemination of information that threatens national security and does not correspond to reality by the decision of the Ministry.</p> <p><u>Personal data protection</u>: complies with international standards.</p> <p><u>Identity verification</u>: confirmation of the identity of mobile users;</p> <p>There is no online identity verification.</p>	No foreign agent legislation ; no content labeling	<p><u>Media literacy</u>: the state implements and supports national and international programs</p>

A country	Components of information and psychological security			
	Worldview	Media		Cognitive
		Production information	Spread of information	
Kyrgyzstan	<p>Orientation of a person to gain new knowledge, health, progressive spiritual values.</p> <p>Strengthening the institution of the family as a central element of spirituality.</p> <p>Preservation of the Kyrgyz identity.</p> <p>Ensuring full coverage of the population with pre-school and school education.</p> <p>Support for the Kyrgyz language as the most important sign of the national identity of the Kyrgyz culture.</p> <p>Turning the country into a digital hub on the Great Silk Road.</p> <p>Improving the efficiency of public administration and justice systems.</p>	<p><u>State regulation:</u> a ban on the dissemination of unreliable (false) information in the Internet space ; suspension of the activities of the information resource and blocking of content by the decision of the authorized body.</p> <p><u>Personal data protection:</u> complies with international standards.</p> <p><u>Identity Verification:</u> <i>There is no</i> verification of the identity of mobile users on the Internet.</p>	No foreign agent legislation ; no content labeling	<u>Media literacy:</u> programs are implemented by NGOs with foreign financial support
Russia	<p>Preservation of the population, health and well-being of people.</p> <p>Opportunities for self-realization and talent development.</p> <p>Development of a comfortable and safe living environment.</p> <p>Ensuring accelerated growth rates of GDP and incomes of the population.</p> <p>Achieving "digital maturity" of key sectors of the economy and the social sphere.</p> <p>Scientific and technological development, including the creation and development of a network of mega-science class scientific installations, large research infrastructures.</p> <p>Strengthening the spiritual and moral foundations of public life.</p>	<p><u>State regulation:</u> responsibility for the public distribution of extremist materials, false accusation of a person holding a public position, public disrespect for society and insulting the religious feelings of believers; responsibility for the dissemination of information that offends public morality, state bodies and symbols; restriction of access to information and blocking of information resources for posting inaccurate socially significant information; responsibility for actions related to the promotion of non-traditional sexual relations; responsibility for public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation.</p> <p><u>Personal data protection:</u> complies with international standards.</p>	The law on foreign agents is in force. The requirement to accompany materials produced and (or) distributed by foreign agents with appropriate marking.	<u>Media literacy:</u> there is a coherent state policy for the implementation of programs involving the private sector and NGOs.

A country	Components of information and psychological security			
	Worldview	Media		Cognitive
		Production information	Spread of information	
Russia		<p><u>Identity Verification:</u> confirmation of the identity of mobile users; the requirement for cellular operators and Internet providers to store all user Internet traffic for up to 6 months and provide this data at the request of law enforcement agencies; identification of users by the organizers of instant messaging services.</p>		
Tajikistan	<p>Ensuring energy independence and efficient use of electricity. Way out of the communication impasse and transformation of Tajikistan into a transit country. Ensuring food security and access of the population to quality nutrition. Expansion of productive employment.</p>	<p><u>State regulation:</u> a ban on the distribution in the country of printed materials, television and radio broadcasts of foreign media that undermine national security; suspension of the activities of Internet resources to prevent extremist activities by decision of the Communications Service under the Government. <u>Personal data protection:</u> complies with international standards. <u>Identity verification:</u> identity confirmation and video recording when connected to a mobile connection; requiring communication service providers, including Internet providers, to store information of an extremist nature on their servers; There is no online identity verification.</p>	<p>There is no legislation on foreign agents; no content tagging</p>	<p><u>Media literacy:</u> programs are implemented by NGOs with foreign financial support</p>

Thirdly, there are also significant differences in the media component. In the field of information content state regulation policy, the approaches of the participating countries are located in the range, on the opposite poles of which are the softest approaches of the Republic of Armenia and the most numerous restrictions adopted in the Russian Federation. At the same time, the policy of other countries in this area gravitates towards the Russian pole. In all countries, with the exception of Armenia, an element of state policy is the presence of a body authorized to initiate the suspension of the activity of an information resource and the blocking of content that threatens the national security of the state without a court decision.

All CSTO member countries have implemented a personal data protection system that meets international standards in this area. There is mutual recognition of the possibility of cross-border transfer of personal data. In matters of personal identification in the information space, there are quite serious differences. Common to all participating countries is user authentication when connecting to a mobile network. In Armenia, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Tajikistan, the regulatory framework is essentially limited to these requirements. In Tajikistan, added to this is the requirement for video recording at the points of sale of SIM cards and the storage of information of an extremist nature by communication service providers; in the Republic of Belarus - a requirement for Internet service providers to identify user devices, owners of public Internet access points to identify their customers and store information about the services provided; In Russia, the current regulatory framework allows law enforcement agencies to identify individuals and virtually all actions of users who do not have the intent to hide them on the Internet without a court decision.

Fourth, within the framework of the cognitive component, we have considered some general country data on the state of cognitive science, which to a certain extent characterize the existing national potential for the development and effective use of instrumental methods and means in information and psychological

confrontation, which, as a rule, are non-public character. And also the only way to ensure it, designated within the framework of our model of information and psychological security, located in the space of public policy - media literacy programs. Among the CSTO member countries, approaches to the implementation of such programs are in correlation with the degree of official recognition of the priority of information and psychological challenges, as well as, apparently, with the existing national scientific and methodological potential in this area and financial capabilities. Imported media literacy programs dominate in Kyrgyzstan and Tajikistan. In Kazakhstan, there is a balance between national programs directly supported by the state and international projects implemented by organizations such as Internews and IREX Europe. Russia is dominated by national projects implemented by the state in partnership with the non-profit sector.

Fifthly, in all CSTO member countries, at the official level, high importance is attached to countering challenges and threats in the information and psychological sphere, a conceptual separation of information and psychological security in the general information security system took place, and the process of creating national legal and institutional mechanisms for countering information and psychological challenges and threats is at different stages of implementation.

§5.2. Information and psychological security at the CSTO level

This issue has been investigated in detail by the author in one of the previously published works.⁵⁶⁹ Ensuring information security is firmly among the priority tasks of ensuring collective security in the area of responsibility of the CSTO. The need to strengthen joint efforts in this area is one of the mandatory items and is often an independent topic of joint statements following meetings in various formats at the CSTO level.

⁵⁶⁹ Vykhodets R.S. Formation of the system of information and psychological security of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) // Eurasian integration: economics, law and politics. 2023. N 2. P. 132-143.

For example, in the Statement of the CSTO Collective Security Council, timed to coincide with the thirtieth anniversary of the conclusion of the Collective Security Treaty and the twentieth anniversary of the establishment of the Organization, it is noted that the Organization's structure is currently being improved and the range of its activities is expanding in all major areas, which include information security.⁵⁷⁰

The Joint Statement of the Ministers of Foreign Affairs of the CSTO member states following the meeting in Yerevan in November 2022 emphasizes that "that the information security of each CSTO member state forms a common information security and directly affects the state of the collective security of the member states of the Organization."⁵⁷¹

In the previous part of our work, we found out that issues related to ensuring information and psychological security are included in the national security system of almost all CSTO member countries and are the result of a conceptual differentiation in the field of information security. In addition, based on the model we have proposed for ensuring information and psychological security, it can be confidently stated that at the national level there is a process of legal and institutional formalization of political practice in this area. The existing developments may well form the basis for the development of unified approaches to ensuring information and psychological security. However, before proceeding to the description of the model of collective provision of information and psychological security, it is necessary to analyze the current state of this area at the CSTO level.

⁵⁷⁰Statement by the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization on the occasion of the 30th anniversary of the Collective Security Treaty and the 20th anniversary of the Collective Security Treaty Organization. May 16, 2022. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-svyazh-s-30-letnyim-anniversariem-zaklyucheniya-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-i-20-letnyim-anniversariem-ustanovleniya-organizatsii> (accessed 28.04.2023)

⁵⁷¹Joint statement by the Ministers of Foreign Affairs of the member states of the Collective Security Treaty Organization on the intensification of cooperation in the field of ensuring international information security. 11/23/2022. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-i-20-letnyim-anniversariem-ustanovleniya-organizatsii> (accessed 28.04.2023)

The history of the CSTO dates back to the conclusion on May 15, 1992 in the capital of Uzbekistan, Tashkent, of the Collective Security Treaty, which was signed by the heads of Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan and Uzbekistan. In 1993, Azerbaijan, Belarus and Georgia joined it. On April 20, 1994, the procedure for national ratification was completed, after which the Treaty entered into force. Initially, the Agreement was concluded for a period of five years with the possibility of further extension. In 1999, six countries: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan signed the Protocol on the Extension of the Collective Security Treaty, on the basis of which the current composition of the participating countries was formed and an automatic procedure for extending the Treaty for five-year periods was established.

An important milestone in the history of the CSTO is May 15, 2002, when, at a meeting in Moscow, the Collective Security Council adopted a decision to create an international regional organization on the platform of the Collective Security Treaty. Shortly thereafter, in October 2002, at the CIS Summit in Chisinau, the participating countries approved the CSTO Charter. This event marked the completion of the legal formalization and basic organizational procedures for giving the CSTO the status of an international regional organization that united sovereign states in its ranks to implement common interests in ensuring collective security.

Article 4 of the Collective Security Treaty states: «In the event of an aggression (an armed attack that threatens security, stability, territorial integrity and sovereignty) against any of the participating States, all other participating States, at the request of this participating State, will immediately provide it with the necessary assistance, including military, and will provide support with the

means at their disposal in order to exercise the right to collective defense in accordance with Article 51 of the UN Charter.»⁵⁷²

In one of the previous parts of our work, we analyzed in detail the transformation of the concept of modern warfare, the emergence of its new domains, informational and cognitive, the approval of the practice of hybrid aggression using modern information technologies for military purposes, so the CSTO fundamental document contains the necessary legal foundations for developing joint methods of countering modern threats.

This fact was fully reflected in the CSTO Charter, approved 10 years after the signing of the Treaty, when the methods of purposeful destructive information influence became quite obvious. Thus, Article 8 of the Charter fixes information security as one of the priority areas of interaction between Member States.⁵⁷³

Building an information security system at the CSTO level began in 2006, when at the November meeting of the Committee of Secretaries of Security Councils in Minsk, it was decided to create a Working Group on Information Policy and Information Security under the Committee, which was entrusted with the task of coordinating joint actions to identify common problems and threats to the CSTO member states in the field of information policy and security, as well as the development of proposals for joint counteraction to them. It included representatives of the ministries and departments of the participating countries, whose terms of reference include issues of information policy and security.⁵⁷⁴

Information security issues were considered as the main priorities in ensuring the sovereignty of the CSTO member states at a meeting of the Collective

⁵⁷²Collective Security Treaty of May 15, 1992. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (accessed 27.04.2023)

⁵⁷³Charter of the Collective Security Treaty Organization of October 7, 2002. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (accessed 27.04.2023)

⁵⁷⁴The CSTO has created a working group on information policy and security. 12/27/2006. URL: https://vpk.name/news/2126_v_odkb_sozdana_rabochaya_gruppa_po_voprosam_informacionno_i_politiki_i_bezopasnosti.html (accessed 27.04.2023)

Security Council, held in December 2010 in Moscow. Based on its results, in order to form an information security system, the Regulations on Cooperation of the Member States of the Collective Security Treaty Organization in the field of ensuring information security were approved.⁵⁷⁵ In it, the information security system is understood as a set of measures of a legal, political, organizational, personnel, financial, scientific, technical and special nature, aimed at ensuring the information security of the CSTO member states.

Among the main areas of cooperation are counteraction to crimes committed using modern information technologies and the use of national segments of the Internet in order to ensure other illegal activities provided for by national legislation, as well as counteraction and neutralization of information flows that form a negative attitude and misrepresentation of Member States CSTO.

It was essential for building a system of collective information security that the Regulations defined the functions of the CSTO bodies in this area and the procedure for interaction between them: the Collective Security Council (determines the strategy, main directions and prospects for joint activities); The Committee of Secretaries of Security Councils, the Council of Defense Ministers and the Council of Foreign Ministers (organize the implementation of the decisions of the Collective Security Council, prepare proposals for coordinating cooperation in the field of international information security); Secretary General (organizes the preparation and submits draft documents and decisions to the Collective Security Council); The Secretariat, in cooperation with the CSTO Joint Headquarters, national coordinating bodies, prepares practical proposals); National coordinating authorities (implement coordinated practical measures).

In accordance with the decision adopted in Moscow, the governments of the CSTO member states were to determine a national coordinating body in the field

⁵⁷⁵Decision of the Collective Security Treaty Organization of the Collective Security Treaty Organization of December 10, 2010 "On the Regulations on Cooperation of the Member States of the Collective Security Treaty Organization in the field of ensuring information security". URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181116.html (accessed 27.04.2023)

of information security within three months and notify the CSTO Secretariat about this. Currently, these include the following: Armenia - National Security Service, Belarus - Operational and Analytical Center under the President, Kazakhstan - Information Security Committee, Kyrgyzstan - Coordinating Center for Cyber Security under the State Committee for National Security, Russia - Federal Security Service, Tajikistan - The State Committee for National Security.

The procedure for interaction and cooperation between the authorized competent authorities of the CSTO member countries is determined by the Protocol adopted on December 23, 2014 "On the interaction of the member states of the Collective Security Treaty Organization in combating criminal activity in the information sphere."⁵⁷⁶

The CSTO Collective Security Strategy for the period up to 2025, approved by the Collective Security Council in 2016, is essential for conceptualizing the issues of ensuring information and psychological security at the CSTO level and giving them priority in the process of developing joint actions to ensure collective security⁵⁷⁷. that one of the main factors attributed to modern challenges and threats to the collective security of the CSTO is the desire to achieve strategic goals using force, including information pressure, the use of information and communication technologies in order to have a destructive impact on the socio-political and socio-economic economic situation, manipulation of public consciousness, the use of information technology in the so-called "complex" or "hybrid" technologies.

The strategy focuses on the media aspects of information pressure, recognizing the leading role of electronic resources. Thus, in the list of external and internal challenges and threats to the collective security of the CSTO, separate

⁵⁷⁶Protocol "On Cooperation between the Member States of the Collective Security Treaty Organization in Combating Criminal Activities in the Information Sphere". 12/23/2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561354812> (accessed 28.04.2023)

⁵⁷⁷Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization of October 14, 2016 "On the Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025". URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (accessed 28.04.2023)

items, respectively, indicate the implementation of a destructive ideological and psychological impact on the population through electronic information networks and media resources.

In fact, at the official level, the document assigns the status of one of the elements of modern power confrontation in the space of international relations to information and psychological influence. And although we are not talking about considering the information and psychological sphere as a new dimension of modern warfare, nevertheless, the logic of the Strategy points to the expansion of the conceptual boundaries of ensuring collective security in the CSTO area of responsibility and indicates the need to coordinate joint efforts in order to form a single secure information space member countries of the CSTO.

Despite the fact that the terms with the adjective «information-psychological» are not used in official documents of the CSTO, the Agreement on cooperation in the field of ensuring information security, signed by the leaders of the CSTO member countries on November 30, 2017 in Minsk, which, according to Belarusian researchers, is another step towards the formation of an integral system of regulatory support for information security in the CSTO space,⁵⁷⁸ the definition of the concept of "destructive information impact " is given. It is understood as the use of information and communication technologies in order to disrupt the activities of government bodies, weaken national security, damage information and communication systems, networks and resources, worsen interstate relations, create internal socio-political tension, destroy traditional spiritual and moral values, establish control over national information resources, creating a threat of emergency situations, causing other damage to the interests of the CSTO member states.⁵⁷⁹ Two relatively independent aspects are clearly traced in the definition, one of which focuses on cyber attacks on information infrastructure, and the

⁵⁷⁸Makarov O.S., Romanovsky V.A. Legal regulation of ensuring international information security in the CSTO space // Modern problems of legal science and practice in the context of globalization of public relations. Collection of scientific articles / ed. S.E. Cheburanova. Grodno, 2022. P. 318.

⁵⁷⁹Agreement on cooperation between the member states of the Collective Security Treaty Organization in the field of ensuring information security dated November 30, 2017. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260001> (accessed 28.04.2023)

second is directly related to issues of information and psychological confrontation. As some researchers rightly point out, most of the CSTO strategic documents use the general term «information security», which covers both information technology and information and psychological components of the security architecture.⁵⁸⁰

On November 29, 2021, the CSTO Parliamentary Assembly adopted the Model Law "On Information Security".⁵⁸¹ The document largely relies on the provisions of the above documents, but at the same time takes a step forward in differentiating the concept of ensuring information security of the CSTO.

Thus, the Law defines four spheres of ensuring information security, one of which is the protection of the constitutional order and state/national security. The main threats in this area are:

- information impact aimed at destabilizing the internal political and social situation in the CSTO member state, undermining its national sovereignty and territorial integrity;
- the use of mass media, the Internet and mobile communication networks to erode traditional spiritual and moral values, promote terrorism and extremism, including on a religious basis;
- the use of the media and other information resources to incite hatred and enmity between various social, ethnic and religious groups of citizens in the CSTO member state;
- use of the mass media and other information resources to impose on society false or deliberately distorted facts aimed at undermining the authority of the legitimate government;
- attempts to carry out a destructive ideological and psychological impact on the population of a CSTO member state through information networks and media resources;

⁵⁸⁰Elamiryan R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 11/20/2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (accessed 28.04.2023)

⁵⁸¹CSTO Model Law "On Information Security". 11/29/2021. URL: <https://paodkb.org/events/assambleya-prinyala-modelnyy-zakon-ob-informatsionnoy-bezopasnosti> (accessed 28.04.2023)

- the use of information and communication technologies in order to have a destructive impact on the socio-political and socio-economic situation, as well as attempts to manipulate public consciousness in a CSTO member state;

- use of information and communication technologies for terrorist purposes, including propaganda of terrorism and attracting new supporters to terrorist activities;

- the use of information and communication technologies for extremist purposes, as well as for interference in the internal affairs of sovereign states;

- the use by foreign states of technologies of combined forms of influence on the CSTO member state in order to destroy statehood, destabilize the domestic political situation or change the political regime.

In Article 7, the following are indicated as the main directions for ensuring information security in the field of protecting the constitutional order and state / national security:

- building an effective system aimed at ensuring information security in the event of an active destructive information impact of one or more foreign states, aimed at destabilizing the domestic political and social situation in a CSTO member state;

- building a system to prevent the dissemination of information in the information and telecommunication network Internet, aimed at erosion of traditional spiritual and moral values, propaganda of terrorism and extremism, including on a religious basis, using uniform criteria of illegality.

However, with a clear fixation of aspects directly related to the sphere of information and psychological security, the wording that reveals the content of the activities of the CSTO member states to ensure information security primarily affects the technical aspects of cybersecurity. At the same time, as some researchers emphasize, in order to counteract external information and

psychological influence, effective tools are needed, including both information and communication and information and ideological components.⁵⁸²

Therefore, despite the fact that an organizational structure for ensuring information security has been formed at the CSTO level, and the necessary regulatory and legal framework has been developed, including an information and psychological component, the problem of raising the political status of issues of ensuring information and psychological security, regulatory, organizational and their direct practical isolation in the general system of collective information security is quite acute.

The fact is that at present, the main subjects of practical activities in the field of ensuring information security of the CSTO, including in the field of counteracting destructive information impact, are the power structures of the member states that implement special operations in the information space. For example, practical measures taken on an ongoing basis since 2008 to combat crime in the field of information (PROXY). Their main goal is to combat information flows that damage the national and collective security of the CSTO member countries in the national segments of the Internet. According to official data for 2021, during the entire existence of PROXY, the activities of 148,000 information resources have been suspended and more than one and a half million information links that are detrimental to national and collective interests have been blocked.⁵⁸³ Is it a lot or a little? For comparison, in the third quarter of 2022 alone, Roskomnadzor blocked or deleted more than 89,000 Internet resources containing prohibited information.⁵⁸⁴ When qualitatively assessing such data, one should also take into account the level of digitalization, as well as media preferences of citizens of the CSTO member countries (Table 7).⁵⁸⁵

⁵⁸²Vozzhenikov A.V. Modern priorities of the CSTO information space protection policy // Vestnik OrelGIET. 2020. N 4(54). P. 141.

⁵⁸³Organization of the Collective Security Treaty. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php> (accessed 28.04.2023)

⁵⁸⁴Roskomnadzor summed up the results of work on restricting access to prohibited information for the third quarter of 2022. 11/24/2022. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (accessed 28.04.2023)

⁵⁸⁵Digital 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 04.02.2023)

Table 7 - Some aspects of digitalization in the CSTO member countries

A country	Population	Number of Internet users	Internet users, % of the population	Number of social media users	Social media users, % of the population	The most popular social media, % of Internet audience coverage	Most popular search engines, % of total web traffic
Armenia	2780000	2180000	78.6	1850000	66.6	Facebook* – 50,4 Instagram* – 36,4	Google - 92.4 Yandex - 6.3
Belarus	9520000	8270000	86.9	4270000	44.9	VK - 40,0 Instagram* 33,6 Odnoklassniki - 29,4 Facebook* - 7,9 LinkedIn - 6,6 Viber* - 87 Telegram* - 56,0	Google – 93.3 Yandex – 3.1
Kazakhstan	19500000	17730000	90.9	11850000	60.8	Instagram* – 58,9 Tik Tok - 58,7 Facebook* – 12,4	Google – 92.3 Yandex – 7.2
Kyrgyzstan	6680000	5210000	77.9	2750000	41.1	Instagram* – 44,2 Facebook* – 13,6	Google - 88.4 Yandex - 10.5
Russia	144700000	127600000	88.2	106000000	73.3	VK - 75,3 Whatsapp* - 71,5 Telegram* - 64,4 Odnoklassniki - 43,5 TikTok 42,6 Viber* - 34,7 Instagram* - 24,0 Pinterest - 13,0 Facebook* - 7,0	Yandex - 51.9 Google - 45.1
Tajikistan	10050000	4100000	40.8	1100000	10.9	Instagram* – 19,6 Facebook* – 10,6 LinkedIn - 1,9	Google – 82.0 Yandex – 16.0
CSTO	193230000	165090000	85.4	127820000	66.1		

* Facebook Instagram, Telegram, Whatsapp is banned or restricted in Russia, and Meta Platforms Inc. is recognized as an extremist organization in Russia and is banned. Access to its Facebook, Instagram, Telegram, and Whatsapp resources is prohibited or restricted in Russia. For non-compliance with the requirements of Roskomnadzor, access to Viber in Russia is limited.

Based on the data given in Table 7, it is clearly seen that the level of penetration of Internet technologies in the CSTO member countries is quite high, and the population in matters of choosing sources of information is increasingly preferring social networks, the vast majority of which are foreign. Therefore, for all the importance and necessity of special operations in the information environment, such as PROXY, their results will hardly be able to drastically affect the course of modern information confrontation.

Modern conditions of global competition, sharply aggravated after the start of Russia's Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, combined with the capabilities of the latest information technologies to influence public opinion, the worldview and behavior of an individual, form a whole layer of hybrid challenges and threats, a significant part of which belongs to the information and psychological sphere and is aimed, among other things, at undermining the multilateral consensus in integration projects with Russia's participation in the Eurasian space. According to I.F. Kefeli and N.A. Komleva, a modern hybrid war, in which the main weapon is a set of evaluative worldview or ideological constructs, its main goal is the simultaneous destruction of all the main geopolitical spaces of the enemy, i.e. his absolute ruin.⁵⁸⁶

Under these conditions, the importance of collective action to protect common interests and development priorities is growing. As some researchers point out, the CSTO currently remains the only potentially effective subject to counter information and psychological threats, the source of which in the post-Soviet space are competing subjects of world politics, primarily the Atlantic powers and international organizations affiliated with them.⁵⁸⁷

⁵⁸⁶Kefeli I.F., Komleva N.A. On the issue of the role of information and ideological security in the counter-strategy of a hybrid war in the Eurasian space // Eurasian integration: economics, law, politics. 2019. N 1. P. 54.

⁵⁸⁷Tsybakov D.L., Zaslonskaya O.V. CSTO Policy on the Protection of the Information and Psychological Sphere of Collective Security // Proceedings of the South-Western State University. Series: History and law. 2020. Vol. 10. N 4. P. 139.

In this regard, Russia and its CSTO allies are required to create an integral system of collective actions that, on the one hand, provide reliable protection against targeted malicious influence in the information environment, and, on the other hand, form a positive ideological and informational agenda of a common historical path of development, unity of economic and geopolitical tasks, the solution of which will make it possible to most effectively implement national development priorities and ensure collective security in the modern world.

§5.3. Model for ensuring information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO

On March 28, 2023 in St. Petersburg, at a meeting of the Information and Analytical Legal Center of the CSTO Parliamentary Assembly, special attention was paid to the problem of ensuring collective information and psychological security. In particular, R.N. Klyuchko, Associate Professor of Grodno State University named after Y. Kupala (Republic of Belarus), suggested that the Expert Advisory Council under the CSTO PA Council develop a Concept that could actually reflect the strategic directions in terms of ensuring information and psychological security. According to her, «the next step for the implementation of this Concept may be specific recommendations. Such recommendations have already been adopted and are now being developed by the CSTO Parliamentary Assembly. For example, Recommendations on counteracting the rehabilitation of Nazism and the humiliation of military veterans.⁵⁸⁸ In addition, the meeting participants emphasized that the modern destructive information impact is aimed at changing the cultural code of the nation and should be punishable.

The proposals made by the experts are another step towards the formation at the CSTO level of a unified system for ensuring information and psychological security. In conclusion of our study, based on previous reasoning and conclusions,

⁵⁸⁸The CSTO PA proposed to develop a concept for ensuring information and psychological security. 03/28/2023. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (accessed 28.04.2023)

we will offer our own vision of a possible system of collective information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO.

So, let's briefly outline the main premises of our study.

At the center of ensuring information and psychological security is the counteraction to destructive influence in the information environment. At the same time, it is of fundamental importance for us to distinguish between cyber attacks (cyber crimes), which are also carried out in an environment called "information", and malicious impact on the psyche and behavior of a person. Therefore, in the context of considering issues of information and psychological security, by «information environment» we mean the media space, in which Internet resources occupy a dominant position today.

Information-psychological security is the state of protection of the existing system of public opinion formation and decision-making in the state, as well as the psyche of officials, public figures and the population from destructive ideological and psychological impact in the information environment of an organized or discursive nature.

The main components of information and psychological security are:

ideological - focuses on the security of a person's spiritual activity, which is embodied in ideology, a system of values and norms, as well as group and individual behavior determined by them;

media - includes methods of counteracting destructive influence at the level of production and dissemination of information;

cognitive - focuses on the process of consuming information by target audiences and includes questions of the correct choice and use of forms and methods of communication, as well as knowledge and effective use of the mental characteristics of people's perception of information.

In the previous part of our work, we found out that the regulatory framework at the CSTO level includes aspects that we attribute to information and psychological security, and involves the creation of a system of collective actions

in this area. Based on this, we will analyze how the model proposed by us for ensuring information and psychological security at the CSTO level can be implemented.

Worldview component. To date, this area is one of the most difficult in terms of practical implementation. We have already emphasized that the development and consolidation of collective worldview foundations at the official level is hampered by the objective socio-cultural differences of the CSTO member countries. Other researchers point to the same. For example, at a special analytical session in the Civic Chamber of Russia dedicated to the problems of information security of the CSTO, in the context of discussing the information and communication problems of the participating countries, E.A. Durbin noted significant difficulties in mutual understanding associated with differences in culture and worldview, in the experience and traditions of countries complicate their contacts. That is why, in his opinion, the main properties of the CSTO should be unity and trust, only then it will be possible to fully speak about ensuring information security.⁵⁸⁹

In the context of discussions about the development of an information and psychological security strategy, it is difficult to disagree with this opinion. The Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025 enshrined the strategic goal of ensuring collective security by consolidating the efforts and resources of member states on the basis of strategic partnership and generally recognized norms and principles of international law, including the tasks of ensuring collective interests in the political military and sphere countering transnational challenges and threats.⁵⁹⁰

⁵⁸⁹Torin A. Information security of the CSTO member countries: current problems and ways to solve them. 10/20/2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37487> (accessed 28.04.2023)

⁵⁹⁰Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization of October 14, 2016 "On the Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025". URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (accessed 28.04.2023)

However, in order to build a collective system for ensuring information and psychological security, a meaningful disclosure of the worldview foundations of strategic partnership is necessary, which is currently absent, which creates favorable conditions for external destructive information impact, often appealing to various forms of nationalism. For example, as E.V. Petrishchev, on the territory of the Republic of Belarus, through the efforts of governmental and non-governmental organizations of neighboring NATO and EU member states, attempts are being made to form an ideological platform for the alienation of the Belarusian society from Russia by artificially forming an ideological and political identity of a Russophobic orientation - the "Lithuanian-Polish-Belarusian community".⁵⁹¹

Therefore, in order to effectively counter external destructive information impact, a common worldview platform is needed that reflects the national interests and development priorities of the CSTO member countries.

In paragraph 5.1. of our work, based on the analysis of national documents that set out the strategic priorities of the CSTO member countries, we noted that in addition to supporting the institution of the family, strengthening the traditional spiritual and moral foundations, which, unlike the liberal democratic value base of NATO, are not universal, in as a "common denominator" are the growth of the economy, incomes of the population and innovative development. Therefore, due to the absence of real-life alternatives, it is these points that should be taken as a starting point when forming the ideological core of the future CSTO information and psychological security strategy. An example of a figurative worldview embodiment of collective innovative development is the Masdar City project of the United Arab Emirates, an eco-city of the future that embodies all advanced technologies.⁵⁹² The innovative priorities enshrined in the national development

⁵⁹¹Petrishchev E.V. Information-psychological confrontation in the context of regional security of the post-Soviet space: content and main stages // Bulletin of the South-Western State University. Series: History and law. 2020. Vol. 10. N 1. P. 104.

⁵⁹²Masdar City. URL: <https://masdarcity.ae/> (accessed 28.04.2023)

strategies of the participating countries should be integrally reflected in the strategic documents of the CSTO and in the collective image policy, without which it will be extremely difficult to build an effective system for ensuring information and psychological security.

Media component.

Information production. Some researchers point out that, despite many years of efforts at the CSTO level to develop general principles for harmonizing the laws of the participating countries in the formation of a regulatory framework related to information security, serious problems remain in the CSTO format.⁵⁹³ This statement is fully true in relation to the issues of state regulation of information content.

In this area, common to all CSTO member countries is a ban on the production and dissemination of information of an extremist nature. But even in this seemingly self-evident question by today's standards, there are exceptions. Thus, in the Republic of Armenia there is no legislation on countering extremism, which makes it difficult to take prompt measures to block relevant information in the pre-trial procedure. In other CSTO member countries, there are regulatory and organizational mechanisms for suspending the operation of information resources and blocking content if they threaten national interests and national security. Therefore, in order to build an effective system of collective information and psychological security, it is necessary to develop a common understanding of what kind of information can cause harm, taking into account the current challenges of global competition. Criteria of criminal, terrorist and extremist activity alone are clearly not enough. For example, the criteria for blocking information resources and content within the framework of the already mentioned PROXY operation, carried out at the CSTO level, are illegal activities in drug trafficking and the use of the Internet for drug trafficking and drug trafficking; terrorist and extremist

⁵⁹³Kireeva O.S. The problem of ensuring information security in the Eurasian space (on the example of the CSTO) // Eurasianism: theoretical potential and practical applications. 2020. N 10. P. 160.

activities carried out using information and communication technologies.⁵⁹⁴ However, in order to counteract malicious informational influence, pursuing the goals of interference and destabilization of the socio-political situation, the criteria for destructive informational influence should be expanded.

At the same time, it should be emphasized that the current differences in the national legislation of the CSTO member countries in this matter create certain difficulties in developing a common basis for joint actions. Russian legislation contains the largest number of criteria, according to which it is possible to block an information resource and content, which largely determines the position of Russian representatives when discussing issues related to information and psychological security, but there are no similar norms in the national legislation of partners, which greatly complicates the development consensus.

Let us illustrate this thesis with a specific example. In April 2021, amendments were adopted in Russia that introduced criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about veterans of the Great Patriotic War, insulting the memory of the defenders of the Fatherland, humiliating the honor and dignity of a veteran of the Great Patriotic War.⁵⁹⁵ Largely relying on them, specialists from the Research Center of the FSB of Russia developed a draft of Recommendations on the criminalization of acts related to attempts to rehabilitate Nazism, distortion of historical truth, humiliation of the honor and dignity of military veterans, identification of the role of the USSR and Germany in World War II, belittling the humanitarian mission USSR during the liberation of Europe.

The main motivation for the developed document is the recognition that the aggressive information policy of a number of states and organizations controlled

⁵⁹⁴CSTO on the protection of information from crime. 07/06/2020. URL: https://vpk.name/news/416293_odkb_na_zashite_informacii_ot_kriminala.html (accessed 28.04.2023)

⁵⁹⁵Federal Law N 59-FZ of 05.04.2021 "On Amendments to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation". URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/68440.html> (accessed 28.04.2023)

by them, including international ones, to falsify the history of the Second World War and glorify the accomplices of Nazi Germany, manifested in the form of specific socially dangerous acts aimed at the rehabilitation of Nazism and distortion historical truth, forms a wide range of threats to the security of all CSTO member states. The implementation of such threats can lead to the loss (discredit) of key spiritual and moral values and disruption of the stability of the social and political structure in the CSTO member states. Based on this, the main goal of the Recommendations is the convergence and harmonization of the legislation of the CSTO member states, which regulates responsibility for committing acts aimed at the rehabilitation of Nazism and the distortion of historical truth. On October 19, 2022, this draft Recommendation was submitted for discussion by the Expert Advisory Council under the Council of the CSTO Parliamentary Assembly, of which the author of this work is also honored to be a member. In the course of the discussion, significant differences in the assessments of the subject of the proposed document emerged almost immediately. If the representatives of Russia considered the Recommendations they proposed as a logical development of national legislation at the CSTO level, linked, among other things, to some already adopted supranational legal acts (the CIS model law «On the inadmissibility of actions to rehabilitate Nazism, glorify Nazi criminals and their accomplices», and Recommendations on improving the national legislation of the CSTO member states in the field of countering Nazism and its manifestations in terms of clarifying the legal framework for the criminalization of acts related to attempts to rehabilitate Nazism and distort historical truth), some representatives of other countries whose national legislation lacks such norms subjected criticism of the draft Recommendations proposed for consideration. In particular, the representative of Kazakhstan argued his position by narrowing the boundaries of freedom of speech and the space of public discussion.

This example eloquently demonstrates the current differences in political and legal assessments of the degree of destructive influence of this or that information. Therefore, without developing and fixing common worldview

priorities in the CSTO strategic documents, it will be quite difficult to form common approaches in the field of state regulation of information content.

Despite the presence of certain difficulties in the field of state regulation of information content, in other aspects related to the production of information, the situation is much better.

In the field of personal data processing, all CSTO member countries have implemented the relevant legislation and created the necessary organizational structure that meets modern international requirements. There is mutual recognition of ensuring adequate protection of the rights of personal data subjects for the cross-border transfer of relevant information.

The national policy of the CSTO member states in matters of identity verification in the information space is characterized by certain differences, which we analyzed in detail in one of the previous parts of our work. But, despite this, in all countries mechanisms have been created that allow, with varying degrees of efficiency and speed, to establish the identity of Internet users. However, the most problematic field is instant messaging services (messengers), whose popularity as a source of information is increasing every year. Legislative requirements for authenticating the identity of messenger users among the CSTO member countries exist only in Russia.

Spread of information. The model of information and psychological security we have proposed involves the use of several practices to counteract the spread of destructive information: internal content monitoring, content labeling, barriers to publishing and accessing content, and flooding.

Some of these practices, internal monitoring of content and barriers to publication and access to content, at the CSTO level can be implemented in the format of activities of structures for self-regulation of media activities. These two methods are connected with the internal policy of the information resource and state regulation in this area will inevitably become the object of criticism. Therefore, at the CSTO level, it is necessary to initiate a broad discussion on the

creation of a self-regulatory body in the field of mass media with the participation of representatives of the professional community, public control organizations, and national specialized authorities.

The method of marking inappropriate content in the CSTO area of responsibility is not currently available. Earlier, when analyzing this issue, we noted that the legal framework for labeling content, as a rule, is the legislation on foreign agents, which is currently adopted only in Russia, in other CSTO member countries this issue is not on the agenda.

However, if in matters of labeling objectionable content, collective actions do not yet have real prospects, then the possibility of labeling content that meets the collective interests and development priorities of Member States may well be the subject of discussion and detailed study.

According to the latest data from the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), central television enjoys the greatest public confidence in Russia (53%), and local television ranks second: almost every second TV channel (47%) trusts regional TV channels. The trust index, calculated on the basis of the difference in the percentage of trust and distrust among the audience (ranging from -100 to 100), for the media presented was about 24 points. For other information resources, the situation is as follows: news, analytical, official Internet resources (35%, trust index - 8 points); central and regional press (33% each, confidence indices - 8 and 9 points, respectively); Telegram channels (31%, 8 p.). The lowest trust indicators are observed in relation to instant messengers, as well as social networks and blogs on the Internet. The share of those who do not trust them is 35% and 43%, which exceeds the share of those who trust 27% and 23%, respectively, so these information resources have a negative trust index.⁵⁹⁶ In the VTsIOM report, there is no explanation of what determines the trust / distrust of Russians in certain information resources,

⁵⁹⁶Media Trust in Russia. 02/13/2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (accessed 28.04.2023)

however, it is quite possible to make the assumption that the matter lies in the person's subjective assessment of the quality of verification, and, consequently, the reliability of information.

This assumption is indirectly confirmed by the data of another study conducted in April 2021 among audiences in the European Union, which aimed to find out how much news consumers trust the sources they turn to.⁵⁹⁷ The results of the study showed that one of the main criteria in people's choice of a source of information is individual perceptions of its reliability. For example, 42% of respondents have stopped visiting news sites they have previously visited, 61% would like to improve their fact checking before publishing a story, 51% have abandoned a news source because of one inaccurate article, and 46% are willing to pay for truthful, fact-based news.

These data testify to the high demand of modern audiences for reliable, verified information. Therefore, attention should be paid to the possibility of creating a system of voluntary labeling of content that meets the priorities of collective development and security in the CSTO information space. Coordination of joint actions in this direction could be entrusted to a specialized structure of the CSTO, similar to the Consultative Coordination Center of the Collective Security Treaty Organization for Computer Incident Response (CCC) established in 2014.

The working definition of information-psychological security used in this work focuses on the fact that destructive information impact can have both a purposeful organized and discursive nature. In other words, the information agenda that exists at a certain point in time, even if its vector was originally purposefully formed by someone, as a result of numerous links, reposts, citations, comments, user ratings, the work of automated content recommendation algorithms, is quite capable without external support to have a destructive effect over a long period of time. Therefore, flooding, as one of the main and effective methods of

⁵⁹⁷Trust in Digital Publishing 2021. URL: <https://thetrustedweb.org/trust-in-digital-publishing-2021/> (accessed 28.04.2023)

counteracting the spread of unwanted information, is of particular relevance. In technical terms, its essence is to fill the information space with content that diverts the attention of the audience from unwanted information. The notorious «bot factories» are engaged in the direct implementation of the practice of flooding, which are designed to generate a large amount of information of the required content.⁵⁹⁸

, the volume of posts, comments, etc. purposefully generated in the Internet space may turn out to be insufficient in conditions of acute information and psychological confrontation, especially when foreign platforms are the most popular sources of information. Therefore, the tools of public diplomacy, which are able to involve a wide audience, especially young people, in the process of generating and distributing the necessary content, become important.

The most promising areas from our point of view, the author of this work presented on April 18, 2023 at the Parliamentary hearings on the topic «On the priorities of the Russian chairmanship in the Eurasian Economic Union in 2023», organized by the State Duma Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration and Relations with Compatriots.⁵⁹⁹

First direction. Development of unified approaches to ensuring information and psychological security in the labor collectives of large industrial enterprises of the EAEU and CSTO member countries. In the context of a total sanctions war, which is one of the reasons for the foreign policy throwings of some countries and the turbulence of economic processes, the issues of ensuring the information and psychological security of large labor collectives are becoming important, one of the important components of which should be the main priorities of Eurasian integration and ensuring collective security at the CSTO level. The negative information and psychological state in labor collectives contributes to a decrease in

⁵⁹⁸Gumensky A.V. March of the Trolls // Russia in Global Affairs. 2015. Vol. 13. N 5. P. 77-88

⁵⁹⁹Parliamentary hearings on the topic "On the priorities of the Russian chairmanship in the Eurasian Economic Union in 2023". 04/19/2023. URL: <http://komitet.info/press/photogallery/257/> (accessed 28.04.2023)

labor productivity, increases staff turnover, worsens the image of the enterprise in the external environment, which does not negatively affect the receipt of loans, installment payments, sales of products, etc., in general, creates an atmosphere of disbelief in the future which naturally reduces the national and collective economic potential.

Today, many large enterprises have a positive experience of image policy,⁶⁰⁰ as well as information and psychological work with labor collectives, which must be generalized, systematized and used in developing common approaches to ensuring information and psychological security in labor collectives of large industrial enterprises of the participating countries, which including will contribute to the dissemination of positive content in a single information space.

Second direction. Development of unified approaches to ensuring information and psychological security in the training of specialists in areas related to mass communications in the member countries of the EAEU and the CSTO. An important factor for achieving full-scale integration and its viability in the future is the friendly attitude of the general population and, above all, the youth of the countries concerned. Mutual knowledge and respect for national and cultural characteristics, achievements in the field of science and art, joint activities within the framework of various projects have always been a stronghold of friendship between peoples.

Currently, high-quality content from these areas covers only a small part of young people due to the algorithms of information networks for the formation of a news feed. Likes, reposts, shorts, vlogs, which ensure the achievement of the target audience, practically do not accompany projects of the proper level. Although, if documentaries, articles or entries by bloggers popularizing science and art somehow fall into the field of view of young people, they arouse a keen interest in them.

⁶⁰⁰Vykhodets R.S. The specifics of the implementation of the concept of sustainable development at the industry level // *Geopolitics and Security*. 2012. N 4 (20). P. 9-15.

The creation of an international youth community for joint activities in the information environment will help future specialists in the production of creative products and the development of practical professional skills to create and promote the results of their activities. And the help of curators in the production and in ensuring the availability of prominent figures and high-level specialists in various fields will contribute to the formation of truly high-level content.

Thus, creative products created by young people in the "youth" language, promoted by young people in the youth information environment, aimed at strengthening the friendly relations of the general population, will create a strong bulwark of the information and psychological security of the countries concerned.

The US State Department is known to concentrate significant resources to promote the tools of public and digital diplomacy, focusing on US national interests and collective security interests at the NATO level. Despite the fact that this activity is often directed against Russia and its allies, one cannot deny its rather high efficiency. That is why it is necessary to organize appropriate work in this direction at the CSTO level, based on national and collective interests and development priorities.

Cognitive component. As noted earlier, issues of information consumption play a significant role in ensuring information and psychological security. In this aspect, today the dominant role is played by applied scientific research in the field of cognitive science, artificial intelligence technologies, projects in the field of media literacy. Based on the available open data, it can be stated that there is no targeted systematic work in these areas at the CSTO level.

At the same time, almost all CSTO member countries pay attention to promising scientific research and have created a certain groundwork in the development of artificial intelligence technologies. The existing experience must be generalized and developed in the direction of solving the problems of ensuring collective information and psychological security.

In addition, from the point of view of the immediate prospects for collective action, the unconditional priority of creating and promoting media literacy programs should be emphasized. This issue is of particular relevance due to the fact that some CSTO member countries in this area are significantly influenced by Western structures that actively promote their vision of the principles of working with information and analysis within the framework of large-scale educational projects, primarily in the countries of Central Asia. content, which largely contributes to the orientation of part of the population towards Western values and norms and the growth of opposition sentiments. Therefore, at the CSTO level, in partnership with universities, national educational organizations, such as the Russian Knowledge Society, collective support is needed for the development, promotion and implementation of educational programs in the field of media literacy for various social groups, special educational courses, teaching aids, and the involvement of young people in the process of mutual formation a positive image of the CSTO member states.

In conclusion, we present in a generalized form the priorities discussed above and the main directions for building a system of collective information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO, Table 8.

Table 8 – Model for ensuring information and psychological security at the CSTO level

Components	Protective practices	Priorities and required actions
Worldview	fixing the value priorities of development in strategic documents; creation of a system of social reinforcement; image policy.	Formulation of common priorities for collective development; Development and adoption of the CSTO Information and Psychological Security Strategy

Components		Protective practices	Priorities and required actions
	content production	state regulation of information content; legislation on the protection of personal data; identity verification in the information space;	Initiation of the process of developing unified approaches in the field of state regulation of information content
Media	content distribution	internal content monitoring; content labeling; barriers to publishing and accessing content; flooding (distracting the attention of the audience by publishing alternative content)	Formation of the institute of self-regulation in the media sphere; creation of a specialized structure of the CSTO in the field of information and psychological security; elaboration of issues of voluntary labeling of content that meets the priorities of collective development; involvement in the process of distributing content of various social groups
Cognitive	information consumption	information "grafting": the impact of weakened arguments directed against someone's attitudes and beliefs increases resistance to future, potentially stronger persuasive arguments; media literacy; "information dominants": a special informational-semantic construction based on human emotions that contributes to the selective perception of external information, supported by internal stimuli of the organism and/or the sociocultural environment.	Development and implementation of programs in the field of media literacy; support for applied research in the field of cognitive science and artificial intelligence technologies

Conclusion

In conclusion, we present the main results of the study.

The initial concept of the information war, formulated in the 70-80s. The twentieth century, which initially included the most general ideas about confrontation and conflicts in the information environment, differentiated over time, and certain aspects of its subject area developed and refined within the framework of the concepts considered in the work. Therefore, in our study, we did not use the term «information war», since today its epistemological potential has practically dried up and its use is typical, to a large extent, for journalistic discourse.

Practically in all the considered concepts, except, perhaps, only the concept of network-centric warfare, the information-psychological sphere is considered as a relatively independent space of confrontation. Whether we are talking about special information and psychological operations accompanying military operations, or about planned attacks and a systematic negative impact on public opinion and the psyche of an individual, the use of modern information technologies to manipulate a person's consciousness with his emotions and behavior, the formation of the necessary information agenda, information and psychological influence today acts as an autonomous and quite effective tool for achieving political goals and is an integral element of modern military conflicts. At the same time, a large-scale and effective impact on people's consciousness became possible due to deep global digitalization, therefore, psychological impact is no longer conceivable without the use of the latest information technologies, which in a theoretical aspect requires consideration of information and psychological confrontation as an independent type of information confrontation.

To determine the subject of the concept of information-psychological confrontation, a theoretical scheme is proposed and substantiated, which includes two axes. The first axis characterizes the object of influence, at its poles there are

«individual psyche» and «information infrastructure» with intermediate divisions: «information agenda» (control over the media space, dominance of certain content) and «software and hardware environment» (software, components, support, technical data processing standards). The second axis characterizes the tools and the nature of the impact. The poles of this axis are "public diplomacy" (the activities of foreign media, NGOs, the dissemination of certain ideological and socio-cultural models through business communities, academic and educational structures, etc.) and "combat operations" (a state of military conflict using lethal means or or hybrid). Intermediate divisions on this axis are «information and psychological operations» carried out under the auspices of the military leadership, and «malicious impact on society» (targeted propaganda, spreading fakes, discrediting the political elite in the public space, negative impact on public values, the education system, etc..).

The concept of information-psychological confrontation is an area of interdisciplinary research based on the achievements of modern communication theory, cognitive science and the capabilities of the latest information systems used to achieve superiority and / or counteract targeted influence in the information space.

The main subject of the concept of information and psychological confrontation, first of all, focuses on the study of systems and tools for the formation of public opinion, the characteristics of human perception of information, and also includes the study of the entire spectrum of influences on public opinion and the psyche of an individual in peacetime and in combat conditions., by means of special information and psychological operations of the strategic, tactical, operational level and with the use of soft power tools.

Information-psychological confrontation is a sphere of international relations characterized by a destructive impact in the information environment of an organized or discursive nature on the systems of formation of public opinion and

decision-making, as well as the psyche of officials, public figures and the population.

The theoretical and methodological basis of the concept of information and psychological confrontation are the concepts of soft power, strategic competition and hybrid war. The essential point is that information-psychological confrontation should be clearly distinguished from special military psychological operations, since the latter are designed to have a direct impact on the enemy's psyche. Therefore, the scattering of leaflets, loudspeakers, various light and noise effects are not an element of information and psychological confrontation. For this, it is necessary that the implementation of an action aimed at influencing the individual psyche and / or public opinion be mediated by the information environment. And in this sense, the direct organizational form of the subject of influence, whether it be a military unit or a non-profit organization, is not essential.

The tendency revealed in the course of the study to isolate the sphere associated with counteracting destructive information and psychological impact in the system of conceptual views on ensuring information security is objective and global in nature. This is due, first of all, to the awareness at the expert and official levels of the role of modern information and communication technologies in the formation of challenges and threats to national and collective security associated with destructive ideological and psychological impact in the information environment, and the need to develop a set of measures to neutralize them.

Information-psychological security is the state of protection of the system of formation of public opinion and decision-making in the state, as well as the psyche of officials, public figures and the population from destructive ideological and psychological impact in the information environment of an organized or discursive nature.

The theoretical and methodological model for ensuring information and psychological security includes ideological, media and cognitive components, the

content of which is fixed in the "challenge-response" system, implemented in practice by specific methods of influence and counteraction.

Worldview - fundamental values and principles of public life, commonality of ideological aspirations and sociocultural experience;

media - control over the production and dissemination of information, counteracting destructive and malicious informational influence and propaganda;

cognitive - countering the consumption of destructive information by using the achievements of modern information and communication, social and cognitive technologies.

The central place in ensuring information and psychological security is occupied by artificial intelligence (AI) technologies. AI technologies today underlie the most advanced methods of information and psychological confrontation and are a key technological means of ensuring security, in particular in the field of disinformation. In addition, modern technology-based generative and recommender systems (AI) have a significant impact on the nature of information and psychological confrontation and security, and also largely form their technological basis at the present stage. Their availability and widespread use in the field of information and psychological security has the following manifestations:

The ideological component: first, the development of AI acts as a necessary element of the image policy, which includes a focus on innovation, progress, and global scientific and technological trends; secondly, AI is a necessary technology for effectively ensuring information security in the context of preserving the fundamental ideological, value, spiritual and moral foundations of society.

Media component: AI and machine learning have great potential to influence the formation of public opinion. Recommender systems for the selection of individualized content in accordance with user preferences contribute to the formation of a personalized information agenda and provide ample opportunities

for manipulating information. Generative models significantly expand the possibilities for creating compelling manipulative content.

Cognitive component: AI, together with the rapid development of neurotechnologies, has recently brought to life a set of problems associated with the use of the vulnerabilities of human thinking. The impact of modern information technologies on the process of human consumption of information, the manipulation of values and motives of his behavior generates a whole range of previously unknown challenges and threats in the field of information and psychological security.

The national policy in the field of development of AI technologies is a factor in the effective provision of information and psychological security. At the international level, two large policy spaces in the field of AI technology development are being formed:

The first unites the OECD countries with the unconditional financial, technological and value-normative dominance of the US and the EU;

The second space is being formed around China, which includes countries for which cooperation with the West is complicated due to a wide range of international contradictions, including Russia.

The attraction of many EAEU countries to the Chinese AI space, as part of the overall strengthening of the EAEU's connection with the One Belt, One Road project, combined with China's total superiority in the field of AI, increases the risks of increased dependence on imports of Chinese high technologies, which can only be overcome with the help of accumulation of resources and effective coordination of joint efforts at the EAEU level. Therefore, the development of a unified policy in the field of AI at the EAEU level is a priority for Russia, which will contribute to the intensification of scientific and technical cooperation, strengthening the integration potential, technological sovereignty and the formation of a technological basis for effectively ensuring information and psychological security at the CSTO level.

At the international level, there is an inequality of opportunities for various actors to influence the processes of production, dissemination and consumption of information at the global and national levels. In this regard, one of the central issues in the field of information and psychological security is the question of the possibility of its effective provision in the conditions of information openness and the predominance of enemy content in the information space.

"Information dominant", understood as a special information-semantic construction based on human emotions, which contributes to the selective perception of external information, supported by the internal stimuli of the organism and / or the socio-cultural environment, is an effective means of ensuring information and psychological security.

The results of the empirical study conducted in order to substantiate the hypothesis of the phenomenon of information dominants showed that, firstly, in the media space there are special information-semantic structures identified by the analytical method, the representations of which in the human mind affect the selection of information and the formation of an individual information agenda; secondly, subjective representations of information-semantic structures have a direct impact on a person's perception of information: assessment of the reliability of information, transfer of evaluative attributes of an information-semantic structure to perceived information; thirdly, the information selection process initiated under the influence of the subjective representation of the information-semantic structure is directly related to human emotions. These results can be considered as pilot data, which open up a wide range of possibilities in the development of the most effective means in modern information-psychological confrontation, as well as in the formulation of other research questions.

A comparative analysis of the state policy of the CSTO member countries in the field of ensuring information and psychological security gave the following results:

Firstly, the CSTO member countries are currently at different levels of formation of the legal and institutional framework for ensuring information and psychological security. The Russian Federation has the most systematic and holistic state policy in this area;

Secondly, in the ideological component, the common denominator for all countries is the following development priorities: support for the family and family values, strengthening the foundations of national culture, economic and income growth, and innovative development. At the same time, when building an integral approach to ensuring information and psychological security at the CSTO level, one should take into account the objective socio-cultural differences of the participating countries. Therefore, in the worldview at the supranational level, the greatest integration potential have priorities associated with the growth of the economy, incomes of citizens and innovative development;

Thirdly, there are also significant differences in the media component. In the field of information content state regulation policy, the approaches of the participating countries are located in the range, on the opposite poles of which are the softest approaches of the Republic of Armenia and the most numerous restrictions adopted in the Russian Federation. At the same time, the policy of other countries in this area gravitates towards the Russian pole. In all countries, with the exception of Armenia, an element of state policy is the presence of an authorized body authorized to initiate the suspension of the activity of an information resource and the blocking of content that threatens the national security of the state without a court decision.

All CSTO member countries have implemented a personal data protection system that meets international standards in this area. There is mutual recognition of the possibility of cross-border transfer of personal data.

In matters of personal identification in the information space, there are quite serious differences. Common to all participating countries is user authentication when connecting to a mobile network. In Armenia, Kyrgyzstan, Kazakhstan and

Tajikistan, the regulatory framework is essentially limited to these requirements. In Tajikistan, this is supplemented by the requirement for video recording at the points of sale of SIM cards and the storage of information of an extremist nature by communication service providers; in the Republic of Belarus - a requirement for Internet service providers to identify user devices, owners of public Internet access points to identify their customers and store information about the services provided; in Russia, the current regulatory framework allows law enforcement agencies to identify individuals and virtually all actions of users who do not have the intent to hide them on the Internet without a court decision;

Fourthly, within the framework of the cognitive component, we considered some general country data on the state of cognitive science, which to a certain extent characterize the existing national potential for the development and effective use of instrumental methods and means in information-psychological confrontation, which, as a rule, are non-public character. And also the only way to ensure it, designated within the framework of our model of information and psychological security, located in the space of public policy - media literacy programs. Among the CSTO member countries, approaches to the implementation of such programs are in correlation with the degree of official recognition of the priority of information and psychological challenges, as well as, apparently, with the existing national scientific and methodological potential in this area and financial capabilities. Imported media literacy programs dominate in Kyrgyzstan and Tajikistan. In Kazakhstan, there is a balance between national programs directly supported by the state and international projects implemented by organizations such as Internews and IREX Europe. Russia is dominated by national projects implemented by the state in partnership with the non-profit sector;

Fifthly, in all CSTO member countries, at the official level, high importance is attached to countering challenges and threats in the information and psychological sphere, a conceptual separation of information and psychological

security in the general system of information security took place, and the process of creating national regulatory and institutional mechanisms for countering information and psychological challenges and threats is at different stages of implementation.

Modern conditions of global competition, sharply aggravated after the start of Russia's Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, combined with the capabilities of the latest information technologies to influence public opinion, the worldview and behavior of an individual, form a whole layer of hybrid challenges and threats, a significant part of which belongs to the information and psychological sphere and is aimed, among other things, at undermining the multilateral consensus in integration projects with Russia's participation in the Eurasian space.

Under these conditions, the importance of collective action to protect common interests and development priorities is growing. As some researchers point out, the CSTO currently remains the only potentially effective subject to counter information and psychological threats, the source of which in the post-Soviet space are competing subjects of world politics, primarily the Atlantic powers and international organizations affiliated with them.

In this regard, Russia and its CSTO allies are required to create an integral system of collective actions that, on the one hand, provide reliable protection against targeted malicious influence in the information environment, and, on the other hand, form a positive ideological and informational agenda of a common historical path of development, unity of economic and geopolitical tasks, the solution of which will make it possible to most effectively implement national development priorities and ensure collective security in the modern world.

The model of collective provision of information and psychological security in the area of responsibility of the CSTO is characterized by the following features:

Worldview component. To date, this area is one of the most difficult in terms of practical implementation. The development and consolidation of

collective worldview foundations at the official level is hampered by the objective socio-cultural differences of the CSTO member countries. To build a collective system for ensuring information and psychological security, a meaningful disclosure of the worldview foundations of strategic partnership is necessary, which is currently absent, which creates favorable conditions for external destructive information impact, often appealing to various forms of nationalism. Therefore, in order to effectively counter external destructive information impact, a common worldview platform is needed that reflects the national interests and development priorities of the CSTO member countries. The innovative priorities enshrined in the national development strategies of the participating countries should be integrally reflected in the strategic documents of the CSTO and in the collective image policy, without which it will be extremely difficult to build an effective system for ensuring information and psychological security;

Media component. Despite many years of efforts at the CSTO level to develop general principles for harmonizing the legislations of the participating countries, serious contradictions remain in the formation of a regulatory framework related to ensuring information security in the CSTO format. Therefore, in order to build an effective system of collective information and psychological security, it is necessary to develop a common understanding of what kind of information can harm the implementation of national development priorities, taking into account the current challenges of global competition. It is necessary to develop and adopt model laws at the CSTO level aimed at harmonizing the national legislations of the participating countries in the field of control over the production and dissemination of information;

Cognitive component. In all CSTO member countries, attention is paid to promising scientific research and a certain groundwork has been created in the field of development of artificial intelligence technologies. The existing experience must be generalized and developed in the direction of solving the problems of ensuring collective information and psychological security. From the point of view

of the immediate prospects for collective action, the unconditional priority belongs to the creation and promotion of media literacy programs. This issue is of particular relevance due to the fact that some CSTO member countries in this area are significantly influenced by Western structures that actively promote their vision of the principles of working with information and analysis within the framework of large-scale educational projects, primarily in the countries of Central Asia, content which largely contributes to the orientation of part of the population towards Western values and norms, as well as the growth of oppositional sentiments. Therefore, at the CSTO level, in partnership with universities, national educational organizations, such as the Russian Knowledge Society, collective support is needed for the development, promotion and implementation of educational programs, special educational courses and manuals in the field of media literacy for various social groups, involving young people in the process of mutual formation a positive image of the CSTO member states.

Bibliography

1. (NOT) a hearing state: a selective approach to the media in Kazakhstan. 04/06/2023 [Electronic resource] // Factcheck.kz. URL: <https://factcheck.kz/analitika/ne-slyshashee-gosudarstvo-izbiratelnyy-podhod-k-smi-v-kazahstane/> (accessed 02.04.2023)
2. 10 years later: RT recalls how Fox News did not allow those fleeing the war in South Ossetia to speak out. 08/08/2018 [Electronic resource] // RT. URL: <https://russian.rt.com/world/video/543441-fox-news-amanda-kokoeva-ossetiya> (accessed 15.02.2023)
3. 17th China-ASEAN EXPO. December 1, 2020 [Electronic resource]// ASEAN. URL: <https://asian.org/17th-china-asean-expo-china-asean-business-investment-summit-conclude/> (accessed 13.03.2023).
4. 2016-2019 Progress Report: Advancing Artificial Intelligence R&D. November 2019 [Electronic resource] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/AI-Research-and-Development-Progress-Report-2016-2019.pdf> (accessed 12.03.2023)
5. 2020 AI for Good Global Summit to scale AI-powered problem solving for global impact [Electronic resource] // AI for Good Global Summit. URL: <https://aiforgood.itu.int/2020-ai-for-good-global-summit-to-scale-ai-powered-problem-solving-for-global-impact/> (accessed 13.03.2023).
6. 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final, 21 p. [Electronic resource]// European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (accessed 18.03.2023)
7. A branch of the BRICS Institute for the Study of Future Networks has opened in South China. 08/07/2019 [Electronic resource] // International life. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23406> (accessed 10.03.2023)
8. A European approach to Artificial Intelligence 21.04.2021 [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-fostering-european-approach-artificial-intelligence> (accessed 21.02.2023)
9. A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final [Electronic resource]// European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19-feb-2020_en.pdf (accessed 12.03.2023).

10. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016 [Electronic resource] // European Commission. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 09.03.2023)
11. A mobile application for job search with elements of artificial intelligence has been launched in Kyrgyzstan. 05/11/2021 [Electronic resource] // Economist.kg. URL: <https://economist.kg/news/vosti/2021/05/11/v-kyrgyzstane-mobilno-e-prilozhenie-dlya-poiska-raboty-c-elementami-iskusstvenno-go-intellekta/> (accessed 14.03.2023)
12. A resonant cybersecurity law comes into force in China. // RIA News. 06/01/2017 [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20170601/1495523455.html> (accessed 10.03.2023)
13. A Strategic Compass to strengthen the security and defense of the European Union by 2030. March 2022 [Electronic resource] // Ministry of Europe and Foreign Affairs of France. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-nuclear-proliferation/european-defence-63008/article/a-strategic-compass-to-strengthen-the-security-and-defence-of-the-european> (accessed 09.03.2023)
14. ADRA [Electronic resource]// The AI Data Robotics Association. URL: <https://ai-data-robotics-partnership.eu/> (accessed 12.03.2023).
15. Advanced Technologies for Industry [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://ati.ec.europa.eu/> (accessed 12.03.2023).
16. Agreement between the governments of the SCO member states on cooperation in the field of ensuring international information security. 06/16/2009 [Electronic resource] // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (accessed 10.03.2023)
17. Agreement on cooperation between the member states of the Collective Security Treaty Organization in the field of information security of November 30, 2017 [Electronic resource] // Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260001> (accessed 28.04.2023)
18. AI Partnership for Defense. 09/16/2020 [Electronic resource]// Partnership for Defense URL: https://www.ai.mil/docs/AI_PfD_Joint_Statement_09_16_20.pdf (accessed 22.03.2023)

19. AI Watch [Electronic resource] // European Commission. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/ai-watch/about_en (accessed 12.03.2023).
20. Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I. Information society and NBICS-revolution. MOSCOW: IF RAN, 2016. 196 p.
21. Alekryan M.V., Tadevosyan M.R. Information flows of Armenia as an important factor in the national security strategy // Media Research. 2020. N 7. P. 269-276.
22. Algarni A., Yue Xe, Taizan Chan. An Empirical Study on the Susceptibility to Social Engineering on Social Networking Sites: The Case of Facebook // European Journal of Information Systems. 2017 Vol. 26. N. 6. P. 661–687
23. Althaus S., Tewksbury D. Agenda Setting and the "New" News: Patterns of Issue Importance among Readers of the Paper and Online Versions of The New York Times // Communication Research. 2002. Vol. 29. P. 180-207
24. Alymbaeva Z.A., Alimakhunov A. Threats and challenges to information security in Kyrgyzstan // Bulletin of Science and Practice. 2021. Vol. 7. N 2. P. 266-270. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/63>
25. Anokhin K.V. The Last Great Frontier of the Life Sciences // Economic Strategies. 2010. N 11. P. 56-63.
26. Armenian Association IBRO and Armenian Society of Neuroscientists. 2023 [Electronic resource] // Armenian IBRO Association & Armenian Neuroscience Society. URL: <http://www.armneuroscience.am/about.html> (accessed 22.03.2023)
27. Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. 525 p.
28. Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. RAND Corporation, 1996. 127 p.
29. Artificial intelligence and digital factories: how the elements of Industry 4.0 are being implemented in Kazakhstani enterprises. 10/16/2019 [Electronic resource] // Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvennyy-intellekt-i-cifrovyye-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskih-predpriyatiyah> (accessed 10.03.2023)
30. Artificial Intelligence for Europe. COM(2018) 237. Brussels. 04/25/2018 [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-artificial-intelligence-europe> (accessed 12.03.2023).

31. Artificial Intelligence Index Report 2021 [Electronic resource] // Stanford University. URL: [https:// aiindex. stanford. edu / ai - index - report -2021/](https://aiindex.stanford.edu/ai-index-report-2021/) (accessed 12.03.2023)
32. Artificial Intelligence Index Report 2022 [Electronic resource] // Stanford University. URL: [https:// aiindex. stanford. edu / wp - content / uploads / 2022/03/2022 - AI - Index - Report_Master. pdf](https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report-Master.pdf) (accessed 12.03.2023)
33. Arute F., Arya K., Babbush R., Bacon D. et al. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor // Nature. 2019. N. 574. P. 505-510. DOI: 10.1038/s41586-019-1666-5
34. Australian Brain Alliance [Electronic resource]// Australian Brain Alliance. URL: <https://www.brainalliance.org.au/about/> (accessed 12.03.2023)
35. Bad News [Electronic resource] // Bad News. URL: [https:// www. getbadnews. com /](https://www.getbadnews.com/) (accessed 15.02.2023)
36. Balakin DA, Alikberova AR Digital Silk Road in the context of the People's Republic of China // Opción. 2019 Vol. 35. N. 22. P. 308-318.
37. Balashov A.V., Vyshegorodtsev K.E., Svichkar D.A., Khenkin P.V. Overview of technologies for detecting modified content of the DeepFake class // Modern information technologies and IT education. 2022. Vol. 18. N 3. P. 680-690. DOI: <https://doi.org/10.25559/SITITO.18.202203.680-690>
38. Banas J., Rains S. A Meta-Analysis of Research on IN cululation Theory // Communication MoN graphs. 2010 Vol. 77. Issue 3. P. 281-311 DOI:10.1080/03637751003758193
39. Barabash V.V., Kotelenets E.A., Lavrentieva M.Yu. Information war: to the genesis of the term // Sign: the problematic field of media education. 2019. N 3. P. 76-89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
40. Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized kN wledge // Diogenes. 2015. Vol. 62. Issue 3-4. P. 114-120. DOI: 10.1177/0392192116669288
41. Bartosh A.A. Information Warfare Strategies // National Security / N ta Bene. 2016. N 4 (45). P. 485-499. DOI: 10.7256/2073-8560.2016.4.17807
42. Bartosh A.A. Strategic culture as a tool of "soft power" of Russian diplomacy // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2019. N 4. P. 19-31.
43. Bazarkina D. Yu. Advanced TechN logies Combating Terrorism in the EU: The Psychological Warfare Aspect // Proceedings of the 14th International Conference on Cyber Warfare and Security ICCWS 2019 Hosted By Stellenbosch University and the CSIR, South Africa, 28 February – 1 March 2019. N ülle van der Waag-Cowling and Dr. Louise Leenen (eds.). Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. P. 23 – 29.

44. Bazarkina D.Yu., Pashentsev EN Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security [Electronic resource] // Russia in Global Affairs. 2019. N 1. January/March. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/artificial-intelligence-and-new-threats-to-international-psychological-security/> DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170 (accessed 27.04.2023)
45. Bazarkina D.Yu., Pashentsev EN ISIS Propaganda on the Internet, and Effective Counteraction [Electronic resource] // Journal of Political Marketing, 2021. 16 Jan. URL: DOI: 10.1080/15377857.2020.1869812 (accessed 27.04.2023)
46. Begmurodov Yu.E. On the formation of cognitive linguistics in Tajik linguistics // Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of social sciences. 2020. N 4. P. 242-247
47. Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive Warfare. John Hopkins University, 2020. 45 p.
48. Berning C. Contextual Perceived Group Threat and Radical Right-Wing Populist Party Preferences: Evidence from Switzerland // Research and Politics. 2016. Vol. 3. N. 1. P. 1-7. DOI:10.1177/2053168016635670
49. Bilal A. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and 'Trust' as the Antidote. November 30, 2021 [Electronic resource] // NATO. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (accessed 07.02.2023)
50. Blechman B., Kaplan S. Force Without War: US Armed Forces as a Political Instrument, Washington, DC: Brookings Institution, 1978. 604 p.
51. Boyko S.M. Problems of international information security on the SCO and BRICS platforms [Electronic resource] // International life. 01/23/2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21480> (accessed 10.03.2023)
52. Brady W., Wills J., Jost J. et al. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks // PNAS. 2018 Vol. 114. N. 28. P. 7313-7318. DOI:10.1073/pnas.1618923114
53. BRAIN 2025. A scientific vision. Working Group Report to the Advisory Committee to the Director of NIH. June 5, 2014. 146 p. [Electronic resource] // The BRAIN Initiative. URL: : https://braininitiative.nih.gov/sites/default/files/pdfs/brain2025_508c__pdf (accessed 17.03.2023)
54. Brain/MINDS [Electronic resource] URL: <https://brainminds.jp/en/> (accessed 10.03.2023)
55. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Globalization and synergetic historicism. Synergetic theory of globalization. Saint-Petersburg, 2004. 395 p.

56. Brief summary of Korea Brain Initiative [Electronic resource] // Korea Brain Research Institute. URL: [https:// kbri. re. kr / new / pages _ eng / sub / page. html ? mc =3186](https://kbri.re.kr/new/pages_eng/sub/page.html?mc=3186) (accessed 13.03.2023)
57. Brooks R. *Flesh and machines: How robots will change us*. New York: Pantheon Books. 2002. 272 p.
58. Brose K. *Global Neuroscience* // *Neuron*. 2016. N 92(3). 557-558 p.
59. Burns W. *Is It Time to Require Identity Verification for Everyone Using Social Media?* [Electronic resource] // *Forbes*. February 22, 2018. URL: [https:// www. forbes. com / sites / willburns /2018/02/22/ is - it - time - to - require - identity - verification - for - everyone - using - social - media /? sh =127 f 2 fe 08683](https://www.forbes.com/sites/willburns/2018/02/22/is-it-time-to-require-identity-verification-for-everyone-using-social-media/?sh=127f2fe08683) (accessed 12.02.2023)
60. *By 2023, artificial intelligence will appear in the Kyrgyz Republic, processing information in the state language. 09/23/2020* [Electronic resource] // KABAR. URL: <https://kabar.kg/news/k-2023-godu-v-kr-poiavitsia-iskusstvennyi-intellekt-obrabatyvaiushchii-informatciiu-nagosiazyke/> (accessed 14.03.2023)
61. Cacioppo J., Petty R. *Effects of Message Repetition on Argument Processing, Recall and Persuasion* // *Basic and Applied Social Psychology*. 1989 Vol. 10. N. 1. P. 3-12.
62. *Can a law on foreign agents appear in Kazakhstan. 03/17/2023* [Electronic resource] // *Zakon.kz*. URL: <https://www.zakon.kz/6387395-mozhet-li-v-kazakhstane-poyavitsya-zakon-ob-iNoagentakh.html> (accessed 02.04.2023)
63. Cannon W.B. *The wisdom of the body*. W.W. Norton & Company, inc., 1932. 294 p.
64. Castro D. *European AI Policy Conference Report – 2020* [Electronic resource] // *Center for Data Innovation*. April 9, 2021. URL: [https:// datainNovation. org /2021/04/ european - ai - policy - conference - report - 2020/](https://datainnovation.org/2021/04/european-ai-policy-conference-report-2020/) (accessed 14.03.2023)
65. Castro D., McLaughlin M. *Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update*. January 2021 [Electronic resource] // *Center for Data Innovation*. August 19, 2019. URL: [https://datainNovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/](https://datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/) (accessed 16.02.2023)
66. Cebrowski A., Garstka J. *Network-Centric Warfare - Its Origin and Future* [Electronic resource] // *Proceedings*. 1998 Vol . 124. URL : [https:// www . usni . org / magazines / proceedings /1998/ january / network - centric - warfare - its - origin - and - future](https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future) (accessed 23.10.2022).
67. Chan M., Jones C., Jamieson K. et al. *Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation* //

- Psychological Science. 2017 Vol. 28. N. 1. P. 1531-1546.
DOI:10.1177/0956797617714579
68. Changeux J.P. Neuronal Man: The Biology of Mind. Princeton, 1997. 348 p.
69. Charter of the Collective Security Treaty Organization of October 7, 2002 [Electronic resource] // CSTO. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivNy_bezopasN_sti_/#loaded (accessed 27.04.2023)
70. Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. December, 2018 [Electronic resource] // White house. URL: https://trumpwhitehouse.com___archives.gov/wp-content/uploads/2018/12/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf (accessed 12.03.2023)
71. Chekmeneva T.G., Ershov B.A., Trubitsyn S.D., Ostapenko A.A. China's Information Security Strategy: Political and Technical Aspects // Bulletin of Socio-Economic and Humanitarian Studies. 2020. N 7. P. 78-97. DOI: 10.5281/zeN do.3911320
72. Chen Xinran, Sei-Chung Joanna Sin, Yin-Leng Theng, Chei San Lee. Why Students Share Misinformation on Social Media: Motivation, Gender, and Study-Level Differences // Journal of Academic Librarianship. 2015. Vol. 41. P. 583–592.
73. China embraces AI: A Close Look and A Long View. December, 2017 [Electronic resource] // Eurasia group. URL: https://www.Eurasiagroup.net/files/upload/China_Embraces_AI____.pdf (accessed 18.03.2023)
74. Clark S. Fighting Fraud with Digital Verification Tools [Electronic resource] // Risk Management, March 1, 2018. URL: <https://www.rmmagazine.com/articles/article/2018/03/01/-Fighting-Fraud-with-Digital-Verification-Tools-> (accessed 12.02.2023)
75. Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. Ecco, 2011. 320 p.
76. Claverie B., Du Cluzel F. "Cognitive Warfare": the advent of the concept of "Cognitics" in the field of warfare [Electronic resource] // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 25-32 URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)
77. Clayton K., Blair S., Busam J. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact-Check Tags in

- Reducing Belief in False Stories on Social Media // Political Behavior. 2020 Vol. 42. P. 1073-1095
78. Cluzel F. Cognitive Warfare. InN vation Hub, 2020. 45 p.
79. Cognitive studies. 2021 [Electronic resource] // Cognitive studies. URL: <https://cognitivestudies.jimdofree.com/> (accessed 28.03.2023)
80. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. 118 p [Electronic resource]// innovation hub. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)
81. Cohen WS Report of the Quadrennial Defense Review [Electronic resource] // Air and Space Forces Magazine. URL : https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2009/QDR_1997_051997.pdf (accessed 16.01.2023).
82. Collection "Digital Agenda of the EAEU 2016-2019-2025". MOSCOW: Eurasian Economic Commission, 2019. 199 p.
83. Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025. Approved by the Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization of October 14, 2016 [Electronic resource] // CSTO. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivN_y_bezopasN_sti_organizatsii_dogovora_o_kollektivN_y_bezopasN_sti_na_period_do_/#loaded (accessed 22.03.2023)
84. Collective Security Treaty of May 15, 1992 [Electronic resource] // CSTO. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivN_y_bezopasN_sti/#loaded (accessed 27.04.2023)
85. Commission on Television and Radio. 2023 [Electronic resource] // Television and Radio Commission of the Republic of Armenia. URL: <http://tvradio.am/> (accessed 22.03.2023)
86. Communication from the Commission on the EU Security Union Strategy. Brussels, 24.7.2020 [Electronic resource]// European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596452256370&uri=CELEX%3A52020DC0605> (accessed 09.03.2023)
87. Compton J., Jackson B., Dimmock J. Persuading Others to Avoid Persuasion: Inoculation Theory and Resistant Health Attitudes // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00122

88. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Strasbourg, January 28, 1981 [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (accessed 17.04.2023)
89. Cook J., Stephan Lewandowsky S., Ecker U. Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence // PLoS ONE. 2017 Vol. 12. N. 5. DOI:10.1371/journal.pone.0175799
90. Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Brussels, 7.12.2018 COM(2018) 795 final [Electronic resource]// European Commission. URL: [https:// ec.europa.eu / newsroom / dae / redirection / document /56017](https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/56017) (accessed 13.02.2023).
91. Cordesman A., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, September 28, 2020 [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. URL: [https:// csis - website - prod. s 3. amazonaws. com / s 3 fs - public / publication / 200615_Chinese_Chronology. __. pdf](https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200615_Chinese_Chronology.___.pdf) (accessed 06.02.2023)
92. CSTO Model Law "On Information Security". 11/29/2021 [Electronic resource] // CSTO Parliamentary Assembly. URL: <https://paodkb.org/events/assambleya-prinyala-modelnyy-zakon-ob-informatsionN y-bezopasNosti> (accessed 28.04.2023)
93. CSTO on the protection of information from crime. 07/06/2020 [Electronic resource] // News of the military-industrial complex. URL: https://vpk.name/news/416293_odkb_na_zashite_informacii_ot_kriminala.html (accessed 28.04.2023)
94. Damasio A. Ya. The brain and the emergence of consciousness, Moscow, 2018. 384 p.
95. Damasio A., Grabowski T., Bechara A. et al. Subcortical and Cortical Brain Activity During the Feeling of Self-generated Emotions // Nature Neuroscience. 2000 Vol. 3. P. 1049-1056.
96. Danilin I.V. US-China Tech War: Risks and Opportunities for China and the Global Tech Sector // Sravnitel'naya Politika. 2020. Vol. 11. N 4. P. 160-176. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056
97. Danks D. The Value of Trustworthy AI. // Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. January, 2019. P. 521–522. DOI: 10.1145/3306618.3314228

98. DARPA AI Next Campaign. September, 2018 [Electronic resource]// DAPRA. URL: [https:// www. darpa. mil / work - with - us / ai - next - campaign](https://www.darpa.mil/work-with-us/ai-next-campaign) (accessed 12.03.2023)
99. DARPA. Media Forensics. December 5, 2018 [Electronic resource]// DAPRA. URL: [https:// www. darpa. mil / program / media - forensics](https://www.darpa.mil/program/media-forensics) (accessed 14.02.2023)
100. Data Governance Act. Brussels, 25.11.2020 COM(2020) 767 final [Electronic resource] // European Union law. URL: [https:// eur - lex. europa. eu / legal - content / EN / TXT / PDF /? uri = CELEX :52020 PC 0767& from = EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0767&from=EN) (accessed 12.03.2023).
101. Daugherty WE Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. volume one. US Department of the Army, 1976. 18 p.
102. De Martino M., Barnashov O.V. Historiographic review of some critical approaches to the concept of "soft power" by J. Nye // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2020. N 4. P. 41-50
103. Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization dated December 10, 2010 "On the Regulations on Cooperation of the Member States of the Collective Security Treaty Organization in the Field of Information Security" [Electronic resource] // BusinessPravo.Ru. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181116.html (accessed 27.04.2023)
104. Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization of October 14, 2016 "On the Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period until 2025" [Electronic resource] // CSTO. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivN_y_bezopasNsti_organizatsii_dogovora_o_kollektivNoy_bezopasNosti_na_period_do_#loaded (accessed 28.04.2023)
105. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 11, 2020 N 12 «On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025» [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (accessed 14.03.2023)
106. Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. Brussels. 04/10/2018 [Electronic resource]// European Commission. URL: [https:// digital -](https://digital-)

- strategy. ec. europa. eu / en / news / eu - member - states - sign - cooperate - artificial - intelligence (accessed 12.03.2023).
107. Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in AI Research and Development. September 25, 2020 [Electronic resource] // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-ai-research-and-development> (accessed 13.03.2023)
 108. Declaration of the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on Cooperation in Artificial Intelligence Research and Development. September, 2020 [Electronic resource] // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/declaration-of-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-on-cooperation-in-artificial-intelligence-research-and-development-a-shared-vision-for-driving/> (accessed 18.03.2023)
 109. Decree of March 29, 2022 N 506 [Electronic resource] // Government of Russia. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (accessed 14.03.2023).
 110. Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of May 3, 2019 N 209 «On the Concept of Information Security of the Kyrgyz Republic for 2019-2023» [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13648?cl=ru-ru> (accessed 16.04.2023)
 111. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 N 827 [Electronic resource] // Digital.kz. URL: <https://digital.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (Accessed 10.03.2023)
 112. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 26, 2019 N 142 «On some issues of the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan» [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39880228 (accessed 02.04.2023)
 113. Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated April 30, 2016, N 207-7 [Electronic resource] // Internet portal of legal information of the Republic of Tajikistan. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=18923 (accessed 17.04.2023)
 114. Decree of the Government of the Russian Federation of December 22, 2022 N 4088-r «On the Concept for the formation and development of an

- information security culture of citizens of the Russian Federation» [Electronic resource] // GARANT.R U. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405905591/> (accessed 16.04.2023)
115. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 N 1632-r [Electronic resource] // GARANT.R U. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (date of access : 16.04.2023)
116. Decree of the Government of the Russian Federation of October 20, 2021 N 1801 «On Approval of the Rules for Identification of Users of the Internet Information and Telecommunication Network by the Organizer of the Instant Messaging Service» [Electronic resource] // Government of Russia. URL: <http://government.ru/docs/all/137122/> (accessed 17.04.2023)
117. Decree of the President "On the development of the digital economy" N 8 of December 21, 2017 [Electronic resource] // President of the Republic of Belarus. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (accessed 10.03.2023)
118. Decree of the President of the Kyrgyz Republic dated October 31, 2018 UP N 221 «On the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040» [Electronic resource] // G ov.kz. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestN-s-mailkz?lang=ru> (accessed 06.04.2023)
119. Decree of the President of the Kyrgyz Republic of December 20, 2021 UP N 570 «On the National Security Concept of the Kyrgyz Republic» [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815> (accessed 16.04.2023)
120. Decree of the President of the Republic of Belarus dated November 9, 2010 N 575 «On approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus» [Electronic resource] // P ravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (accessed 28.03.2023)
121. Decree of the President of the Republic of Belarus of February 1, 2010 N 60 «On measures to improve the use of the national segment of the Internet» [Electronic resource] // P ravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060> (accessed 28.03.2023)
122. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 26, 2021 N 521. «On Amendments to the Decree of the President of the

- Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 N 636 «On approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and invalidation of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan» // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35648083 (accessed 02.04.2023)
123. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2023 N 145 «On approval of the Information Doctrine of the Republic of Kazakhstan» [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35286710&pos=3;-108#pos=3;-108 (accessed 02.04.2023)
124. Decree of the President of the Republic of Tajikistan of November 7, 2003 N 1175 "On the Concept of Information Security of the Republic of Tajikistan" [Electronic resource] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijN-ji-cifrovoj-gramotN-stina-tadzhiskom-yazyke/> (accessed 17.04.2023)
125. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 N 646 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» [Electronic resource] // Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (accessed 06.02.2023)
126. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (accessed 06.02.2023)
127. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030» [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed 16.04.2023)
128. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 14.03.2023)
129. Department of Philosophy of Information and Cognitive Processes. 2023 [Electronic resource] // Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. URL: <http://philosophy.by/ru/departments/cmkc/> (accessed 28.03.2023)

130. Desten D., Petty R., Rucker D. et al. Discrete Emotions and Persuasion: The Role of Emotion-Induced Expectancies // Journal of Personality and Social Psychology. 2005 Vol. 86. N. 1. P. 43-56.
131. Deutsche Bank closed an account in Belarus. 26.10.2011 [Electronic resource] // Newspaper. en URL: [https:// www. gazeta. ru / financial /2011/10/26/3813458. shtml ? updated](https://www.gazeta.ru/financial/2011/10/26/3813458.shtml?updated) (accessed 28.03.2023)
132. Development of individual high-tech areas: White paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2022 [Electronic resource] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.ecoNomy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aace99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (accessed 21.02.2023)
133. Dezfouli A., Nock R., Dayan P. Adversarial vulnerabilities of human decision-making // PNAS. 2020 Vol. 117. N 46. P. 29221-29228. DOI: 10.1073/pnas.2016921117
134. Digital 2021 [Electronic resource] // Wearesocial. URL: [https:// wearesocial. com / uk / blog /2021/01/ digital -2021- uk /](https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-uk/) (accessed 04.02.2023)
135. Digital 2022. Global Overview Report [Electronic resource] // Wearesocial. URL : [https :// wearesocial . com / uk / blog /2022/01/ digital -2022/](https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/) (accessed 10.11.2022).
136. Digital 2023 [Electronic resource] // Wearesocial. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 04.02.2023)
137. Digital Education Action Plan 2021-2027. Brussels, 30.9.2020 SWD(2020) 209 final [Electronic resource]// European Commission. URL: [https:// ec. europa. eu / education / sites / default / files / document - library - docs / deap - swd - sept 2020 _en. _ pdf](https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf) (accessed 12.03.2023).
138. Digital education. 2023 [Electronic resource] // E gov.kz. URL: <https://egov.kz/cms/ru/education> (accessed 06.04.2023)
139. Digital Trust Platform [Electronic resource] // Digital Trust Platform. URL: <https://youthsafety.megafon.ru/> (accessed 15.02.2023)
140. Directive TS 3600.1. (December 21, 1992) [Electronic resource] // Washington DC: US Department of Defense. URL : [https :// archive . org / details /14 F 0492 Doc 01 DirectiveTS 3600.1/ page / n 1](https://archive.org/details/14_F_0492_Doc_01_DirectiveTS_3600.1/page/n1) (accessed 16.01.2023)
141. Doob LW Propaganda; Its Psychology and Technique. New York, 1935. 417 p.

142. Douglas K., Sutton R. The Hidden Impact of Conspiracy Theories: Perceived and Actual Influence of Theories Surrounding the Death of Princess Diana // *Journal of Social Psychology*. 2008 Vol. 148. N. 2. P. 210–222.
143. DTIC ADA361418: The Enhanced, Integrated Soldier System on Janus (Army). 1993 [Electronic resource] // Internet archive . URL : https://archive.org/details/DTIC_ADA_361418 (accessed 15.01.2023) .
144. Dwoskin E. Facebook is rating the trustworthiness of its users on a scale from zero to 1. August 21, 2018 resource]// *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2018/08/21/facebook-is-rating-trustworthiness-its-users-scale-zero-one/> (accessed 14.02.2023)
145. Edelman G. *The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness*. New York, 1989. 346 p.
146. Elamiryan R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects. 11/20/2019 [Electronic resource] // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (accessed 28.04.2023)
147. Elull J. *Propaganda. The Formation of Men's Attitudes*. New York: Vintage Books, 1965. 348 p.
148. Enin Yu.I., Kokhno P.A. Chinese-Belarusian "Industrial Park "Great Stone" as a special zone of economic growth of the country and its region // *Society and Economics*. 2018. N 12. P. 77-87 DOI: 10.31857/S020736760002817-7
149. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. B-1049 Brussels. 8 April 2019. [Electronic resource]// European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (accessed 12.03.2023).
150. Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource] // UNESCO. URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (accessed 13.03.2023).
151. European Digital Innovation Hubs [Electronic resource]// European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/edihs> (accessed 12.03.2023).
152. Europe's two trillion euro dividend: Mapping the Cost of Non-Europe. 04/18/2019 [Electronic resource] // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU\(2019\)631745](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU(2019)631745) (accessed 12.03.2023).
153. Fact Sheet: BRAIN Initiative, Office of the Press Secretary [Electronic resource]The White House. 04/02/2013 URL: <https://obamawhitehouse>.

- archives. gov / the - press - office /2013/04/02/ fact - sheet - brain - initiative (accessed 09.03.2023)
154. FADP [Electronic resource]The Federal Assembly of the Swiss Confederation. 06/19/1992 URL: [https:// www. fedlex. admin. ch / eli / cc /1993/1945_1945_1945/ en](https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en) (accessed 12.02.2023)
 155. Fang Xiang, Singh S., Ahluwalia R. An Examination of Different Explanations for the Mere Exposure Effect // Journal of Consumer Research. 2007 Vol. 34. P. 97-103.
 156. Farago L. German psychological warfare. Committe for National Morale, 1941. 155 p.
 157. Fatenkov A.N. Digital society: civilization at the stage of "comfortable" totalitarianism // Century of globalization. 2022. N 1(41). P. 72-85 DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.05>
 158. Federal Law "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated March 18, 2019 N 28-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (accessed 06.03.2023)
 159. Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated March 25, 2022 N 63-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412674/ (accessed 06.03.2023)
 160. Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public security" dated July 6, 2016 N 375-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (accessed 16.04.2023)
 161. Federal Law «On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» of March 18, 2019 N 31-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (accessed 06.03.2023)
 162. Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Combating Terrorism» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Measures to Counter Terrorism

- and Ensuring Public Security» dated July 6, 2016 N 374-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (accessed 16.04.2023)
163. Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» of July 27, 2006 N 149-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 12.02.2023)
164. Federal Law N 114-FZ of July 25, 2002 «On counteracting extremist activity» [Electronic resource] // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 06.03.2023)
165. Federal Law N 136-FZ of June 29, 2013 «On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Counteract Insulting Religious Beliefs and Feelings of Citizens» [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37387> (accessed 16.04.2023)
166. Federal Law N 390-FZ of 06.12.2021 «On the federal budget for 2022 and for the planned period of 2023 and 2024» [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (accessed 06.03.2023)
167. Federal Law N 479-FZ of 05.12.2022 «On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation» [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (accessed 06.03.2023)
168. Federal Law N 57-FZ of March 18, 2023 «On Amendments to Articles 13.15 and 20.3-3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation» [Electronic resource] // Official publication of legal acts . URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180005> (accessed 06.03.2023)
169. Federal Law N 59-FZ of April 5, 2021 «On Amendments to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/68440.html> (accessed 28.04.2023)
170. Federal Law of April 28, 2023 N 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" [Electronic resource] // Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280013?index=4&rangeSize=1> (accessed 28.04.2023)

171. Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ «On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence» [Electronic resource] // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 06.03.2023)
172. Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ "On Personal Data" [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (accessed 16.04.2023)
173. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957. 312 p.
174. Field Manual N 3-05.30. Psychological Operations [Electronic resource] // Headquarters, Department of the Army. April 15, 2005. URL: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-05-30.pdf> (accessed 04.02.2023)
175. For the first time WCIT was held in Armenia. October 2019 [Electronic resource] // Armenian Global Community. URL: <https://armeniangc.com/2019/10/wcit2019-yerevan/> (accessed 10.03.2023)
176. Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 04/21/2021 [Electronic resource]// European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (accessed 12.03.2023).
177. Frau-Meigs D. Media literacy as a remedy for manipulation // UNESCO Courier. July - September 2017 [Electronic resource] // UNESCO. URL: <https://ru.unesco.org/courier/iyul-sentyabr-2017-g/mediagramotNst-sredstvo-ot-manipulyacii> (accessed 15.02.2023)
178. French-German Declaration of Toulouse. 16 October 2019 [Electronic resource] // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/french-german-declaration-of-toulouse-16-oct-19> (accessed 13.03.2023).
179. Frey D. Recent Research on Selective Exposure to Information // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 19. Berkowitz L. (ed.). Orlando, FL, 1986, P. 41-80.
180. Friedman T. We Are Suddenly Taking On China and Russia at the Same Time [Electronic resource] // The New York Times. 10/12/2022 URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/12/opinion/china-semiconductors-exports.html> (accessed 18.03.2023)
181. Fritsche I., Moya M., Bukowski M. et al. The Great Recession and Group-Based Control: Converting Personal Helplessness into Social Class In-Group

- Trust and Collective Action // Journal of Social Issues. 2017 Vol. 73. Issue 1. P. 117-137. DOI 10.1111/josi.12207
182. Fuller J. Tanks in the great war 1914-1918. MOSCOW: Higher. military ed. council, 1923. 264 p.
183. Future and Emerging Technologies Human Brain Project [Electronic resource] // The Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 02.03.2023)
184. Future of Work at the Human-Technology Frontier. February 16, 2023 [Electronic resource]// The US National Science Foundation. URL: <https://beta.nsf.gov/events/future-work-human-technology-frontier-office-hours-2/2023-02-16> (accessed 18.03.2023)
185. G20 AI Principles. June 9, 2019 [Electronic resource]// OECD. URL: <https://oecd.ai/en/work/documents/g20-ai-principles> (accessed 12.03.2023).
186. Galletta D., Henry R., McCoy S. et al. Web Site Delays: How Tolerant are Users? // Journal of the Association for Information Systems. 2004 Vol. 5. Issue 1. DOI:10.17705/1jais.00044
187. Galois and Guardtime Federal Awarded \$1.8M DARPA Contract to Formally Verify Blockchain-Based Integrity Monitoring System. September 13, 2016 [Electronic resource] // PRWEB. URL: <https://www.prweb.com/releases/2016/09/prweb13661801.htm> (accessed 12.02.2023)
188. GAPMIG [Electronic resource] // Media and Information Literacy. UNESCO. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (accessed 15.02.2023)
189. Gartner Survey Shows 37 Percent of Organizations Have Implemented AI in Some Form. January 21, 2019 [Electronic resource] // Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-01-21-gartner-survey-shows-37-percent-of-organizations-have> (accessed 12.03.2023).
190. Gavra D.P. Strategic Communications and Texts of Strategic Communications: Toward a Theoretical Substantiation of Categories // Russian School of Public Relations. 2021. N 22. P. 10-30.
191. Gaysina L. Media and information literacy appeared in the universities of Tajikistan. 10/29/2021 [Electronic resource] // New Reporter. URL: <https://newreporter.org/2021/10/29/v-vuzax-tadzhikistana-poyavilas-medijnaya-i-informacionnaya-gramotnost/> (accessed 17.04.2023))
192. GDPR. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. 04/27/2016 [Electronic resource] // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN> (accessed 12.02.2023)

193. Ghosh D., Scott B. Digital Deceit: The Technologies Behind Precision Propaganda on the Internet [Electronic resource] // New America. Policy Paper, January 23, 2018 URL: <https://d1y8sb8igg2f8e.cloudfront.net/documents/digital-deceit-final-v3.pdf> (accessed 07.02.2023)
194. Ghukasyan A. Agents of Foreign Influence: What Can Armenia Oppose to Them? 12/21/2022 [Electronic resource] // Sputnik Armenia. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221221/agency-iNostranNogo-vliyaniya-chto-im-mozhet-protivopostavit-armeniya-52910409.html> (accessed 22.03.2023)
195. Giglavy A.V., Sokolov A.V., Abdrakhmanova G.I. Long-term trends in the development of the information and communication technology sector // Foresight. 2013. V.7. N 3. P. 6-24. DOI: 10.17323/1995-459X.2013.3.6.24
196. Gilbert D., Tafarodi R., Malone P. You Can't N t Believe Everything You Read // Journal of Personality and Social Psychology. 1993 Vol. 65. N. 2. P. 221-233.
197. Glazyev S.Yu. EAEU: From Status Quo Policy to the «Own Center of Power» Scenario // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. N 1. P. 11-14 DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-11-14
198. Glazyev S.Yu., Kharitonov V.V. Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy. Moscow: Trovant, 2009. 304 p.
199. Gleicher N., Franklin M., Agranovich D. et al. Threat Report The State of Influence Operations 2017-2020. May 2021 [Electronic resource] // Politico. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2021/05/26/IO-Threat-Report-May-24-2021-version.pdf> (accessed 04.05.2023)
200. Glimcher PW et al. Neuroeconomics: Decisions Making and the Brain. London, 2009. 1477 p.
201. Global Artificial Intelligence Industry Whitepaper [Electronic resource] // Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/global-ai-development-white-paper.html> (accessed 11.03.2023)
202. Global Soft Power Index. 2022. [Electronic resource]// Brand Finance. URL: <https://branddirectory.com/softpower/> (accessed 15.02.2023)
203. Global System on the Brink: Pathways towards a New Normal / Dynkin, A., Burrows, M. (eds.) Moscow, Primakov IMEMO, 2016. 32 p.
204. Goldstein F., Findley B. Psychological Operation: Principles and Case Studies. Air University Press, 1996. 378 p.
205. Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss., University of Oxford, 2021 [Electronic resource] // EThOS. URL: <https://>

- ethos. bl. uk / OrderDetails. do ? uin = uk. bl. ethos.840171 (accessed 04.05.2023)
206. Goldstein J., Sastry G., Musser M. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations. January 2023 [Electronic resource] // Cornell University. URL: [https:// doi. org /10.48550/arXiv.2301.04246](https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.04246) (Accessed 28.04.2023)
207. Good Country Index [Electronic resource]// Good Country Index. URL: [https:// index. goodcountry. org /](https://index.goodcountry.org/) (accessed 15.02.2023)
208. Gosse J. et al. European enterprise survey on the use of technologies based on artificial intelligence. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 149 p. DOI:10.2759/759368
209. Government AI Readiness Index 2021 [Electronic resource] // Oxford Insights. URL: [https:// www. oxfordinsights. com / government - ai - readiness - index 2021](https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index-2021) (accessed 21.02.2023)
210. Government AI Readiness Index 2022 [Electronic resource] // Oxford Insights. URL: [https:// static 1. squarespace. com / static /58 b 2 e 92 c 1 e 5 b 6 c 828058484 e / t /639 b 495 cc 6 b 59 c 620 c 3 ecde 5/1671121299433/ Government _ AI _ Readiness _ 2022 _ FV. pdf](https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf) (accessed 10.03.2023)
211. GPAI [Electronic resource]// Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: [https:// gpai. ai / about /](https://gpai.ai/about/) (accessed 13.03.2023).
212. Grafov D.B. US approaches to containing China. USA & Canada: economics, politics, culture. 2022. Issue 3. P. 41-60. DOI: 10.31857/S2686673022030038
213. Green S. Cognitive Warfare. The Augustan Stables. Joint Military Intelligence College. July 2008 [Electronic resource] // Augean Stables. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (accessed 29.10.2022).
214. Griffin E. Communication: theory and practice. Kharkov, 2015. 688 p.
215. Guide to Protecting the Confidentiality of Personally Identifiable Information. April 2010 [Electronic resource]// National Institute of Standards and Technology. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-122.pdf> (accessed 12.02.2023)
216. Gumensky A.V. March of the Trolls // Russia in Global Affairs. 2015. Volume 13. N 5. P. 77-88
217. Guyader H. Weaponization of neurosciences. February 2020 [Electronic resource] // Innovation Hub. URL: [https:// www. innovationhub - act. org / sites / default / files / docs / WoNS. pdf](https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/docs/WoNS.pdf) (accessed 22.03.2023)

218. Hakmeh J. Cybercrime Legislation in the GCC Countries Fit for Purpose? July 2018 [Electronic resource] // Chatham house . URL : <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-07-04-cybercrime-legislation-gcc-hakmeh.pdf> (accessed 10.03.2023)
219. Halfaker A., Riedl J. Bots and Cyborgs: Wikipedia's Immune System // Computer. 2012. Vol. 45. Issue 3. P. 79-82. DOI:10.1109/MC.2012.82
220. Harkins S., Petty R. The Multiple Source Effect in Persuasion: The Effects of Distraction // Personality and Social Psychology Bulletin. 1981 Vol. 7. N. 4. P.627-635.
221. Hibbing J., Smith K., Alford J. Differences in Negativity Bias Underlie Variations in Political Ideology // Behavioral and Brain Sciences. 2014. Vol. 37. N. 3. P. 297-307.
222. High-level expert group on artificial intelligence [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai> (Accessed 13.03.2023).
223. Hillman JE The Digital Silk Road: China's quest to wire the world and win the future. London: Harper Business, 2021. 368 p.
224. Hi-Tech Park [Electronic resource] URL: <https://park.by/> (accessed 10.03.2023)
225. Horowitz MC, Scharre P., Allen GC, Frederick K., Cho A., Saravalle E. Artificial Intelligence and International Security [Electronic resource] // Center for a New American Security (CNAS). 2018. URL: <http://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (accessed 06.02.2023)
226. Human Brain Project [Electronic resource]// The Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 02.03.2023)
227. Ibragimova G.R. Approaches of the states of Central Asia to the issues of Internet management and information security // Security index. 2013. N 1. P. 103-128.
228. Illes J., Weiss S. A Neuroethics Backbone for the Evolving Canadian Brain Research Strategy // Neuron 101. 2019. February 6. P. 370-374.
229. Ilnitsky A.M. Mental war // Military thought. 2021. N 8. P. 19–33.
230. Ilnitsky A.M. Russia's Mental Security Strategy // Military Thought. 2022. N 4. P. 24–35.
231. Ilnitsky A.M. Security of the country as a foundation for development [Electronic resource] // Arsenal of the Fatherland. 2021. N 1 (51) URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasNst-strany-kak-fundament-razvitiya> (accessed 16.01.2023)

232. Immordino-Yang MH, McColl A. et al. Neural Correlates of Admiration and Compassion // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009 Vol. 106. N 19. P. 8021-8026.
233. In China, the digitization of people has begun. 04/30/2023 [Electronic resource] URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/04/30/20331746.shtml> (accessed 05.04.2023)
234. In the 2023-2024 academic year, 7th grade students will begin to be taught media literacy. 01.11.2022 [Electronic resource] // Vesti.kg. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/105960-v-2023-2024-uchebn-m-goduchashchikhsya-7-kh-klassov-nachnut-obuchat-mediagramotnosti.html> (accessed 16.04.2023)
235. India, Japan finalize pact for cooperation in 5G, AI, critical information infrastructure [Electronic resource]// The Economic Times. October 7, 2020 URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-japan-finalise-pact-for-cooperation-in-5g-ai-critical-information-infrastructure/articleshow/78534833.cms> (accessed 13.03.2023).
236. Indicators of the work of the President and attitude towards him. 03/17/2023 [Electronic resource] // FOM. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (accessed 22.03.2023)
237. Industrial Park "Great Stone" [Electronic resource] // 99.
238. Information-psychological and cognitive security. Collective monograph / Ed. I.F. Kefeli, R.M. Yusupov. Saint-Petersburg, 2017. 300 p.
239. Innovative Public Services [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://joinup.ec.europa.eu/collection/inNovative-public-services> (accessed 12.03.2023).
240. Interdepartmental Research Center for Artificial Intelligence. 08/31/2015 [Electronic resource] // OIPI NAS BELARUS. URL: <http://uiip.bas-net.by/intellekt/> (accessed 11.03.2023)
241. International Brain Initiative [Electronic resource] // The International Brain Initiative. URL: <https://www.internationalbraininitiative.org/about-us> (accessed 14.03.2023)
242. International Strategy of Cooperation on Cyberspace. 03/01/2017 [Electronic resource] // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm (accessed 10.03.2023)
243. Internews in Tajikistan is looking for a partner to transfer the management of the "Media Criticism" section in Tajik and Russian. 03/16/2023 [Electronic resource] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/internews-v-tadzhikistane-ishhet-partnyora-dlya-peredachi-v->

- upravljenje - razdela - mediakritika - na - tadjihskom - i - ruskom - yazykax / (accessed 17.04.2023)
244. Invest India and UAE Ministry sign MoU for technological cooperation [Electronic resource] // Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Commerce & Industry. July 27, 2018 URL: <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1540480> (accessed 13.03.2023).
245. IREX 's _ Learn to Discern [Electronic resource] // UNESCO Institute for Information Technologies in Education. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (accessed 15.02.2023)
246. Ismagilova E., Slade E., Rana N. et al. The effect of characteristics of source credibility on consumer behavior: A meta-analysis [Electronic resource] // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020 Vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0969698918307926?via%3Dihub> (accessed 07.02.2023)
247. ISSAI [Electronic resource] // Institute of Smart Systems and Artificial Intelligence. URL: <https://issai.nu.edu.kz/> (accessed 11.03.2023)
248. Iyengar S., Peters M., Kinder D. Experimental Demonstrations of the "Not-So-Minimal" Consequences of Television News Programs. // American Political Science Review. 1982 Vol. 76. P. 848-858.
249. Jansen S., Martin B. The Streisand Effect and Censorship Backfire // International Journal of Communication. 2015. Vol. 9. P. 656-671
250. Jeong S., Cho H., Hwang Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. P. 454-472 DOI:10.1111/j.1460-2466.2012.01643.x
251. Johannesburg Declaration of the Tenth BRICS Summit. 07/26/2018 [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5323> (accessed 10.03.2023)
252. Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Brussels, 16.12.2020 [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed 06.02.2023)
253. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13 [Electronic resource] // United States Department of Defense, 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (accessed 16.01.2023).
254. Joint Publication 3-13.2. Psychological Operations. 07 January 2010 [Electronic resource] // Federation of American Scientists. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf> (accessed 04.02.2023)

255. Joint statement by the Ministers of Foreign Affairs of the member states of the Collective Security Treaty Organization on the intensification of cooperation in the field of ensuring international information security. 11/23/2022 [Electronic resource] // CSTO URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-iN-strannykh-del-gosudarstv-chleN-v-organizatsii-dogovora-o-kollekti/#loaded> (accessed 28.04.2023)
256. Jost J., Napier J., Thorisdottir H. et al. Are Needs to Manage Uncertainty and Threat Associated with Political Conservatism or Ideological Extremity? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007 Vol. 33. N. 7. P. 989–1007.
257. Kapto A.S. Cyberwar: genesis and doctrinal outlines // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 83. N 7. P. 616–625. DOI: 10.7868/S0869587313070050
258. Karayani A.G., Karayani Yu.M. Information and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm // *National Psychological Journal*. 2021. N 1. P. 3-14. DOI: 10.11621/npj.2021.0101
259. Kasyuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021. Issue. 1. S.22-34. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
260. Kazakhstan plans to legally regulate the sphere of online advertising and online platforms. 04/05/2023 [Electronic resource] // *Zakon.kz*. URL: <https://www.zakon.kz/6389391-v-kazahstane-planiruyut-zakoN-datelN-uregulirovat-sferu-internetreklamy-i-onlaynplatform.html> (accessed 06.04.2023)
261. Kefeli I.F. *Asfatronics: on the way to the theory of global security*. St. Petersburg, 2020. 228 p.
262. Kefeli I.F. Imperatives of interaction between the EAEU, SCO and BRICS in global geopolitics // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2016. N 2 (20). P. 50-62.
263. Kefeli I.F. The Fourth Industrial Revolution and Global Geopolitics - Global Security Challenges // *Information-Psychological and Cognitive Security* / ed. I.F. Kefeli, R. M. Yusupova. St. Petersburg : Petropolis, 2017, P. 84–104.
264. Kefeli I.F., Komleva N.A. On the issue of the role of information and ideological security in the counter-strategy of a hybrid war in the Eurasian space // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2019. N 1. P. 54-60.

265. Keffer K. Roskomnadzor launched the Oculus search system for prohibited content. February 13, 2023 2018 [Electronic resource] // Kommersant. URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5825124> (accessed 15.02.2023)
266. Key Digital Technologies Joint Undertaking [Electronic resource] // KDT JU. URL: <https://www.kdt-ju.europa.eu/eysel-ju-useful-information> (accessed 12.03.2023).
267. Kheifets B. A. What route will Russia take along one difficult Chinese path (scientific report). MOSCOW: Institute of Economics RAS, 2020. 62 p.
268. Khotulev A.S. Digitalization as a global process: Socio-economic and political problems // Bulletin of Moscow University. Ser. 27. Global studies and geopolitics. 2021. N 3. P. 50–66.
269. Kiklewicz A., Sladkiewicz Zh. Multimodality – multimediality – multicanality etc. Alternative forms of the transmission of information as a problem of linguistic theory and terminology // Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique. 2021. FASC. LXXVII. P. 153-173.
270. Kim Y., Hsu J., Neiman D. et al. The Stealth Media? Groups and Targets behind Divisive Issue Campaigns on Facebook // Political Communication. 2018 Vol. 35. N. 4. P. 515–541.
271. King G., Pan J., Roberts M. How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument // American Political Science Review. 2017 Vol. 11. Issue 3. P. 484-501 DOI:10.1017/S0003055417000144
272. Kireeva O.S. The problem of ensuring information security in the Eurasian space (on the example of the CSTO) // Eurasianism: theoretical potential and practical applications. 2020. N 10. P. 158-162.
273. Komleva N.A. War in the information and ideological space: problems of logistic support // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. N 4. P. 70-83.
274. Kondrat E.N., Petrov P.A., Salnikov M.V. The concept of national security of the Middle Kingdom: traditional and comprehensive // Legal science: history and modernity. 2017. N 12. P. 143-163.
275. Kong W., Marler T. Ukraine's Lessons for the Future of Hybrid Warfare [Electronic resource]// The National Interest. November 25, 2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/ukraine-essentials-lessons-future-hybrid-warfare-205922> (accessed 07.02.2023)
276. Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. Vol. 13. Issue. 1. P. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>

277. Konyshev V.N. US military strategy after the end of the Cold War. St. Petersburg : Nauka, 2009. 176 p.
278. Korolev Yu.A. Information confrontation in regional politics as a threat to security // Bulletin of the Saratov University. Series «Sociology. Political science». 2009. Vol. 9. Issue 3. P. 124-127
279. Kovalchuk M.V. Convergence of sciences and technologies - a breakthrough into the future // Russian Nanotechnologies. 2011. Volume 6. N 1-2. P. 13-23
280. Krasilnikov S. Amendments were introduced to the State Duma on responsibility for discrediting the participants of the NWO // Tass. 03/01/2023 [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/politika/17166039> (accessed 06.03.2023)
281. Kunakova L.N. Information warfare as an object of scientific analysis (the concept and main characteristics of information warfare) // Almanac of modern science and education. 2012. N 6. P. 93-96.
282. Langin K. Fake news spreads faster than true news on Twitter—thanks to people, Nt bots [Electronic resource] // Science. 8 March 2018. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-Nt-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (accessed 06.02.2023)
283. Lasswell G.D. Propaganda Technique in the World War. MOSCOW: INION RAN, 2021. 237 p.
284. Law of the Kyrgyz Republic "On the Park of Creative Industries" dated August 8, 2022 N 88 [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112419> (accessed 14.03.2023)
285. Law of the Kyrgyz Republic dated April 14, 2008 N 58 «On Personal Information» [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269> (accessed 16.04.2023)
286. Law of the Kyrgyz Republic dated August 23, 2021 N 101 «On protection from inaccurate (false) information» [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112282?cl=ru-ru> (accessed 16.04.2023)
287. Law of the People's Republic of China "On Cybersecurity" 0106.2017 [Electronic resource] // Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C>

- %E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3% 95/16843044?fr=aladdin (accessed 10.03.2023)
288. Law of the Republic of Armenia dated August 5, 2020 N 3P-395 «On audiovisual media» [Electronic resource] // Legislation of the CIS countries. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=126700 (accessed 22.03.2023)
289. Law of the Republic of Armenia dated January 14, 2004 N 3P-14 «On mass information» [Electronic resource] // Legislation of the CIS countries. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7113 (accessed 22.03.2023)
290. Law of the Republic of Armenia dated June 13, 2015 N 3P-49 «On the protection of personal data» [Electronic resource] // Legislation of the CIS countries. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (accessed 22.03.2023)
291. Law of the Republic of Belarus of December 30, 1997 N 114-Z "On Mass Events" [Electronic resource] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114> (accessed 28.03.2023)
292. Law of the Republic of Belarus of January 4, 2007 N 203-Z "On countering extremism" [Electronic resource] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203> (accessed 28.03.2023)
293. Law of the Republic of Belarus of May 7, 2021 N 99-3 "On the protection of personal data" [Electronic resource] // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1> (accessed 28.03.2023)
294. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2021 N 96-VII ZRK "On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on issues of trading activities, development of exchange trading and protection of personal data" [Electronic resource] // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000096> (accessed 02.04.2023)
295. Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 N 527-IV "On the National Security of the Republic of Kazakhstan" [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=3;-100.19999694824219&pos2=81;-45.19999694824219 (accessed 02.04.2023)

296. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 23, 1999 N 451-I "On the Mass Media" [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013966&doc_id2=1013966#activate_doc=2&pos=22;-110.19999694824219&pos2=408;-57.19999694824219 (accessed 02.04.2023)
297. Law of the Republic of Kazakhstan dated May 21, 2013 N 94-V "On personal data and their protection" [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (accessed 02.04.2023)
298. Law of the Republic of Tajikistan dated June 28, 2011 N 721 "On Security" [Electronic resource] // National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf (accessed 17.04.2023)
299. Law of the Republic of Tajikistan dated May 10, 2002 N 55 «On Information» [Electronic resource] // Legislation of the CIS countries. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=2178 (accessed 17.04.2023)
300. Law of the Republic of Tajikistan of August 3, 2018 N 1537 "On the protection of personal data" [Electronic resource] // National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1537_RU.doc.pdf (accessed 17.04.2023)
301. Law of the Republic of Tajikistan of January 2, 2020 N 1655 "On countering extremism" [Electronic resource] // National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (accessed 17.04.2023)
302. Law of the Republic of Tajikistan of June 8, 2007 N 272 «On streamlining traditions, celebrations and rituals in the Republic of Tajikistan [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (accessed 17.04.2023)
303. Law of the Republic of Tajikistan on November 16, 1999 N 845 "On the fight against terrorism" [Electronic resource] // MFA of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom> (accessed 17.04.2023)
304. Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence. Brussels, 21.4.2021 COM(2021) 206 final [Electronic resource]// European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid>

- =1623335154975& uri = CELEX %3 A 52021 PC 0206 (accessed 12.03.2023)
305. Leiba B., Borenstein N. A Multifaceted Approach to Spam Reduction // CEAS 2004 - First Conference on Email and Anti-Spam, July 30-31, 2004, Mountain View, California, USA [Electronic resource] // CEAS. URL: <https://www.ceas.cc/papers-2004/127.pdf> (accessed 12.02.2023)
306. Leksyutina Ya.V. US-China Relations in 2018–2019: Trade War and Decoupling // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. Vol. 64. N 6. P. 85-93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93
307. Levitskaya A.A. Directions for the development of media education in the Republic of Belarus (1992–2018) // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. N 1. P. 98-104.
308. Lewandowsky S., Cook J., Lloyd E., The "Alice in Wonderland" Mechanics of the Rejection of (Climate) Science: Simulating Coherence by Conspiracism // *Synthese*. 2018 Vol. 195. P. 175-196.
309. Libicki M. *What is Information Warfare?* Washington: National Defense University, 1995. 104 p.
310. Lieto A., Venero F. Unveiling the Link Between Logical Fallacies and Web Persuasion [Electronic resource]// *Proceedings of the 5th Annual ACM Web Science Conference*. May 2013. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2464464.2508564> (accessed 07.02.2023)
311. Linebarger P. *Psychological Warfare*. Washington, 1954. 335 p.
312. List of participants in the OECD Expert Group on AI (AIGO) [Electronic resource] // *OECD AI*. URL: <https://oecd.ai/en/list-of-participants-oecd-expert-group-on-ai> (accessed 13.03.2023).
313. List statistics [Electronic resource] // *TOP500: The List*. November, 2022. URL: <https://top500.org/statistics/list/> (accessed 18.03.2023)
314. Liu I., Avdokushin E.F. Formation of the foundations of the "digital silk road" // *World of New Economics*. 2019. N 13. P. 62-71. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71
315. Lobanov K.N. Information and psychological confrontation in the field of regional security of the CIS: ideological and doctrinal foundations // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2020. Vol. 15. N 2. P. 35-47 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-2-35-47
316. Lukashenka banned live coverage of uncoordinated actions. 05/24/2021 [Electronic resource] // *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2021/60ab6e429a794771b0710b6f> (accessed 28.03.2023)

317. Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975 Vol. 27. N 2. P.175-200.
318. Makarov O.S., Romanovsky V.A. Legal regulation of ensuring international information security in the CSTO space // Modern problems of legal science and practice in the context of globalization of public relations. Collection of scientific articles / ed. S.E. Cheburanova. Grodno, 2022, P. 317-320.
319. Maklakov A.G. General psychology. St. Petersburg, 2016. 583 p.
320. Malkevich A.A. Information war of the 21st century: fake factories, centers of power and information militia // Russian School of Public Relations. 2022. N 5. P. 156-171
321. Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought. 1992 [Electronic resource] // Internet Archive URL: [https:// archive. org / details /1992 Mann / page / n 7 / mode /2 up](https://archive.org/details/1992Mann/page/n7/mode/2up) (Accessed 15.02.2023)
322. Manoilo A.V. "Fake news" as a threat to national security and an instrument of information management // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2019. N 2, P. 37–45.
323. Manoilo A.V. Information wars and psychological operations. Guide to action. MOSCOW: Hotline - Telecom, 2018. 496 p.
324. Market share of search engines in Belarus. February 2023 [Electronic resource] // Similarweb. URL: <https://www.similarweb.com/ru/engines/belarus/> (accessed 22.03.2023)
325. Martyanov D.S. Political Bot as a Profession // Political Expertise: POLITEKS. 2016. Volume 12. N 1. P. 74-89.
326. Masdar City [Electronic resource] // Masdar city. URL: [https:// masdarcity. ae /](https://masdarcity.ae/) (accessed 28.04.2023)
327. Mastercard, Microsoft Join Forces to Advance Digital Identity InNations. December 3, 2018 [Electronic resource]// Mastercard. URL: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/mastercard-microsoft-join-forces-to-advance-digital-identity-inNations/> (accessed 12.02.2023)
328. Matthews M., Demus A., Treyger E. et al. Understanding and Defending Against Russia's Malign and Subversive Information Efforts in Europe [Electronic resource]// RAND Corporation, 2021. URL: [https:// www. rand. org / pubs / research_ reports / RR 3160.html](https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3160.html) (accessed 09.03.2023)
329. Mattis J. Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005 Vol. 132. Issue: N vember. P. 18-19.
330. Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. Psychological Targeting as an Effective Approach to Digital Mass Persuasion // PNAS. 2017 Vol. 114. P. 12714–12719.

331. McCarthy J., Minsky ML, Rochester N., ShanN n CE A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. AI Magazine. 2006 Vol. 27 N 4. P. 12-14. DOI: 10.1609/aimag.v27i4.1904
332. McCombs M. New Frontiers in Agenda Setting: Agendas of Attributes and Frames // Mass Communication Review. 1997 Vol. 24. P.4-24
333. McCombs M. News influence on Our Pictures of the World / Media Effects: Advances in Theory and Research. Bryant J., Zillmann D. (eds.), New York, 1994. 505 p.
334. McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // Journal of Communication. 1993 Vol. 43. Issue 2. P. 58-67
335. McGuire WJ Resistance to persuasion conferred by active and prior passive refutation of the same and alternative counterarguments. The Journal of AbNormal and Social Psychology. 1961 Vol. 63. P. 326-332. DOI:10.1037/h0048344
336. Media and Information Literacy [Electronic resource] // UNESCO Institute for Information Technologies in Education URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (Accessed 15.02.2023)
337. Media announcement on the results of the meeting of the SCO Group of Experts on International Information Security. Tashkent, July 13, 2022 [Electronic resource] // Shanghai Cooperation Organization. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20220719/855125.html> (accessed 10.03.2023)
338. Media literacy in Belarus: who, where and how teaches. 02/12/2016 [Electronic resource] URL <http://mediakritika.by/article/3641/mediagramotno-st-v-belarusi-kto-gde-i-kak-uchit> (accessed 28.03.2023)
339. Media Literacy Week in Armenia. 25.10.2022 [Electronic resource] // Ministry of Education, Science, Culture and Sports of the Republic of Armenia. URL: <https://escs.am/am/news/14235> (accessed 22.03.2023)
340. Media Trust in Russia. 02/13/2023 [Electronic resource] // VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (accessed 28.04.2023)
341. Meeting of the Presidium of the Scientific and Technical Council under the Chairman of the EEC Board. 04/07/2022 [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-prezidium-nauchno-technicheskogo-soveta-pri-predsdatele-kollegii-eeek/?sphrase_id=98717 (accessed 14.03.2023).

342. Merton R. Social structure and anomie //Sociology of crime (Modern bourgeois theories). Moscow, 1966. P. 299-313
343. Message of the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan, Astana, December 14, 2012 [Electronic resource] // Information and legal system of legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (accessed 02.04.2023)
344. Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New York, 2006. 400 p.
345. Model law of the CSTO "On information counteraction to terrorism and extremism". 10/30/2018 [Electronic resource] // CSTO Parliamentary Assembly. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (accessed 22.03.2023)
346. Montague R. Why choose this book? How do we make decisions. New York, 2006. 335 p.
347. Montocchio Ph. Foreword – By the Deputy Director of the NATO Collaboration Support Office (CSO) // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler, F. Du Cluzel (eds.). NATO-CSO-STO, 2022. P. 12-13 [Electronic resource]// Innovation Hub. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (accessed 09.03.2023)
348. Moon D.V., Popeta V.V. "From fake to deepfake": threats and risks of development and spread of reality distortion technologies in the global information space [Electronic resource] // Culture: theory and practice. 2020. N 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42560121> (accessed 06.02.2023)
349. Mosseri A. Working to Stop Misinformation and False News. May 23, 2018 [Electronic resource] // Wired. URL: <https://www.wired.com/story/how-facebook-wants-to-improve-the-quality-of-your-news-feed/> (accessed 14.02.2023)
350. Multistakeholder Experts Group Report. November 2022. GPAI Tokyo Summit [Electronic resource]// Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: <https://gpai.ai/projects/gpai-multistakeholder-expert-group-report-november-2022.pdf> (accessed 17.02.2023)
351. Muming Poo et al. China Brain Project: Basic Neuroscience, Brain Diseases, and Brain-Inspired Computing // Neuron 92. 2016. November 2. P. 591-596

352. Musk called artificial intelligence the most dangerous for humanity. 07/28/2020 [Electronic resource] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samy-opasnyy-dlya-chelovechestva-iskusstvennyy-intellekt> (accessed 22.03.2023)
353. Myasnikov M.V., Kovalev V.S. Practical results and new horizons of Eurasian integration // International life. 2021. N 11. P. 1-15.
354. Notice for Fairness in Artificial Intelligence in Collaboration with Amazon. 02/08/2021 [Electronic resource]// The US National Science Foundation. URL: <https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence/announcements/94734> (accessed 12.03.2023)
355. Nakashima E., Whalen J., Cadell CUS imposes tough rules to limit China's access to high-tech chips [Electronic resource] // The Washington Post. 07.10.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/10/07/china-high-tech-chips-restrictions/> (accessed 18.03.2023)
356. National AI R&D Strategic Plan: 2019 Update [Electronic resource] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (accessed 11.03.2023)
357. National Artificial Intelligence Initiative [Electronic resource] // The National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (accessed 11.03.2023)
358. National Artificial Intelligence Initiative Act. 01/01/2021 [Electronic resource] // From Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/116/crpt/hrpt617/CRPT-116hrpt617.pdf#page=1210> (accessed 11.03.2023)
359. National Artificial Intelligence Initiative: Overseeing and Implementing the United States National AI Strategy [Electronic resource] // // The National Artificial Intelligence Initiative. URL: <https://www.ai.gov/> (accessed 13.03.2023)
360. National Council of Ukraine on Television and Radio Broadcasting [Electronic resource] // National Council of Ukraine on Television and Radio Broadcasting. URL: <https://www.nrada.gov.ua/> (accessed 12.02.2023)
361. National Cyber Strategy of the United States of America. September, 2018 [Electronic resource]// The White House. URL: https://trumpwhitehouse.com/_/_/_archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf (accessed 06.02.2023)
362. National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040. November 2018 [Electronic resource] // Ministry of Economy and

- Commerce of the Kyrgyz Republic. URL: <http://mineconomy.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (accessed 14.03.2023)
363. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 [Electronic resource] // Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan. URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (accessed 17.04.2023)
364. National Security Law of the People's Republic of China. 07/01/2015 [Electronic resource] // Ministry of Justice of the PRC. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/fgkd/xfq/fl/201507/20150700399835> (accessed 10.03.2023)
365. National Security Strategy of the Republic of Armenia. July 2020 [Electronic resource] // Government of the Republic of Armenia. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (accessed 22.03.2023)
366. National Security Strategy. The White House. Washington. October 12, 2022 [Electronic resource]// The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 06.03.2023)
367. National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035. Minutes of the meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 4, 2020 N 3 [Electronic resource] // Ministry of Economy of the Republic of Belarus. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf> (accessed 28.03.2023)
368. National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. Minutes of the meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated May 2, 2017 N 10 [Electronic resource] // Ministry of Economy of the Republic of Belarus. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (accessed 11.03.2023)
369. NATO Strategic Vision 2022. June 29, 2022 [Electronic resource] // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-en.pdf (accessed 09.03.2023)

370. NATO Summit - Brussels. 06/14/2021 [Electronic resource]// NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm (accessed 09.03.2023)
371. Nelson J., Taneja H. The Small, Disloyal Fake News Audience: The Role of Audience Availability in Fake News Consumption // *New Media & Society*. 2018 Vol. 20. N. 1. P. 3720–3737.
372. NSF Artificial Intelligence Research Institutes. 07/30/2021 [Electronic resource]// The US National Science Foundation. URL: [https:// nsf. gov / cise / ai. jsp](https://nsf.gov/cise/ai.jsp) (accessed 11.03.2023)
373. NSF's Program on Fairness in Artificial Intelligence [Electronic resource] // The US National Science Foundation. URL: [https:// beta. nsf. gov / funding / opportunities / nsf - program - fairness - artificial - intelligence - collaboration - amazon](https://beta.nsf.gov/funding/opportunities/nsf-program-fairness-artificial-intelligence-collaboration-amazon) (accessed 14.04.2023)
374. Nurmakov A. Tajikistan: Between the threat of extremism on the Internet and extreme measures to control the online space. 09/23/2016 [Electronic resource] // Digital.Report. URL: <https://digital.report/tadzhikistan-mezhdu-ugrozoy-ekstremizma-v-internete-i-ekstremalnymi-merami-kontrolya-onlayn-prostranstva/> (accessed 17.04.2023)
375. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004. 208 p.
376. Nye JS *The Future of Power*. PublicAffairs, NY, 2011. 300 p.
377. Nye JS *The Future of Power*. PublicAffairs. NY, 2011. 300 p.
378. Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // *Political Behavior*. 2010 Vol. 32. P. 303-330. DOI:10.1007/s11109-010-9112-2
379. OECD Principles on Artificial Intelligence. May 2019 [Electronic resource] // OECD AI. URL: [https:// oecd. ai / en / ai - principles](https://oecd.ai/en/ai-principles) (accessed 12.03.2023).
380. Ofcom [Electronic resource] // The Ofcom. URL: [https:// www. ofcom. org. uk /](https://www.ofcom.org.uk/) (accessed 12.02.2023)
381. Order of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications dated August 05, 2022 N 128 «On Approval of the List of Foreign States Providing Adequate Protection of the Rights of Personal Data Subjects» [Electronic resource] // Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209200008?index=0&rangeSize=1> (accessed 17.04.2023)
382. Order of the Minister of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan dated October 21, 2020 N 395/HK

- «On Approval of the Rules for the Collection and Processing of Personal Data» [Electronic resource] // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (accessed 02.04.2023)
383. Organization of the Collective Security Treaty. 04/28/2023 [Electronic resource] // CSTO. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php> (accessed 28.04.2023)
384. Ososkov G.V. Information and psychological confrontation as the most important function of military-political bodies in organizing military-political propaganda and agitation // Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces. 2020. N 3. P. 7-17.
385. Overview of selected issues in the field of big data and artificial intelligence. MOSCOW: FKU "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2019. 148 p.
386. Owens W., Offley E. Lifting the Fog of War. Johns Hopkins University Press, 2001. 296 p.
387. Pak S. The China-US Trade War: What Will Happen to the Chinese Economy? // Bulletin of international organizations. 2020. Vol. 15. N 2. P. 213-235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10
388. Panarin I.N. Gladiators of hybrid war // Economic strategies. 2016. N 2. P. 60-65.
389. Panarin I.N. Information war and the third Rome. Moscow, 2001. 244 p.
390. Panksepp J. Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions. New York, 1998. 466 p.
391. Pantserev K.A. Media education in the era of artificial intelligence: some practical aspects / Media education: digital environment in conditions of forced metamorphosis. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. Ed. A.A. Morozova. Chelyabinsk, 2022, P. 585-588.
392. Pantserev K.A. Mental wars with the use of artificial intelligence technologies: challenges and threats for Russia // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2021. N 3. P. 15-21.
393. Pantserev K.A. Sub-Saharan Africa on the Path to Artificial Intelligence: Myth or Reality? // Asia and Africa today. 2020. N 10. P. 29-33. DOI: 10.31857/S032150750011108-0
394. Parliamentary hearings on the topic "On the priorities of the Russian chairmanship in the Eurasian Economic Union in 2023". 04/19/2023 [Electronic resource] // Committee of the State Duma for the Commonwealth of Independent States, Eurasian integration and relations

- with compatriots. URL: <http://komitet.info/press/photogallery/257/> (accessed 28.04.2023)
395. Parvizi J., Damasio A. Consciousness and the Brainstem // Cognition. 2000 Vol. 79 (2001). P. 135-159.
396. Pashinyan spoke about the lack of censorship in Armenia. 04/24/2019 [Electronic resource] // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc05b7d9a79474b89b9b70e> (accessed 22.03.2023)
397. Paul C., Schwille M., Vasseur M., Bartels E., Bauer R. The Role of Information in US Concepts for Strategic Competition [Electronic resource] RAND Corporation, 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1256-1.html (accessed 06.02.2023) DOI : <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>
398. Peters G.-J., Ruiter R., Kok G. Threatening Communication: A Critical Re-Analysis and Revised Meta-Analytic Test of Fear Appeal Theory // Health Psychology Review. 2013. Vol. 7. N. 1. P. 8-31
399. Petrishchev E.V. Development of international political communications in the post-Soviet space: trends and features // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2021. N 2. P. 116-128. DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_116
400. Petrishchev E.V. Information-psychological confrontation in the context of regional security of the post-Soviet space: content and main stages // Bulletin of the South-Western State University. Series: History and law. 2020. Vol. 10. N 1. P. 99-107.
401. Petty R., BriN 1 P. Psychological Processes Underlying Persuasion: A Social Psychological Approach // Diogenes. 2008 Vol. 55. N. 1. P. 52-67.
402. Pioneering the Future Advanced Computing Ecosystem: A Strategic Plan. November, 2020 [Electronic resource]// Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/Future-Advanced-Computing-Ecosystem-Strategic-Plan-Nv-2020.pdf> (accessed 18.03.2023)
403. Pocheptsov G.G. information wars. Moscow, 2000. 147 p.
404. Podolskaya D. Law on Foreign Agents. Nut tightening continues. 02/16/2022 [Electronic resource] // 24.kg. URL: https://24.kg/vlast/224090_zakon_obiN_o_strannyih_agentah_zakruchivanie_gaek_prodoljaetsya/ (accessed 16.04.2023)
405. Poghue F.S. High Command. MOSCOW: Voenizdat, 1959. 601 p.

406. Pogosyan M.V. The role of information security in the economic security of the country (on the example of the Republic of Armenia) // Science Innovations - 2022. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (October 31, 2022). Petrozavodsk: MTsNP "New Science", 2022. P. 37-41.
407. Posard M., Johnson C., Melin J. et al. Deception Detection [Electronic resource]// Rand Corporation, 2022. URL: [https:// www. rand. org / pubs / research_briefs / RBA 873-1. _ html](https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA_873-1.html) (accessed 17.02.2023) DOI: 10.7249/RBA 873-1
408. Potemkina O.Yu. New strategy of the EU Security Council. Analytical note N 32, 2020. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 8 p. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics322020>
409. Presidential Memorandum for the Secretary of Education. September 25, 2017 [Electronic resource]// The White House. URL: [https://trumpwhitehouse.com _ _ _ archives. gov / presidential - actions / presidential - memorandum - secretary - education /](https://trumpwhitehouse.com/_/_/_archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/) (accessed 12.03.2023)
410. Program of the Government of the Republic of Armenia (2021-2026). Appendix to the Decree of the Government of the Republic of Armenia N 1363-A of August 18, 2021 [Electronic resource] // Government of the Republic of Armenia. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4736.pdf> (accessed 22.03.2023)
411. Prokhvatilov V. In Kazakhstan, the law on the media will be redone to please the West. 12/27/2022 [Electronic resource] // Strategic Culture Fund. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/27/v-kazahstane-peredelajut-zakon-o-smi-v-ugodu-zapadu-58078.html> (accessed 04.02.2023)
412. Protocol "On Cooperation between the Member States of the Collective Security Treaty Organization in Combating Criminal Activities in the Information Sphere". 12/23/2014 [Electronic resource] // Consortium Codex. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561354812> (accessed 28.04.2023)
413. Psychological Warfare and How To Wage It // Current History and Forum. January 1940. P. 52–53.
414. Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. 06/10/2018 [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (accessed 10.03.2023)
415. Qiu J. Research and development of artificial intelligence in China // National Science Review. 2016. Vol. 3. N. 4. P. 538-541. DOI: 10.1093/nsr/nww076

416. Rahayu R. A Critical Analysis On Margaret E. Roberts (2018), Censored: Distraction And Diversion Inside China's Great Firewall // Journal of Politica. 2020 Vol. 1. N. 2. P. 92-102. DOI:10.33019/jpi.v1i2.8
417. Rapp D. The Consequences of Reading Inaccurate Information // Current Directions in Psychological Science. 2016. Vol. 25. N. 4. P. 281-285. DOI:10.1177/0963721416649347
418. Rastorguev S.P. Information war. Moscow, 1998. 222 p.
419. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Legal 0449. Adopted on: 05/22/2019 [Electronic resource]// OECD Legal Instruments. URL: [https:// legalinstruments. oecd. org / en / instruments / OECD - LEGAL -0449](https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449) (accessed 13.03.2023).
420. Re-finding Industry: Defining Innovation [Electronic resource]// Publications Office of the European Union. April 24, 2018. URL: [https:// op. europa. eu / en / publication - detail /-/ publication /28 e 1 c 485-476 a -11 e 8- be 1 d -01 aa 75 ed 71 a 1](https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/28e1c485-476a-11e8-be1d-01aa75ed71a1) (accessed 16.02.2023)
421. Reim W. et al. Implementation of Artificial Intelligence (AI): A Roadmap for Business Model Innovation. AI. 2020.Vol.1. P. 180–191. DOI:10.3390/ai1020011
422. Report of the Group of Governmental Experts on Promoting Responsible Behavior of States in Cyberspace in the Context of International Security. UN General Assembly. 06/14/2021 [Electronic resource] // Russian Foreign Ministry. URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasN o st/1423809/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1423809/) (accessed 10.03.2023)
423. Requarth T. This is Your Brain. This is Your Brain as a Weapon. 09/14/2015 [Electronic resource] // Foreign Policy URL: [https:// foreignpolicy. com /2015/09/14/ this - is - your - brain - this - is - your - brain - as - a - weapon - darpa - dual - use - neuroscience /](https://foreignpolicy.com/2015/09/14/this-is-your-brain-this-is-your-brain-as-a-weapon-darpa-dual-use-neuroscience/) (Accessed 22.03.2023)
424. Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A., Lukina Yu.D. Trends in the development of artificial intelligence technologies in the PRC // Issues of innovative economics. 2021. Vol. 11. N 1. P. 333-350 DOI: 10.18334/vinec.11.1.111912
425. Resolution of the Security Council of the Republic of Belarus dated March 18, 2019 N 1 «On the Concept of Information Security of the Republic of Belarus» // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. [Electronic resource] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (accessed 28.03.2023)

426. Responsible AI Working Group Report. November 2022 [Electronic resource]// The Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: <https://gpai.ai/projects/responsible-ai/gpai-responsible-ai-wg-report-2022.pdf> (accessed 22.03.2023)
427. Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and artificial intelligence". 10.10.2019 [Electronic resource] // Russian Ministry of Digital Development. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (accessed 14.03.2023)
428. Rogers R. Cognitive and Physiological Processes in Fear Appeals and Attitude Change: A Revised Theory of Protective Motivation / Social Psychophysiology: A Sourcebook. JT Cacioppo and RE Petty eds. New York: Guilford Press, 1983. P. 153-176.
429. Romashkina N.P., Zadremailova V.G. The evolution of China's policy in the field of information security // Pathways to peace and security. 2020. N 1. P. 122-138.
430. Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.
431. Roskomnadzor [Electronic resource] URL: <https://rkn.gov.ru/> (accessed 12.02.2023)
432. Roskomnadzor summed up the results of work on restricting access to prohibited information for the third quarter of 2022. 11/24/2022 [Electronic resource] // Roskomnadzor. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (accessed 28.04.2023)
433. Rosstat. Socio-economic situation in Russia. January-July 2022 [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (accessed 15.02.2023)
434. Rühle M., Roberts C. Expanding NATO's tools to counter hybrid threats // NATO Review. March 19, 2021 [Electronic resource] // NATO. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/03/19/rasshirenie-instrumentariya-nato-dlya-protivodejstviya-gibridnym-ugrozam/index.html> (accessed 07.02.2023)
435. Rules for the provision of mobile radiotelephone communications services. Approved by the Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of February 17, 2014 N 97 [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96097> (accessed 16.04.2023)

436. Russia Sanctions Dashboard. 02/24/2023 [Electronic resource] // Castellum. AI. URL: [https:// www. castellum. ai / russia - sanctions - dashboard](https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard) (accessed 14.03.2023).
437. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. 12/20/2019 [Electronic resource] // Congress. Gov. _ URL: [https:// www. congress. gov / bill /116 th - congress / senate - bill /1790/ text](https://www.congress.gov/bills/116/congress/senate/bills/1790/text) (accessed 22.03.2023)
438. Salimov D.M. Mass media in the political process of modern Tajikistan: functional features: dis... to-ta. floor. science : 5.5.2. St. Petersburg, 2022. 414 p.
439. Salimov D.M. Political censorship and online media in modern Tajikistan // Questions of political science. 2021. Vol. 11. Issue 11. P. 3194-3203 DOI 10.35775/PSI.2021.75.11.025
440. Schmitt K. The theory of the partisan. Interim remark on the notion of the political. Moscow: Praxis, 2007. 301 p.
441. Schmuck D., Matthes J. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // Political Psychology. 2017 Vol. 34. Issue 4. P. 607-626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
442. Schmuck D., Matthes J. Voting "Against Islamization"? How Anti-Islamic Right-Wing, Populist Political Campaign Ads Influence Explicit and Implicit Attitudes Toward Muslims as Well as Voting Preferences // Political Psychology. 2018 Vol. 40. Issue 4. P. 739-757. DOI: 10.1111/pops.12557
443. Schwab K. Globalization 4.0. New architecture for the fourth industrial revolution // Eurasian integration: economics, law, politics. 2019. N 1. P. 79-84.
444. Schwab K. The fourth industrial revolution. MOSCOW: Eksmo, 2016. 138 p.
445. Science and Technology Organization. 10/27/2022 [Electronic resource] // NATO. URL: [https:// www. nato. int / cps / en / natohq / topics_88745. htm](https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_88745.htm) (accessed 09.03.2023)
446. Scimago Journal & Country Rank [Electronic resource]// Scimago Journal & Country Rank. URL: [https:// www. scimagojr. com / countryrank. php ? category =1702](https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702) (accessed 11.03.2023)
447. Seger E., Avin S., Pearson G. et al. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world. The Alan Turing Institute, October 14, 2020. 84 p. <https://doi.org/10.17863/CAM.64183>

448. Selyanin Ya.V. US Intelligence Community and Artificial Intelligence // USA and Canada: Economics, Politics, Culture. 2021. N 6. P. 52-70. DOI: 10.31857/S268667300015219-0
449. Sherif C., Sherif M., Nebergall R. Attitude and Attitude Change. The Social Judgment-involvement Approach. WB Saunders Company, 1965. 264 p.
450. Sherif M. Experiments in Group Conflict // Scientific American. 1956 Vol. 1956. P. 54-58.
451. Shults V.L., Kulba V.V., Shelkov A.B., Chernov I.V. Information management in the context of globalization and geopolitical confrontation // National Security. 2015. N 2 (37). P. 202-243. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.2.14622
452. Sizmin M.A. Information (information-psychological) security in the structure of national security (on the example of the USA and Russia) // Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2014. N 3. P. 28-32.
453. So J., Kim S., Cohen H. Message Fatigue: Conceptual Definition, Operationalization, and Correlates // Communication MoN graphs. 2017 Vol. 84. N. 1. P. 5-29.
454. Solomatin E.V. Socio-psychological foundations of information-psychological confrontation in a hybrid war // Humanitarian problems of military affairs. 2021. N 1. P. 137-141.
455. Speech by Mikhail Kovalchuk in the Federation Council on September 30, 2015 [Electronic resource] // Trinity variant. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhailakovalchuka-v-sf/> (accessed 12.03.2023)
456. State Council Notice for the Release of the Next Generation Artificial Intelligence Development Plan. 2017 [Electronic resource] // Portal of state bodies of the PRC. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 18.03.2023)
457. Statement by the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization on the occasion of the 30th anniversary of the Collective Security Treaty and the 20th anniversary of the Collective Security Treaty Organization. 05/16/2022 [Electronic resource] // CSTO. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivNoy-bezopasNosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivNoy-bezopasNosti-v-svyaz/#loaded> (accessed 28.04.2023)
458. Statement of the heads of the SCO member states on international information security. 06/15/2006 [Electronic resource] // Shanghai

- Cooperation Organization. URL:
<http://rus.sectsco.org/documents/20060615/44820.html> (accessed
 10.03.2023)
459. Sternin I.A., Tagaev M.J., Kambaralieva U.D. The main directions and prospects for the development of cognitive research in the Kyrgyz Republic // Vestnik KRSU. 2015. Volume 15. N 2. P. 200-204
460. Strukova P.E. Artificial intelligence in China: the current state of the industry and development trends // Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 588–606. DOI: 10.21638/spbu13.2020.409
461. Sturchetsky S. Media Literacy. A practical study guide for higher education institutions on media and information literacy. IREX Europe, 2018. 156 p. [Electronic resource] // Media dog. URL: <https://mediasabak.org/media/3f1921fa-9f7b-46a6-b110-c08809510337.pdf> (accessed 17.04.2023)
462. Su S. New Test with Related Articles. April 15, 2017 [Electronic resource] // Interner Archive. URL: https://archive.org/details/perma_cc_S2A4-PVCR (accessed 14.02.2023)
463. Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 10/22/2021 [Electronic resource] // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (accessed 22.03.2023)
464. Summers HG New World Strategy: A Military Policy for America's Future. Simon & Schuster, 1995. 270 p.
465. Sun Tzu. Art of War. Fundamentals of Chinese military strategy. St. Petersburg, 2016. 96 p.
466. Sung-Jin Jeong et al. Korea Brain Initiative: Integration and Control of Brain Functions. // Neuron 92. 2016. Nvember 2. 607-611 p.
467. Supplement to the President's FY2022 Budget [Electronic resource] // Networking and Information Technology Research and Development. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/FY2022-NITRD-NAIIO-Supplement.pdf> (accessed 12.03.2023)
468. Swedish Civil Contingency Agency. Countering Information Influence Activities: A Handbook for Communicators. Karlstad, Sweden. July 2018 [Electronic resource]// MSB RIB. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28698.pdf> (accessed 07.02.2023)
469. Szafranski R. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020 [Electronic resource] // Airpower Journal. Spring 1995. URL: <https://arielsheen.com/wp-content/uploads/2019/11/A-Theory-of-Information-Warfare.pdf> (accessed 11.01.2023).

470. Tashkent Declaration of the 15th Anniversary of the Shanghai Cooperation Organization. 06/24/2016 [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5094> (accessed 10.03.2023)
471. The A.I.M. Initiative. A strategy for augmenting intelligence using machines. 01/16/2019 [Electronic resource]// Office of the Director of National Intelligence. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/AIM-Strategy.pdf> (accessed 22.03.2023)
472. The AI Ecosystem in China 2020 [Electronic resource]// Daxueconsulting. March, 2020 URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> (accessed 10.03.2023)
473. The AI Ecosystem in China 2020 [Electronic resource]// Daxueconsulting. URL: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf> (accessed 18.03.2023)
474. The AI Index Report: Measuring trends in Artificial Intelligence. 2021 [Electronic resource] URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (accessed 21.02.2023)
475. The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI). B-1049 Brussels. 17 July 2020 [Electronic resource]// European commission. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/68342> (accessed 12.03.2023).
476. The Belarusian authorities refused to adopt a law on foreign agents. 09/24/2021 [Electronic resource] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/smi_agents/ (accessed 28.03.2023)
477. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) [Electronic resource] // MFA RF. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 16.04.2023)
478. The concept of information security of the executive bodies of state power of St. Petersburg. Administration of the Governor of St. Petersburg N 07-139-1984 / 23-0-0 of 02/07/2023
479. The concept of participation of the Russian Federation in the BRICS association. 02/09/2013 [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (accessed 10.03.2023)
480. The CSTO has created a working group on information policy and security. 12/27/2006 [Electronic resource] // News of the military-industrial

- complex. URL:
https://vpk.name/news/2126_v_odkb_sozdana_rabochaya_gruppa_po_vopro_sam_informacion_no_i_politiki_i_bezopasN_o_sti.html (accessed 27.04.2023)
481. The CSTO PA proposed to develop a concept for ensuring information and psychological security. 03/28/2023 [Electronic resource] // Roskomnadzor. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (accessed 28.04.2023)
482. The Data Protection Act 2018. 23.05.2018 [Electronic resource]// Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (accessed 12.02.2023)
483. The draft National Security Concept will be submitted for public discussion. What is the point of change. 02/20/2023 [Electronic resource] // BELTA. URL: <https://www.belta.by/society/view/project-kontseptsii-natsbezopasN-sti-budet-vynesen-na-obschestvenNoe-obsuzhdenie-v-chem-sut-izmenenij-551270-2023/> (accessed 28.03.2023)
484. The EU is actively helping Russian media-foreign agents, admitted Borrell. 02/07/2023 [Electronic resource] // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20230207/es-1850317196.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (accessed 15.02.2023)
485. The European AI Alliance [Electronic resource]// European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-ai-alliance> (accessed 12.03.2023).
486. The European High Performance Computing Joint Undertaking // European Commission. 03/16/2023 [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/high-performance-computing-joint-undertaking> (accessed 18.03.2023)
487. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade Brussels, 12/16/2020 JOIN(2020) 18 final [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed 12.03.2023).
488. The final draft of the National Security Concept will be approved by the National Security Council. 02/20/2023 [Electronic resource] // BELTA. URL: https://www.belta.by/president/view/okonchatelnyj-proekt-kontseptsii-natsbezopasN_o_sti-budet-utverzhdad-vns-551223-2023/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent (accessed 28.03.2023)

489. The Final Report [Electronic resource]// The National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. URL: [https:// reports. nscai. gov / final - report / table - of - contents /](https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents/) (accessed 18.03.2023)
490. The first textbook on media and digital literacy in the Tajik language has been published. 06/10/2021 [Electronic resource] // Internews in Tajikistan. URL: <https://media.tj/vyshel-pervyj-uchebnik-po-medijnoj-i-cifrovoj-gramotN-sti-na-tadzhiskom-yazyke/> (accessed 17.04.2023)
491. The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 114 p.
492. The International Media School has started in Dilijan. 03/14/2023 [Electronic resource] // Sputnik Armenia. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230314/v-dilizhane-startovala-mezhdunarodnaya-mediashkola-56702400.html> (accessed 22.03.2023)
493. The Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan will strengthen digital education together with Mail.kz. 06/16/2021 [Electronic resource] // Gov.kz. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/mon-rk-budet-usilivat-cifrovoe-obrazovanie-sovmestN-s-mailkz?lang=ru> (accessed 06.04.2023)
494. The national campaign on media literacy "Teksherdim" starts in Kyrgyzstan. 31.03.2023 [Electronic resource] // Representative office of Internews in the Kyrgyz Republic. URL: [https:// internews. kg / project - revive / natsionalnaya - kampaniya - po - mediagramotN sti - teksherdim - ya - proveril - startuet - v - kyrgyzstane /](https://internews.kg/project-revive/natsionalnaya-kampaniya-po-mediagramotN-sti-teksherdim-ya-proveril-startuet-v-kyrgyzstane/) (accessed 16.04.2023)
495. The Russian Academy of Sciences and the Ministry of Education and Science initiated a program of fundamental brain research. 09/29/2020 [Electronic resource] // TASS. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/9578705> (accessed 14.03.2023)
496. Tigran Avinyan: Artificial Intelligence Strategy for Armenia. 06/02/2021 [Electronic resource] // Government of the Republic of Armenia. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9890/> (accessed 11.03.2023)
497. Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing, 1995. 370 p.
498. Tokayev appreciated the possibilities of artificial intelligence. 04.12.2020 [Electronic resource] // Z akon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/5050000-tokaev-otsenil-vozmozhN-sti.html> (accessed 10.03.2023)
499. Toksonalieva R.M. Regulatory framework for ensuring information and psychological security of the Kyrgyz Republic // Vestnik KRSU. 2016. Vol. 16. N 6. P. 88-91.

500. Torin A. Information security of the CSTO member countries: current problems and ways to solve them. 20.10.2022 [Electronic resource] // International life. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37487> (accessed 28.04.2023)
501. Towards a "European Lighthouse for AI" [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/european-ai-alliance/blog/towards-european-lighthouse-ai-0> (accessed 12.03.2023).
502. Trust in Digital Publishing 2021 [Electronic resource] URL: <https://thetrustedweb.org/trust-in-digital-publishing-2021/> (accessed 28.04.2023)
503. Tsvetkova N.A. The discourse of "color revolutions" // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. N 2. P. 940-950.
504. Tsvetkova N.A. US Public Diplomacy: From Soft Power to Dialogue Propaganda // International Processes. 2015. Vol. 13. N 3. P. 121-133.
505. Tsybakov D.L. Development of international political communications in order to strengthen the collective security of the CSTO // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol. 16. N 2. P. 155-163. DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-2-155-163.
506. Tsybakov D.L., Zaslonskaya O.V. CSTO Policy on the Protection of the Information and Psychological Sphere of Collective Security // Proceedings of the South-Western State University. Series: History and law. 2020. Vol. 10. N 4. P. 136-144.
507. UAE citizens face up to 15 years in prison and a \$136,000 fine for sympathizing with Qatar -kataru-grazhdanam-oae-grozit-do-15-let-tyurmy-i-shtraf-136-tys (accessed 10.03.2023)
508. Ukhtomsky A.A. Dominance teaching. Moscow, 2020. 310 p.
509. Ulicanic I. Ever-changing Big Science and Research Infrastructures: Evolving European Union policy // Big Science and Research Infrastructures in Europe / KC Cramer & O. Hallonsten (Eds.). 2020. 76-100 p.
510. USAGM [Electronic resource]// US Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/> (accessed 12.02.2023)
511. US-EU Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement. September 29, 2021 [Electronic resource]// The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/29/us-eu-trade-and-technology-council-inaugural-joint-statement/> (accessed 18.03.2023)
512. Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu., Samorodova E.V. Media literacy as a condition for overcoming the digital divide in the Russian Federation

- [Electronic resource] // Mediascope. 2021. Issue 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2679> (accessed 16.04.2023) DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.1
513. Vasilenko I.A. Image strategy of Russia in the context of world experience. Moscow, 2013. 359 p.
514. Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. American-Chinese economic confrontation: ideology, chronology, meaning // Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2019. Vol. 19. N 1. P. 35-46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46
515. Vladimir Putin: Russia and China can become leaders in AI by combining their potential. 03/21/2023 [Electronic resource] // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20230321/tekhNlogii-1859551148.html> (accessed 22.03.2023)
516. Voinilov Yu.V., Maltseva D.V., Shubina L.V. Media Literacy in Russia: Cartography of Problem Areas // Communications. Media. Design. 2016. N 1. P. 57-69.
517. Volokhova N.V., Kolpakov A.I. On the fateful significance of NBICS technologies in the development of the future of mankind // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2016. N 2. P. 21-26.
518. Vozzhenikov A.V. Modern priorities of the CSTO information space protection policy // Vestnik OrelGIET. 2020. N 4(54). P. 139-141. DOI 10.36683/2076-5347-2020-4-54-139-141
519. Vykhodets R.S. "Information dominants" as a tool of information-psychological wars // Social sciences and modernity. 2022. N 4. P. 93–104. DOI: 10.31857/S0869049922040074
520. Vykhodets R.S. China's strategy in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 2. P. 140-147. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-140-147
521. Vykhodets R.S. Evolution of paradigms of geopolitical science in the XX - XXI centuries. // Geopolitics and security. 2015. N 4 (32). P. 52-58.
522. Vykhodets R.S. Formation of the system of information and psychological security of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) // Eurasian integration: economics, law and politics. 2023. N 2. P. 132-143. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02
523. Vykhodets R.S. Globalism and regionalization as the choice of an epoch. Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2007. Volume 13. N 36. P. 13-18.
524. Vykhodets R.S. International cooperation in the field of brain research as a factor in the development of artificial intelligence technologies in Russia //

- Moscow University Bulletin. Series 27: Global studies and geopolitics. 2022. N 1. P. 84-96.
525. Vykhodets R.S. Large AI-Spaces and Russia's Strategy in the Conditions of the Sanctions War // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations. 2022. Vol. 22. N 2. P. 256-270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270
526. Vykhodets R.S. Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 3 (41). P. 106-117. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-106-117
527. Vykhodets R.S. Strategy of the USA and Canada in the field of artificial intelligence // USA & Canada: economics, politics, culture. 2022. N 7. P. 110-122. DOI: 10.31857/S2686673022070094
528. Vykhodets R.S. The role of artificial intelligence technologies in ensuring information and psychological security // Issues of national and federal relations. 2023. N 5. P. 1993-2004. DOI 10.35775/PSI.2023.98.5.018
529. Vykhodets R.S. The space of EU policy in the field of artificial intelligence // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. N 3 (37). P. 108-117. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-108-117
530. Vykhodets R.S. The specifics of the implementation of the concept of sustainable development at the industry level // Geopolitics and Security. 2012. N 4 (20). P. 9-15.
531. Vykhodets R.S., Kefeli I.F. Eurasian security from the perspective of the concept of information-psychological and cognitive confrontation // Eurasian integration: economics, law and politics. 2023. N 2. P. 11-24. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02-11-23
532. Vykhodets R.S., Kosheverskaya M.M. Empirical substantiation of "Information dominants" as a tool of information-psychological confrontation // Questions of Political Science. 2023. N 5. P. 2070-2080. DOI 10.35775/PSI.2023.93.5.012
533. Vykhodets R.S., Pantserev K.A. Comparative analysis of modern concepts of information confrontation // Eurasian integration: economics, law and politics. 2022. Vol. 16. N 4 (42). P. 139-148. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
534. Vykhodets R.S., Ruschin D.A. The role of Big Brain Science in technological leadership in the field of artificial intelligence // Society. Wednesday. Development. 2021. N 3. P. 11-16. DOI: 10.53115/19975996_2021_03

535. Vykhodets R.S., Shlyapnikov V.V. Global Trends 2030: Alternative Worlds (review of the report of the US National Intelligence Council) // Geopolitics and Security. 2013. N 2 (22). P. 25-33.
536. Vykhodets R.S., Shlyapnikov. V.V. Brief historical review of research in the field of digital ethics // Society. Wednesday. Development. 2021. N 4 (61). P. 43-47. DOI: 10.53115/19975996_2021_04_043-047
537. Vykhodets RS, Shlyapnikov VV The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies // Archivos Venezolans De Farmacología Y Terapéutica. 2022 Vol. 41. N. 2. P. 79–84. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6571103>
538. Wang L. Mu-ming Poo: China Brain Project and the future of Chinese neuroscience // National Science Review. 2017 Vol. 4. N. 2. P. 258-263
539. Wanless A., Pamment J. How Do You Define a Problem Like Influence? // Journal of Information Warfare. Vol. 18. N 3. Special Edition (Winter 2019). P. 1-14.
540. Weaver D., Graber DA, McCombs M., Eyal CH Media Agenda-Setting in a Presidential Election: Issues, Images and Interests. New York, 1981. 227 p.
541. White Paper on Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust. COM(2020) 65. Brussels. 02/19/2020 [Electronic resource]// European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (accessed 12.03.2023).
542. Wikipedia: Requests for arbitration/Scientology. 27 January 2022 [Electronic resource] // Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?oldid=1069369576#Scientology> (accessed 12.02.2023)
543. WIPO Technology Trends 2019 – Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019 [Electronic resource] // The World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (accessed 21.02.2023)
544. Wojcieszak M. "Don't Talk to Me ": Effects of Ideologically Homogeneous Online Groups and Politically Dissimilar Offline Ties on Extremism. New Media & Society 2010. Vol. 12. N. 4. P. 637–655.
545. Workshop on Artificial Intelligence Testing and Experimentation Facilities for Smart Manufacturing [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/workshop-artificial-intelligence-testing-and-experimentation-facilities-smart-manufacturing> (accessed 12.03.2023).

546. Xiamen Declaration of the leaders of the BRICS countries. 09/04/2017 [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc> (accessed 10.03.2023)
547. YouTube has removed more than 9,000 channels related to the situation in Ukraine. 05/22/2022 [Electronic resource] // Rambler. URL: <https://news.rambler.ru/tech/48694121-youtube-udalil-bolee-9000-kanalov-svyazannyh-s-situatsiy-na-ukraine/> (accessed 15.02.2023)
548. Zacharias EM Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. New York: G. P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.
549. Zelinsky S.A. Information and psychological impact on mass consciousness. St. Petersburg : Scythia, 2018. 408 p.
550. Zhanpeisova N.M. Cognitive linguistics in Kazakhstan // Bulletin of KazNU. Philological series. 2015. N 5. P. 30-35.
551. Zhong H., Wang H., Deng Y. et al. Quantum computational advantage using photons // Science. 2020. N 370. P. 1460-1463. DOI: 10.1126/science.abe8770
552. Zinovieva E.S., Bulva V.I. Digital Sovereignty of the European Union // Modern Europe. 2021. N 2. P. 40-49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>